АКАДЕМИЯ НАУК СССР

РУССКОЕ ГОСУДАРСТВО В XVII ВЕКЕ

ИЗДАТЕЛЬСТВО
АКАДЕМИИ НАУК СССР

ИЗДАТЕЛЬСТВО АКАДЕМИИ НАУК СССР
ИНСТИТУТ ИСТОРИИ

РУССКОЕ ГОСУДАРСТВО В XVII ВЕКЕ

НОВЫЕ ЯВЛЕНИЯ В СОЦИАЛЬНО-ЭКОНОМИЧЕСКОЙ, ПОЛИТИЧЕСКОЙ И КУЛЬТУРНОЙ ЖИЗНИ

Сборник статей

ИЗДАТЕЛЬСТВО АКАДЕМИИ НАУК СССР
Москва 1961

ПРЕДИСЛОВИЕ

По определению В. И. Ленина, примерно с XVII в. начинается новый период русской истории, характеризующийся созданием буржуазных связей [1]. Народное хозяйство страны поднимается в этот период на новую, более высокую ступень. Естественно, что уже на начальном этапе генезиса капиталистических отношений в Русском государстве наблюдаются качественные отличия от более раннего времени в области хозяйства, социальных отношений, политической жизни и культуры.

В области сельского хозяйства качественные отличия XVII в. от предшествующего столетия сказывались прежде всего в значительном расширении посевных площадей, хозяйственном освоении новых земель как в центре, так и на окраинах — на южной, юго-восточной и восточной границах государства, в частности в Сибири.

Земледелие стало превращаться в товарную отрасль общественного хозяйства страны. Феодалы — духовные и светские, не ограничиваясь получением натурального и денежного оброка, стали расширять барскую запашку с целью получения товарного хлеба. Этот процесс прослеживается по материалам хозяйства крупных феодалов. Развивается помещичье предпринимательство в области сельского хозяйства. Этот процесс охватывает главным образом наиболее крупные вотчины.

Рост товарного земледелия наблюдается и в крестьянском хозяйстве и во владениях посадских людей. Это следует отметить особенно в северных районах страны, в так называемом Поморье, крае тяглого посада и черносошного крестьянства. Свободный переход тяглых участков от одного владельца к другому — путем продажи, заклада и наследства — обусловил сосредоточение значительного числа земельных участков у деревенской верхушки, а также приобретение крестьянских земель

---

[1] См. В. И. Ленин. Соч., т. 1, изд. 4, стр. 137—138.

посадским населением. Эти участки обрабатывались главным образом половниками, работавшими из половины или иной доли урожая. Во второй половине XVII в. встречаются и наймиты — работные люди, работавшие по найму в области сельского хозяйства,— сельскохозяйственные батраки. Хлеб, добытый трудом половников и наймитов, поступал на рынок. В таможенных книгах поморских городов, особенно Устюга Великого, постоянно встречаются записи о том, что богатые черносошные крестьяне или посадские люди продают хлеб «своих деревень» или «своей половничьей пахоты».

В условиях прогрессировавших товарно-денежных отношений закономерно усиливается связь торгового капитала с производством. В XVII в. интенсивно развивается деятельность скупщиков — крестьян и посадских людей, которые выступают в качестве посредников между непосредственными производителями и рынком.

Таким образом, качественно новым явлением в области развития русского сельского хозяйства в XVII в. можно считать расширение посевных площадей, в первую очередь за счет колонизации окраин; рост товарности сельского хозяйства, что сказывалось в помещичьем предпринимательстве и установлении связей крестьянского земледельческого хозяйства с рынком; резкое увеличение операций торговцев-скупщиков в деревне.

Наиболее ярко генезис капиталистических отношений проявляется в городском промышленном производстве.

В области промышленного развития новым и качественно отличным от предшествующего периода является рост товарного производства. Непосредственный производитель вступает в прямые связи с рынком, производит изделия на продажу. В разных отраслях производства этот процесс протекал с разной степенью интенсивности; ремесло, т. е. работа на заказ, иногда прочно удерживало свои позиции. Но общим и характерным для промышленного развития в целом был процесс превращения ремесла в мелкое товарное производство, а ремесленников — в мелких товаропроизводителей.

Русское промышленное развитие XVII в. не остановилось на уровне мелкого производства. Уже в это время стала проявляться тенденция мелкого товарного производства к укрупнению ремесленных мастерских, к эксплуатации наемного труда. В XVII в. получает достаточно широкое распространение и крупная промышленность в форме мануфактуры. Мануфактуры появились как в добывающей, так и в обрабатывающей промышленности. Металлургия и металлообработка, оборонная промышленность, текстильное производство, солеварение, производство поташа и селитры — вот сфера распространения мануфактур в XVII в.

Во главе крупных предприятий оказываются разбогатевшие ремесленники. С другой стороны, предпринимательская деятельность захватывает и торговых людей. Торговые люди начинают вкладывать средства, накопленные в сфере обмена, в промышленное производство — соляные промыслы, металлургические и кожевенные заводы, поташное производство. Почти все наиболее крупные торговые люди Русского государства XVII в. были в той или иной мере связаны с промышленным производством. Это — новое явление, характерное именно для XVII в.

Характерной особенностью промышленного развития XVII в. является то, что новые явления в области промышленности захватывают и хозяйства феодалов.

Помещичье предпринимательство прослеживается не только в земледелии, но и в промышленности — бояре Б. И. Морозов, Ф. М. Ртищев, князья Черкасские, И. Д. Милославский и др. создавали в своих вотчинах промышленные предприятия, основанные в значительной мере на эксплуатации принудительного труда крепостных крестьян.

Изменения в области производства определили новые черты и в области обмена. Качественно новым здесь является углубление процесса общественного разделения труда, сказавшееся прежде всего в усилении торгового обмена, появлении и укреплении областных рынков, установлении прочных связей между ними, т. е. в закладывании основ всероссийского рынка.

Противоречивый характер социально-экономического развития Русского государства XVII в. был обусловлен тем, что наряду с возникновением новых капиталистических отношений происходил процесс развития феодализма вширь и вглубь.

В области социального развития для XVII в. характерно более четкое по сравнению с предшествующим периодом размежевание классов-сословий. Правящий класс феодалов отграничивает себя от служилых людей по прибору, затрудняет доступ представителей тяглого населения в свою среду. Вместе с тем происходит известное уравнение сословных привилегий внутри правящего класса, «одворянение» класса феодалов.

Весьма существенные изменения претерпевает и посадское население. Для первой половины XVII в. характерна борьба посадских людей за свои сословные привилегии, за то, чтобы всякий, кто живет на посаде и занимается посадским делом, т. е. ремеслами, промыслами и торговлей, входил в состав посадской общины и нес посадское тягло. К середине XVII в. посадские люди добились удовлетворения указанного требования, и в XIX главе Соборного Уложения 1649 г. зафиксирована их победа.

В то же время для XVII в. характерно углубление имущественного неравенства среди посадских людей и перерастание его в социальное расслоение. Разбогатевшие посадские люди начи-

нают эксплуатировать по найму труд посадской бедноты; посадская община раскалывается на небольшую группу посадских богатеев и противостоящую ей значительную массу посадской бедноты. Нередко обедневшие посадские люди не имели собственных дворов и вынуждены были ютиться на чужих дворах. На посадах и в уездах появляются особые социальные категории — соседи, подсоседники, подворники, захребетники, задворные люди и т. п., фиксируемые в таких документах, как переписные книги 1646 и 1678—1679 гг. Социальный смысл этих категорий, появившихся в XVII в., еще недостаточно ясен исследователям, и открывается широкое поле для собирания новых фактов и соответствующего их истолкования. Перерастание имущественного неравенства в классовое расслоение прослеживается не только в русском городе, но и в русской деревне XVII в.

Генеральное противоречие социального развития XVII в. всего ярче сказывается именно на судьбе крестьянства. Экономические сдвиги, наметившиеся в XVII столетии, вынуждали феодалов или повышать денежный оброк в центральных районах страны, или расширять барскую запашку на черноземных окраинах. То и другое имело своим следствием усиление феодальной эксплуатации. Этого можно было достичь путем наступления на остатки крестьянских прав. В течение всего XVII в. класс феодалов упорно и настойчиво, используя всю силу государственной власти, добивался полной и потомственной крепостной зависимости. В конце XVII в. почти все феодально зависимое население слилось в единую крепостную массу.

Параллельно с этим процессом крестьянского закрепощения наблюдается в течение XVII в. другой процесс, особенно заметный во второй половине и усиливающийся к концу столетия. Это процесс углубления имущественного неравенства, порою перерастающего в социальное расслоение. Более отчетливо он прослеживается в черносошной, т. е. государственной деревне, но заметен и в частновладельческих вотчинах и поместьях. Разбогатевшая деревенская верхушка начинает эксплуатировать по найму труд своего же брата крестьянина. Уже в переписных книгах 1646 г. встречаются упоминания о «наймитах», «наемных ярыжках», которые работают в хозяйстве богатых крестьян. Еще больше этих данных в переписных книгах 1678—1679 гг. В черносошной деревне перерастание имущественного неравенства в социальное расслоение облегчалось возможностью свободной купли-продажи земельных участков, что приводило к обезземеливанию деревенской бедноты и к сосредоточению земельных участков у деревенских богатеев. Лишенный земли крестьянин искал средств существования путем продажи своей рабочей силы местному богатею. Иногда он покидал родные края и шел во вновь колонизуемые районы, получал там участок земли

и вновь возвращался к занятиям сельским хозяйством. Но иногда обедневший крестьянин окончательно порывал с сельским хозяйством, шел в промышленный район, чаще всего на соляные промыслы, и превращался в работного человека соляных варниц. Немало крестьян уходило на временную работу на транспорт. Отходничество — явление новое, появившееся в XVII в.

XVII век — век обострения классовой борьбы. Наиболее яркие ее вспышки — это две крестьянских войны, в начале века и в 1670—1671 гг., городские восстания в середине столетия и Соловецкое восстание 1668—1676 гг. Но и в периоды между этими активными выступлениями классовая борьба не прекращалась. Она принимала форму побегов, иногда массовых, главным образом на окраины, разгромов помещичьих усадеб, расправ с владельцами и их приказчиками. Не редки были выступления и против местной администрации.

Одновременно с борьбой народных масс против феодалов и феодального государства для XVII в. характерно обострение социальной розни внутри посадских и крестьянских общин между верхами и трудовыми слоями. В частности, учащаются выступления посадских людей и черносошных крестьян против «горланов» и «ябедников», т. е. против наиболее зажиточной части посада и деревни.

Тем не менее классу феодалов удалось сохранить свое господствующее положение и приспособить государственный аппарат для защиты классовых интересов дворянства в новых условиях. В XVII в. русская государственная власть приобретает черты абсолютизма. Старые феодальные институты, земские соборы — органы сословного представительства, теряют свое значение. Церковь, крупнейший из феодальных институтов, понесла заметный экономический и политический ущерб. Она потерпела решительное поражение в борьбе со светской властью из-за руководящей роли в государстве. В XVII в. происходит бюрократизация Боярской думы, усиливается и бюрократизируется центральный и местный аппарат управления. Реформируется армия. Старое дворянское ополчение постепенно заменяется полками нового строя.

Русское правительство в XVII в. ведет активную экономическую политику, упорядочивает налоговую систему, проводит унификацию таможенных пошлин во внутренней торговле, ведет покровительственную политику в области внешней торговли. Благодаря протекционистскому законодательству русское купечество в борьбе с иностранным торговым капиталом удерживает за собой русский рынок. Большое значение для развития внутреннего рынка имела ликвидация в стране таможенных перегородок в виде всякого рода таможенных пошлин и сборов, неодинаковых для различных категорий торговых людей.

Развитие абсолютизма — новая и характерная черта в эволюции русского государственного строя в XVII в.

В области внешней политики перед русским правительством стояло три основных задачи: 1) воссоединение украинских и белорусских земель в рамках единого Русского государства; 2) получение выхода к Балтийскому морю; 3) оборона южных границ от набега кочевников. Вопрос о воссоединении украинских и белорусских земель был разрешен частично — удалось воссоединить Левобережную Украину, а на Правобережье лишь город Киев с прилегающей к нему округой. Выйти на Балтику не удалось. Борьба с набегами кочевников велась успешно. Путем постройки системы пограничных укреплений (Белгородской, Карсунской, Симбирской, Закамской черт) русское правительство настойчиво и упорно отодвигало границу страны к югу и юго-востоку и обеспечивало безопасность внутренних районов. Постройка Изюмской черты в конце столетия показала, что территория, прилегающая к Белгородской черте, превратилась уже в один из внутренних районов страны. В своем движении на восток в XVII в. русские расширили границы страны до побережья Тихого океана и сделали ценные географические открытия.

В области культуры наиболее характерной чертой в XVII в. является так называемое «обмирщение культуры», придание ей светского характера. Новым для XVII столетия было создание единого русского литературного языка путем синтеза старого книжного языка с живой народной речью.

* * *

Советская историческая наука уделяет немало внимания изучению истории экономической, социальной, политической и культурной жизни Русского государства в XVII в. Итоги этому изучению были подведены в обобщающей работе Института истории Академии наук СССР «Очерки истории СССР. Период феодализма. XVII в.», опубликованной в 1955 г. [2] За время, прошедшее после завершения этой работы, изучение основных проблем истории Русского государства XVII в. продвинулось значительно вперед. Институт истории искусств Академии наук СССР в серии «История русского искусства» выпустил том, посвященный XVII столетию [3]. Появилось несколько монографий, освещающих различные стороны хозяйственной и культурной

---

[2] «Очерки истории СССР. Период феодализма. XVII в.», под редакцией А. А. Новосельского и Н. В. Устюгова. М., 1955.

[3] «История русского искусства», т. IV. «Семнадцатый век и его культура». М., 1959.

жизни страны [4], а также статей, опубликованных как в виде специальных сборников [5], так и на страницах периодической печати и в отдельных изданиях.

Разумеется, далеко не все проблемы истории Русского государства XVII в. изучены. Творческая мысль исследователей продолжает работать в этом направлении, и результаты этих исследований в какой-то мере отражены в предлагаемом вниманию читателей сборнике. Нет никакого сомнения в том, что сборник далеко не полно представляет эти результаты, но он вводит в научный оборот много нового материала, отражающего специфику развития Русского государства XVII в., продвигает вперед изучение ряда проблем.

Советские историки больше всего интересуются вопросами экономической и социальной жизни, и вполне понятно, что этим сюжетам посвящено более половины статей сборника.

Рост товарно-денежных отношений в стране потребовал от феодалов приспособления своего хозяйства к изменившимся социально-экономическим условиям. К сожалению, сохранилось очень мало вотчинных архивов XVII в., и перед историками, стремящимися дать освещение этого вопроса, стоят большие трудности. Достаточно хорошо сохранились материалы дворцового хозяйства и Тайного приказа, управлявшего царским хозяйством, что позволило в свое время А. И. Заозерскому дать обстоятельный очерк хозяйства Алексея Михайловича [6]. Из ар-

---

[4] Е. С. Овчинникова. Портрет в русском искусстве XVII в. М., 1955; В. И. Шунков. Очерки по истории земледелия Сибири (XVII век). М., 1956; А. А. Преображенский. Очерки колонизации Западного Урала в XVII — начале XVIII в. М., 1956; Ф. Г. Сафронов. Крестьянская колонизация бассейнов Лены и Илима в XVII в. Якутск, 1956; Н. В. Устюгов. Солеваренная промышленность Соли Камской в XVII веке. К вопросу о генезисе капиталистических отношений в русской промышленности. М., 1957; П. А. Колесников. Из истории классовой борьбы вологодских крестьян в XVII веке. Вологда, 1957; Н. А. Бакланова. Торгово-промышленная деятельность Калмыковых во второй половине XVII в. К истории формирования русской буржуазии. М., 1959; Л. С. Прокофьева. Вотчинное хозяйство в XVII веке. По материалам Спасо-Прилуцкого монастыря. М.— Л., 1959; М. А. Ильин. Зодчий Яков Бухвостов. М., 1959; Д. И. Тверская. Москва второй половины XVII в.— центр складывающегося всероссийского рынка. М., 1959; П. К. Федоренко. Рудни Левобережной Украины в XVII—XVIII вв. М., 1960; А. Ц. Мерзон, Ю. А. Тихонов. Рынок Устюга Великого в период складывания всероссийского рынка (XVII в.). М., 1960.

[5] «К вопросу о первоначальном накоплении в России (XVII—XVIII вв.)», сб. статей под редакцией Л. Г. Бескровного, Е. И. Заозерской и А. А. Преображенского. М., 1958; «Вопросы формирования русской народности и нации», сб. статей под редакцией Н. М. Дружинина и Л. В. Черепнина, М.— Л., 1958.

[6] А. И. Заозерский. Царь Алексей Михайлович в своем хозяйстве. Пг., 1917; 2 изд.: Царская вотчина в XVII в. Из истории хозяйственной и приказной политики царя Алексея Михайловича. М., 1937.

хивов частных вотчин сохранились материалы по обширному вотчинному хозяйству боярина Б. И. Морозова, ныне опубликованные и частично обработанные [7]. Известны материалы и вотчинного архива стольника А. И. Безобразова, исследованные А. А. Новосельским [8]. Ныне материалы архива А. И. Безобразова готовятся к печати Институтом истории Академии наук СССР.

К. Н. Щепетов, в течение многих лет занимающийся изучением вотчинного хозяйства графов Шереметевых и князей Черкасских, обнаружил достаточно материалов, позволяющих говорить о приспособлении вотчинного хозяйства князей Черкасских в XVII в. к новым хозяйственным условиям, о предпринимательской деятельности этих феодалов. Итоги изучения этой стороны хозяйственной деятельности Черкасских и представлены в статье К. Н. Щепетова, публикуемой в настоящем сборнике.

Важным вопросом экономической истории XVII в. является изучение процесса хозяйственного освоения русским народом его государственной территории, процесса колонизации — крестьянской и правительственной. Этой теме советские историки уделяют большое внимание. Изучению подверглись районы Урала, Сибири, южной окраины. Статьи Т. А. Ряпухиной «Оброчные земли на Вятке в XVII в.» и Е. Н. Ошаниной «К истории заселения Среднего Поволжья в XVII в.» раскрывают процесс колонизации в малоизученных районах страны.

Характерной чертой промышленного развития Русского государства в XVII в. является интенсивный процесс превращения ремесла в мелкое товарное производство. Вопрос об этом уже поставлен в общей форме в советской исторической литературе [9]. Но для того, чтобы эти общие соображения получили максимальную убедительность, необходимо продолжить локальные исследования, посвященные отдельным населенным пунктам и отдельным отраслям производства. Попыткой освещения вопроса на материалах нижегородской промышленности по переработке животного сырья и является статья А. М. Орехова.

---

[7] «Хозяйство крупного феодала-крепостника XVII в.», ч. 1—2. Л., 1933—1936; «Акты хозяйства боярина Морозова», ч. 1—2, под общей редакцией А. И. Яковлева. М.— Л., 1940—1945; И. Е. Забелин. Большой боярин в своем вотчинном хозяйстве.— «Вестник Европы», 1871, № 1—2; Д. И. Петрикеев. Земельные владения боярина Б. И. Морозова.— «Исторические записки», кн. 21, 1947, стр. 51—104; П. Ф. Баканов. Товарное производство в феодальной вотчине XVII века.— «Вопросы истории», 1953, № 5, стр. 94—102.

[8] А. А. Новосельский. Вотчинник и его хозяйство в XVII в. М.— Л., 1929.

[9] Н. В. Устюгов. Ремесло и мелкое товарное производство в Русском государстве XVII в.— «Исторические записки», кн. 34, 1950, стр. 166—197; «Очерки истории СССР. Период феодализма. XVII в.», стр. 57—87.

В статье А. М. Орехова освещается также работа предприятий с применением чужого труда. Этой же теме посвящена статья А. А. Преображенского, показывающая деятельность одной семьи мануфактуристов, вышедших из мастеров.

Мануфактуры, появившиеся в разных отраслях промышленности, создавались и на средства, накопленные в сфере обмена, торговли. В статье В. А. Александрова об енисейских торговых людях Ушаковых, развернувших широкую торговую и промышленную деятельность в Восточной Сибири, показано, что формирование буржуазии наблюдается и в Сибири, причем методы накопления капиталов (откупа, подряды) аналогичны приемам торговых людей европейской части страны. Статьи А. А. Преображенского и В. А. Александрова вносят известный вклад в разработку вопроса о формировании русской буржуазии в XVII в.

Особый интерес в данном отношении представляет статья А. А. Преображенского о предпринимательской деятельности семьи Тумашевых в области металлургического производства. Родоначальник этой семьи «государев плавильщик» Александр Иванов Тумашев находился на казенной службе, получал денежное жалованье и поденный корм. Причем этот поденный корм был не так уж мал. Когда в 1645 г. А. И. Тумашев был послан на обследование медных месторождений в Верхотурском уезде, ему был назначен «корм» по 4 рубля в месяц. По своему социальному положению А. И. Тумашев приравнивался к служилым людям по прибору. Он был фактическим организатором производства на первом русском медеплавильном заводе (Пыскорском) в середине XVII в. Когда Пыскорский казенный завод был закрыт в конце 40-х годов XVII в., А. И. Тумашев с сыновьями более 10 лет занимался выплавкой меди, до тех пор, пока это дело не стало явно убыточным. В 1660 г. Тумашевы «от медного дела отказали, что руд медных в том месте не стало» [10].

Сыновья А. И. Тумашева Дмитрий с братьями создали в конце 60 — начале 70-х годов XVII в. железоделательную мануфактуру на территории Краснопольской слободы Верхотурского уезда.

Дети плавильщика и сами плавильщики выступили организаторами мануфактуры. «Государевы мастера», таким образом, явились вместе с посадскими ремесленниками и торговыми людьми инициаторами создания крупного промышленного производства.

---

[10] ЦГАДА. Грамоты Коллегии Экономии по Соли Камской № 11373/241, л. 2; Прикл. дел. нов. разборки, д. 1000, лл. 150, 152, 155, 159—164, 184, 189, 214, 220; А. И., т. IV, № 7, стр. 32; Н. В. Устюгов. Из истории металлургии Поморья в первой половине XVII в.—«Вопросы истории», 1946, № 2—3, стр. 130—131; «Очерки истории СССР. XVII в», стр. 87—88.

В изучении проблемы складывания всероссийского рынка интересно исследование как крупных рынков областного значения, так и рыночных связей между более мелкими городами, включавшимися в общую систему внутреннего рынка. Этой теме посвящено значительное число работ советских историков. В частности, изучению подверглись западные и северо-западные города Русского государства: Тихвин, Псков, Смоленск [10a]. В настоящем сборнике публикуется статья покойного А. Н. Сперанского о торговле Устюжны Железопольской, значительного торгово-промышленного пункта Северо-Запада. Статья еще более углубляет представление о рыночных связях данного района.

В сборнике помещено несколько статей, характеризующих новые явления в области социальных отношений. Начальный этап в формировании рынка рабочей силы относится к XVII в. Наиболее широкое применение наемный труд нашел в водном транспорте. О судовых работных людях и их труде советскими историками написано немало. Поставлен был вопрос и о профессиональных организациях судовых работных людей. Большинство авторов, признавая временные организации судовых работных людей, отрицало наличие у них постоянной организации. В статье П. А. Колесникова на основании новых неопубликованных источников доказывается существование постоянной профессиональной организации у нижнесухонских носников.

Сдвиги в области экономики отразились и на изменении социального состава населения, о чем уже говорилось. Статья В. Н. Колеченковой посвящена изучению положения соседей по материалам Ярославского посада. Путем скрупулезного анализа источников автору удалось раскрыть эту категорию городских жителей. В этой связи будут представлять несомненный интерес дальнейшие исследования о соседях на материалах других местностей.

Вотчинное хозяйство обслуживалось главным образом трудом феодально зависимого населения — крестьян, бобылей, половников. Углубление имущественного неравенства, переходившего в социальное расслоение на посаде и в деревне, сделало возможным применение в некоторых отраслях феодального хозяйства и наемного труда. Характеристике положения наемных людей и роли наемного труда в хозяйстве Троицкого Гледенского монастыря Устюжского у. посвящена статья Г. Н. Лохтевой.

[10a] К. Н. Сербина. Очерки из социально-экономической истории русского города. Тихвинский посад в XVI—XVIII вв. М.—Л., 1951; К. Г. Митяев. Обороты и торговые связи Смоленска в 70-х годах XVII в.— «Исторические записки», кн. 13, 1942, стр. 54—83; Е. В. Чистякова. Псковский торг в середине XVII в.— «Исторические записки», кн. 34, 1950, стр. 198—235.

В XVII в. происходит изменение и в положении служилых людей по отечеству. Рост товарно-денежных отношений, складывание абсолютизма, организация постоянной армии в виде полков нового строя приводят к распаду прежней организации армии, так называемого «служилого города». Этот распад обозначается прежде всего в Замосковном крае, основном районе испомещения служилых людей по отечеству. Распаду землевладения «служилого города» в великорусском центре посвящена статья А. А. Новосельского. Организация служилых людей южного города и их волнения в середине XVII в. рассматриваются в статье Е. В. Чистяковой.

Изменения в экономической и социальной жизни в XVII в. сопровождались острой классовой борьбой. О наиболее крупных проявлениях классовой борьбы в XVII в. написано немало работ. Перед советскими историками стоит задача составить полную летопись народных движений, что позволит выяснить формы и значение классовой борьбы в период феодализма [11]. В настоящем сборнике публикуются статья П. А. Колесникова, расширяющая представление о тотемских городских движениях в XVII в., и статья Н. В. Устюгова о волнении крестьян ярославской вотчины Симонова монастыря в 1682—1683 гг. в связи с первым стрелецким восстанием. Вопросы внутренней политики гораздо слабее представлены в публикуемом сборнике.

Важным вопросом внутренней политики XVII в. было отношение правительства к церкви, ее имуществу и власти. Правительство XVII в. продолжало политику, наметившуюся еще в XVI в., по ограничению земельных владений и хозяйственных прав церкви, что нашло свое отражение и в Соборном Уложении 1649 г. С другой стороны, в XVII в. во время патриаршества Никона во всей остроте встал вопрос о пределах церковной власти и о взаимоотношениях между властью церковной и светской. Положение церкви в XVII в., ее идеологические позиции и борьба между церковной и светской властью, а также реакционная роль церкви освещены в совместной статье Н. В. Устюгова и покойного Н. С. Чаева.

Существенной стороной внутренней политики русского правительства в XVII в. была его экономическая, в частности, таможенная политика. На середину XVII в. приходятся очень важные мероприятия в этой области — унификация таможенных пошлин, осуществленная по Таможенному уставу 1653 г., и введение покровительственного тарифа по отношению к русской торговле по Новому Торговому уставу 1667 г. Но эти прогрес-

---

[11] См. А. А. Зимин, А. А. Преображенский. Изучение в советской исторической науке классовой борьбы периода феодализма в России (до начала XIX века).— «Вопросы истории», 1957, № 12, стр. 155—160.

сивные мероприятия в области таможенной политики коснулись только основной территории государства. На Сибирь они были распространены лишь к концу XVII в. Характеристике таможенной политики в Сибири посвящена статья А. Н. Копылова.

В статье А. Н. Копылова очень отчетливо показано существо таможенной политики русского правительства в Сибири. Автор дает ответ на вопрос, почему в середине XVII в. правительство считало более выгодным сохранять старые таможенные порядки в Сибири и что его заставило пойти на ликвидацию таможенной специфики Сибири.

В XVII в. наметились важные сдвиги и в области культуры. Это выразилось в более широком распространении грамотности, в появлении светских мотивов в литературе, в стремлении к реализму в живописи.

Вопросам культуры в публикуемом сборнике посвящены статьи Е. С. Овчинниковой «Сюжет книги Эсфири в произведении русской живописи XVII в.», где подчеркивается светская трактовка этого наполовину религиозного сюжета, и З. Е. Калишевич — о художественной мастерской Посольского приказа. Руководимая золотописцами Посольского приказа крупными художниками сначала Г. А. Благушиным, а в конце XVII в. К. И. Золотаревым, эта мастерская выполняла заказы по живописи, книжной иллюстрации, прикладному искусству, изготовлению художественной мебели. Все это свидетельствовало о расширении круга художественных интересов, о росте художественных запросов — новом явлении, присущем именно XVII в.

Таким образом, публикуемый сборник освещает некоторые из основных вопросов экономического, социального, политического и культурного развития Русского государства в XVII в. Авторы и редакция старались подчеркнуть то принципиально новое, что было характерно именно для XVII в.

Разумеется, в сборнике отражены далеко не все вопросы, которые можно объединить понятием «новые явления в XVII в.».

До настоящего времени наиболее спорным вопросом социальной истории XVII в. является вопрос о социальном расслоении в русском городе и деревне.

Составители сборника и редакция считают, что внимательный анализ источников XVII в. позволяет говорить о начальном этапе социального расслоения на посаде и в деревне XVII в., особенно черносошной. Значительные материалы и аргументация по этому вопросу приведены в литературе [12].

---

[12] В. Л. Бушуева. Социально-экономические отношения Чепецкой удмуртской деревни на рубеже XVII—XVIII вв. Автореферат канд. дисс. М., 1950; А. М. Панкратова. Наймиты на Руси в XVII в.— «Академику Б. Д. Грекову ко дню семидесятилетия», сб. статей, М., 1952, стр. 200—215; П. А. Колесников. Из истории классовой борьбы вологодских

Между тем некоторые из советских историков, главным образом специалисты по истории СССР XIX в., не находят возможным видеть элементы социального расслоения в русском городе и особенно в русской деревне XVII в. Наиболее резко эта точка зрения проводится в работах В. К. Яцунского [13].

Полемика по этим вопросам продолжается главным образом в заседаниях Симпозиума по аграрной истории Восточной Европы, а также в научной печати. Большой остроты эта полемика достигла во время обсуждения доклада В. К. Яцунского «Генезис капитализма в сельском хозяйстве России», сделанного на второй сессии Симпозиума в Москве в декабре 1959 г. и доклада Н. В. Устюгова «К вопросу о социальном расслоении русской черносошной деревни в XVII в.», сделанном на третьей сессии Симпозиума в Киеве в сентябре 1960 г.

Специалисты по социально-экономической истории Русского государства XVII в. считают, что эта дискуссия имеет большое научное значение, что необходимо внести ясность в этот важнейший вопрос социальной истории XVII в., и продолжают искать пути взаимного понимания и сближения спорных точек зрения. Для этого нужно и накопление новых фактов, и достижение большей четкости в теоретической постановке вопроса.

Сообщением новых материалов и новых соображений по вопросу о социальном расслоении участники издаваемого сборника в какой-то мере помогают выяснению этого спорного вопроса.

Не получил в издаваемом сборнике должного освещения вопрос о развитии абсолютизма, частично затронутый лишь в статье, посвященной русской церкви. Дело в том, что советские истори-

---

крестьян в XVII в.; его же. Социально-экономические отношения на Тотемском посаде в XVII в.— «История СССР», 1958, № 2, стр. 131—143; А. А. Преображенский. Очерки колонизации Западного Урала в XVII — начале XVIII в.; его же. О наемном труде в крестьянском хозяйстве на Урале в конце XVII — начале XVIII в.— «К вопросу о первоначальном накоплении в России», сб. статей, стр. 38—52; Н. В. Устюгов. Солеваренная промышленность Соли Камской в XVII веке; Л. В. Данилова. Мелкая промышленность и промыслы в русском городе во второй половине XVII — начале XVIII в. (по материалам г. Ярославля).— «История СССР», 1957, № 3, стр. 87—111; А. Ц. Мерзон, Ю. А. Тихонов. Рынок Устюга Великого в период складывания всероссийского рынка (XVII в.).

[13] В. К. Яцунский. Рецензия на книгу Н. В. Устюгова «Солеваренная промышленность Соли Камской в XVII в.».—«История СССР», 1958, № 1, стр. 193—196; его же. Основные этапы генезиса капитализма в России.— «История СССР», 1958, № 5, стр. 59—91; его же. Вступительная статья в «Ежегоднике по аграрной истории Восточной Европы. 1958». Таллин, 1959, стр. 5—15; его же. Приемы научного исследования в работах В. И. Ленина по социально-экономической истории.— «История СССР», 1960, № 2, стр. 196; его же. Генезис капитализма в сельском хозяйстве России.— «Ежегодник по аграрной истории Восточной Европы. 1959 г.». М., 1961, стр. 30—51.

ки за последнее время занимались преимущественно социально-экономической историей и явно недостаточно уделяли внимание надстроечным явлениям, в частности истории государства.

Неполно представлены в сборнике вопросы культуры, в частности, совершенно не рассматривается тема о формировании русского национального языка в XVII в. Усиление работы в этих направлениях, безусловно, необходимо.

* * *

Редакция сборника проведена Ю. А. Тихоновым, П. Т. Яковлевой и автором настоящего предисловия. На начальном этапе принимал участие в редакционной работе Б. Б. Кафенгауз. Техническая подготовка к печати выполнена В. Г. Шерстобитовой. Указатели составлены А. П. Тюриной.

Н. В. Устюгов.

К. Н. Щепетов

ПОМЕЩИЧЬЕ ПРЕДПРИНИМАТЕЛЬСТВО В XVII В.

(По материалам хозяйства князей Черкасских)

XVII век в области политической был временем окончательного оформления самодержавно-монархической власти, классовой опорой которой являлось дворянство, оттеснявшее старую родовитую знать. Однако знать играла еще важную роль в политической жизни страны. В. И. Ленин определяет русскую монархию XVII в. как самодержавие «с боярской Думой и боярской аристократией...» [1]. К боярской аристократии нужно отнести и князей Черкасских: Ивана Борисовича Черкасского, отец которого, Борис Камбулатович, был женат на Марфе Никитичне Романовой, тетке царя Михаила Федоровича, Дмитрия Мамстрюковича, Якова Куденетовича и Михаила Яковлевича Черкасских. Занимая видное положение при дворе московских государей, а также в правительственном аппарате, князья Черкасские сумели сосредоточить у себя большие земельные владения с огромным количеством крестьянских дворов.

По материалам списка владений, принадлежавших 38 боярам, окольничим, стольникам и другим чинам, И. Б. Черкасский владел в 1613 г. 6241 четвертью земли [2]. В дальнейшем его земельные владения увеличились. В 1617 г. он получил из дворцовых сел Нижегородского уезда село Ворсму сначала в поместье, а в 1619 г. в вотчину [3].

В 1621 г. князю И. Б. Черкасскому было пожаловано в вотчину дворцовое село Павлов Острог с древнями и со всеми угодьями [4]. В 1623/24 г. за ним значилось в Московском уезде село Останкино, пожалованное ему в качестве подмосковной вот-

---

[1] В. И. Ленин. Соч., т. 15, стр. 308.

[2] А. П. Барсуков. Докладная выписка 121 (1613) г. о вотчинах и поместьях.— «Чтения ОИДР», 1895, кн. 1, отд. I, стр. 4.

[3] Древлехранилище, отд. 1, Рубрика 4, д. 31, лл. 1—8.

[4] Ф. Шереметевых, оп. 10, д. 21.

чины. В это же время он получил и пустошь Копытовку — небольшую вотчину, граничившую с землями Марьиной слободы Останкинской вотчины [5].

По данным суздальских писцовых книг 20-х годов XVII в., во владении И. Б. Черкасского находилось также дворцовое село Лежнево с деревнями и пустошами, пожалованное ему «за всякие его службы и за радение» [6].

И. Б. Черкасский производил небольшие операции по покупке земель. Пользуясь указом от 7 февраля 1628 г., разрешавшим продажу боярам в вотчину порожних земель, он в 1635 г. купил в Московском уезде 5 пустошей [7]. Затем в 1636 г. совместно со своим двоюродным братом князем Я. К. Черкасским купил дворцовое село Семьинское в Юрьевском уезде, заплатив за 728 четвертей 728 руб. с полтиною [8].

По данным писцовых книг 20-х годов XVII в., вотчинные владения И. Б. Черкасского состояли из 5 сел, 90 деревень, 46 пустошей. Кроме вотчин, у И. Б. Черкасского были поместные владения. Вотчины И. Б. Черкасского были расположены в Нижегородском, Московском, Суздальском и Юрьев-Польском уездах, поместья — в Рязанском, Арзамасском, Московском и Ярославском уездах.

Всего за И. Б. Черкасским, по писцовым книгам 20-х годов XVII в., было как в вотчинном, так и в поместном владении 11707,25 четверти разных угодий в одном поле, что в трех полях составляет 17560,8 десятины, 20176 копен сена, что по официальному счету (10 копен на десятину) составляет 2017,6 десятины сенных покосов, и 134,5 десятины лесу. Следовательно, кн. И. Б. Черкасский владел в 20-х годах XVII в. 19712,9 десятины различных сельскохозяйственных угодий.

На территории этих вотчин и поместий в те же годы было 1108 крестьянских дворов, 817 бобыльских дворов и 156 пустых дворовых мест, всего жилых дворов — 1925. Населения насчитывалось 1551 душа крестьян и 1031 душа бобылей, всего 2582 души м. п. Писцовые книги учитывали не все мужское население, а только лиц, ответственных за отбывание повинностей. Поэтому для определения общего количества населения во владениях И. Б. Черкасского эту цифру нужно увеличить примерно втрое, что составит 7746 душ мужского пола или 15492 души обоего пола. После смерти И. Б. Черкасского в 1642 г. все его земли перешли по наследству к его двоюродному брату Я. К. Черкас-

---

[5] Писц. и переп. кн., № 9806, л. 665.

[6] ГИМ, Отдел письменных источников (ОПИ), собр. Уварова (жалованная грамота на село Карачарово); Писц. и переп. кн., № 11317, лл. 951—1013.

[7] Отказ кн. , № 9833/4, л. 27; Ф. Шереметевых, оп. 9, д. 58.

[8] Ф. Шереметевых, оп. 5, д. 13.

скому. Кроме того, Я. К. Черкасский в 1651 г. унаследовал от другого своего родственника, Д. М. Черкасского, шесть вотчин: Никольскую — на реке Хинке в Московском уезде, Новлянскую — в Клинском, Васильевскую — в Суздальском, Федоровскую — в Каширском и две вотчины в Дмитровском уезде — Семеновскую и Гуленевскую [9].

Князь Я. К. Черкасский, обладая значительными денежными средствами, развил большие операции по покупке земель. Он купил 21 вотчину с общим количеством земли, по неполным данным, 9935 десятин, заплатив за эти земли 3994 руб. [10]

Я. К. Черкасский прибегал к обмену своих земель на вотчины других владельцев, стараясь получить бо́льшее количество земли. Например, он обменял в Кашинском уезде пустошь Мануильцево (83 четверти в одном поле) на село Смирново с деревнями и пустошами в Арзамасском уезде (293 четверти). При этом обмене вотчинник села Смирнова Григорий Никитин Мотовилов обязался всех крестьян села Смирнова и деревень «свести в другое его село, Филатовское, и дворы тем крестьянам поставить крестьянам князя Я. К. Черкасского против тех дворов, которые тех крестьян останутся» [11]. Получив земельный участок, превышающий площадь отданной земли в три с половиной раза, Я. К. Черкасский, разумеется, мог пойти на дополнительный расход, заставив своих крестьян построить дворы переселенным крестьянам Мотовилова.

Меньшее количество земли Я. К. Черкасский получил при обмене по царскому указу. В 1647 г. село Лежнево (2135 четвертей в одном поле) было обменено на село Карачарово (558 четвертей). Мотивировалось это тем, что село Лежнево, пожалованное в свое время И. Б. Черкасскому из дворцовых земель, было снова взято в дворцовое ведомство и было пущено в поместную раздачу [12].

Пользуясь тем обстоятельством, что во второй половине XVII в. снова была разрешена ограниченная в 1629 г. продажа поместий в вотчину [13], Я. К. Черкасский выкупил доставшиеся от И. Б. Черкасского четыре поместья (села Осташково, Шестихино, Пруды и деревню Захарково) в вотчину [14]. Правда, село

---

[9] Вотчин. записки кн. Черкасских, № 18776, лл. 97—99; № 18785; А. П. Барсуков. Род Шереметевых, кн. VII. СПб., 1899, стр. 12—17.

[10] Вотчин. записки кн. Черкасских, № 187782, л. 95; № 18777, лл. 18—38, 65—68, 96—99; № 18774, лл. 78—83; № 18777, л. 115; № 18785; № 18777, лл. 126—129, 167; №18789, л. 26; № 18787; № 18774, л. 24; № 18774, л. 250.

[11] Вотчин. записки кн. Черкасских, № 18774, л. 152; № 18785.

[12] ГИМ, ОПИ, собр. Уварова. (Жалованная грамота на село Карачарово).

[13] Ю. В. Готье. Очерк истории землевладения в России. Сергиев Посад, 1915, стр. 65.

[14] Ф. Шереметевых, оп. 3, д. 12, лл. 8—11.

Пруды частично осталось в поместном владении (407 четвертей земли). Из своих поместных владений Я. К. Черкасский выкупил в Вяземском уезде село Бутурлино с деревнями [15], в Московском уезде пустоши Куровскую Большую и Куровскую Малую.

В поместном владении у него оставались земли в Нижегородском, Арзамасском и других уездах, в том числе большое село Богородское с деревнями. Это село было вотчиной Козьмы Захаровича Минина и после его смерти в 1632 г. пожаловано Я. К. Черкасскому [16].

Я. К. Черкасский, пользуясь большим влиянием, получил из порожних земель, из пустошей в разных уездах с 1649 г. по 1666 г. 23 поместных владения с количеством земли 3926 четвертей в одном поле [17], из которых 3433 четверти находилось в черноземных уездах: Епифанском, Веневском, Рязанском.

Наиболее полное представление о количестве земельных владений, вотчин и поместий, Я. К. Черкасского дают отказные книги 1667/68 г., когда сын его Михаил Яковлевич вводился во владение отцовским наследством [18].

Вотчины и поместья кн. Я. К. Черкасского были расположены в уездах Московском, Переяславль-Залесском, Дмитровском, Коломенском, Арзамасском, Юрьев-Польском, Муромском, Козельском, Нижегородском, Суздальском, Луховском, Вяземском, Ярославском, Рязанском, Епифанском, Веневском, Клинском и Кашинском. Всего в этих 18 уездах находилось 33 села, 6 селец, 2 слободы, 23 приселка, 356 деревень, 12 починков, 202 пустоши и 7 полупустошей.

Я. К. Черкасский имел к концу своей жизни в вотчинном и поместном владении в этих уездах 26640,5 четверти в одном поле, что в трех полях составляет 39960,75 десятины, 25862,5 копны сена или 2586,25 десятины сенных покосов и 1303,25 десятины «пашенного» и «непашенного» леса. Всего, следовательно, ему принадлежало 43850,25 десятины различных сельскохозяйственных угодий. В этот подсчет не входит поверстный лес, которого у Я. К. Черкасского было 30,5 версты в длину и 6,25 версты в ширину.

В вотчинах и поместьях Я. К. Черкасского насчитывалось 7819 крестьянских дворов, в которых жило 24946 душ крестьян м. п., душ обоего пола, таким образом, было около 50 тыс.

Сын Я. К. Черкасского М. Я. Черкасский, унаследовавший вотчины и поместья своего отца, продолжал увеличивать земельные владения.

---

[15] Вотчин. записки кн. Черкасских, № 18785.

[16] Писц. и переп. кн., № 292, лл. 365—366.

[17] Вотчин. записки кн. Черкасских, № 18777, лл. 2, 15, 134—135, 191, 204; № 18785; №18789, л. 22; № 18781, лл. 20, 30, 48, 58, 54, 55, 86, 88, 91, 131, 140.

[18] Отказ. кн., № 6035.

Прежде всего нужно отметить, что М. Я. Черкасский, женившись в 1677 г. на княжне Марфе Яковлевне Одоевской, тогда же получил в качестве приданого в Московском уезде село Троицкое, сельцо Новосельцево с 7 пустошами, в Нижегородском уезде село Кадницы с деревнями (всего 599 четвертей в одном поле) [19]. Затем в 1689 г. его тесть князь Яков Никитич Одоевский «поступился» ему в Костромском уезде селом Борисоглебским с деревнями и пустошами (1228 четвертей в одном поле) [20]. После смерти Я. Н. Одоевского в 1689 г. к М. Я. Черкасскому перешли в Московском уезде село Марково с деревнями (891 четверть в одном поле) [21] и село Вешняково с деревнями (2849 четвертей в одном поле) [22]. В 1700 г. жена Я. Н. Одоевского передала М. Я. Черкасскому в Рузском уезде село Рождественно-Колюбякино с двумя деревнями и 15 пустошами (388 четвертей в одном поле) [23].

Помимо отмеченных земельных владений, М. Я. Черкасскому удалось посредством пожалований получить из порожних земель в поместное владение в 1689—1690, 1692, 1694—1696 гг. в Кашинском, Переяславль-Залесском, Юрьевском, Тверском, Клинском, Суздальском и Вяземском уездах 78 пустошей (648 четвертей в одном поле) [24]. Основанием для получения этих земель М. Я. Черкасский в своих челобитных выставлял то обстоятельство, что земли были порожние и «смежны с его владениями».

М. Я. Черкасский так же, как и отец его, производил значительные операции по покупке земель. Им было куплено в 1666—1698 гг. в Клинском, Рязанском, Переяславль-Залесском, Арзамасском, Каширском, Рузском, Нижегородском, Юрьев-Польском уездах 16 пустошей, одно село и деревня (396 четвертей в одном поле) [25].

Если М. Я. Черкасскому не удавалось прямо купить землю, он прибегал к замаскированной покупке. При обмене он получал значительно больше земли, а разницу оплачивал деньгами. Нет ни одной операции, в которой М. Я. Черкасский не платил бы «за перехожие четверти». Фактически это был не обмен, а покупка. В обменных актах указывалось, что владения менялись «пусто на пусто». Всего было получено при обмене в

---

[19] Вотчин. записки кн. Черкасских, № 18789, лл. 90, 92, 101—122, 125—127.

[20] Ф. Шереметевых, оп. 7, д. 8, л. 10.

[21] Там же, оп. 3, д. 64, лл. 2—3.

[22] Там же, л. 2.

[23] Там же, д. 63, л. 3.

[24] Вотчин. записки кн. Черкасских, № 18774, лл. 21, 34, 50; № 18786, лл. 1, 2, 4, 31, 38, 39, 110, 125, 145, 146, 342, 351, 461.

[25] Там же, № 18777, л. 263; № 18785; № 18788; № 18782, лл. 284, 357, 359; № 18786, лл. 34, 60—61.

1675—1696 гг. в Арзамасском, Рязанском, Муромском, Вяземском, Кашинском, Суздальском, Нижегородском, Карсунском, Епифанском, Коломенском, Владимирском, Юрьевском, Переяславском уездах в 47 пустошах, 7 сельцах и селах, 6 деревнях, 2 займищах 1792 четверти в одном поле, а отдано 179 четвертей. Следовательно, было приобретено 1613 четвертей в одном поле [26].

Всей земли за князем М. Я. Черкасским, как полученной в наследство от отца, так и поступившей к нему от Одоевских и приобретенной путем покупки, обмена, пожалований пустошей, захвата, было 75141 десятина. В вотчинах и поместьях М. Я. Черкасского, по данным переписных книг 1678 г., числилось 8646 крестьянских и бобыльских дворов. Из этого числа в 8258 дворах насчитывалось 26888 душ м. п. В селе Арати Арзамасского уезда (188 дворов), деревне Б. Поляны Рязанского уезда (60 дворов), в селе Лебяжьи Усады с деревнями Епифанского уезда (129 дворов) и деревне Клоково Тверского уезда (11 дворов) — всего в 388 дворах неизвестно количество населения. Можно полагать, по сравнению с другими селами, что в этих 388 дворах жило около 1200 душ м. п. (в среднем 3,2 души на двор). Таким образом, общее количество населения вотчин и поместий М. Я. Черкасского составит 28088 душ м. п., или около 56176 душ обоего пола. При этом более половины дворов и их населения приходится на земельные владения в Нижегородском и Суздальском уездах (5034 двора, или 58,2%, и 16665 душ м. п., или 59,3%), где были расположены основные промышленные вотчины кн. Черкасских — села Павлово, Ворсма, Богородское, Иваново, Васильевское.

В отношении 24983 душ м. п. в переписных книгах дано деление на крестьян и бобылей — 16861 душа м. п. крестьян и 8122 души бобылей. Нелишне будет отметить, что наибольшее количество бобылей, т. е. «непашенных» людей, приходится на те же нижегородские и суздальские владения: из 8122 душ бобылей 5529 душ, или 68%, приходится именно на эти вотчины. Кроме того, в переписных книгах по селу Иванову указано, что из общего количества 305 крестьянских дворов и 898 крестьянских душ 281 двор и 810 душ являются «непашенными» крестьянами, т. е. не занимающимися сельским хозяйством. Следовательно, по роду занятий их тоже можно причислить к бобылям, и тогда процент бобыльства в этих вотчинах поднимется до 70,9, т. е. почти до 71% (5529 + 810 = 6339 — по отношению к 8122+810 = 8932).

---

[26] Вотчин. записки кн. Черкасских, № 18786, лл. 32, 33, 44, 76, 216, 382, 390, 400, 402, 421, 550, 552, 560, 567, 570, 619; № 18785; № 18788; № 18782; № 18774, лл. 4, 9, 13, 20, 65.

Крупное хозяйство князей Черкасских не могло служить только потребительским целям. Анализ хозяйственной деятельности Черкасских на основании сохранившихся источников показывает, что это крупное хозяйство было предпринимательским.

* * *

Владения князей Черкасских не представляли собой единого хозяйственного комплекса, ибо на облике каждого из них сказывались экономические особенности той местности, где они располагались. В связи с этим и формы эксплуатации крестьян были различными.

Собственное барское хозяйство велось главным образом в подмосковных владениях, а также в вотчинах и поместьях, расположенных в южных и отчасти поволжских уездах, где была более плодородная почва. Барщинное хозяйство в подмосковных вотчинах имело главной целью снабжение продуктами московского двора Черкасских.

На протяжении всего XVII в. селю Останкино оставалось основной подмосковной вотчиной Черкасских, куда князья приезжали из своего московского двора отдыхать и охотиться.

Здесь было 34 двора дворовых людей с населением в 69 человек м. п. Дворовые люди обслуживали различные нужды барского хозяйства и охоты. В вотчине числилось 5 дворов скотников (9 человек), 7 дворов поваров (15 человек), 4 двора хлебников (7 человек), 2 двора садовников (4 человека), 1 двор ключника (4 человека), 9 дворов псарей (17 человек), 1 двор сокольников (4 человека) и 5 дворов «прочих» (10 человек), очевидно, домашней прислуги[27].

В подмосковных вотчинах и поместьях — Никольском на р. Хинке, Никольском на р. Клязьме, Осташкове и других — барская запашка в начале XVII в. была невелика — засевалось от 10 до 20 четвертей в одном поле. Несколько больше обрабатывалось земли в селе Останкине, где ежегодно обрабатывалось по 40 четвертей.

Во второй половине века барская запашка в этих вотчинах и поместьях несколько увеличилась. По отказным книгам 1667/68 г., она числилась во всех этих подмосковных владениях и кроме того в сельце Ивани Коломенского уезда.

В Осташкове развивалось полеводство, строились скотные, конюшенные дворы. В селе Никольском на р. Клязьме обрабатывалось пашни до 102 четвертей в одном поле, в самой усадьбе находился двор житный с 6 житницами и сушило. В селе Ивани находились 3 житницы, что, конечно, было связано с разви-

---

[27] Отказ. кн., № 6035, лл. 58—61.

тием полеводства. Здесь же накашивалось много сена (до 800 копен) для конного завода, находившегося в этом селе [28].

Более крупное барщинное хозяйство велось в южных и отчасти поволжских вотчинах. По данным писцовых книг начала XVII в., в селе Серебряные Пруды Рязанского уезда «пашни вотчинниковой было 100 четвертей в одном поле, а в дву по тому ж» [29].

В 1671 г. в пустошь Лебяжий Усад Епифанского уезда были привезены крестьяне из ярославской вотчины, а также беглые из понизовых городов — всего 70 семей. Эти переселенцы посеяли на «князя Михаила Яковлевича Черкасского ржаной и яровой хлеб» [30].

Была барская запашка и в Переяславль-Залесском и Юрьевском уездах. В селе Опарине Переяславль-Залесского уезда кабальные люди обрабатывали по 20 четвертей в одном поле. Здесь же был сад площадью в четверть десятины [31].

В селе Парше Юрьевского уезда была пашня и скотный двор. Работы выполнялись деловыми людьми, которых числилось 15 человек. Другое село того же уезда, Семьинское, было в начале XVII в. «непашенным», т. е. не имевшим господской запашки. В 40-х годах здесь появилась барская пашня. По отказной грамоте 1646 г., здесь распахивалось 10 десятин «доброй» земли.

Была барская пашня, обрабатываемая крестьянами, и в Абрамовской вотчине Арзамасского уезда. Временно барская запашка имела место и в других вотчинах.

Но основной доход со своих многочисленных крестьян князья Черкасские получали в форме денежного оброка, дополняемого иногда оброком натуральным. Наличие вотчин, где население занималось не столько земледелием, сколько промыслами и торговлей, создавало для этого вполне благоприятные условия. Оброк платило население как промышленных, так и земледельческих вотчин.

По данным отказных книг 1667/68 г., в среднем на один крестьянский двор приходилось 2,9 четверти пахотной земли в одном поле. Но эти цифры нужно уменьшить, так как по некоторым вотчинам показано в отказных книгах общее количество земли как пахотной, так и необрабатываемой («лесом поросло»).

Фактически помещичья земля, находившаяся в пользовании крестьян, распределялась между ними согласно взятому тяглу, исчислявшемуся вытями. Например, в Карачаровской вотчине большое число крестьянских дворов было на осмаке и на полови-

[28] Отказ. кн., № 6035, лл. 24, 38, 61, 64, 109.
[29] Писц. и переп. кн., № 263, лл. 12, 14—16.
[30] Вотчин. записки кн. Черкасских, № 18788.
[31] Отказ. кн., № 6035, лл. 91—95.

не осмака (осмак — $^1/_8$ часть выти). В селе Карачарове на осмаке было 74 крестьянских двора (42%), на $^1/_2$ осмака — 51 двор (29%), в селе Панфилове на осмаке — 54 двора (41%), на $^1/_2$ осмака — 48 дворов (27%) [32]. Размер надела зависел и от хозяйственного облика района. В 1677 г. в селе Павлове из 340 крестьянских дворов 102 двора платили с четверти осмака, 118 дворов — с половины четверти осмака [33].

В 1642 г. пашенные крестьяне села Павлова платили с $26^1/_2$ вытей 265 руб. (10 руб. с выти), непашенные крестьяне и бобыли с 237 дворов — 200 руб. в год, крестьяне Павловской вотчины с 36 вытей — 360 руб. (если считать по 10 руб. с выти). Всего Павловская вотчина давала князю в год 825 руб. [34]

В 1677 г. крестьяне села Павлова с «18 вытей с четью и с $^1/_2$ четверткой» платили 412 руб. 28 алт. 1 д. (по 22 руб. с выти), непашенные крестьяне и бобыли с 285 дворов — 280 руб. 25 алт. 4 д., крестьяне 16 деревень с 35 вытей — 770 руб. (по 44 руб. с выти), всего — 1462 руб. 25 алт. 4 д.[35]

Таким образом, в Павловской вотчине за 25 лет оброк вырос с 10 до 22 руб. с выти, с непашенных крестьян за двор с 84 коп. до одного рубля. В целом доходы с вотчины увеличились на 77%.

Наряду с денежным оброком крестьяне обязаны были доставлять натуральный оброк (столовые запасы). Крестьяне пашенной слободы села Павлова в 1642 г. с той же выти давали по 10 полтей мяса свиного (полоть — 30 гривенок, или фунтов), по 10 гривенок масла коровьего, по 10 гривенок сыров кислых и отвозили все эти запасы в Москву на своих подводах [36].

Не все крестьяне имели земельные наделы, с которых несли повинности. Были крестьяне непашенные. Они так же, как и пашенные, находились в зависимости от своего феодала, платили денежный оброк, занимались каким-либо промыслом или торговлей. В 1642 г. в селе Павлове их было в старой непашенной слободе 237 дворов (542 человека) и в новой непашенной слободе на нижнем посаде 47 дворов (105 человек). Отчетливо определяется характер ренты этой категории крестьян в сказке старосты непашенной слободы Ефтифея Афанасьева и выборных людей: «Платили де они с непашенные слободы вотчиннику боярину князю Ивану Борисовичу [Черкасскому] за всякое изделие, за пашню и за жнитво, и за молодьбу, и за сенокос, и за столовой запас, за свиное мясо, и за ососы [поросят], и за

[32] ГИМ, ОПИ, собр. Уварова № 41/196.

[33] Там же, ф. Барсова № 450, д. 95, лл. 8—63.

[34] О. В. Ротштейн и Н. И. Шилова. Павлово в XVII веке. М., 1930, стр. 38, 48.

[35] ГИМ, ОПИ, ф. Барсова, № 450, д. 95, лл. 63, 100, 137.

[36] Там же, собр. Уварова, д. 18, л. 5.

бараны, и за сыр, и за масло, и за приказчиков доход оброку по двесте рублев на год»[37].

В 1677 г. в селе Павлове было 285 дворов непашенных крестьян (893 человека); размер их оброка 280 руб. 25 алт. 4 д.[38]

Значительную группу зависимого населения в вотчинах князей Черкасских составляли бобыли. Бобыли в отличие от крестьян не несли тягла. Они платили оброк.

В 1677 г. в селе Павлове 35 бобыльских дворов сначала платили 8 руб. 25 алт. 3 д., а затем 9 руб. 2 алт.[39] Оброк раскладывался в зависимости от их состояния—от 3 алт. до 1 руб.с двора[40].

На денежном оброке были и другие вотчины князей Черкасских в Нижегородском уезде — села Ворсма, Богородское, Панино. Нижегородские вотчины князей Черкасских, особенно села Павлово, Ворсма и Богородское, являлись крупными промышленными и торговыми центрами. В каждом из них были развиты металлообрабатывающее и кожевенное производства. Павловские металлисты пользовались широкой известностью в XVII в., и не случайно, что именно павловские мастера неоднократно вызывались на работу в Оружейную палату, а в начале XVIII в. 33 оружейных мастера были взяты на Олонецкие заводы[41].

Село Ворсма Нижегородского уезда в XVII в. являлось значительным торговым центром. Отказная книга 1667 г. отмечает в нем торг, таможенную избу, 6 харчевен и одну квасную избу[42]. Не менее значительным торговым центром было село Богородское, в котором в 20-х годах было 5 лавок и 15 торговых полков[43], в 1667 г.— 42 лавки, 27 полков, здесь же таможенная изба[44].

Промышленная деятельность крестьян Суздальских вотчин князей Черкасских, другого крупного комплекса их земельных владений, развивалась в несколько ином направлении по сравнению с Нижегородскими вотчинами. Здесь главным промышленным занятием крестьян было текстильное производство — выработка холста, его окраска и продажа. Крестьяне Ивановской вотчины бойко торговали холстами и крашенинами своей

---

[37] О. В. Ротштейн и Н. И. Шилова. Указ. соч., стр. 46.

[38] ГИМ, ОПИ, ф. Барсова, № 450, д. 95, л. 100.

[39] Там же, л. 10.

[40] Там же, лл. 105—110.

[41] Более подробно о промышленной деятельности крестьян Нижегородских вотчин князей Черкасских см. К. Н. Щепетов. Торгово-промышленная деятельность и расслоение крестьянства в вотчинах Черкасских в XVII в.— «К вопросу о первоначальном накоплении в России (XVII—XVIII вв.)», сб. статей, М., 1958, стр. 56—64.

[42] Отказ. кн., № 6034, лл. 682—683.

[43] Писц. и переп. кн., № 292, л. 362.

[44] Отказ. кн., № 6035, л. 818.

выработки [45]. Село Иваново было крупным торговым центром. За 35 лет, с 1632 по 1667 г., население его увеличилось с 43 дворов до 96 дворов. Если в 1632 г. тяготело к нему 62 деревни, то в 1667 г. уже 96.

В 1667 г. в селе Иванове стояли 23 лавки, 17 шалашей, 36 полков, 7 торговых амбаров и таможенная изба [46]. Крестьяне села Иванова ездили с товарами по ярмаркам, торговали в близлежащих городах. На почве торговой конкуренции шла борьба между селом Ивановом и посадскими людьми города Шуи [47]. Ивановские крестьяне торговали своими изделиями не только в своем родном селе. Нередко их можно было встретить и в окрестных селах, и в Москве. В 1691 г. крестьянин села Иванова Трифон Григорьев жаловался, что в селе Холуе его ограбили, «сняли с него 12 рублей, вырученных им за холщевой промысел» [48]. В книге записной мелочных товаров 1694 г. Москвы имеется запись: «Явил Суздальского уезду села Иванова крестьянин Григорей Макеев 4 холста трубочных ивановских» [49]. Наряду с холщовым промыслом в Иванове развивался и крашенинный (окраска холстов) [50].

Развитие торговли и промыслов в XVII в. в селе Иванове приводило к тому, что пашенных крестьян становилось все меньше. В 1632 г. хлебопашеством занималась $^1/_5$ часть населения [51], в 1667 г.— $^1/_8$ [52].

Аналогичным было развитие промышленной деятельности крестьян села Васильевского того же Суздальского уезда. В 1668 г. здесь было 59 дворов непашенных крестьян из общего количества 85 дворов, к 1678 г. число дворов непашенных крестьян поднялось до 64, с населением в 156 душ м. п. [53]

Денежный оброк поступал и с вотчин, где основным занятием крестьян было сельское хозяйство, в частности с Карачаровской вотчины Муромского уезда.

В 1663 г. приказчик Карачаровской вотчины принял у старосты Дмитрия Семенова «оброчных денег и всяких мелких доходов нонешнего 171 года первые и последние половины сереб-

---

[45] К. Н. Щепетов. Указ. соч., стр. 55—56.
[46] Отказ. кн., № 6035, л. 717.
[47] И. Власов. Село Иваново до 1700 года.— «Иваново-Вознесенский губернский ежегодник», Иваново-Вознесенск, 1921, стр. 273.
[48] Там же, стр. 274.
[49] С. И. Сакович. Из истории торговли и промышленности России конца XVII века. М., 1956, стр. 96.
[50] И. В. Мешалин. Текстильная промышленность крестьян Московской губернии в XVIII и первой половине XIX века. М.—Л., 1950, стр. 32.
[51] И. Власов. Указ. соч., стр. 265.
[52] Отказ. кн., № 6035, лл. 717—732.
[53] Там же, лл. 520—524; Писц. и переп. кн., № 11325, лл. 896—935.

ряных денег 792 рубля 23 алт. 4 д.» [54]. В 1688 г. крестьяне села Карачарова с 29 вытей заплатили по 20 руб., крестьяне села Панфилова с 13 вытей с осминой — по 20 руб., всего — 610 руб. [55] Таким образом, с 1662 по 1688 г. денежный оброк не увеличивался, как это наблюдалось в Павловской вотчине Нижегородского уезда. Возможно, это объясняется тем, что Павлово было крупным торговым центром с развитым кузнечным производством, а Карачаровская вотчина в основном была земледельческой.

Крестьяне Карачаровской вотчины платили и натуральный оброк. В 1664 г. свинины брали по полти с выти. В грамоте приказчику Карачаровской вотчины говорилось: «Да с крестьян же взять в запас против прошлого 171 года три сукна сермяжных добрых да епанчей с ожерельями» [56].

Развивающиеся крестьянские промыслы не оставались без обложения. Из той же Карачаровской вотчины, где было развито производство телег, крестьяне должны были поставлять телеги [57].

Трудно определить размер оброка со всех владений князей Черкасских. По данным отказных книг 1667/68 г., учитывалась не только пашенная земля, но и поросшая лесом, что затрудняет определение количества вытей, с которых крестьяне платили денежный оброк. Денежный оброк со двора у боярина Б. И. Морозова колебался от 1 руб. до 1 руб. 25 коп. Если считать, что князья Черкасские получали с крестьянского двора в среднем по 1 руб. 25 коп., то денежный оброк определится в сумме 7555 руб. ежегодно.

Таким образом, князья Черкасские учитывали характер хозяйств своих владений. В подмосковных вотчинах, а также в вотчинах южных и частью восточных районов, где почвы были хорошие, они вели барщинное хозяйство. В северных и северо-восточных районах, где наблюдается значительное проникновение товарно-денежных отношений в хозяйственную жизнь феодальной деревни, князья получали главным образом денежную ренту.

Натуральный и денежный оброк, господская запашка уже не удовлетворяли князей Черкасских. Они прибегали к более доходным способам хозяйствования. Общее развитие страны в XVII в. позволило к прежним формам эксплуатации, характерным для феодального владения прежнего времени, присоединить новые. Черкасские переходят к сельскохозяйственному и промышленному предпринимательству, участвуют в торговле.

---

[54] ГИМ, ОПИ, собр. Уварова, картон XIII, д. 20, лл. 5, 63, 100, 197.
[55] Там же. Передаточная ведомость 1688 г.
[56] ГИМ, ОПИ, собр. Уварова, д. 18, 5.
[57] Там же, л. 3.

Как предприниматели Черкасские прежде всего организовали производство поташа.

Как только Я. К. Черкасский в 1644 г. в Арзамасском уезде приобрел у казны пустые мордовские земли, а в 50-х годах — вотчину Владычню, сейчас же в этих лесных местах были устроены будные станы для производства поташа. Князь принимал все меры к тому, чтобы поташное дело приносило ему доход. Из его грамот приказчику Карачаровской вотчины Казылбаю Третьякову видно, как он заботился о том, чтобы поташ был доставлен к Вологде вовремя [58].

Располагая большими лесными массивами в своих арзамасских вотчинах и даровым трудом крепостных крестьян, Я. К. Черкасский нашел верный источник дохода в производстве поташа.

Поташные заводы, или будные станы, были устроены в Знаменской вотчине Арзамасского уезда.

Чтобы ускорить работы по поставке дров и вывозу готового поташа, Я. К. Черкасский в 1664 г. отправил из Москвы в село Знаменское 122 больших литовских быка [59].

На будных станах работали у поташного дела на денежном жаловании и на месячном хлебе крестьяне и бобыли «белорусцы»-будники. Всего на будных станах в Знаменском работало 138 будников, из них лишь немногие (4 человека) выполняли квалифицированную работу мастеров будного дела, так называемых поливачей. Рядовые будники выполняли работу по выжигу поташа. Подсобную работу по заготовке и подвозу дров и вывозу поташа выполняли крестьяне как Знаменской, так и других вотчин. Работа была тяжелая, и будники нередко «бегали». Так, за годы 1667—1678 с будных станов бежало 73 будника, а с членами их семей 130 человек. Многие из них шли туда, где условия работы были лучше, в частности на Сергачские будные станы, которые после смерти Б. И. Морозова перешли в казну и где эксплуатировался не только принудительный, но и наемный труд. Вместе с будниками бежали и крестьяне Знаменской вотчины. В переписных книгах 1678 г. был зафиксирован побег 69 семей знаменских крестьян [60].

Я. К. Черкасский не ограничился устройством поташного завода в своей Арзамасской вотчине. В 1658/59 г. он вошел в пай с кадашевцами Григорием Кондаковым и Семеном Злобиным и калужским посадским человеком Тимофеем Куприяновым, которые имели поташное производство в лесах Серпейского и Мещовского уездов на арендованной земле у помещиков Григория Лазарева Спешнева и Дмитрия Иванова Яблочкова.

[58] Там же, д. 20, л. 3.

[59] Там же, д. 18, лл. 8—9.

[60] Писц. и переп. кн., № 7044, лл. 166, 186—187, 189.

Я. К. Черкасский с своей стороны взял на оброк у Филиппа Никитина Фомина его поместный лес в том же Серпейском уезде. Сохранилась запись, фиксирующая сделку, заключенную человеком Я. К. Черкасского Семеном Яковлевым Каргановым с названными кадашевцами и калужским посадским человеком [61].

Эта запись дает представление об организации товарищества. Всего пайщики должны были внести 4601 руб. 23 алт. 4 д. На долю Я. К. Черкасского приходилось 1050 руб. 6 алт. 4 д. Но фактически Я. К. Черкасскому пришлось платить больше, так как один из пайщиков, Т. Куприянов, взявший на себя управление промыслом, платил только 200 руб., а остальную сумму за него платили три других пайщика.

Обязанности последних не ограничивались только взносом денежных паев. В записи говорится: «а что будет про поливачей и будников каких запасов и сукон и холстов, и те запасы и сукна и холсты им, Григорию да Семену, покупать на Москве и к нему Тимофею, на буды посылать. А что к тому будному промыслу понадобитца, и боярину князю Якову Куденетовичу, и Семену, да Григорию, и Тимофею давать в склад по паям».

В записи указывается, как должна распределяться продукция производства: «А как бог даст учнет товар из дела выходить, и тот товар — поташ и смольчугу — отпустить к Вологде и к Архангельскому городу сопча. И тот товар продавать на Москве и в городах и у Архангельского города, как цена подымет. А будет тот товар — поташ и смольчуга — продастся на золотые или на ефимки, или на какие товары сменяетца, и те золотые и ефимки — или какие товары, на что сменяют, разделить на Москве по паям, и в том промеж собою нам имать ежегодные расписки».

В заключение этой записи приводится обязательство князя Я. К. Черкасского от этого дела «не отстать и в тех лесах и в урочищах против сей записи будные станы заводить». И «будет государя моего, князя Якова Куденетовича, в том промыслу какая неправда учинитца, и им Григорию, и Семену, и Тимофею взять на мне, Семене Карганове, что их в том промыслу будет денег, и что бог даст ис того промыслу поташа и смольчуги, пай свой весь сполна, а впредь в том промыслу, покамест тех лесов на сколько будет, быть вместе по сей записи» [62]. Такая оговорка в записи говорит о том, с какой осмотрительностью князь был принят в товарищество.

Товарищество это действовало в 60-х годах XVII в., как об этом свидетельствуют записные книги Сибирского приказа 1662 г., куда записывались принятые от торговых и промышленных людей «указные товары» — поташ, смольчуга, пенька.

[61] Стлб. СП, № 652, лл. 238—240.
[62] Там же, № 456, л. 238.

В 1661 г. из серпейских и мещевских буд была принята в Сибирском приказе смольчуга, причем каждому пайщику было уплачено серебряными деньгами по 43 руб. 11 алт. 2 д., «опричь вычетных осьмых бочек и таможенных городских пошлин поташные выдачи». Правда, деньгами получил только Я. К. Черкасский, остальные пайщики получили на 130 руб. 4 д. из Сибирского приказа мягкой рухляди [63].

За 1661—1662 гг. от Я. К. Черкасского в казну поступило 970 бочек поташа. В книгах Сибирского приказа значится: «выдать за особый поташ боярина князя Я. К. Черкасского и за поташ Серпейских и Мещевских буд ево жеребья 6258 рублев 3 алт., пол 4 деньги» [64].

За 1662—1665 гг. Я. К. Черкасским было продано поташа 1361 бочка на 64249 руб. 23 алт. 4 д. Но в эту сумму не вошла стоимость 628 бочек поташа, прибывших к Вологде в 1664 г. Если считать по расчету 1665 г. цену бочки поташа в 28 руб., то нужно было заплатить за 628 бочек 17584 руб. Следовательно, всего 1361 бочка должна была стоить 92200 руб. 23 алт. 4 д. на медные деньги, или 23050 руб. 5 алт. 5,5 д. серебром, так как медные деньги ценились по сравнению с серебряными в четыре раза дешевле. Это подтверждается следующей записью в книгах Сибирского приказа тех годов: «Всего за принятый поташ и смольчугу, опричь вычетных осьмых бочек, 3532 р. 6 алт. 5 д. медных. За те медные серебряных, по расчету против указу великого государя,... велено расплату чинить по геньварской цене 170 году за рубль серебряных по 4 рубли медных, итого за 3532 р. 6 алт. 5 д. медных 883 р. 10 д. серебряных» [65].

Князь Я. К. Черкасский не ограничился производством поташа и смольчуги в Арзамасском, Серпейском и Мещевском уездах. Он добился от правительства грамоты, по которой в 1660 г. получил будные станы в Рославльском уезде в лесу Платках, которые были за Фомою Периновым. По сказке Фомы Перинова, в этом лесу было у него два будных стана. В той же грамоте говорится: «да боярину князю Черкасскому велено отдать в Рославском же уезде черные леса» при условии, если они «не засечные, и не заповедные, и не бортные, и в угодья никому не отданы», и если «утеснения от тех буд никому не будет».

В марте того же года Я. К. Черкасскому была дана грамота, по которой «велено ему будные станы завесть в Кадомском уезде от речки Цны и от деревни Амесовой до деревни Анисьевой,

---

[63] Там же, № 652, лл. 89—91. «Осьмые бочки» — сбор за пользование казенными лесами для поташного производства. Приобретая поташ или смольчугу (низкий сорт поташа), казна платила только за семь бочек, а восьмая шла бесплатно, в качестве налога.

[64] Там же, лл. 92—93.

[65] Там же, л. 241.

и от того валом по мордовскую деревню Глушневу до перевалу, и по речке Парца и по иным урочищам» при условии, если «будут те леса не дворцовые и не монастырские, и не мордовские, и в угодья никому не отданы» [66].

Было ли организовано производство поташа в Рославльском и Кадомском уездах, просмотренные нами документы Сибирского приказа этого не отразили. Во всяком случае характерно для предпринимательской деятельности Я. К. Черкасского, что он не ограничился производством поташа в своей Арзамасской вотчине, а стремился завести это производство в других уездах.

Производство поташа продолжал и князь М. Я. Черкасский. По данным переписной книги Арзамасского уезда 1678 г. в бортных вотчинных лесах сел Знаменского и Владычни у него было 4 будных стана [67].

С своих вотчин и поместий Черкасские получали также немало хлеба как с барской пашни, так и в форме натурального оброка и постаеки столовых запасов. Несомненно, что какая-то часть этого хлеба поступала на рынок. К сожалению, сведения о хлебной торговле почти не отражены в материалах, касающихся вотчинного хозяйства князей Черкасских. Зато достаточно данных о переработке зерна — винокурнях и мельницах.

Одним из пережитков периода феодальной раздробленности в Русском централизованном государстве XVII в. являлось право крупных феодалов взимать в свою пользу таможенные пошлины и питейные сборы на территории своих вотчин. Кружечные дворы, которые были почти во всех крупных вотчинах Черкасских, снабжались вином, выкуренным в собственных винокурнях вотчинника.

Винокурение доставляло немалый доход Черкасским. Имеются сведения, что крупное винокуренное производство было в селе Павлове Нижегородского уезда и селе Абрамове Арзамасского уезда. По-видимому, было винокурение и в другой нижегородской вотчине — Панинской.

По отказным книгам 1642 г., в селе Павлове зарегистрировано крупное винокуренное и пивоваренное хозяйство. При кабаке, оборудованном на средства И. Б. Черкасского, были устроены также на его средства солодовня, пивоварня, винокурня. Солодовня была новая, длиною в 4½ саж., выложенная кирпичом, в ней находился чан большой, в который сыпали хлеб; при солодовне был овин новый длиною в 2½ саж., мощеный кирпичом, под окном — печь кирпичная. Пивоварня, длиною в 5½ саж., была рубленая, при ней погреб 3 саж. и ледник длиною 4 саж. Винокурня была огорожена тыном, «в ней восемь

---

[66] Стлб. СП, № 681, л. 219.
[67] Писц. и переп. кн., № 7044, л. 166.

тчанов бражных, две колоды натрубных, изба дву сажен с локтем, анбар запасной трех сажен, анбарец старой, тчан, продают из него барду» [68].

В 1677 г. на таможенной площади в селе Павлове была лишь изба, в которой «держат квас, сусло и уксус на вере». В квасной избе был «всякий завод»: в очаге котел железный и чан затор-ник, 17 стоек уксусных, 9 стоек ветхих, воронка медная, 12 корчаг, ушат липовый, 2 ушата ветхих, 3 ковша липовых, корыто спускное, 5 ковшей мерных, заслон липовый, воронка железная, лопата, стол ветхий, кочерга железная, косарь, скребок [69].

Несомненно, что этот крупный винокуренный и пивоваренный завод обслуживал не только Павловскую вотчину.

Пожалуй, еще более крупные размеры имело винокуренное производство в Арзамасской вотчине — селе Абрамове. Об этом свидетельствует количество оборудования, отправленного в 1663 г. на абрамовскую винокурню. В сентябре этого года Я. К. Черкасский писал приказчику села Карачарова Никите Турченину: «По моему указу, посланы с Москвы в село Абрамово к Павлу Громацкому для винного сидения 210 кубов винных да 10 новых труб села Павлова со крестьянами с Андрюшкой Ивановым в стругу. И как к тебе моя грамота придет, и тебе бы те кубы и трубы у Андрюшки Иванова принять и отослать кубы и трубы в село Абрамово к Павлу Громацкому тотчас, чтоб за кубами винное сидение не стало» [70].

В Абрамове винокурение вырастало на крупном зерновом хозяйстве (зерно, возможно, доставлялось из Арзамасских, Муромских и Рязанских вотчин). Вино или сбывалось в казну или расходовалось в вотчинных кабаках Черкасских. Частично оно шло, разумеется, и на потребление княжеского двора. Когда в 1699 г. М. Я. Черкасский был назначен воеводой в Тобольск, туда было отправлено из его нижегородской Панинской вотчины 1140 ведер 3 четверти вина [71].

То обстоятельство, что вино было отправлено из Панинской вотчины, косвенно свидетельствует о наличии винокуренного производства и в этой вотчине.

К сожалению, в сохранившихся материалах нет сведений о количестве выкуриваемого вина. Но едва ли оно было небольшим, если на нужды только княжеского двора было отправлено более тысячи ведер.

К промышленным предприятиям князей Черкасских следует отнести и мельницы, которыми они владели по исключительному

---

[68] О. В. Ротштейн и Н. И. Шилова. Указ. соч., стр. 55.
[69] ГИМ, ОПИ, ф. Барсова, д. 95, лл. 280—281.
[70] ГИМ, ОПИ, собр. Уварова, карт. XIII, д. 18, л. 1.
[71] ГИМ, ОПИ, ф. Барсова, д. 1, л. 1.

праву феодала производить помол муки. Всех мельниц, по данным отказных книг 1667 г., во владениях Я. К. Черкасского было 39, в них все постройки и оборудование производились на средства вотчинника. Одни мельницы управлялись кабальными людьми, другие были на «вере» у крестьян, а некоторые отдавались на откуп [72]. Значительное количество мельниц было в промышленных и торговых вотчинах.

Мельницы определенно являлись доходной статьей. Так, в 1677 г. с них собиралось 204 руб. Можно отметить и рост доходности отдельных мельниц. Так, базарная и деменская мельницы в 1642 г. приносили доход в 16 руб. 15 алт. К 1677 г. их доходность возросла до 55 руб. [73].

Кроме доходов от винокурен, кабаков и мельниц, князья Черкасские получали довольно значительные суммы в качестве сбора таможенных пошлин, оброка с торговых помещений и других оброчных статей, отдававшихся либо на оброк, либо на откуп.

Нельзя не пожалеть, что в сохранившихся источниках нет данных, позволяющих получить представление как об общей сумме этих доходов, так и об их динамике. Несомненно, такие дополнительные доходы были особенно значительны в селе Павлове. Так, к 1642 г. кабацкие сборы в Павлове составляли 842 руб. В 1642 г. они возросли уже до 1341 руб. 8 алт. 2 д. С торговых лавок и полков в 1642 г. оброка собиралось 35 руб. 30 алт. 3 д. А в 1677 г. этот доход поднялся до 51 руб. 14 алт. 5 д. С мельниц в 1642 г. собиралось 191 руб. 30 алт. [74] Кроме того, крестьяне платили оброк за луга, пустоши, «новоросчистные» земли, огороды, рыбные ловли, бортные ухожаи. Даже с павловских горшечников взимался особый оброк за глину.

Князь Я. К. Черкасский имел предприятия по обработке кож. Об этом говорит существование кожевенного завода в селе Павлове. Правда, согласно «росписному списку» 1677 г., он уже не действовал. В списке приводится только описание самого завода и перечень инвентаря, относящегося к кожевенному производству. «В селе Павлове на берегу Оки реки... двор государя нашего, что был кожевный, намощен весь брусьем струговым, на нем строения: горница на подклете... изба двойная... у той же избы приделанная комната.., амбар двойной на подклетах, у амбара у подклетьев 5 окошек красных, амбар крыт тесом, у амбара сени да крыльцо, в сенях чулан крыт тесом...». В амбарах, избах и в подклетях, под горницей находился следующий инвентарь: «4 котла больших железных ветхих, крюк железный

---

[72] Отказ. кн., № 6035, лл. 28, 38, 66, 69, 95, 231, 243, 277, 422 и др.

[73] ГИМ, ОПИ, ф. Барсова, д. 95, лл. 200—203.

[74] О. В. Ротштейн и Н. И. Шилова. Указ. соч., стр. 50—55, 57—58; ГИМ, ОПИ, ф. Барсова, д. 95, лл. 200—203, 225.

длиной аршин, на чем котел висел, над печью 9 чанов кожевных, 8 пестов с железом, что на мельнице дуб толкли, 3 багра железных» [75] и др.

Таким образом, в хозяйстве князей Черкасских имело место предпринимательство, но в меньших размерах, чем в хозяйствах царя Алексея Михайловича и боярина Б. И. Морозова.

Я. К. Черкасский вкладывал деньги и в торговые операции. В 1665 г. князь купил у Федора Петровича Строганова в его пермском Усолье 183600 пуд. соли. Деньги за всю соль он отдал вперед 6900 руб., но вывезти ее смог в три срока, каждый год по 61200 пуд. В 1666 г. соль «его людишками и крестьянишки» была вывезена в количестве 59640 пуд. Везли на «ладье» до Нижнего Новгорода, где ее набивали в рогожи, взвешивали и отправляли на стругах до Павлова. В Павлове оставшуюся соль «за крестьянскою раздачею», за расплатой с наемными людьми и за выделением на дворовый расход пускали в продажу. Соль продавалась по «государевой указной» цене по 4 алт. 2 деньги за пуд. Продано было этой соли 15823 пуда.

Таможенный голова Нижнего Новгорода в 1667 г., по словам кн. М. Я. Черкасского, «доправил на людишках и крестьянишках его с той привозной соли таможенных пошлин с рубля по гривне, итого 812 р. 8 алт.», тогда как ни князь Иван Борисович, ни князь Яков Куденетович пошлин при продаже соли не платили. Эти действия таможенников М. Я. Черкасский обжаловал. Но как дело было решено, неизвестно. Во всяком случае, если даже 812 руб. не были возвращены, то все же князь получил выгоду. Соль была куплена по 3 коп. за пуд, продавалась по 4 алт. 2 д. Продано ее было не 15823 пуда, как писал в сказке человек князя Иван Молчанов, а значительно больше [76].

Кроме соли, Я. К. Черкасский торговал и мехами. Следует отметить покупку им в Сибирском приказе собольих пупков. Князь приобрел их через посредство гостя Афанасия Федотова. Последний купил в 1662—1663 гг. в Сибирском приказе сто сороков пупков собольих за 715 руб. В челобитье А. Федотова говорится: «в прошлых де годех взял он, Афанасей, из казны... ис Сибирского приказа по двум распискам сто сороков пупков собольих по приказу боярина князя Якова Куденетовича Черкасского по цене на 715 рублев. И те пупки собольи шли к нему, боярину князю Якову Куденетовичу. И отходя де с сего света, боярин князь Яков Куденетович Черкасской приказывал те деньги 715 рублев за него Афонасья заплатить ис своего дому. И вместо де платежу сын его князь Михаил Яковлевич Черкасской прислал в Сибирский приказ челобитную за рукою, чтоб

[75] ГИМ, ОПИ, ф. Барсова, д. 95, лл. 285—287.
[76] ПДСЛ, 1667 г., д. 132, л. 11.

де великий государь пожаловал, указал те деньги за него, Афонасья, зачесть за взятые товары, которые взяты в государеву казну в указные товары у отца его, князя Михаила Яковлевича, у боярина князя Якова Куденетовича. И великий государь пожаловал бы его, Афонасья, велел те деньги 715 рублев зачесть в дачю князю Михаилу» [77]. Такое большое количество мехов князь, видимо, покупал не для себя, а на продажу.

Я. К. Черкасский вкладывал деньги и в откупные операции. С 1654 по 1661 г. он взял у казны на откуп Черноярские рыбные ловли на Волге у Астрахани. «Промышляли теми рыбными ловлями на него кадашевцы Григорий Михайлов Кондаков и Герасим Константинов Богданов». Интересно, что Г. М. Кондаков в эти же годы был компаньоном Я. К. Черкасского по серпейским и мещевским будным станам (см. выше). Очевидно, у Я. К. Черкасского были прочные хозяйственные связи с этим предпринимателем. Кадашевцы должны были ловить осетров, стерлядей, солить икру и пр. и затем через Нижний Новгород все это направлять в Москву в дом Я. К. Черкасского [78].

Черноярские рыбные ловли приносили мало дохода, поэтому откупщики, ранее бравшие их, отказывались от продолжения откупа [79].

Чтобы закончить обзор предпринимательской деятельности князей Черкасских в XVII в., следует сказать об их ростовщических операциях.

И. Б. Черкасский отдавал деньги в долг по кабалам, широко кредитовал крестьян, которые в большом количестве переселялись в Павлово, увеличивая торговое и промысловое его население.

Денежные операции Я. К. Черкасского касались широкого круга лиц, принимали разные формы — от простых расписок до заемных кабал. Согласно его духовной грамоте, «было долгу безкабально на стольнике Иване Васильевиче Бутурлине по расписке руки человека его 4700 рублев серебряных денег, да на Андрее Львове сыне Плещееве безкабально 800 рублев серебряных денег, да на касимовском царевиче на Михаиле Васильевиче 53 рубли, на Михаиле Головине 70 рублев, на Василье Рагозине 50 рублев» [80]. М. Я. Черкасский также давал деньги в долг. В 1668 г. он взыскивал с гостя Ивана Худякова 500 руб., данных ему под залог лавок [81].

---

77 Стлб. СП, № 652, л. 88.
78 Стлб. Оруж. палаты, № 43028, л. 1.
79 А. И. Заозерский. Царская вотчина XVII в. М., 1937, стр. 25.
80 Ф. Шереметевых, оп. 3, д. 12, лл. 11—12 об.
81 Там же, оп. 9, д. 2401, л. 1.

Эти краткие записи не дают надлежащего представления о характере ростовщических операций князей Черкасских, но едва ли можно сомневаться, что здесь речь идет не о бескорыстной помощи людям, попавшим в беду, а об изыскании дополнительных источников дохода.

* * *

Вотчинное хозяйство князей Черкасских в XVII в. характеризуется такими чертами, которые свидетельствуют о помещичьем предпринимательстве. Владельцы огромного комплекса земельных угодий, расположенных в различных почвенно-климатических условиях, князья Черкасские прекрасно понимали, что им нельзя вести свое хозяйство в чисто потребительских целях. Как бы ни был велик княжеский двор, в какой бы роскоши ни жили сами князья Черкасские, они не могли потребить всех тех продуктов, которые поступали к ним из вотчин.

Рост товарно-денежных отношений в стране, определенные сдвиги в области промышленного развития подсказали кн. Черкасским такое использование их хозяйственных ресурсов, которое позволяло с бо́льшим экономическим эффектом использовать те природные богатства, которыми они располагали, и труд людей, которыми они распоряжались.

Обеспечивая содержание своего московского двора барщинным трудом крестьян и холопов подмосковных вотчин, они вели зерновое барщинное хозяйство в ряде других вотчин, где плодородие земли оправдывало вложение труда для ее обработки. К сожалению, до сих пор не обнаружено материалов, которые позволяли бы говорить о крупной хлебной торговле Черкасских. Обилие барских житниц почти во всех вотчинах едва ли позволяет сомневаться в том, что какая-то часть хлеба в форме зерна и муки поступала на рынок. Но зато вполне определенно можно говорить о крупном размахе княжеского винокурения, для которого требовалось значительное количество хлебных запасов.

В тех вотчинах, где почва была недостаточно плодородна, Черкасские поощряли промышленную деятельность своих крестьян, так как это влекло за собой увеличение их оброчных доходов. Размеры оброка с выти и общая сумма его неуклонно росли, увеличивая тем самым доходы князей.

Владея большими лесными массивами, Черкасские вкладывали значительные средства в развитие поташного производства. Не ограничиваясь использованием ресурсов собственных вотчин, они арендуют леса у посторонних людей, вступают в промышленные товарищества на паях и организуют поташное производство в разных уездах, заботясь об увеличении своей предпринимательской прибыли.

Занимаются они и торговлей. Не брезгуют и ростовщическими операциями.

Особенно энергичную предпринимательскую деятельность развил кн. Я. К. Черкасский.

Таким образом, кн. Черкасские в XVII в. выступают как землевладельцы нового типа, не довольствующиеся извлечением доходов из своих вотчин по старинке, дедовскими способами. В условиях развития товарно-денежных отношений в стране они переходят к предпринимательству, которое позволяет им как представителям правящего класса феодалов оставаться хозяевами положения и в новых экономических условиях, использовать хозяйственные сдвиги в интересах своего класса.

Предпринимательская деятельность кн. Черкасских не получила такого размаха, как в дворцовом хозяйстве или в вотчинах Б. И. Морозова, но их хозяйства развивались в одном направлении.

Т. А. Ряпухина

ОБРОЧНЫЕ ЗЕМЛИ НА ВЯТКЕ в XVII в.

Особенность землепользования Вятского края в XVII в. заключалась в делении уездных земель на тяглые и оброчные. Входя в состав административной единицы (стана) одного и того же наименования, тяглые и оброчные земли составляли особые общины со своими старостами и целовальниками и описывались в различных писцовых и переписных книгах. Подразделение земель Вятского края на тяглые и оброчные было вызвано тем, что они были обложены разными государственными податями. Различие в налоговом обложении не могло не сказываться на их хозяйственном положении.

Вопрос о тяглых и оброчных землях был затронут в работах ряда исследователей.

М. М. Богословский [1] и С. Б. Веселовский считали деление на тяглые и оброчные земли на Вятке в XVII в. номинальным, а не реальным. «Название некоторых сел оброчными не должно вводить нас в заблуждение,— пишет С. Б. Веселовский,— может быть, когда-нибудь раньше эти люди и были на оброке, но сейчас они такие же тяглецы, как их соседи, положенные в тяглые сохи» [2]. А. А. Спицын в работе «Земля и люди на Вятке в XVII в.» выдвинул тезис, что «никакого существенного различия между тяглыми и оброчными станами не существовало, различие было только то, что одни платили оброк, другие несли тяглю: подати другого наименования и другого исторического происхождения» [3]. Однако изучение источников по экономической жизни тяглого и оброчного населения заставило автора признать в ряде случаев, что положение оброчных людей было легче, чем тяглых, что крестьянам было выгоднее владеть

[1] **М. М. Богословский.** Земское самоуправление на русском Севере в XVII в., т. II. М., 1912, стр. 116—117.

[2] С. Б. Веселовский. Сошное письмо, т. I. М., 1915, стр. 122—123.

[3] А. А. Спицын. Земля и люди на Вятке в XVII в. Вятка, 1887, стр. 5—6.

оброчными землями [4]. Более определенный взгляд А. А. Спицын высказывает в другой своей работе, где отмечает различие между тяглыми и оборочными землями в хозяйственной обеспеченности и в податном обложении [5]. Однако эти положения не были им в достаточной степени аргументированы и развиты. Автор остался на позиции простой констатации фактов, не показав, в чем же собственно заключалась причина различия в положении тяглых и оброчных земель на Вятке в XVII в. А. В. Эммаусский считает, что черносошные крестьяне назывались тяглыми, если «сидели» на своих общинных наделах, и оброчными волостными людьми, если арендовали, кроме своего надела, государственные земли и платили за них оброк [6]. Таким образом, А. В. Эммаусский игнорирует сложившееся в литературе представление о том, что оброчные крестьяне Хлыновского уезда составляли по отношению к тяглым особые миры в составе одного и того же стана, не были связаны с тяглыми землями и владели своими оброчными наделами на том же праве, что и тяглые крестьяне [7]. Право же черносошных крестьян Поморья на землю в XVII в. приближалось к праву частной собственности, хотя верховным собственником земли являлось феодально-крепостническое государство.

В непосредственной связи с вопросом о различии тяглых и оброчных земель на Вятке в XVII в. стоит вопрос об их происхождении, который дает возможность в какой-то степени вскрыть причины этого различия.

М. М. Богословский и С. Б. Веселовский, не признавая реального различия между тяглыми и оброчными землями, не ставили вопроса об их происхождении. По этому поводу были высказаны мнения в работах А. Я. Ефименко и А. А. Спицына. Точка зрения А. Я. Ефименко о переходе тяглых земель по наследству разделяется А. А. Спицыным, который связывает поселение тяглых людей с первой переписью 80-х годов XVI в. По его мнению, оброчные земли — это никем не занятые при первых писцах земли, розданные потом из оброка посадским и уездным людям. Таким образом, А. А. Спицын связывает появление оброчных земель на Вятке с существованием здесь большого количества свободных земель и возможностью для каждого свободного и несвободного от тягла посадского и уездного человека взять эти земли в вечное владение с обязательством

---

[4] Там же, стр. 6, 13, 14.

[5] А. А. Спицын. Оброчные земли на Вятке в XVII в. Казань, 1892, стр. 37—38.

[6] А. В. Эммаусский. Исторический очерк Вятского края в XVII—XVIII вв. Киров, 1956, стр. 36.

[7] См. М. М. Богословский. Указ. соч., т. II, стр. 116—117; С. Б. Веселовский. Указ. соч., т. I, стр. 122—123.

платить за это в казну определенный денежный оброк[8]. Однако автор не ставит вопроса о том, почему позже правительство идет на раздачу пустых земель в Вятском крае на оброк, который, как считает А. А. Спицын, был менее для него выгоден, чем тягло[9].

А. Я. Ефименко связывает занятие пустых земель из оброка с земельной теснотой в тяглой деревне. Это положение автора в отношении происхождения оброчных земель в Поморье в целом можно признать верным. Но ограничиться лишь таким объяснением для Вятской земли нельзя. В начале XVII в., к которому относится появление оброчных земель на Вятке, о земельной тесноте в вятской тяглой деревне вряд ли может идти речь, если учесть относительно малую населенность Вятского края в этот период. Нельзя согласиться в применении к Вятке и с положением автора, что правительство переводило оброчные земли в тяглые[10]. Сохранившиеся источники по социально-экономической истории Вятского края, например по Спенцынскому стану Хлыновского уезда, напротив, свидетельствуют о переводе запустевших тяглых земель в оброчные при передаче их новому владельцу[11].

Таким образом, вопрос о том, что представляют собой оброчные земли с точки зрения их происхождения и отличия от тяглых земель Вятского края в XVII в., является до настоящего времени не выясненным, о чем свидетельствуют различные, иногда даже противоречивые мнения исследователей.

Для решения вопроса прежде всего нужно остановиться на происхождении оброчных земель на Вятке.

Наблюдения над социально-экономическими явлениями по Спенцынскому оброчному стану Хлыновского уезда, проведенные в результате изучения архивных источников, позволяют высказать мнение, что появление оброчных земель на Вятке следует связывать с процессом колонизации Вятского края, с его хозяйственным освоением.

С конца XVI — начала XVII в. границы Русского государства значительно расширились вследствие колонизации южных и восточных окраин. Одним из объектов колонизации сделалась Вятская земля, а именно ее центральная часть с пятью вятскими посадами: Хлыновом, Шестаковом, Котельничем, Орловом,

---

[8] А. А. Спицын. Оброчные земли на Вятке в XVII в., стр. 16.

[9] А. А. Спицын. Земля и люди на Вятке в XVII в., стр. 14.

[10] А. Я. Ефименко. Исследования народной жизни, вып. I. М., 1884, стр. 321—323.

[11] ЦГАДА (так как все неопубликованные источники взяты из ЦГАДА, то в дальнейшем название архива опускается), Писц. и переп. кн., № 90, Писцовая книга по Вятке 1628 г., л. 67—67 об., 84—85; № 903, Книга оброчных угодий по Вятке 1629 г., л. 12—12 об.

Слободским с их уездами. В течение столетия поток колонизации постепенно перемещался к южным окраинам Вятского края.

Наличие большого количества свободных земель, сравнительно благоприятные для земледелия климатические и почвенные условия создавали возможность развития в этом районе хлебопашества, а разветвленная речная система, связывающая район Вятки с Поморьем и центром, способствовала сбыту сельскохозяйственных продуктов.

Колонизационный поток шел главным образом из старых районов Поморья (Яренский, Сольвычегодский, Устюжский, Важский, Кеврольский, Двинский уезды) и отчасти из центра страны. Приток населения из Поморья объяснялся стремлением уйти от тяжелого фискального гнета со стороны феодально-крепостнического государства. Он был также вызван происходившим там углублением процесса имущественного неравенства, ведшего к обезземеливанию малоимущего крестьянства.

Значительную массу переселенцев составляли гонимые нуждой крестьяне. Понятно, что они могли обрабатывать небольшие участки земли и платить за них соответственно незначительные налоги государству. В связи с этим становится ясным, почему среди оброчных крестьян большинство составляют малоземельные, имеющие в хозяйстве 2—3 дес. земли. Так, в одном из самых крупных станов Вятского края, Спенцынском, в 20-х годах оброчные крестьяне с наделом до 4,5 дес. составляли 41,56%. Но среди приходивших были и обеспеченные крестьяне, страдавшие от малоземелья. Располагая достаточным количеством рабочих рук и скота, они заводили довольно значительные хозяйства — 6—9 и более десятин земли. Так, в Спенцынском оброчном стане в 20-х годах хозяйства с 8—9 дес. и более составляли 20,7% от общего количества хозяйств [12].

Сравнение размеров повинностей и сборов, приходящихся на тяглые и оброчные земли Вятского края, а также изучение социально-экономического положения тяглых и оброчных крестьян, дает возможность сделать вывод, что оброк был легче тягла. Хотя денежный оклад с тяглой сохи (53 руб. 9 алт. $4^1/_2$ д.) был почти в два раза меньше оклада с оброчной сохи (100 руб.), но на тяглые станы падали повинности, от которых были освобождены оброчные станы, и в целом тяглые станы платили больше.

Самыми тяжелыми из дополнительных повинностей были «сибирские хлебные запасы» — повинность по снабжению хлебом сибирских крепостей и острогов. Собранный хлеб вятчане должны были доставлять на своих подводах в Верхотурье.

---

[12] Писц. и переп. кн., № 903, лл. 1—14.

Вместе с обозом в Верхотурье направлялись плотники, на обязанности которых лежала постройка на Верхотурской пристани судов для отправки хлеба водным путем дальше в Сибирь. Извозчики и плотники для Верхотурья выставлялись по сошному разводу, безденежно. Иногда эта натуральная повинность переводилась в денежную форму: крестьяне вносили определенные суммы денег и за хлеб и за плотников [13]. Эта обременительная повинность была отменена лишь в 1685 г., когда хлебопашество в Сибири достигло значительных успехов.

Другой местной повинностью, лежащей на тяглых станах, являлся выбор целовальников с 1652 г. на казенный Зырянский соляной промысел Соликамского уезда. Средства, необходимые для выплаты «подмоги» зырянским целовальникам, включались в общую сумму мирских расходов и собирались путем раскладки по дворам. Правда, эту повинность отбывали только тяглые станы в тех случаях, когда вятчанам удавалось добиться сокращения числа целовальников, посылавшихся в Зырянские усолья. Но в начале 70-х годов соликамский посадский и уездный миры получили согласие Новгородского приказа отбывать эту повинность по сошному письму, и Вятская земля, где было немного более 19 сох (в число которых входили как тяглые, так и оброчные сохи), стала давать ежегодно 19 целовальников; теперь к отбыванию этой повинности наряду с тяглыми привлекались и оброчные станы [14].

Кроме этих двух повинностей, на тяглые станы Вятской земли приходились различные службы, прежде всего отъезжие — выбор таможенных и кабацких голов в Соль Камскую, выбор 40 целовальников, отправляемых ежегодно в Архангельск для сопровождения казенного покупного и оброчного хлеба, посылка ежегодно в Москву по 10 кирпичников и по 10 скорняков и портных. Наконец, тяглые станы выбирали целовальников в местные таможни и кружечные дворы [15].

Положение о том, что оброк был легче тягла, подтверждается следующим фактом. Когда в 60-е годы правительство усилило налоговый гнет путем удвоения оклада стрелецких денег в связи с большими затратами на военные нужды (шла война с Польшей), то это особенно отразилось на положении вятских тяглых черносошных крестьян. Правда, удвоение оклада стрелецких денег в одинаковой мере коснулось и тяглых и

---

[13] С. Б. Веселовский. Указ. соч., т. I, стр. 123; ПДСЛ, 1644 г., д. 19, лл. 289—290, 290а, 290б, 296—297; 1652 г., д. 80, лл. 65—68, 107; 1671 г., д. 532, лл. 1—62.

[14] Н. В. Устюгов. Солеваренная промышленность Соли Камской в XVII в. М., 1957, стр. 283—284; ПДСЛ, 1670 г., д. 511, лл. 14, 24.

[15] М. М. Богословский. Указ. соч., т. I, стр. 116; ПДСЛ, 1672 г., д. 87, л. 5.

оброчных земель, поскольку те и другие с 1663 г. должны были платить стрелецкие деньги по 700 руб. с сохи, но это тяжелее сказалось на тяглых землях, более обремененных другими повинностями. Тяглые станы по этой же причине более пострадали и от общего расстройства хозяйственной жизни страны, связанного с неудачной денежной реформой 1654—1663 гг. В этот период переселение с тяглых земель на оброчные приняло такой размах, что правительство, поставленное перед угрозой запустения тяглых земель на Вятке, вынуждено было издать в 1662 г. и 1663 г. особые указы, предписывающие записывать в тягло бывших тяглых людей, которые поселились на нетяглых землях из оброка [16].

Еще одним доказательством того, что положение тяглых крестьян было гораздо хуже оброчных, является тот факт, что с тяглых земель бежало больше крестьян, чем с оброчных. Количество крестьян, ушедших в 1657—1678 гг. с тяглых земель Спенцынского стана Хлыновского уезда, составило 17% по отношению к оставшимся дворохозяевам, а в Спенцынском оброчном стане — всего 6% [17].

Так как оброк был легче тягла, то государство, раздавая пришельцам земли на оброк, поощряло таким образом колонизацию Вятского края, так как было заинтересовано в освоении новых земель, в увеличении дохода за счет налогов с населения колонизуемых районов. Такую же политику предоставления льгот русское правительство проводило и в других колонизуемых районах, например, на Западном Урале. Правда, население Кунгурского уезда было обложено тяглом, а не оброком. Но зато до 1679 г., т. е. до перехода к обложению стрелецкими деньгами по дворовому числу, оно вообще не платило стрелецких денег, самого тяжелого из прямых налогов XVII в., от которого не были свободны и оброчные станы Вятского края. Это была очень значительная льгота. В 1672—1673 гг. в Кунгуре был создан свой стрелецкий гарнизон из 100 человек, а на Кунгурский посадский и уездный миры было возложено его содержание. Ежегодно стрельцам выплачивалось из мирских сумм по 528 руб. [18] И все же это было значительно меньше, чем общий оклад стрелецких денег. 645 хозяйств, поселенных на Кунгуре, получили по 3 четверти земли в поле, что составляет 1935 четвертей в поле, т. е. более двух сох. С сохи в Поморье в это время взималось по 700 руб. стрелецких денег в год. Следовательно, кунгурцы платили на содержание стрельцов примерно в три раза меньше.

---

[16] А. А. Спицын. Земля и люди на Вятке в XVII в., стр. 14.

[17] Писц. и перепис. кн. № 520, Переписная книга по Вятке 1678 г., лл. 159—238.

[18] А. А. Преображенский. Очерки колонизации Западного Урала в XVII — начале XVIII в. М., 1956, стр. 218—220.

Льгота для вновь колонизуемого района сохранялась, таким образом, и при наличии мирского содержания стрельцов.

Затратив труд и деньги на обработку земли, которую очень часто приходилось расчищать из-под «черного леса», оброчный крестьянин становился как бы ее собственником. За ним правительство признавало точно такие же права на землю, как за тяглыми крестьянами. Оброчные земли можно было продать, променять, завещать и т. п., т. е. владелец, обрабатывающий землю и платящий за нее оброк, мог распоряжаться ею как личным достоянием.

Земля, на которой селились новоприходцы, могла до этого использоваться тяглыми крестьянами, стремившимися к расширению хозяйства. Этим, скорей всего, можно объяснить, почему некоторые починки и займища в Спенцынском оброчном стане называются по фамилии крестьян, живших в Спенцынском тяглом стане. Например, «починок, что была пустошь Микиты Дурова», или «займище на диком раменье Ивана Мухачева», которое находилось в 1629 г. на оброке у Богдана Балезина [19].

В хозяйственном освоении Вятского края принимали участие выходцы из тяглых станов. Это были главным образом представители молодого поколения, покидавшие хозяйство своих родителей на тяглых землях и начинавшие хозяйствовать на новых землях. Поэтому в деревнях и починках Спенцынского оброчного стана можно встретить те же фамилии, что и в тяглом стане.

Выходцы из Спенцынского тяглого стана могли получить пустой жеребей в Спенцынском оброчном стане или еще не освоенный участок («черный лес») [20].

Эксплуатацией новых земель из оброка занимались и крестьяне, живущие в Спенцынском тяглом стане, о чем свидетельствуют данные книги оброчных угодий 1622 г. Здесь у четырех из 38 крестьян записанная на оброк земля находится «за их тяглой деревней» [21]. Зажиточные тяглые крестьяне, справляясь с тяглом и испытывая потребность в расширении своего землевладения, приобретали еще землю из оброка, которая записывалась в Спенцынский оброчный стан. Поэтому в ряде случаев приходилось сталкиваться с фактом наличия у состоятельных крестьян дворов на тяглых и оброчных землях одновременно [22].

В Хлыновском уезде занимались сельским хозяйством богатые посадские люди Хлынова, члены церковного причта, воеводская администрация. Они могли получать в приказной избе,

---

[19] Писц. и переп. кн., № 90, лл. 42 об., 61 об., 64, 68; № 903, лл. 3, 5, 8.
[20] Писц. и переп. кн., № 903, лл. 12—13.
[21] Гор. кн. по Вятке, № 1, лл. 19, 22 об.
[22] Писц. и переп. кн., № 90, лл. 67, 68, 71, 84; № 903, лл. 3 об.; 4 об., 5 об., 7 об., 8.

ведавшей раздачей земли в уезде, никем не занятые, поросшие лесом, не приписанные ни к тяглым, ни к оброчным владениям, земли. Так как хозяйственное освоение этих земель требовало значительной затраты труда и средств, правительство предоставляло эти земли на льготных условиях, заключавшихся в освобождении на 3 года от уплаты налогов. За эти льготные годы владелец должен был расчистить землю под пашню и под сенные покосы, т. е. сделать ее пригодной для хозяйственной эксплуатации [23].

Хотя на Вятке и существовал порядок выдачи пустых или неосвоенных земель через хлыновскую приказную избу, но нельзя преувеличивать значения местной администрации в получении земельных участков из оброка, как это делает А. А. Спицын [24]. Среди вятского черносошного крестьянства существовала практика самочинного захвата и распахивания земель из-под «черного леса», как можно судить по источникам [25], причем крестьяне пользовались новораспаханными землями, не сообщая об этом воеводе. Именно поэтому производились сыски для обнаружения таких земель, с которых не платились в казну налоги. С начала XVII в. на Вятке обнаруженные за крестьянами новораспаханные земли облагались оброком, а не тяглом, в чем выражалась политика правительства, заключающаяся в поощрении развития хлебопашества в этом крае.

Рост оброчных земель в Вятском крае был связан не только с хозяйственным освоением и эксплуатацией новых земельных пространств, но и в некотором отношении с тем, что правительство было вынуждено в ряде случаев переводить тяглую землю в оброчную. Это имело место, когда тяглая земля оставалась пустою в результате смерти или бегства владельца. Так как желающих взять тяглые участки было мало (из 25 пустых жеребьев на спенцынской тяглой земле в 1629 г. только 4 были переданы новым владельцам на льготных условиях), то правительство в интересах предотвращения запустения земель и сохранения контингента налогоплательщиков шло на передачу пустых тяглых участков новым владельцам из оброка [26].

Таким образом, по вопросу о происхождении оброчных земель в Вятском крае в XVII в. можно сказать следующее. Возникновение оброчных земель надо связывать с процессом колонизации Вятского края с начала XVII в. пришельцами из старых районов Поморья и отчасти из центра, а также с хозяйственным освоением новых земельных пространств представителями местного вятского населения, прежде всего выходцами из

---

[23] Гор. кн. по Вятке, № 13а, л. 43 об.
[24] А. А. Спицын. Оброчные земли на Вятке в XVII в., стр. 15.
[25] Гор. кн. по Вятке, № 1, лл. 19—23 об.
[26] Писц. и переп. кн., № 90, лл. 67 об., 84 об.— 85; № 903, л. 12 об.

тяглых станов. Политика правительства, выражавшаяся в поощрении колонизации и развития хлебопашества в Вятском крае привела к появлению с начала XVII в. на Вятке, наряду с существовавшими с 80-х годов XVI в. тяглыми землями, земель, обложенных оброком, который был значительно легче тягла.

О более позднем происхождении оброчных станов в Хлыновском уезде по сравнению с тяглыми свидетельствует характер поселений на оброчных землях и их незначительная заселенность в начале XVII в. Так, в Спенцынском оброчном стане в 1615 г. было всего лишь 2 деревни и 38 починков с 42 дворами. Таким образом, основную массу составляли починки с одним двором, т. е. вновь заведенные поселения. Слабая заселенность Спенцынского оброчного стана в 10-х годах XVII в. (42 двора) особенно ярко выступает при сравнении с заселенностью Спенцынского тяглого стана, где насчитывалось 405 дворов, т. е. почти в 10 раз больше [27].

Возможно, более поздним возникновением оброчных деревень и починков объясняется их различие с тяглыми в отношении хозяйственной обеспеченности угодьями. У тяглых крестьян к деревням и починкам приписаны, кроме «пашни паханной», сенокосные угодья, «пашенный» лес (пашня, поросшая лесом), причем в значительном количестве. Крестьяне, сидящие на земле из оброка, имеют только «пашню паханную». В этом отношении интерес представляет следующая таблица, отражающая распределение сельскохозяйственных угодий в Спенцынском тяглом и оброчном станах в 20-х годах XVII в. [28].

Виды сельскохозяйственных угодий	Спенцынский тяглый стан				Спенцынский оброчный стан	
	дес.	%	в том числе: Быстрицкая вол., дес.	в том числе: Бритовская вол., дес.	дес.	%
Пашенная земля	3460,4	66,5	391,1	2157	489,53	87,7
Перелог	507,33	9,8	20,25	206,46	63,75	11,4
Сенокосные угодья	957,4	18,4	80,5	398	5	0,9
Лес	275	5,3	57,5	215,5	—	—
Итого . . .	5200,13	100	549,35	2976,96	558,28	100

[27] А. А. Спицын. Земля и люди на Вятке в XVII в., стр. 3, 35.
[28] Писц. и переп. кн., № 90, лл. 42—89 об.; № 903, лл. 1—14.

Различие в хозяйственной обеспеченности тяглых и оброчных крестьян, почти полное отсутствие у последних приписанных к деревням и починкам сенокосных угодий и леса может быть объяснено тем, что к началу XVII в. наиболее пригодные для хозяйственной эксплуатации земли находились уже у тяглых крестьян. Это, возможно, было обусловлено установившейся с начала XVII в. практикой раздачи не только земли, но и угодий (сенокосных, выгонов, рыбных, бортных) при условии выплаты определенной суммы оброка в приказную избу. Таким образом, феодальное государство превратило оставшиеся еще свободными сельскохозяйственные угодья в источник дохода [29]. Крестьяне, жившие на оброчных землях, вынуждены были брать различные угодья, прежде всего сенокосы и выгоны, на оброк у государства. Но этим правом пользовались наиболее обеспеченные дворохозяева, так как за угодья, взятые в индивидуальное пользование, нужно было платить довольно значительную сумму.

Изучение положения Спенцынского тяглого и оброчного станов на протяжении всего XVII в. дает возможность сделать вывод о тенденции к росту оброчных земель в Вятском крае. Об этом прежде всего свидетельствует значительное увеличение количества пашенных оброчных земель по сравнению с тяглыми землями. В Спенцынском оброчном стане размер пашни возрос от 489,5 дес. в 1629 г. до 688,5 дес. в 1680 г., т. е. освоенная территория возросла за полстолетия на 41%. Размер же тяглой пашни, напротив, сократился в том же стане за тот же период с 3670 дес. до 2628 дес., т. е. почти на 30% [30].

О тенденции к росту оброчных земель говорит и более быстрое увеличение населения на оброчных землях по сравнению с тяглыми. Так, в 1615 г. в Спенцынском оброчном стане было 42 двора, а в 1629 г.— 88, т. е. за 14 лет произошло увеличение дворов на оброчных землях более чем в 2 раза, в то время как на тяглых землях Спенцынского стана количество дворов возросло лишь на 21% (405 и 492). С 1629 г. по 1646 г. количество дворов в Спенцынском оброчном стане увеличилось с 88 до 246, т. е. почти в 3 раза, в то время как в Спенцынском тяглом стане — всего в 1,7 раза (492 и 868) [31].

Когда в 60—70-х годах под давлением тяжелого фискального гнета и вследствие усилившегося в черносошной деревне Вят-

[29] Писц. и переп. кн., № 903, лл. 12—52; Гор. кн. по Вятке, № 1, лл. 8—14 об., 25—41 об.; № 12, лл. 416—417, 429—430, 434; № 13а, лл. 3—6 об., 11, 37 об.— 38, 43 об., 57; № 16, л. 24 об.

[30] Писц. и переп. кн., № 90, лл. 42—89 об.; № 903, лл. 1—14, 52 об. Гор. кн. по Вятке, № 12, лл. 19—24, 165—170, 302—305 об.

[31] Писц. и переп. кн., № 90, лл. 42—89 об.; № 903, лл. 1—14 об.; № 518, Переписная книга по Вятке 1646 г., лл. 127—300.

ского края имущественного неравенства, перераставшего в социальное расслоение, происходил отход населения из Спенцынского стана, то наибольшее число крестьян бежало с тяглых земель. В результате запустения тяглых земель количество дворов в Спенцынском тяглом стане сократилось в 1678 г. на 28% по сравнению с 1646 г. (448 и 622), в то время как на оброчных землях оно сократилось лишь на 4% (246 и 236 дворов) [32].

Таким образом, в течение XVII в. в Спенцынском стане Хлыновского уезда наблюдается значительный рост оброчных земель и их населенности по сравнению с тяглыми землями, количество которых, а также населенность, сокращается в результате ухода населения. Введение подворного обложения указом 5 сентября 1679 г. ликвидировало разницу между тяглыми и оброчными землями на Вятке.

* * *

Изучение положения тяглых и оброчных земель Вятского края в XVII в. на примере Спенцынского стана Хлыновского уезда дает возможность прийти к следующим выводам. Происхождение оброчных земель на Вятке нужно связывать с процессом колонизации Вятского края с начала XVII в. Оброк, на который правительство сажало колонистов, был легче тягла, в чем сказалась политика поощрения хозяйственного освоения Вятской земли со стороны феодально-крепостнического государства, заинтересованного в развитии хлебопашества на новых территориях и увеличении контингента налогоплательщиков за счет населения колонизуемых районов.

В результате этого наблюдается значительный рост земель и увеличение населения оброчных станов по сравнению с тяглыми. Введение подворного обложения уравняло в фискальном отношении население тяглых и оброчных земель.

---

[32] Писц. и переп. книги, № 520, лл. 159—238.

Е. Н. Ошанина

К ИСТОРИИ ЗАСЕЛЕНИЯ СРЕДНЕГО ПОВОЛЖЬЯ В XVII В.

История заселения и освоения огромных пространств нашей страны в период феодализма заслуживает пристального внимания.

Правильнее всего, как нам кажется, изучить это явление по отдельным районам, имеющим свои исторические и экономические особенности. Вопросами заселения и укрепления южных окраин государства занималась еще буржуазная историография [1]. Советские историки уделяют большое внимание проблеме колонизации окраин Русского государства [2]. Однако историей заселения и освоения восточной окраины Русского государства в районе Поволжья занимались очень мало [3].

[1] И. Д. Беляев. О сторожевой, станичной и полевой службе на польской Украине Московского государства до царя Алексея Михайловича. М., 1846; Д. И. Багалей. Очерки из истории колонизации и быта степной окраины Московского государства, т. I. М., 1887; А. И. Яковлев. Засечная черта Московского государства в XVII в. М., 1916.

[2] А. А. Новосельский. Побеги крестьян и холопов и их сыск в Московском государстве второй половины XVII в.— «Труды Института истории РАНИОН», т. I, М., 1926; его же. Борьба Московского государства с татарами в первой половине XVII в. М.— Л., 1948; С. Л. Марголин. Оборона русского государства от татарских набегов.— «Труды ГИМ», вып. XX, М., 1948; С. В. Бахрушин. Очерки по истории колонизации Сибири в XVI и XVII вв.— «Научные труды», т. III, ч. 1. М., 1955, стр. 13—160; В. И. Шунков. Очерки по истории колонизации Сибири в XVII — начале XVIII в. М., 1946; его же. Очерки по истории земледелия Сибири. XVII век. М., 1956; В. Н. Шерстобоев. Илимская пашня, т. 1. Пашня Илимского воеводства XVII — начала XVIII в. Иркутск, 1949; З. Я. Бояршинова. Население Томского уезда в первой половине XVII в.— «Труды Томского государственного университета», т. 112, серия историко-филологическая, Томск, 1950, стр. 3—210; А. А. Преображенский. Очерки колонизации Западного Урала в XVII — начале XVIII в. М., 1956; Ф. Г. Сафронов. Крестьянская колонизация бассейнов Лены и Илима в XVII в. Якутск, 1956.

[3] См. Г. Перетяткович. Поволжье в XV—XVI вв. М., 1877; его же. Поволжье в XVII и начале XVIII века. Одесса, 1882.

Между тем изучение колонизации этого района представляет собой большой интерес в силу тех географических и экономических особенностей, какие сложились на этой восточной окраине. Незначительное количество сохранившихся писцовых книг затрудняло изучение хозяйства этого района.

Интересным источником для изучения указанных вопросов является хранящийся в Отделе рукописей Государственной библиотеки СССР имени В. И. Ленина поместный архив Пазухиных. Документы его касаются хозяйства провинциального помещика этой восточной окраины — Алатырского, Симбирского и смежных с ними уездов. Наличие в архиве материалов XVII в., связанных не только с родом Пазухиных, но и со многими родственными им семьями и соседями, поместья которых были расположены в районе Симбирской засечной черты, дает возможность проследить состав указанных помещиков и время заселения этих уездов.

Большая часть документов архива относится к XVII и началу XVIII в., т. е. к периоду, когда происходило усиленное заселение этого края. Материалы архива позволяют проследить в общих чертах развитие хозяйства среднего помещика второй половины XVII и начала XVIII в. и установить первых поселенцев некоторых уездов.

Особенно ценно в архиве Пазухиных то, что в нем сохранилось большое количество частных писем, около 70 — XVII в. и более 550 писем XVIII — начала XIX в. Письма эти представляют интерес для характеристики хозяйства и жизни провинциальных помещиков, их взаимоотношений с крепостными крестьянами.

Переписка (особенно за первую половину XVIII в.) вскрывает также торговые и денежные связи помещиков Пазухиных, их сложные ростовщические отношения с различными слоями местного населения. В письмах, как и в документах, имеются указания на местные рынки, они показывают постепенное втягивание помещичьего хозяйства в товарно-денежные отношения [4].

Много сведений по заселению восточной окраины находится и в документах ленинградских архивов [5].

Опубликованные акты [6] дают возможность проследить процесс заселения Поволжья в районе Арзамасско-Алатырской и

---

[4] Подробнее об этом см. Е. Н. Ошанина. Хозяйство помещиков Пазухиных в XVII—XVIII вв.— «Вопросы истории», 1956, № 7.

[5] Архив ЛОИИ и ГПБ, Отдел рукописей.

[6] «Материалы исторические и юридические района бывшего Приказа Казанского дворца» (далее — «Материалы...»), т. I. Архив князя В. И. Баюшева, разобран и подготовлен к изданию проф. Н. П. Загоскиным, Казань, 1882; т. II, ред. В. Поливанов и В. Красовский, Симбирск, 1898.

Симбирско-Карсунской засечных черт, рисуют картину социального состава служилых людей этого района.

Другие публикации Симбирской ученой архивной комиссии[7] содержат интересные сведения о монастырской и служилой колонизации Симбирского края. Интересно отметить, что материалы, опубликованные П. Мартыновым, тесно связаны тематически с некоторыми документами архива Пазухиных.

Русское государство XVI—XVII вв. с юга не граничило с другими государствами. К освоенным обжитым местам примыкало слабо заселенное пространство, называемое в то время «поле».

Через это пространство приходили на Русь кочевые народы: татары, монголы, ногаи, нападая на местных жителей, уводя их в плен, разоряя города. Правительство было вынуждено искать наиболее эффективных путей защиты.

Постепенно в государстве были созданы две линии обороны от кочевников, южная, или крымская, наиболее опасная в связи с постоянными набегами татар, и юго-восточная, или ногайская. Все внимание правительства было обращено на укрепление южной границы, по которой проходило несколько татарских дорог.

На «поле» укреплялись старые и строились новые засеки, рвы и валы. Постепенно из этих засек сложилась засечная черта, проходившая через города, расположенные на Оке, которая проверялась и была возобновлена в конце XVI в.

Но наиболее действенным средством в системе обороны являлось поселение на линии засечной черты служилых людей, обязанных оборонять ее от набегов кочевников.

В результате на засечной черте сложился слой мелких служилых людей. Это прежде всего низший разряд служилых людей по отечеству (городовые дети боярские, мелкие феодалы), получавших за свою службу жалованье — денежное и поместное. Кроме того, на границе было сосредоточено немало служилых людей по прибору (стрельцы, казаки, солдаты), набиравшихся из тяглых слоев населения. Обычно служилые люди по прибору получали денежное и хлебное жалованье. На юге они, как правило, получали участок земли для личной обработки. Нередко они служили без денежного жалованья, с одной земли. Освобожденные от выполнения государственных повинностей,

---

[7] А. Н. Зерцалов. Материалы по истории Симбирского края XVII—XVIII вв. Симбирск, 1900; его же. Материалы для истории Симбирска и его уезда. 1665—1667 гг. (Приходо-расходная книга Симбирской приказной избы). Симбирск, 1896; В. Холмогоров. Материалы для истории Симбирского края. Симбирск, 1898; «Опись городу Синбирску и его уезду в 1678 г.», ред. П. Мартынов, Симбирск, 1902; «Книга строельная города Симбирска», ред. П. Мартынов, Симбирск, 1897.

они были обязаны нести службу по обороне границы и кормиться от пашни.

Так, в общих чертах, была организована оборонная служба на южной границе государства [8].

* * *

Сразу же после присоединения Казани и Астрахани к Русскому государству началось строительство городов-крепостей по всему течению Волги и Суры. Еще в 1551 г. был построен город Свияжск на р. Свияге, напротив Казани, как опорный пункт для ее осады. В конце XVI в. строятся и другие города: Тетюши — в 1574—78 гг., Самара — в 1586 г., Царицын — в 1589 г., Саратов — около 1590 г. Эти города, расположенные по течению Волги, имели большое военно-стратегическое значение и способствовали передвижению купеческих караванов, отчего еще больше выросло торговое значение Астрахани.

Перед правительством стояла серьезная задача освоить обширный край, заселить его возможно скорее русскими служилыми людьми.

В конце XVI в. начался первый поток правительственной колонизации юго-восточной окраины государства. Шацкие и Алатырские сторожи прикрывали рязанскую «украину» от ногаев и татар на большом расстоянии от бассейна р. Суры до р. Воронежа и до начала Шацко-Ряжской засечной черты. О существовании засечной черты восточнее Шацка, о направлении линии засек от Арзамаса до Алатыря, проходивших по р. Теше и далее на восток по р. Алатырь, мы можем судить по опубликованным актам Арзамасского уезда [9]. Города Алатырь и Арзамас в начале XVII в. были очень мало населены.

Для укрепления алатырского гарнизона на засечную черту Алатырь — Арзамас, бывшую в то время границей государства, переводят в 1621 г. группу служилых людей с семьями из далекого Брянска — детей боярских Ивана Бороздина с «товарищами», всего 172 человека [10]. Из росписи служилых людей по всем городам мы узнаем, что в Алатыре в 1661—1663 гг. было уже 506 служилых людей и все служили с земли. Бо́льшую часть из них составляли служилые мурзы и татары — 323 человека [11].

Алатырские служилые люди в 60-х годах XVII в. должны были не только охранять границу государства по Алатырской засеке, но и выделять из своего числа значительное количество людей для отбывания военной службы на Дону.

---

[8] См. А. И. Яковлев. Указ. соч.

[9] «Материалы...», т. I, № 55, 60, 67, 76 и др.

[10] АМГ, т. 1, № 142, стр. 169.

[11] С. Б. Веселовский. Сметы военных сил Московского государства. М., 1911, стр. 48.

Засечная черта Алатырь — Арзамас не могла долго служить границей русского заселения. Уже в середине XVII в. правительственная колонизация переходит р. Суру на восток, по ее притокам Бездне и Чилиму к р. Свияге, и на юг, к верховьям рек Суры и Барыша, и от р. Алатыря по р. Инсару к Саранску. Таким образом, заселяется территория между реками Сурой и Свиягой, которая в свою очередь нуждалась в ограждении от возможных нападений с юга.

В 1647 г. строится ряд укрепленных городов в этом районе и первым из них г. Карсун. Руководил этим строительством стольник Богдан Матвеевич Хитрово, один из самых доверенных лиц царя Алексея Михайловича [12]. На строительство этих городов и Карсунской черты посылались служилые люди из соседних понизовых городов — Арзамаса, Курмыша, Алатыря и других [13].

В Курмыш направляется Семен Аненков для переписи еще не верстанных в службу курмышских мурз и татар с приказанием отправить их на службу в Карсун. По присланным С. Аненковым переписным книгам оказалось не записанных в службу в Курмыше 435 человек, которых и послали в Карсун на вечное житье. Кроме служилых татар, из Курмыша были высланы на службу в Карсун и стрельцы [14].

В 1649 г. первый воевода г. Карсуна Борис Приклонский отвел земли карсунским стрельцам. Всего было устроено на пашню переведенных из разных городов новоприборных стрельцов 163 [15].

Через несколько лет, в 1655 г., гарнизон Карсуна еще более усиливается, туда были переведены из Алатырского уезда станичные мурзы «для вестей от приходу воинских людей» [16].

Сразу же после постройки Карсуна строится г. Симбирск на Волге. От него на запад, на соединение с г. Карсуном протягивается засечная черта до городка Уреня на 70 верст — Симбирская, и от Уреня до Карсуна на 22 версты — Карсунская.

По всей линии Карсунско-Симбирской черты на протяжении 92 верст, на некотором расстоянии друг от друга были построены остроги или укрепленные городки Юшанск, Тагай, Уренск, Карсун, Аргаш, Сурск [17].

---

[12] АМГ, т. II, стр. 190, № 398.

[13] А. Н. Зерцалов. Материалы по истории Симбирского края, № 12.

[14] Там же, № 10.

[15] В. Холмогоров. Указ. соч., стр. 32.

[16] В. Красовский. Хронологический перечень событий Симбирской губернии 1372—1901 гг. Симбирск, 1901.

[17] Направление Карсунско-Симбирской черты нанесено на карте в книге В. Поливанова «Археологическая карта Симбирской губернии», Симбирск, 1900.

В 1648 г. был построен г. Инсар, и засечная черта была продолжена от Карсуна дальше, до Инсара. Работы по строительству черты шли одновременно в нескольких местах.

В том же году воевода Григорий Борняков составил «строельные книги» г. Инсара, где он называется «новым» по отношению к городам центральной Руси. Для заселения Инсара и черты было переведено 300 семей из г. Темникова и окрестностей. Многие из переведенных, не привыкшие к военной службе, просили их освободить и вернуть в тягло [18].

Симбирская черта строилась с 1648 по 1654 г., причем ежегодно на ней работало от 3 до 5 тыс. человек, присланных из многих городов: Нижнего Новгорода, Арзамаса, Курмыша [19].

В строельной книге г. Симбирска, составленной по окончании строительства города в 1653—1654 гг., записано количество переселенных на вечное житье на черту донских и днепровских казаков и других служилых людей и размеры отведенной им пашенной земли и разных угодий [20].

Наравне с русскими служилыми людьми правительство поселило по Симбирской черте и новозаписанных служилых татар, испомещая их крупными группами по 50—100 человек на одном участке [21].

Кроме детей боярских, стрельцов, казаков и других мелких служилых людей, на южной черте встречались также беглецы или скрывавшиеся от суда [22]. На Симбирскую черту посылали и ссыльных [23].

В качестве служилых людей правительство посылало также пленных, принятых на военную службу [24]. Много пленных поляков и литовцев было испомещено по всему государству после окончания войны с Польшей 1654—1667 гг.[25]

Таким образом, массовое заселение Симбирского края служилыми людьми происходит во второй половине XVII в., после окончания строительства Симбирской черты.

Многие селения этого края сохранили до сих пор свои названия по имени первых помещиков [26]. Интересное наблюдение о

---

[18] Н. В. Калачов. Заметки (статистические и археологические) об Инсаре и его уезде — «Архив историко-юридических сведений, относящихся до России», М., 1855, кн. 2, половина первая, стр. 57—58.

[19] АМГ, т. II, № 308.

[20] «Книга строельная города Симбирска».

[21] Там же, стр. 71—76.

[22] Д. И. Багалей. Указ. соч., стр. 56.

[23] «Книга строельная города Симбирска», стр. 22, 34.

[24] АМГ, т. 1, № 143, стр. 170.

[25] С. Мельников. Акты исторические и юридические и древние царские грамоты Казанской и других губерний, т. 1. Казань, 1859, № 34, стр. 58.

[26] «Опись городу Синбирску и его уезду в 1678 г.», стр. 57—115.

времени заселения этого района можно сделать по материалам архива Пазухиных.

Жилец Г. Ф. Арапов, получив в 1663 г. поместную землю из «дикого поля», был основателем деревни Араповки Алатырского уезда (эта деревня существует и теперь) [27]. Другой помещик этого уезда, А. А. Крюков, владел деревней Крюково в 1664 г., а по родословной Крюковых известно, что и дед его Богдан Крюков владел той же деревней [28]. Алаторцу Б. Р. Ермолову в 1636 г. была дана ввозная грамота на села Корноухово, Лукьяново тож, в Пьянском стане. В тексте ее добавляется: «А наперед сего то поместье было за алаторцем же за Лукьяном Корноуховым». Последний получил ее в 1617 г., как значится в выписи из отказной книги, из дикого поля, и она не имела еще никакого названия. Позднее это же село стало называться Лукьяновом, под каким названием оно и перешло к следующим владельцам, Языковым [29].

О времени заселения Алатырского уезда говорят также многочисленные отказные документы архива на землю и челобитные о ней, относящиеся ко второй половине XVII в., а также неоднократное упоминание в челобитных С. И. Пазухина по размежеванию его владений с соседними помещиками в 1678—1679 гг.: «А та дача дана прежним помещиком из диких поль» [30].

Наделяя служилых людей-переведенцев пахотной землей внутри засечной черты, правительство пыталось освоить также земли и по ту сторону вала, на крымской стороне, более доступной для нападения кочевников. Тенденция правительства отводить земли служилым людям по ту сторону вала, предоставляя им «обживать» эти земли и естественно расширять территорию государства закреплена, была и в Уложении. В статье 40 главы XVI говорится, что в «украинных» городах можно давать служилым людям «порозжей» земли сверх их поместья, при окладе в 400 четвертей — 70 четвертей, при окладе в 300 четвертей — 60 четвертей и соответственное количество при меньших окладах. На эту статью Уложения ссылаются отказные книги Симбирского уезда при отводе земли симбирянам Тарханову и Алашеву по 65 четвертей каждому «пашенной порозжей земли» за валом при окладе 350 четвертей. При этом в отказных книгах оговаривается, что земля эта отводится ***«от засечных крепостей не в ближних местах»*** (курсив мой.— ***Е. О.***) [31].

---

[27] ГБЛ, Отдел рукописей, ф. 221, (далее — Архив Пазухиных), Паз IX/34, VI/23, VI/26.

[28] А. А. Пазухин. Родословная Пазухиных и родословные материалы Пазухинского архива. СПб., 1914, стр. 50.

[29] Архив Пазухиных, Паз VI/64, XX/11.

[30] Там же, Паз I/60.

[31] Там же, Паз XIX/7.

Заселение Симбирской черты шло очень быстро, и уже в 70-х годах XVII в. казаки, переведенные всего 20 лет назад из Арской слободы в городок Юшанск на Симбирской черте, жаловались, что «против братьи [их] конных синбирских, свияжских и карлинских слобод казаков пахотной земли и сенных покосов скудно, окружены и огранены со всех сторон и без пахотной земли и сенных покосов оскудали. А есть де *за валом,* на крымской стороне, по Студеному ключу порозжая земля и на оброк никому не отдана». Казаки просили эту землю пожаловать им, «чтобы им без земли и без сенных покосов в конец не погибнуть и службы не отбыть» [32].

Вскоре возникла необходимость подумать о создании новой оборонительной черты для охраны населения, осевшего южнее Симбирской черты.

В конце 60-х годов в верховьях реки Суры воевода Е. П. Лачинов построил г. Пензу, крайний город новой черты. Название посада и слобод Пензы говорит об их военно-стратегическом значении: Черкасская, Конная, Стародрагунская, Новодрагунская. Город и слободы были заселены конными казаками из Воронежского уезда и из г. Шацка [33].

К этому времени Симбирск уже значительно вырос — по описи, составленной в 1678 г., в нем было 623 двора и 1634 жителя [34].

Воеводе Симбирска кн. Г. А. Козловскому было поручено в 1683 г. набрать симбирских дворян, иноземцев и стрельцов Симбирской и Карсунской черты и построить город на р. Сызранке [35].

Уже на другой год, в 1684 г., в новопостроенный город Сызрань были переведены из Казани, Тетюш и Чебоксар солдаты с урядниками и сержантами «на вечное житье» [36].

Вслед за постройкой Сызрани воевода кн. Г. А. Козловский строил новую Сызранскую черту, соединяющую Сызрань с Пензой. Указом 1683 г. было велено здесь селиться дворянам, детям боярским и казакам. Сюда переводят также иноземцев, мурз и татар с Симбирской черты. Городским жителям и другим переведенцам отводят здесь земли, платят денежное жалованье [37].

Однако и эта черта недолго была фактической границей Русского государства.

---

32 В. Холмогоров. Указ. соч., стр. 13.

33 Описание гор. Пензы, составленное подпол. Свечиным в 1765 г. (ЦГАДА, ф. Сената, кн. 936/3419, л. 924).

34 «Опись городу Синбирску и его уезду в 1678 г.», стр. 3.

35 ДАИ, т. 10, № 86, стр. 400.

36 Там же, стр. 401.

37 «Материалы...», т. II, № 41, стр. 98.

В конце XVII в. по указу Петра I были построены два новых городка: Петровск на реке Медведице и Павловск на р. Хопре [38].

В строительстве Петровска принимал большое участие воевода г. Алатыря Степан Богданович Ловчиков. Очевидно, правительство в конце XVII в. считало г. Алатырь вполне освоенным, «внутренним», городом и могло поручить его воеводе строительство нового пограничного города [39].

Служилые люди в новые города были переселены из Инсара и Пензы, а также с освоенной уже Карсунской черты [40].

Почти одновременно с заселением Петровска и Павловска происходит массовое переселение казаков из городов и слобод по черте в отвоеванный у турок город Азов, а земли эти жалуются в поместье крупным феодалам — князьям Федору Юрьевичу Ромодановскому, Юрию Юрьевичу Трубецкому, Михаилу Яковлевичу Черкасскому и другим, которые заселяют их крестьянами, переведенными из замосковных уездов [41].

Таким образом, к концу XVII в. заселение Среднего Поволжья значительно продвинулось к югу, и началась колонизация территории будущей Саратовской губернии.

* * *

Стремление правительства заселить новые плодородные земли Симбирского края встретило полную поддержку среди служилых людей. Источники свидетельствуют о заинтересованности служилых людей в расширении своего землевладения на юго-востоке. Многие арзамасские и алатырские помещики просят прибавки к своим поместьям в Симбирском уезде. Служа по городу Симбирску, они хотят получить там и земли «к старому Арзамасскому и Алаторскому поместейцу». Например, симбирянин Данила Неклюдов просил в 1676 г. пожаловать ему поместье в Симбирском уезде «за многие службы, рану, полон и осадное сидение», из лишней земли, оставшейся после отказа «прожиточного жеребья» вдове Г. И. Шишова [42].

Стряпчий Сытного дворца Д. И. Головков получил «к старому его поместью в Суздальском и Кинешемском уездах» поместье в Алатырском уезде. А позднее его сын меняет это поместье на землю в Саранском, более южном, уезде [43].

---

[38] «Труды Саратовской ученой архивной комиссии», т. I, вып. 1, Саратов, 1888, стр. 508.
[39] Там же.
[40] В. Холмогоров. Указ. соч., стр. 15, 55.
[41] Там же, стр. 13, 15, 57, 58, 73.
[42] «Материалы...», т. 1, № 4, 5, 6, стр. 7—8.
[43] Архив ЛОИИ, Керенские акты №№ 24, 32.

Тяга на юго-восток характерна также и для помещиков дальних областей. Известный дворянский род Волынских, основные владения которых были в Московском и Вяземском уездах, в начале XVIII в. приобретает земли в Симбирском уезде [44].

В конце XVII в. служилые люди просили себе земли уже в Саранском и Саратовском уездах: в 1697 г. подьячий Саранской приказной избы Тарханов отказывал «порозжую землю» в этих уездах пятерым помещикам «в додачу к старым поместьям: М. Колосовскому — к Темниковскому и Кадомскому — в додачу к 190 четвертям, В. Данилову — к Рузскому и Рязанскому — к 240 четвертям, Ив. Резвову — вновь, Дм. Жданову — к Рузскому и Саранскому — к 325 четвертям, Колбецкому и Кемарскому в указное число по 25 четвертям в оклад... со всеми угодьями» [45].

Документы архива Пазухиных, как и другие источники, рисуют историю переселения в эти края нескольких дворянских семей. Многие из них переселились из Мурома, где они служили и были записаны в десятни 1597 и 1605 гг., это — Араповы, Дурасовы, Мертваго, Языковы [46]. В раздельных, деловых записях и других земельных документах отмечается, что земля у них худая, редко средняя, и что на семью приходится земли 35—50 четвертей [47].

В той же десятне 1597 г. по Мурому записан среди служилых новиков В. Г. Чирков, с окладом в 400 четвертей и 7 руб. деньгами [48]. В земельных документах 1628 и 1632 гг., данных ему и его сыну, отмечается сильная разбросанность владений, запустение многих деревень и наличие только средней и худой земли [49].

В 1652 г. В. В. Чирков меняет часть своего муромского поместья на землю приборных людей — «воротничью землю у Лунгинских ворот» в Алатырском уезде, где его сын Антон впоследствии неоднократно просит себе земель из «дикого поля» [50]. На эту землю они переводят 30 семей крестьян из Муромского уезда и просят записать их в писцовые книги по Алатырю [51]. Однако в Алатыре они надолго не задерживаются и продвигаются на юг, выменивая часть поместья у помещика в Саранском уезде. Это сопровождалось жестокой борьбой и

---

[44] ГБЛ, Отдел рукописей, Архив Волынских. Вол 2/17 — Вол 2/20, Купчие на землю В. И. Волынского (1712—1725 гг.).

[45] «Труды Саратовской ученой архивной комиссии», т. IV, вып. 1, Саратов, 1893, стр. 78.

[46] В. Н. Сторожев. Материалы для истории русского дворянства, вып. 1. М., 1891, стр. 66—67.

[47] Архив Пазухиных, Паз V/12, V/15, XX/7.

[48] В. Н. Сторожев. Указ. соч., стр. 72, № 81.

[49] Архив ЛОИИ, Коллекция Ключевского, № 15, 24.

[50] Там же, № 58д, 58в, 58г и др.

[51] Там же, № 59, 62, 65.

вытеснением разорившихся помещиков[52]. Переселение этого рода продолжалось в течение всего XVII в., и в 1693 г. детям В. Чиркова уже отказывают землю «из порозжих земель за валом в Саранском уезде»[53].

Движение служилых людей шло также по линиям Муром — Саранск, Темников — Саранск. Например, представители рода Юматовых из Мурома, записанные в Муромских десятнях 1597 и 1605 гг., продвигались в Саранск, где они основали дер. Юматовку[54], Ворыпаевы также прошли путь из Мурома в Шацк и Саранск, где Ворыпаев просил в конце XVII в. дать ему «дикой порозжей земли», не пожалованной никому в поместье и на оброк[55].

Другие переселялись из Костромы, где земля была «худая и средняя» и той было мало, а владения «чрезполосные»[56].

У Пазухиных, помещиков Костромского уезда, в нераздельном владении на трех человек имелось, по выписи 1627/28 г., 198 четвертей в поле, но эти земли были разбросаны в 14 деревнях и пустошах, причем «доброй» земли совсем нет, а в нескольких «пустошах, что была деревня» — только «худая» земля[57]. Но Пазухины не остановились в Алатырском уезде, они продвигались на юг Симбирского уезда.

Все эти переселяемые правительством на черту или переселявшиеся сами служилые люди были представителями низших и средних слоев дворянства. В этом легко убедиться при беглом знакомстве с опубликованными документами по этому району[58]. У них очень небольшие поместные дачи, мало крестьян, и не хватает рабочих рук даже для их маленьких участков. Поэтому идет беспрестанная борьба между помещиками за землю и за крестьян, своз их у соседей и разнообразные тяжбы по этим делам.

* * *

Архив Пазухиных, включающий в себя материалы нескольких родов помещиков смежных уездов, дает возможность представить себе социальный состав помещиков Алатырского уезда, главным образом в двух районах: по течению р. Суры от Пром-

---

[52] В отказной грамоте Чиркову отмечается: «И ему де, Антону, на той земле поселиться нечем, человек скудной, и нам бы [в. г.] пожаловать его Антона, тое его поместную землю 30 четвертей велеть с него снять для его скудости и пустоты» (там же, № 84).

[53] Архив ЛОИИ, Коллекция Ключевского, № 402.

[54] Архив ЛОИИ, Керенские акты, № 1, 16.

[55] Там же, № 19, 36, 38.

[56] Архив Пазухиных, Паз VI/5.

[57] Там же, Паз I/2.

[58] «Материалы...», т. II.

зина городища до Алатыря и в низовьях Суры, по течению рек Медяны и Киша [59]. В просмотренных документах по этим районам Алатырского уезда и по некоторым смежным уездам упоминаются 92 фамилии и около 200 помещиков [60]. Среди них стольников было всего 7 человек (Апраксин, Есипов, Левашов, Миленин, Пазухин, Плещеев, Языков) причем дослужились они до этого чина только к 1690 г. Еще меньше было крупных феодалов, хотя, конечно, они просачивались и на эту окраину. Объяснялось это тем, что правительство старалось заселить границы мелкими феодалами (детьми боярскими) и служилыми людьми по прибору, которые могли бы лично нести службу по охране границ. В это время существовала система «заказных городов», в которых нельзя было селиться московским чинам. Но в конце 70-х годов эта охранительная система рухнула в результате продвижения границы к югу и, следовательно, относительной безопасности этих районов. С 80-х годов намечается значительное расширение крупного землевладения на юге страны, что подтверждается также и документами архива Пазухиных.

В конце XVII в. в документах среди землевладельцев этого края упоминаются боярин кн. Ф. Ю. Ромодановский, кн. И. Б. Троекуров, кн. Иван и Петр Ивановичи Хованские, а в начале XVIII в. земли здесь отводятся кн. Ю. Ю. Трубецкому и кн. М. Я. Черкасскому. Раньше других крупных феодалов сюда проник боярин Б. М. Хитрово, которому еще в 1646 г. было поручено наблюдать за строительством «степных городов», и, вероятно, тогда же он получил в качестве поместья Барышскую слободу и село Ново-Никитино Алатырского уезда.

Остальная масса помещиков этого района — мелкие дворяне с небольшими поместьями, по 4—5 крестьянских дворов в первой половине XVII в. и не более 20—30 дворов в конце века. Таково было основное ядро служилых людей, первых поселенцев Алатырского и соседних уездов.

Как наделяли землей переселенных служилых людей на этой окраине?

Многочисленные челобитные о пожаловании земли за службу или после смерти родителей написаны дворянами и детьми боярскими от своего имени. Отказные грамоты также закрепляли землю только за одним лицом.

---

[59] Следует помнить, что по Алатырскому уезду сохранилось всего несколько разрозненных по отдельным поместьям писцовых книг за разные годы, что не дает картины хозяйства уезда и социального состава помещиков.

[60] В этот подсчет не вошли служилые люди по прибору — стрельцы, казаки, солдаты. Но они не изменили бы картины, так как получали земельные наделы еще меньше.

Юридически земля закреплялась за одним помещиком, но практически она часто и не размежевывалась между соседями. Так, например, земли, доставшиеся Семену Ивановичу Пазухину после его тестя Григория Федоровича Арапова, не были размежеваны с несколькими его соседями, отчего у Пазухина возникли длительные тяжбы. Обычно земли размежевывались между наследниками. Так, за Григорием, Семеном и Иваном Языковыми в Шацком уезде было 277 четвертей, которые перешли им от отца, а «порознь за ними же отца их вотчина не расписана, а если расписать, то будет по 92 четверти» [61].

Служилые люди по прибору на этой окраине получали личные наделы. Такова выпись об «отделе» поместья в селе Сары Алатырского уезда казаку Тимофею Сидорову. Ему отделяют в 1619 г. «доброй земли из дикого поля» 45 четвертей, и, как обычно помещикам, предлагается «крестьян называть»: «А крестьянам Тимофея во всем слушать и пашня на него пахать и доходы помещиковы платить» [62]. Эта выпись ничем не отличается от других выписей, даваемых дворянам и детям боярским. В другой выписи 1624/25 г. записано: «за казаком за Борисом Трофимовым жеребий село Сары, а на его жеребий двор помещиков, двор бобыльской, пашни паханой и перелогу 33 четверти в поле». В последующих документах его сына называют «белозерцем алатырским помещиком» [63]. Значит, некоторые слои приборных людей приравнивались впоследствии к помещикам [64].

Указания на личные наделы приборным людям встречаются в архиве в различных документах. Так, во ввозной грамоте (1689 г.), данной пьячему Дмитрию Иванову на поместье в Кокшайском уезде, при перечислении межей записывается: «...и от той поляны по конец большого долгого болота, что у новоросчистной земли кокшайского стрельца Гришки Прокофьева и возле болота вверх...» [65]. Из следующего документа можно заключить, что казаки могли свободно распоряжаться своими наделами: в сказке старосты Григория Федоровича Арапова говорится, что он «наймовал» в 1672 г. в с. Саре жеребий казака Игнатья Николаева сына Мороза [66].

В документах можно встретить указания, что служилые люди по прибору владели крестьянами. Ельчанин солдатского строя Кабускин поступается крестьянином Я. Миленину вместо беглого, а казак Лаишевской слободы С. Гаврилов принимает

---

[61] Архив Пазухиных, Паз XX/18.
[62] Там же, Паз VII/20.
[63] Белозерье — местечко на Симбирской засечной черте.
[64] Архив Пазухиных, Паз VII/26, л. 6.
[65] Там же, Паз VI/17.
[66] Там же, Паз VI/34.

к себе во двор беглого крестьянина сына боярского Терентия Лихутина [67].

Таким образом, документы архива Пазухиных показывают, что как дворяне, так и приборные люди на этой окраине получали личные наделы земли, поэтому мы имеем право сказать, что условия испомещения приборных служилых людей на юго-восточной окраине несколько отличались от условий на южной окраине. Во-первых, здесь им отводилось больше земли — казаку 33 и 45 четвертей, тогда как на юге казак получал 20 четвертей [68]; во-вторых, при «отделе» земли им давался также крестьянский или бобыльский двор, что сразу отличало их от тех казаков и стрельцов на южной окраине, которые должны были сами обрабатывать свою землю.

Земли здесь было больше и отводили ее без строгого учета. При отведении земли новым поселенцам измерялась только пашня, сенными покосами пользовались «по конец поль», земли под усадьбу и лес отмечались особо, так что действительное количество земли, которым владел «окраинный» помещик, было гораздо больше, чем отмечается в документах. Различный характер заселения обеих окраин объяснялся еще и тем, что на юге гораздо чаще были военные столкновения с татарами даже в XVII в. поэтому там нельзя было заселять большие пространства, далеко расположенные от укрепленных мест. На юго-востоке же прямые военные столкновения с кочевниками в XVII в. были редки. Здесь задача феодального государства заключалась не столько в создании оборонных рубежей, сколько в заселении и скорейшем освоении огромного пространства почти незаселенных областей.

Однако раздавая земельные дачи по засечным чертам, правительство обязывало служилых людей нести здесь службу. Сложность ее заключалась в том, что служилые люди этого края должны были не только укреплять свои засечные черты, но и регулярно выделять «уездных» людей для посылки на южные границы государства. Тетюшанин сын боярский Т. Ф. Назарьев ездил из Тетюш в проезжую станицу за Волгу до Красной речки «для вестей про воинских людей». В доезде он сообщает, «что никаких воинских людей сакмы не переезживал» [69]. В Тетюшах служил алатырский помещик Афанасий Митюрин. Алаторцу А. А. Крюкову, служившему в г. Урене по Симбирской черте, отводят пашню (в 1681 г.) в Симбирском уезде, «от засечных крепостей не в ближних местах», записывают в Симбирскую десятню, после чего он именуется «симбирянином». Целая группа

---

[67] Архив Пазухиных, Паз IV/50, Паз VII/15.
[68] Д. И. Багалей. Указ. соч., стр. 113.
[69] Архив Пазухиных, Паз VII/18.

алаторцев и курмышан детей боярских была послана в 1646 г. атемарским воеводой на «медведицкую службу». В 1677 г. после постройки Пензы большую группу алаторцев и белозерцев послали на «пензенское валовое делю». Этот вал строили служилые люди всего края. Воеводам городов Ядрина, Инсара и Курмыша предписывалось немедлено послать служилых людей «к валовому и засечному делу». В конце XVII в., когда строился вал между Саратовом и Царицыном и проводились шлюзные работы, туда посылали одного человека с 6 крестьянских дворов.

Многие помещики края участвовали в чигиринских (Пазухин, Лихутин, Языков и др.) и крымских (Л. Лихутин, Бурцев, Пазухин) походах 70—80-х годов XVII в., за которые были пожалованы поместьями. Для регулярной службы на южной окраине составлялись списки дворян, причем первая половина отправлялась в Рыльск и Путивль, а вторая оставалась на местной службе [70].

Вместе с русскими служилыми людьми по черте были испомещены мордовские и татарские мурзы. Оборона государства от кочевников была важным делом и для нерусского населения [71].

* * *

Помимо планомерной колонизации края, осуществлявшейся правительством путем поселения служилых людей и отведения им земли, большую роль в освоении края сыграли монастыри.

Монастыри на окраинах государства в XVI—XVII вв. представляли собой оплот и опору правительства и в связи с этим пользовались значительными льготами. Помимо жалованных грамот на большие земельные угодья, рыбные ловли и бобровые гоны, правительство предоставляло монастырям право «называть» к себе крестьян из других мест. Волжские берега и крупные города были главным местом основания монастырей. При постройке нового монастыря строители выбирали наиболее удобное место как в географическом, так и в экономическом отношении, отчего извлекались выгоды от самого местоположения монастыря.

Первым потоком монастырской колонизации можно считать строительство монастырей в городах края после присоединения Казани и Астрахани в XVI в. Всем вновь построенным монастырям были пожалованы большие земельные владения, рыбные ловли и другие угодья [72].

---

[70] Там же, Паз IV/8.

[71] Об участии мордовских станичных мурз в оборонной службе в Азове и на Карсунской черте см. Архив Пазухиных, Паз VII/28.

[72] Г. Перетяткович. Поволжье в XVII и начале XVIII века, стр. 17.

Казанские городские монастыри Спасо-Преображенский и Успенский-Зилантьев, получив земли вокруг Казани, очень скоро значительно расширили свои владения [73]. Нижегородский и Курмышский монастыри, кроме земель, добились от правительства освобождения от пошлин и даже от суда наместника.

Еще более обширные пожалования монастырям в этом крае начинаются с 20-х годов XVII в. Правда, это шло вразрез с общей политикой правительства по отношению к монастырскому землевладению: в центральных уездах оно в XVII в. не так охотно шло на расширение земельных владений монастырей. Иное дело на окраинах. Правительство, заинтересованное в хозяйственном освоении окраин, давало земли монастырям, видя в этом опору русской колонизации.

Богатства волжских берегов привлекали и московские монастыри. Они стали проникать сюда очень рано, с начала XVII в.

Один из богатейших московских монастырей, Чудов, получил еще в 1606 г. пожалование на значительные пространства земли по левому берегу Волги для рыбной ловли «в Самарских тихих Сосновых водах, от Черного затону вниз Волги на 45 верст до устья Елань-Иргиза» [74].

В 1685 г. монастырь просил расширить его права и на правый берег Волги, который весной не заливается водой [75]. Позднее, в 1699 г., монастырь перевел сюда 300 крестьянских дворов, и в начале XVIII в. здесь возникло село Архангельское [76]. Постепенно из подобных монастырских сел возникали целые города, например, село Архангельское переросло в город Хвалынск, а другое монастырское село — в город Вольск [77].

Очень рано закрепился на Волге и Троице-Сергиев монастырь, получивший в 1616 г. подтверждение на беспошлинную рыбную ловлю на Волге ниже Казани, Тетюш, Самары и Саратова [78].

В период с 1631 по 1674 г. ряд пожалований и льгот на рыбные ловли в Саратовских водах, на дворы и землю в самом городе получил и московский Ново-Спасский монастырь. В одной из грамот сказано, что жалуются монастырю по-прежнему рыбные ловли в Иргизских водах, так как бывшие за монастырем

---

[73] И. М. Покровский. К истории поместного и экономического быта в Казанском крае. Казань, 1909.

[74] Г. Перетяткович. Поволжье в XVII и начале XVIII в., стр. 239.

[75] А. Н. Зерцалов. Материалы по истории Симбирского края, стр. 38—43.

[76] Н. С. Соколов. Раскол в Саратовском крае, т. I. Саратов, 1888, стр. 9.

[77] И. Покровский. Русские епархии в XVI—XIX вв., т. 1. Казань, 1897, стр. 153.

[78] «Труды Саратовской ученой архивной комиссии», т. IV, вып. 2. Саратов, 1893, стр. 60.

Курдюмские и Чирлатовские воды «пред прежними Иргизскими водами не прибыльны» [79].

Во второй половине XVII в. намечается борьба между духовными феодалами, московскими монастырями и местными владельцами богатых угодий по Волге, посадскими и торговыми людьми. Обычно эта борьба оканчивалась в пользу монастырей[80].

В связи с этим интересно отметить и пожалование Савво-Сторожевскому монастырю в 1660 г. богатой вотчины в Самарской Луке — Надеинского усолья.

Получив Надеинское усолье, Савво-Сторожевский монастырь стал расширять свои владения, и в 1699 г. ему принадлежали уже село Жигулевка, три слободы да две слободки. Всего в этой вотчине было дворов (крестьянских, поповских и мастеровых) 299, а людей в них 962 [81]. Старцы монастыря управляли соляными варницами и заселяли край на 200 верст в окружности, призывая к себе крестьян, которые шли очень охотно, так как «с работных людей и бобылей, которые работают в соляных их варницах, никаких податей на великого государя имать не велено» [82].

Документы о различных пожалованиях монастырям в Среднем и Нижнем Поволжье рисуют картину быстрого расширения их владений как за счет пожалований, так и за счет вытеснения частных владельцев. Они говорят об огромной роли монастырей в заселении края в XVI и XVII вв.

* * *

В связи с монастырской стоит и крестьянская колонизация. Эта так называемая вольная колонизация была наиболее значительной и решающей для освоения и заселения юго-восточной окраины государства, так как именно трудом народных масс — крестьян и посадских людей — осваивался этот край и приводился в культурное состояние.

Массовое переселение крестьян на окраины было тесно связано с усилением феодального гнета в центральных уездах государства. Крестьянская колонизация особенно усилилась во второй половине XVII в. после Соборного Уложения, юридически оформившего крестьянскую крепость. Правительством это переселение не только не санкционировалось, но и преследовалось, однако, жестокие меры борьбы с побегами крестьян не могли их остановить. О грандиозных размерах, которые приняли эти

---

[79] «Труды Саратовской ученой архивной комиссии», т. I, вып. 4. Саратов, 1888, стр. 445.

[80] А. Н. Зерцалов. Материалы по истории Симбирского края, № 13, стр. 26—28.

[81] Там же, № 21, стр. 49—50.

[82] Там же, стр. 51.

побеги в начале XVIII в., мы можем судить по усилению наказаний за побеги крестьян и за укрывание беглых [83].

Беглые крестьяне, направлявшиеся в Поволжье, заселяли наиболее удобные места, главным образом по Волге и другим рекам, порядились на пашню в монастырские вотчины и дворянские поместья, работали на варницах и других промыслах. Давая право «называть» крестьян, правительство запрещало помещикам и монастырям принимать беглых [84]. Однако этот закон практически не выполнялся, так как рабочие руки были здесь нужны, и государственная администрация смотрела сквозь пальцы на социальное прошлое новоприходцев.

Всего через 15 лет после окончания строительства Симбирской засечной черты по другую ее сторону, на Арбугинских возвышенностях, заселено было несколько «государевых слобод»: Кременская, Кривушинская, Шиловская, Тушнинская и Ключищенская. В 1669 г. воевода кн. Иван Иванович Дашков закрепил за ними рыбные ловли по обе стороны Волги с оброком по гривне с двора, отвел на луговой стороне Волги 860 дес., а на нагорной — 450 дес. земли [85].

Правительство было заинтересовано в укреплении хозяйства и увеличении пашни «государевых слобод».

В 1678 г., когда составлялась опись городу Симбирску и пригороду Тагаеву, была также составлена и опись слободам на Арбугинских полях. Из нее видно, что к этому времени слободы были очень населены: в Кременской слободе было 95 дворов крестьянских с населением в 310 человек м. п., 55 дворов бобыльских и в них 127 бобылей; в Кривушинской слободе — 92 крестьянских двора и 342 человека, 32 бобыльских двора и 101 человек; в Шиловской слободе — 60 крестьянских дворов и 188 человек, 74 бобыльских двора и 145 человек; в Тушнинской — 55 крестьянских дворов и 290 человек, 39 бобыльских дворов и 72 человека и в Ключищенской — 31 крестьянский двор и 117 человек, 66 бобыльских дворов и 240 человек. Во всех слободах было, таким образом, 333 крестьянских и 266 бобыльских дворов, а в них 1247 крестьян и 685 бобылей, всего 1932 человека м. п. [86]

Кроме того, крестьяне могли поверстаться здесь в новоприборные полки на засечных чертах. Возможность стать мелким

---

[83] См. И. Е. Энгельман. История крепостного права в России. М., 1900, стр. 112—116.

[84] Д. И. Багалей. Материалы для истории колонизации и быта степной окраины Московского государства (Харьковской и отчасти Курской и Воронежской губ.) в XVI—XVIII столетии, т. I. Харьков, 1886, № XLV, ст. 169.

[85] П. Мартынов. Селения Симбирского уезда. Симбирск, 1904, Приложение № 5, стр. 30—31.

[86] «Опись городу Синбирску и его уезду», стр. 30—56.

служилым человеком (затинщиком, пушкарем и пр.), выйти из тяглого состояния, а иногда и быть поверстанным поместьем привлекала крестьян и холопов со всего государства. Здесь также по закону принимали только «вольных» людей, но несмотря на многократные указы о возвращении беглых из среды стрельцов и казаков, правительство не могло остановить потока уходивших на юг и оседавших на засечных чертах. Издавались противоречивые указы о невозвращении беглых крестьян с черты, так как правительство было прямо заинтересовано в заселении пограничных областей. В конце концов это пришлось признать и законодательно [87].

Беглые, стекавшиеся в Поволжье из различных уездов, селились не только в «государевых слободах» и по засечной черте, как мелкие служилые люди, но и рядились в крестьяне к местным служилым людям. А последние были очень заинтересованы в заселении своего поместья крестьянами.

Помещику этого края приходилось очень деятельно искать крестьянские руки для своего хозяйства. Об этом свидетельствуют служилые кабалы и порядные записи, данные в 1676—1685 гг. алатырскому помещику С. И. Пазухину. Он заключает их в разных городах края: Казани, Карсуне, Алатыре. Поряжаясь, крестьяне называют себя «вольными гулящими людьми, скрывая иногда под этим названием свое бывшее крепостное состояние.

По этим документам ясно видно движение крестьян с севера на юг, так как они называют себя выходцами из Ярославского, Костромского и других уездов и даже выходцами из польского плена [88].

Помещик С. И. Пазухин настойчивее всего боролся за закрепление за собой крестьян, принадлежавших родственникам [89].

Своз крестьян, столь распространенный в центральных уездах государства, приводивший мелких помещиков к разорению, применялся Пазухиным и в Алатырском уезде.

С крупными феодалами Пазухин вел тяжбы за крестьян не один раз. Он не остановился и перед насильственным свозом крестьян у боярина князя Ивана Борисовича Троекурова. Пазухин жаловался ему, что его приказчик Григорий Игнатьев держит у себя крестьянина, который перешел к Пазухину от родственницы М. И. Крюковой по поступной записи еще при ее жизни: Умилостився, государь, боярин и князь Иван Борисович,

---

[87] ПСЗ, т. II, № 998.

[88] Архив Пазухиных, Паз II/15—II/19.

[89] Там же, Паз VI/37, II/24, II/46, II/39, II/41; ЛОИИ, Коллекция Ключевского, № 360.

прикажи крестьян и землю по крепостям отдать»[90]. Однако из челобитной 1695 г. самого крестьянина Ивана Михайлова, о котором шел спор, выясняется другое. Он пишет, что, получив отпускную от Крюковой, бил челом «с воли» в задворные люди к Троекурову. В конце челобитной И. Михайлов просит не верить его подневольному расспросу в Карсуне, так как он хочет служить Троекурову в задворных людях. Поражение в борьбе за этого крестьянина не остановило Пазухина и в том же 1695 г. у него был суд с приказчиком Троекурова из-за другого насильно свезенного крестьянина[91].

Документы архива говорят и о других случаях своза крестьян как Пазухиным, так и другими помещиками этого района[92].

Побеги крестьян были довольно частым явлением в этом районе. Помещики же настолько нуждались в рабочих руках, что производили разнообразные сделки на беглых крестьян. С. И. Пазухин очень часто принимал беглых в своем поместье[93]. Это отмечено и в официальном документе, сказке 1680 г. о количестве крестьян, живущих за ним[94].

Различные, иногда очень сложные приемы помещиков по закреплению за собой крестьян вскрывают нам многочисленные тяжебные дела о спорных крестьянах, которые вел Пазухин. В них ясно видно упорное стремление помещиков любыми средствами закрепить за собой крестьян.

Многие тяжбы за крестьян длились годами.

Однако длительные тяжбы могли вести богатые, крупные помещики, надеявшиеся на свои связи в приказах или заступничество влиятельных лиц. Большинство мелких помещиков старалось избегать суда по розыску беглых, так как это было связано с затяжной «московской волокитой» в приказах и с большими издержками. Кроме того, по существующему законодательству, кроме беглых, виновный должен был отдавать еще и наддаточных крестьян. Это было очень разорительно. Поэтому гораздо чаще помещики заключали «полюбовные записи», «не ходя в суд» или «поговоря между собой полюбовно»[95].

Укрывательство беглых крестьян помещиками Среднего Поволжья подтверждается значительным количеством документов архива[96].

---

[90] Там же, Паз II/44.

[91] Там же, Паз II/43, Паз II/47.

[92] Там же, Паз II/20, лл. 1—6; Паз VII/23.

[93] Там же, Паз. II/22, II/35, II/40.

[94] Там же, Паз I/22.

[95] Это подтверждается также большим количеством «полюбовных записей» в архивах и печатных источниках.

[96] Архив Пазухиных, Паз IV/21, VI/6, VI/12, VI/93, VII/15 и другие.

Как уже говорилось, в основной массе беглые крестьяне были выходцами из центральных уездов.

О притоке беглых в понизовые города можно также судить по отдаточным книгам, куда записывались результаты сыска крестьян [97].

Однако, как мы видели, и в районах Поволжья происходила ожесточенная борьба помещиков за крестьян, перед которыми была здесь реальная возможность избежать помещичьего гнета, записавшись в приборные люди на черте или уйти вольными на Яик. Поэтому помещики здесь, как и в центре страны, объединялись и писали коллективные челобитные с просьбой разыскать их крестьян [98].

В ответ на дворянские челобитные правительство посылало сыщиков. Особенно часто их стали посылать во второй половине XVII в. [99] Правда, на Яик сыщики не посылались. Когда в 1688 г. казанский митрополит Адриан потребовал выдачи раскольников, укрывшихся на Яике, Яицкое войско дало резкий отпор: «В прошлых годех от нас, Яицкого войска, никаким беглым людем отдачи не бывало; на поле к себе беглых людей не призываем, а с поля не ссылаем». Только в самом конце XVII в., в 1695 г., было прислано на Яик правительственное распоряжение не принимать беглых. Но казаки отказались его выполнить. Они отстаивали свою старую привилегию: «С Яика выдачи не бывает» [100].

Помещики сыскивали своих крестьян и сами. Проведав, где мог находиться беглый крестьянин, они посылали туда своего приказчика с наказной памятью, в которой подробно указывалось, как и где взять беглого. Это распоряжение приказчику подкреплялось часто грамотой правительства к воеводам, обязанным всячески помогать помещику. Подобный розыск организовал помещик Иван Алексеевич Мещеринов, крестьяне которого бежали из Галицкой вотчины в Алатырь к Петру Ивановичу Матюшкину. В наказной памяти своему человеку Григорию Степанову (1688 г.) Мещеринов писал, что следует ехать в вотчину Матюшкина «будто милостины прошать» и там проведать, где живут его беглые. После подробных указаний, как вести розыск, помещик приказывает: «О том постарайся, чтобы всех

---

[97] По этим городам сохранилось две книги за 1667—1668 гг.— Кн. Поместн. приказа, Казань 6465/27 и 6462/24.

[98] Подробно о коллективных челобитных и о побегах крестьян см. в работе А. А. Новосельского «Побеги крестьян и холопов и их сыск в Московском государстве второй половины XVII века», стр. 325—354.

[99] Там же. См. также Архив ЛОИИ, Коллекция Лихачева 168/33; Архив Пазухиных, Паз I/41, IV/84.

[100] «Очерки истории СССР. XVII в.», М., 1955, стр. 272, 277.

мужиков сыскать против росписи и сверх росписи, где про иных мужиков скажут и тебе бы их сыскать. А если мужиков сыщешь, и тебе за то быть пожалованным. И будучи тебе у моего дела, не пить и не бражничать и об моем деле радеть неоплошно» [101].

Характер исследуемого архива, представляющий материал несколько дворянских родов XVII в., дает возможность проследить направление побегов крестьян в этом районе.

Примерно из 50 изученных дел о беглых в архиве Пазухиных направление побегов XVII в. определяется следующее: крестьяне бежали из Костромского, Суздальского, Муромского, Арзамасского, Шацкого и Алатырского уездов. Иногда в тех же челобитных помещиков указывается и место их побега. Из различных указаний можно заключить, что крестьяне бежали в Алатырский, Арзамасский, Симбирский, Саранский, Уфимский, Пензенский уезды. Бежали обычно в соседние уезды, например, из Костромы бежали в Алатырь, из Мурома в Арзамас, Симбирск, из Шацка в Алатырь и казачьи слободы, из Алатыря в Симбирск, Саратов, Уфу, из Симбирска в Уфу.

Из этого можно сделать вывод, что благодаря побегам происходило «сползание» крестьянского населения по направлению на юг и юго-восток [102]. Это определяющее направление побегов на юго-восток подчеркивается и другими данными: в рассмотренных 50 делах о беглых только 4 побега крестьян были в обратном направлении: из Нижегородского уезда в Елецкий, из Кадома в Арзамас, из Алатыря в Кинешму, из Саранска в Алатырь [103]. Много сведений также о побегах внутри одного уезда.

Интересно было бы проследить, как долго крестьяне задерживались на одном месте. Некоторые примеры о частом переходе крестьянина от помещика к помещику можно привести на основании их расспросов в приказных избах. Беглый крестьянин Данила Иванов сказал в расспросе в 1683 г., что он жил «бегаючи» в Симбирске у иноземца И. К. Далецкого 2 года, да у симбирского иноземца И. С. Максимовского 1 год, «а от него отошел и жил в Синбирске в Успеньеве монастыре 10 недель, а принял его игумен Гурий и казначей монастыря» [104]. Другой крестьянин, уйдя от Т. Лихутина, жил 8 лет за попом, «зажи-

---

[101] М. И. Семевский. Исторические и юридические акты XVII и XVIII вв. М., 1870, № 33, 69.

[102] О направлении побегов крестьян в центральных уездах см. А. А. Новосельский. Побеги крестьян и холопов и их сыск в Московском государстве второй половины XVII века, стр. 338. А также И. А. Булыгин. Беглые крестьяне Рязанского уезда в 60 гг. XVII в.— «Исторические записки», кн. 43, 1953.

[103] Архив Пазухиных, Паз II/36, IV/59, VI/6, VII/15.

[104] Там же, Паз IV/58.

вая» свой долг в 3 руб., а как срок отжил, то остался у него же в найме 2 года. Женившись, переходил с женой из Саранского в Карсунский и Алатырский уезды [105]. Дело по розыску этого крестьянина относится к 1688 г.

Следует отметить, что большинство побегов происходило от помещика к помещику. Однако крупные монастыри, привлекая в свои вотчины крестьян, действовали теми же методами, что и помещики — укрывали беглых, свозили их от помещика [106].

Есть сведения, что крестьяне бежали от помещика не только в монастырские вотчины, но и в дворцовые села и в казачьи слободы [107].

Нередко крестьяне при побеге меняли имя, чтобы их труднее было найти. Очень часто в документах по розыску беглых встречается на это указание: «А бегаючи он, Трофим, переменил имя — Васькой», или «а прозвание он себе дал в бегах Губарев», «а в бегах Иван Кислый назвал себя Шедра» [108]. На это жалуются помещики, так как этим затруднялись розыски беглых.

Протестом против крепостного гнета являлся побег с крепостями на себя и других крестьян. Свияженин Ф. Бурцев писал, что у него пропал ящик с «письмами», с заемными и служилыми кабалами и крестьянскими записями. Он стал расспрашивать своего крестьянина Логина Романова: «А он мне сказал, что украл тот ящик он, Логинко, для своей крестьянской записи и отпускных». После этого Л. Романов бежал от помещика [109]. Пазухин тоже жаловался, что в 1681 г. от него бежал крестьянин Григорий Никитин, обокрав его: «подломил подголовок и вынял из того подголовка 200 руб. денег, да ожерелье жемчужное, цена 30 руб. Да он же снес крепости на старинных моих людей... да на приданых людей данную... да ссудные записи на крестьян» [110].

Убегая от помещика или из монастырской вотчины, крестьянин пытался освободиться от крепостной зависимости и не всегда сразу закрепощался снова. О занятиях крестьян в бегах мы узнаем из допросов их в приказных избах. Чаще всего они нанимались на различную работу: «... и бегая, жил в Синбирском уезде, по разным местам, кормился работой своей» [111].

Много беглых крестьян находило себе работу на Волге, в низовых городах, всегда нуждавшихся в «работных людях». Кре-

[105] Архив Пазухиных, Паз IV/61.
[106] Там же, Паз IV/44, IV/62, л. 2; V/41, IV/58, IV/62, IV/65.
[107] Там же, Паз IV/50, лл. 8—10.
[108] Там же, Паз IV/55, II/29, II/14, VII/40.
[109] Там же, Паз VII/39.
[110] Там же, Паз II/68.
[111] Там же, Паз XIII/15.

стьянин Б. Ф. Ермолова из Теплого стана Алатырского уезда Федот Никитин Шухин в расспросе говорил, что «ходил в низовые города и жил в Синбирском уезде у разных чинов людей в роботниках» [112]. Другой крестьянин, Павел Тихонов, пошел в Нижний Новгород и жил там у стрелецкого сотника Федота Иванова в работниках 6 недель. Весной же он нанялся у ярославского посадского человека И. А. Мушикова «плыть на стругах с хлебом из Ярославля на Макарьевскую ярмарку» [113].

Иногда беглые крестьяне надолго закреплялись в «работных людях». На допросе во время сыска беглая крестьянка Л. А. Бутурлина Мария Иванова Киреева сказала, что после смерти мужа «перешла жить из деревни Быковки на Барминской Алпаевский будный стан тому лет с 13, и жила на том майдане и по се число». Ее сын Василий был на этом будном стане будником, а другой сын Иван жил в бобылях. А дети ее женились на этом будном стане на дочерях будников [114].

* * *

После присоединения Казани и Астрахани в конце XVI в. началось усиленное заселение Среднего Поволжья и в частности района, расположенного между р. Сурой и Волгой. Еще раньше, с начала XVI в., привлеченные богатством края, свободными землями и рыбными угодьями по Волге, сюда проникали крупные московские монастыри, которые получали значительные пожалования от государства. По мере заселения края новые монастыри строились в городах и на засечных чертах и, пользуясь льготами государства, «называли» к себе крестьян.

Новый поток дворянской колонизации начался в 20-х годах XVII в., когда в интересах укрепления юго-восточных границ правительство переселяло служилых людей на засечные черты. Характер наделения здесь землей приводил к тому, что некоторые слои служилых людей по прибору приравнивались впоследствии к мелким помещикам, а не становились однодворцами, как на южных окраинах.

Заселение шло по горизонталям засечных черт: сначала Алатырско-Арзамасской, затем Карсунско-Симбирской и, наконец, Сызранской, в строительстве которых принимало участие почти все население соседних городов.

Вольная, т. е. крестьянская, колонизация значительно усилилась со второй половины XVII в., после Соборного Уложе-

---

[112] «Архив Пантусовых и Волковых», подготовил П. Мартынов, т. VI, Симбирск, 1912, № 24.

[113] Архив Пазухиных, Паз XIII/15.

[114] Там же, Паз VI/62.

ния, юридически оформившего крестьянскую крепость. Она была тесно связана и с монастырской и с правительственной колонизацией, шла как бы следом за ними, так как монастыри «называли» к себе крестьян, давая им большие льготы, а помещики получали землю без крестьян, привлекали к себе беглых крестьян, ибо незаселенная земля не давала им дохода. Поэтому крестьянская колонизация была самой массовой и имела наибольшее значение для заселения и освоения юго-восточной окраины.

Направление побегов крестьян в Поволжье шло по линии с севера на юг, уступами, как бы «сползая» в более южные уезды.

Помещики этого края, нуждавшиеся в рабочих руках, боролись за закрепление за собой крестьян, организовывали их сыск.

Переходя во время побегов от одних людей к другим, крестьяне стремились уйти от крепостничества в приборные люди на черте или в работные люди на Яике. Активным протестом против крепостничества при побегах было уничтожение кабальных и крепостных документов на себя и товарищей.

А. М. Орехов

ТОВАРНОЕ ПРОИЗВОДСТВО И НАЕМНЫЙ ТРУД В ПРОМЫШЛЕННОСТИ ПО ПЕРЕРАБОТКЕ ЖИВОТНОГО СЫРЬЯ В НИЖНЕМ НОВГОРОДЕ XVII В.

Нижний Новгород еще не подвергался изучению в плане проблемы складывания всероссийского рынка. В частности, город остался вне поля зрения С. В. Бахрушина в его незавершенной монографии, посвященной исследованию предпосылок складывания всероссийского рынка в XVI — начале XVII в. [1] Развитие мелкого товарного производства и применение наемного труда в нижегородской промышленности не получили освещения также и в трудах, в которых изучалась социально-экономическая история города [2]. Между тем рассмотрение именно этих вопросов на примере такого значительного города, каким в XVII в. являлся Нижний Новгород, представляет интерес.

Нижегородские источники (как опубликованные, так и неопубликованные) не дают возможности проследить динамику развития нижегородского ремесла до уровня мелкого товарного производства. Писцовая книга по Нижнему Новгороду, составленная в 1621—1622 г. Д. В. Лодыгиным [3], дает возможность установить лишь отдельные случаи работы на рынок. Источник

---

[1] С. В. Бахрушин. Научные труды, т. I. М., 1952.

[2] Д. Богородицкий. Очерк торговли Нижнего Новгорода за XVI и XVII вв.— «Университетские известия Киевского университета», 1912, № 7; А. Дахнович. Нижний Новгород в первой половине XVII века по писцовой книге (население и подати с населения).— «Действия Нижегородской губернской ученой архивной комиссии, т. XII, вып. 2, Нижний Новгород, 1912; Н. А. Бакланова. Торги и промыслы Нижнего Новгорода в 60-х годах XVII века.— «Ученые записки Института истории РАНИОН», т. V, М., 1928; П. Г. Любомиров. Очерки истории Нижегородского ополчения 1611—1613 гг. М., 1939 (Общей социально-экономической характеристике города посвящен очерк «Нижний Новгород и Нижегородский уезд в начале XVII века»); С. И. Архангельский. Очерки по истории промышленного пролетариата Нижнего Новгорода и Нижегородской области XVII—XIX вв. Горький, 1950.

[3] РИБ, т. XVII, СПб., 1898.

сообщает некоторые сведения о количестве промышленного населения, его занятиях и имущественном неравенстве, но, как правило, ничего не говорит о способе реализации изделий непосредственными производителями.

Исключительно ценные сведения о мелком товарном производстве в нижегородской промышленности XVII в. содержатся в неопубликованной переписной книге Тайного приказа по Нижнему Новгороду, составленной в 1665 г. стряпчим приказа Богданом Федоровичем Полибиным [4]. Н. А. Бакланова, первая из историков обратившая внимание на этот источник, полагает, что внеочередная перепись Нижнего Новгорода была вызвана периодической недодачей нижегородскими таможенными головами таможенных и иных сборов в казну [5]. Перед Б. Ф. Полибиным стояла задача описать на посаде и в слободах Нижнего Новгорода посадских людей и крестьян домового Благовещенского монастыря, дав при этом сведения о городских жителях, «какими товары [торгуют] и которые сидят в лавках, и в которых рядех, и за какими товары, и где те товары покупают, и хто и каким ремесленным рукодельем и работою кормитца, и что под ними под кем тягла по мирскому окладу порознь, и по чему они платят на год всяких государевых податей». Помимо этого, надо было дать сведения и о прежних занятиях нижегородцев, «что у них каких промыслов преж сего было, и чем торговали, отъезжая, и в которые городы», а также причины, «ныне от какой скудости и у ково имяны каких промыслов и торгов перед прежними годами убыло» [6]. Таким образом, Б. Ф. Полибин должен был дать всестороннюю характеристику нижегородского торгово-промышленного населения. Отличительную черту источника составляет необыкновенная полнота в отношении представляемых сведений — примерно о 95% зафиксированных Б. Ф. Полибиным нижегородцах даются те или иные указания об их торговых или промышленных занятиях, причем нередко говорится и о прежних занятиях того или иного лица. Это решительно отличает переписную книгу Тайного приказа от обычных переписных книг, составлявшихся Поместным и другими приказами. Ценность этой книги состоит в том, что она в большинстве случаев показывает способ реализации изделий непосредственными производителями и тем самым позволяет установить, кто изготовлял изделия на рынок, т. е. стал мелким товаропроизводителем. В этой связи следует напомнить, что В. И. Ленин постоянно подчеркивал необходимость «... строго отличать товаропроизводителей, работающих на рынок... от ремесленников,

[4] Гор. кн. по Нижнему Новгороду, № 25, лл. 1—437.
[5] Н. А. Бакланова. Указ. соч., стр. 299.
[6] Гор. кн. по Нижнему Новгороду, № 25, лл. 1—2 об.

работающих на потребителей... ибо эти формы промышленности представляют совершенно разнородные типы по своему общественно-хозяйственному значению»[7].

Не вызывает сомнения работа на продажу той части нижегородского населения, которая занималась теми или иными промыслами и имела собственные или наемные лавки в торговых рядах для сбыта своих изделий. Но, как это видно из переписной книги, большинство нижегородцев, занимавшихся промышленной деятельностью, не имело лавок. Однако даже и в том случае, когда непосредственный производитель не имел лавки, в определенных случаях можно говорить о работе его на рынок. Так, о некоторых нижегородцах источник говорит, что они «продают в ряд» свои изделия. Возможно, в таких случаях мы имеем дело с мелкими товаропроизводителями, причем в данном случае они сбывают изделия торговцам-скупщикам, специализировавшимся на продаже одного вида товара[8].

При характеристике промысловых занятий нижегородского населения о некоторых лицах источник говорит, что «кормятца они своим рукодельем», «кормятца они своим ремеслом» и т. п. Неопределенность такой формулы не позволяет установить способ реализации изделий. Очевидно, в данном случае могла иметь место как работа на рыночного потребителя, так и на заказчика.

Помимо сведений о мелком товарном производстве, переписная книга Тайного приказа позволяет сделать ряд других наблюдений, связанных с промышленным развитием города в 60-е годы XVII в.: о количестве лиц, занимающихся промыслами, о наемном труде и пр.

В Нижнем Новгороде XVII в. наиболее распространенными были промыслы, связанные с переработкой животного сырья, и прежде всего кожевенный, сапожный, рукавичный, скорняжный и свечной. Таблица 1 (см. стр. 79—80) дает представление о количественных изменениях в рассматриваемых промыслах. Нетрудно заметить внутреннюю связь между этими промыслами: по мере количественного развития основного из них, кожевенного производства, интенсивно развиваются и другие, в особенности те, которые были связаны с изготовлением изделий из

---

[7] В. И. Ленин. ПСС, т. 2, стр. 323.

[8] В конце 60-х годов XVII в. Приказ Большого прихода производил сыск в отношении каргопольца сапожника Федора Мишатина, которого хотели принять на службу в Государеву мастерскую палату. Старосты и торговые люди Сапожного ряда сказали о нем, что он «сапоги к ним в Сапожный ряд на продажу выносит... а в ряд... приходит к ним недели в две и в три и в пять и в десять» (М. В. Довнар-Запольский. Торговля и промышленность Москвы XVI—XVII вв. М., 1910, стр. 70). Здесь отчетливо проступают отношения мелкого товаропроизводителя и скупщика.

кожи. В переработке животного сырья довольно высокого уровня достигла специализация по отдельным видам промыслов — на протяжении века можно насчитать до 26 отдельных ремесленных специальностей. В кожевенном производстве, например, существовало пять отдельных специальностей. Большое распространение промыслов по переработке животного сырья в Нижнем Новгороде не было простой случайностью: заливные луга по обоим берегам Волги и Оки исключительно благоприятно сказывались на развитии животноводства в Нижегородском и соседних с ним уездах.

В нижегородских промыслах по переработке животного сырья весьма отчетливо обнаруживались такие явления, как мелкое товарное производство и применение наемного труда. Особенно характерным это было для кожевенного и мыловаренного производства.

Кожевенное производство в Нижнем Новгороде XVII в. достигло достаточно высокого уровня развития [9].

Правда, по писцовой книге Д. В. Лодыгина в 20-е годы можно насчитать всего 25 кожевников и 7 сыромятников. К сожалению, не сохранились переписные книги по Нижнему Новгороду за 40-е годы, и это лишает возможности выяснить количественные изменения в кожевенном производстве первой половины столетия, хотя в наличии роста этих изменений трудно сомневаться. Этот недостаток в какой-то мере восполняет окладная пятинная роспись 1634 г., которая, помимо кожевников и сыромятников, называет и таких специалистов, как дуботолки и гладильщики. Однако количественные показатели росписи нельзя считать исчерпывающими. Выше говорилось о неполноте данного источника. Но дело не только в этом. В росписи значатся лишь те лица, которые были записаны в писцовую книгу Д. В. Лодыгина или в городовые десятни, составлявшиеся после переписи. Многочисленный пришлый люд росписью зафиксирован не был, а потому и не учитывался. Но среди пришлых людей было немало специалистов кожевенного промысла. Когда в 1641 г. шла подготовка к проведению сыска беглых посадских людей, в одной из памятей Приказа сыскных дел в Новгородскую четверть запрашивались сведения о принадлежности к нижегородскому посадскому миру большой группы лиц, занимавшихся в Нижнем Новгороде торгами и промыслами [10]. Оказалось, что они не значились в писцовой книге и «в посадцких людех не сысканы» и, следовательно, пришли в Нижний Новгород после переписи. Среди них мы видим 19 кожевников, 3 строгальника, 3 гладильщика и одного

[9] Б. Г. Курц. Состояние России в 1650—1655 гг. по донесениям Родеса. М., 1914, стр. 167; его же. Сочинение Кильбургера о русской торговле в царствование Алексея Михайловича. Киев, 1915, стр. 100.

[10] ПДСЛ, 1641 г., д. 43, лл. 439—444.

Таблица 1

Переработка животного сырья по отдельным видам производства

Промыслы	Профессии	По писцовой книге 1621 г. к-во:	%	По окладной пятинной росписи 1634 г. * к-во:	%	По переписной книге 1665 г. ** к-во:	%
Кожевенное производство	Кожевники	25		17		81	
	Сыромятники	7		11		7	
	Строгальники	—		2		3	
	Дуботолки	—		1		1	
	Гладильщики	—		1		—	
	Всего	32	29,1	32	24,6	92	25
Скорняжное дело	Скорняки	2		3		12	
	Бобровники	2		—		—	
	Баранники	1		2		8	
	Овчинники	5		6		8	
	Всего	10	9	11	8,5	28	7,6
Изготовление изделий из кожи и шорное дело	Сапожники	43		52		157	
	Рукавичники	1		13		26	
	Мешинники	—		1		—	
	Саадашники	1		—		—	
	Седельники	1		—		2	
	Уздечники	—		—		3	
	Хомутинники	—		—		4	
	Подхомутники	1		—		—	
	Переплетчики	—		—		2	
	Всего	47	42,7	66	50,8	194	52,7
Мыловарение	Мыльники	8		2		9	
	Мыльные повара	—		2		—	
	Мыльные резальщики	—		1		—	
	Всего	8	7,3	5	3,8	9	2,4
Изготовление свечей	Свечники	3		6		24	
	Воскобойники	—		—		1	
	Вощеники	1		4		—	
	Всего	4	3,6	10	7,7	25	6,9

Таблица 1 (Окончание)

Промыслы	Профессии	По писцовой книге 1621 г.		По окладной пятинной росписи 1634 г.*		По переписной книге 1665 г. **	
		к-во	%	к-во	%	к-во	%
Обработка шерсти	Сермяжники	1		—		—	
	Войлочники	2		3		4	
	Шерстобиты	3		3		6	
	Всего	6	5,6	6	4,6	10	2,7
Обработка кости	Гребенщики	3	2,7	—	—	10	2,7
	Всего	110	100	130	100	368	100

* Окладная пятинная роспись 1634 г. по Нижнему Новгороду не опубликована (Стлб. Оруж. палаты, № 41177, лл. 2—115). П. П. Смирнов первый обратил внимание на этот источник в своей работе «Города Московского государства в первой половине XVII века» (т. I, вып. 2, Киев, 1919, стр. 112). Роспись сохранилась в неполном виде. П. П. Смирнов не без оснований полагает, что утрачено только несколько начальных листов, на которых, по-видимому, были написаны грамоты, предшествовавшие изложению росписи. Конечно, это до некоторой степени снижает ценность источника, но не настолько, чтобы пренебрегать им.

** Необходимо отметить, что эти сведения охватывают только посадских людей и крестьян патриаршей Благовещенской слободы. Не учитывалось военно-служилое население, ямские охотники, которые нередко занимались мелкими промыслами. Не учтены также пришлые люди, не зафиксированные в книге.

сыромятника, всего 26 человек, занимавшихся кожевенным промыслом, т. е. не многим меньше, чем по росписи 1634 г. Серьезный рост нижегородского кожевенного производства наблюдается в 60-х годах, когда количество специалистов в этой отрасли увеличилось по сравнению с началом века в три раза.

Развитие кожевенного производства сопровождалось не только количественными, но, что более существенно, и качественными изменениями. Последние шли прежде всего по линии углубления разделения труда, выражавшегося в том, что отдельные лица специализировались на определенных трудовых операциях, из которых слагался процесс выделки кожи.

Документальные источники о развитии кожевенного производства в Русском государстве XVII в. не дают достаточно четкого представления о последовательности этого процесса и месте каждого отдельного специалиста в нем. В этом отношении не составляют исключения даже ярославские материалы. Но восстановить его можно, если использовать сведения о кожевенной промышленности за более позднее время, ибо технический про-

гресс в кустарных промыслах происходил чрезвычайно медленно [11].

Производственный процесс состоял из четырех последовательно слагающихся этапов — замочка в воде и золение, выстругивание, дубление и, наконец, окраска и отделка кожи. Операции, связанные с вымочкой и золением, были несложными и не требовали специальных работников, которые занимались бы исключительно ими.

После того как кожа освобождалась от шерстяного покрова, необходимо было удалить нижнюю прослойку ее и прочие остатки, что достигалось с помощью ножей-стругов разной величины и остроты. Эту операцию выполняли особые работники, которых называли строгальниками, или строгальщиками. Такая специальность была широко распространена среди ярославских кожевников [12]. Строгальников можно было видеть и среди работных людей кожевенного завода, попытка создания которого была предпринята в 1666 г. на р. Клязьме возле дворцовой деревни Тимонино [13]. Писцовая книга Д. В. Лодыгина строгальников не отмечает, и первое упоминание о них относится к 1634 г.— окладная пятинная роспись называет двух строгальников [14]. Одного строгальника называет роспись нижегородских посадских людей 1639 г. [15] В одном документе 1641 г. есть сведения еще о трех строгальниках [16]. Трех строгальников можно найти и в переписной книге Б. Ф. Полибина. Конечно, в действительности этих специалистов было несравненно больше.

Выстругивание кож не требовало от работника особого уменья и поэтому строгальники считались наименее квалифицированными специалистами. Характер этой специальности позволяет предположить, что они были преимущественно наемными людьми. Это находит подтверждение и в переписной книге, в которой об одном из строгальников сказано, что «кормитца он

---

[11] Подробное описание процесса изготовления кож, каким его можно было наблюдать во второй половине XVIII в., составил академик И. И. Лепехин («Дневные записи путешествия Ивана Лепехина по разным провинциям Российского государства в 1768 и 1769 году», СПб., 1771, стр. 39—43). Очень подробно описывает ручную обработку кожи в Нижегородском уезде в конце XIX в. исследователь нижегородских кустарных промыслов И. И. Звездин («Кожевенный промысел в деревнях Татарской и Лапшелях».— «Нижегородский сборник», т. VII, Нижний Новгород, 1889, стр. 219—226).

[12] Л. В. Данилова. Мелкая промышленность и промыслы в русском городе во второй половине XVII — начале XVIII в.— «История СССР», 1957, № 3, стр. 98.

[13] Г. А. Новицкий. Первые московские мануфактуры по обработке кожи.— «Московский край в его прошлом», М., 1929, стр. 58.

[14] Стлб. Оруж. палаты, № 41177, лл. 91—92.

[15] Стлб. Владим. ст., № 93, л. 72.

[16] ПДСЛ, 1641 г., д. 43, лл. 441—442.

работою своею — работает у кожевников из найму»; то же самое написано и о другом строгальнике, и лишь в третьем случае источник дает более неопределенную формулу: «кормитца работою — делает кожевное»[17]. Судя по тяглу, строгальники относились к наименее состоятельным тяглецам Нижегородского посада. Все это говорит о том, что строгальники не могли быть самостоятельными производителями, применение своей специальности они могли найти только в кожевенной мастерской более состоятельных кожевников, где они работали наряду с другими специалистами по выделке кожи.

После продолжительного квашения кожи подвергались дублению в специальных дубильных чанах, в которых каждая кожа пересыпалась толченой корой. Все операции, связанные с дублением, проводились так называемыми дуботолками. Ни писцовая книга Д. В. Лодыгина, ни окладная пятинная роспись дуботолков не упоминают[18]. И хотя переписная книга Б. Ф. Полибина зарегистрировала только одного дуботолка[19], количество их в действительности было, несомненно, больше. Во время конфискации нижегородских частновладельческих слобод по посадскому строению 1649—1652 гг. среди закладчиков Благовещенского монастыря было 6 дуботолков, не считая их сыновей[20]. Дуботолк, как и строгальник, не мыслим вне мастерской как одиночный ремесленник или мелкий товаропроизводитель.

Выдубленные надлежащим образом кожи подвергались окраске (преимущественно в красный или черный цвет). Среди работных людей кожевенного завода Тайного приказа упоминаются красильники, которые, надо полагать, и специализировались на крашении кож. Что касается нижегородских источников, то они не проводят сколько-нибудь заметного различия между красильниками кожевенного производства и красильниками, занимавшимися крашением тканей. Можно предполагать, что красильники-кожевники имелись в крупных кожевенных мастерских Нижнего Новгорода.

Заключительной стадией в процессе кожевенного производства была отделка кожи. Это была наиболее ответственная и сложная часть работы, требовавшая от работника большого умения и навыков. Выдубленная и окрашенная кожа проглаживалась специально приспособленными скребками, отчего становилась гладкой и блестящей. Судя по названию, на окончательной

[17] Гор. кн. по Нижнему Новгороду, № 25, лл. 181 об., 260 об., 275.

[18] Любопытно отметить, что в ярославских материалах такая специальность упоминается только в переписи 1678 г., причем дуботолков насчитывается всего три человека.

[19] Гор. кн. по Нижнему Новгороду, № 25, л. 202. Указывается, что «кормится он работою своею — бьет у кожевников дуб».

[20] Гор. кн. по Новгороду Великому, № 41, лл. 248 об., 250 об., 256, 258 об., 270.

отделке кожи специализировались так называемые гладильщики. Во всяком случае, они были среди работных людей кожевенного завода в дворцовом хозяйстве [21]. В нижегородских источниках упоминания о гладильщиках немногочисленны: один из них назван в окладной пятинной росписи 1634 г. [22], другой — в строельной книге 1652 г. [23], еще пятеро — в других документах [24]. Довольно редко эта специальность встречалась даже среди ярославских кожевников.

Итак, из описания процесса изготовления кожи можно заметить, что каждому этапу процесса соответствует определенная специальность работника, и, таким образом, наличие разделения труда в кожевенном производстве Нижнего Новгорода XVII в. совершенно очевидно [25]. Приведенные материалы подтверждают мысль Л. В. Даниловой о том, что в этой промышленной отрасли в XVII столетии те появились некоторые материально-технические предпосылки для мануфактуры [26]. Органически связанные единым производственным процессом, строгальники, дуботолки, красильники и гладильщики могли выполнять работу только будучи сосредоточенными в одной мастерской. Разделение труда, существовавшее между ними, следует признать разделением мануфактурного типа.

В Нижнем Новгороде имелись кожевенные мастерские сравнительно крупных размеров. Когда в 1649 г. Приказ сыскных дел проводил конфискацию частновладельческих слобод на Нижегородском посаде, в строельной книге были зафиксированы два двора «для кожевного промыслу» [27]. Один из них принадлежал известному гостю Василию Григорьевичу Шорину [28]. Н. В. Устюгов высказал предположение, что это было предприятие мануфактурного типа [29]. Такое мнение не лишено основа-

[21] Г. А. Новицкий. Указ. соч., стр. 59.

[22] Стлб. Оруж. палаты, № 41177, л. 84.

[23] Гор. кн. по Новгороду Великому, № 41, л. 243.

[24] ПДСЛ, 1641 г., д. 43, лл. 439, 442; 1653 г., д. 35, л. 55; Грамоты Коллегии экономии по Нижнему Новгороду, оп. 13, д. 219/8160, л. 34 об.

[25] Любопытно, что на кожевенных заводах Нижегородской губернии в 20-х годах XIX в. мастера и рабочие подразделялись по трем специальностям — кожевники, дубильщики и гладильщики (С. А. Архангельский. Указ. соч., стр. 132).

[26] Л. В. Данилова. Указ. соч., стр. 98.

[27] П. П. Смирнов. Посадские люди и их классовая борьба до середины XVII века, т. II М.—Л., 1948, стр. 567.

[28] П. П. Смирнов ошибочно полагал, что этот завод находился в совместном владении В. Г. Шорина и гостиной сотни торгового человека (впоследствии — гостя) С. Ф. Задорина. Между тем строельная книга совершенно определенно говорит о том, что заводом владел только В. Г. Шорин (Гор. кн. по Новгороду Великому, № 41, лл. 316—316 об.).

[29] Н. В. Устюгов. Ремесло и мелкое товарное производство в Русском государстве XVII в.— «Исторические записки», т. 34, М., 1950, стр. 191.

ний, если принять во внимание описание этого двора. Из источника видно, что здесь находились «4 избы кожевные, в длину 26 сажен, на них сушило, изба жилая, против ее клеть, меж ими сени, два онбара дубничных, изба зольная да поварня» [30]. Нетрудно заметить, что здесь существовали отдельные производственные помещения, которые, несомненно, требовали не только сравнительно большого количества рабочих рук, но и применения определенного разделения труда в процессе изготовления кожи. Для обслуживания восьми производственных помещений двора требовалось не менее 10—12 работников, среди которых, конечно, были строгальники, дуботолки и гладильщики. Таким образом, по организации производства это предприятие переросло рамки небольшой ремесленной мастерской, характерной для одиночного ремесленника или мелкого товаропроизводителя. Вне всякого сомнения, продукция его выходила на широкий рынок.

Однако крупные кожевенные предприятия встречались спорадически. В целом по своему характеру нижегородское кожевенное производство было мелким. Как правило, кожевенный промысел был семейным занятием, в изготовлении продукции принимали участие все взрослые члены семьи — отец и сыновья или братья. Сведения о количестве работников в таких мастерских можно почерпнуть из переписной книги Б. Ф. Полибина. О семейной кооперации говорит запись в книге о посадских тяглецах Иване и Василии Ивановых Заварниных: вместе с тремя сыновьями «промышляют они издавна — делают кожевное и красные кожи и продают в ряд в рознос» [31]. Промышляют тем, что «делают кожевное и продают в ряд», посадский человек Лазарь Константинов с двумя сыновьями [32]. Переписная книга зарегистрировала форму семейной кооперации и у крестьян монастырской Благовещенской слободы. «Делают кожевное» Иван Федотов и трое его сыновей. Тем же промышлял крестьянин Борис Ильин Жаркой, которому помогали шестеро сыновей. Книга отмечает, что готовые кожи он «продает в ряд» [33].

Анализ имущественного положения нижегородских кожевников позволяет сделать некоторые выводы о применении наемного труда в кожевенном производстве. При рассмотрении писцовой книги Д. В. Лодыгина можно заметить, что в 20-х годах большинство кожевников и сыромятников находилось в числе наименее состоятельных тяглецов Нижегородского посада, хотя даже и тогда среди них несколько выделялась более зажиточная

---

[30] Гор. кн. по Новгороду Великому, № 41, лл. 316—316 об. См. также П. П. Смирнов. Указ. соч., стр. 567.

[31] Гор. кн. по Нижнему Новгороду, № 25, л. 203—203 об.

[32] Там же, лл. 203 об.— 204.

[33] Там же, л. 429.

группа — трое «середних» посадских людей. О разорении кожевников и потере ими средств производства за первую четверть века сведений не имеется. В более позднее время одной из причин ухода из Нижнего Новгорода посадских людей кожевников было непосильное налоговое обложение. Например, старинные посадские люди Кузьма и Семен Сергеевы ушли с посада «от тягла» и стали жить в селе Мурашкине Нижегородского уезда [34]. Тяжесть посадского тягла подчеркивает и другой пример. Во время проведения в 1685 г. переписи нижегородских беломестцев, живших на тяглой посадской земле, выяснилось, что в одном из тяглых дворов живет ямской охотник Константин Лошкарев. Прежде он был в посадской общине и платил тягло по 5 руб. ежегодно, но, «не хотя быть» в посаде, записался в ямщики.

До этого он и его отец были крестьянами стольника Ивана Голохвастова. В Нижний Новгород они пришли в поисках средств к жизни по отпускной записи и стали жить у Семена Филиппова Задорина [35]. «И после де ево, Семена, учинились свободны,— рассказывал Лошкарев.— И сведали де посадцкие люди, что они стали свободны, и они де, посадцкие люди, положили ево, Костьку, в тягло насильством, и тяглом положили большим и службы стали давать через год. И от тяготы де он... бил челом по отпускной в ям, что де он в посаде не крепок». О своих занятиях он говорил, что «делает кожевное и сидит в наемной лавке тому пятой год» [36].

К 60-м годам картина имущественного положения нижегородских кожевников резко меняется по сравнению с началом века. Теперь из 36 кожевников — посадских тяглецов [37] половина (18 человек) считалась «середними» людьми. Таким образом, к этому времени зажиточная верхушка среди кожевников уже сформировалась. По-видимому, это были владельцы ремесленных мастерских или сравнительно крупных кожевенных дворов, на которых прибегали к помощи наемного труда, либо к труду всех взрослых членов семьи (семейная кооперация). У более или менее состоятельных кожевников наемный труд был не только не случайным явлением, но, по всей видимости, составлял даже естественную необходимость. Переписная книга Б. Ф. Полибина дает следующий пример работы по найму у состоятельных кожевников. В одном из тяглых дворов был зафик-

[34] Н. П. Павлов-Сильванский. Акты о посадских людях-закладчиках. СПб., 1909, стр. 141.

[35] Неизвестно, что они делали у С. Ф. Задорина. Если судить по дальнейшей судьбе К. Лошкарева, то можно предположить, что они работали на кожевенном заводе В. Г. Шорина и С. Ф. Задорина.

[36] Гор. кн. по Нижнему Новгороду, № 39, лл. 293—294 об.

[37] Остальные 45 кожевников были крестьянами Благовещенского монастыря.

сирован посадский человек Григорий Шлыков с сыном Фомою; об их занятиях говорится, что они «делают кожевное и красные кожи и продают в ряд в рознос». У них же отмечена лавка в Сапожном ряду, которую они отдавали в наем, кроме того, у них же «живет Иван Сергеев, кормитца он работою своею — бьет у кожевников дуб»[38]. По своему имущественному положению Сергеев был причислен к самым несостоятельным слоям посада. По-видимому, Шлыковы выступали здесь как владельцы небольшой кожевенной мастерской, а дуботолк безусловно был наемным работником, выполнявшим подсобные работы. Интересно, что переписная книга, говоря о строгальниках, в двух случаях из трех отмечает их работу по найму в мастерских других кожевников[39]. Важно подчеркнуть, однако, что книга отмечает только тех наемных работников, которые считались тяглецами посада. В этом состоит неполнота нашего источника, так как он говорит только о постоянном населении города и проходит мимо его временного, переменного состава. Между тем гулящие люди и крестьяне, стекавшиеся в Нижний Новгород в поисках временной работы, несомненно, пополняли также кадры вспомогательных работников на кожевенных дворах и в мастерских состоятельных кожевников. Среди пришлых людей могли быть и специалисты кожевенного дела. Например, выходец из города Романова Тимофей Ананьин рассказывал, что в 1632 г. он прибыл сначала в Астрахань, где прожил год, а затем перешел в Казань. Отсюда он через год направился в Нижний Новгород, где стал жить в закладчиках. По профессии он был сыромятником[40]. То, что данный пример относится к более раннему времени, существенного значения не имеет. Крестьянин Иван Исаев в 1665 г. пришел из Нижегородского уезда в слободку Печерского монастыря в Нижнем Новгороде, а затем перешел на посад и нанялся на подсобные работы к кожевнику, посадскому человеку Федору Шадре, у которого жил «недель с десять», уйдя от него, он «жил, переходя, кормился работою»[41]. Таким образом, напрашивается вывод, что наемных работников в кожевенном производстве Нижнего Новгорода было несравненно больше, чем об этом говорит переписная книга. Следовательно, вместе с появлением зажиточной верхушки у кожевников ей начинает противостоять группа менее состоятельных и вовсе лишенных собственных средств производства кожевников.

---

[38] Гор. кн. по Нижнему Новгороду, № 25, лл. 201 об.—202. Отметим, кстати, что в 1662 г. у Григория Шлыкова были куплены казной 35 кож «яловичных красных», которые были оценены в 213 с лишним рублей (Кн. Денежн. стола, № 323, л. 289).

[39] Гор. кн. по Нижнему Новгороду, № 25, лл. 260 об., 275.

[40] Н. П. Павлов-Сильванский. Указ. соч., стр. 186.

[41] Стлб. Поместн. прик., № 20976, л. 252.

Приведенные примеры говорят о том, что в мелких кожевенных мастерских применение наемных работников было не редким явлением. По наблюдениям Л. В. Даниловой, наем рабочей силы был распространенным явлением и в кожевенной промышленности Ярославля [42].

В значительно более широких размерах наемный труд применялся на крупных кожевенных предприятиях. Некоторые сведения об этом можно привести в отношении кожевенного двора, находившегося в совместном владении В. Г. Шорина и С. Ф. Задорина. Описания производственных помещений этого «завода» не сохранилось; источник сообщает, что на дворе «для кожевного промыслу» находились каменные помещения и ограды [43]. Раньше на этом месте стояли дворы нижегородских посадских людей Варлаама и Марка Рукавичниковых и кожевника Василия Балахонца [44]. Остается неясным, какими путями удалось приобрести эти места Шорину и Задорину. Известно только, что кожевный двор был построен не позднее 1645 г. [45]. Сохранилось, однако, несколько отрывочных известий о наемных работниках этого предприятия. В той же строельной книге 1652 г., из которой известно о «заводе», был отмечен среди «схожих всяких людей», живших на Нижегородском посаде «у посадских и у всяких людей в соседех», «гостиной сотни у торгового человека у Семена Задорина в наймех Ивашко Иванов сын Вандышев» [46]. Другая запись книги гласит, что «на кожевном дворе у Семена Задорина Ивашка Микулин, прозвище Кожева, с сыном Микиткою, у Микитки детей: Куземка, Ивашка» [47]. Едва ли можно сомневаться в том, что все они работали на этом заводе. Предприятие В. Г. Шорина и С. Ф. Задорина действовало сравнительно долго — почти двадцать лет. Из переписной книги Б. Ф. Полибина видно, что к 60-м годам С. Ф. Задорин уже один владел заводом, а после его смерти «двор и анбары каменные для кожевного заводу» перешли в руки его племянника, гостиной сотни торгового человека Афанасия Григорьева Задорина [48]. Но уже по нижегородской платежной книге 1668 г., т. е. всего три года спустя, эти дворы и амбары считались «пустым поемным

[42] Л. В. Данилова. Указ. соч., стр. 96.

[43] П. П. Смирнов. Указ. соч., т. II, стр. 567.

[44] Гор. кн. по Новгороду Великому, № 41, л. 319. См. об этом также РИБ, т. XVII, стб. 168—169.

[45] В платежной книге 1645 г. по Нижнему Новгороду есть следующая запись: «...у гостя у Василия Шорина да гостиной сотни у Семена Задорина с места под кожевный двор оброку 6 алт. 2 д.». Это место указано в числе новоприбылых на Нижегородском посаде («Действия Нижегородской губернской ученой архивной комиссии», т. XV, вып. 4, Нижний Новгород, 1913, стр. 53).

[46] Гор. кн. по Новгороду Великому, № 41, л. 314.

[47] Там же, л. 311.

[48] Гор. кн. по Нижнему Новгороду, № 25, л. 282—282 об.

местом»[49]. Причины бездействия предприятия остаются неизвестными.

Чрезвычайно важной чертой нижегородского кожевенного производства XVII в. был переход в этой отрасли от ремесленной работы на заказ потребителя к мелкому товарному производству.

Хотя источники не дают возможности проследить динамику этого процесса на протяжении изучаемого времени, несколько ценных наблюдений можно сделать при сравнении писцовой книги Д. В. Лодыгина с переписной книгой Б. Ф. Полибина. Перепись 20-х годов зарегистрировала только два случая работы кожевников на продажу — двое из кожевников владели лавками, где они, очевидно, продавали свои изделия и таким образом являлись мелкими товаропроизводителями[50]. В отношении остальных кожевников, а также и сыромятников, источник не сообщает сведений о продаже ими готовых изделий или работе на заказ потребителя. Очевидно, среди кожевников и сыромятников были и ремесленники и товаропроизводители. Значительно более определенная картина вырисовывается при обращении к переписной книге Б. Ф. Полибина. По этой книге, случаев владения лавками у кожевников не наблюдается, исключения не составляют даже состоятельные посадские люди, занимавшиеся кожевенным промыслом[51]. Это, конечно, не означает, что в 60-х годах нижегородские кожевники не работали на продажу. Способ сбыта изделий мелкими товаропроизводителями источник характеризует тремя формулами: «продает в ряд в рознос», «продает в ряд» и «продает в Нижнем». Приведем соответствующие примеры. Посадский человек Логин Шлыков «делает кожевное и красные кожи и продает в ряд в рознос»[52]. Между прочим, в 1662 г. он продал в казну 46 кож на 279 руб.[53] О посадском человеке Иване Куликове в книге сказано, что он «преж сего и ныне делает кожевное и продает в ряд в рознос»[54]. Казне он продал «яловичного красного товару» 55 кож на 308 руб., тогда же — еще 24 кожи на 112 руб.[55] По-видимому, формулировку «продает в ряд в рознос» можно рассматривать как продажу изделий мелкими товаропроизводителями непо-

---

[49] «Действия Нижегородской губернской ученой архивной комиссии», т. XV, вып. 6, Нижний Новгород, 1915, стр. 98.

[50] РИБ, т. XVII, стлб. 209 и 352 (сведения о лавках на стлб. 231).

[51] Известен только один случай, когда крестьянин Благовещенского монастыря продавал сыромятные кожи собственного изготовления, сидя в наемной лавке в Рукавичном ряду (Гор. кн. по Нижнему Новгороду, № 25, л. 427—427 об.).

[52] Там же, л. 202.

[53] Кн. Денежн. стола, № 323, л. 289 об.

[54] Гор. кн. по Нижнему Новгороду, № 25, л. 206. О продаже кож «в ряд в рознос» см. также лл. 200 об., 203, 206, 207 об., 228 и др.

[55] Кн. Денежн. стола, № 323, лл. 283, 287 об.

средственно потребителю (например, сапожникам, рукавичникам и пр.), хотя конечно, кожи могли быть проданы и скупщику, такому в частности, каким, например, был монастырский крестьянин Федор Андреев, про которого в переписной книге сказано, что «кормитца он — скупает у кожевников кожи и продает в ряд в рознос» [56].

Обратимся к рассмотрению других примеров о мелких товаропроизводителях в нижегородском кожевенном промысле. Посадский человек Осип Филиппов «делает кожевное и продает в ряд» [57]. Другой посадский человек, Федор Федоров, также работал на продажу: «промышляет он — делает кожевное и продает в ряд» [58]. Кстати, оба они также продавали кожи своей выделки в казну, первый получил за 46 кож «красного яловичного товару» 174 руб., а второй довольно крупную сумму — 294 руб. за 37 кож [59]. В Нижнем Новгороде они продавали кожи «в ряд»; можно предположить, что такая формулировка означает продажу изделия преимущественно торговцу-скупщику. Наконец, в переписной книге встречаются два случая, когда работа кожевников на рынок не вызывает сомнения, но неясно, кому попадает изделие, скупщику или непосредственно потребителю. Так, о посадском человеке Любиме Родионове сказано, что «делает он кожевное и продает в Нижнем», а о крестьянине Благовещенского монастыря Григории Максимове говорится, что «делает он кожи и продает в Нижнем» [60].

Данные переписной книги о работе нижегородских специалистов кожевенного промысла на рыночного потребителя и на заказ сгруппированы в таблице 2 (стр. 90). Судя по ней, не менее 49 человек можно назвать мелкими товаропроизводителями. Развитие ремесла до уровня мелкого товарного производства проявляется здесь весьма отчетливо. Конечно, показатели таблицы в известной мере условны и не совсем точно отражают существовавшее положение. Надо полагать, в действительности мелких товаропроизводителей было больше. В графу «кормятся рукодельем» включены те кожевники и сыромятники, о которых в источнике сказано, что они «делают кожевное» или «делают сыромятное» [61]. Под такой формулировкой, вполне понятно, могли скрываться и те, кто работал преимущественно на заказ, но в то же время некоторую часть лишних кож продавал на рынке.

[56] Гор. кн. по Нижнему Новгороду, № 25, л. 420.

[57] Там же, л. 230 об.

[58] Там же, л. 206 об.

[59] Кн. Денежн. стола, № 323, лл. 277, 284 об.

[60] Гор. кн. по Нижнему Новгороду, № 25, лл. 232 об., 415 об.

[61] Например, о занятиях посадского человека Никона Алексеева говорится, что «кормитца он — делает кожевное», о монастырском крестьянине Иване Кондратьеве сказано, что «кормитца он — делает сыромятное» (там же, лл. 274 об., 413; см. также лл. 234, 235, 408, 415, 416 и др.).

Таблица 2

Количество ремесленников, мелких товаропроизводителей и наемных работников среди нижегородских кожевников (по переписной книге 1665 г.)

Профессии	Количество	Продают свои изделия					Кормятся рукодельем	Работают по найму
		всего	в лавках	«в ряд»	«в рознос»	«в Нижнем»		
Кожевники . .	81	47	—	26	19	2	34	—
Сыромятники	7	2	1	1	—	—	5	—
Строгальники	3	—	—	—	—	—	—	3
Дуботолки . .	1	—	—	—	—	—	—	1
Всего . .	92	49	1	27	19	2	39	4

и мелкие товаропроизводители, работавшие только на продажу. Что такое предположение не лишено оснований, подтверждается следующими примерами. В 1662 г. крестьянин Благовещенского монастыря Никифор Иванов за продажу в казну 143 кож «яловичного красного товару» получил 697 руб., что для того времени было весьма солидной суммой [62]. Монастырский кожевник Григорий Алфимьев за 39 кож «яловичного красного товару» получил 225 руб. [63] На 155 руб. продал яловичных кож крестьянин этой же слободы Семен Васильев [64]. Однако по переписной книге связь с рынком у этих лиц установить трудно [65].

В таблицу включены владельцы небольших мастерских и кожевенных дворов, известных по переписной книге 1665 г. Что касается сравнительно крупных предприятий, каковыми можно считать кожевенные «заводы» В. Г. Шорина и С. Ф. Задорина, то их работа на широкий рынок не вызывает сомнений. Так, в 1662 г. в Ярославле у С. Ф. Задорина казной было куплено «цветных 562 юфти весом 271 п. 30 ф., да выметных 173 юфти с кожею весом 77 п. 5 ф.», за все было дано 5971 руб. с небольшим. Там же приказчик С. Ф. Задорина продал еще цельных и выметных (бракованных) юфтей на 430 руб.[66] Можно предположить, что у С. Ф. Задорина были постоянные связи с ярославским рынком, помимо прочего, также и на почве сбыта кож.

[62] Кн. Денежн. стола, № 323, л. 283 об.
[63] Там же, л. 280 об.
[64] Там же, л. 287 об.
[65] В источнике применительно ко всем трем мы находим формулировку «делает кожевное» (Гор. кн. по Нижнему Новгороду, № 25, лл. 405 об., 415, 427).
[66] Кн. Денежн. стола, № 323, лл. 229 об., 230.

Рассматривая состояние нижегородского кожевенного производства 60-х годов XVII в. и опираясь на данные таблицы, можно прийти к заключению, что в этой отрасли характерным становится посредничество скупщика между производителем и потребителем. Мелкий товаропроизводитель теряет самостоятельную связь с рынком, становясь под тяжестью посадского тягла и чрезвычайных сборов менее конкурентоспособным и обеспеченным в смысле сбыта продукции. Через скупщика изделия нижегородских мелких товаропроизводителей-кожевников выходили далеко за пределы местного рынка. Переписная книга Б. Ф. Полибина дает пример постоянных связей скупщика с другими рынками. Посадский человек Порфирий Анисимов Зубченинов с двумя сыновьями промышляет, как это видно из источника, тем, что «закупает в Нижнем кожи и всякое хоравье и посылает в Ярославль и в ыные городы» [67]. По-видимому, в Нижний Новгород для закупок кож местного производства приезжали скупщики и из других городов, в том числе и из Ярославля [68]. Вследствие утраты материалов нижегородской таможни невозможно более подробно и всесторонне выяснить рыночные связи нижегородского кожевенного производства. Сохранилось только несколько сведений о продаже в Москве небольших партий кож торговыми людьми Нижнего Новгорода. Так, в записной книге Московской Большой таможни 1694 г. была зафиксирована явка нижегородца Ивана Свешникова, который среди разнообразного товара привез на продажу и 17 яловичных кож [69]. Из записной книги мелочных товаров Большой таможни за тот же год можно узнать, что нижегородец Андрей Аникиев явил по нижегородской таможенной выписи 66 юфтей «боранов деланных розных цветов». Тогда же другой нижегородец, Игнатий Самойлов, явил, также по нижегородской таможенной выписи, «14 юфтей козлов деланных желтых и зеленых» [70]. Другие нижегородские посадские люди и крестьяне Печерского и Благовещенского монастырей, зафиксированные в первой книге, среди прочего привозившие и небольшие партии кожевенного товара, продавали кожи не нижегородского происхождения, как об этом можно заключить из источника [71].

---

[67] Н. А. Бакланова. Указ. соч., стр. 306. См. также Гор. кн. по Нижнему Новгороду, № 25, л. 96—96 об.

[68] У ярославца Петра Кувира в Нижнем Новгороде казной было куплено 30 кож «яловичного красного товару», за которые было дано 180 руб. Можно не сомневаться, что кожи были приобретены им у нижегородских кожевников (Кн. Денежн. стола, № 323, л. 286 об.).

[69] ГИМ, ОПИ, ф. 96, д. 57979/415, л. 127 об.

[70] С. И. Сакович. Из истории торговли и промышленности России конца XVII века — «Труды ГИМ», вып. 30, М., 1956, стр. 36, 52.

[71] Так, посадские люди Иван Ветошников и Митрофан Пушников явили по астраханским зачетным выписям первый — 20 яловичных кож

На основании приведенных данных широкое распространение мелкого товарного производства в рассматриваемое время среди нижегородских кожевников можно считать доказанным.

* * *

Параллельно с развитием кожевенного производства развивались и смежные с ним промыслы, связанные с изготовлением различных изделий из кожи, а также скорняжное дело. По таблице 1 (стр. 79—80) нетрудно заметить, что эти промыслы на протяжении всего столетия в количественном отношении непрерывно увеличивались — по сравнению с 20-ми годами число специалистов в них увеличилось к 60-м годам без малого в четыре раза. Особенно заметен рост сапожного промысла. Заметим, однако, что таблица требует некоторых оговорок. Она не совсем точно отражает действительное соотношение специалистов в рассматриваемых промыслах, давая несколько заниженные показатели. Это становится особенно очевидным при привлечении актового материала. Например, из таблицы видно, что в XVII в. в Нижнем Новгороде был только один мешинник, зарегистрированный пятинной росписью. Но в действительности было не так. Когда в 1649 г. расследовались злоупотребления нижегородских кабацких голов, то обыскные речи по этому поводу подписали «посацкие люди ремесленые», в том числе и четверо мешинников. В том же документе встречается и указание на бобровника, тогда как таблица показывает, что после 20-х годов такая профессия исчезает [72]. Судя по таблице, книжные переплетчики появляются только с 60-х годов. Однако в материалах сыска нижегородских закладчиков в 40-х годах есть расспросные речи некоего Сергея Попова, который промышлял переплетом книг [73]. Перечень подобных примеров можно было бы продолжить.

Как и в кожевенном производстве, среди других промыслов по переработке животного сырья можно наблюдать весьма заметный рост работы на рынок и применение наемного труда.

В литературе уже отмечалось, что процесс развития ремесла в мелкое товарное производство в скорняжном промысле более заметен в обработке мехов массового потребления, таких в частности, как овчины, так как сбыт их был всегда обеспечен. Спрос

и юфть сафьянов, а второй — 20 сырых кож и 100 юфтей сафьянов. Очевидно, кожи и сафьяны были куплены ими в Астрахани. Там же, конечно, купил 10 сырых кож, 5 тюков сафьянов красных средних и 4 сафьяна черных и нижегородец Андреян Пряничников (ГИМ, ОПИ, ф. 96, д. 57979/415, лл. 134 об.— 135, 138, 142—143).

[72] «Действия Нижегородской губернской ученой архивной комиссии», т. XVI, вып. 2, Нижний Новгород, 1913, стр. 20—21.

[73] Н. П. Павлов-Сильванский. Указ. соч., стр. 184.

на дорогие меха и изделия из них мог быть только со стороны состоятельных слоев населения. Поэтому дорогие меха выделывались, как правило, на заказ [74].

Не лишним будет отметить, что нижегородские скорняки нередко вызывались в Москву для выполнения казенных работ. Так, в 1655 г. туда было направлено 7 скорняков из посадских людей [75], а в 1667 г. для «государева дела и крымской клади на шитье» были вызваны трое скорняков с женами и детьми, вместо трех нижегородцев, взятых «из Нижнего к Москве на Казенный двор к скорняшному делу» в 1664 г. [76]

О работе на рынок нижегородских овчинников скудные сведения имеются в писцовой книге Д. В. Лодыгина. Так, овчинник Федор Титов имел собственную лавку для продажи своих изделий [77]. Значительно более ценные сведения о работе нижегородских овчинников и баранников на рыночного потребителя имеются в переписной книге Б. Ф. Полибина [78]. Из нее мы видим, что все 8 отмеченных баранников работают на рынок, причем они не имеют лавок, а продают свои изделия либо «в ряд в рознос», либо скупщику. Например, посадские тяглецы Павел Архипов и его брат Иван промышляют тем, что «делают бараны красные и продают в ряд»; «кормитца работою своей — делает бараны и козлы и мешины и продает в ряд в рознос» посадский человек Яков Иванов Мешинник [79]. Имеются сведения, что довольно большие партии овчин покупались на нижегородском рынке для дворцового обихода. Так, в 1646 г. было куплено 300 овчин «деланных» [80], а в 1661 г.— 223 овчины [81]. Трудно судить о способе реализации изделий 8 овчинников, отмеченных переписной книгой [82]. То же самое надо сказать и в отношении 12 скорняков [83].

---

[74] Н. В. Устюгов. Ремесло и мелкое товарное производство в Русском государстве XVII в., стр. 192.

[75] ПДСЛ, 1654 г., д. 105, лл. 567—568.

[76] ПДСЛ, 1656 г., д. 65, ч. 2, лл. 196—200, 403—414, 427—433.

[77] РИБ, т. XVII, стб. 262. Между прочим, из переписной книги мы узнаем, что к 60-м годам он уже потерял лавку и был причислен к «худым» людям посада. «Во дворе Федор Титов, кормитца — делает он овчины...» (Гор. кн. по Нижнему Новгороду, № 25, л. 128).

[78] По характеру работы и роду обрабатываемого сырья овчинники и баранники не отличались друг от друга (см. Н. В. Устюгов. Ремесло и мелкое товарное производство в Русском государстве XVII в., стр. 193).

[79] Гор. кн. по Нижнему Новгороду, № 25, лл. 203 об., 228 об.; см. также лл. 202 об., 205.

[80] ПДСЛ, 1647 г., д. 1, л. 184.

[81] Прик. дела новой разборки, д. 275, л. 1.

[82] Например, о посадском человеке Петре Федорове сказано, что «кормитца он — делает овчины» (Гор. кн. по Нижнему Новгороду, № 25, л. 140; см. также л. 237 об., 252 об. и др.).

[83] «Во дворе Иван Тимофеев, прозвище Скорняков, делает скорняшное» (там же, л. 87; см. также лл. 58 об., 254, 411 об., 424 об., 425 об., 426).

Сведений о применении наемного труда скорняками и овчинниками у нас недостаточно, хотя можно предположить, что некоторые из овчинников могли прибегать к помощи наемного труда в своих мастерских. Из материалов сыска беглых в Нижнем Новгороде в 1663 г. видно, что нижегородский работный человек Максим Иванов был по профессии баранником, и, очевидно, работал по найму [84].

Среди нижегородских промыслов, связанных с изготовлением изделий из кожи, наиболее широкое распространение получило сапожное дело. Для развития этого промысла имелись самые благоприятные условия как в наличии достаточной сырьевой базы, так и массового потребителя. О непрерывно увеличивавшемся спросе сапожных изделий со стороны нижегородского населения свидетельствует увеличение количества сапожников на протяжении века (см. табл. 1). За сорок лет между двумя переписями Нижнего Новгорода количество лиц, занимавшихся этим промыслом, увеличилось почти вчетверо, достигнув внушительной цифры в 157 человек. В 60-х годах сапожники составляли самую значительную часть промышленного населения города [85]. Пополнение кадров нижегородских сапожников шло не только за счет обращения местного населения к сапожному промыслу, но также за счет пришлых людей. Например, среди закладчиков Троице-Сергиева монастыря на Нижегородском посаде был обнаружен и сапожник Емельян Поликарпов, который, по его словам, был взят на дворничество из Костромы «тому лет с пятьдесят». Захребетник посадского человека Никита Евтифеев рассказывал, что прежде он жил в дворцовом селе Острове Бежецкой пятины Новгорода Великого, «а сшел де он ис того села мал в розоренье и кормился де он, ходя по городам». В 1641 г. он пришел в Нижний Новгород из Астрахани на насаде гостя Гурия Назарьева, у которого он нанимался в судовые работники. О своих занятиях в Нижнем Новгороде он говорил, что «делает... сапоги муские». Из Суздаля пришел в Нижний Новгород бобыль Спасо-Евфимьева монастыря Игнат Исаев, сапожник по профессии [86]. Указанные новоприходцы уже владели специальностью сапожника и на новом месте только продолжили свои прежние занятия, но могли быть и такие случаи, когда порывавшие со своими земледельческими занятиями пришлые кре-

[84] Стлб. Поместн. приказа, № 21017, лл. 12—13. То, что М. Иванов работал по своей профессии, видно из поручной записи по нем нижегородских кожевников и баранников.

[85] Любопытно, что в таком крупном центре кожевенной промышленности, каким в это время был Ярославль, по переписи 1668 г. Л. В. Данилова насчитала 166 сапожников, т. е. всего на девять человек больше, чем в Нижнем Новгороде (см. уточненный список ярославских специальностей в журнале «История СССР», 1957, № 5).

[86] Н. П. Павлов-Сильванский. Указ. соч., стр. 176, 205—207.

стьяне стремились приобрести новую профессию, поступая в ученики к специалистам сапожного дела. Например, беглый крестьянин Матвей Иванов, ушедший от своего помещика из Нижегородского уезда, рассказывал, что, придя в Нижний Новгород в 1658 г., он «кормился, переходя, и учился сапожному мастерству», живя по съезжим дворам [87].

Хотя в имущественном отношении нижегородские сапожники принадлежали к наименее состоятельным тяглецам, находясь преимущественно в разряде «худых» людей посада, среди них тем не менее можно наблюдать отдельные случаи применения наемного труда. По-видимому, наиболее часто встречавшимся способом эксплуатации чужого труда было использование мастерами своих учеников. В этом отношении интересен такой пример. Нижегородец Григорий Тумаков рассказывал о себе, что после смерти отца он «остался... мал», но «взрос» у посадского человека Василия Юрьева, сапожника по профессии, у которого, очевидно, был в учениках. Выучившись сапожному ремеслу, он стал жить у него уже в качестве наемного работника, «а ныне он живет у него же в наймех», читаем мы в расспросных речах Григория Тумакова, когда в 1643 г. его записали в посадское тягло [88].

Сохранившееся сыскное дело о беглом крестьянине Никифоре Герасимове, пойманном Приказом сыскных дел Д. И. Плещеева, который проводил сыск и возвращение беглых в Нижегородском и Балахнинском уездах в 60-х годах XVII в., помогает раскрыть социальную природу найма работников нижегородскими сапожниками [89]. Из дела мы узнаем, что Никифор Герасимов, рано лишившись родителей, совсем еще молодым человеком пришел в Нижний Новгород из Нижегородского уезда. Это было в 1658 г. Здесь он в течение пяти лет жил у посадского человека Матвея Вахромеева, который, видимо, взялся обучить его сапожному ремеслу. Во всяком случае, из переписной книги Б. Ф. Полибина известно, что Матвей Вахромеев был по профессии сапожником и даже имел наемную лавку в Сапожном ряду для продажи своих изделий [90]. Выучившись ремеслу, Никифор Герасимов отправился вниз по Волге до Астрахани в ярыжных на торговом судне. После возвращения в Нижний Новгород мы находим его в наймитах у посадского человека Никиты Исаева, занимавшегося сапожным ремеслом [91]. Это было в 1665 г. Акт найма между ними был оформлен в виде жилой записи, в которой устанавливался срок найма, права и

[87] Кн. Поместн. приказа, № 7490/11, лл. 482 об.— 483.
[88] Н. П. Павлов-Сильванский. Указ. соч., стр. 206.
[89] Стлб. Поместн. приказа, № 20827, лл. 141—145.
[90] Гор. кн. по Нижнему Новгороду, № 25, л. 204.
[91] Там же, л. 131 об.

обязанности сторон, регламентировался порядок работы и норма выделки изделий наймитом. Согласно записи, Никифор Герасимов обязывался жить во дворе Никиты Исаева в течение одного года, «и живучи, делати в ево, Микитине, товаре до того сроку в две недели по девяти обувей сапогов муских беспрестанно». Н. Герасимов по условиям записи за работу должен был получить «14 рублев денег серебряных», причем половину в качестве задатка, а остальные — по истечении срока найма. Предусматривалась ответственность наемного работника за нарушение условий договора — денежная пеня в размере 28 руб.[92] Таким образом, хотя наем работника осуществлялся на добровольных началах, жилая запись закрепляла нанимавшегося на определенное время за работодателем, ставя в положение зависимости от последнего, так как он получал возможность не только беспрепятственно эксплуатировать наемного работника по своему усмотрению, но и удерживать его у себя в течение установленного времени. Запись предусматривала ответственность работника за нарушение договора, но в то же время обходила молчанием обязанности работодателя по отношению к работнику, говоря лишь о порядке оплаты работы. Мы вправе видеть проявление неравенства между договаривавшимися лицами, причем оно находило юридическое закрепление в виде записи.

Появление наемных работников среди специалистов сапожного дела свидетельствует об углублении процесса имущественного неравенства, начинающего постепенно переходить в социальное расслоение. Если в первой четверти XVII в. все нижегородские сапожники принадлежали к наименее состоятельным слоям городского населения, находясь среди «худых» и «молодших» людей посада[93], то к третьей четверти столетия они представляли менее однородную массу. Хотя по-прежнему большинство продолжало оставаться среди маломощных посадских людей, имущественное положение и роль в посадской общине у некоторых из них значительно изменились. Бросается в глаза выделение более зажиточной верхушки в противовес общей массе занимавшихся сапожным промыслом. Так, в переписи 1665 г. мы встречаем некоего Сидора Мартемьянова, который «делает... сапоги и сидит в Сапожном ряду в своей лавке». В том же ряду он имел еще одну лавку. Сидор Мартемьянов был единственным среди нижегородских сапожников за весь век, который

[92] Стлб. Поместн. приказа, № 20827, л. 144.

[93] Судя по писцовой книге 20-х годов, из 43 сапожников 6 были «молодшими» посадскими людьми, а 14 «худыми». Экономическое положение 11 сапожников характеризовалось словами «худ» и «беден», при этом они освобождались от посадского тягла и обязаны были платить оброк. Остальные сапожники были дворниками, служилыми людьми и монастырскими крестьянами, а потому также освобождались от посадского тягла.

по имущественному положению был причислен к «лучшим» людям. Он тянул тягло в 60 руб. в год [94]. Параллельно с выделением зажиточной верхушки происходит и ухудшение материального положения другой части сапожников, которые начинают покидать посадскую общину и уходить из Нижнего Новгорода. Материалы сыска закладчиков на нижегородском посаде показывают, что причиной ухода сапожников было непосильное налоговое обложение. Например, посадский человек Иван Колмаков, занимавшийся сапожным ремеслом, долгое время жил на посаде, но затем, «от тягла убегая», ушел в село Мурашкино Нижегородского уезда. Другим способом избавления от тягла было закладничество, к которому широко прибегали маломощные посадские люди или новопришельцы [95].

В один ряд с появлением зажиточной верхушки среди нижегородских сапожников надо поставить и такое явление, как выделение скупщика и посредничество его между производителем и потребителем. Важно подчеркнуть, что скупщик органически вырастает из среды самих же сапожников. К сожалению, скудость источников не позволяет проследить этот процесс в динамике. Наш основной источник, переписная книга Б. Ф. Полибина, застает такой момент, когда скупщик уже активно действует среди нижегородских сапожников и представляет собой довольно типичную фигуру предприимчивого торговца, держащего в руках мелких ремесленников и товаропроизводителей. Правда, некоторый свет на превращение сапожного мастера в скупщика сапожных изделий проливает сохранившееся дело по записи в посад во время сыска закладчиков в Нижнем Новгороде в 40-х годах, но оно скорее говорит о том времени, когда скупщик был еще ремесленником и не занимался предпринимательской деятельностью. Закладчик Нижегородского Печерского монастыря Иван Спиридонов Карташ рассказывал о себе, что, уйдя из монастырской вотчины Нижегородского уезда, он сначала «ходил на низ в кошеварах», после чего направился в Москву, где «учился сапожному года с полтора». Выучившись ремеслу, он пришел на Нижегородский посад и стал жить на монастырской земле того же Печерского монастыря. К моменту сыска он прожил в Нижнем Новгороде «лет з десять», т. е. пришел на посад не ранее 1632 г. После допроса он был приписан к посадской общине [96]. О дальнейшей судьбе Ивана Спиридонова мы узнаем уже из переписной книги 1665 г. Как видно из источника, «преж сего он делал сапоги, а ныне сидит в Сапожном ряду в наемной лавке». Другая лавка, уже собственная, была

---

[94] Гор. кн. по Нижнему Новгороду, № 25, л. 180—180 об.
[95] Н. П. Павлов-Сильванский. Указ. соч., стр. 140, 225—226.
[96] Там же, стр. 218, 247.

у него в Коробейном ряду, он отдал ее в наем другим торговцам [97]. Совершенно очевидно, что приобретать предметы своей торговли он мог только скупая изделия у мелких товаропроизводителей.

Опираясь на тот же источник, можно привести и другие примеры, когда сапожники прекращали свои занятия ремеслом и начинали вести торговую деятельность, сбывая изделия сапожного мастерства, приобретавшиеся путем скупки у мелких товаропроизводителей. Так, о посадском человеке Ефреме Замазнине говорится, что «преж сего он делал сапоги, а ныне торгует — сидит в Сапожном ряду в наемной лавке». То же самое сказано и о посадском человеке Гавриле Шухолкине и его сыне Василии: «преж сего они делали сапоги, а ныне сидят в своей лавке в Сапожном ряду» [98].

Появление скупщика среди сапожников было возможно лишь при достаточно развитой товарности этого промысла. Трудно судить, как много мелких товаропроизводителей было среди нижегородских сапожников в первой четверти XVII в. В двух сапожных рядах мы находим только одного сапожника, владевшего собственной лавкой, в то же время неясно, откуда брали сапожные изделия другие владельцы лавок в сапожных рядах. Конечно, мелких товаропроизводителей было больше, чем это кажется на первый взгляд. Довольно определенно говорит об этом и писцовая книга Д. В. Лодыгина. В одном сапожном ряду писцы зафиксировали «три лавки в одной стене, перегорожены, о трех замках», принадлежавшие двум посадским людям и Нижегородскому Дудину монастырю, «сидят в них сапожники из найму» [99], т. е. в данном случае мы имеем дело с мелкими товаропроизводителями, нанимавшими лавки для работы и сбыта собственных изделий. Более определенные сведения содержатся в переписной книге 1665 г., судя по которой, значительная часть нижегородских сапожников работает на рынок. Подсчет показывает, что из 157 сапожников не менее 59 человек уже стали мелкими товаропроизводителями, будучи тесно связанными с рыночным сбытом изделий как при непосредственной торговле, так и при посредстве скупщиков (см. табл. 3).

Переход ремесла к мелкому товарному производству в сапожном промысле Нижнего Новгорода заметен довольно отчетливо. Если не считать тех специалистов, которые владели собственными лавками или снимали их из найму, большинство сапожников сбывало свои изделия в сапожном ряду через скупщиков. Так, посадский человек Афанасий Стрехов, как указано

---

[97] Гор. кн. по Нижнему Новгороду, № 25, л. 87 об.

[98] Там же, лл. 231 об., 269 об. Другие примеры см. в данном источнике на лл. 20, 23 об., 208, 214, 224, 263 об. и 268 об.

[99] РИБ, т. XVII, стб. 271.

Таблица 3

Количество ремесленников, мелких товаропроизводителей и наемных работников, занятых переработкой животного сырья (по переписной книге 1665 г.)

Профессии	Количество	Продают свои изделия					Кормятся «рукодельем»	Работают по найму
		всего	в лавках	«в ряд»	«в рознос»	«вНижнем»		
Сапожники	157	59	7	40	—	12	98	—
Рукавичники	26	18	3	10	—	5	8	—
Хомутинники	4	1	—	1	—	—	3	—
Уздечники	3	3	—	3	—	—	—	—
Седельники	2	1	1	—	—	—	1	—
Переплетчики	2	—	—	—	—	—	2	—
Скорняки	12	—	—	—	—	—	12	—
Баранники	8	8	—	7	1	—	—	—
Овчинники	8	—	—	—	—	—	8	—
Свечники	24	5	2	3	—	—	19	—
Воскобойники	1	—	—	—	—	—	1	—
Шерстобиты	6	—	—	—	—	—	5	1
Войлочники	4	1	—	1	—	—	3	—
Гребенщики	10	5	—	2	—	3	5	—
Всего	267	101	13	67	1	20	165	1

в источнике, «кормитца сапожным ремеслом — делает сапоги и продает в ряд»; другой посадский тяглец, Иван Леонтьев Сапожник, «преж сего и ныне кормитца он сапожным рукодельем — делает сапоги и продает в ряд» [100]. Число таких примеров можно было бы значительно увеличить [101].

Помимо сапожного промысла, в Нижнем Новгороде были распространены, хотя и в менее широких размерах, и другие про-

[100] Гор. кн. по Нижнему Новгороду, № 25, лл. 20, 21.

[101] См., например, там же, лл. 57, 138, 183, 205, 219, 228, 229 об., 240, 257 об., 264, 395, 415 об., 420 и др.

мыслы по изготовлению изделий из кожи, в частности, рукавичный и шорный. Работа на рыночного потребителя проявлялась и в них. По переписной книге можно насчитать 26 человек, занимавшихся рукавичным промыслом. О 18 из них в источнике имеются сведения, что они сбывали изделия на рынке, т. е. стали мелкими товаропроизводителями (см. табл. 3). В этом промысле скупщик активно посредничает между производителем и потребителем, и здесь он органически вырастает из среды самих рукавичников. Совершенно определенно говорит об этом переписная книга 1665 г. Так, о посадском человеке Василии Васильеве Рукавишнике в книге сделана следующая запись: «...преж сего он делал рукавицы, а ныне сидит в Рукавишном ряду в наемной лавке». Тот же источник рисует нам другой пример скупщика: «Во дворе Кузьма Савельев, прозвище Рукавишник, кормитца он — скупает рукавицы и продает на прилавке» [102].

* * *

В Нижнем Новгороде XVII в. получил распространение и мыловаренный промысел. При характеристике этого промысла отметим прежде всего, что он был сосредоточен в руках наиболее состоятельных посадских людей, так как требовал определенного капитала не только для устройства мыловарницы, или мыльной поварни, но и на содержание некоторого числа наемных работников, без которых невозможно было начать производство. Кроме того, денежные средства были нужны и для организации сбыта готовой продукции. Вот почему мыловарение на протяжении всего столетия находилось в руках одних и тех же фамилий, известных в хозяйственной жизни Нижнего Новгорода своей активной торгово-промышленной деятельностью.

Пожалуй, крупнейшими среди нижегородских мыловаренных промышленников были братья Самойло и Богдан Харитоновы дети Абакумовы. Старшего из них, Самойла Харитонова, Д. В. Лодыгин счел нужным отнести к числу «лучших» людей Нижегородского посада [103]. Такое решение не было случайным:

---

[102] Гор. кн. по Нижнему Новгороду, № 25, лл. 40 об., 177 об. О мелком скупщике рукавиц имеются сведения и в материалах сыска посадских людей-закладчиков Нижнего Новгорода в 40-х годах. Григорий Кузьмин Рукавишник в расспросных речах сказал, что «родиною де он нижегородец, отец его был в Нижнем тяглой человек. А живет он, Гришка, на монастырской на Зачатцкой земле в соседстве у Кирилка-плотника, а кормит де ся он, Гришка, скупая рукавицы на бозаре, продает...» (Н. П. Павлов-Сильванский. Указ. соч., стр. 203).

[103] РИБ, т. XVII, стб. 152. О заметной роли С. Харитонова в жизни нижегородской посадской общины говорит, между прочим, факт избрания его в окладчики при проведении сбора пятинных денег в 1634 г. (Стлб. Оруж. палаты, № 41177, л. 30).

С. Харитонов владел мыловарней, в которой работали наемные работники [104]. О том, что в поварне эксплуатировался наемный труд, говорит следующая запись в писцовой книге: «двор осадной посадцкого человека Самойла да брата его Богдана мыльников, а в нем живут наймиты их, ярыжные». Не вызывает сомнения то, что это небольшое предприятие работало на рынок [105]. Мыловаренный промысел продолжал оставаться в руках этой фамилии и во второй половине столетия. Дело Самойлы Харитонова продолжал его сын Петр Самойлов, но о нем у нас нет сведений. Ранняя смерть оборвала его деятельность. Правда, промысел сохранился в руках его сына, Ивана Петрова Самойлова, который хотя и считался «лучшим» человеком, однако положение его заметно пошатнулось. Как явствует из переписной книги 1665 г., он «после смерти отца своего остался в малых летех» и поэтому «из больших перед прежним оскудел» [106]. Впрочем, Б. Ф. Полибин, составлявший переписную книгу, все же положил его в большое тягло, составлявшее довольно значительную сумму — 80 руб. в год. Мыловарня И. Самойлова продолжала работать на рынок [107], причем предприниматель, как и его предшественники, не обходился без применения наемного труда. В частности, у И. Самойлова во дворе жил в соседях посадский человек Ерофей Иванов, который, как указывает источник, «варит мыло из найму». Судя по тяглу, он считался «молодшим» посадским человеком [108].

Не менее крупными мыловаренными промышленниками были и Олисовы. Собственно говоря, мыловаренный промысел составлял одну из сторон в многогранной предпринимательской деятельности этой фамилии, получившей в дальнейшем широкую известность в стране. Уже в 20-х годах Степан и Давыд Олисовы считались в Нижнем Новгороде крупными торговцами солью и рыбой. Д. Олисов был менее состоятельным, чем его брат; он был отнесен писцами к «середним» посадским людям и, кроме двора, имел всего две лавки в Старом рыбном ряду и один солодяной амбар [109]. С. Олисов, в отличие от него, считался «лутчим» человеком; он владел двумя дворами, один из которых вместе с амбаром купил у небезызвестного нижегородского торговца и солепромышленника Якима Сергеева Патокина. В Старом и Новом рыбных рядах он имел три больших лавки для

[104] РИБ, т. XVII, стлб. 55, 281.

[105] Во всяком случае, С. Харитонов владел в торговом ряду одной лавкой, где, по-видимому, и продавал мыло, изготовленное на его мыловарне (там же, стлб. 247).

[106] Гор. кн. по Нижнему Новгороду, № 25, л. 71.

[107] Об этом есть прямое указание в источнике: «...промышляет — варит мыло и продает в ряд...» (там же, лл. 70 об.— 71).

[108] Там же, л. 71.

[109] РИБ, т. XVII, стлб. 79, 241, 243, 280.

торговли солью и рыбой, а также, для тех же целей, еще один амбар [110]. Для мыловаренного промысла у С. Олисова имелась мыльная поварня, в которой, вне всякого сомнения, работали наемные работники. Степан имел еще одну, четвертую, лавку, выходившую в Мыльный ряд [111]. По-видимому, у Давыда Олисова не было наследников по мужской линии, и эту фамилию продолжали сыновья и внуки Степана Олисова. Непосредственными преемниками его стали сыновья, старший Фирс и младший Яким Степановы Олисовы. Но о них сохранилось очень мало сведений. В 70-х годах на арене торгово-промышленной жизни Нижнего Новгорода появляется сын Фирса Афанасий Фирсов Олисов, который своей торговой и предпринимательской деятельностью стал известен далеко за пределами родного города. О его значительной роли в жизни нижегородской посадской общины свидетельствуют факты выбора его в кабацкие головы в 1670 г.[112], а в 1676 г. он был земским старостой Нижнего Новгорода [113]. В 1677 г. как одного из самых состоятельных людей Русского государства его пожаловали в гости [114]. А. Ф. Олисов был, безусловно, наиболее достойным продолжателем дела своего деда, Степана Олисова. Деловитый и предприимчивый, он энергично расширял круг своей торговой и промышленной деятельности, не жалея средств, если задуманное дело сулило ему значительную прибыль. Одно время он перестал заниматься мыловаренным промыслом и вложил часть средств в кожевенное производство, как об этом можно узнать из переписной книги 1665 г. Но, по-видимому, это предприятие не удалось, и он опять возвратился к мыловарению, «завел вновь мыльной промысел и варит мыло и продает в Нижнем и посылает к Москве и в ыные городы...» [115] Таким образом, мыльная поварня опять начинает действовать во второй половине века, причем о достаточно широких размерах производства говорит выход продукции на широкий рынок, в том числе и в Москву. Конечно, как и в прежнее время поварню обслуживали наемные работники. О дальнейшей судьбе мыловаренного промысла А. Ф. Олисова мы узнаем из его сказки, поданной в 1704 г. в Приказ монастырских дел в соответствии с петровским указом о подаче всеми гостями и торговыми людьми сведений о своих торгах в промыслах [116]. Как видно из

---

[110] РИБ, т. XVII, стлб. 161, 165, 248, 253, 254 и 264.

[111] Там же, стлб. 240, 279.

[112] Гор. кн. по Новгороду Великому, № 82, лл. 71, 78, 82, 86 об., 93 об., 94.

[113] Там же, № 93, л. 80.

[114] Гор. кн. по Нижнему Новгороду, № 39, л. 16—16 об.

[115] Там же, № 25, лл. 185 об.— 186.

[116] Е. И. Заозерская. Сказки торговых людей Московского государства 1704 г.— «Исторические записки», кн. 17, 1945, стр. 245.

этого документа, к началу XVIII в. гость был «вскорбех и в беспамятстве своем и в старости». Многочисленные пожары и стихийные бедствия нанесли значительный урон самостоятельности А. Ф. Олисова, и все попытки его восстановить былое состояние успеха не имели. Наконец, пожар 1701 г., нанесший сильный урон Нижнему Новгороду, окончательно потряс Олисова, и на этом его торговая и предпринимательская деятельность прекратилась. Пожар 1701 г., помимо всего прочего, уничтожил и его мыловарню» [117].

Крупным нижегородским мыловаром первой четверти XVII в. был и «лутчий» посадский человек Матвей Белин. Он владел мыловарней, совмещая мыловаренный промысел с крупной торговлей на посаде. В мыловарне, конечно, эксплуатировался наемный труд, а сбыт мыла был связан с рыночным потребителем [118]. Наконец, владельцем еще одной, четвертой, мыльной поварни выступает некий Иван Домерщик, но другими сведениями о нем мы не располагаем [119]. Помимо крупных мыловаренных промышленников Нижнего Новгорода, в первой четверти века были известны и менее состоятельные лица, промышлявшие в этом промысле. Это были «середние» посадские люди Ефим Артамонов и Богдан Осипов [120]. По писцовой книге мыловарен за ними не значилось. Всего источник насчитывает только восемь человек, промышлявших мыловарением, но он, конечно, не отражает действительного положения, умалчивая о тех, кто работал в качестве наемных работников на мыловарнях крупных промышленников.

Между тем каждая мыловарня требовала нескольких человек для обслуживания. Из окладной пятинной росписи 1634 г. можно заключить, что в мыльных поварнях существовало довольно ясно выраженное разделение труда [121]. Среди лиц, занимавшихся мыловаренным промыслом, роспись отмечает двух мыльных поваров и одного мыльного резальщика [122]. О двух мыльных резальщиках, живших в слободе Благовещенского монастыря, есть сведения в строельной книге 1652 г. [123] В одном из документов в качестве определения рода занятий пришлого человека, жившего на Нижегородском посаде, употребляется

[117] Там же, стр. 261, 262.
[118] РИБ, т. XVII, стлб. 70, 161, 239, 254, 279, 295.
[119] Там же, стлб. 279.
[120] Там же, стлб. 113, 150.
[121] Как установила Л. В. Данилова, в ярославском мыловаренном производстве также существовала специализация на мыльников и мыльных резальщиков. Возможно, как считает автор, в мыловарнях работали и так называемые наливальщики (Л. В. Данилова. Указ. соч., стр. 100).
[122] Стлб. Оруж. палаты, № 41177, лл. 7, 12, 17.
[123] Гор. кн. по Новгороду Великому, № 41, лл. 294 об., 295

термин «мыльной стряпчей» [124]. Еще один «мыльно стряпчей» назван в другом документе [125]. Связь этой профессии с мыловарением несомненна. Может быть, так иногда называли мыльных поваров. Специальность мыльного повара требовала большого опыта, он должен был правильно выбрать нужную пропорцию в сырье и следить за варкой мыла, которая длилась почти половину месяца [126]. Застывшее мыло резали на куски. Этой операцией, по-видимому, занимались мыльные резальщики; иначе трудно объяснить характер работы этих специалистов. Обязанности остальных работных людей мыловарни в сущности были несложными и сводились к работе подсобного характера, т. е. к заготовке варничных дров, приготовлению щелока, подготовке сала к варке и т. п.

Подсобные работные люди, очевидно, чаще всего могли состоять из пришлого населения, бродившего по городам в поисках заработка. Квалифицированные работники были постоянными жителями Нижегородского посада. Сведения о некоторых из них мы находим в переписной книге 1665 г. Например, посадский человек Родин Иванов кормится тем, что «варит мыло, наймуется у мыльных промышленников» [127]. Уже приводился пример, когда у мыловаренного промышленника жил в соседях посадский человек и варил ему мыло, будучи наемным работником [128]. Впрочем, среди наемных работников встречались и такие люди, которым удавалось порывать с работой по найму и улучшать свое материальное положение. По переписной книге известен посадский человек Дмитрий Быков, который после работы на мыловарне сумел заняться торговлей: «...преж сего он живал в найму у мыльников, а ныне торгует — сидит в Мыльном ряду в наемной лавке» [129].

Во второй половине XVII в. в Нижнем Новгороде появляются новые крупные мыловаренные промышленники. По-видимому, этот промысел был достаточно прибыльным делом, если представители купеческого капитала вкладывали в него денежные средства. «Лучший» посадский человек Наум Трофимов в 50-х годах «промышлял низовым промыслом» — у него ходил до Астрахани струг с хлебом и разными товарами. Из Астрахани он вывозил заморские шелковые ткани и перепродавал их. Но к середине 60-х годов он решил прекратить это связанное с известным риском занятие, вложил свои средства в более надежное и спокойное дело — «завел в Нижнем мыльной промы-

[124] ПДСЛ, 1641 г., д. 43, л. 440.
[125] Стлб. Владим. ст., № 93, л. 7.
[126] «Дневные записки Ивана Лепехина...», стр. 45—46.
[127] Гор. кн. по Нижнему Новгороду, № 25, л. 183.
[128] Там же, л. 71.
[129] Там же, л. 157 об.

сел и варит мыло и продает в Нижнем и по иным городам»[130]. К мыловаренному промыслу обращаются и крестьяне Благовещенского монастыря. Дмитрий и Федор Федоровы дети Лысковцы варили мыло и продавали его как в самом Нижнем Новгороде, так и в других городах[131]. Надо полагать, и здесь не обошлось без привлечения наемной рабочей силы.

Таким образом, на протяжении XVII в. мы видим непрерывный рост нижегородской мыловаренной промышленности, причем мыловарение все время находилось в руках крупных торговцев и промышленников, которые притягивали на свои предприятия наемную рабочую силу, набираемую из обедневших слоев городского или пришлого населения. Важно при этом отметить, что мыловарение Нижнего Новгорода носило характер товарного производства. Мыло продавалось не только на местном рынке, но и за его пределами. О достаточно высоком качестве нижегородского мыла свидетельствуют факты приобретения его на дворцовый обиход[132].

Сбыт мыла владельцы мыловарен осуществляли не только через продажу в лавках, но также и через скупщиков. Об этом можно узнать из переписной книги 1665 г. Например, о посадском человеке Киприане Перфильеве сказано, что «торгует он — сидит в Мыльном ряду в наемной лавке, а мылю покупает у промышленников»[133]. На этот счет можно привести и другие примеры[134].

С переработкой животного сырья были связаны и такие промыслы, как изготовление свечей, обработка шерсти и кости (изготовление костяных гребней). Наиболее распространенным из них был промысел по изготовлению свечей. Если в начале века специалисты этого промысла встречались довольно редко, то к 60-м годам в Нижнем Новгороде их было уже довольно много (см. табл. 2). К этому времени нижегородские свечники стали работать не только на заказ, но и на продажу. Например, посадский человек Петр Фадеев, как указано в переписной книге, «сучет свечи и продает в Нижнем»[135]. Более тесно были связаны

---

[130] Там же, лл. 190 об.—191.

[131] Там же, л. 403.

[132] И. Е. Забелин. Домашний быт русских цариц в XVI и XVII столетии, изд. 3, с дополнениями. М., 1901, стр. 707; Стлб. Оруж. палаты, № 1390, л. 1.

[133] Гор. кн. по Нижнему Новгороду, № 25, л. 133—133 об.

[134] В том же источнике есть, например, и такая запись: «Во дворе Иван Дмитриев, прозвище Колоб, промышляет он — торгует в Нижнем, а сидит в наемной лавке... У него ж живет Иван Савельев, торгует он — сидит в Мыльном ряду в своей лавке, а мыло покупает в Нижнем...» (там же, лл. 74 об.— 75). Мыло они могут приобретать только у мыловаренных промышленников.

[135] Гор. кн. по Нижнему Новгороду, № 25, л. 188 об.

с рынком «середние» посадские люди Иван и Трифон Ивановы Докукины, «промышляют они— сучат вощаные свечи и сидят в Москательном ряду в наемной лавке» [136]. Отец их, Иван Докукин, еще в 20-х годах был связан с торговлей и имел собственную лавку в Старом рыбном ряду [137]. По-видимому, скупщик действовал и среди нижегородских свечников. Так, в переписной книге имеется упоминание о посадском человеке Лукьяне Яковлеве, о котором сказано, что он «сучет свечи и отдает в ряд» [138]. Может быть, одним из таких скупщиков был Устин Федоров, у которого в 1667 г. Благовещенский монастырь купил для своего обихода «2000 свеч сальных двоесветильных» [139].

К сожалению, нет других материалов, позволяющих характеризовать производство сальных свечей. Но едва ли можно сомневаться в его наличии в Нижнем Новгороде. Этот промысел был широко распространен почти во всех городах, так как сильные свечи — продукт массового потребления.

С промыслом по изготовлению свечей были связаны воскобойники и вощеники (хотя, быть может, между этими профессиями не было особой разницы). На такую связь указывают записи в переписной книге Б. Ф. Полибина. Например, посадский человек Никита Максимов «сучет свечи вощаные», другой свечник, Илья Савостьянов, также «сучет свечи восковые» и так далее [140]. Не лишним будет отметить, что и у воскобойников можно было встретить случаи применения наемного труда. Так, беглый крестьянин Петр Антропов пришел вместе с отчимом в Нижний Новгород из Ярославского уезда в 1657 г. Здесь они сначала работали в течение двух лет у посадского человека Ивана Басаргина, а потом «от него отошли и пришли к нижегородцу посадцкому человеку к Ганке Данилову сыну Бражницыну и жили де они у него в наймах года с три». Затем Петр Антропов перешел работать к другому посадскому человеку, а его отчим «пошел на низ» [141]. По переписной книге известно, что Гаврила Бражницын был по профессии воскобойником и считался «молодшим» посадским человеком [142].

---

[136] Гор. кн. по Нижнему Новгороду, № 25, лл. 242 об.—243.

[137] РИБ, т. XVII, стлб. 254.

[138] Гор. кн. по Нижнему Новгороду, № 25, л. 226 об.

[139] ЦГАДА, Патриарший дворцовый приказ, оп. 5, кн. 19, л. 119.

[140] Гор. кн. по Нижнему Новгороду, № 25, л. 23 об., 212 об., а также 12 об., 24, 127 об., 189 об. и др.

[141] Стлб. Поместн. приказа, № 20859, л. 95: «А он де Петрунька нанялся у нижегородца ж у посадцкого человека у Стеньки Иванова сына Шемякина на год,— читаем мы в этом документе,— а рядил де он у него 5 рублев. И урочной де у него год отжил, и от него отошел и деньги рядные взял».

[142] Гор. кн. по Нижнему Новгороду, № 25, л. 50.

В промыслах по обработке шерсти встречаются такие специалисты, как шерстобиты, войлочники и сермяжники. Но эти промыслы были слабо развиты среди нижегородского населения, и представители их встречаются весьма редко (см. табл. 2). Тем не менее работа на рыночного потребителя встречается и здесь. В связи с этим можно сослаться на следующую запись в переписной книге: «Во дворе Стефан Михайлов Войлошник, преж сего и ныне кормитца он — делает войлоки и продает в ряд» [143] (видимо, через скупщика). Этот же источник дает нам некоторое представление и об изделиях специалистов данного промысла. Так, крестьянин Благовещенской слободы Григорий Антипов Войлошник «валяет войлока и епанчи и вязет рукавицы», крестьяне той же слободы Данила Тимофеев Войлошник и его сын «бьют шерсть, валяют войлока и епанчи» [144]. Имеются сведения о работе по найму в промысле по обработке шерсти. В частности, о шерстобите посадском тяглеце Акиме Иванове в переписной книге сказано, что «кормитца он работою своею — наймуетца, бьет шерсть» [145]. Наемный труд мог находить применение в мастерских войлочников. Чтобы изготовить из шерсти войлок или пряжу для сермяжного сукна, шерсть требовалось «сбить» при помощи жильной струны, о которую били эту шерсть, предварительно очистив щелочным раствором от жира. При помощи струны шерсть превращалась в цельную мягкую массу, которую можно было и прясть, и валять. Всю эту подготовительную операцию проделывал шерстобит. Таким образом, характер работы шерстобитов подсказывает нам вывод о возможности применения этих специалистов в качестве подсобных наемных работников в мастерских войлочников.

Наконец, к отраслям по переработке животного сырья должен быть отнесен и промысел по изготовлению костяных гребней. По своему характеру это был художественный промысел, требовавший при выпиливании гребней большого умения и вкуса при исполнении разнообразных инкрустаций. По переписной книге Б. Ф. Полибина можно насчитать до 10 человек, занимавшихся этим промыслом. Отметим, между прочим, что и здесь проявляется связь мелкого производителя с рынком — пятеро гребенщиков продавали свои изделия.

* * *

Рассматривая состояние нижегородской мелкой промышленности по переработке животного сырья XVII столетии, можно прийти к выводу о том, что для нее характерно широкое

[143] Там же, л. 200—200 об.
[144] Там же, лл. 423 об., 424.
[145] Там же, л. 84 об.

распространение мелкого товарного производства, хотя это явление не одинаково проявляется в разных промыслах. В 60-х годах XVII в. из 368 человек, занимавшихся различными промыслами по переработке животного сырья, не менее 164 человек сбывали свои изделия путем продажи потребителю или скупщику, т. е. являлись мелкими товаропроизводителями. Нам уже неоднократно приходилось говорить о том, что эта цифра значительно меньше действительной, тем более что в реальности можно было наблюдать и смешанные формы работы, т. е. работу на заказ и на рынок одновременно.

Рост мелкого товарного производства базировался на дальнейшем углублении процесса общественного разделения труда. Разделение труда проявлялось и в отдельных промышленных отраслях, особенно это заметно в кожевенном производстве. На сравнительно крупных кожевенных предприятиях В. Г. Шорина и С. Ф. Задорина, а также в кожевенных мастерских появляются такие детальные специалисты, как строгальники, дуботолки и гладильщики.

Разделение труда начало проявляться и в мыловарении, хотя это явление еще не получило такого развития, как в кожевенном производстве.

Широкое распространение мелкого товарного производства в нижегородских промыслах по переработке животного сырья вызвало к жизни целую армию скупщиков, которые посредничали между мелким производителем и потребителем. Посредничество скупщика было закономерным явлением, так как в условиях стихийного действия закона конкуренции мелкий производитель часто не обладал ни временем, ни достаточными средствами для личного сбыта своих изделий потребителю. Появление скупщика приводило к тому, что последний концентрировал в своих руках сбыт изделий мелких товаропроизводителей, попадавших таким образом под власть торгового капитала.

Такое явление было характерным для низшей стадии товарного хозяйства [146]. Рассматривая указанные промыслы Нижнего Новгорода, можно заметить, что торговый капитал принимает в них наиболее простую форму — торговец-скупщик покупает изделия у мелкого товаропроизводителя [147].

Характерной чертой рассмотренных промыслов было повсеместное распространение работы по найму. Наиболее типичной она была в кожевенном производстве и особенно в мыловарении. Однако в XVII в. наем был опутан традициями и пережитками, свойственными феодальному способу производства. Хотя

---

[146] См. В. И. Ленин. Соч., т. 3, стр. 312—313.
[147] См. там же, стр. 319.

работник нанимался на добровольных началах, жилая запись фактически закабаляла, прикрепляла нанимавшегося на определенное время к нанимателю и ставила его в ни чем не прикрытое положение зависимости от последнего, поскольку работодатель получал возможность не только эксплуатировать наемного работника, но и удерживать его у себя в течение установленного договором времени. Жилая запись предусматривала ответственность наймита за нарушение договора, но исключала аналогичные обязанности работодателя по отношению к нанимаемому, тем самым закрепляя проявление социального неравенства между ними.

А. А. Преображенский

ПРЕДПРИНИМАТЕЛИ ТУМАШЕВЫ В XVII В.

Одним из отличительных явлений социально-экономической жизни Русского государства XVII в. было резкое усиление и расширение торгово-промышленной деятельности, в которую вовлекались различные слои населения. Рост товарного производства, формирование всероссийского рынка содействовали созданию довольно разветвленной сети торговых и промышленных предприятий, как крупных, так и более мелких. Советская историография уделяла и уделяет значительное внимание конкретному изучению этой весьма важной темы, ибо без такого изучения немыслимо решение проблемы генезиса капитализма в России на его начальных стадиях.

Исследование истории отдельных промышленных и торговых предприятий XVII в., будучи необходимым звеном в научной разработке проблемы зарождения и развития новых буржуазных элементов в недрах феодального строя, сопряжено с большими трудностями источниковедческого характера. Каждый, кто занимается подобными сюжетами в области истории России XVII в., отчетливо сознает всю сложность задачи разыскания необходимых источников. Далеко не всегда усилия, затраченные на поиски нужных материалов, приводят к желаемым результатам. Случайность сохранившихся документов, их разобщенность и отрывочный характер заключенных в них сведений зачастую не дают возможности воссоздать полную картину, в одинаковой мере осветить все интересующие вопросы. Но тем более драгоценны те немногие дошедшие до нас документальные свидетельства, которые относятся к истории отдельных предприятий XVII в.

В советской литературе имеется ряд ценных исследований о деятельности представителей формирующейся русской буржуазии в XVII в. Мы имеем в виду работы С. В. Бахрушина [1],

[1] С. В. Бахрушин. Научные труды, т. II. М., 1954, стр. 118—134, 224—255.

В. Г. Геймана[2], К. В. Базилевича[3], Н. В. Устюгова[4], Н. А. Баклановой[5] и др.

Задача настоящей статьи заключается в том, чтобы осветить малоизученный в нашей литературе вопрос о предпринимательской деятельности Тумашевых, с которой связаны первые (правда еще очень робкие) шаги промышленной эксплуатации горнорудных богатств Урала частным капиталом.

Деятельность Тумашевых хотя и привлекала внимание историков[6], но еще не была предметом специального исследования. В нашей работе использованы в основном неопубликованные источники, главным образом из ЦГАДА и Архива ЛОИИ, а также некоторые изданные документы[7].

Впервые с Тумашевыми мы встречаемся в середине 40-х годов XVII в., когда на Урале близ Соли Камской действовал Пыскорский медеплавильный завод, построенный казной. Здесь

---

[2] В. Г. Гейман. Соляной промысел гостя И. Д. Панкратьева в Яренском уезде в XVII в.— «Летопись занятий Археографической комиссии», вып. 35. Л., 1929, стр. 1—38.

[3] К. В. Базилевич. Крупное торговое предприятие в Московском государстве в первой половине XVII в. Л., 1933.

[4] Н. В. Устюгов. Солеваренная промышленность Соли Камской в XVII в. М., 1957.

[5] Н. А. Бакланова. Торгово-промышленная деятельность Калмыковых во второй половине XVII в. М., 1959.

[6] См. П. Г. Любомиров. Очерки по истории русской промышленности. XVII, XVIII и начало XIX в. М., 1947, стр. 291—293; Д. А. Кашинцев. История металлургии Урала, т. 1. Первобытная эпоха XVII—XVIII вв. М.— Л., 1939, стр. 38, 40, 42; М. Д. Хмыров. Металлы, металлические изделия и минералы в древней России (материалы для истории русского горного промысла). СПб., 1875, стр. 176, 212—220, 241—245; Н. Н. Оглоблин. Обозрение столбцов и книг Сибирского приказа, ч. 3. М., 1900, стр. 83; Н. В. Устюгов. Из истории металлургии Поморья в первой половине XVII в.— «Вопросы истории», 1946, № 2—3, стр. 131; Н. И. Павленко. Развитие металлургической промышленности в России первой половины XVIII в. М., 1953, стр. 40—41, 94; «Очерки истории СССР. Период феодализма. XVII век», стр. 87; В. Я. Кривоногов. Наемный труд в горнозаводской промышленности Урала в XVIII веке. Свердловск, 1959, стр. 25 и др.— О значении поисковых работ Тумашевых в обследовании природных ресурсов Урала, см. также: В. В. Данилевский. Русская техника, изд. 2. Л., 1948, стр. 32—34, 50, 478; В. Н. Скалон. Русские землепроходцы — исследователи Сибири XVII в. М., 1951, стр. 54—55; Н. Я. Новомбергский, Л. А. Гольденберг, В. В. Тихомиров. Материалы к истории разведки и поисков полезных ископаемых в Русском государстве XVII в. (Документы Сибирского приказа).— «Очерки по истории геологических знаний», сб. 8. М., 1959, стр. 18—19, 44—45.

[7] См. ДАИ, т. V, № 10. Здесь напечатаны списки грамот «Верхотурской архивы», находившиеся у Г. Ф. Миллера. Некоторые из этих документов имеются в подлинниках в просмотренных нами архивных материалах. К сожалению, фонд Верхотурской воеводской (приказной) избы в Архиве ЛОИИ не имеет описи, что значительно затрудняет пользование его материалами.

работал в качестве плавильщика Александр Иванов Тумашев. Дмитрий Тумашев позже писал, что медную руду на Григорове горе «отыскал» его отец еще в 1634 г., за что был пожалован «полным жалованьем и месячным кормом» [8]. После закрытия завода вследствие истощения месторождения медной руды и пожара 1648 г. А. И. Тумашев со своими сыновьями Дмитрием и Иваном не покинул этих мест и пытался (уже как частный предприниматель) продолжить начатое казной дело. Оказалось, что примерно до 1656—1657 гг. рудные залежи Григоровой горы и Кужгорта могли иметь некоторый интерес для промышленной эксплуатации. Из челобитной Тумашевых от 1666 г. можно установить, что их медный промысел действовал сравнительно неплохо. Выплавленная медь поступала в государственную казну и принималась целовальниками в Соли Камской. Непосредственно на рынок, минуя казну, продукция тогда не попадала. Казна принимала медь, выплачивая предпринимателям по 2 руб. за пуд, что было значительно ниже рыночной цены. В качестве поощрения правительство удовлетворило ходатайства Тумашевых и объявило их и мастеровых людей завода неподсудными соликамскому воеводе, указав также, что Тумашевых и заводской персонал следовало «оберегать и обидить никому не велено» [9]. Если верить Дмитрию Тумашеву, по этой таксе они продали государству 574 пуда меди. Затем такса была повышена до 3 руб. за пуд. Продолжая «в горах медную руду копать и плавить по договору ж», А. И. Тумашев с сыновьями поставили в казну еще 315 пудов. При всей невыгодности такого полупринудительного сбыта готовой продукции вряд ли Тумашевы оставались в накладе. Об их «прожиточности» говорит хотя бы тот факт, что они платили высокий оклад оброчных денег в начале 50-х годов, достигавший 44 руб. 30 алт. 1 д., который покрывали дополнительной поставкой меди [10]. Ссылаясь на разницу казенной подрядной и рыночной цены меди, достигавшей 1 руб. 25 коп. за пуд, Тумашевы считали, что за время действия своего медеплавильного предприятия они «своим радением

---

[8] Стлб. СП, № 837, л. 12. Дмитрий Тумашев также вспоминал, что «промышляли отец наш Александр и мы... в Усольском уезде на Григорове горе и на Пыскоре и на Кужгорте медным промыслом после немец и после дворянина Юрья Телепнева, пометную руду плавили по договору» (Архив ЛОИИ, Верхотурская воеводская изба, карт. 11, № 3, лл. 6—7).

[9] Прик. дела новой разборки, № 1000, лл. 152, 214. При описании слободки Пыскорского монастыря в 1647 г. переписчик П. К. Елизаров отметил: «...двор, а в нем живет рудознатец Александрик Иванов» (Государственный архив Пермской области, коллекция документов XVII в., д. 22, л. 8 об.).

[10] Прик. дела новой разборки, № 1000, лл. 152, 162.

и промыслишком учинили... казне прибыли больши полуторы тысячи» [11].

Однако «со 165 году медного промыслу не стало..., потому что на Григоровой горе и на Кужгорах медные руды вынялись». Этот факт позднее был подтвержден довольно широко проведенным обследованием, в котором принимали участие, кроме Тумашевых, также окрестные жители. Разумеется, показаниям Тумашевых как специалистов придавалось особое значение. Тумашевы заявили, что «руд медных в том месте не стало и впредь не будет» [12]. Тем не менее далеко не сразу Тумашевым было разрешено покинуть Соликамский уезд. Правительство распорядилось возобновить поиски руд в этом районе. Выполнение указа затянулось, а результаты оказались самыми безотрадными. В начале 1666 г. Дмитрий Тумашев, подводя итог многолетним поискам, вынужден был признать, что «у Соли Камской в уездех руд искали, а обыскать не можем и теперича живем на Пыскоре без промыслу» [13].

Оставшиеся не у дел братья-плавильщики (их отец А. И. Тумашев с этого времени в документах не упоминается) обратились к правительству с челобитьем о разрешении им перенести поисковые работы за Урал, в Верхотурский уезд. Д. А. Тумашев просил позволения «в сибирских городех, на Верхотурье и в Верхотурском уезде, по рекам и по горам и по лесам ездить искать всяких руд безпенно, на ваших, великих государей, счастие, либо бог откроет, и опыт чинить». Д. А. Тумашев ходатайствовал также о разрешении привезти в Верхотурье «всяких снастей рудокопных и опытных беспенно нынешней зимы 174 году» [14]. Следует заметить, что Верхотурский уезд был выбран Тумашевыми не случайно. А. И. Тумашев еще в 1647 г. бывал там и по заданию правительства разведывал месторождения руд. Именно тогда ему сказал пашенный крестьянин Влас Осипов, что «есть де на Тагиле рудная признака» [15]. Разумеется, отец не имел производственных секретов от сыновей, которых обучил мастерству плавки медной руды. Авторитет «медной руды плавильщика» А. И. Тумашева был значитель-

---

[11] ДАИ, т. V, № 10/I, стр. 61—62. Ср. Архив ЛОИИ, Верхотурская воев. изба, карт. 11, № 3, лл. 6—7.

[12] ЦГАДА, Грамоты Коллегии экономии, оп. 17 (по Соликамскому уезду), д. 11373, лл. 2—3; «Очерки истории СССР. Период феодализма. XVII в.», стр. 87. К тому времени А. Тумашева уже не было на Урале. Его по указу из Москвы послали в Казань «для рудного и медного дела» (Прик. дела новой разборки, № 1000, л. 189). Туда же направили часть его помощников.

[13] ДАИ, т. V, № 10/I, стр. 62.

[14] Там же.

[15] ЦГАДА, Верхотурская прик. изба (далее — Верхотурская прик. изба), оп. 1, стлб. 257, ч. I, лл. 2—4.

ным. Недаром верхотурский воевода еще в 1646 г. настаивал на присылке к нему с Пыскорского завода не кого иного, как «Александрика» Тумашева, обосновывая свой выбор тем, что «за ним де, Александром, государево медное рудное дело стало» [16]. При этом воевода отдавал А. И. Тумашеву явное предпочтение перед ранее прибывшими плавильщиком Семеном Колокольником из Устюга и «подплавильщиком» Данилом Кашинцем, так как С. Колокольник оказался не сведущим в проведении опытной плавки. В грамоте верхотурскому воеводе М. Ф. Стрешневу правительство определило А. И. Тумашеву самый высокий месячный корм по сравнению с другими плавильщиками (4 руб.) [17].

«Охота к перемене мест» была вызвана у Тумашевых, надо полагать, не только истощением руд в Соликамском уезде, на которое они указывали в своих челобитных. Этих предприимчивых людей не устраивало положение подневольных, хотя и более или менее обеспеченных материально «государевых плавильщиков». Каково было это положение, легко усматривается из одного любопытного свидетельства. В ответ на упоминавшуюся выше просьбу верхотурского воеводы об откомандировании А. И. Тумашева с Пыскорского завода заводской управитель Юрий Телепнев ответил отказом. Причиной отказа послужило то, что плавильщик А. И. Тумашев и целовальник Василий Саломатов стоят на правеже. Выясняется, что оба они не представили в срок оправдательных документов об израсходовании на нужды завода 87 руб. 50 коп. казенных денег. Было ли здесь налицо злоупотребление или просто несвоевременность представления отчетности — трудно сказать. Во всяком случае, карающая рука администрации сразу же опустилась на А. И. Тумашева и целовальника. Последовало распоряжение о взыскании этой суммы с виновных правежом [18]. Власти бдительно следили за каждым шагом работников завода и всегда готовы были прибегнуть к самым суровым мерам, если подозревали в их действиях какую-либо «поруху» государевой казне.

Вполне естественно думать, что А. И. Тумашев стремился избежать повседневной мелочной опеки властей. Если этого не удалось достигнуть отцу, то сыновья преуспели больше. Действительно, если проследить на основании имеющихся источников судьбу этой семьи в 40—70-е годы XVII в., нельзя не заметить постепенного «уползания» Тумашевых с государственной службы и превращения их в частных промышленников. После закрытия казенного Пыскорского завода Тумашевы сделали

---

[16] ЦГАДА, Верхотурская прик. изба, оп. 1, стлб. 198, лл. 25—26; ср. там же, лл. 3—6.

[17] АИ, т. IV, № 7, стр. 32.

[18] Верхотурская прик. изба, оп. 1, стлб. 198, лл. 25—26.

первый шаг в этом направлении, встав на путь казенных подрядчиков. Следующий шаг относится к 1666 г., когда Д. А. Тумашев, прикрываясь высокими словами «о государеве прибыли», просился в Верхотурский уезд. Если вспомнить, что во второй половине XVII в. правительство активизировало свой интерес к освоению природных богатств Урала и Сибири, готовило к отправлению большую экспедицию во главе с думным дворянином Я. Т. Хитрово [19], то станет понятно, что челобитье Д. А. Тумашева было подано в благоприятное время. Получив в январе 1666 г. дозволение поехать в Верхотурский уезд, Д. А. Тумашев больше года пробыл там, осуществляя разведку месторождений. Он действовал на собственные средства. В декабре 1667 г. он явился в Сибирский приказ и подал челобитье о найденных им «признаках» слюды в Верхотурском уезде, прося отдать ему добычу слюды с обязательством сдавать в казну десятый пуд продукции [20]. Д. Тумашев добился согласия приказа и вновь двинулся за Урал.

Однако его надежды на возможность открыть значительные месторождения слюды не оправдались. Он обратил внимание на разведку других более ценных ископаемых, учитывая большой интерес государства к выявлению отечественных ресурсов благородных и цветных металлов, а также драгоценных камней. Летом 1668 г. он опять появился в Москве, на сей раз с образцами обнаруженных им «узорочных каменьев», и поставил правительство в известность о том, что в Сибири «обыскал цветное каменье, в горах хрустали белые, фатисы вишневые, и юги зеленые, и тунпасы желтые». На этом основании он просил отпустить его в Верхотурье «для подлинного прииску золотые и серебряные и медные руды и всякого цветного узорочного каменья на своих проторях, и ездить бы ему в Тобольском и Верхотурском уездах повольно». Почти полгода провел Д. А. Тумашев в столице, «волочась» по приказам и добиваясь разрешения возвратиться в Верхотурский уезд. Одновременно он засыпал Сибирский приказ челобитьями о выдаче ему «жалованья» за поисковые работы, выполненные на свой счет. Д. Тумашев жаловался, что сильно задолжал и находится в бедственном положении. Ему выдали из казны Сибирского приказа мягкой рухляди на 146 руб. 50 коп. в соответствии с тем счетом издержек, который он представил. Добиваясь компенсации расходов, связанных с соблюдением казенного интереса в рудных поисках,

---

[19] АИ, т. IV, № 239, стр. 511; «Материалы по истории Башкирской АССР», ч. 1. М.—Л., 1936, № 15, стр. 93—94; «Очерки истории СССР. Период феодализма. XVII в.», стр. 867; «Очерки по истории Башкирской АССР», т. 1, ч. 1. Уфа, 1956, стр. 89—90.

[20] Стлб. СП, № 837, лл. 1—36; Архив ЛОИИ, Верхотурская воев. изба, карт. 11, № 3, лл. 6 об., 8—11.

Д. Тумашев рвался поскорее выбраться из Москвы [21]. У него были свои планы в Зауралье.

Д. А. Тумашев только 21 декабря 1668 г. получил «грамоту с прочетом» за приписью дьяка Григория Порошина, адресованную сибирским воеводам и приказным людям [22]. Местным властям рекомендовалось «его, Дмитрея, оберегать и налог и обид ему никаких не чинить». Но реальная помощь деньгами и людьми могла быть оказана Тумашеву только в том случае, если «подлинно будет про то знатно», что он обнаружил золото, серебро или драгоценные камни. Правда, не щедрое на авансы правительство разрешило Д. А. Тумашеву проезд до Верхотурья на казенный счет. В случае успеха поисков ему гарантировались казенные прогоны для поездки из Сибири до Москвы для доклада правительству.

Едва успели высохнуть чернила на этой грамоте, как Д. А. Тумашев обратился к царю с новым челобитьем. Ознакомившись с врученной ему грамотой от 21 декабря 1668 г., он обнаружил, что в ней «о железной руде не описано». В этой связи Д. Тумашев просил, чтобы ему позволили «буде в Сибире, где обыщет железную руду и опыт учинит, и железо будет годно во всякое дело, и ему б в тех местех железо плавить на своих проторях», с условием сдачи в казну каждого десятого пуда и предоставления заводчику права остальное железо «продавать безпенно» [23]. И это ходатайство было уважено. 22 декабря 1668 г. он получил вторую «грамоту с прочетом». В ней, между прочим, содержался не совсем благоприятный для Д. А. Тумашева пункт: заведение железного промысла обусловливалось тем, чтобы заводчик не причинял «утеснения» русскому и ясачному населению. «А буде где чаять утеснения и налог ясачным и русским людям, и в таких местех ему железа плавить не велеть»,— предостерегала царская грамота сибирских воевод [24]. Как видно из подорожной Д. А. Тумашева, он должен был ехать в Верхотурье через Владимир, Муром, Нижний Новгород, Козьмодемьянск и Казань. В Казани предполагалось погрузить на подводы «снасти железные и укладные» (т. е. инструменты и оборудование для промысла) весом 50 пудов [25].

Весной 1669 г. мы видим Д. А. Тумашева благополучно прибывшим в Верхотурский уезд, занятым поисками полезных

---

[21] Стлб. СП, № 837, лл. 1—36; Архив ЛОИИ, Верхотурская воев. изба, Карт. 12 № 3, лл. 6 об, 8—11.

[22] ДАИ, т. V, № 10/III, стр. 62—63.

[23] Поставка десятого пуда железа была распространенным явлением в среде сибирских кузнецов и рудоплавильщиков (см. Н. Н. Оглоблин. Указ. соч., ч. I, стр. 242). Десятый пуд, или десятина, взимались и со слюдяных промыслов на Руси и в Сибири.

[24] ДАИ, т. V, № 10/IV, стр. 63—64. Ср. стлб. СП, № 837, лл. 40—42.

[25] Верхотурская прик. изба, оп. 1, стлб. 47, л. 77.

ископаемых. Весть о появлении плавильщика в соседнем и тем более подведомственном Тобольскому разряду уезде дошла до тобольского воеводы князя Ивана Борисовича Репнина. Памятуя, что поиски руд вменены в обязанность сибирским воеводам, И. Б. Репнин решил не упустить удобного случая и послал распоряжение верхотурскому воеводе Федору Григорьевичу Большому Хрущеву отправить Д. А. Тумашева в Тобольск для производства опытной плавки руд [26]. С этой целью он отрядил за Д. Тумашевым сына боярского Б. Черницына.

Вызванный к верхотурскому воеводе, Д. А. Тумашев дерзнул ослушаться указания из Тобольска. Он подал сказку, в которой объяснял, почему не сможет поехать в столицу Сибири: «...обыскал я великому государю в Верхотурском уезде каменье, а то каменье великому государю годно, и с тем каменьем еду ныне к великому государю к Москве наскоро, а в Тоболеск ехать мне не успеть» [27]. В одном из челобитий верхотурскому воеводе Д. А. Тумашев, действительно, перечисляет обнаруженные им полезные ископаемые, в числе которых «камень наждак», пригодный «ко всякому алмазному делу», близ Мурзинской слободы «два изумруды камени да три камени с лаловыми искры, да три камени тунпасы» [28]. Поездка в Москву, действительно, состоялась. Д. А. Тумашев представил в Сибирском приказе свои находки. Пока шла переписка между приказами о проверке ценности образцов, о нем забыли. Он на практике познал, что приказная волокита может засосать его надолго и оторвет от задуманного и уже начатого дела по созданию «железного завода» в Верхотурском уезде. Для Д. А. Тумашева стало также ясно, что на сей раз он не получит из казны возмещения своих «проторей» на поиски «узорочного каменья». Его челобитье на этот счет было оставлено без внимания. Тогда он решился на довольно рискованный шаг, который в дальнейшем ему припомнили. Д. А. Тумашев без официального отпуска покинул Москву и поспешил к своему «железному заводу». В Москве не скоро спохватились и обнаружили это непозволительное своеволие [29].

Примечательно, что с 1669 г. Д. А. Тумашев и его братья

---

[26] Там же, лл. 72—75. Необходимо заметить, что и в дальнейшем Д. А. Тумашев часто отвлекался от своих дел различными вызовами по распоряжениям центральных и местных властей, что, разумеется, отрицательно сказывалось на осуществлении его предпринимательских планов. Он, в частности, был привлечен для помощи в плавке руды во время экспедиции Я. Т. Хитрово в 1672—1674 гг. (Н. Н. Оглоблин. Указ. соч., ч. III, стр. 351).

[27] ДАИ, т. V, № 10/VI, стр. 64; ср. Верхотурская прик. изба, оп. 1, стлб. 47, л. 75 (список сказки Д. Тумашева с его собственноручной подписью).

[28] ДАИ, т. V, № 10/VII, стр. 64—65.

[29] Стлб. СП, № 837, лл. 51, 57, 81.

больше нигде и никогда по своей инициативе не поминают о других находках, кроме железной руды. Создается впечатление, что под флагом поисков драгоценных металлов и минералов Тумашевы в действительности главное внимание сосредоточили на другом, более прозаическом ископаемом — на железной руде. В этом нас убеждает поразительная «забывчивость» Д. А. Тумашева, заставившая подьячих и дьяков московских приказов вновь скрипеть перьями, чтобы исправить «оплошность» рудоискателя и выдать ему отдельную грамоту на право разработки железной руды. Об этом свидетельствуют и первые практические шаги Д. А. Тумашева по прибытии за Урал. Действительно, он начал с того, что в июне 1669 г. «объявил» в Верхотурской приказной избе воеводе Ф. Г. Хрущеву «железной руды опыт, а сказал, что де из той руды железо учнут плавить... нынешнего 177 году» [30]. Следовательно, уже в этом году Д. А. Тумашев намеревался пустить в ход свое предприятие. Между тем более или менее членораздельные сведения о драгоценных камнях он сообщил только 21 июля 1669 г., не преминув и в этом случае упомянуть о найденной им железной руде и подтвердив, что «железо годитца во всякое дело» [31].

Промышленник подчеркивал как в этой, так и в других своих челобитных, что обнаруженная им руда в районе Краснопольской слободы на берегу реки Нейвы находится «на пустом месте, от людей верст с 30 и больши». Иногда он указывал расстояние в 60 верст. Верхотурские власти дали разрешение на устройство железоделательного завода и предложили приказчику Краснопольской слободы позаботиться о выборе из числа краснопольских крестьян целовальника к заводу для приемки в казну железа в счет десятого пуда [32]. Целовальник должен был находиться «у железного промыслу с ним, Дмитрием, вместе безотступно... смотреть и беречь накрепко, чтоб он, Дмитрей лишнего доброго железа себе не имал». У нас нет оснований сомневаться в том, что Д. А. Тумашев уже в 1669 г. управился с делами, и его «железный промысел» стал выдавать продукцию. Из челобитной, поданной им в марте 1670 г., с полной ясностью можно установить, что завод уже действует. Промышленник сообщал, что «завод заведен к железному плавленью, и ныне у меня... к тому железному делу кузнецы и работные люди наняты и посланы к железному заводу» [33].

---

[30] ДАИ, т. V, № 10/V, стр. 64.

[31] Там же, № 10/VII, стр. 64—65.

[32] Это была дополнительная повинность, ложившаяся на крестьян зауральских слобод. Оброчные крестьяне Уткинской слободы отказались дать своего целовальника к заводу, сославшись на бедность и «новую селидьбу» (Верхотурская прик. изба, оп. 1, стлб. 4, л. 152).

[33] Верхотурская прик. изба, оп. 1, стлб. 283, л. 181. Ср. ДАИ, т. V, № 10/VIII, стр. 65. Приведенные выше свидетельства не позволяют со-

Хотя заводчик и пытался уверить власти в том, что обосновался на «пустом» месте, а его предприятие находится «от людей далече», предприятие развивалось далеко не в пустынной местности. Спустя три года, в мае 1672 г., отыскался претендент на эти земли, крещеный вогулич Степан Иванов. Он заявил, что земли, на которых Д. А. Тумашев построил свой завод, в прошлом были вотчиной его умершего отца. Оставшись малолетним после смерти отца, С. Иванов долго скитался «меж двор» по чужим людям. Он обратился к властям с челобитьем об устройстве в какую-либо службу и о возвращении ему вотчины отца. «А отцовскою вотчиною вверх Невьи,— писал С. Иванов,— владеют рудные плавильщики Дмитрей Александров з братьею». Розыск по этому челобитью и наведение справок в ясачных книгах, по-видимому, были не в пользу Тумашевых. Однако они остались на захваченном ими участке, а С. Иванов несколько позже промышлял охотой и рыбной ловлей в этих местах [34]. Выжить Тумашевых из вотчины он не смог, да и вряд ли ставил перед собой такую задачу, видя, что заводчику многое сходит с рук.

Надо принять в расчет, что и население зауральских слобод, благодаря возросшему притоку беглых из-за «камня», значительно увеличивалось во второй половине XVII в. Недаром в 1670 г. тобольский воевода писал верхотурскому: «А ныне в слободах почало быть многолюдно» [35]. Давало себя знать и своеобразие земельных порядков за Уралом, суть которых заключалась в относительной свободе захвата земельных угодий. Вскоре на Д. А. Тумашева с братьями стали поступать жалобы окрестного населения. Краснопольские крестьяне обвинили его в том, что он препятствует им в рыбной ловле, охоте и заготовке леса, а также «на старых наших заимках на роспашных землях и вново селиться не пущает». Когда крестьянин Павел Романов выбрал место для поселения и уже заготовил лес, Д. А. Тумашев оставшиеся там от «татарского разоренья» (надо думать, после башкирского восстания 1662—1664 гг.— *А. П.*) избные срубы и «банища крестьянские» на заимках «огнем прижег». Челобитчики указывали также, что Тумашев «сбил» с заимок марийцев, являвшихся оброчными крестьянами. Воевода при разборе этой челобитной принял сторону крестьян и писал заводчику: «... и тебе впредь так не плутать, краснопольским крестьяном в лесных промыслах и в селитьбе и в пашне тесноты не чинить, слободы и земля и лес во всех местех государевы, кто

гласиться с тем, что завод был построен в 1667—1668 гг., как об этом пишет П. Г. Любомиров (указ. соч., стр. 292).

[34] Архив ЛОИИ, Верхотурская воев. изба, карт. 18, № 20, лл. 4—5; карт. 19, № 21, л. 2.

[35] Там же, карт. 16, № 12, лл. 3—4.

где хочет, тут лес на дворовое строенье и сечет, или птицу и зверя ловит...»[36]. Внушение мало подействовало. Но все же Д. А. Тумашев, сознавая уязвимость произведенных им земельных захватов, обратился к властям с просьбой о проведении межевых работ, чтобы разграничить заводские земли от земель соседних крестьян. При постановке вопроса о межеванье промышленник сделал заявку на отвод ему в оброчное содержание близлежащих к заводу двух озер «с истоки» (Шигирского и Шайтанского). Тумашев представил в приказную избу «чертеж» предполагаемых к межеванью земель. Приказчик Арамашевской слободы получил указание организовать межевые работы и доложить о результатах в приказную избу[37].

Стремление заводчика как-то упорядочить земельный вопрос было вызвано и другим обстоятельством. Д. А. Тумашев задался целью добиться разрешения властей на постройку острога вокруг своего завода. Доводом служило то, что «от изменников башкирцов опасно». Несомненно, были и иные основания для того, чтобы отгородиться от внешнего мира стеной. Тумашев знал, что власти не пойдут ему навстречу, если разговор будет касаться лишь его завода. Поэтому он соединил просьбу об остроге с предложением своих услуг в качестве новоявленного слободчика. Он так и поставил вопрос в своей челобитной, прося дозволения «у тово железново заводу острог поставить и на ваш, великих государей, на денежной оброк крестьян прибирать». Ответ верхотурского воеводы не удовлетворил заводчика, ибо постройка острога была отложена до того времени, когда Д. А. Тумашев «призовет» на денежный оброк достаточное количество новопришлых вольных «охочих людей». Только тогда Тумашеву было обещано, что «в то время об остроге указ будет»[38]. Надо полагать, Д. А. Тумашев, соглашаясь взять на себя роль слободчика, надеялся таким путем улучшить обеспечение своего предприятия подсобной рабочей силой на началах вольного найма. Мы так и не знаем, преуспел ли Д. А. Тумашев на поприще слободчика, и удалось ли ему добиться постройки острога. Но он в 1671 г. добился разрешения построить двор в самой Краснопольской слободе[39]. Основные заводские строения, находившиеся по Нейве, видимо, так и остались без острога. В апреле 1671 г. брат Д. А. Тумашева Иван записал в Краснопольской слободе явочное челобитье, в котором запечатлена острая тревога за судьбу завода в связи с одним

---

[36] Архив ЛОИИ, Верхотурская воев. изба, карт. 14, д. 1670 г., лл. 12—15.

[37] Там же, № 17, лл. 1—5; ср. ДАИ, т. V, № 10/X, стр. 66—67, № 10/XI, стр. 67—68.

[38] Верхотурская прик. изба, оп. 1, стлб. 283, лл. 181—183. Ср. ДАИ, т. V, № 10/VIII, стр. 65; № 10/IX, стр. 66.

[39] Там же, стлб. 52, л. 32.

происшествием. В ночь на 11 апреля 1671 г. в его отсутствие. как пишет И. А. Тумашев, «подходили к железному моему заводишку неведомо какие воровские люди». Заводские собаки подняли лай. «И те воровские люди собак моих из луков стреляли стрелами..., а напуском на заводишко мое и на работных людей не напустилися». Как будто все обошлось благополучно. Но И. А. Тумашев решил, что это только разведка, за которой со временем последует нападение на завод.

Свое опасение И. Тумашев мотивировал следующим образом: «А собак моих те воровские люди изпортили, что с того числа собаки лаять ни на кого не стали. А потому... знатное дело, что те воры и впредь воровать над заводишком моим умышляют, что собак моих испортили». Инцидент дал повод И. А. Тумашеву испросить у властей права самому заводчику и его работным людям при повторении подобных случаев «таких воровских людей беспенно стрелять» [40].

Тумашевы умели ладить с верхотурской воеводской администрацией, чем, очевидно, и следует объяснить тот факт, что по существу ни одна жалоба на их действия не имела успеха. Что же касается властей низшего ранга, вроде приказчика Краснопольской слободы, то здесь заводчики далеко не всегда проявляли кротость нравов. Не приходится говорить, что с работными людьми своего предприятия, как увидим ниже, они тем более не церемонились.

В 1672 г. **И. Кунциев, приказчик** Краснопольской слободы, жаловался верхотурскому воеводе, что он подвергается «изгоне» со стороны Дмитрия и Василия Тумашевых, которые нисколько не считаются с ним и якобы замешаны в бунте работных людей завода и крестьян против местных властей. В. А. Тумашев выдвинул против приказчика контробвинение в «корыстовании» от пропуска беглых из русских уездов. Следует заметить, что из обстоятельств возникшего по этим взаимным доносам дела нельзя сделать вывод о причастности Тумашевых к «бунту». Они лишь воспользовались непопулярностью приказчика и его «ушника» — земского старосты слободы — среди крестьян [41]. При случае Тумашевы были непрочь повеличаться перед слободскими властями, хвастаясь тем, что о них и их заводе знает «сам» тобольский воевода. Это было близко к истине, так как в переписке Тобольска с Верхотурьем подымался вопрос о заводе Тумашевых, а Д. А. Тумашев лично рассказывал о работе предприятия тобольскому воеводе.

Служилые люди тоболяне, приехавшие в Москву летом 1670 г., на вопрос, знают ли они что-либо о Д. А. Тумашеве,

---

[40] Там же, стлб. 285, л. 21.
[41] Архив ЛОИИ, Верхотурская воев. изба, карт. 19, № 7, лл. 1—80.

ответили в Сибирском приказе: «едучи они мимо Верхотурья, слышали от людей, что медные руды плавильщик Митька Тумашев живет ныне в Сибири, в Верхотурском уезде, в слободе на Красном поле, и плавит железо, и с того места переезжает к Соли Камской и в Казань» [42].

Постройка завода и деятельность Тумашевых были, несомненно, событием в жизни Зауралья. Об этом знали, этим интересовались.

Что же представлял собой завод Тумашевых, какова была его продукция? По всей вероятности, можно согласиться с П. Г. Любомировым, когда он говорит, что завод был невелик и работал недолго [43]. В этом нас убеждает и знакомство с сохранившимся описанием завода. Побывавший на заводе драгунского строя «маэор» Степан Астраханцев в 1670 г. сообщал, что Д. А. Тумашев с братом Петром и работными людьми живет в 30 верстах от Краснопольской слободы, «не дошед Павдинского камени за полднищи над Невьею рекою в бору». Здесь был двор заводчика, «а во дворе изба». Против избы располагалась «домница рублена, а в ней три горна». Позади домницы стояла кузница с двумя горнами и двумя наковальнями. В описании значится различный инструментарий (7 молотов больших и малых, 9 клещей, 4 мехов, клещи «большие домнишные», ножницы «большие, чем режут железо и медь», тиски, кирки, топоры и пр.). Завод имел три рудника на расстоянии от полуверсты до полутора верст [44].

Источники ничего не говорят о вододействующих устройствах. Нам представляется, что завод Тумашевых был «ручным». В техническом отношении он не блистал новшествами. О количестве и видах вырабатываемой продукции судить нелегко, так как сведения на этот счет довольно отрывочны. Кроме крично-

---

[42] Стлб. СП, № 837, л. 51.

[43] П. Г. Любомиров. Указ. соч., стр. 292.

[44] Стлб. СП, № 837, лл. 75—77. В сентябре 1671 г. Д. А. Тумашев подал челобитье в Верхотурскую приказную избу, из которого видно, что у него было намерение «поставитца» еще одной домницей, на сей раз в непосредственной близости от Краснопольской слободы. Разрешение он получил, но сумел ли им воспользоваться — неизвестно (Верхотурская прик. изба, оп. 1, стлб. 52, л. 32—32 об.). В литературе было высказано мнение (Д. А. Кашинцевым) о наличии домны на заводе Тумашевых (См. Д. А. Кашинцев. Указ. соч., стр. 40, 42; ср. В. Я. Кривоногов. Указ. соч., стр. 25). Правда, Д. А. Кашинцев и сам сомневался в справедливости этого положения. Более определенно высказался М. Ф. Злотников, который считал, что домны на заводе Тумашевых не было (М. Ф. Злотников. Первое описание уральских и сибирских заводов.— В кн. В. де Геннин. Описание уральских и сибирских заводов, 1735. М., 1937, стр. 20). Наши материалы подтверждают вывод М. Ф. Злотникова.

го железа, завод выпускал некоторое количество расковного, или «битого», т. е. более чистого и качественного железа.

В расспросе перед тобольским воеводой князем И. Б. Репниным Д. А. Тумашев 29 декабря 1670 г. сказал: «выплавлено де при нем, Митьке, во 178 году битого железа 145 пуд... Да в нынешнем во 179 году сентября с 1-го числа декабря по 4-е число выплавлено у него железа кричного 223 крицы, а весом в них будет столько ж пуд» [45]. Следовательно, за три с небольшим месяца 1670 г. завод выдал около 223 пудов кричного железа, что дает годовую производительность примерно 900 пудов. Должно быть, кричное железо, предназначенное к обработке в «битое», учитывалось особо. Тогда можно принять производительность завода достигающей около 1100—1200 пудов полуфабриката в год.

Есть основания думать, что Д. А. Тумашев умышленно преуменьшал показатели о производительности своего завода по части кричного железа, так как оно фактически не учитывалось целовальниками. Такое предположение тем более вероятно, что работные люди предприятия (в том числе «затворщик», кузнец и др., непосредственно занятые на основных операциях) в расспросе сказали С. Астраханцеву в 1670 г., что «выходит де из горну на сутки кришного железа по 3 крицы, а весом по пуду с лишком в крице» [46]. Поскольку домница имела 3 горна, то суточный выход кричного железа составлял примерно 9 пудов, что уже дает значительно более высокую цифру годовой выработки полуфабриката (не менее 2,5 тыс. пудов).

Заметное место, судя по описанию, занимали в продукции завода кузнечные изделия, в частности сельскохозяйственные орудия. С. Астраханцев отметил в момент описания «150 лемехов сошных, весом 20 пуд». Вполне понятны причины, почему предприниматели занялись производством предметов этого рода. Им хорошо был известен усиленный приток переселенцев, оседавших на пашне в Зауралье. Разумеется, потребность новоселов в сельскохозяйственных орудиях была значительной, чем и воспользовались Тумашевы.

На первых порах с завода Тумашевых в казну принимали только обработанное железо. Но после указания из Тобольска верхотурский воевода распорядился брать десятый пуд и с кричного. Дело в том, что «битое» железо было довольно дорого (в начале 70-х годов XVII в. оно стоило в зауральских слободах

[45] Верхотурская прик. изба, оп. 1, стлб. 283, л. 216. В начале апреля 1673 г. Д. А. Тумашев (по словам заводского целовальника) отказался платить десятый пуд с выработанных 84,5 пуда и 5 фунтов «кованого чистого железа», сославшись на то, что уплатит этот сбор «как де будет сто пуд» (там же, оп. 1, стлб. 47, л. 100). По-видимому, указанное количество «чистого» железа было выдано с сентября по март.

[46] Стлб. СП, № 837, л. 78.

25 алт. пуд) и его с трудом сбывали. В марте 1672 г. с краснопольским выборным крестьянином Данилом Осиповым было послано на продажу «железо, что принято на великих государей з Дмитреева промыслу Тумашева 10 пуд» в слободы Верхотурского и Тобольского уездов. Д. Осипов ездил до Киргинской слободы «и того железа продал один пуд, а больши продать не мог. А взял за пуд 25 алтын» [47]. Население, видимо, более охотно покупало полуфабрикат, предпочитая отдавать его на переработку местным кузнецам. На рынке более расторопно и энергично, чем казна, действовали Тумашевы. В. А. Тумашев выполнял функции разъездного торгового агента. Так, в 1670/71 г. он, по его словам, ездил «з железом в Тобольской и в Верхотурской уезд, в слободы и до Тюмени», не жалуясь при этом на трудности сбыта [48]. Должно быть, более или менее регулярное поступление железа тумашевского завода на ближайшие рынки содействовало тому, что в «нижних де слободах (Тобольского уезда.— *А. П.*) продажного железа много», как сообщал в марте 1673 г. упоминавшийся выше Д. Осипов [49].

Главную роль на заводе играл Д. А. Тумашев, по-видимому, старший и наиболее опытный из братьев [50]. Братья управляли заводом и всем хозяйством совместно; любопытно, что все четверо были грамотными людьми. Но некоторую «специализацию» все же наметить можно. Непосредственное наблюдение за производством и работными людьми осуществлял Иван Тумашев, торговые дела лежали на Василии. Четвертый брат, Петр, обычно упоминается в связи с заводской пашней. Он как бы заведовал «подсобным хозяйством» завода. В документах встречаются указания на то, что Петр Тумашев в различных местах имел пашню, на которой работали наемные люди. В сентябре 1672 г. крестьяне Краснопольской слободы потребовали, чтобы он был положен в денежный оброк, поскольку распространил свою пашню и на земли, тянувшие к этой слободе. Они заявили приказчику слободы: «пашет де Петрушка Тумашев, опричь гусевских земель, в Краснопольской слободе на краснопольских полях 3 десятины, и с той де пашни в казну великих государей льзя ему платить денежного оброку по 4 гривны на год» [51]. Встречается указание, что близ завода у Тумашевых была «деревнишка». Они имели свою пашню и сенокос, откармливали

[47] Верхотурская прик. изба, оп. 1, стлб. 41, л. 47.

[48] Там же, л. 49.

[49] Там же, стлб. 48, л. 126.

[50] Недаром он с гордостью заявлял, что «плавить де он серебряную руду умеет и какова она цвету видел» (стлб. СП, № 837, л. 83). Имеющееся в литературе указание, что у Дмитрия Тумашева был брат Михаил (Н. Я. Новомбергский, Л. А. Гольденберг, В. В. Тихомиров. Указ. соч., стр. 18) нашими источниками не подтверждается.

[51] Верхотурская прик. изба, оп. 1, стлб. 48, л. 128.

свиней [52] и т. п. Ранее говорилось, что они добивались передачи им в оброчное содержание двух озер, рассчитывая там наладить рыболовство. Далее известно, что по договоренности с местными ясачными людьми Тумашевы имели речные заграждения для ловли рыбы (езы). В 1672 г. Д. А. Тумашев принес жалобу на ямских охотников, которые «высекли» у него 3 еза. «А те езы,— писал он,— деланы у меня наемными людьми». Где-то недалеко от нарушенных езов у Тумашевых находились «стан дранишной» и три воза сена, которые были сожжены теми же ямскими охотниками [53].

Рассмотрим вопрос о рабочей силе завода. Она была исключительно наемной. К работе на заводе обращались как местные крестьяне, так и «гулящие люди», приходившие в Сибирь из Европейской России. Вербовали Тумашевы работников и в Соли Камской, которая привлекала значительное число людей, ищущих заработка. Количество работников С. Астраханцев определил в 15 человек. Но сюда, видно, не вошли подсобные работники, так как несколькими строками ниже речь идет уже о 17 человеках [54].

Какое-то количество кузнецов и работных людей было нанято на завод Д. А. Тумашевым еще в 1669 г. Но первая вербовка, вероятно, еще не обеспечивала полностью нужду в рабочих руках.

Из документов известно, что в 1671 г. И. А. Тумашев нанял в Соли Камской 6 человек «гулящих людей» из Важского уезда, Григория Варламова «с товарыщи» для работы на заводе. Данный факт подтверждает, что Соль Камская была в XVII в. крупным рынком рабочей силы для развивающейся промышленности [55]. Характерно, что здесь подряжаются выходцы из Важского уезда, чтобы работать в совершенно другом районе — за Уралом в Верхотурском уезде.

Наем был зарегистрирован в Верхотурской приказной избе и оформлен особыми записями. Условия договора были следующими. «Гулящие люди» шли на завод в «срочные» работники с Вербного воскресенья 1671 г. до «Филиппова заговейна» того же года. Условились, что каждый работник получит за это время по 4 руб. Аванс составил 10 алт. на человека [56]. Однако через месяц после того как «срочные» начали работу, их насильно выслали с завода в Верхотурье. По царскому указу их

---

[52] Архив ЛОИИ, Верхотурская воев. изба, карт. 18, № 12, лл. 11—12.
[53] Там же, карт. 19, № 21, л. 3.
[54] Стлб. СП, № 837, л. 78. Разумеется, С. Астраханцев не мог учесть и спорадически нанимаемых работников.
[55] См. Н. В. Устюгов. Солеваренная промышленность Соли Камской в XVII в., стр. 147—196.
[56] Верхотурская прик. изба, оп. 1, стлб. 340, лл. 57 и сл.

как беглых из поморских уездов должны были возвратить на прежнее местожительство вместе с другими беглыми, сысканными в слободах Верхотурского уезда [57]. Как ни упрашивали Тумашевы верхотурского воеводу, чтобы тот разрешил оставить работников на заводе до обусловленного договором срока, доказывая, что «без работных де людей железной промысел... стал», тот не решился нарушить указа. «Не своею охотою они от тебя отошли»,— писал он [58]. В дальнейшем Тумашевы не прекратили приема беглых на завод. В следующем 1672 г. приказчик Краснопольской слободы И. Кунциев доносил воеводе: «Да у него ж, Дмитрея, живут гулящие люди в работе, а годовых оброков не платят, а он, Дмитрей, называет своими людьми» [59]. А еще через год возникло дело о высылке с завода беглого поморского крестьянина Федора Лычагова [60].

Наряду с прихожим людом на завод шли местные оброчные крестьяне, особенно малосостоятельные. Довольно тесно в течение ряда лет были связаны с заводом крестьяне Василий и Тарас Сажины, выполняя те или иные подсобные работы. В 1676 г. Василий Сажин, этот любопытный тип околозаводского человека, бравшегося за любое дело, порядился, наконец, в сторожа к заводу, обязавшись одновремено пахать пашню. Дело кончилось, однако, разрывом, так как, по уверению И. А. Тумашева, В. Сажин отказался работать и не возвратил выданную ему ссуду. Оброчные крестьяне Матвей Драгунов, Афанасий Соловьев и др. также выступали в качестве работных людей на заводе. Явление это было настолько обычным, что приказчик Краснопольской слободы, сообщая о волнении 1672 г., не проводил различия между крестьянами и работными людьми [61].

Мы говорили преимущественно о работниках, занятых на подсобных операциях или поступавших на завод для выполнения временной работы. Главной фигурой у домницы был «затворщик», наблюдавший за ходом плавки. Он имел двух подручных. От подручных требовались также известные навыки в плавильном деле. Нарушение указаний «затворщика» Андрея Чингиря одним из его подручных привело к тому, что «железо крица не вышла» [62].

Наличие кузнецов предполагает и наличие молотобойцев. О последних, однако, документы не упоминают.

---

[57] Этому сыску автор посвятил специальную статью (см. А. А. Преображенский. Сыск беглых на Урале в 1671 г.— сб. статей «Из истории Урала», Свердловск, 1960, стр. 89—100).

[58] Верхотурская прик. изба, оп. 1, стлб. 340, лл. 58—60. Ср. там же, лл. 61—63.

[59] Архив ЛОИИ, Верхотурская воев. изба, карт. 19, № 7, л. 1.

[60] Верхотурская прик. изба, оп. 1, стлб. 48, л. 124.

[61] Архив ЛОИИ, Верхотурская воев. изба, карт. 19, № 7, л. 1 и далее.

[62] Верхотурская прик. изба, оп. 1, стлб. 283, л. 199.

Положение работных людей завода было незавидным. Предприниматели не стеснялись в обращении с ними. Обсчет, побои, брань — такова обычная обстановка, с которой приходилось сталкиваться работникам завода. Довольно яркую картину произвола заводчиков (особенно в этом отношении отличался И. А. Тумашев) рисует одно судебное дело, возникшее по его челобитью. В феврале 1671 г. И. А. Тумашев заявил воеводе в своем челобитье: «бежал у меня, холопа, от железного промыслишку домнишной работник Тараско Оксенов и живет ныне в Краснопольской слободе. А сроку, что иво не доробил, 11 недель, да прогульных дней на нем того ж сроку три недели». Заводчик утверждал, что «за все те недели деньги он, Тараско, наперед у братей моих взял». Иск за недоработанное время и прогульные дни И. А. Тумашев предъявил в 1 р. 18 алт. 2 д. и еще 3 р. 50 коп. убытка, причиненного якобы «в простое железного плавленья»[63]. Вызванный в приказную избу Т. Аксенов опроверг обвинение в том, что он получил деньги вперед и согласился лишь на 13 прогульных дней. Объясняя, почему он покинул завод ранее договорного срока, Т. Аксенов сказал, что «ушел де он, Тараско, от железново промыслу от иво, Ивановых, побой, что он, Иван, бил иво, Тараска, черемшиною, заветчи в избу и за волосы де драл, и от того де ушел». Работник добавил еще, что И. А. Тумашев за ним «гнался с луком». И. А. Тумашев вынужден был признаться, что хотел бить Аксенова батогами за «порчу горна», отрицая все остальное. Очная ставка, а также показания целовальника и 7 чел. работных людей завода (в том числе «затворщика» и кузнеца) свидетельствуют, что И. А. Тумашев действительно драл Т. Аксенова за волосы, пытался бить его «черемшиной», но тот «не дался». Вооружившись луком, стрелами и бердышем, на лошади И. А. Тумашев бросился в погоню, чтобы «след перенять» Т. Аксенова, когда тот ушел с завода. Работный Зот Леонтьев, вместе с Т. Аксеновым стоявший в подручных у «затворщика», прямо заявил, что Т. Аксенов ушел от «изгони» И. А. Тумашева. Несмотря на то, что хозяин целовал крест в справедливости своих показаний и претензий к Т. Аксенову, следствие шло явно не в его пользу. Было установлено, что простой работы домницы продолжался всего одну ночь[64]. Выборный целовальник Афанасий Соловьев даже сказал, что «простою де железово плавления не бывало, и убытков никаких не бывало ж». Допрошенные работные люди явно сочувствовали своему товарищу. Ни один из них не назвал уход Т. Аксенова побегом, как это квалифицировал заводчик. Воспользовавшись случаем, И. А. Тумашев решил

[63] Там же, лл. 192—193.

[64] Это указание дает право думать, что плавка руды проходила круглые сутки, по-видимому, в две смены.

предъявить Т. Аксенову явно завышенную сумму иска. И все же воевода встал на сторону заводчика. Т. Аксенов получил распоряжение возвратиться на завод и отработать положенный срок [65]. В аналогичных случаях наймита не понуждали к продолжению работы, дело ограничивалось проведением публичного расчета между сторонами за проработанное время. Здесь же воевода вынес решение вполне благоприятствовавшее заводчикам, чем известным образом нарушил установившуюся практику в отношении вольнонаемной работы. Жестокость обращения хозяина с наймитом даже не была замечена и не встретила никакого осуждения со стороны властей.

На факты обсчета работников Тумашевыми указывали названные ранее «гулящие люди» — важане, вынужденные оставить завод вследствие высылки их на родину. Они писали в челобитной: «И они, Иван и Петр, нам по розчету против записей денег за работу, что доведетца, не дают, а записей нам, сиротам вашим, не выдают же неведомо за что» [66].

Заводчики, чтобы крепче привязать к заводу работных людей, были непрочь закабалить их. Вряд ли бескорыстно Д. А. Тумашев в марте 1673 г. уплатил подьячему приказной избы И. Истомину 7 гривен, которые задолжал тому Т. Сажин [67]. Подобное «благодеяние» не избавило заводчиков от неприязни и прямой вражды работных. Тот же Т. Сажин вместе с братом Василием в челобитной И. А. Тумашева 1676 г. названы «супостатами», угрожающими хозяину убийством и ограблением [68]. Были и другие случаи «непослушания» заводских людей.

Завод Тумашевых слыл у местных властей беспокойным местом, пристанищем беглых и своего рода рассадником неповиновения. Работные люди предприятия не оставались равнодушными к происходившему вокруг них, тем более, что некоторые краснопольские крестьяне сами работали у Тумашевых. Весной 1672 г. на заводе Тумашевых и в Краснопольской слободе произошли крупные волнения, направленные против слободского приказчика И. Кунциева и земского старосты. Группа работных людей и крестьян (Петр Рублев, Матвей Драгунов, Василий и Тарас Сажины и др.), вооруженных чем попало, с «бунтовством» ворвалась в судную избу и учинила расправу над заседавшими там приказчиком и его подручными. Староста и пострадавшие вместе с ним немногочисленные «ушники» жаловались верхотурскому воеводе, что работные люди и крестьяне приходили в судную избу «с бунтовством и приказчику с отказом от всяких дел, и из избы вон выгнали, а нас... к себе в бунт звали».

---

[65] Верхотурская прик. изба, оп. 1, стлб. 283, лл. 194—203.
[66] Там же, стлб. 340, л. 57.
[67] Там же, стлб. 48, л. 101.
[68] Архив ЛОИИ, Верхотурская воев. изба, карт. 18, № 12, лл. 11—12.

Земский староста с помощниками были избиты за отказ присоединиться к выступлению. В доносе они подчеркивали, что работные люди и крестьяне не в первый раз «бунтуют», о чем предыдущие приказчики неоднократно писали в Верхотурье. Резкое недовольство населения приказчиком и мирскими властями выражено и в коллективной челобитной краснопольских крестьян, поступившей в канцелярию верхотурского воеводы. Обстановка сложилась весьма напряженная. Воевода встревожился и организовал широкое расследование [69]. Ведь это событие происходило всего лишь год спустя после восстания С. Т. Разина, а в делах воеводской избы лежали строгие предписания из Москвы о поисках и уничтожении «прелестных писем», о немедленном пресечении «воровства» сподвижников С. Т. Разина, которые окажутся за Уралом. На основе этих распоряжений в Верхотурье была разработана инструкция слободским приказчикам, в которой, между прочим, предусматривался и порядок конвоирования пойманных «воров» [70]. В данной связи выступление работных людей и крестьян Краснопольской слободы выглядело особенно тревожно. Заметим, что в том же 1672 г. имело место неповиновение группы крестьян Белослудской слободы своему приказчику, за что «пущие завотчики» понесли суровое наказание [71]. Возможно, события в Краснопольской и Белослудской слободах составляют звенья какого-то более широкого движения в этих краях.

Мы рассмотрели на основе известных нам источников предпринимательскую деятельность «медной руды плавильщиков» Тумашевых в 40—70-х годах XVII в. Наши сведения обрываются на 1676 г. О дальнейшей судьбе этой фамилии промышленников и их «железного завода» на р. Нейве в распоряжении автора документов нет. Как отмечает П. Г. Любомиров, во время постройки казенного Невьянского завода, который располагался недалеко от места, где стоял завод Тумашевых, о последнем даже не упоминалось [72]. Подобная судьба торгово-промышленных предприятий XVII в., даже более крупных, была почти общим

[69] Архив ЛОИИ, Верхотурская воев. изба, карт. 19, № 7, лл. 35—80.

[70] Там же, карт. 17, № 21, лл. 1—5; № 22, лл. 1—5.

[71] См. В. И. Шунков. Очерки по истории колонизации Сибири в XVII — начале XVIII в. М.—Л., 1946, стр. 224.

[72] См. П. Г. Любомиров. Указ. соч., стр. 292. Без указания источника М. Ф. Злотников утверждал, что завод Тумашевых был «остановлен» в 1680 г. (М. Ф. Злотников. Указ. соч., стр. 20). Между прочим, в 1701 г. упоминается в качестве челобитчика от имени группы мастеровых и работных людей некий Аверкий Тумашев, «Верхотурского уезду железных заводов выборной молотовой мастер» (Пермский областной краеведческий музей, рукописный фонд, россыпь). Возможно, перед нами один из представителей младшего поколения заводчиков Тумашевых, привлеченный на государственную службу в годы создания крупных казенных горнометаллургических предприятий на Урале.

явлением, выяснение причин которого не может быть предметом исследования в данной статье.

Итак, можно сделать следующие выводы в результате изучения предпринимательской деятельности Тумашевых.

Появление Тумашевых на горизонте торгово-промышленной жизни Русского государства XVII в.— характерный симптом времени. Их более чем тридцатилетние попытки выбиться на дорогу самостоятельных промышленников в конечном счете дали свои результаты. Они создали на Урале небольшие металлургические предприятия мануфактурного типа с применением вольнонаемного труда, работавшие на рынок. Если ряд предприятий XVII в. возник благодаря тому, что к промышленной деятельности обращались, как правило, представители купечества, то история Тумашевых служит примером другого рода. Здесь мастер казенного завода, находившийся на государственной службе, со временем становится частным заводчиком. Не останавливаясь ни перед какими преградами, используя всевозможные средства, Тумашевы освобождаются от государственной службы для того, чтобы приложить свою энергию и знания для личного обогащения. Они превращаются во владельцев железоделательного предприятия, принимая на себя все выгоды и все неудобства этого нового дела. Тумашевы — представители нарождающейся русской буржуазии, отдаленные прототипы позднейших дельцов капиталистической эпохи. Их предприятия, равно как и аналогичные предприятия многих торгово-промышленных людей XVII в., были для своего времени оазисами буржуазных отношений в условиях феодально-крепостнического строя. Представляется, что именно в таком смысле надо понимать указание В. И. Ленина на создание «буржуазных связей» в ту эпоху [73]. Эти связи не ограничивались сферой обмена, они проникали и в производство.

---

[73] См. В. И. Ленин. Соч., т. 1, стр. 138.

В. А. Александров

СИБИРСКИЕ ТОРГОВЫЕ ЛЮДИ УШАКОВЫ В XVII В.

В последней четверти XVII в. среди многочисленных торговых людей, постоянно и тесно связанных с восточно-сибирскими торгами, выделялись своими оборотами гости Остафий Филатьев, Семен Лузин, Гаврило Никитин и Иван Ушаков. Эти крупные оптовики были связаны со всеми сколько-нибудь значительными рынками от Туруханска до Приамурья и держали в своих руках почти всю торговлю с Китаем через Нерчинск. Трое из них — О. И. Филатьев, С. Лузин, Г. Р. Никитин — были представителями столичного купечества; в Сибири их интересовала почти исключительно пушнина и прибыльная торговля «в Китаях».

На примере некоторых из этих торговых семей можно проследить, как под влиянием первых ростков капиталистических отношений в России купеческий капитал начал перерастать в торгово-промышленный.

Так, например, капиталы, полученные в результате неэквивалентного обмена сибирских мехов и китайских тканей, дали возможность Филатьевым начать промышленную деятельность в качестве солеваров [1].

До настоящего времени только гостю Г. Р. Никитину было посвящено специальное, очень интересное исследование С. В. Бахрушина [2]. Однако история торгового сибирского дела Г. Р. Никитина может представлять интерес лишь с точки зрения организации торговых операций, так как он, будучи торговцем и ростовщиком, не занимался промышленным предпринимательством. Правда, в 1684/85 г. к нему перешел по закладной кабале соляной промысел (2 варницы) вдовы гостиной сотни торгового человека Марфы Васильевой Анофреевой. Но

---

[1] Н. В. Устюгов. Солеваренная промышленность Соли Камской в XVII веке. М., 1957, стр. 86, 92, 114—116 и др.; «Очерки по истории Коми АССР», Сыктывкар, 1955, стр. 123—124.

[2] С. В. Бахрушин. Торги гостя Никитина в Сибири и Китае.— «Научные труды», т. III, ч. I. М., 1955, стр. 226—251.

Г. Р. Никитин не стал заниматься солеварением, а продал обе варницы крупному соликамскому солевару Александру Васильеву Ростовщикову [3].

Значительно больший интерес представляет деятельность двух братьев Ушаковых — Ивана и Алексея. Специфическая особенность этой торговой семьи состоит в том, что меховая торговля — основная статья купеческого дохода в Сибири — не играла определяющей роли в создании капиталов Ушаковых. Тем не менее в их деятельности с поразительной последовательностью, необычной на первый взгляд для такой далекой окраины, какой была тогда Восточная Сибирь, прослеживаются общие явления, характерные во второй половине XVII в. для создания и роста купеческих капиталов. Винные откупа, хлебная и отчасти меховая торговля, крупные правительственные подряды на поставку хлеба и, наконец, мукомольное, соляное и кожевенное производства — таков круг хозяйственной деятельности братьев Ушаковых [4].

Ушаковы первые из торговых людей обратили внимание на возможности хлебной торговли в Восточной Сибири и первые монополизировали местные хлебные рынки. В расширении их торгово-предпринимательской деятельности огромное значение, помимо винных откупов, имело авансирование казной хлебных и других подрядов. Такие авансы были для купечества в XVII в. единственным средством получения кредита.

В то же время история торговой деятельности семьи Ушаковых — важный показатель интенсивности русского хозяйственного освоения Восточной Сибири, развития ее производительных сил и втягивания в орбиту образующегося всероссийского рынка.

Устюжане по происхождению, Ушаковы рано осели в Сибири и вошли в состав посадских людей Енисейска. Их отец Пятой Антипин и дядя Василий Антипин занимались рыбным промыслом, продукция которого сбывалась в собственной лавке в Рыбном и Мясном ряду. Антипины одни из первых среди енисейских посадских людей установили прочные связи с Туруханском и в середине XVII в. почти ежегодно уходили в низовья Енисея на летние рыбные промыслы. Два покрученика П. Антипина ушли из Туруханска на рыбную ловлю и соболиный промысел в июле 1652 г. В 1653—1656 гг. В. Антипин трижды уходил на рыбный промысел и дважды вывез из Туруханска в Енисейск в общей сложности около 150 пуд. просольной осетрины и мук-

---

[3] Н. В. Устюгов. Указ. соч., стр. 93.

[4] Деятельность Ушаковых в качестве хлебных торговцев и подрядчиков кратко освещена в книге В. И. Шункова «Очерки по истории земледелия Сибири. XVII век». М., 1956, стр. 179—180.

сунов, пуд черной икры и 8 оленьих «постелей», оцененных в Туруханске в 49 руб. 6 алт. 4 д.[5]

По енисейской переписной книге 1669 г. И. Ушаков числился посадским человеком средней зажиточности, занимавшимся мясным промыслом и платившим полтора рубля годового оброка[6]. К этому времени им был создан достаточный капитал, пущенный в оборот с 70-х годов.

О хозяйственной деятельности Ушаковых в течение почти 30 лет сохранились богатые материалы. На основании их можно проследить процесс создания крупного купеческого капитала.

Свою предпринимательскую деятельность И. Ушаков начал с винных откупов в Енисейском уезде в начале 1670 г. В 1671/72 г. он получил за 10 руб. откуп на продажу пива и откуп на баню в Маковском острожке, перевалочном пункте на пути с р. Кети к Енисею.

В августе 1673 г. Василий Иванов Ростовщиков[7], ранее получивший право варить и продавать пиво и брагу в Енисейске, отказался от откупа. И. Ушаков воспользовался удобным моментом, «наддал» к прежней откупной сумме в 505 руб. еще 20 руб. и стал обладателем в 1673/74 г. пивного и банного откупа не только в маленьком Маковском острожке, но и в крупнейшем восточносибирском центре того времени — Енисейске. В челобитных, подававшихся им ежегодно, он жаловался на тяжесть содержания откупа ввиду того, что торговые, промышленные и гулящие люди в это время перестали останавливаться в Енисейске, проезжая мимо в более богатые пушниной районы, в основном Даурию. Доля правды в словах откупщика была, но его настойчивые уверения в невозможности собрать полную годовую откупную сумму преследовали, конечно, свои цели. Он не думал отказываться от откупа. Наоборот, И. Ушаков стремился распространить продажу пива и кваса по всему Енисейскому уезду и в то же время не допустить увеличения откупных платежей, что местная администрация пыталась проводить ежегодно. Кроме того, он правильно учитывал возраставшую торговую роль Иркутска, становившегося важным перевалочным пунктом на путях в Якутию и Даурию, и хотел получить там право на торговлю пивом в виде компенсации за якобы хлопотный и убыточный енисейский откуп.

В короткое время энергичный И. Ушаков добился выполнения поставленных перед собой задач. В 1675/76 г. он получил

---

[5] Кн. СП., № 332, лл. 94—103; №№ 358, лл. 88—99; Стлб. СП, № 391, лл. 21—38, 51—65, 138, 158—170.

[6] Кн. СП, № 527, л. 347 об.

[7] В. И. Ростовщиков — соликамский посадский человек; с 1644/45 г. «по выбору» несколько лет служил таможенным головой в Якутске, после чего осел в Енисейске (Н. В. Устюгов. Указ. соч., стр. 83).

за 40 руб. в год пивной откуп в Иркутске, а постоянными жалобами на свои «тягости» достиг того, что к 1680/81 г. сумма всех его откупных годовых платежей возросла всего лишь до 611 руб. Откупщик умел находить поддержку местных властей, воевод Михаила Васильевича Приклонского, кн. Ивана Петровича Барятинского и др. М. В. Приклонский, опасаясь недобора откупной суммы с Енисейска и возможных в связи с этим неприятностей, разрешил Ушакову торговать пивом «ради хлебной покупки» в многолюдных деревнях Верхне- и Нижне-Подгородной, Рождественской монастырской, в Большой Елани и на Казачьем Лугу, где ранее была запрещена продажа спиртных «питей».

В самом Енисейске к рассматриваемому времени Ушаковы владели несколькими дворами и лавочными местами. Часть из них они получили в виде залога по ростовщическим операциям. Еще в 1654/55 г. П. Антипину заложил лавку в Мясном и Рыбном ряду енисейский казачий пятидесятник В. Черменин; в 1669/70 г. за городом, за Ильинскими воротами И. Ушакову заложил свой двор один разорившийся посадский, а в 1673/74 г. место на посаде за Мельничной речкой перешло к нему тем же путем от другого посадского человека. Наконец, за городом, на берегу Енисея пустое место было дано под двор и огород дяде Ушаковых В. Антипину и после его смерти все перешло И. Ушакову.

К 1678/79 г. он настроил на своих дворах амбары, погреба, где организовал продажу пива и браги [8]. Активная деятельность откупщика встретила отпор со стороны как местного населения, так и приезжих торговых людей.

В конце 70-х годов в Сибирский приказ поступил извет на Ушакова, где указывалось, что он в Енисейске и Иркутске держит кабаки по деревням, отчего население «пропивается», а хлебные запасы дорожают. В 1680/81 г. Сибирский приказ запретил И. Ушакову держать кабаки по деревням и приказал в Енисейске и Иркутске провести повальный обыск, не чинится ли населению разорения и «изгона» от Ушакова и не было ли какой «помешки» от него в отпуске хлеба в Якутск.

Срок откупа Ушакова кончался только через два года. Откупщик был вызван в Москву, где в апреле 1683 г., пользуясь тем, что никто не претендовал на откуп, он решительно поставил свои условия: уменьшение откупной суммы по Енисейску до 500 руб., разрешение содержать квасную избу в Верхней Подгородной деревне и освобождение от уплаты печатных пошлин [9]. Все эти требования были приняты Сибирским приказом.

---

[8] Стлб. СП, № 908, лл. 1—15, 152, 153, 185, 324—327.

[9] По ст. 27 гл. XVIII Соборного Уложения, если откупщик отказывался до истечения срока от откупа, но вынужден был держать его дальше, печатные пошлины с него не взимались.

Правда, по приговору начальника Сибирского приказа кн. Ивана Борисовича Репнина (27 апреля 1683 г.) после окончания срока енисейского откупа предполагалось передать сбор верным целовальникам, а все пивные «заводы» Ушакова купить в казну. Однако этот проект не был претворен в жизнь: других откупщиков в Енисейске по-прежнему не объявилось. В роли откупщика впервые выступил А. Ушаков, выторговавший у казны уменьшение откупной суммы до 500 руб. Ушаковы даже много лет спустя подчеркивали свою солидарность друг с другом во всевозможных предприятиях; поэтому можно полагать, что в данном случае младший Ушаков выступал простым исполнителем воли старшего брата.

Другой извет на Ушакова поступил за подписями влиятельных московских гостей С. Лузина, О. Филатьева, Г. Никитина, старосты гостиной сотни Ф. Бачилова и других торговых людей, настоятельно просивших запретить Ушакову круглосуточную розничную продажу пива в разных частях города, особенно на торгу, где от пьяных людей по ночам можно было ожидать поджогов и грабежей. В результате этого челобитья, рассмотренного И. Б. Репниным 28 февраля 1684 г., Ушаков лишился всех незаконно поставленных кабаков и вынужден был удовольствоваться продажей питей только на кружечном дворе в дневные часы с соблюдением всех правил продажи; кроме того, он потерял одно дворовое место [10].

Предпринимательские интересы И. Ушакова к этому времени все в большей и большей мере распространялись на Иркутск и его округу. Там в начале 1680-х годов И. Ушаков вынужден был начать борьбу с появившимися конкурентами, претендовавшими на выгодный откуп.

Уже в 1681 г. пивной иркутский откуп перешел на 5 лет без перекупа в руки лалетина И. Самойлова, посулившего казне откупную сумму в 5 раз больше (200 руб.). Но справиться с И. Ушаковым было нелегко, и Самойлов сразу почувствовал тяжесть борьбы; Ушаков «мочью своей по недружбе, рнясь на него...», начал скупать в Иркутске зерно и продавать его в два—три раза дороже. К этому времени И. Ушаков выступал уже как крупный хлебный скупщик и ростовщик. Иркутские и селенгинские служилые люди рассказывали в Москве, что местным служилым и посадским людям, а также пашенным крестьянам он давал «деньги и всякие товары и от ево, Ивашковы, ссуд всякой споможение им чинитца» [11]. Самойлов добился запрещения Ушакову торговать хлебом в Иркутске, но наладить пивное

---

[10] Стлб. СП, № 908, лл. 22—26, 180—184, 219, 225—227, 328—333.

[11] Там же, лл. 16—18, 47—52, 94—97, 100, 101, 297, 315, 316, 334, 335.

производство не сумел; приблизительно через два года он умер, сын его оказался в долгах, и откуп, уже за 250 руб., снова перешел к Ушакову. Справившись с одним конкурентом, Ушаков вскоре столкнулся с другими.

В феврале 1685 г. в Сибирском приказе состоялся очередной торг на иркутский откуп, где И. Ушаков встретил сильных противников в лице сольвычегодских посадских людей Ивана Пивоварова и Ерофея Гаева. В Москве они выиграли спор и за 270 руб. получили откуп на 6 лет, «перетягав» приказчика И. Ушакова Лаврентия Петрова. Но полностью воспользоваться плодами своей победы они не смогли из-за недоразумения, возникшего между енисейским воеводой кн. Константином Осиповичем Щербатовым и Сибирским приказом. Щербатов не получил, вероятно, вовремя сведения о предполагавшемся торге и отдал иркутский откуп за 250 р. Ушакову на два года в тот самый момент, когда в Москве откуп выигрывали сольвычегодские посадские люди. Противники вынуждены были полюбовно договориться между собой и откуп остался за обеими сторонами, но откупная сумма вносилась И. Ушаковым. В дальнейшем откуп оставался в руках Ушакова до конца 1699 г., когда И. Пивоваров с братом, гостиной сотни Максимом Пивоваровым, на очередном торгу одержали окончательную победу и получили не только иркутский квасной и банный откупа, но захватили в свои руки откупа на вновь учрежденные квасные избы за Байкалом — в Удинском, Ильинском и Кабанском острогах (всего за 674 руб. 12 алт. 3 д.) и право винокурения и винной продажи в течение четырех лет в Иркутском уезде и за Байкалом, в «братских острогах» (за 3000 руб. в год) [12].

По нашим подсчетам, основывающимся на свидетельстве приказчика А. Ушакова И. Юринского, в 1699 г. на иркутской пивоварне варилось пива за один день («одна варя») 120 ведер, дававших чистой прибыли 4 руб. 80 коп. Таким образом, на уплату откупной суммы, возросшей к этому времени до 275 р., шла продукция всего лишь двухмесячного производства [13].

Помимо Енисейска и Иркутска, Ушаковы держали, по крайней мере с 1685 г., квасной откуп в Мангазее. После смерти И. Ушакова этот откуп оставался в руках А. Ушакова до 1711 г. [14]

Несколько позже, помимо винных откупов, Ушаковы начали брать винные подряды. Так, в 1688 г. они за 1000 руб.

---

[12] Стлб. СП, № 1308, л. 61; № 908, лл. 238, 244—246, 267—278, 293—295, 320, 607—618; Иркут. прик. изба, д. 458, л. 1; д. 486, лл. 133—136, 163.

[13] Иркут. прик. изба, д. 451, лл. 25, 26.

[14] Кн. СП, № 1422, л. 171; № 1270, лл. 13, 99 об.; № 865, лл. 21, 124; Стлб. СП, № 908, лл. 301—310.

поставили в Иркутск, Илимск и Красноярск 2000 ведер «горячего вина». В 1695 г. И. Ушаков вновь подрядился поставить в сибирские города из Центральной России 10 000 ведер, доставка которых осуществлялась А. Ушаковым.

Резкие колебания хлебных цен в Сибири делали казенное производство на месте невыгодным и подрядная цена (16 алт. 4 д. за ведро) подчас была даже ниже стоимости казенного производства [15].

Таким образом, на протяжении почти 30 лет Ушаковы держали в своих руках крупнейшие в Восточной Сибири квасные, пивные и банные откупа. Они послужили для них основой в расширении дальнейшей предпринимательской и торговой деятельности, но с 1680-х годов уже не играли определяющей роли в их операциях.

Приезжие торговые люди интересовались главным образом сбытом привозных русских ремесленных изделий, скупкой пушнины и восточных товаров, в основном китайских тканей. Ушаковы, будучи местными жителями, сумели раньше других увидеть широкие возможности хлебной и соляной торговли и в сравнительно короткое время, не встречая сильных конкурентов, стали в полном смысле слова хлебными монополистами всей Восточной Сибири.

Широкие связи с хлебопроизводящими районами Ушаковы начали устанавливать в ходе скупки зерна для своих пивоваренных «заводов». Одновременно они попытались организовать помол зерна и в 1673/74 г. построили мельницу около Енисейска, вверх по Енисею на речке Моклоковке. На следующий год весенней водой она была снесена, но довольно скоро они вновь возвели там мельницу и в 1682/83 г. обязались молоть для казенного отпуска в Якутск и Туруханск по 500 пудов ржи ежегодно. В перевалочном пункте на Маковском волоке (с р. Кети в Енисей) в 1680-х годах братья имели хлебные амбары. Хлебные амбары с лавками были построены также Ушаковыми в крупном селе недалеко от Енисейска, Казачьем Лугу [16].

В то же время Ушаковы приобрели в Енисейском уезде усолье и начали конкурировать с крупными местными владельцами усолий — Спасским монастырем и енисейскими посадскими людьми Иваном Тихоновым Соловаром и Лукой Алексеевым Солоkваром. В 1676 г. на енисейский рынок из всех местных усолий поступило около 10 тыс. пуд. соли, из них

---

[15] Стлб. СП, № 908, лл. 534—539; № 1308, лл. 38, 40, 47, 48, 52, 53, 57, 59, 77.

[16] Там же, № 908, лл. 58—60, 82, 83, 85, 202, 203; Кн. СП, № 817, л. 260 об.—263 об.; Кн. СП, № 1419, л. 193 об.; Кн. СП, № 1229, л. 198.

768 пуд. принадлежало Ушаковым; в 1680 г. они поставили 600 пуд. соли, а в 1683 г.— 820 пуд. [17]

В Иркутске свои мукомольные и соляные промыслы Ушаковы поставили на более широкую ногу.

В 1678/79 г. И. Ушаков организовал в Иркутске мукомольный промысел. Он поставил мельницу, обязавшись вместо оброка безвозмездно молоть на ней по 600 пуд. ржи и ячменя для отпуска в Даурию. Через два года на той же плотине он вывел вторую мельницу с обязательством молоть для даурского отпуска уже по 2000 пуд. в год. Фактически помол по казенным заказам осуществлялся в гораздо бóльших масштабах. На мельницах Ушакова за 1680/81—1687/88 гг. было смолото 18 382 пуд. сверх указанной нормы. При этом стоимость помола по просьбе владельца была зачтена за недостачу енисейского винного откупа [18]. Плотина и мельницы, сооруженные на речке, получившей впоследствии название Ушаковка, были сделаны настолько основательно, что существовали еще в начале XIX в., когда иркутские жители связывали их постройку с деятельностью первого владельца [19].

Там же, в Иркутском уезде, Ушаковы начали расширять свой солеваренный промысел. В 1680/81 г. они купили у группы иркутских служилых и посадских людей за 510 руб. усолье, в 67 верстах от Иркутска вниз по Ангаре, на островах. Ушаковы фактически приобрели не только усолье, а настоящую земельную дачу с сенными покосами, сосновым лесом и пашенными землями. По росписи, присланной иркутским воеводой Л. Кислянским в Москву в 1691/92 г., один остров имел 7 верст [20] в длину и 500 саж. в ширину, другой — 713 саж. в длину и 187 в ширину, третий — 238 саж. в длину и 43 саж. в ширину. Кроме того, там же по берегам Ангары Ушаковым принадлежало два участка земли: один — в 4 версты в длину и версту в ширину, другой — в 2 версты в длину и версту в ширину. На одном острове распахивалось 25 десятин земли, там же стояли мыльный и кожевенный «заводы»; на другом острове стоял двор, вероятно с пивоварней, и одна соляная варница; на третьем островке рубили лес на дрова и стояла другая варница.

Промысел в усолье продолжался с декабря по март, когда можно было санным путем доставлять по Ангаре дрова. Все

[17] Кн. СП, № 619, лл. 152 об., 153, 296—298, 314 об.— 315 об.; Кн. СП, № 768, л. 111.

[18] Стлб. СП, № 908, лл. 56—60, 63—71, 202, 203, 529, 530, 533, 540, 541, 544.

[19] Семивский. Новейшие любопытные и достоверные повествования о Восточной Сибири. СПб., 1817, прим. 11, стр. 26—27.

[20] В данном случае подразумеваются версты межевые, т. е. равные 1 тыс. саженей.

работы осуществлялись при помощи пашенных крестьян (10 дворов) и 5 наемных работных людей — 3 солеваров и 2 чумаков, солеварам платилось в год жалованья 20—30 руб., чумакам — по 15 руб.[21]

Иркутские предприниматели, владевшие усольем на этих островах с 1668/69 г., добывали в год от 200 до 475 пуд. соли. Ушаковы в первые же годы начали получать по 400—500 пуд. в год. Одновременно они приобрели и другие усолья; по данным 1698/99 г., они варили соль в районах Иркутска, Идинского острога и в Олонской деревне. В 1683/84 г. они получили со всех принадлежавших им в Иркутском уезде усолий 2660 пуд. соли, а за 1680—1686 гг.— 12 360 пуд.

Для характеристики хозяйственного освоения Восточной Сибири в конце XVII в. важно отметить, что соляные промыслы, развернутые Ушаковым, являлись основными предприятиями по соледобыче в этом крае и в начале XIX в. Усолье на ангарских островах, дававшее соль, ни в чем не уступавшую пермянке, в начале XVIII в. перешло к Иркутскому Вознесенскому монастырю, а после секуляризации в 1764 г.— в казну. Позже оно известно в качестве Главного иркутского соляного завода, с производительностью в начале XIX в. до 150 тыс. пуд. в год[22].

Конечно, продукция усолий Ушаковых была невелика и не шла ни в какое сравнение с соледобычей в Поморье. Однако эти промыслы удовлетворяли местные потребности. В Иркутске не существовало государевых «соляных заводов». Тем не менее, по свидетельству местных служилых людей, пятинной соли (т. е. $^1/_5$ части производства), поступавшей с варниц Ушаковых в казну в качестве оброка, полностью хватало на выдачу соляного жалованья иркутским и баргузинским служилым людям, а частично нерчинским и селенгинским.

Продукция солеваренного и мукомольного промыслов Ушаковых быстро нашла себе спрос не только у иркутской администрации, но и у местного населения. Илимское казенное усолье начало страдать от серьезной конкуренции с его стороны. Уже в конце 1682 г. илимский воевода кн. И. Гагарин с тревогой сообщал в Москву, что казенному промыслу «учинилась немалая помешка» от И. Ушакова, продававшего соль в Иркутске, в илимских и приписанных к Якутску волостях вдвое дешевле[23]. Местные крестьяне покупали дешевую соль, развозимую

---

21 Иркут. прик. изба, д. 63, лл. 199—202; д. 60, лл. 74, 90; д. 451, лл. 23—26; д. 505, лл. 9—10; Кн. СП, № 1031, лл. 31, 32; Стлб. СП, № 908, лл. 122—123, 125—130, 371—376, 434.

22 Семивский. Указ. соч., стр. 113; прим. 11, стр. 26—27.

23 Себестоимость пуда соли на ангарских промыслах Ушакова равнялась 3 алт. 2 д., продавалась соль на месте по 5 алт. за пуд (т. е. 50% прибыли), в отвоз — по 8 алт. Любопытно отметить, что в те же годы в крупнейшем соледобывающем районе — Соли Камской себестоимость

приказчиками Ушаковых по волостям, и перестали приезжать за солью в Илимск. Сибирский приказ 27 апреля 1683 г. категорически запретил Ушакову торговать солью в Илимске и Якутске [24].

Тогда Ушаковы сбыт своей соли стали осуществлять путем казенных подрядов. В 1685/86 г. И. Ушаков предложил поставить соль в Иркутск при условии выдачи ему в Москве из казны вдвое большего количества соли. Ответ на это предложение последовал не сразу. Но в 1687 г. приказчик Ушаковых И. Иванов узнал, что казна не может выплатить соляное жалованье 2900 служилым людям, находившимся в Даурии в составе полка окольничего Федора Алексеевича Головина. Тогда Ушаков вновь поднял вопрос о заключении подряда. В апреле 1687 г. в Сибирском приказе было решено, что Ушаковы поставляют 20 тыс. пуд. в Иркутск до 1 сентября 1689 г.; за половину поставленной соли они получали солью в Москве в полуторном размере, а за другую половину им обещано было выдать из казны на 750 р. различных мехов. Весь подряд был выполнен Ушаковым к лету 1689 г., причем в Сибирском приказе даже возник проект платить солью вместо денежного жалованья, что вызвало, конечно, возмущение среди служилых людей.

В эти же годы Ушаковы, используя местное сырье, организовали в Тобольске, Енисейске и Иркутске кожевенное производство. К сожалению, сведения о нем очень краткие и не дают возможности судить о характере производства. Тем не менее для его характеристики весьма показателен наем опытных мастеров в Ярославле — крупнейшем центре русской кожевенной промышленности XVII в. В 1686 г. Ушаковы наняли там 6 мастеров из числа посадских людей, монастырских бобылей и др. Согласно наемным записям, трое из них за 275 руб. обязывались по заранее обусловленному образцу «добрым мастерством, против ярославского», выдубить и покрыть красной краской 5000 юфтей кож в Енисейске, а затем в Иркутске только выдубить такое же количество за 18 руб. 25 а. и обучить мастерству отделки кож двух хозяйских людей. Четвертый мастер также подряжался для работы в Енисейске и Иркутске; за полный цикл руководства по обработке 4800 кож (от золения до окраски) он получал 85 руб. [25] Таким образом,

---

соли была в 2—3 раза меньше, а процент прибыли от продажи соли был значительно выше, если соль продавалась на месте. При транспортировке соли на рынки прибыль понижалась до 20—30% (см. Н. В. Устюгов. Указ. соч., стр. 299).

[24] Стлб. СП, № 908, лл. 117, 131—136, 371—376, 428, 429, 478—486, 550, 551.

[25] Там же, лл. 388—398. По наемной записи мастера ехали в Сибирь на хозяйский счет и жили там на хозяйском «харче». Каждый

судя по количеству обусловленной в наемных записях работы, Ушаковы нанимали ярославских мастеров на несколько лет.

В то же время Ушаковы занимались пушной торговлей и не порывали связей с низовьями Енисея, где продолжал развиваться крупный рыбный промысел.

Торговлей пушниной они занимались систематически на протяжении 80—90-х годов. Еще будучи енисейским посадским человеком, И. Ушаков, возвращаясь из Иркутска в Енисейск в сентябре 1682 г., скупил у эвенков (тунгусов) 13 сороков собольих пупков; в апреле 1684 г. приказчик И. Ушакова П. Скрябин привез из Дубчевской слободы в Енисейск 10 соболей, а в 1690 г. из Туруханска другой приказчик И. Ферапонтов привез 250 песцовых шкурок. В незначительном количестве приказчики Ушаковых вывозили в 1680-х годах пушнину и из Нерчинска. В 1692 г. в самом Енисейске Ушаковы купили 20 сороков соболей и вывезли их «на Русь». Тогда же из Туруханска вернулся в Енисейск их «человек» Г. Михайлов с 400 пуд. просольной осетрины. Закупив 150 пуд. муки для обеспечения рыбного промысла и 100 пуд. для продажи, он отбыл назад, в район Хантайской слободы и на «Карасин песок» [26].

Развивая в различных направлениях свою предпринимательскую деятельность, Ушаковы были тесно связаны и с Центральной Россией. Они вывозили оттуда в Сибирь вино, «русский товар», т. е. промышленные изделия, получали от казны в счет подрядов меха и соль, завязывали торговые связи в Москве и Ярославле.

Тем не менее эта деятельность только дополняла их сибирские предприятия. Видное место занимали Ушаковы на енисейском торгу. В 1688 г. в Енисейске в Мясном и Рыбном ряду им принадлежало 9 лавок (из 46) и 9 «скамейных мест» (из 35). Эти же торговые помещения сохраняли они и в 1695 г. [27] Но первое место среди этих торговых предприятий в Сибири занимала у Ушаковых оптовая хлебная торговля. Ее Ушаковы начали приблизительно в 1681 г. В это время восточносибирская администрация продолжала испытывать особые трудности в снабжении продовольствием даурских служилых людей [28]. Хлеб в Нерчинских острогах ценился необычайно дорого — от 1 до 4 руб. за пуд, и местные служилые люди нисколько не преувеличивали в своих челобитных, жалуясь на то, что они питаются

из них обязывался отделать 2 юфти кож за день, т. е. они получали по 11 коп. в день.

[26] Кн. СП, № 817, лл. 164, 165, 202—214; № 1003, лл. 390, 412 об., 414, 415, 422 об., 423, 425 об.; Нерчин. прик. изба, д. 16, лл. 3, 15.

[27] Кн. СП, № 1229, лл. 195—198, 200 об.— 202; № 1089, лл. 175 об.— 177, 179 об.— 181.

[28] В. И. Шунков. Указ. соч., стр. 189 и сл.

«всякой скверной». Ушаковы хорошо были осведомлены о торговой конъюнктуре, и свои хлебные операции они начали с прибыльной транспортировки хлеба за Байкал. Их приказчики скупали его в Иркутске у местных служилых людей и пашенных крестьян и партиями по 100—300 пуд. доставляли в Удинск. Туда же гнали хлеб и другие торговцы, проводя летом через Байкал до 10 дощаников, а зимой доставляя хлеб на лошадях. В Удинске съезжавшиеся нерчинские служилые люди раскупали все доставленные запасы.

Даурские служилые люди совершенно определенно выделяли Ушаковых как основных хлебных поставщиков.

Действительно, по свидетельству сохранившейся выписки из иркутских таможенных книг за полтора года, с ноября 1680 г. по апрель 1682 г., И. Ушаков отпустил за Байкал в Удинский, Нерчинский и другие остроги в 8 партиях 3200 пуд. муки и 570 пуд. соли. За это же время другими торговыми людьми было отпущено туда же всего лишь 441 пуд. муки [29].

В 1682 г., когда, как указывалось выше, иркутский винный откупщик И. Самойлов добился запрещения Ушакову скупать хлеб в Иркутске, служилые люди нерчинских острогов подали челобитную. В ней они связывали вновь наступившую дороговизну хлеба в Даурии с прекращением Ушаковыми поставок в Удинск. Под их давлением в апреле 1683 г. Ушаковым вновь была разрешена покупка хлеба в Иркутске. Следует отметить, что эти поставки Ушаковы проводили на основе своих промыслов и установившихся экономических связей с населением Ангаро-Илимского края. Хлеб они не только скупали, но и выменивали на вываренную соль и добытую рыбу; помол проводился на собственных мельницах, а доставка через Байкал — на дощаниках, сооруженных на своих же «дощанишных заводах».

Даурские служилые люди в одной своей челобитной с удовлетворением отмечали падение стоимости хлеба в Удинске в связи с поставками Ушаковых: стоимость пуда хлеба упала до 60 коп.—1 руб. Тем не менее даже эта цена была очень высокой, если учесть, что в Иркутске пуд хлеба ценился от 5 до 12 коп. (по данным 1686 и 1688 гг.) [30].

В. И. Шунков одну из причин резкого порайонного разнообразия хлебных цен в Сибири справедливо видит в высокой стоимости провоза хлеба [31]. В данном случае нужно признать, что ростовщические операции Ушаковых позволяли им сни-

---

[29] Иркут. прик. изба, д. 63, лл. 49, 50.

[30] Стлб. СП, № 908, лл. 90—93, 102; Иркут. прик. изба, д. 23, лл. 112—113.

[31] В. И. Шунков. Указ. соч., стр. 337 и др.

жать высокую стоимость транспортировки хлеба. Они широко применяли ростовщические ссуды в качестве средства по закабалению местного населения; поэтому рабочая сила, необходимая для транспортировки хлеба, по словам местных служилых людей, обходилась Ушаковым «безденежно»[32]. Можно полагать, что львиная доля разницы в хлебных ценах в Иркутске и Удинске шла в карманы предпринимателей.

Винные откупа, солеварение и первые удачные операции по продаже хлеба способствовали тому, что уже к 1683 г. Ушаковы были широко известны не только в Сибири, но и в Москве как торговцы и предприниматели. Енисейские и иркутские посадские люди, пашенные крестьяне, служилые люди и многолюдная вольница, постоянно пополнявшая сибирское население, из года в год все более реально ощущали последствия хозяйствования Ушаковых. Некоторые иркутские жители (посадские люди и др.) вынуждены были «жить в людях» у Ушаковых, пахать на них пашню исполу, работать в усолье. Енисейские жители были «задолжены» кабальными долгами[33]. Но, пожалуй, наиболее яркое и откровенное свидетельство о методах эксплуатации населения, в частности гулящих людей, принадлежит самим Ушаковым.

31 мая 1683 г. Ивану Ушакову велено было быть в гостиной сотне и переехать в Москву со всей своей семьей, с матерью, братом Алексеем, невесткой и племянником, 10 крепостными людьми (вероятно, купленными из числа ясыря).

Ушаковы не хотели доверять все свои промыслы и торговые операции в Сибири приказчикам и вплоть до 1689 г. оставались в Енисейске. В апреле 1684 г., оттягивая срок переезда, они объясняли енисейскому воеводе кн. К. О. Щербатову: «Идут из Тобольска мимо Енисейска в даурские остроги тобольские и Тобольского разряду розных городов новоприборные казаки. И ис тех де... новоприборных козаков преж сего многие люди бывали в Енисейску не в чинах, в гулящих людях, и бывали де у них в наемных сроках в работе. И он де, Иван, и Алексей тех наемных людей от воровства унимали и, видя их дурно, против записей по их винам смиряли урочными работами»[34]. Поэтому Ушаковы, конечно, не желали встречаться на дороге с казачьей вольницей, успевшей к тому времени на реках Оби и Кете наделать много хлопот «начальным людям».

В 1685 г. И. Ушаков числился уже гостем[35], тесно связанным экономическими расчетами с Сибирским приказом и При-

---

[32] Стлб. СП, № 908, лл. 100, 101.

[33] Иркут. прик. изба, д. 90, лл. 1, 2, 14, 15; Стлб. СП, № 1067, лл. 230—249.

[34] Стлб. СП, № 908, лл. 197—199, 218, 312—314, 587—590.

[35] А. Ушаков числился в гостиной сотне уже в 1686 г.

казом большой казны, ведавшим с середины XVII в. в Сибири селитренным делом, продажей табака и сбором пошлин с соляной выварки [36]. С этого времени, используя продолжавшиеся трудности казны по снабжению «бесхлебных» и «непашенных» городов, Ушаковы выступают в качестве крупнейших хлебных поставщиков для Якутска, Мангазеи и Даурии.

Первый подряд на хлеб был ими предложен в 1683/84 г. в Якутск. В 1680-х годах на якутские расходы через Илимск казна отправляла от 4 до 5 тыс. пуд. муки, полученной с енисейской и ангарской пашни. Если в Енисейске и Братском остроге мука стоила 5 коп. за пуд, то стоимость ее после доставки в Якутск, по расчетам казны, поднималась до 33,5—38,5 коп. (с учетом стоимости перевозки и содержания служилых людей, сопровождавших груз) [37]. Транспортировка из Енисейска отвлекала в год до сотни служилых людей. Обычно за период навигации по Ангаре приплавить хлеб в Илимск не удавалось, суда замерзали в устье р. Илима, и служилые люди вынуждены были сами выплачивать огромные для них суммы (1682/83 г., например, по 2 руб. с человека), довозя хлеб на частных подводах до Илимска. И. Ушаков обязался поставить хлеб, во-первых, за одну навигацию, а во-вторых, чуть ли не вдвое дешевле. Если, по расчетам Сибирского приказа, доставка 6 тыс. пуд. муки из Енисейска в Якутск обходилась казне приблизительно в 2 тыс. руб., то Ушаков просил уплатить ему по 5 алт. 2 д. за пуд (960 руб.), оговаривая только выдачу казенной тары, мешков (на 146 руб. 8 алт. 1 д.).

Расчеты Ушакова были вполне обоснованы; к этому времени земледелие в Илимо-Ангарском крае настолько развилось, а связи подрядчика с местным населением так упрочились, что скупка хлеба в большом количестве не представляла трудностей. По сообщению енисейского воеводы кн. К. О. Щербатова, И. Ушаков уверял его в конце 1685 г. (или начале 1686 г.) в том, что его братом Алексеем уже скуплено на Лене, Илге и Бирюлке (Верхоленский острог) 12 тыс. пуд., кроме того, часть хлеба находилась у него в «роздаче» у якутских пашенных крестьян; в случае же недорода там поставка, по словам подрядчика, могла быть осуществлена за счет скупки на Ангаре и Оке. Предлагая заключить подряд, Ушаковы одновременно попытались добиться полной монополии на местных рынках с помощью правительства и просили, «чтобы прасолам и всяких чинов людям в закуп хлебных запасов на Лене реке не покупать». В последнем требовании успеха они не достигли, ибо в Сибирском приказе справед-

---

[36] ДАИ, т. 3, № 10.

[37] Частные хлеботорговцы продавали привозной хлеб в Якутске в 1680-х годах по 7—12 коп. за пуд, а в особо «бесхлебные» годы поднимали цену до 50 коп. (Стлб. СП, № 1137, лл. 193, 194).

ливо начали опасаться, как бы подрядчики не учинили на Лене «хлебную скудость» и якутским служилым людям от того «тесноты» не было. Другие условия были приняты. К июню 1685 г. Ушаковы доставили к судовой пристани на Лене у Илимского волока в якутский отпуск полностью 5 тыс. пуд. По справке 1691 г., для удовлетворения всех казенных нужд по снабжению хлебом населения Якутского уезда недоставало 21,5 тыс. пуд. Ушаковы, таким образом, обеспечивали $^1/_4$ часть необходимых запасов [38].

В том же 1685 г. Ушаковы подрядились поставить в Якутск на 1686 г. уже 6 тыс. пуд. В дальнейшем поставку муки в Якутск Ушаковы осуществляли ежегодно. Старший Ушаков, Иван, договаривался о подрядах непосредственно в Сибирском приказе, а младший, Алексей,— в Сибири, обычно в Енисейске, где он оставался в это время, руководя на месте всеми торговыми делами.

Подряд на поставку очередных 18 тыс. пуд. муки в Якутск на 1687—1689 гг. был заключен И. Ушаковым на имя Алексея уже из расчета 6 алт. за пуд; в это же время А. Ушаков, не успев получить сведений; сторговался с енисейским воеводой С. А. Собакиным об отправке в Якутск на 1687 г. 6 тыс. пуд. по 5 алт. 4 д. за пуд. Некоторое повышение подрядной цены (с 5 алт. 2 д. до 5 алт. 4 д. и даже 6 алт. за пуд) объясняется неурожаем в Енисейском уезде. Ушаковы отлично знали состояние казенных житниц и стремились использовать благоприятную для себя обстановку, тем более, что необходимое количество муки находилось непосредственно в их распоряжении. Подряд был выполнен досрочно [39].

В дальнейшем операции по хлебным подрядам из года в год возрастали. В 1689 г. последовал новый подряд на поставку в Якутск в течение 5 лет, с 1691 по 1696 г., 30 тыс. пуд. муки по 6 алт. за пуд. По расчетам казны, она выигрывала от этой поставки 3150 руб.

О широких связях, установившихся к этому времени у Ушаковых, свидетельствует состав их поручителей, ручавшихся за выполнение этого подряда; среди них был гость Федор Климшин, 3 члена гостиной сотни, 2 устюжских и 5 костромских посадских людей.

Подряд 1689 г. Ушаковы успели выполнить полностью уже в 1693 г., и в 1694 г. Сибирский приказ начал «торг», на котором енисейские посадские люди Яков и Василий Кондратьевы Кулаковы предложили свои услуги по поставке хлеба, но за более

---

[38] Стлб. СП, № 908, лл. 301—310, 336—349, 351—365, 402—405; № 1137, лл. 184—186.

[39] Стлб. СП, № 908, лл. 455—459, 501; № 1137, л. 195.

высокую цену — 6 алт. 4 д. за пуд.[40] Однако этот подряд остался за Ушаковыми, спустившими подрядную цену до 5 алт. 4 д., после чего было заключено новое соглашение о поставке 30 тыс. пуд. на очередные 5 лет[41].

Столкнувшись впервые с противниками по хлебным подрядам, намеревавшимися проводить хлебную скупку также на Ангаре, в Верхоленской волости, на Илге и Бирюлке, И. Ушаков сумел их обезвредить. Он породнился с ними, женившись на сестре Я. Кулакова Настасье Кондратьевне, и привлек их к совместной торговле. В 1695 г. А. Ушаков выступил поручителем за Я. Кулакова в его подряде по поставке 10 тыс. ведер вина в сибирские города и сам же отпускал ему это вино[42].

В 1680-х годах Ушаковы по государственным подрядам начали снабжение мукой Туруханска и даурских острогов. В 1680-х годах в Мангазее только на казенные расходы требовалось 6,5—8 тыс. пуд. зерна[43]. Первые известия о хлебных поставках Ушаковых в Мангазею относятся к 1686 г., когда А. Ушаков заключил в Сибирском приказе подряд на поставку туда в течение 10 лет (с 1687/88 по 1697/98 г.) 88 тыс. пуд. муки по 4 алт. 2 д. за пуд и получил вперед всю сумму в 11 440 руб., что полностью обеспечивало нужды Туруханска и давало казне прибыли более 2 тыс. руб. По-видимому, в Енисейске у Ушаковых не было больших запасов. Они начали энергично скупать хлеб и о последствиях этого уже в 1688 г. сообщал енисейский воевода Григорий Новосильцев: «Из Енисейского уезда на торг в Енисейск хлебных запасов на продажу в привозе бывает самое малое число для того, что по подряду гостиной сотни Алексея Ушакова в Мангазее хлебные запасы в Енисейске у всяких жителей в прошлых в 194, 195 и в нынешнем 196 годах выкуплены...»[44].

Одновременно с изменением условий якутского подряда в 1694 г. в связи с претензиями Кулаковых и на этот подряд в Сибирском приказе было подписано новое соглашение о поставках хлеба и в Мангазею, по которому Ушаковы обязывались доставить в течение очередных 5 лет 50 тыс. пуд. муки, но уже по 4 алт. за пуд. До окончания срока этого подряда И. Ушаков заключил новый подряд также на 50 тыс. пуд. муки, поставки по которому должны были начаться с 1699 г.

---

[40] Там же, № 1137, лл. 182—183, 187—188; № 908, л. 598; № 1182, лл. 331—336; В. И. Шунков. Указ. соч., стр. 179—180.

[41] Стлб. СП, № 1137, лл. 209—215; № 908, лл. 608—614, 637 и сл.; № 1139, лл. 15, 18 (Первая партия в 6 тыс. пуд. была целиком закуплена у крестьян, промышленных и гулящих людей в Илгинской волости).

[42] Там же, № 1137, лл. 65, 73—79.

[43] В. И. Шунков. Указ. соч., стр. 236; Стлб. СП, № 1137, л. 199.

[44] Стлб. СП, № 1067, лл. 230—249; № 908, л. 587; № 1137, лл. 199—204.

Хлебные поставки Ушаковых в Даурию находятся в тесной связи с историей посольства окольничего Ф. А. Головина, завершившегося в 1689 г. подписанием Нерчинского мирного договора. Обеспечить полк Головина продовольствием как во время следования, так и особенно в Даурии, было тяжелой задачей для сибирских властей, справиться с которой они не могли. Поэтому уже в 1686 г. И. Ушакову удалось заключить на имя брата подряд на поставку из своих покупных запасов в Удинский острог в течение трех лет (1687—1689) 9 тыс. пуд. муки по 6 алт. за пуд. Одновременно сам А. Ушаков, не зная об этом, заключил подряд в Енисейске на поставку туда же в 1686 и 1687 гг. 5 тыс. пуд. муки (по 5 алт. 2 д. за пуд.) [45]. Но даже эти поставки не могли полностью обеспечить потребностей полка Головина. По расчетам, предполагалось в 1688 г. собрать в Иркутске свыше 31 тыс. пуд. муки и 14 тыс. пуд. толокна и разных круп. К концу 1687 г. иркутская администрация имела в наличии всего 26 тыс. пуд. муки, толокна и круп. Недостающее количество было в 1688 г. восполнено за счет подрядов, принятых местными служилыми людьми, торговцами, пашенными крестьянами и енисейским Спасским монастырем, которые поставили, по нашим подсчетам, 15 750 пуд. муки. Стремясь быстрее и выгоднее для себя выполнить поставку, подрядчики вступали друг с другом в ожесточенные столкновения, их агенты «сбивали» противников в Иркутском уезде и были серьезными конкурентами для Ушаковых. После заключения Нерчинского договора часть сибирских служилых людей была оставлена в Даурии, и для обеспечения их хлебом Сибирский приказ в конце 1689 г. вновь заключил подряд с Ушаковыми на 4 года, в течение которых они обязывались поставить 30 тыс. пуд. муки [46].

Таким образом, по крайней мере в течение 15 лет, с 1685 по 1699 г. Ушаковы фактически держали в своих руках снабжение всех «бесхлебных» восточносибирских городов, поставляя туда в отдельные годы свыше 20 тыс. пуд. муки.

В конце XVII в. Ушаковы начали расширять свои торговые и промышленные дела в центральной России и вкладывать капиталы в заграничную торговлю с Китаем. В 1696 г. в Симбирском уезде, в деревне Ключище, они поставили винокуренные «заводы». После заключения Нерчинского мирного договора Ушаковы наряду с крупнейшими оптовиками Филатьевыми,

[45] Стлб. СП, № 908, лл. 411—414; 455—459; № 965, ч. II, лл. 375—381; № 1588, ч. II, лл. 249—252.

[46] Там же, № 1016, лл. 22, 23, 28, 32; № 1182, лл. 260, 261; № 965, лл. 37—50, 84—97, 242—243, 458—460; Иркут. прик. изба, д. 100, лл. 18, 29, 54, 68, 69; д. 116, лл. 182, 185, 189, 192, 195—197; д. 96, лл. 27, 29, 53, 54; д. 123, лл. 3—4; д. 128, лл. 6—7, 13; д. 135, лл. 19—20, 103; д. 142, лл. 1—9; д. 131, лл. 6—8; д. 524, лл. 2—9; д. 527, лл. 13, 29—30, 52; д. 544, лл. 15, 33; д. 169, лл. 25—26; Нерчин. прик. изба, д. 24, лл. 34—36.

Г. Никитиным и С. Лузиным немедленно приняли самое активное участие в русско-китайской торговле. Приказчики Ушаковых в 1689, 1691, 1693 и 1696 гг. отправлялись из Нерчинска в Пекин с крупными партиями мехов [47]. В 1691 г. ими было вывезено товаров на 1213 руб., в 1693 г.— на 1137 руб. и в 1696 г.— 6067 руб. [48] В последнем случае в Китай были отправлены меха, полученные от казны в счет подрядов, заключенных в 1694 г.

Наибольшего размаха деятельность Ушаковых достигла в начале 90-х годов. До 1694 г. Ушаковы выполняли все свои обязательства перед казной по подрядам, хотя уже в это время начали испытывать большие трудности; все расширявшиеся подряды и другие торговые операции требовали больших средств, которых у Ушаковых не хватало. Помимо отсутствия кредита, финансовые трудности Ушаковых объяснялись тем, что казна выплачивала им подрядные суммы в большей части не деньгами, а товарами — мехами и солью, причем в отличие от первых подрядов все это выдавалось не сразу, а частями. В одной челобитной И. Ушаков жаловался, что выданные ему под хлебный подряд меха «дают накладу 830 р.», продать в Москве их не удается и он вынужден их посылать на Свенскую ярмарку [49]. Уже в конце 1693 г. И. Ушаков вынужден был обратиться к частному займу и за короткое время задолжал гостю Л. Добрынину 5175 руб. (товарами и деньгами). Пытаясь, вероятно, выйти из тяжелого положения, он получил из Приказа большой казны 25 290 руб., в счет винного подряда, а из Сибирского приказа вперед 3 тыс. руб. под хлебные поставки в Мангазею на 1698—1702 гг. Вместе с тем стало обнаруживаться, что Ушаковы не в состоянии выполнить свои обязательства по ранее заключенным подрядам. Уже в 1694 г. при заключении подряда все имущество Ушаковых в Енисейске и Иркутске (лавки, амбары, мельницы, пашни, покосы и другие угодья) было запрещено продавать, закладывать или записывать за кем-либо. В ноябре 1695 г., еще до того, как партия мехов, принадлежащих Ушаковым, ушла из Нерчинска в Китай, было указано взять «на государя» китайские товары, которые приказчики Ушаковых должны были закупить в Пекине.

В этих трудных обстоятельствах Ушаковы оказались на грани катастрофы. Между 1694 и 1697 гг. Иван Ушаков умер и

---

[47] В. А. Александров. Русско-китайская торговля и Нерчинский торг в конце XVII в.— В кн.: «О первоначальном накоплении в России XVII—XVIII вв.». М., 1958, стр. 422—464.

[48] Соответственно — 16%, 9,1%, 12,3% по отношению к стоимости всех вывезенных в Китай товаров.

[49] Стлб. СП, № 1137, лл. 213—215, 220—238.

вскоре началось следствие о его несостоятельности. Добрынин предъявил в июле 1697 г. иск на 4325 руб. по просроченным кабалам. В Якутск, по справкам Сибирского приказа, к 1698 г. не было доставлено 12 200 пуд., а в Мангазею — 20 200 пуд. муки; за подряд по доставке в Верхотурье вина Я. Кулаков и А. Ушаков задолжали казне свыше 1200 руб. Всего Сибирский приказ предъявил А. Ушакову иск в 8911 руб. 12 алт. К сожалению, итоговая справка о всех долгах Ушаковых сохранилась в обрывках и может дать только общее представление об их огромной задолженности. Во всяком случае, Приказу большой казны они задолжали значительно бо̀льшую сумму [50]. А. Ушаков объявил себя несостоятельным по мангазейскому хлебному подряду. В сентябре 1698 г. Приказ большой казны в счет долга за подрядное вино конфисковал московский двор Ушаковых с каменными палатами, оцененный в 29 336 руб. 30 алт. 5 д. Китайские товары (11 тыс. руб.), привезенные из Пекина, пошли в уплату остальных долгов; имущество в Енисейске также было отписано в казну (195 руб. 26 алт.). Ценой этих потерь А. Ушакову удалось рассчитаться с казной и кредиторами и даже сохранить владения, расположенные на ангарских островах [51]. Но в целом сибирские торги Ушаковых были подорваны, и вся дальнейшая торгово-промысловая деятельность А. Ушакова связана с Поволжьем, где он продолжал хорошо известные ему по Сибири винокурение, хлебную и соляную торговлю. В 1704 г. А. Ушакову принадлежала мельница в Симбирском уезде, винокурня в Алатырском, 3 варницы в Уфимском; соль десятками тысяч пудов продавалась им на Макарьевской ярмарке, а хлеб — в Астрахани [52].

История сибирских торгов Ушаковых во второй половине XVII в. представляет большой интерес.

Хозяйственное развитие Восточной Сибири, ее крупнейших экономических центров (Енисейска, Иркутска) в это время позволило предприимчивым енисейским посадским людям пройти весьма характерный путь по накоплению своих капиталов — от винных откупов к широкой торговой деятельности, тесно связанной с промышленным предпринимательством. Крупные торговцы уже в это время стремились вложить свои средства в промыслы и на основе их вести торговые обороты. Несмотря на господство в экономической жизни Сибири крупных торговых людей, представляющих важнейшие торгово-промышленные центры России, Ушаковы, будучи местными

[50] Стлб. СП, № 908, лл. 624—627, 629, 632—645, 648, 650.

[51] Иркут. прик. изба, д. 505, лл. 9—10; Стлб. СП, № 908, лл. 664—667, 672; Кн. СП, № 1133, лл. 415—420.

[52] Е. И. Заозерская. Торги и промыслы гостиной сотни Среднего Поволжья.— Сб. «Петр Великий», М.— Л., 1947, стр. 229—230.

торговцами, сумели не только выделиться из среды енисейского посада, но и вошли в состав богатейшей верхушки торговых людей. Сделать это они смогли, прежде всего используя уже установившиеся экономические связи сибирских рынков. Очень четко прослеживается специализация основных торгов Ушаковых — это прежде всего хлеб и соль; все остальное — кожевенное производство, меховая и рыбная торговля — имело второстепенное значение. Оптовики — скупщики хлеба, не упускавшие и других возможностей в процессе накопления капитала, Ушаковы умело использовали хлебные трудности и закабаляли крестьян путем предоставления им займов. Таким образом, наибольший интерес в деятельности Ушаковых представляет единство путей и методов в накоплении капиталов, какими пользовались торговые люди европейской части страны, общность в перерастании торгового капитала в торгово-промышленный, т. е. в явлениях капиталистического порядка, но в специфических сибирских условиях.

Тяжелый удар, постигший Ушаковых в конце XVII в., не представляет ничего необычного. Таков был удел не одних Ушаковых. Основной причиной разорения явился недостаток средств, необходимых для оборота, отсутствие кредита (особенно долгосрочного) и поддержки со стороны феодального правительства. В 1704 г. сам А. Ушаков свидетельствовал: «а за сими всеми вышеизложенными расходами и торгами в остатках у меня денег не бывает, и ныне нет» [53]. Испытывая финансовые затруднения, Ушаковы не могли найти необходимый кредит и оказались в экономической зависимости от казны, ссужавшей им с максимальной для себя выгодой средства под будущие винные и хлебные поставки и одновременно описывавшей их имущество в залог. Достаточно было Ушаковым нарушить сроки поставок, чтобы казна начала следствие и взыскание долгов.

[53] Там же, стр. 244

|*А. Н. Сперанский*|

ТОРГОВЛЯ УСТЮЖНЫ ЖЕЛЕЗОПОЛЬСКОЙ В ПЕРВОЙ ПОЛОВИНЕ XVII В.

Основным источником для настоящего очерка послужили три таможенные книги по Устюжне Железопольской.

Первая из этих книг, относящаяся к 7135 (1626/27) году[2], дошла до нас не в полном виде. Начинается она с записей товаров в феврале месяце, причем первая датированная запись помечена 14 февраля. Вторая книга 7138 (1629/30) года[3] и третья 7147 (1638/39) года[4]. В последней, судя по скрепе таможенного целовальника Стахея Прягилева, в записях за октябрь месяц не хватает 2 листов. Сохранилась запись от 5 октября и затем идет перерыв до 12 октября (лл. 6 об.— 7).

По характеру записей эти книги все одного и того же типа. В них записывается, с большей или меньшей подробностью, весь явленный на продажу товар, отмечается явка денег устю-

---

[1] Статья покойного А. Н. Сперанского (1891—1943), написанная более 20 лет назад, до сих пор не утратила своего научного значения. Посвященная одному из крупных центров русского железоделательного производства XVI—XVII вв., Устюжне Железопольской, она показывает, как в этом городе восстанавливалось хозяйство, разрушенное в бурные годы начала XVII столетия, налаживались торговые связи Устюжны с ближайшей округой. Некоторая узость источниковедческой базы ограничила возможности исследователя. Отсутствие таможенных книг по Устюжне за вторую половину XVII в. не позволило автору проследить изучаемые им явления на протяжении всего столетия. Однако А. Н. Сперанскому удалось показать на примере Устюжны то новое в хозяйственной жизни страны, что характерно для экономического развития Русского государства в XVII в.— определенные сдвиги в развитии производительных сил и установление торговых связей между отдельными городами. Вместе с тем необходимо отметить, что автор обращает главное внимание на установление торговых связей и меньше интересуется вопросами развития производства. Статья А. Н. Сперанского отражает, таким образом, ранний этап в изучении советскими историками хозяйственного развития Русского государства в XVII в.

[2] Гор. кн. по Устюгу Великому, № 3.

[3] Там же, № 16а, лл. 1—185 об.

[4] Там же, № 41.

женцами и иногородними на покупку в Устюжне и пошлины с иногородцев, ехавших через Устюжну с товарами.

В Городовой книге по Устюгу Великому № 16а сохранились отрывки еще двух книг. Установить время записей одной из них (сохранились отрывки за декабрь-январь) невозможно. Вторая относится к 7154(1645/46) году и содержит записи с декабря месяца до конца года. Но характер записей в ней несколько изменился. Таможенный подьячий записывает явку товаров иногородними торговыми людьми и устюженцами с гораздо меньшей подробностью, а одну из наиболее характерных отраслей устюженской торговли — торговлю кричным железом вводит в суммарную запись мелкого торга. Эти особенности данной книги заставили отказаться от введения содержавшихся в ней сведений во все отделы настоящей работы, с использованием, однако, некоторых из ее записей для выяснения отраслевых сторон устюженской торговли, которые недостаточно полно характеризованы основными источниками.

По своим торговым делам устюженцы были связаны с Белоозером, Романовом и Тихвином. Для ознакомления с характером торга этих городов оказалось необходимым привлечь и таможенные книги по ним. Были просмотрены таможенные книги по Белоозеру за 7170(1661/62) и 7171(1662/63) гг.[5]; по Романову за 7157(1648/49) г.[6] по Тихвину за 7138 (1629/30) и 7168(1659/60) гг.[7]

Было бы интересно сопоставить данные писцовых и переписных книг с таможенными записями, но как раз этих источников по Устюжне не сохранилось за данный период. В городовых книгах по Устюжне имеются лишь снятые в XVII в. копии с сотных выписей 7075(1566/67) и 7105 (1596/97) гг.[8], которые дают картину посада конца XVI в. Некоторые данные извлечены из Разрядной книги № 1, в которую вошла, по-видимому, «указная» книга Устюжской чети, содержащая все распоряжения московской власти, отправлявшиеся на места.

I

В одной из воеводческих отписок XVII в. оживленное движение служилых людей и государевых всяких гонцов через Устюжну объяснялось тем, что этот посад стоит как раз в том месте, где сходятся дороги из различных восточных, юго-восточных и южных по отношению к нему городов, идущие

---

[5] Гор. кн. по Белоозеру, № 2, лл. 1—108 (Таможенная книга 7170 г.), лл. 141—233 (Таможенная книга 7171 г.).

[6] Гор. кн. по Романову, № 2(5).

[7] Таможенные книги по Тихвину хранятся в архиве ЛОИИ.

[8] Гор. кн. по Устюжне, № 1.

к Тихвину: «Пролегли де через Устюжну дороги с Москвы к Тихвине и из Дмитрова, и ис Кашина, и с Переяславля, и з Городецка, и с Углеча, и из Романова и с Мологи и из иных изо многих городов...» [9]. Если продолжить намеченные этим перечнем линии путей, то Устюжна окажется через Углич связанной с Ярославлем и Ростовом; недалеко от нее находилась Вологда, связанная с Устюжной также сухим путем, как показывают записи таможенных книг о привозе товаров из этого города. Продолжение пути на Тихвин давало возможность проникновения устюженцев в Ладогу и Олонец. Кроме того, положение на р. Мологе связывало Устюжну с «знаменитым Мстинским путем, по которому главным образом шли сношения Великого Новгорода с Замосковьем» [10]. Это географическое положение Устюженского посада давало возможность устюженцам сравнительно легко связываться с отдаленными торговыми пунктами, а природные условия края определили и ту особенность этого посада, которая дала ему название Железопольского, а иногда и просто Железного. В «мшаринах и болотах», окружавших Устюжну, легко отыскивалась залегавшая почти на поверхности болотная железная руда, ставшая одним из главных промыслов окрестного населения. Это вызвало развитие кузнечного промысла. Богатые рыбой реки сделали Устюжну одним из пунктов закупки рыбы для других городов. «Боровые» леса, окружавшие Устюжну, могли легко стать предметом эксплуатации благодаря возможности сплава по Мологе и Волге в низовые поволжские города. Эти леса доставляли жителям Устюженского округа, кроме того, пушной товар, также служивший предметом сбыта. И лишь земля, которая в писцовых книгах обычно обозначается «худой», не могла особенно привлекать сюда поселенцев. Пересечение «проезжих» дорог способствовало развитию посада.

По сотной выписи 1566/67 г. в Устюжне в середине XVI в. значилось: «живущих черных тяглых пашенных и непашенных и с теми, что были оброчные Рыболовской слободы, 713 дворов, а людей в них 811 человек, да пустых 11 дворов, да 3 места дворовых» [11]. Но во второй половине XVI в. происходят в жизни посада значительные изменения. Хозяйственный упадок не мог не захватить и Устюжну. Кроме того, развитие архангельской торговли отразилось и на торговом значении того главного пути, на котором стояла Устюжна. Для части посадского населения в перспективе была «беспромыслица и бесторжица», и посад, как и все посады северо-запад-

---

[9] Разр. кн., № 1, лл. 117 об.— 118.

[10] С. Ф. Платонов. Очерки по истории смуты в Московском государстве XVI—XVII вв., изд. 3. СПб., 1910, стр. 30.

[11] ПДСЛ, 1669 г., д. 214.

ной области, начал быстро пустеть. По следующей сотной выписи, данной устюженцам через 30 лет, в 1596/97 г., на посаде насчитывалось всего 210 дворов тяглого населения, из которых было только «7 середних, 115 молодших, а 76 убогих бобыльских дворов и вдовьих». Устюженский посад запустел на 70% [12]. События начала XVII в. не могли способствовать развитию местной экономики. В октябре 1613 г. «литовские люди и татаровя» стояли во всех окрестных селах и деревнях, связанных экономически с Устюжной — в Дуброве, в Тирпицах, в Талищах, в Андоге и пр., где и «посекли многих людей» [13]. В декабре 1614 г. «пришли под Устюжну изгоном полковники Заходьяш Заруцкий и Ясетцкий, а с ними многие литовские люди» [14]. Устюжне пришлось спешно вооружаться, так как в ней, удаленной от внешних границ, «ни острогу и никой крепости» не было. Острог был быстро сооружен и дважды спас устюженцев от окончательного разорения при вражеских набегах. Но и этот, сравнительно благополучный, исход не предотвратил дальнейшего запустения посада. Когда в 1619 г. был произведен дозор, то на посаде оказалось всего 16 тяглых и 27 бобыльских дворов. Разброд населения и обстоятельства военного времени привели к упадку и торговлю и промыслы. По сотным выписям XVI в. видно, что в Устюжне торговля была развита довольно широко, здесь собиралось в год 130 руб. таможенных доходов. На посаде в конце XVI в. было 92 лавки и 7 амбаров. Среди посадского населения насчитывалось 34 кузнеца, 66 молотников, 23 плотника, 13 хлебников, 10 шляпников и затем еще 99 других ремесленников, обслуживавших нужды местных и приезжих людей [15]. Интервенция нарушила торговые связи. Неизвестный автор «Сказания о нашествии поляков на Устюжну Железопольскую» отмечает: «Прибылых же людей на Устюжне в то время не бе ниоткуду ни единаго человека» [16]. Сношения с городами Замосковья были затруднены. Новгород находился в руках шведов. И хотя оттуда иногда приезжали торговые люди, но, во-первых, число их было незначительно, во-вторых, к ним подозрительно относились власти: «Слух наш дошел,— писали из Москвы на Устюжну в марте 1613 г.,— что многие дворяне, и дети боярские, и стрельцы, и казаки, и торговые и всякие люди приезжают к вам на Устюжну из Великого Новогорода и из иных

---

[12] П. П. Смирнов. Города Московского государства в первой половине XVII века, т. 1, вып. 2. Киев, 1919, стр. 97.

[13] ДАИ, т. II, № 14.

[14] Там же, № 28.

[15] Н. Д. Чечулин. Города Московского государства в XVI веке. СПб., 1889, стр. 75.

[16] РИБ, т. II, стлб. 796.

городов, которые ныне за грехи всего православного христианства за немцы и за Литвою, да быв на Устюжне, и опять в те же городы отъезжают...» Поэтому предписывалось брать таких людей в съезжую избу, допрашивать их и всячески остерегаться «для смуты и лазутчества» [17]. Под страхом казни и конфискации имущества запрещалось ездить в города, занятые неприятелем, а торговые связи у устюжан были преимущественно с Новгородской областью. Падала торговля, прекращался приезд иногородних, хирели и промыслы, обслуживавшие рынок. И когда правительство в 1615 г., очевидно, по прежней практике, заказало устюженским кузнецам изготовление самопалов, воевода ответил, что «уезд весь запустел, железа не дмут и уголья не жгут... и от того де самопального дела кузнецы розбрелися розно, потому что им по той цене делать невозможно. Только де осталось ныне на Устюжне три человека и те де достальные кузнецы сидят в тюрьме» [18]. Посад запустел почти совершенно. Однако как только возобновились торговые сношения, и через Устюжну вновь стали проходить возы торговых людей, начал оживать и посад. Правда, состав его населения был уже не совсем прежним. Посадские люди, возвращавшиеся на прежние места, становились тяглецами неохотно, стремились «заложиться» за «сильных людей» и за монастыри. Уже в 1616 г. в ответ на челобитную устюженцев велено было возвратить на посад всех закладчиков посадских людей, взыскав с тех, за кого они заложились, неуплаченные ими подати за все время [19]. Все же закладничество продолжалось, а на то смотря, «достальные посадские люди от продажи и от насильства... брели врознь» [20]. Вновь запустелые места с восстановлением торговли стали заселяться новыми людьми, не связанными прочно с Устюжной или принадлежавшими к другим сословным группам. Земский целовальник Алексей Тарутин жаловался, что дворяне и дети боярские Бежецкого верху и Новгородского уезда скупают у посадских людей их дворы, «а те де посадцкие люди, продав свои дворы, збродят безвестно» [21]. На посад же переселялись владельческие и монастырские крестьяне и иногда из далеких сравнительно мест. В 1611/12 г. Нефед Иванов, мельник, поселившийся в Устюжне, просил о возвращении его в село Пушкино, откуда он «сбрел на Устюжну з женою и з детьми от литовского разорения» [22]. Два крестьянина инокини царицы Дарьи, одной из

[17] Разр. кн., № 1, лл. 91—92.
[18] Там же, лл. 172—173.
[19] Там же, л. 321 об.
[20] Там же, лл. 304—305.
[21] Там же, л. 151.
[22] Там же, лл. 334—335.

жен Ивана IV, купили дворы у посадских людей «и живут в тех своих дворах и владеют по купчим»[23]. Таких сведений для двух первых десятилетий после интервенции документы дают много. Новопришельцы не вступали в посадскую общину, а обычно жили за кем-нибудь, и при попытках включить их в посадское тягло часто покидали посад или уходили под защиту своих сильных покровителей. Так, в 1619/20 г. один из поселенцев появился впервые на Устюжне в качестве кабацкого и таможенного откупщика, а перед этим «он был в казаках, и ис казаков отстав, был в вольных, а после откупу жил на Устюжне за царицею Дарьею, в вотчине в селе Микифорове». По отпуску царицы Дарьи он перешел «жить во крестьяне» к Илье Наумову. И напрасно посадские люди били на него челом. Из Москвы подтвердили, что он тяглу «не крепок», т. е. хотя «жил в бобылях, да на время из найму потому, что он человек вольной, где похотел, тут почал жить, или во крестьянех кому порядился жить»[24]. Новопришельцы — люди бывалые, энергичные, подвижные и в большинстве случаев связанные с торговлей. А что число их было значительно, показывает общее челобитье посадских людей 1618 г. о возвращении на посад 46 человек, заложившихся за грамотчиков. «А сходились те люди на Устюжне,— пишут челобитчики,— из розных городов со 109 г. по 126 г., а иные устюженцы посадцкие люди старинные, на Устюжине и родились...»[25].

Приток новых посадских людей и возвращение на покинутые места старых шел довольно интенсивно, и к 1626 г. Устюжна значительно оправилась. Писцы, производившие в этом году описание посада, написали в Устюжне 178 тяглых дворов, а вместе с тем отметили и 100 нетяглых дворов, которым «для бедности тягло давать немочно»[26]. Наследие интервенции еще сказывалось, но посад рос довольно интенсивно, правда не без помощи административных мероприятий, которыми возвращались посадские люди в тягло.

С приходом населения стали постепенно восстанавливаться и промыслы и торговля. О последней можно составить себе представление лишь по устюженским таможенным книгам, самая ранняя из которых датируется годом последнего описания. Следовательно, по этим книгам можно получить картину устюженской торговли уже в то время, когда посад в некоторой степени окреп. До каких размеров снизились торговые операции устюжан в период интервенции и как они восстанавливались в первые годы после нее, мы не знаем.

[23] Там же, лл. 872—873.
[24] Там же, лл. 586—587.
[25] Там же, лл. 316—320.
[26] П. П. Смирнов. Указ. соч., стр. 97.

II

При изучении таможенных книг Устюжны прежде всего возникает вопрос: сохранила ли она свое значение как центр средоточия торговых путей, о которых говорилось выше, насколько значителен был проезд через нее торговых людей, тянувшихся со своими товарными обозами из различных более или менее крупных торговых центров к западной границе. Таможенные книги регистрируют проезжих, с которых взимались «проезжая пошлина и задние колачи» по $5^1/_2$ денег с воза (см. табл. 1).

Таблица 1

Проезд через Устюжну Железопольскую

Торговые люди	1627 г. февраль—август		1629/30 г.		1638/39 г.	
	явки	возы	явки	возы	явки	возы
Новгородцы	5	40	3	12	4	31
Ладожане	2	12	7	62	5	82
Олончане	1	2	6	23	2	17
Тихвинцы	3	30	12	80	12	128
Новоторжцы	2	7	—	—	—	—
Каргопольцы	—	—	4	18	—	—
Белозерцы	4	17	1	1	2	3
Вологжане	4	45	10	90	6	34
Пошехонцы	—	—	1	6	1	6
Костромичи	2	4	1	4	4	35
Ростовцы	—	—	4	16	1	8
Ярославцы	1	4	4	19	6	80
Романовцы	1	1	1	6	1	5
Борисоглебцы	—	—	—	—	2	11
Рыбинцы	—	—	1	13	—	—
Угличане	7	27	5	18	18	137
Бежечане и городчане	1	1	1	3	3	33
Моложане	—	—	1	10	—	—
Заонежане	—	—	1	3	—	—
Нижегородцы	—	—	1	3	—	—
Москвичи	2	3	7	64	7	56
	35	193	71	451	74	666

По табл. 1 можно наметить, во-первых, границы района, который охватывался этими путями и, во-вторых, интенсивность движения. Конечными пунктами будут Новгород, Тихвин,

Ладога, Олонец на западе, Каргополь на севере, Вологда на востоке, Кострома, вернее Ярославль, и та часть пути к Архангельску, которая находилась между Ярославлем и Москвой на юге. Отсюда с разных концов стягивались к Устюжне груженые товарами обозы, сопровождавшиеся торговыми людьми и их приказчиками, и проходили дальше из Тихвина в Москву, Ярославль и обратно, из Ярославля и Вологды в Тихвин и т. д. Это были то отдельные подводы в 1—2 лошади, то значительные транспорты, насчитывающие до 30 лошадей. Этот приток проезжего люда был важен для устюженцев. Нередко такие торговые люди закупали здесь товар или распродавали часть своего. Об этих закупках дает представление табл. 2:

Таблица 2

Явка денег иногородними в Устюжне на покупку товара

Торговые люди	1627 г. (февраль—август)		1629/30 г.		1638/39 г.	
	явки	сумма	явки	сумма	явки	сумма
Новгородцы	4	11 р.	2	14 р.	—	—
Олончане	—	—	1	21 р.	3	24 р.
Тихвинцы	—	—	—	—	2	7 р.
Новоторжцы . . .	1	$6^1/_2$ р.	1	4 р.	1	12 р.
Вологжане	1	$1^1/_2$ р.	1	30 р.	—	—
Ярославцы	—	—	2	130 р.	3	190 р.
Романовцы	—	—	1	7 р.	—	—
Угличане	12	82 р. 80 к.	2	161 р.	4	34 р.
Тверичи	1	1 р.	—	—	—	—
Осташковцы	—	—	2	37 р.	1	27 р.
Кашинцы	1	8 р.	—	—	—	—
Бежечане и городчане	2	11 р.	3	54 р.	1	9 р. 75 к.
Костромичи	—	—	1	80 р.	—	—
Моложане	—	—	—	—	1	10 р.
Москвичи	1	9 р.	1	$8^1/_2$ р.	—	—
	23	131 р. 80 к.	17	546 р. 50 к.	16	313 р. 75 к.

Размеры закупок, сравнительно незначительные, могут найти объяснение в одной особенности Устюжны как посада. Это был посад без уезда. Для более позднего времени сохранилась жалоба устюженского таможенного головы новоторжца Юрия Владимирова. Он писал: «И в нынешнем во 154 году при-

езду торговым людем с товары: с солью и с иными товары к Устюжне нету, а которые, государь, люди и приезжают з деньгами для железного товару, и оне покупают товары по волостем и по деревням и Углецком уезде версты по две и по три и по пяти, и по шти от Устюжны, и нам, сиротам, твоей государевой таможенной пошлины не платят, отказывают: покупаем де товары не на Устюжне, в Углецком уезде. А Устюженково, государь, уезду нет никольки...»[27]. Следовательно, можно предполагать, что фактическая закупка товаров была несколько больше, чем это представляется по записям таможенных книг. По табл. 1 и 2 мы видим, что район, с которым был в той или другой мере связан устюженский торг, был довольно широк. Правда, далеко не все указанные в них люди принимали участие в торговле на самом Устюженском посаде в качестве продавцов своего товара. Если отбросить единичные явки, которые могут быть случайными, то постоянными участниками устюженского торга будут сами устюженцы, угличане, белозерцы, вологжане, новгородцы, ярославцы, бежечане и городчане, причем только первые три группы принимают относительно значительное участие в нем (см. табл. 3).

Таблица 3

Участие устюженцев и иногородних в торговле Устюжны

Торговые люди	1627 г. (февраль—август)		1629/30 г.		1638/39 г.	
	явки	% к сумме торга	явки	% к сумме торга	явки	% к сумме торга
Устюженцы	116	59,1	295	60,8	135	54,4
Угличане	60	13,7	75	9,3	74	15,7
Белозерцы	45	13,9	93	11,1	21	9,5
Вологжане	6	5,4	18	9,2	10	10,9
Новгородцы	9	1,1	8	0,8	9	1,8
Ярославцы	3	2,4	3	1,3	4	1,2
Бежечане	7	1,2	24	1,8	10	1,8
Прочие	11	3,2	13	5,7	10	4,7

Чтобы получить более полное представление о характере торговых связей Устюжны с иными посадами, обратимся к рассмотрению операций участников торга, начав с хозяев посада —

[27] ПДСЛ, 1645 г., д. 67, л. 417.

устюженцев. Рассматривая явленные ими товары, мы можем наметить несколько особых групп. Устюженцы доставляли в Устюжну одежду, обувь, шорные изделия, всякие товары домашнего и ремесленного обихода, иноземного и иногороднего происхождения, как иголки, портновский приклад, пряности, цветные металлы и проч. Это первая группа товаров. Второе место по количеству явок занимают крицы, т. е. железо. Третье место принадлежит рыбе (соленой, вяленой, свежей) и четвертое — продуктам сельского хозяйства и охоты (пенька, кожи, меха, мед, воск). Здесь представлен по существу весь ассортимент торговли Устюжны (табл. 4).

Этот ассортимент дополнялся, так сказать, по специальности представителями других уездов. Наиболее близким по характеру к устюженскому является торг угличан. Здесь те же товары, но в значительно уменьшенном размере. Угличане почти не привозили в Устюжну каких-либо иных продуктов, что резко отделяло бы их как поставщиков от устюженцев (табл. 5).

Гораздо в большей степени резко выраженным был торг белозерцев. Здесь мы видим только 3 основных товара: соль, рыбу и крицы. В «разные товары» включены продукты сельского хозяйства и щепной товар, славившийся далеко за пределами Белозерья, кирилловские деревянные ложки и некоторые другие товары (см. табл. 6).

Еще более резко выражена торговая специальность вологжан. В их явках фигурирует почти исключительно соль; кирилловские ложки, доставленные одним из вологодцев, очевидно, случайность. А тихвинский уклад вологжанин Второй Иванов продал проездом из Тихвина в Вологду (см. табл. 7).

Специалистами по другим товарам были торговые люди, проезжавшие из Бежецкого Верха и Городецка. Здесь основными товарами были лук, чеснок, сита, решета, лукошки, лапти, рогожи (см. табл. 8).

В отношении продажи лука и чеснока с ними конкурировали изредка появлявшиеся в Устюжне ростовцы, которые с этим товаром проезжали и дальше к Тихвину.

Постоянным товаром крестьян Новгородского уезда были только крицы, пенька, рыба (см. табл. 9).

Если бы количество этих продуктов было больше, то получилась бы такая же картина, какую дали явки крестьян Угличского уезда.

Последний из намеченных нами пунктов — Ярославль. Отсюда шло главным образом мыло в соединении с различными другими товарами (см. табл. 10).

Но ярославцы были сравнительно редкими гостями в Устюжне. Гораздо чаще туда ездили устюженцы.

Таблица 4

Торговля устюженцев посадских людей и крестьян

Товары	1627 г. (февраль—август)		1629/30 г.		1638/39 г.	
	явки	сумма	явки	сумма	явки	сумма
Разный товар, преимущественно привозной (одежда, обувь, выделанные кожи, свинец, портновский и сапожный приклад, щепной товар и пр.)	39	698 р. 80 к.	49	1366 р.	36	1056 р. 50 к.
Рыба	23	128 р. 87 к.	51	187 р. 60 к.	36	249 р. 78 к.
Рыба в соединении с другими товарами	5	47 р. 60 к.	11	87 р.	4	44 р. 39 к.
Курицы	29	119 р. 75 к	90	333 р. 49 к.	34	203 р. 68 к.
Сельскохозяйственные продукты, воск, мед, кожи, меха	13	38 р. 70 к.	62	357 р. 40 к.	13	66 р.
Соль	4	29 р. 50 к.	7	127 р.	3	58 р.
Прочие	3	19 р.	20	74 р. 27 к.	9	32 р. 42 к.
Присошки и сохи	—	—	5	34 р. 60 к.	—	—
Итого	116	1082 р. 22 к.	295	2567 р. 36 к.	135	1710 р. 77 к.

Таблица 5

Торговля угличан и моложан

Товары	1627 г. (февраль—август)		1629/30 г.		1638/39 г.	
	явки	сумма	явки	сумма	явки	сумма
Крицы	37	101 р. 87 к.	59	188 р. 75 к.	30	187 р. 17 к.
Рыба	1	6 р. 75 к.	2	3 р.	13	49 р. 20 к.
Рыба в соединении с другими товарами (уклад, топоры, точила, пенька, хмель и пр.)	4	17 р.	2	5 р.	4	31 р.
Разный товар (одежда, обувь, рукавицы, шапки и пр.)	2	27 р. 50 к.	4	132 р. 75 к.	11	95 р. 50 к.
Мыло, щепной товар, воск, москотильный товар	4	27 р. 50 к.	2	15 р.	1	10 р.
Соль	3	22 р.	2	17 р.	1	15 р.
Соль в соединении с другими товарами	2	14 р. 50 к.	—	—	—	—
Сохи и присошки	3	8 р. 75 к.	—	—	1	9 р.
Продукты сельского хозяйства	4	14 р. 75 к.	3	29 р.	8	65 р.
Разные	4	11 р. 75 к.	2	6р.	12	27 р. 68 к.
Итого	64	251 р. 37 к.	76	396 р. 50 к.	81	489 р. 55 к.

Таблица 6

Торговля белозерцев

Товары	1627 г. (февраль—август)		1629/30 г.		1638/39 г.	
	явки	сумма	явки	сумма	явки	сумма
Крицы	26	100 р. 65 к.	69	217 р. 75 к.	13	83 р. 60 к.
Рыба (иногда в соединении с другими товарами) .	3	4 р.	10	76 р. 26 к.	2	9 р.
Соль	13	142 р. 50 к.	11	163 р. 50 к.	5	206 р. 30 к.
Разный товар .	3	8 р. 50 к.	3	9 р. 25 к.	1	50 к.
Итого . .	45	255 р. 65 к.	93	466 р. 76 к.	21	299 р. 40 к.

Таблица 7

Торговля вологжан

Товары	1627 г. (февраль — — август)		1629/30 г.		1638/39 г.	
	явки	сумма	явки	сумма	явки	сумма
Соль	6	99 р.	16	320 р.	8	325 р.
Соль в соединении с другими товарами (одежда, оконницы, рогожи и пр.)	—	—	2	68 р.	—	—
Ложки кирилловские	—	—	—	—	1	2 р. 50 к.
Тихвинский уклад . .	—	—	—	—	1	15 р.
Итого . . .	6	99 р.	18	388 р.	10	342 р. 50 к.

Таблица 8

Торговля бежечан и городчан

Товары	1627 г. (февраль—август)		1629/30 г.		1638/39 г.	
	явки	сумма	явки	сумма	явки	сумма
Лук, чеснок, яблоки, огурцы, сита, решета, веревки . . .	4	8 р. 75 к.	20	62 р. 75 к.	4	16 р. 60 к.
Рогожи и лапти .	—	—	3	11 р.	—	—
Мелкий москательный товар, мыло . .	—	—	1	3 р.	1	3 р.
Мед	1	1½ р.	—	—	—	—
Рыба (свежая) . .	2	13 р.	—	—	—	—
Хмель	—	—	—	—	3	10 р.
Соль	—	—	—	—	2	27 р.
Итого . .	7	23 р. 25 к.	24	76 р. 75 к.	10	56 р. 60 к.

Таблица 9

Торговля новгородцев

Товары	1627 г. (февраль—август)		1629/30 г.		1638/39 г.	
	явки	сумма	явки	сумма	явки	сумма
Соль	1	10 р.	—	—	—	—
Пенька	1	60 к.	1	6 р.	—	—
Рыба	1	40 к.	1	1 р.	6	36 р. 50 к.
Кожи и меха	1	1 р. 80 к.	—	—	2	13 р. 50 к.
Крицы	5	8 р.	6	24 р.	1	6 р. 30 к.
Итого . .	9	20 р. 80 к.	8	31 р.	9	56 р. 30 к.

Таблица 10

Участие ярославцев в торговле Устюжны Железопольской

Товары	1627 г. (февраль — август)		1629/30 г.		1638/39 г.	
	явки	сумма	явки	сумма	явки	сумма
Уклад	1	22 р.	—	—	—	—
Мыло, воск	1	9 р. 50 к.	—	—	—	—
Мыло, свечи, одежда, рукавицы и пр.	—	—	1	20 р.	1	17 р.
Мыло	—	—	2	35 р.	—	—
Рожь	1	12 р.	—	—	3	21 р.
Итого . . .	3	43 р. 50 к.	3	55 р.	4	38 р.

Из других пунктов, явки товаров из которых разбросаны по всем книгам в одном-двух случаях, отметим следующие: из Каргополя привезена соль (1638 г.), из Москвы — «посуда муравленая», из Пошехонья — уклад, рыба, топоры и кожи (одна явка), из Нового Торга (Торжка) — пчелы (т. е. ульи), сапоги, рукавицы новоторжские, из Олонца — уклад, из Романова — лук, чеснок, из Тихвина — рыба и уклад.

III

Так намечается довольно точно тот район, откуда стягивались в Устюжну товары. Но количество их и дальнейшее движение было совершенно разным. Чтобы составить некоторое представление о количественной стороне торга, обратимся к данным о торговле отдельными товарами. Начнем с продуктов сельского хозяйства и прежде всего с хлебных. Зерно в оптовой продаже на Устюжне почти совершенно не отмечается. Единичные привозы из Ярославля и вообще из Среднего Поволжья только еще больше подчеркивают его отсутствие. Только в 1638 г. было привезено 95 четвертей из Ярославля и Романова. Случайна доставка пшеницы. В несколько больших количествах появляются на рынке лук, чеснок, хмель и продукты животноводства, из которых следует прежде всего отметить сырые кожи. Этот товар предназначался не для местной обработки. В Устюжне в XVI в. писцовая выпись отметила всего одного

сыромятника и одного кожевника. Очевидно, этот товар вывозился (см. табл. 11):

Таблица 11

Торговля кожами и овчинами

Годы	Кожи яловичные	Опойки сырые	Овчины
1627	10	36	3
1629/30	56	56	14
1638/39	35	—	2

В сравнительно больших количествах отмечается поставка меда. По-видимому, вообще пчеловодство было развито в крае, так как на рынке в одном случае появились в качестве товара и «4 пчелы» (т. е. 4 улья), привезенные в Устюжну на продажу новоторжцами (см. табл 12).

Таблица 12

Торговля медом и воском

Годы	Мед					Воск	
	в пудах	в черепах	в бадейках	в кадочках	в кринках	в пудах	в кругах
1627	51 $\frac{1}{2}$	4	9	—	—	18 п. 27 1/2 ф.	—
1629/30	153	4	25	8	1	13 п. 20 ф.	3
1638/39	29 $\frac{1}{4}$	—	—	—	—	48 п. 10 ф.	—

Из других продуктов сельского хозяйства следует отметить только привоз пеньки. Незначительное число явок за 1627 и 1638/39 гг. (5 и 2) корректируется записями 1629/30 г., когда было доставлено 3 воза пеньки, и 1640/41 г. Очевидно и этот товар стягивался в Устюжну для перепродажи его дальше.

Устюженцы, несмотря на то, что земля у них была «худа», крепко держались за пашню. Но характерным для округи были «леса на мшаринах» и «болотах», где жители и занимались охотничьими промыслами и лесными в собственном смысле слова. Поэтому на рынке мы часто видим устюженцев и неустюженцев (живших в околопосадных волостях) с пушным товаром. Перечень его дает возможность установить предметы охо-

ты. Это лоси, куницы, норки, лисицы, белки, выдры, рыси, бобры горностаи и др. (см. табл. 13).

Таблица 13

Торговля пушным товаром

Годы	Лосиные кожи	Куницы и недокуни	Выдры	Хорьки	Рыси	Медведи	Лисицы	Норки	Белки	Волки	Бобры	Горностаи	Зайцы
1627	11	6	3	4	1	1	—	14	—	—	—	—	—
1629/30	83	29	19	3	—	—	15	25	144	1	—	3	2
1637/38	—	12	4	1	—	1	2	7	—	—	1	—	50

Все же продукты сельского хозяйства и охоты не были характерны для Устюжны. Гораздо большее значение в ее торговле имела рыба. У посадских людей были рыбные ловли. Рыбные ловли были и в соседних монастырских хозяйствах. Рыба сушеная, вяленая, соленая свозилась в Устюжну из волостей Угличского, Белозерского, Новгородского уездов. Рыба привозилась в бочках, чанах, просто на возах (см. табл. 14). Торговля ею была развита довольно широко, а отметки о проезде возов с рыбой позволяют предполагать и вывоз ее из Устюжны.

Таблица 14

Торговля рыбой

Годы	Чаны	Бочки	Кадочки	Бураки	Возы	Чети и другие меры	На деньги	Штуками
1627	1	55	—	—	8	1 и 1 вязанка	—	—
1629/30	120	61 $^1/_2$	7	21	60	—	—	2177
1638/39	69	41 $^1/_2$	9	—	34 1/2	20	10 р.	1396

Развитие рыбного промысла привело к появлению на рынке и другого товара — соли, поставщиками которой, наряду с устюженцами, были, как мы видели, вологжане (см. табл. 15 и 16).

Наиболее характерным для Устюжны был, несомненно, торг кричным железом. В болотах Белозерского, Новгородского, Угличского уездов так называемая болотная железная руда добывалась крестьянами. Устюжна славилась своим железом.

Таблица 15

Привоз соли

Годы	Количество			Стоимость
	рогожи	возы	меха	
1627	73 1/2	66	2	353 р. 15 к.
1629/30	176	67	11	906 р. 40 к.
1638/39	30	92 1/2	80	858 р. 57 к.

Таблица 16

Торговля солью

Единицы измерения	Годы	Явки	Стоимость	Колебание цен
Рогожа	1627	15	174 р. 50 к.	1 р. 92 к.— 5 р.
	1629/30	19	341 р. 50 к.	3 р.— 5 р.
	1638/39	3	66 р.	5 р.— 6 р. 66 к.
Воз	1627	8	83 р.	1 р. 50 к.— 4 р.
	1629/30	8	176 р.	2 р. 50 к.— 4 р. 22к
	1638/39	6	264 р. 80 к.	3 р.— 3 р. 95 к.
Мех	1627	1	4 р.	2 р.
	1629/30	2	18 р. 50 к.	2 р. 33 к.— 2 р. 87 к.
	1638/39	9	308	3 р.— 5 р. 55 к.

Кричное железо — это первичная обработка добытой руды, из которой получается железная масса, пропитанная шлаком. Она должна была подвергнуться последующей обработке, но эту обработку производили уже кузнецы, получавшие по-видимому, то железо, которое называлось «опарошным». В 1630/31 г. в Устюжну был прислан Петр Тимофеевич Пушкин для государева решеточного дела. Чтобы сдать заказ устюженским кузнецам на решетки, он предварительно произвел 3 опыта: велел приготовить одну решетку из готового опарошного железа, вторую из уже выкованных ранее железных полос и третью из криц. «Куплено у посацково человека у Петрушки Терентьева 30 криц. Дано за десяток по 13 алт.

Таблица 17

Железо в крицах

Годы	Устюженцы		Угличане		Белозерцы		Новгородцы и проч.		Всего за год	
	количество криц	стоимость	количество криц	стоимость	количество криц	стоимость	количество криц	стоимость	количество криц	стоимость
1627 (февраль — август)	4016	119 р. 75 к.	3932	101 р. 87 к.	4183	100 р. 65 к.	390	8 р.	12521	330 р. 27 к.
1629/30	10851	339 р. 49 к.	7299	188 р. 75 к.	10435	217 р. 75 к.	1050	24 р.	29635	762 р. 99 к.
1638/39	5115	203 р. 68 к.	5908	189 р. 17 к.	2600	83 р. 60 к.	195	6 р. 30 к.	13818	482 р. 75 к.

Таблица 18

Торговля одеждой и шапками

Годы	Одежда				Шапки				
	шубы бараньи, кафтаны шубные и др.	кожаны замшевые	кожаны овчинные	зипуны	шапки с опушкой или на меху	без подробного обозначения	колпаки	шляпы	такие же товары на деньги без перечисления
1627	38	—	—	4	113	125	514	—	—
1629/30	68	1	6	15	238	86	556	17	—
1638/39	5	7	—	—	—	82	110	—	55

по 2 д... И те крицы плавили в двух горнах Овдокимко укладник, да Олешка да Ондрюшка Алексеевы, да 6 человек молотников... И ис тех криц выплавилось 10 криц... И ис тех плавленых криц ковали...»[28]. Из трех необработанных криц, следовательно, выходила одна годная для ковки. Вот эти-то крицы и привозились на продажу в Устюжну. Количество их довольно значительно, хотя низкая цена и не давала крупного денежного выражения. (см. табл. 17).

П. Т. Пушкин платил за крицу 4 коп.

Рыба и связанная с нею соль, отчасти пушнина и пенька и главным образом крицы — вот наиболее характерные товары для местного производства. Все остальные, к которым сейчас необходимо будет обратиться, — это товары привозные.

Одежда — это обычно шубы бараньи, кафтаны шубные, кожаны замшевые, зипуны, полукафтанья; иногда — нарядные полукафтанья и женское платье, сермяжные зипуны и пр. большого, а также и малого размера, предназначенные, очевидно, для детей — подростков и т. д. В большом количестве привозятся шапки мужские и женские, украшенные бобровым или козьим пухом, на мерлушках, лисицах, куницах. Один раз была привезена даже шапка английская с бобровым пухом (см. табл. 18).

Очевидно, значительная потребность населения Устюжны и связанных с нею уездов удовлетворялась домашним путем или на заказ. Поэтому в большом количестве привозится «приклад» самого разнообразного ассортимента и назначения. Здесь и приклад в собственном смысле, и иглы, булавки, пряжки и «бумага шитая». Выяснить стоимость товаров невозможно, ибо они всегда отмечаются вместе с другими продуктами (см. табл. 19). Сюда же следует отнести торговлю холстом домотканным, сермяжными сукнами, привозными сукнами, доставлявшимися в сравнительно небольшом количестве в Устюжну. Для вышивок доставлялся шелк, золото и серебро.

Такой же характер, как торговля одеждой, имела и торговля обувью (табл. 20).

Причем и здесь в некотором количестве поставлялся на рынок сапожный приклад в виде гвоздей и подпятных скоб (табл. 21).

В значительных количествах поступали белая кожа, хозовая кожа, на подметки, готовые подметки, лоскут и т. п. (табл. 22).

В значительном количестве доставлялись на рынок рукавицы кожаные, вязаные, так называемые деяницы и вареги (табл. 23).

---

[28] Гор. кн. по Устюгу Великому, № 16а, м. 785.

Таблица 19

Торговля портновским прикладом

Годы	Нашивки			Гарус			Мошны и мешочки	Тесьма в портищах	Завязки	Ирхи и ровдуги	Покромки	Пуговицы			Иглы			булавки	Пряжки и крючки	Бумага питая
	в портищах	числом	аршинами	плетеный в аршинах	плетеный в фунтах	гойтаны						счетом	на бумажках	в портищах	колодками	счетом	на бумажках			
1627	45	379	90	2309	2	560	294	16	10	223	48	1340	6	40	13	400	—	500	18	4 1/2 ф.
1629/30	564	200	—	4700	—	770	560	9	—	425		1612	23	93	33	1370	2	2650	100	6 ф.
1638/39	85	50	—	900	—	300	—	—	—	85		500	3	4		650	—	—	—	5 ф.

Таблица 20

Торговля обувью

Годы	Обувь в хозах	Сапоги муж. и жен.		Сапоги притачки	Сапоги «маля»	Калиги и уледи	Башмаки и уледи	Башмаки
		числом	на деньги					
1627	29	171		29	43	160	70	—
1629/30	—	316		59	52	120	30	8
1638/39	—	219	25 р.	—	46	—	—	—

Таблица 21

Торговля сапожным прикладом

Годы	Гвозди подпятные	Гвозди скобяные	Гвозди посошные	Скобы муж. и жен.
1627	10 500	3000	6 кор.	868
1629/30	6 000	9000	5 кор.	340

Таблица 22

Торговля готовой кожей

Годы	Сафьян	Кожи телятинные, конины, яловичные, выделанные в красную, белую и полубелую			Хозовая кожа и подошвы в кожах	Переды, пар	Подметки			Подплаты		Лоскут и урезки
		кожи	полу-белые	юхти			штук	пар	на деньги	штук	на деньги	
1627		35	41	9	96	—	8	75	1 1/2 р.	4	30 к.	2 р. 50 к.
1629/30	2 юфти	32	6	25 $^1/_2$	23	30	14	197	—	—	—	—
1638/39		54	—	21 $^1/_2$	121	—	—	16	—	—	—	50 к.

Таблица 23

Торговля рукавицами

Годы	Рукавицы барановые и уресковые	Вязаные	Деяницы	Вареги
1627	2119	20	60	
1629/30	3777	15	—	607
1638/39	2119	20	60	248

Рынок не только обувал и одевал потребителя, но доставлял ему и вещи домашнего обихода. Здесь прежде всего следует поставить белозерский и тверской щепной товар (тверские блюда)'. Причем таможенные книги, отмечая явки его, иногда дают и указания на материал, из которого он изготовлен. Это ставцы и блюда липовые, братины и стопы осиновые, плошки ольховые (см. табл. 24).

Таблица 24

Торговля щепным товаром

Изделия	1627 г.	1629/30 г.	1638/39 г.
Ложки деревянные простые и кирилловские	2650	3120	3550
Чумцы, Ковши	393	—	—
Ковши питьи и простые	230	730	100
Блюда, Ставцы, Братины, Солонки	1220		
Ставцы		1120	900
Братины		200	—
Солонки		200	—
Кубышки	100	—	—
Стопы	—	30	—
Чаши	20	—	150
«Кляпики»	20	—	—
Щетки	12	—	—
«Щепи плошя» (деревянные плошки)	90	—	—
Чарки	—	35	—
Ларчики	—	2	—
Ставцы малые	—	12	—

Вместе с этим доставлялось значительное количество рогож, лукошек, сит, глиняной посуды.

Из других товаров отметим шорный товар (узды вологодские), войлок ярославский, топоры олонецкие, ножи ярославские, мыло ярославское и костромское, москательный товар (белила, румяна, сера и проч.), порох и свинец, олово в слитках, медь в полицах и железо немецкое, рыболовные крючки, шила, тверские зеркала, женские украшения (серьги, перстни), пряности (перец), винные ягоды, изюм и, наконец, кресты, ладан и темьян (фимиам). Все эти товары доставлялись в небольших количествах и потреблялись, по-видимому, в значительной своей части местным населением.

IV

От рассмотрения отдельных товаров, продававшихся в Устюжне, перейдем к установлению социального состава торгующих на посаде. К сожалению, отсутствие писцовых и переписных книг по Устюжне за данное время и трудность сравнения записей таможенных книг с переписными книгами других посадов, лишают возможности дать точные показатели. По записям же таможенных книг можно только с известной осторожностью утверждать, что из жителей Устюжны большая часть явок сделана посадскими людьми или крестьянами, жившими на посаде; белозерцы и новгородцы почти исключительно крестьяне, монастырские и частновладельческие, среди угличан большинство крестьяне, но можно предположить частично и посадских людей; вологжане и ярославцы — посадские люди.

Торг был в значительной своей части крестьянским. Бросается в глаза полное прекращение торговли белозерцами и вологжанами с апреля по сентябрь и значительное сокращение числа явок и суммы торга угличан. Крестьянское население Угличского и Белозерского уездов было, очевидно, связано крестьянской страдой и, занятое сбором продуктов своего хозяйства и промыслов, торговало только в осенние и зимние месяцы. Для вологжан был, с одной стороны, невыгоден водный путь и летний на телегах, а с другой стороны, их отсутствие объясняется и особым характером их торговли. Выше уже отмечалось, что вологжане торговали только солью, а соль в Вологде продавалась лишь с первого сентября и в течение месяца. А. А. Савич, изучивший вопрос о соловецкой соляной торговле, отмечает только один раз, как исключение, продажу соли в 1640 г. с 5 февраля по 15 мая [29]. Соль приобреталась на Соловецком подворье и, следовательно, вологжане могли появиться в Устюжне лишь в осенние и зимние месяцы.

Следует отметить изменение характера торга и самих устюженцев: в летние месяцы выступают в большей степени крупные торговцы, привозящие товар большими партиями и на более значительные, чем обычно, суммы. Они пользуются водным путем. Мелких же торговцев гораздо меньше, что заставляет предположить связь и посадского населения с сельским хозяйством (известное наличие «пашенных» людей на посаде).

V

Все приведенные сведения характеризуют лишь торговлю в Устюжне, и таможенные книги позволяют только догадываться о том, откуда доставлялись товары и какие именно и куда шли

[29] А. А. Савич. Соловецкая вотчина XV—XVII вв. Пермь, 1927. стр. 147.

товары устюженского производства. Ответ на этот вопрос дают нам таможенные книги по другим городам, связанным с Устюжной торговыми путями. По Белоозеру до нас дошли книги более позднего времени (1661/62 и 1662/63 гг.). Прочность торговых связей заставляет предположить, что если они существовали в 1660-х годах, то они должны были бы наблюдаться и в изучаемый нами период. Обзор белозерских книг позволяет утверждать, что с Белозерским посадом устюженцы непосредственных торговых связей не имели. Ни одной явки устюженских товаров в Белоозере не зарегистрировано. Объясняется это, по-видимому тем, что состав товаров белозерского торга был точно таким же, как и в Устюжне (рыба, крицы, кожи сырые). Наряду с продуктами местного производства обращались чеснок и лук из Романова, соль (в очень большом количестве), по-видимому, из Каргополя и Вологды. Устюженцам на Белоозеро ездить было незачем. Соль привозилась белоозерцами, очевидно белоозерцами же привозились из Устюжны железные изделия.

Нет устюженцев и в записях таможенной книги Романова, хотя романовцев мы и видели на Устюженском посаде в качестве торговцев. Очевидно, наиболее близкие к Устюжне посады не привлекали внимания устюженских торговых людей-профессионалов. Мелкие же устюженские торговые люди, вернее ремесленники и крестьяне, удовлетворялись своим торгом. Непосредственные торговые связи устюженцев приходится искать в более отдаленных местах, в тех крупных центрах, через которые проходили торговые пути, «пролегшие» и через Устюжну. На севере таким пунктом была Вологда. Книги Соловецкого подворья отмечают устюженцев как покупателей соли. Другим пунктом была Москва. Правда, о торговле устюженцев в Москве мы имеем более поздние сведения из книг Московской большой таможни 7204(1695/96) г., но думается, можно утверждать, что эти связи были не только в XVII, но и в XVI в. Эти записи любопытны тем, что они дают представление о том, какие товары вывозились из Устюжны в столицу.

Можно наметить несколько определенных групп этих товаров. Во-первых, медь и «свицкое» (шведское) железо: 177 кругов медной проволоки, 215 котлов и тазов, 4 котла ветхих, 3 берковца и 3 тюка ветоши медной (медного лома), медная кринка и днища горелой меди, 12 листов зеленой латуни, 81 прут железа. Упоминание о тихвинской выписи указывает, откуда эти товары привезены. Вторая группа товаров — это изделия из железа: 885 сковород блинных и 30 заслонок. Это, очевидно, производство устюженцев.

Третья группа — меха: 60 150 белок чистых, 6500 белок зелени, 108 выдр, 212 лисиц и недолисей (мех лисят), 31 бурая лисица, 8 рысей, 120 горностаев, 4540 зайцев. Это, очевидно, ре-

зультат скупки по всей округе. Точно такой же товар явили крестьяне Олонецкого уезда, где, кроме того, явлено было и «50 рыб лососей простых».

Этот ассортимент очень выразителен. Устюженцы были посредниками между Москвой и Тихвином и в небольшом количестве присоединяли устюженские железные изделия и пушнину.

Третьим пунктом, посещавшимся устюженскими торговыми людьми, был Тихвин. Таможенные книги по Тихвину 1629/30 и 1653/54 гг. дают представление о том, какой товар привозился туда устюженцами. Это портновской приклад, обувь, шорный товар, выделанные кожи, москотильный (галантерейный) товар, продукты сельского хозяйства, изделия из железа, меха, щепной товар. Местные записи показывают, что устюженцы вывозили из Тихвина медь, «свицкое железо». Общий там и тут товар — меха, очевидно, предмет скупки со всей округи. Железные изделия, по-видимому, продукт производства Устюжны. Возникает вопрос, откуда устюженцы брали портновский приклад, москотильный товар и т. п. Ответ на этот вопрос получается из сопоставления записей тихвинской таможенной книги с другими источниками. В таможенной книге по Устюжне 7147 (1638/39) г. имеются две отметки о взятых пошлинах с «3 гонтей плотового лесу». Эти две записи показывают, что устюженцы занимались сплавом леса по Мологе и Волге. Путь этого леса мы можем проследить до Романова. В Романове взимался мыт со всех торговых людей, проезжавших вниз и вверх по Волге. А вместе с тем делались и отметки о том товаре, который провозили торговые люди. Это дает возможность узнать частично, какие товары устюженцы, кроме леса, сплавляли в поволжские города. Вот некоторые из этих записей. «Маия в 7 день. Проплыл Устюжны Железопольской Яким Григорьев. У него в плоте 2 юмы [30] осленику красново лесу, а на нем 10 быков, да кожи. Людей 4 человека, да лотки» [31]. «Того же дни проплыл устюженец Родивон Второв. У него две юмы оследник; людей 5 человек да лотка одновесельная. А на лесу 10 быков да медь полишная и кожи...» [32]. «Маия в 12 день... Проплыл Устюжны Железопольской Тарас Данилов. У нево в кошме [33] оследнику да устюжского тесу 500. А товар на тесу дельное железо да кожи. Людей 5 человек да лотка» [34] и т. д. Всего в 1648/49 г. было зарегистрировано в Романове 4 явки (кроме леса) на сумму, включая и погруженный на лодках товар, 440 руб. и одна явка «гонатей дранишного

---

[30] Юма — новгородское название плотов леса, чаще цепи плотов.

[31] Гор. кн. по Романову, № 2 (5), л. 172

[32] Там же, л. 172 об.

[33] Кошма — небольшой плот леса, обычно дровяного. В кошме 3 сажени дров.

[34] Гор. кн. по Романову, № 2 (5), л. 176.

лесу» без указания цены [35]. Таким образом, и здесь мы видим «медь полишную», что говорит об устюженцах как посредниках между Тихвином и Поволжьем. Но здесь они имели возможность, кроме местного железа, сплавлять скот и лес. Вероятно, предметом торга были и изделия из железа. Эти товары направлялись вероятнее всего в Ярославль, так как только здесь устюженцам выгодно было закупать архангельские товары и товары ярославского производства.

Что вывозили устюженцы из Ярославля, возможно установить только косвенным путем. Счастливая случайность сохранила нам мытную книгу по Романову 7135 (1626/27) г.[36] и устюженскую таможенную книгу того же года. Сопоставляя записи этих двух источников, мы можем проследить движение устюженских торговых людей. Одним из них был Данила Фомин Ведров. 9 марта 1627 г. он в Устюжне являет товары, возвратившись из какой-то торговой поездки на иногородних лошадях. Товар по ассортименту совпадает с тем, какой устюженцы привозят в Тихвин, но только в одной его части. Это — платье, мыло, москательный товар и т. д. Тихвинских товаров у него нет. 15 мая тот же Данило Фомин (фамилия не упомянута, но это, несомненно, одно и то же лицо) проезжает через Романов, где с его товара, оцененного в 90 руб., берут проезжую пошлину. А 12 июня, т. е. через месяц, он вновь появляется в Устюжне с сапожным товаром, кожами, оловом, одеждою, портновским прикладом и т. д., оцененным в 60 руб. Тот же путь проделывает Прокопий Постников Чирков. Немного ранее Ведрова он в Устюжне являет товар, который привез, как и Ведров, на иногородних лошадях: уклад, железо немецкое, свинец, медь (возможно из Тихвина), деревянное масло, одежду и пр., стоимостью 22 руб. Одновременно с Ведровым он выезжает из Устюжны, проезжает через Романов, а затем 4 июня возвращается в Устюжну, привезя войлок, мыло, щепной товар, масло деревянное и др., по-видимому, из Ярославля, на 14 руб. 22 мая на низ едет через Романов Богдан Федоров Голицын с товаром на 36 руб., 7 июня он являет товар в Устюжне на 35 руб., а 3 июля вновь отмечается мытной книгой по Романову проездом на низ с товаром на 8 руб. 20 июля он снова зарегистрирован в Устюжне с товаром (одежда, войлок и др.) на сумму 16 руб. [37]

Если эти товары сопоставить с теми, которые привозились устюженцами в Тихвин, то позволительно заключить, что портновский приклад, рукавицы и т. д. привезены из Ярославля (см. табл. 25 и 26).

[35] Гор. кн. по Романову, № 2(5), л. 176 об. Гонотей — мелкая дранка, иногда гонотеем назывался и плот леса.

[36] Гор. кн. по Романову, № 1 б.

[37] Там же, лл. 55—55 об., 57 об.

Таблица 25

Товар, привезенный из Ярославля устюженцами Ведровым, Чирковым и Голицыным в 1627 г.

Сукно кусков		Одежда						Портновский приклад								Обувь		Рукавицы пар		Сапожный приклад							
сермяжное	сорт не указан	епанчи	шубы	кафтаны шубные	зипуны	полукафтаны	кафтаны холщевые	тесьма портищ	нашивки	гойтаны	ирхи	веревки нашивные	гарус	бумажные нити, фунтов	шапки	сапоги, пар	башмаки, пар	Рукавицы	варежки	скобы	гвозди скобяные	гвозди носковые	гвозди подпятные	гвозди подошвенные	стельки	ступни	чулки
4	1	11	9	5	1	1	3	7	20	200	74	50	500	315	71	65	10	445	206	200	1000	3	4000	60	40	3	2

Шорный товар					Щепной товар					Кожа готовая			Москательный товар		Цветные металлы			Воск и свечи		Прочие				Пшеница	
попоны	ремни	узды	войлок	подпруги ременные	ложки	братины и солонки	блюда и ставцы	ковши	чаши	красная, юфтей	белая, юфтей	сорт не указан	краски, бочек	масло деревянное, фунтов	Проволока медная	олово (в прутах)	кубы медные	воск	свечи	карты	зеркала, дюжин	рогожи	ножи	зерно, четвертей	мука, пудов
20	240	17	15	4	50	220	400	200	20	6	3	на 1 р. 15 к.	3	$1^3/_4$	2 ф	500	2	2 п. 5 ф.	на 2 д.	на 50 к.	9	1	88	$2^1/_2$	5

Таблица 26

Привоз товаров устюженцами в Тихвин

Годы	Портновский приклад					колпаки	Обувь		рукавицы	Шорный товар				убрусы	мыло	свечи	Кожа выделанная					Москательный товар		
	нашивки	гойтаны	мошны	гарус	завязки		сапоги	уледи		войлок	шлеи ременные	шлеи мочальные	хомуты мочальные				белая	красная	коневая	опоек	козлиные	белила, фунтов	краска	не указан
1626/27	200	55	18	200	8	—	32	8	86	5	24	160	—	16	63 косяка и на 1 1/2 р.	на 16 1/2 р.	3 юфти	4 юфти	—	—	—	5	9	—
1653/54	—	—	—	—	—	50	—	—	—	—	—	—	100	—	25 косяков	—	—	1 кожа	—	—	100	—	—	на 36 р.

Годы	Мясо свиное		Мясо говяжье	масло, крынки	Пенька			Изделия из железа				Гвозди		Воск	мед	Меха							Щепной товар			
	туши	пуды	возы		возы	пуды		сохи	присошники	сковороды	горшки	колодки	штуки			недолиси	норки	рыси и недорыси	куницы и недокуни	выдры	хорьки	лоси	блюда	ставцы	ложки	щепной мелкий товар
1626/27	16	—	—	11	1	60 1/2	на 16 р. 50 к.	270	—	570	—	—	—	1 п. 3 ф.	23 бочки	9	64	14	22	14	1	2		350	05	на 4 р.
1653/54	32	30	2	—	4	219 1/2	—	1305	790	600	9	17	31000	—	10 пудов	—	—	—	—	—	—	—	100	—	1 воз	—

Это показывает, что устюженцы посредничали между Ярославлем и Тихвином.

Изучение источников о торговле Устюжны дает возможность сделать следующие выводы:

а) Устюженский посад сравнительно быстро оправился после интервенции.

б) Его положение на большой дороге между Москвой и Тихвином привлекало сюда новое население.

в) Постепенно восстанавливавшаяся хозяйственная жизнь посада и его округи пошла теми путями, какие предопределили развитие Устюжны и ранее как признанного центра железоделательного производства, где сельское хозяйство соединялось с обработкой железа и лесными промыслами.

г) Для этой небольшой округи сама Устюжна являлась торговым центром, стягивавшим к себе продукты ремесленного труда, рыбу, продукты сельского хозяйства и охоты.

д) Положение Устюжны на большом торговом пути связывало ее с далекими сравнительно центрами, и устюженцы, торговые люди, доставляя туда товары местного производства, совершали значительные торговые операции, связывая Тихвин и Москву, Ярославль и Тихвин и, может быть, Тихвин и Вологду.

П. А. Колесников

ОРГАНИЗАЦИЯ НИЖНЕСУХОНСКИХ НОСНИКОВ В XVII В.

Работные люди речного транспорта — одна из самых крупных категорий наймитов XVII в. Изучение организации труда и положения этой группы трудящихся имеет большое значение для исследования проблемы рынка рабочей силы как одной из важнейших проблем социально-экономического развития Русского государства.

В частности, интерес вызывает вопрос о наличии профессиональных организаций у нижнесухонских носников (речных лоцманов). М. А. Островская в статье «О древнерусском одиначестве» пришла к выводу о возможном наличии у носников своих артелей [1]. А. А. Введенский опубликовал так называемую заодиначную запись 1653 г. нижнесухонских носников о совместном выступлении против судовладельцев и представителей администрации [2]. Н. В. Устюгов привел другой интересный документ — челобитную торговых людей 1668 г. на нижнесухонских и двинских носников [3]. А. А. Введенский в статье «Классовая борьба и «одиначество» в Поморье в XVI—XVII веках» кратко упоминает о наличии «одиначества» у тотемских и устюжских носников [4].

В данной работе рассматривается организация труда на протяжении всего XVII в. наиболее квалифицированной группы

---

[1] М. А. Островская. О древнерусском одиначестве.— «Известия Архангельского общества изучения русского Севера», 1911, № 12, стр. 1022—1029; № 15, стр. 215—220.

[2] А. А. Введенский. Заметки по истории труда на Руси XVI—XVII вв.— «Архив истории труда в России», кн. 3, Пг., 1922, стр. 51—70.

[3] Н. В. Устюгов. Работные люди на Сухоно-Двинском водном пути в первой половине XVII в.— «Исторические записки», № 6, 1940, стр. 190—193.

[4] А. А. Введенский. Классовая борьба и «одиначество» в Поморье в XVI—XVII веках.— «Вопросы истории», 1955, № 5, стр. 116—123.

наемных людей водного транспорта — нижнесухонских носников. Исследование основано прежде всего на данных писцовых и переписных книг Тотемского посада и книг Тотемской таможни. В Центральном государственном архиве древних актов (ЦГАДА) хранится более 40 книг Тотемской таможни за период с 1626 по 1677 г. В них до 1654 г. регистрировались с целью взимания пошлин абсолютно все суда, проходившие мимо Тотьмы в оба направления, а также весь людской состав, проезжавший и обслуживавший транспорты. В этих книгах отмечалось и взимание подоходного налога с заработков нижнесухонских носников, водивших суда между Тотьмой и Устюгом. С введением Таможенного устава 1653 г. было отменено взимание проплавных и проезжих пошлин с судов, подвод и людей. С этого времени в таможенных книгах отсутствуют сведения о движения работных людей [5]. Наличие по Тотьме за XVII в. одной дозорной, двух переписных и трех писцовых книг, а также обширного делопроизводственного и актового материала, позволяет проследить на протяжении столетия судьбы людей, занятых обслуживанием транспорта.

По Сухоно-Двинскому водному пути совершался значительный товарный оборот страны. С открытием навигации и до поздней осени по северным речным путям непрерывно шли суда, а иногда и целые караваны судов с хлебом, солью, рыбой, мехами, кожами, железом, ядрами, оружием и другими отечественными и заморскими товарами. Правительство было заинтересовано в бесперебойном движении транспорта по этому пути, что нельзя не учитывать, когда мы будем рассматривать положение работных людей, обслуживающих его.

Нужно также иметь в виду, что Сухона и Двина для судоходства представляли серьезные затруднения. Особенно трудным был участок на реке Сухоне между Тотьмой и Устюгом, где насчитывалось множество крупных и мелких порогов, так называемых переборов, на любом из которых в маловодье судно могло сесть на мель. Тотьма как бы делила реку на порожистую Нижнюю Сухону и на Верхнюю Сухону, более спокойную для судоходства. Никто из судовладельцев не отваживался отправляться из Тотьмы вниз по реке или из Устюга вверх до Тотьмы без речного лоцмана, хорошо знающего фарватер этой части реки.

Носники специализировались по вождению судов на определенных участках Сухоно-Двинского водного пути. Лоцманы, во-

---

[5] После введения нового устава таможенные головы долго еще вели для себя регистрацию проплывавших судов и работных людей, чтобы оправдаться в случае недобора пошлин. К сожалению, по Тотьме обнаружена только одна такая запись.

дившие суда между Тотьмой и Устюгом, назывались нижнесухонскиминосниками. Были верхнесухонские носники, водившие суда между Вологдой и Тотьмой, а также двинские носники, водившие суда от Устюга до устья Двины.

Все тотьмичи-носники являлись нижнесухонскими лоцманами. Писцовая книга 1676—1679 гг. указывает только на трех тотьмичей верхнесухонских носников [6]. В таможенных книгах фиксировались поименно почти все носники, плававшие на судах по Сухоне между Тотьмой и Устюгом. Отсутствие в них сведений о местожительстве носников удалось восполнить при помощи писцовых и переписных книг, по поручным записям, по списку носников в заодиначной записи от 15 марта 1653 г. и по другим документам. Это позволило выяснить, что в действительности носников было значительно больше, чем указано в писцовых книгах. В каждой таможенной книге только по Тотьме за навигационный период регистрировалось от 40 до 70 нижнесухонских носников, оформлявших наем на суда. Большинство из них нанималось по одному-два раза за весь сезон, но были и такие, которые регистрировались в таможне по 5—10 раз. В 26 таможенных книгах упоминаются фамилии всех носников, что и позволило составить список носников-тотьмичей, как жителей посада, так и крестьян уезда [7] (см. табл. 1). К сожалению, отсутствие нескольких таможенных книг (особенно поименных перечней в книгах с 1646 г. по 1653 г.) не позволило дать более полный список носников. К тому же не удалось выяснить происхождение некоторых нижнесухонских носников.

Всего, таким образом, учтено 33 носника посадских людей и 35 уездных крестьян.

Носники Шумило Синцов, Алексей Добрынин, Григорий Поташин к началу исследуемого периода по разным причинам уже перестали работать носниками. Братья Жуковы, Клим Михеев, Петр Суровцев, Иван Сабуров встречаются как носники и после 1677 г., а Епифан Ожигин, начавший носничать в 80-е годы, становится одним из самых деятельных носников и в 1698 г. подписывает от имени всех носников большое челобитье [8]. Таможенные книги позволяют установить, что фактически носничьим промыслом на участке Нижней Сухоны ежегодно в

---

[6] Писц. и переп. кн., № 482, лл. 229—229 об., 253—233 об., 254—254 об. Возможно, их было больше, но так как с верхнесухонских носников не брался подоходный налог с заработка, то таможня их не регистрировала.

[7] Списки составлены по таможенным книгам за 1626/27—1632/33, 1634/35, 1639/40, 1641/42—1644/45, 1653/54—1657/58, 1662/63—1669/70, 1674/75—1676/77 гг., хранящимся в ЦГАДА, в фонде городовых книг по Тотьме.

[8] ПДСЛ, 1698 г., д. 716.

Таблица 1

Список тотемских носников с указанием количества сезонов их работы

Носники посадские люди	К-во сезонов	Носники из уезда	К-во сезонов
Баев Юрий Тихонов	17	Бакланов Кондратий Васильев	14
Попов Василий Иванов	15	Сельменский Агапит	12
Михеев Клим	15	Лукинский Никита	12
Михеев Сабур	11	Коптяев Карп Ларионов	12
Чекалев Томило	11	Сельменский Василий	12
Жуков Иван Манзырь	9	Коптяев Алексей Федоров	10
Яковлев Тихон	9	Боков Григорий	11
Васильев Томило	9	Коптяев Семен Карпов	10
Попов Яков	9	Севрюков Богдан	10
Сабуров Иван	8	Королев Ларион	10
Жуков Иван Прокуда	8	Дуда Михаил	9
Жуков Яков	8	Кокорев Евдоким	8
Кусков Гаврило Леонтьев	7	Титов Елфим	8
Чекалев Дементий	7	Коренев Логин	8
Микулин Иван	5	Торопов Тимофей	8
Сабуров Сидор	5	Черный Гаврило Иванов	8
Микулин Игнатий	4	Голодов Замятня	8
Суровцев Петр	4	Ярофеев Шумило	8
Игнатьев Василий	4	Королев Зело (Антон)	7
Потанин Василий	4	Ворона Иван	7
Добрынин Алексей	3	Сапожников Михаил	6
Поташин Григорий	3	Боков Иван	5
Жуков Степан	3	Самойлов Веденей	5
Климов Иван	3	Коптяев Афанасий Алексеев	5
Микулин Семен	2	Гаврилов Вахромей	5
Микулин Ларион	2	Лукинский Федор	4
Иванов Пантелей	2	Шора Михаил Алексеев	3
Попов Артемий	2	Коптяев Никита	3
Никитин Гаврило	2	Слаткой Никита	3
Синцов Шумило	1	Карпов Фрол	3
Дюпин Федор	1	Баев Григорий	2
Сухомесов Григорий	1	Агапитов Агафон	2
Микулин Михаил	1	Бакланов Василий	1
		Голодов Иван	1
		Григорьев Семен	1

XVII в. занималось не менее 25—30 тотемских посадских людей и 35 уездных крестьян [9].

В Тотемском уезде выделялся ряд населенных пунктов, где все мужчины были носниками, кормщиками, судовыми ярыж-

[9] Когда потребовалось дать поручную запись на Попова и Михеева, то под нею подписалось 24 тотемских носника (ПДСЛ, 1668 г., д. 266).

ными. Так, из деревень Озерки, Сельменги и других (волость Дмитриев Наволок) вышли носники Юрий и Григорий Баевы, Василий Сельменский с сыном Агапитом и внуком Агафоном, Ларион Коптяев, его сыновья Карп и Савва и внук Фрол, отсюда же Алексей Федоров Коптяев с сыном Остафием, Ларион Королев с сыном Степаном, Михаил Алексеев Шора, Гаврило Иванов Черный, Вахромей Гаврилов и др.[10]. Из Нюксениц отмечены Василий Бакланов и его сыновья Кондратий и Кузьма, а также Никита Лукинский с сыном Федором [11]. Из Окологородной волости был один из инициаторов заодиначной записи, зять носника Василия Попова Замятня Голодов, отсюда же был Логин Козмин Коренев. Из Коченгской слободки известен носник Тимофей Торопов и другие.

Профессия носника приобреталась длительным опытом и передавалась из поколения в поколение. Преемственность носничьего промысла хорошо прослеживается в семье Жуковых. Родоначальник ее Степан Жуков в 30—40-х годах переселился на посад из деревни Горной Старо-Тотемской волости, где за ним в 1646 г. еще числился пустой двор. Его сын Яков Степанов Жуков занимался носничьим промыслом. Это он неудачно нанялся носником к голландцу Вахромею Петрову во время так называемой стачки нижнесухонских носников. Сыновья Якова Степан и два Ивана (одному было прозвище Манзырь, а другому — Прокуда) работали носниками более 20 лет; их дети — также носники.

О заработках носников в первой половине XVII в. исчерпывающий материал дан в работе Н. В. Устюгова, который пользовался не только таможенными книгами, но и книгами ямских отпусков Устюга Великого [12].

Оплата труда носников на участке Устюг — Тотьма зависела от направления (на судах, идущих вверх, платили дороже), от размеров судна, от времени года; при караванном следовании судов головной носник получал более высокую оплату.

Книг ямских отпусков Тотемского яма не сохранилось. Для изучения заработков носников во второй половине века можно использовать лишь таможенные книги. По этим источникам средний заработок за одну поездку выяснить невозможно, потому что большинство записей объединяет наем нескольких носников и на разные суда. Но принципы оплаты в зависимости от направления поездки, величины судна, времени года и опытности носника оставались в силе. Можно заметить, что в целом

---

[10] Писц. и переп. кн., № 480, л. 399; № 15049, лл. 56 об.— 57; № 484, лл. 545—546, 550—551; ПДСЛ, 1655 г., д. 30 и др.

[11] Писц. и переп. кн., № 15049, л. 55 об.; № 484, лл. 475—476.

[12] Н. В. Устюгов. Работные люди на Сухоно-Двинском водном пути в первой половине XVII в., стр. 171.

оплата труда носников до 80-х годов повышается. Если в 1635/36 г. высокая оплата за поездку на дощанике от Устюга до Тотьмы составляла 8 руб. 25 алт., в 1642/43 г.— 12 руб., то в 1655/56 г. она доходила до 14 руб., а в 1677 г. за вождение дощаника с павозком в августе платили от 30 до 33 руб.[13]

Таблица 2

Заработок тотемских носников за 7164 (1655/56 г.)

Носники	Местожительство	Количество поездок	Размер заработка за сезон
Жуков Яков (Степанов Яков)	Тотьма	12	75 р. 17 алт. 2 д.
Коптяев Карп (Ларионов Карп)	Дмитриев Наволок	9	67 р. 27 алт. 4 д.
Коренев Логин	Оґологородная вол.	8	34 р. 10 алт.
Сельменский Василий (Игнатьев Василий)	Дмитриев Наволок	8	55 р. 31 алт.
Лукинский Никита (Игнатьев Никита)	Нюксеница	8	62 р. 6 алт.
Михеев Клим	Тотьма	8	61 р.
Королев Ларион	Дмитриев Наволок	8	56 р.
Попов Василий (Иванов Василий)	Тотьма	8	58 р. 3 алт. 4 д.
Сельменский Агапит (Васильев Агапит)	Дмитриев Наволок	7	53 р. 3 алт.
Федоров Алексей	Дмитриев Наволок	6	42 р. 16 алт. 4 д.
Голодов Замятня	Окологородная вол.	6	40 р. 27 алт. 4 д.
Коптяев Семен	Дмитриев Наволок	5	19 р. 28 алт. 2 д.
Баев Юрий	Тотьма	5	5 р. 18 алт.
Кусков Гаврило	Тотьма	4	4 р. 16 алт. 4 д.
Васильев Кондратий (Бакланов Кондратий)	Ныксеница	4	24 р. 22 алт. 2 д.
Черной Гаврило	Дмитриев Наволок	4	21 р. 16 алт. 4 д.

Заработок за сезон 7164 (1655/56) г., за который сохранились и тотемские и устюжские материалы, показан в табл. 2. Для сопоставления с имеющимися данными Н. В. Устюгова выбираем тех, у кого было не менее четырех явок за весь год с 1 сентября 1655 г. по 31 августа 1656 г. Регистрация пошлин с носничьего промысла с 1653 г. велась и в Тотьме и в Устюге, поэтому пользуемся книгами того и другого города[14]. Это позволило учесть абсолютно все явки носников. В тех случаях, когда явка оформлена на двух человек без разделения заработка каждого, то об-

[13] ТК, т. II, стр. 320; т. III, стр. 615; см. также Н. В. Устюгов. Работные люди на Сухоно-Двинском водном пути в первой половине XVII в., стр. 170.

[14] ТК, т. II, стр. 343—346; 617—623.

щая сумма делилась поровну на двоих. Это, конечно, несколько снижает точность подсчета, но иначе учесть невозможно.

Общая сумма заработка составляла 683 р. 11 алт. 4 д.

Колебание сезонных заработков отдельных носников большое — от 4 руб. 16 алт. 4 д. до 75 руб. 17 алт. 2 д. Надо учитывать и такие моменты: Гаврило Кусков первый год начал ходить в носниках и нанимался на малые суда; Юрий Баев, который в первой половине века часто выступал носником, теперь в связи с возрастом ходил изредка только на лодках. Средний заработок по всей группе носников за сезон составил 42 р. 23 алт., что в 3 раза выше, чем 20 лет назад. Характерно, что из 84 носников, которые нанимались в этом сезоне на суда как в Тотьме, так и в Устюге, все 16 человек, имевшие не менее 4 явок, тотьмичи. Это говорит о том, что носничий промысел на участке Нижней Сухоны находился в их руках.

Самая поздняя из сохранившихся тотемских таможенных книг за 1676/77 г. синхронна книге по таможне Устюга Великого. Но по ней составить такую же таблицу об индивидуальном и среднем заработке носников невозможно, потому что большинство записей объединяет разных лиц и разные суда.

Об эволюции заработка носников можно судить по средней оплате одной носничьей поездки (табл. 3).

Таблица 3

Размер заработка носников за одну поездку

Сезон	Количество носничьих явок	Общая сумма заработка по всем явкам за сезон	В среднем на одну явку
7135 (1626/27) г.	167	380 р. 20 алт.	2 р. 9 алт.
7164 (1655/56) г.	219	997 р. 18 алт.	4 р. 18 алт.
7185 (1676/77) л.	168	1380 р. 20 алт.	8 р. 7 алт.

Средняя стоимость носничьей явки за 50 лет возросла почти в четыре раза. Казалось бы, что все носники должны входить в число зажиточных людей посада и уезда. Но это далеко не так. Чтобы разобраться в данном противоречии, необходимо от анализа формальных средних статистических данных перейти к анализу организации труда носников, положения отдельных групп и лиц этой категории работных людей.

Все авторы работ, затрагивавшие вопрос о внутренней организации труда нижнесухонских носников, ссылаются на заодиначную запись 1653 г. и на жалобу торговых людей на носни-

ков в 1668 г. М. А. Островская, А. А. Введенский и Н. В. Устюгов признают возможным наличие у носников артелей или даже артельных союзов. А. А. Введенский заодиначную запись называет стачечной, а действия нижнесухонских носников в 1655 г.— забастовкой. Указанные иследователи допускают, что сам акт подписания заодиначной записи преследовал либо цель сохранения и укрепления уже существовавшей своеобразной организации носников, либо создания вновь этой организации. Определенного мнения об этом до сих пор нет. Нет и единого мнения о том, что же представляла собой организация носников после 1653 г.— артельный союз или цеховую корпорацию, свойственную более позднему периоду.

Анализ всех таможенных книг и актового материала позволяет утверждать, что уже в 20—40-х годах XVII в. нижнесухонские носники обособились в своеобразный союз или корпорацию лиц, водивших суда по Нижней Сухоне между Тотьмой и Устюгом. Видимо, первоначально этот союз не имел определенной организационной структуры; просто всякий, кто знал хорошо этот участок реки и нанимался водить здесь суда, тот и входил автоматически в число нижнесухонских носников. Не имел этот союз и точно фиксированных обязательств по отношению к государству, которому носники только этого участка пути платили подоходный налог со своего заработка в размере 5 д. с каждого заработанного рубля. Этот налог уплачивался только в Тотемской таможне, независимо от того, был ли нижнесухонский носник тотьмичем, устюжанином или жителем уезда, нанимался ли он на суда в Устюге до Тотьмы или в Тотьме на любой участок пути до Устюга. Это подтверждают просмотренные нами все таможенные книги по Тотьме и Устюгу с 1626 по 1646 г.

В связи с чем был установлен такой порядок — неизвестно, но сам факт уплаты подоходного налога только нижнесухонскими носниками заслуживает внимания. Видимо, это позволило им добиться монопольного права водить суда на участке между Тотьмой и Устюгом, на котором за вождение судов всегда была более высокая «ряда». Судовладельцы в свою очередь платили пошлину за носников в Тотьме по 2 алт., а в Устюге за нижнесухонских носников судовладелец уже обязан был платить по 5 алт. 2 д. за каждого, в то время как за двинского носника здесь взималась пошлина в размере 3 алт. 2 д.

Есть возможность установить и время, когда с нижнесухонских носников стали брать подоходный налог. Поскольку уставная таможенная грамота Тотьмы, подписанная 1 сентября 1622 г., не говорит о сборе пошлины с носничьего заработка, то, вероятно, такая пошлина была введена после этого времени. Первая из сохранившихся тотемских таможенных книг — книга за 1626/27 г. В ней с 1 сентября 1625 г. уже фиксируется

уплата носниками пошлины по 5 д. с рубля. Значит, такой порядок был введен между 1623 и 1626 годами.

Как известно, носники в первой половине века нанимались «повольною ценой». Носник, уговорившись о плате с владельцем судна, давал на себя по обычаю того времени порядную запись, как гарантию добросовестного исполнения своих обязанностей, скрепленную поручительством. Сошлемся на такую запись, опубликованную А. А. Савичем [15]. В актовом материале по Тотьме много ссылок на такие документы, но найти их не удалось.

Примерно с 1646 и до 1654 г. мы обнаруживаем совершенно другой порядок сбора пошлин с носничьего промысла, который указывает и на изменение порядка найма и оплаты носников. В эти 7—8 лет пошлину — подоходный налог с носников — уплачивают сами судовладельцы; даже фамилий носников в таможенных книгах нет.

Видимо, все это было связано с восстанием в Тотьме в 1646—1648 годах. После восстания носники, в том числе и такой наиболее активный и зажиточный, как Юрий Баев, бежали в Устьянские волости и в Важский уезд. Возможно, в наказание за участие в восстании носники были лишены права наниматься «повольною ценою», а обязанность вносить подоходный налог с их заработка была возложена на судовладельцев, что давало последним больше возможностей устанавливать более низкую оплату труда. Началась упорная борьба носников за прежние привилегии. Тотемские и устюжские носники обратились к правительству с просьбой вернуть им право наниматься на суда «повольною ценою» т. е. устанавливать свою таксу на оплату носничьего труда. Испрашивая это, носники обязывались платить подоходный налог с заработка не по 5 д. с рубля, а в четыре раза больше, т. е. по 20 д., или «десятую» деньгу (10%).

15 марта 1653 г. в Тотьме 15 человек тотемских да 5 устюжских носников от имени всех носников подписали известную «заодиначную запись» [16]. 29 мая 1653 г. в Устюг Великий и в Тотьму пришла грамота «из Устюжской четверти за приписью дьяка Ивана Протопопова, а по челобитью нижнесухонских носников Юшка Тихонова с товарищи» [17], по которой «велено с найму их имать государева пошлина десятая деньга» [18].

---

[15] А. А. Савич. Соловецкая вотчина XV—XVII вв., Пермь, 1927, стр. 144.

[16] ПДСЛ, 1655 г., д. 30, лл. 190—191.

[17] Это первый официальный документ, в котором носники, водившие суда между Тотьмой и Устюгом, названы нижнесухонскими. До этого ни в таможенных, ни в писцовых и переписных книгах такой термин не встречается; упоминались сухонские и двинские носники. Бесспорно, что этот термин пошел от самых носников, и из челобитья вошел в официальные документы.

[18] ТК, т. II, стр. 307; ПДСЛ, 1653 г., д. 140, л. 1.

Грамота не найдена, но во всех документах о привилегиях для нижнесухонских носников, и о сборе с них повышенного подоходного налога говорится, что это установлено по их челобитью. Так, тотемский воевода Андрей Непейцын писал в Москву, что в 1653 г. была получена грамота, а в ней «велено тотемским и устюжским носникам по их челобитью, будучи на Тотьме у всяких чинов торговых иногородных людей и у иноземцев у которых суда с торгами на низ поплывут к Архангельску городу и вверх к Вологде ходят, наймоваться на Тотьме и на Устюге Великом в таможнях при таможенных головах с запискою для того, что по твоему великого государя указу велено с них, носников, против их челобитья с того их промыслу в твою великого государя казну имать пошлины десятую деньгу» [19].

Решающее значение при рассмотрении челобитной имели фискальные интересы, так как доходы в казну значительно увеличивались. Если в 1634/35 г. с носничьего промысла было собрано 14 руб. 21 алт. 3 д., то после введения нового сбора ежегодно собиралось по Тотьме от 70 до 117 руб. и по Устюгу от 21 до 31 руб.

Предположение, что подписанием 15 марта 1653 г. заодиначной записи нижнесухонские носники начали стачку и этим ускорили решение правительства удовлетворить их челобитную, вряд ли правильно. Во-первых, само содержание документа отрицает это; в нем все исходит из уже данных привилегий. Во-вторых, если бы это была стачка, то правительство немедленно приняло бы соответствующие меры и вряд ли объясняло бы в грамотах воеводам свое решение ссылкой на челобитную носников. В-третьих, разбирая жалобу в 1655 г. на действия носников, ни воевода, ни правительство не упоминают о наличии такой записи. Более правильным будет предположение, что носники подписали заодиначную запись сразу после того, как им стало известно решение правительства удовлетворить их челобитье. Возможно, что ожидая такого решения, носники собрались для уточнения своих действий в новых условиях. Следует напомнить, что заодиначная запись написана 15 марта 1653 г., а грамота по челобитной носников датирована 29 мая того же года. Вместе с этим они определили и внутрикорпоративные отношения. Причем были приняты такие дополнения к ранее на практике установившимся и существовавшим взаимоотношениям между самими носниками, что это придало новый характер их союзу. Можно сказать, что 15 марта 1653 г. существовавший союз был преобразован в новый, в своеобразную корпорацию, в такой союз людей одной профессии, для которого были установлены определенные права и обязанности.

---

[19] ПДСЛ, 1653 г., д. 140, л. 1.

Во-первых, по грамоте 1653 г. только за нижнесухонскими носниками было закреплено монопольное право водить суда, «а двинским и вологодским носникам на Нижней Сухоне наймоватца не велено»[20]. Воеводам предписывалось следить, чтобы суда с вологодскими носниками мимо Тотьмы не проезжали, а наем нижнесухонских носников оформлялся бы только в тотемской таможне. Во-вторых, нижнесухонским носникам дано право наниматься на суда «вольным договором» и без поручных записей. В то же время предписывалось воеводам на весь навигационный период носников не арестовывать и не судить по искам судовладельцев, чтобы не нарушать судоходства. Носники должны были платить подоходный налог в размере 10% с заработка и без задержки обслуживать ямские, монастырские и все торговые суда[21].

Эти права и обязанности еще более усилили корпоративный союз нижнесухонских носников, которые через известный в Поморье институт одиначества старались обеспечить за собой полученные привилегии.

Одиначество поморского населения в дореволюционной исторической литературе рассматривалось с формально юридической точки зрения. Советские историки Н. В. Устюгов и А. А. Введенский стали рассматривать это явление шире, вскрывая его классовое содержание. Особенно интересен пример одиначества нижнесухонских носников, где довольно ясно выступает не только классово-политический его характер, но и содержатся данные о преобразовании ранее существовавшей организации в новую, организационно более четкую. Классово-политический характер заодиначной записи 1653 г. определен прежде всего обязательством всех членов корпорации в необходимых случаях совместно выступать не только против судовладельцев, но и против представителей государственной власти на местах — против воевод. Они записали, что если «от тотемских и устюжских воевод какая обида будет, не по делу станут в тюрьму садить на Тотьме и на Устюге, буде которого нас носников в тюрьму посадят они, воеводы, на Тотьме и на Устюге, и нам, носникам, друг за друга стоять и стоять за один человек, и в обиду не давать и государю бити челом, и нам, носникам, докамест не выпустят ис тюрьмы, на судах не ходить, ни плавать». Ниже еще раз оговорено, что если кто-либо из носников будет посажен в тюрьму, то «в те поры государевых казенных судов нам, носникам, не держать ни вниз, ни вверх, и своей братеи носников отпущати на те казенные суды на меженские, на осенние, опричь вешних сплавов

---

20 ПДСЛ, 1698 г., д. 716, лл. 1—4.
21 Там же; см. также 1653 г., д. 140, л. 1.

ладей и дощаников, которые ладьи и дощаники с хлебом и с иным товаром поплывут в весну». Здесь же установлен и очень большой по тому времени штраф в 50 руб. на тех членов корпорации, кто «не станет друг за друга стоять», кто во время борьбы за привилегии будет наниматься на суда [22].

То, что акт подписания в 1653 г. заодиначной записи не есть стачка, а одиначеский уговор на все время, подтверждают все последующие события. Таможенные книги фиксируют на протяжении 1653—1654 гг. нормальное судоходство по Сухоне. Только в 1655 г. корпорация применила свои санкции по отношению к нарушителю установленных привилегий.

Весной 1655 г. голландец Вахромей Петров взял в носники от Вологды до Устюга тотемского посадского человека Якова Жукова. В Тотьме выяснилось, что дальше ехать нельзя, так как тотемские носники Замятня Голодов и Василий Попов с товарищами запретили плыть Жукову. А когда иноземец вступился за последнего, то ему отказались дать нового носника, чем вызвали простой судна. Голландец подал жалобу тотемскому воеводе. Началось следствие, из материалов которого и из других источников удается более ясно представить организацию носников.

Вызванный воеводой носник З. Голодов показал, что Жуков поплыл с Вологды до Тотьмы на участке Верхней Сухоны самовольно, «нанялся без их дум» [23].

Значит, основная вина Жукова, входившего в корпорацию нижнесухонских носников, была в том, что он поплыл не на своем участке. А возможно, Жуков в это время еще не входил в корпорацию; его нет в числе подписавших заодиначную запись. О твердом разграничении участков Сухоно-Двинского водного пути между носниками говорит и челобитная нижнесухонских носников от 1698 г. В ней они, ссылаясь на жалованную грамоту, данную носникам в 1653 г., писали: «а двинским и вологодским носникам на Нижней Сухоне наймоватца не велено, для того, что мы, сироты твои, у них на Двине и по Верхней Сухоне ни на каких судах не наймуемся и не промышляем» [24].

На основании этих материалов можно сделать предположение, что события 1653 г. усилили обособление верхнесухонских и двинских носников. О наличии «сговора» и у двинских носников говорили торговые люди в своей обширной жалобе в 1668 г. Видимо, заодиначные записи типа той, что подписали в 1653 г. нижнесухонские носники, были оформлены и у двинских носни-

---

[22] ПДСЛ, 1665 г., д. 30, лл. 190—191.
[23] Там же, л. 189.
[24] Там же, 1698 г., д. 716, л. 1.

ков. Торговые люди писали, что нижнесухонские и двинские носники «воровски своим озорничеством, зговорясь меж собою, написали приговоры, что мимо их тех заручных приговоров тех наших суднишек... малою ценою не плавить и иным носником повольною ценою не наймоватца» [25].

Только на монастырских судах могли ездить носники на всем пути от Холмогор до Вологды. На этих судах и ряда была ниже. Об этом писали в приведенной жалобе торговые люди: «да и ныне, государь, с монастырских с вешних соляных з больших судов от сплавки и от верхново ходу за оба пути емлют всего по 9-ти и по 10-ти и по 12-ти рублев и в том они дают на себя записи». А с судов не монастырских брали по 20—30 руб. [26].

Как известно, в корпорацию нижнесухонских носников входило до 85 человек из Тотьмы, Устюга и волостей Тотемского и Устюжского уездов. Среди них была довольно значительная имущественная дифференциация и явное неравенство в правах в корпорации. В заодиначной записи перечислено только 15 тотьмичей и 5 устюжан. Все они, особенно тотьмичи, находились среди зажиточной верхушки посада, а крестьяне — в числе уездных богатеев. В числе 15 «учредителей» союза в 1653 г. мы находим Василия Иванова Попова — члена гостиной сотни. Это сын троицкого попа Ивана Гаврилова, занимавшегося обширной торговлей и ростовщичеством. Когда точно В. И. Попов был записан в гостиную сотню, неизвестно, но как носник он встречается в начале 50-х годов, а в 1655 г. совершает сделку на покупку лавочного места уже как торговый человек гостиной сотни [27]. В 50—70-х годах XVII в. он был не только одним из самых деятельных носников,но и фактически руководителем корпорации нижнесухонских носников. Во всех жалобах торговых людей на носников упоминается В. И. Попов, как руководитель, от имени которого и его товарищей якобы исходили назначения на суда носников, устанавливалась стоимость труда того или иного носника и т. д.

---

[25] ПДСЛ, 1668 г., д. 75, л. 1—4. Полностью эта челобитная опубликована Н. В. Устюговым в статье «Работные люди...» Он считает упоминаемый в челобитной «заручный приговор» документом, подтверждающим временный характер организации носников в 1668 г. Вряд ли это так. В данном случае если и был такой документ у нижнесухонских носников, то он лишь подкреплял заодиначную запись 1653 г. или устанавливал разграничение участков речного пути между нижнесухонскими и двинскими носниками. В «Очерках истории СССР. Период феодализма. XVII в.» (стр. 215) события 1668 г. названы стачкой. Приводимые нами материалы свидетельствуют о том, что оранизация нижнесухонских носников была постоянной, а их выступление в 1668 г. не было стачкой.

[26] Н. В. Устюгов. Работные люди на Сухоно-Двинском водном пути в первой половине XVII в., стр. 192—193.

[27] Гор. кн. по Тотьме, № 32/2; ТК, т. II, стр. 642.

К числу «товарищей» В. И. Попова торговые люди относят Юрия Тихонова Баева, Клима Михеева и других. Все 15 тотемских носников, подписавших заодиначную запись, имели и наибольшее количество явок за сезон в качестве порядившихся носников. Если у абсолютного большинства носников за сезон встречается 1—2 явки, то заправилы корпорации регистрируют по 5—12 явок. При этом у них и самые высокооплачиваемые явки, а отсюда и самые высокие заработки.

О неравенстве среди носников говорят их заработки в навигационный сезон 7164 (1655/56) г. Всего по таможенным книгам Тотьмы и Устюга в этом году плавало 85 носников. Из них заработали за год: до 2 руб. включительно — 28 чел. (33%); от 2 до 5 руб.—28 чел. (33%); от 5 до 10 руб.—9 чел. (10,5%); от 10 до 20 руб.—6 чел. (7%); от 20 до 40 руб.—5 чел. (6%); свыше 40 руб.—9 чел. (10,5%).

Таким образом, основная масса носников, а именно 66%, имела довольно незначительные заработки, всего от 2 до 5 руб. за сезон. Если учесть, что 10% заработка уплачивалось как подоходный налог, а также если учесть различные притеснения со стороны судовладельцев и руководства корпорацией, то будет вполне объяснимо, что, несмотря на повышение оплаты труда носников и среднего заработка, основная масса их все более разорялась, теряла на посаде землю и дворы и пополняла обедневшие слои посада.

Вполне очевидно, что привилегиями 1653 г. воспользовались не все носники, а только наиболее зажиточная часть. Основная масса носников эксплуатировалась как судовладельцами, так и руководителями корпорации.

О наличии руководства корпорацией, состоявшего из нескольких носников, указывается во всех жалобах торговых людей. Во всяком случае, встречается несколько человек носников, которые все время фигурируют в документах. Челобитье подавал от имени носников Ю. Т. Баев, который стоит первым в заодиначной записи. После Баева главную роль играл гостиной сотни торговый человек и носник В. И. Попов, у которого и хранилась заодиначная запись. В последней четверти XVII в. во главе организации становится носник Епифан Ожигин. В приводимом уже пространном заявлении торговых людей есть указание, что нижнесухонские и двинские носники учинили себе на Тотьме «сходной двор неведомо по какому указу», что они сговорились брать за сплавку от Тотьмы до Устюга по 33 руб., а с Устюга до Архангельска по 23 руб. и больше [28]. Да сверх этого тотемский

[28] Здесь смущает указание на то, что якобы на Тотьме «сходной двор» установили нижнесухонские и двинские носники; получается, что у них была единая организация. Видимо, здесь обобщение, которое косвенно говорит о ведущей роли нижнесухонских носников.

носник «Васька Попов имал с нас сирот твоих, и с людишек наших по ведру вина».

Самое интересное, что руководство носнической корпорацией, оформляя наем носников на суда, брало деньги сполна вперед, не давая никаких подрядных записей «и вместо себя давали на те наши суднишка носников худых и пропойцов» [29]. Это уже говорит, что союз носников преследовал и экономические цели, что он занимался вопросами заработной платы и ее регулированием, что от имени союза оформлялся наем на суда.

Жалоба судовладельцев свидетельствует и об эксплуатации руководителями союза рядовых малосостоятельных носников.

Здесь же челобитчики пишут, что Василий Попов с товарищами всех носников, кто не был с ними в сговоре, т. е. не состоял в этой организации, с судов снимали «и в тюрьму сажали». В таможенных книгах после 1653 г. очень много случаев, когда, видимо, от имени опытных носников идут другие. Например, один из руководителей тотемской организации носников З. Голодов записан в таможенной книге под 24 августа 1656 г. отправившимся вместе с двумя другими носниками вниз по Сухоне на трех дощаниках у торговых людей вологжан. А под 27 августа он вновь записан поплывшим на каюке у вологжанина Ильи Загоскина [30]. При всем желании он не мог за три дня дойти до Устюга и вернуться в Тотьму, так как путь до Устюга в один конец занимал не менее трех дней. Следовательно, в один из этих рейсов, а может быть, и в оба вместо него пошел другой носник.

Как реагировало правительство на наличие организации носников, на наличие у них заодиначной записи, на жалобу торговых людей на носников? По этому вопросу мнения исследователей разошлись. А. А. Введенский считает, что правительство и воевода не нашли ничего противозаконного в оформлении одиначества, а Н. В. Устюгов полагает, что государственная власть считала эти акты правонарушением, суть же в том, что правительство в этом вопросе долгое время занимало довольно колеблющуюся позицию. Выступая против одиначества носников, правительство не принимало решительных мер, боясь нарушить судоходство. Приведем несколько примеров.

Расследуя жалобу голландца В. Петрова в 1655 г., тотемский воевода открыл наличие у носников заодиначной записи. Не зная что делать, он запросил Москву. Вскоре пришло предписание взять на поруки всех перечисленных в записи носников, а 5 лучших из них «без всякого мотчанья» выслать в Москву. Результатов расследования дела нет, но судя по тому, что и после

---

[29] Н. В. Устюгов. Работные люди на Сухоно-Двинском водном пути в первой половине XVII в., стр. 192.

[30] ТК, т. II, стр. 622—623.

1655 г. порядок работы носников оставался прежним, правительство не отменило ранее данных привилегий.

Когда в 1668 г. поступила жалоба многих торговых людей на носников, опять тотемскому воеводе было дано указание взять «статную» круговую поруку у всех тотемских носников и особые поручные записи на В. И. Попова и К. Михеева в том, что им срочно надо «стать к ответу на Москве». Был июль, самый разгар навигации. Воевода был поставлен в довольно щекотливое положение. С одной стороны, он должен был руководствоваться грамотой 1653 г. и неоднократными предписаниями не чинить помех носникам в период навигации, чтобы не задерживать судов. С другой стороны было дано распоряжение всех носников оторвать от работы. И воевода ограничился только тем что оформил поручные записи. В своей отписке он объясняет невысылку носников тем, «что по челобитью вологжан судовых промышленников, хозяев и их прикащиков, которые плыли с Вологды на низ, отпускал их носников на тех судах провожать.., чтобы тем судам на Тотьме за носниками задержки и простою не было, а Архангельского города за товарами торг не стал и таможенному сбору порухи не было...» [31]

И опять осталось все по-прежнему. Борьба между носниками и торговыми людьми — судовладельцами продолжалась. Вологодские судовладельцы, наняв носника в Вологде, старались проскочить Тотьму, чтобы не брать здесь нового носника по высокой «ряде». О насильственных действиях гостя Гаврилы Фетиева имеется выписка в доклад по челобитной тотьмичей в 1681 г. Приводим эту выписку, поскольку она характеризует не только борьбу, но и приемы, которые применялись торговыми людьми того времени.

«В прошлых де годех в разных месяцех и числех плавает гость Гаврило Фатеев и посадцкие люди к Архангельскому городу дощаниками мимо Тотьмы и Устюга, и их, нижнесухонцев, он, Гаврилко, бьет и мучит и увечит напрасно, неведомо за что и берет их неволею... И в прошлом де 89 году августа в 7 день присылал он, Гаврило, наперед себя людей своих к таможне с бердыши и с топорами человек з десять и больши, и люди его на Тотьме всех разгоняли, а он, Гаврило, того же числа проплыл мимо Тотьмы в ночи и за собою провел чужие дощаники многие. И в тех де числех, которые их братья носники шли в лодках с Устюга Великого вверх по Сухоне реке к Тотьме, и он, Гаврило, тех носников хватал к себе на судна и бил и увечил и угрожал и наругался всячески, неведомо за что, и заставливал плыть у себя и на чужих судах неволею.

---

[31] ПДСЛ, 1668 г., д. 266, лл. 5—7.

И в тое де пору, как он ехал рекою Сухоною Тотемским уездом, и которые их домы стоят на берегу Сухоны реки, и те их домы разорял и грабил, и в домах он, Гаврило, и люди его из ружья стреляли и наругалися над ними и над домами их всячески. А как де они зимним путем для своей нужды бывают на Вологде, и он, Гаврило, и вологжане посадцкие люди, которые плавают к городу дощаниками, бьют их и мучат и сажают в тюрьму и намучивают на них записи в великих деньгах рублев по 100 и больши, чтоб им у него, Гаврилы, и вологжан посадцких людей на дощаниках плавать даром и неволею.

А у них есть блаженные памяти [т.] Алексея Михайловича грамота — велено им плавить его государеву казну на дощаниках, и они плавят, а которые де хозяева плавают на дощаниках с товарами к Городу (Архангельску.— *П. К.)* гости и гостиной сотни и иноземцы и всяческие торговые люди, мимо Тотьму и с Устюга, и им у них наймоватца на Тотьме в таможне перед головою повольною ценою, а неволею у них плавать не указано. А они, носники, с того своего промыслу платят великому государю в казну новую прибыль — десятую деньгу, и всякие подати платят и службу служат с миром вряд» [32].

В 1683 г. правительство отменило привилегии нижнесухонских носников. Это нанесло серьезный удар по корпорации, тем более, что первоначально этих привилегий были лишены только тотемские носники, а устюжане — нижнесухонские носники — еще в 1698 г. продолжали пользоваться старыми правами и платили 10% с заработков.

Сами тотемские носники в 1698 г., подав очередную, одну из многих, челобитных с ходатайством вернуть старые привилегии, так объясняли причины отмены грамоты 1653 г. «...Во 191 [1683] году вологжана и иных городов судовые промышленники, похотя тот наш, сирот твоих, носничей промысел остановить вовсе, и чтобы десятые деньги с того промыслу не имать, били челом брату твоему... [т.] Ивану... и тебе великому государю. А в челобитье своем написали ложно, затеяв напрасно и утая отца твоего великого государя жалованую грамоту и десятую деньгу... будто тотемские воеводы и таможенные головы велят им, судовым промышленникам, наймовать нас, сирот твоих, большою ценою поневоле и будто от того чинится им на Тотьме задержка.»

С отменой привилегий носники-тотьмичи оказались в особенно тяжелом положении. «И как, государь, та десятая деньга отставлена и они, вологжана — судовые промышленники — на Тотьме, нанимали нас, сирот твоих, волею своею. А как государь, наймемся мы, сироты, у них, судовых промышленников, плыть, и как приплывем к Устюгу или к Вологде, где придем для найму,

---

[32] Прик. дела новой разборки, д. 1612.

и они вологжана судовые промышленники, мочью и богатством своим, всякими своими затейками на Вологде и на Устюге приставливают нас, сирот, и сажают в тюрьму и за решетку и мучат по многое время. И из-за такого мученья, вымучивая, берут на нас, сирот твоих, по великой неволе записи во многих судовых сплавках с великим зарядами и неустойками. И по таким записям, мы, сироты твои, у них, вологжан и устюжан — судовых промышленников, плаваем и на судах их работаем безденежно... иных нашу братью, носников, они, вологжана, закабаля, держат у них на Вологде, и те носники у них на Вологде живут и работают и на судах плавают по кабальной неволе» [33].

О носничьем промысле в XVII в. мы считаем возможным сделать следующие выводы.

1) Организация, оплата труда и социально-имущественное положение нижнесухонских носников в течение XVII в. претерпело значительные изменения.

2) В первой половине столетия носничий промысел полностью еще не обособился и для многих служил побочным источником существования. Многие носники занимались торговлей и разными ремеслами. Некоторые из них были довольно прожиточными людьми посада и уезда, и, возможно, стояли во главе небольших носничьих артелей. Договора с судовладельцами на каждую отдельную плавку оформлялись в виде подрядных записей, скрепленных поручительством.

3) Между 1623 и 1626 годами за вождение судов на наиболее трудном участке пути, а именно между Тотьмой и Устюгом Великим, правительство установило сбор пошлины с носников по 5 денег с поряженного рубля.

Необходимость иметь большой опыт для вождения судов на данном участке пути само собою уже выделяла нижнесухонских носников из числа всех остальных носников Сухоно-Двинского водного пути, а установление особого налога с их промысла способствовало еще большему их обособлению. Но строгого, санкционированного государством разграничения участков пути между носниками еще не было.

4) В 1653 г. нижнесухонские носники, обязавшись платить государству подоходный налог в размере 20 д. с каждого рубля поряженной суммы, добились не только признания за ними монопольного права водить суда на участке между Тотьмой и Устюгом, но и получили ряд привилегий (не разрешалось в навигационный период сажать носников в тюрьму и отправлять их для дознания в Москву и т. д.). Этим более четко определился корпоративный характер нижнесухонских носников.

---

[33] ПДСЛ, 1698 г., № 716, лл. 1.—4

5) Подписание 15 марта 1653 г. заодиначной записи не являлось стачкой. Будет вернее считать, что этим актом ведущая и наиболее зажиточная часть носников ставила целью сохранение и закрепление за собою просимых или уже полученных к этому времени прав и привилегий. Поэтому были разработаны права и обязанности членов организации, с установлением высокого штрафа в размере 50 руб. для тех членов, которые будут нарушать этот своеобразный устав. Первой акцией в защиту своих прав были действия носников в 1655 г.

6) Имеется возможность выделить следующие особенности в организации нижнесухонских носников, окончательно оформившейся с 1653 г. Во-первых, это объединение людей одной профессии, причем довольно сложной, требующей длительной выучки, большого мастерства и опыта. Во-вторых, права и обязанности членов организации, ее отношение к государственной власти определены как специальной грамотой правительства, так и своеобразным уставом самих носников — заодиначной записью 1653 г. Хотя других прямых документов, определяющих внутреннее устройство организации, нет, но в жалобах торговых людей указывается на наличие у нижнесухонских носников руководящего органа, имевшего довольно обширные права, вплоть до найма и установления твердых ставок оплаты труда носников. В-третьих, монопольное право заниматься своим промыслом на Нижней Сухоне и уплата подоходного налога еще более усиливали корпоративный дух организации, превращали ее в организацию цехового типа.

7) В период с 1653 г. до конца XVII в. более четко обозначается профессиональное лицо носников. В то же время особенно сильно растет имущественная и социальная дифференциация среди самих носников, довольно ясно определяется классовый характер этой организации. Верхушка корпорации (Ю. Т. Баев, З. Голодов и особенно В. И. Попов), используя свое положение, получали более выгодные сплавки и от своего имени посылали других носников, брали «посулы» с судовладельцев, в целом приобретали значительные капиталы. Основная масса носников, несмотря на то, что средний сезонный заработок значительно возрос, постепенно превращалась в неимущих людей, попадавших в зависимость как к судовладельцам, так и к заправилам своего союза.

Хотя корпоративная организация была выгодна в первую очередь небольшой наиболее зажиточной и руководящей группе носников, все же и остальная масса носников была заинтересована в существовании своей организации.

8) Отмена в 1683 г. привилегий тотемским носникам, бывшим ведущей группой в корпорации нижнесухонских носников, объясняется не только правительственной политикой в инте-

ресах торговых людей, но и тем что сама эта корпорация стала слабее, менее сплоченной и организованной. Имущественное расслоение среди носников, эксплуатация рядовых носников зажиточной верхушкой союза, усиление противоречий между тотьмичами и устюжанами, закабаление обедневших носников судовладельцами — все это разрушало союз изнутри, и правительство, уже не боясь повторения событий 1655 г., когда организованное выступление носников грозило остановить судоходство, отменило ранее данные привилегии.

9) Жалоба торговых людей на носников в 1668 г. не является доказательством создания нового союза носников, или наличия какой-либо особой стачки; в челобитной торговые люди лишь указывают на наличие «сговора» между носниками.

10) Этот документ косвенно указывает на наличие своеобразных союзов у двинских носников и о контакте этих двух союзов.

Профессиональные союзы лоцманов в XVII в., видимо, имели довольно широкое распространение. Об наличии определенной корпорации у беломорских вожей — лоцманов морских кораблей — свидетельствует грамота из Москвы архангельскому воеводе А. Нестерову от 19 июня 1671 г. В ней предлагается провести дознание по жалобе на корабельных вожей Ивана Хабарова и Ермолая Ракитина. «И будет по допросу скажут, что от них, Ивашка и Ермолки, посадским людям в корабельном воженье бывает теснота, и кораблей водить мимо своей артели никому не дают, и тем у городских посадских людей промыслы отнимают», то Хабарову и Ракитину запретить быть лоцманами [34]. Как указывает К. Н. Сербина, в 1686 г. был союз носников и в Тихвине [35].

---

[34] АИ, т. IV, № 222.

[35] К. Н. Сербина. Очерки из социально-экономической истории русского города. Тихвинский посад в XVI—XVIII вв. М.—Л., 1951, стр. 263—264.

В. Н. Колеченкова

К ВОПРОСУ О СОСЕДЯХ КАК СОЦИАЛЬНОЙ КАТЕГОРИИ

Социальная природа соседей, подсоседников, захребетников и подворников до сих пор не выяснена в исторической литературе. Имеются лишь некоторые данные об определенной зависимости захребетников.

Большое число соседей в XVII в., в особенности на посадах, требует внимания исследователей к этой категории населения. Настоящая работа посвящена рассмотрению вопроса о соседях и основана на изучении ярославских переписных книг за 1646 и 1668 гг.

Обе книги существенным образом отличаются друг от друга. Переписная книга 1668 г. учитывает главным образом боеспособное население города: «приказных людей, и пушкарей, и разсыльщиков, и стрельцов, и посадских людей с пищальми и со всякими бои» [1]. Экономические сведения о населении, значительные в переписной книге 1646 г., случайны в переписной книге 1668 г., в последней отсутствуют данные об оскудевшем, нетрудоспособном и небоеспособном населении. Вероятно, поэтому в ней имеются более бедные сведения о соседях, по сравнению с книгой 1646 г.

Соседи — это довольно разнообразная категория ярославского населения, распространенная как среди посадских людей, так и среди беломестцев. В 1646 г. у владельцев посадских и беломестных дворов, изб и келий жило 221 человек, в 1668 г.—136.

И среди соседей и среди хозяев дворов, на которых соседи селились, имеются люди самых различных ремесленных специальностей, а также нищие, монастырские и помещичьи крестьяне, бобыли, городские выборные лица и служилые люди по прибору и др.

---

[1] «Ярославские писцовые, дозорные, межевые и переписные книги XVII века», Ярославль, 1913 (далее — «Ярославские... книги»), стб. 241.

Предстоит выяснить социально-экономические отношения между соседями и их хозяевами, ответственными дворовладельцами. Нас интересует, существовала ли какая-либо зависимость соседа от хозяина, или соседи являлись подворниками, т. е. людьми совершенно не зависимыми от хозяев. Соседа можно считать независимым, если он мог уйти от хозяина в любое время, если он не работал на владельца двора, не получал от него денег за труд и был обязан ему только платой за квартиру.

Для того, чтобы ответить на вопрос о взаимоотношениях дворовладельцев и их соседей, последних следует разделить на две больших категории: 1) соседи, несомненно независимые от хозяев, 2) соседи, вопрос о независимости которых остается неясным. Ввиду многочисленности соседей, входящих в каждую из категорий, разнообразия занятий и социального положения соседей и хозяев, каждая из этих категорий делится на более мелкие группы.

* * *

Рассмотрим первую категорию, разделенную на шесть групп.

Первую группу составляют 24 человека (16 соседей по данным 1646 г., 8 — по данным 1668 г.). Это бобыли монастырей Троицкого, Спасского, Толгского, Борисоглебского; крестьяне — помещичьи, монастырские и государственные. Владельцы дворов, в которых они поселились, — ремесленники, посадские люди (их профессии в источнике не указаны), извозчики, попы, площадные подьячие и стрельцы.

Некоторые из соседей-бобылей — ремесленники: медники, войлочники, сырейщики, свечники и т. д. О трех соседях, монастырских бобылях, сказано, что они «кормятся работою» [2].

Совершенно несомненно, что бобыли и крестьяне, находящиеся в феодальной зависимости от помещиков и монастырей так же, как и государственные крестьяне, не могли зависеть от хозяев, во дворах которых они поселились.

Вторая группа соседей насчитывает 17 человек (10 по данным 1646 г., 7 по данным 1668 г.). Среди них имеются целовальники, попы, стрельцы, извозчики и площадные подьячие. Вряд ли можно предположить, чтобы кто-нибудь из этих людей мог зависеть от хозяев дворов, в которых они жили, так как это — или люди, несшие службу в пользу государства и получавшие плату от казны или от мира, как целовальники и объезжие головы, служилые люди по прибору; или лица, о которых совершенно точно известно, что они работают в других местах, как извозчики и площадные подьячие. Владельцы дворов, на которых сели-

[2] «Ярославские... книги», стр. 225, 237, 240.

лись соседи, отнесенные к этой группе,— ремесленники, посадские люди, площадные подьячие, извозчики монастырские и помещичьи бобыли. Причем социально положение хозяев, например, монастырских и помещичьих бобылей, т. е. феодально зависимых людей, исключает возможность каких-либо форм зависимости от них. Это является еще одним подтверждением вывода о том, что соседи этой второй группы также квартиранты-подворники и от хозяев не зависят.

Третья группа. Среди соседей встречаются довольно часто лица, являющиеся родственниками хозяев-дворовладельцев. Рассмотрим 24 таких случая соседства (15 случаев за 1646 г., 9 — за 1668 г.). Чаще всего это зятья хозяев (14 чел.), иногда даже родные братья и сестры (8 чел.) и что совсем редко, дети (2 чел.). К этой группе отнесены те из соседей-родственников, которые живут во дворах хозяев — ремеслеников, посадских людей, попов и площадных подьячих. Некоторые из этих соседей сами являются ремесленниками. Вероятно, это соседство вызвано разделом имущества и двора. Во всяком случае представить какую-либо зависимость соседей этой группы от хозяев нельзя.

Четвертая группа. К ней отнесены 38 соседей, поселившихся во дворах владельцев, которые были бобылями и крестьянами (36 соседей по переписной книге 1646 г. и 2 — по переписной книге 1668 г.). У монастырских бобылей и крестьян селились довольно часто бобыли и крестьяне того же монастыря, их родственники, посадские люди и ремесленники.

Почти аналогичное положение с 6 соседями — посадскими людьми и крестьянами, жившими у дворников, на беломестных дворах. Таковы соседи, поселившиеся во дворах окольничего князя Ф. Ф. Волконского, стольника князя А. И. Буйносова-Ростовского, во дворе, которым владеют «власти» Борисоглебского монастыря [3].

Среди таких соседей 2 помещичьих крестьянина, 2 посадских человека и 2 нищих посадских человека.

Очень часто феодал, духовный или светский, владелец беломестного двора, не жил постоянно в этом дворе. Для охраны двора он помещал в нем дворника, своего крестьянина или бобыля, вообще зависимого от себя человека.

Сосед — посадский человек, а тем более помещичий крестьянин не может зависеть от феодально зависимых людей — крестьян и бобылей. Правда, посадский человек мог попасть во временную зависимость по «житейской записи до урочного году». Но, во-первых, людьми, от которых он попадал в такую зависимость, были обычно гости, гостиной и суконной сотен торговые люди и разбогатевшие посадские люди, а во-вторых, такая

---

[3] «Ярославские... книги», стр. 104, 107, 122.

зависимость обычно оговаривается, указывается в писцовых и переписных книгах. Здесь же таких указаний нет, следовательно, и эти соседи — только квартиранты.

Пятая группа соседей охватывает тех, которые жили во дворах нищих и работных людей. Их насчитывается 35 (15 по данным 1646 г., 20 по данным 1668 г.). Некоторые из этих соседей были нищими, обедневшими, «оскудевшими» людьми. Имеются среди них и родственники хозяев, ремесленники, посадские люди. Совершенно невозможно представить себе какую-либо зависимость этих соседей от несостоятельных хозяев, не занимающихся никаким ремеслом или промыслом. Работный человек, сам являющийся наемным работником, не может иметь какие-либо права на труд или личность другого человека. Итак, соседи этой группы не зависимы от хозяев двора.

Шестая группа насчитывает 8 человек (7 за 1646 г., 1 — за 1668 г.). Это соседи, поселившиеся в дворах, где хозяева сами не жили. В пользу положения о том, что соседи составляют независимую часть ярославского населения, говорят и те случаи, когда посадские люди живут на дворах хозяев, ушедших в Москву (1 случай по переписной книге 1668 г.) [4], или во дворах, владельцы которых «сбрели безвестно», «сбрели от бедности» [5] и т. д. (4 случая по данным 1646 г.). Интересен еще один факт: ответственный дворовладелец Афанасий Кошкарев умер, «после ево остался сын ево Сенька 7 лет, у него живет в соседях посадский человек Ивашко Емельянов — гладильщик, бедной человек» (Переписная книга 1646 г.) [6]. Имеется еще один подобный этому случай с той разницей, что соседом во дворе, хозяин которого умер, является крестьянин Спасского монастыря. Вероятно, это те случаи, когда посадские люди были поселены в пустых дворах решением мира, и ему же платили за пользование двором. И, как видим, соседом по переписной книге 1646 г. считается человек даже тогда, когда он живет в доме без хозяина и, само собой разумеется, не зависит от владельца двора.

Итак, мы рассмотрели 146 случаев соседства (99 за 1646 г. и 47 за 1668 г.). Среди соседей встречаются люди самых различных социальных групп: посадские люди и ремесленники, крестьяне и бобыли, попы, служилые люди по прибору, работные люди, нищие и т. д. Хозяева также значительно отличались друг от друга своим социальным положением, занятиями и состоятельностью. Сопоставление всех этих данных позволяет считать, что сосед не связан с хозяином никакой зависимостью, кроме платы за пользование квартирой, и, следовательно, может в любое время уйти от него.

---

[4] «Ярославские .. книги», стр. 306.

[5] Там же, стр. 148, 159, 173, 180.

[6] Там же, стр. 169.

В переписной книге 1646 г. имеются различные указания о соседях, которые живут в чужих дворах «забогорадно», т. е. совсем бесплатно, как вдова [7] или как сын боярский, живущий «из найму» в пустом дворе, хозяин которого сбрел от бедности [8]. Об одном из соседей, костромитине О. Иванове, сказано, что он живет «в соседях на время» во дворе «служки» Спасского монастыря Т. Борисова [9].

Все это еще раз подтверждает тезис — сосед не зависим от хозяина двора. Отношения соседей с двоpовладельцами ограничивались уплатой арендной платы, «найма» или «пожилья». Иногда в случае отсутствия хозяев арендная плата выплачивалась общине.

* * *

Рассмотрим вторую категорию ярославских соседей. Она многочисленна, в нее входит 209 соседей, но она очень неопределенна. Категория разделена нами на 4 группы.

Первая группа соседей самая неопределенная, так как нам ничего не известно ни о занятиях, ни о социальном положении обеих сторон (по 33 посадских человека в 1646 и 1668 гг.), или известна специальность либо хозяина (сапожники, кожевники, собольники, портные, колпачники, крашенинники, ветошники, войлочники, мясники, свечники, барышники, москотильники, плотники, иконники, попы), либо соседа (кожевники, сапожники, скорняки, сырейщики, строгальники, шубники, рукавичники, шапочники, уздники, бобровники, кузнецы, серебреники, замочники, портные, шелковники, войлочники, мясники, калачники, орешники, сусленики, барышники, щепетинники), что лишает возможности сделать какие-либо выводы о их взаимоотношениях. Всего в эту группу входит 134 человека (74 по данным 1646 г. и 60 по данным 1668 г.).

Вторая группа насчитывает 35 соседей (18 за 1646 г. и 17 за 1668 г.). Это те случаи, когда соседи и хозяева имеют самые различные, не имеющие ничего общего профессии, например шапочника и хлебника, соленика и сапожника, портного мастера и ножевника, шапочника и кузнеца [10]. (Сюда же отнесено несколько соседей, которые жили во дворах попов, площадных подьячих, извозчиков — лиц неремесленных специальностей). Вряд ли такие соседи и хозяева могли быть связаны в процессе производства, очень мало вероятно, чтобы эти соседи могли работать на владельцев двора.

---

[7] «Ярославские... книги», стр. 101.
[8] Там же, стр. 169.
[9] Там же, стр. 218.
[10] Там же, стр. 251, 276, 278, 312.

Третью группу соседей составляют 25 нищих, бедных и оскудевших (23 за 1646 г. и 2 за 1668 г.) и 7 работных людей (2 в 1646 г. и 5 в 1668 г.). Их хозяева — ремесленники и посадские люди.

Четвертая группа самая немногочисленная. Она состоит из 8 (по 4 за 1646 и 1668 гг.) соседей-ремесленников, которые имеют одинаковую профессию с хозяевами дворов, это холщевники, кузнецы, сапожники[11].

Соседи третьей и четвертой группы — нищие, работные люди и ремесленники одинаковой с хозяевами специальности, а может быть, и двух первых групп могли зависеть от двоовладельца, выполняя на него какую-нибудь работу. Но каких-либо точных данных, чтобы утверждать это, нет. Итак, вторая категория соседей охватывает те случаи, когда нет убедительных, исчерпывающих данных, подтверждающих зависимость соседей от их хозяев. Значит, можно считать предположительно, что соседи и этой категории являются квартирантами-подворниками, по аналогии с вышесказанным о первой категории соседей.

Сопоставление переписных книг по городам великорусского центра — Ярославля, Калуги и др. — с переписными книгами поморских посадов показывает, что в городах великорусского центра имеется большое количество соседей и совершенно нет подворников, тогда как в поморских посадах отмечено большое количество подворников и совершенно нет соседей. Сравнение положения ярославских соседей и подворников посадов Тотьмы[12] и Соли Камской[13] показывает, что понятия «сосед» и «подворник» тождественны. Обращают на себя внимание черты сходства ярославских соседей и соликамских подворников.

Многочисленные подворники посада Соли Камской жили не только у крупных солеваров, но и у посадской бедноты. Такая же картина и в уезде: подворники жили у несостоятельных бобылей и у крестьян. Н. В. Устюгов убедительно показал, что такие подворники не могли находиться в зависимости от владельцев двора[14]. Следовательно, ярославские соседи и подворники Соли Камской имеют как социальные категории совершенно одинаковое содержание.

Что же можно сказать о том, как и какие люди шли в соседи? Среди соседей 1646 и 1668 гг. есть шесть посадских

---

[11] «Ярославские... книги», стр. 82, 103, 284, 318.

[12] П. А. Колесников. Город Тотьма в XVII веке, (автореферат канд. дисс). М., 1957 стр. 4—6.

[13] Н. В. Устюгов. Солеваренная промышленность Соли Камской в XVII веке, стр. 144—147, 151—160, 170—185, 202—203.

[14] Там же стр. 203.

людей, которые раньше имели свои собственные дворы, но, вероятно, обнищав и потеряв свое собственное хозяйство, поселились в соседях, ища избавления от тяжести тягла. По-видимому, такова судьба многих посадских людей, попавших в соседи. Довольно часто селились в соседях пришлые люди. В 1646 г. 18 из 47 «прихожих людей» из Костромы, Галича, Могилева и других городов жили в чужих дворах. Жили в соседях в посадских дворах и люди, принадлежавшие беломестцам,— помещичьи и монастырские бобыли и крестьяне, промышлявшие на посаде.

Если принять во внимание, что большинство соседей не имело самостоятельного двора и среди них было немало работных людей, промышлявших черною работой, а также нищих, то соседей следует считать беднейшей частью посадского населения. Исключение составляют лишь должностные лица, временно оказавшиеся на посаде и вынужденные снимать помещения для жилья.

Г. Н. Лохтева

НАЕМНЫЙ ТРУД В МОНАСТЫРСКОМ ХОЗЯЙСТВЕ XVII В.

(по материалам Троицкого Гледенского монастыря)

Вопрос о применении наемного труда в XVII в. издавна привлекал к себе внимание исследователей, и в настоящее время имеется целый ряд работ, специально или в общей форме рассматривающих этот вопрос [1]. Однако вопрос о наемной рабочей силе до сих пор нельзя считать достаточно изученным. Серьезные разногласия имеются в оценке характера эксплуатации труда наемных работников, в определении роли наемной рабочей силы в хозяйственной жизни русских вотчин и т. д.

Задача предлагаемой работы состоит в том, чтобы по материалам одного из монастырских хозяйств XVII в. (Троицкого Гледенского монастыря) выяснить, из каких источников формировались кадры наемных работников, в каких отраслях хозяйства и в каком объеме применялся труд наймитов, какую роль играла наемная рабочая сила в развитии монастырского хозяйства. Особенно важно выяснить характер эксплуатации труда наемных монастырских работников и проследить, действительно ли «наем при господстве феодально-крепостнических отношений имел своим финалом,— по выражению А. М. Панкратовой,— как правило, закабаление или закрепощение мелкого производителя» [2].

[1] А. М. Панкратова. Наймиты на Руси.— «Академику Б. Д. Грекову ко дню семидесятилетия», сб. статей, М., 1952, стр. 200—215; Н. В. Устюгов. Солеваренная промышленность Соли Камской в XVII в. М., 1957; Ю. А. Тихонов. Работа по найму и отход на заработки посадских людей Устюга Великого и крестьян Устюжского уезда в 50—70-х годах XVII в.— «К вопросу о первоначальном накоплении в России в XVII—XVIII вв.», сб. статей, М., 1958, стр. 73—96; З. А. Огризко. Наемный труд в крестьянском хозяйстве XVII в.— «Вопросы истории», 1953, № 10, стр. 86—89; М. А. Островская. Земельный быт сельского населения русского Севера 16—17 вв. СПб., 1913; И. М. Кулишер. История русского народного хозяйства, т. 2. М., 1925, и др.

[2] А. М. Панкратова. Указ. соч., стр. 213.

В работе над данной темой использованы архивные материалы фонда Троицкого Гледенского монастыря [3], писцовые и переписные книги Устюга Великого [4], а также изданные документы [5]. Основными типами монастырских документов, в которых имеются сведения о наемных людях, являются «наемные», «жилые» и некоторые другие записи, а также расходные и приходо-расходные книги монастырских казначеев, куда заносились сведения о выплате денег работным людям.

В начале столетия Гледенский монастырь, расположенный близ Устюга Великого, не принадлежал к числу крупных хозяйств. По писцовым книгам 20-х годов XVII в., за Гледенским монастырем числилось 13 деревень полностью и 3 частично, в которых было 34 половничьих двора. Кроме того, монастырю принадлежал погост Петровский, где было 4 двора церковных причетников и 10 бобыльских дворов. При Петровском погосте не зарегистрировано сельскохозяйственных угодий: жившие в нем бобыли платили в казну оброк, а на монастырь делали «изделье всякое». При деревнях числилось пашни — «середней» земли 14 четвертей в одном поле, «худой» земли 133 чети с осьминой [6]. Пашня и сенокос в 10 деревнях распределялись почти поровну. В обычном зерновом хозяйстве под пашню отводилось 60% земли и под сенокос 40%. Превышение сенокоса над пашней на землях большей части деревень Гледенского монастыря с несомненностью свидетельствует о крупной роли животноводства.

К началу 80-х годов XVII в. хозяйство Гледенского монастыря значительно выросло. По писцовым книгам конца 70-х начала 80-х годов, за монастырем числилось 28 целых деревень, да еще 32 деревни разными долями ($^3/_4$, $^2/_3$, $^1/_2$, $^1/_4$ и т. д.) [7]. В этих деревнях находилось 9 монастырских дворов, 2 кельи и 113 дворов половничьих с населением в 339 человек м. п. Кроме того, было 6 дворов пустых. Эти деревни располагали значительными земельными угодьями: пашни «середней» земли 57,25 четвертей в одном поле, или 85,8 десятины в трех полях; пашни «худой» земли 370 четвертей в одном поле или 555 десятин в трех полях; всего пашни — 640,8 десятины. Был при деревнях и перелог — «середней» земли 7 четвертей в поле, или 10,5 десятины в трех полях; «худой» земли 100 четвертей в одном поле, или 150 десятин в трех полях. Соотношение между пашней и пере-

---

[3] ЦГАДА, ф. 1187 (далее — ф. Гледен.-м-ря).

[4] Писц. и переп. кн., № 511—516.

[5] РИБ, тт. XII и XIV.

[6] РИБ, т. XIV, стлб. 924—932.

[7] А. Ц. Мерзон, Ю. А. Тихонов. Рынок Устюга Великого в период складывания всероссийского рынка (XVII век). М. 1960, стр. 597.

логом показывает, что земля, пригодная для земледелия, использовалась достаточно интенсивно: из общего количества 801,3 десятины пашни и перелогу распахивалось 80%. Из других угодий при монастырских деревнях находилось «животинного выпуску», т. е. выгона, 126,5 десятины и сенных покосов на 5021 копну сена, что в переводе на десятины дает 502,1 десятины. Следовательно для пастбища и сенокоса монастырь располагал площадью в 628,1 десятины. Кроме того, владел 689,5 десятинами леса, из них 280 — «пашенного» и 409,5 — «непашенного» [8].

Сопоставление количества «пашенных», сенокосных и выгонных угодий показывает, что соотношение площадей, эксплуатируемых, с одной стороны, для земледелия и, с другой,— для скотоводства, и во второй половине XVII в. оставалось тем же, что и в первой. Около половины угодий было занято пашней — 640,8 десятины и почти столько же под сенокосом и выгоном — 628,6 десятины. По сравнению с первой половиной века доля «пашенных» земель повысилась. В целом можно сказать, что характер хозяйства не изменился. Животноводство продолжало играть в нем крупную роль. В 1678 г. монастырю принадлежало 758 голов скота [9].

Троицкий Гледенский монастырь, как и большинство северных монастырей, не имел собственных крепостных крестьян. В основе его земледельческого хозяйства лежала эксплуатация труда половников.

Труд половников использовался не только в земледелии. В половничьих порядных поражает разнообразие неземледельческих работ половников в пользу монастыря. Половники поставляли в монастырь дрова, бревна, жерди и колья, «рубили» избы, делали сараи, сенники и др. хозяйственные постройки, пряли шерсть, делали крупу, доили монастырских коров, возили в монастырь сено, иногда отвозили зерно на устюжский рынок и т. д.

Почти в каждой из половничьих порядных имеется обязательство накосить определенное количество сена.

Наряду с трудом половников монастырь использовал и труд вкладчиков. В приходо-расходных книгах имеются довольно многочисленные записи о приеме от вкладчиков «вкладных» денег. Часть вкладчиков использовалась в монастыре как рабочая сила. Это происходило тогда, когда вкладчик не мог внести полностью всей суммы вклада и определенную часть ее должен был отрабатывать. «Принял у Емельяна Савина сына Анисимовых,— записывает денежный казначей,— вкладных 8 рублев

---

[8] А. А. Савич. Монастырское землевладение на Русском Севере XIV—XVII вв.— «Ученые записки Пермского гос. ун-та», отдел общественных наук, вып. II, Пермь, 1931, стр. 227—228; А. Ц. Мерзон, Ю. А. Тихонов. Указ. соч., стр. 597—598.

[9] Ф. Гледен. м-ря, д. 1290, лл. 1—4.

денег, а по договору за 2 рубли работать ему в монастыре с рядовыми трудниками два года»[10]. «Принял вкладных денег у нового вкладчика у Михия Семенова сына Березхина 5 рублев с полтиною денег, а за достальные 4 рубли с полтиною жити ему, Михию, в монастыре... и работать ему всякая работа монастырская с наемными работниками»[11] и т. д. Кроме вкладчиков, монастырь использовал труд бобылей, но выяснить их число (как и число вкладчиков, выполняющих в монастыре различную «черную» работу) можно лишь приблизительно. Так, по переписи конца 70-х — начала 80-х годов, в монастырской слободке Морозовице (ранее Петровский погост) жило 63 вкладчика и бобыля. Часть вкладчиков жила также и на конюшенном монастырском дворе, но какая именно — неизвестно. Очевидно, число бобылей и вкладчиков в течение рассматриваемого периода колебалось в пределах нескольких десятков человек. В силу того, что вкладчиков и бобылей было немного, их труд не играл существенной роли и являлся лишь дополнением к труду половников.

Помимо земледельческого, Гледенский монастырь вел достаточно крупное животноводческое хозяйство. Несмотря на то, что в каждый половничий договор монастырские власти включали обязательство половников накосить то или иное количество сена, сена монастырю не хватало, и он должен был прибегать к найму для заготовки сена. Использовался наемный труд и на других работах, главным образом на транспорте и по уходу за скотом.

В монастырских документах, и в первую очередь в приходо-расходных книгах денежного казначея, имеются многочисленные записи об оплате труда наемных работников, свидетельствующие о том, что наемный труд применялся в монастырском хозяйстве в течение всего рассматриваемого периода. Уже в самых ранних из сохранившихся книг 1623/24 — 1625/26 гг. встречаются указания на расплату с наемными работниками[12].

Обращает на себя внимание разнообразие терминологии, которая сопровождает эти записи. Употребляются следующие термины: «работные наемные казаки», «наемные казаки», «наемные трудники», «детеныши», «работные» и «ярыжные» (не по отношению к наемным транспортным рабочим). Имеющиеся в нашем распоряжении материалы отмечают лишь черты сходства в положении указанных групп наемных работников.

Характерно, что с течением времени терминология, употребляемая для обозначения наемных работных людей, все более

---

[10] Ф. Гледен. м-ря, д. 1049, л. 12.
[11] Там же, д. 1450, л. 2.
[12] Там же, д. 159, 192.

унифицируется. В 70-х годах они называются просто «работными»[13].

Наемные работники пасли скот, косили и убирали сено, работали на полях, на мельницах, на скотных «дворцах», в поварне, нагружали монастырские суда, были заняты тягой судов и т. д. Однако степень использования наемного труда в различных отраслях монастырского хозяйства была неодинакова. Наименьшее применение имел он в земледелии. Мы уже отмечали, что специфика монастырского хозяйства заключалась в использовании труда половников, которые и выполняли все земледельческие работы. Однако в рассматриваемый период наряду с трудом половников в земледелии в какой-то степени использовался и труд наемных работников. В источниках есть запись о том, что наемные люди «допахивали землю»; имеется несколько указаний на то, что наемные работники секли новины[14]. На каких именно землях применялся труд наемных работников — остается неизвестным. Можно лишь предполагать, что они обрабатывали земли, которые не были сданы половникам.

В отличие от земледелия, скотоводство обслуживалось главным образом наемным трудом. Наемными были пастухи, коровницы, работники, выполняющие различные работы в «коровенных дворцах» и конюшнях. В книге раздаточной купчины казначея за 1673/74 г. названо 25 коровниц, 11 «овешных» и «коровенных» пастухов и 1 конюх[15].

Работы по заготовке сена также выполнялись в основном наемными работниками. Как уже отмечалось, заготовка сена входила в обязанности половников. Половничьи порядные содержат пункт о том, что половники должны косить сено, но тут же обычно следует фраза: «А буде не выкошу тех пожен и в вороды не смечю, стравлю или згною своим небрежением, ино дать за всякую копну по гривне денег»[16]. Правом выкупа этой повинности, которая отнимала время в самую горячую для земледельца пору, половники и пользовались. Для компенсации убыли рабочей силы старцы прибегали к найму. О том, что труд наемных работников, занятых на сенокосе, использовался вместо труда половников, может свидетельствовать следующая запись. «Того же дни,— записывает денежный казначей,— взято на половниках деревни Батурина на Василье Гаврилове с товарыщи 7 алт. 4 д., что они, половники, в Заболотном сена не гребли, а вместо их наймывали»[17]. С течением времени половники, веро-

---

[13] Ф. Гледен. м-ря, д. 1263, л. 32.
[14] Там же, д. 534, л. 23; д. 831, л. 9.
[15] Там же, д. 1186, лл. 1—15.
[16] РИБ, т. XIV, стлб. 967; ф. Гледен. м-ря, д. 79, 219 и др.
[17] Ф. Гледен. м-ря, д. 936, л. 3.

ятно, все чаще откупались от повинностей по заготовке сена, и в соответствии с этим увеличивалось число наемных людей, занятых на сенокосе. Кроме того, развивающееся хозяйство монастыря требовало пополнения рабочей силы, особенно в период летних работ. В 70-е годы на сенокосе было занято ежедневно несколько десятков наемных работников. В 70-х годах число наемных косцов составило: в 1672/73 г.— 253 человека, в 1675/76 г.— 580, в 1677/78 г.— 578. Обычно монастырь платил косцам по 2 д. в день [18].

Монастырский транспорт, как и все суда на Сухоно-Двинском водном пути, обслуживался преимущественно трудом наемных работных людей. В приходо-расходных книгах монастырских казначеев, и особенно в приходо-расходных книгах холмогорской службы, постоянны записи на оплату труда наемных транспортных рабочих: носников, кормщиков и ярыжек [19]. На оплату труда наемных транспортных рабочих ежегодно расходовались крупные суммы.

Несмотря на колебания в численности наемных людей, работавших на монастырь в отдельные годы, заметна общая тенденция к их увеличению. Так, если в 20-е годы на оплату труда наемных рабочих, занятых на сенокосе, затрачивалось в среднем 2—3 руб., то в 70-е годы эта сумма, постепенно возрастая, составляла уже 14—18 руб.; если в 20-е годы расходы на оплату труда наемных работников, занятых в разных отраслях хозяйства монастыря (кроме торговли и ремесла), колебались в пределах нескольких рублей в год, то в 70-е годы они возросли до 30—45 руб. в год, а число наемных работников увеличилось до 600 человек. Труднее заметить тенденцию роста транспортных наемных работников. Объясняется это отсутствием за многие годы приходо-расходных книг холмогорской службы.

Откуда стекались в монастырь люди, продающие свою рабочую силу? Нужно отметить, что источники далеко не всегда называют место жительства наемных монастырских работников; из 659 человек, работавших по найму в Гледенском монастыре в рассматриваемый период (учтены наемные работники, имя и отчество или фамилии которых известны), лишь по отношению к 91 человеку указывается место выхода («устюжанин», «холмогорец», «вологжанин», «пермяк» и т. д.). Поэтому для более обстоятельного выяснения этого вопроса были использованы писцовая (1676—1683 гг.) и переписная (1677—1678 гг.) книги Устюга Великого [20]. В результате их изучения выяснено, что из 659 человек, работавших по найму в Гледенском монастыре,

---

[18] Ф. Гледен. м-ря, д. 1185, лл. 27—28; д. 1263, л. 25.
[19] Там же, д. 695, л. 15; д. 1170, л. 17; д. 1187, л. 10.
[20] Писц. и переп. кн., № 511—516.

458 жило в различных волостях и станах Устюжского уезда и на посаде[21].

Полученные данные, наряду с указаниями монастырских документов, позволяют более полно представить себе районы жительства работных людей. По местожительству наемные работники монастыря распределяются следующим образом (в %):

		%
Устюг Великий (с уездом)	458 чел.	— 90,7
Холмогоры	14 »	— 2,8
Двинский уезд	6 »	— 1,2
Пинега	6 »	— 1,2
Мезень	6 »	— 1,2
Вологда	5 »	— 0,9
Унжа	3 »	— 0,6
Пермь	2 »	— 0,4
Нижний Новгород	1 »	— 0,2
Галич	1 »	— 0,2
Соль Вычегодская	1 »	— 0,2
Тотьма	1 »	— 0,2
Кострома	1 »	— 0,2
Всего . . .	505 чел.	100%

Как видно из этих данных, подавляющее большинство пришлых людей, работавших по найму в монастыре, составляли посадские люди и крестьяне Поморья. 494 человека из 505, или 97,8%, вышли из поморских посадов и уездов, причем основную массу выходцев из Поморья составили посадские люди Устюга и крестьяне Устюжского уезда.

Такое положение вполне объяснимо. Гледенский монастырь был расположен в непосредственной близости от Устюжского посада. Естественно, что часть посадских людей Устюга и уездных жителей, занимавшихся продажей своей рабочей силы, искала и находила работу в монастыре. Из 458 человек, вышедших из Устюжского уезда, 96 человек вышли из Устюжского посада, остальные — из различных станов и волостей

[21] В действительности число выходцев из Устюга и Устюжского уезда было несколько меньшим, так как в источниках не всегда указывается фамилия или прозвище монастырского наемного работника, вследствие чего в число выявленных людей вошел ряд так называемых однофамильцев. Так, например, Иван Павлов, косивший сено в монастыре летом 1674 г., обнаружен в писцовых книгах 3 раза: в одном случае это работник, живущий в Ивановском погосте, в двух других Иван Павлов упоминается при перечислении владельцев крестьянских дворов Ярокурской волости и Комарицкого стана. Все это создает известную условность расчетов, но не искажает общей картины.

Устюжского уезда, причем в монастырь приходили люди почти из всех волостей уезда, включая даже самые отдаленные.

Помимо Устюга с уездом, много пришлых людей вышло из Холмогор. Объяснить это можно тем, что с Холмогорами Гледенский монастырь был тесно связан. Очевидно, некоторые из холмогорцев, приплыв с севера на монастырских судах, оставались в монастыре в качестве работников. Остальные поморские посады и уезды (Тотьма, Соль Вычегодская, Мезень и др.) дали небольшое число выходцев (36 человек — 7,2%). Из районов служилого землевладения пришло в Гледенский монастырь всего 11 человек (2,2%).

Наряду с пришлыми людьми, в монастыре работало по найму и население его вотчин: половники, вкладчики, бобыли, но их удельный вес в общей массе наемных работников был невелик.

Из каких социальных слоев комплектовались наемные работники Гледенского монастыря? Сведения по этому вопросу крайне скудны. Слова источников «устюжанин», «вологжанин» и т. д. объединяют как посадских людей, так и уездных жителей (крестьяне, половники, бобыли и др.) соответствующих городов и уездов. Социальная принадлежность лиц, нанимающихся на работу, отмечена в монастырских документах лишь в нескольких случаях: в наемных записях называются один половник Гледенского монастыря и два крестьянина Шарденгской волости, взявшие в «искос» монастырские пожни. Для более полного выяснения вопроса о социальном составе наемных монастырских работников пришлось опять обратиться к писцовой и переписной книгам.

Вот данные о посадских людях Устюга, в %:

Посадские люди	49	чел.	— 50
Подворники	25	»	— 26,1
Работные люди	4	»	— 4,2
Стрельцы	8	»	— 8,3
Монастырские вкладчики	8	»	— 8,3
Прочие	3	»	— 3,1
Всего	96	»	100%

Таким образом, наибольшее число наемных работников монастыря, вышедших из Устюжского посада, принадлежало к посадским тяглым дворовладельцам. Значительной была и группа наемных людей, живших в Устюге в подворниках.

То обстоятельство, что на посадских людей Устюга падала примерно $^1/_5$ часть всех наемных работников монастыря, конечно, не является случайным. В XVII в. процесс расслоения на посаде привел к созданию многочисленной группы посадской бедноты. Часть посадских людей, продающих свою рабочую

силу, работала на предприятиях богатых устюжан, часть обслуживала водный Сухоно-Двинский путь, часть уходила на заработки в другие районы страны (Соль Камская, Сибирь и т. д.) [22]. Некоторые из них работали по найму в Гледенском монастыре.

Жители Устюжского уезда, работавшие по найму в Гледенском монастыре, состояли из представителей различных социальных групп:

Крестьяне черносошные .	229 чел.	— 63,3
Половники	94 »	— 26
Подворники	24 »	— 6,7
Бобыли	6 »	— 1,6
Работные люди	6 »	— 1,6
Прочие	3 »	— 0,8
Всего . . .	362 »	— 100%

Как видно, среди наемных работников — выходцев из Устюжского уезда — преобладали черносошные крестьяне (63,3%).

В XVII в. в среде черносошных крестьян наблюдается значительное имущественное неравенство, начинавшее переходить в социальное расслоение. Писцовая книга Устюга и его уезда 1676—1683 гг. зарегистрировала массу «пустых» крестьянских дворов, владельцы которых «збрели безвестно» или «скитаютца в мире». Часть этих разорившихся крестьян существовала продажей своей рабочей силы в районе места жительства, часть уходила для работы в отдаленные города и уезды (Соль Камскую, Сибирь т. д.) [23]. Работали по найму и малосостоятельные крестьяне, которые продолжали вести свое хозяйство и для поддержания его вынуждены были искать дополнительной работы. Эти малообеспеченные и разорившиеся крестьяне и явились той социальной группой, из которой черпались кадры наемных работников Гледенского монастыря. Среди монастырских наемных работников, вышедших из среды крестьян Устюжского уезда, оказалось немало лиц, которые окончательно забросили свое хозяйство и вынуждены были искать иных средств существования, в частности работать по найму в Гледенском монастыре. Так, например, в 70-х годах XVII в. работали по найму в монастыре Иван Аникеев и Василий Ерофеев. В писцовой книге они были обнаружены среди крестьян Варженской волости и Комарицкого стана. Их экономическую состоятельность писцы определили следующим образом: «Двор и пашни четь впусте Ивашка Аникеева, а он, Ивашко, сшел безвестно» [24]. «Пол-деревни

[22] Ю. А. Тихонов. Указ. соч., стр. 76, 78—81; Н. В. Устюгов. Указ. соч., стр. 188.

[23] Ю. А. Тихонов. Указ. соч., стр. 91.

[24] Писц. и переп .кн., № 515, л. 444.

Титовские,— гласит другая запись,— а в ней два двора и пашня запустела во 188 году». Ее владельцы Василий Ерофеев и Василий Степанов Стрекаловских «в мире скитаютца» [25]. О крестьянине Кичменгской волости Кирилле Иванове в писцовой книге говорится: «двор и пашенной земли осмина деревни впусте Кирилка Иванова, запустела во 165 году от солдацкого выбору и от хлебного недороду, а он, Кирилко, скитаетца в мире» [26]. Кирилл Иванов косил сено в монастыре в 70-х годах XVII в. Крестьянин Ягрышской волости Иван Афанасьев, по данным писцовой книги, «скитаетца в мире», а двор его «пуст» [27]. В 50-х годах Иван Афанасьев работал по найму в Гледенском монастыре в качестве детеныша. Количество подобных примеров можно было бы увеличить [28].

Всего было обнаружено 57 наемных работников монастыря, вышедших из устюжских крестьян, дворы которых в момент переписи оказались «пустыми». Следовательно, значительная часть устюжских крестьян, работавших по найму в монастыре, лишь по своему социальному происхождению принадлежала к крестьянам. В действительности это были люди, полностью лишенные средств производства.

Вторую по численности группу среди наемных работников монастыря, вышедших из Устюжского уезда, составляли половники. Пребывание «в половье» не всегда давало крестьянину возможность поправить свое пошатнувшееся хозяйство (или создать его вновь). В поисках дополнительных средств половники прибегали и к продаже своей рабочей силы. Наемные работники монастыря, вышедшие из среды крестьян и половников, составили 322 человека (89,3%), т. е. абсолютное большинство всех выходцев из Устюжского уезда.

Что же представляли собой наемные монастырские работники? Каково их юридическое и экономическое положение?

Поступление на работу в монастырь сопровождалось (как часто — неизвестно) заключением письменного договора в форме наемных записей или памятей, причем специальным письменным соглашением оформлялся не только долгосрочный, но и краткосрочный наем: известны, например, наемные записи на косьбу монастырских пожен.

В нашем распоряжении имеются следующие типы наемных записей: 5 наемных записей по уходу за скотом, из них 4 порядных монастырских коровниц и порядная пастуха, 4 наемных

---

[25] Писц. и переп. кн., № 513, лл. 282—283.
[26] Там же, № 516, л. 328.
[27] Там же, № 514, лл. 503—504.
[28] Там же, № 513, лл. 15, 287; № 514, лл. 447, 470, 477, 503, 577, 622; № 515, лл. 285, 353, 481, 661; № 516, лл. 116, 199, 301, 302, 335 и т. д.

записи на выполнение работ ремесленного характера (2 порядных плотника, 2 — на работу на монастырской мельнице), 2 записи судовых рабочих, 1 запись, в которой нанимающийся обязуется «мыти» свитки старцев, и 10 записей на косьбу монастырских пожен, итого 22 наемных записи. Наемные порядные — чрезвычайно важные и интересные документы, на анализе которых мы и остановимся.

Из 4 наемных записей коровниц приводим полный текст порядной Марьи Васильевой и Елены Перфильевой 1630 г.

«Се яз, Мария Васильева дочь, да яз, Алена Перфильева дочь, порядилися есми Троицкому игумену Ионе да келарю старцу Мисаилу да казначею старцу Феофану еже з братьею. И нам, Марье да Олене, служить в монастырской службе на коровне — коровы доити и над коровами досматривати.

А найму редили на год по три меры ржи на человека, да овса по полтретье меры, да по полумеры ячменя, да по решету гороху, да по полу-пута [пуда] соли, да по две гривны денег на человека.

А жить нам на коровне без ослушания, что приказной старец повелит делати. А порядилися мы с 138 году месяца августа с 20 дни, а жити нам на коровне до того же числа до 139 году месяца авыуста до 20 дни. А молока давать, как и прежнием коровницам, тою же мерою давать. Да им же, коровницам, давати по руну шерсти доброво давать. А на то послух Степан Иванов сын» [29].

По сравнению с вышеприведенной записью обязанности коровниц в некоторых других наемных записях формулируются более детально. Марья Петрова дочь Михайлова, например, поряжается «на коровню в коровницы монастырская служба служити, коровы доити и круг телят и круг овец водитца, да скатерти мыти монастырские столовые, да сукманы мыти на игумена и на келаря и на казначея и на всю братию и на всех вкладчиков и бельцов» [30]. Обязанности коровниц, следовательно, выходят за пределы работ по уходу за скотом. Все наемные записи коровниц — срочные. В них точно обозначается срок поряда (один год). Обязательным для всех наемных записей монастырских коровниц является пункт о размерах и характере заработной платы. Оплата труда коровниц, как видно из наемных записей,— смешанная. За год работы они получают несколько мер зерна (в двух записях по 6 мер, в двух — по 4 и 7,5 меры), полпуда соли и 2 гривны денег «на сапоги», по терминологии записей. Иногда коровницы получают по руну шерсти. Ни одна из записей не упоминает о получении платы вперед: вероятно, она выплачивалась в конце срока работы.

[29] Ф. Гледен. м-ря, д. 250, л. 1.
[30] Там же, д. 169, л. 1.

Несколько отлична от рассмотренных записей наемная запись Антипы Васильева на пастьбу скота в монастыре 1633 г. Как и в рассмотренных записях коровниц, эта запись указывает: а) обязанности поряжающегося — «нанялся есми скота пасти в лесу и в поскотине, а кормить скот досыта всякой монастырской... да и на дворце пособить, пат скотом поскрести и подчищать»[31], б) срок поряда — на летний период, в) данные о заработной плате — «а найму аз, Онтипа, рядил у сее записи у игумена Ионы и у всей братьи рубль з гривною», г) обязательство работать, «без ослушания». Новым по сравнению с наемными записями коровниц в записи пастуха является, во-первых, то, что плата ему выдается деньгами, во-вторых, одну треть ее Антипа Васильев получает вперед: «а наперед денег у записи брал 11 алт. 2 д.»; в-третьих, наемная запись пастуха содержит пункт о неустойке: «А буде яз не стану пасти скота, и на мне по сей записе деньги вдвое. А буде моим небреженьем скотина утеряется, или моим небреженьем без меня зверь убиет, и мне платить цена, что на соборе игумен з братьею приговорит»[32]. Интересно отметить, что размеры неустойки в данном случае не определяются: монастырь оставляет за собой право взыскивать убытки с нанявшегося в любом размере, что отражает определенное неравноправие договора.

Обратимся к рассмотрению следующего типа наемных записей — договоров о найме транспортных рабочих. Как уже отмечалось, их всего две. Приводим текст одной из них. «Се яз. Констянтин Иванов сын Федосеева, устюжанин, нанялся есми у Троецкого монастыря у старца у Асафа да у слуги Ивана Иванова сына Железа на дощаник. И плыти мне, Константину, у них на дощанике с Устюга с посаду до Колмогор и с Колмогор назад до Устюга до посаду в носниках и назад до Устюга и с Устюга до Колмогор и с Колмогор до Устюга до посаду.

А редили с Устюга три рубля до Колмогор и назад до Устюга, а наперед денег взял рубль денег. Как бог донесет назад до Устюга, и мне взяти два рубли. А буде яз с Устюга не пойду или с судна сойду, и что учинитца убытка, то на мне убытки все сполна»[33]. Интересная и весьма развернутая наемная запись «осначей» (судовых ярыжек), в сущности, содержит те же основные пункты: 3 человека нанимаются идти на монастырском дощанике «в осначах» «и всякое осначеское дело делати без ослушания». Половину причитающейся им платы (1 руб. 5 алт.) они берут в качестве задатка, остальные получают по окончании рейса. В случае кражи и побега с судна с украденным имуществом или невыполнения принятых обязательств «осначи»

---

[31] Ф. Гледен. м-ря, д. 309, л. 1.
[32] Там же.
[33] Там же, д. 220, л. 1.

выплачивают наемные деньги вдвое [34]. Приведенные записи судовых работников типичны для XVII в., поэтому нет смысла останавливаться на них более подробно [35].

Следующий тип наемных записей — записи на косьбу монастырских пожен. Все 10 записей почти дословно повторяют друг друга, поэтому вполне достаточно привести текст одной из них. «Се яз, Лука Антонов сын Дьяковых, взял есми у Троецкого монастыря у старца Макарья пожню в искос в Канской волости на игумнове лугу, а косити на той пожне в первую косу с людьми вдруг, а метати на той пожне сено пополам и в остожье крепити Луке накрепко, и скотом не стравити троецкого сена. А не поставлю я, Лука, на той пожне того сена в первую косу с людьми вдруг или в остожье стравлю я, Лука, своим небрежением, ино дати за троецкое сено за всякую копну по два алтына денег за троецкую половину. А Троице имати на той пожне пополам любой конец. В том я, Лука, на себя и запись дал. На то послух...» [36]. В данном случае «искощик» нанимается косить монастырские пожни исполу. В других записях на косьбу монастырских пожен встречаются указания на получение $^1/_3$ и $^2/_5$ доли сена [37].

Рассмотренные нами записи монастырских работников свидетельствуют прежде всего о том, что ими оформлялся акт найма: поряжающиеся указывают, что они берутся выполнить для монастыря ту или иную работу за определенную плату деньгами или натурой. Особенность рассматриваемых записей в том, что в них ничего не говорится об условиях ухода работника по окончании срока найма. Объяснить это, на наш взгляд, можно тем, что право ухода в Гледенском монастыре было само собой разумеющимся. Об этом свидетельствует, во-первых, отсутствие условий, задерживающих уход, во-вторых, наличие точно определенного и притом короткого срока найма (в пределах года). Очевидно, наемные записи не умолчали бы об уходе, если бы он зависел от каких-либо условий (уплата неустойки в случае досрочного ухода, обстоятельства, удерживающие работника после срока, и т. д.). Непременным условием всех наемных записей

---

[34] Ф. Гледен. м-ря, д. 221, л. 1.

[35] См. А. А. Савич. Соловецкая вотчина XV—XVII вв. Пермь, 1927, стр. 142—147; Н. В. Устюгов. Работные люди на Сухоно-Двинском водном пути в первой половине XVII в.— «Исторические записки», кн. 6, М., 1940, стр. 167—194; А. А. Введенский. Заметки по истории труда на Руси XVI—XVII в.— «Архив истории труда в России» кн. 3, т. II, 1929, стр. 53—63; П. А. Колесников. Из истории классовой борьбы вологодских крестьян в XVII в. Вологда, 1957, стр. 5—12; Н. А. Бакланова. Торгово-промышленная деятельность Калмыковых во второй половине XVII в. М., 1959, стр. 131—160.

[36] Ф. Гледен. м-ря, д. 121, л. 1.

[37] Там же, д. 395, лл. 1—2.

является пункт об оплате труда. Нанимающийся договаривается, в каком размере и в какой форме получит он вознаграждение за выполненную работу.

Все это дает основание считать, что рассмотренными выше записями оформлялся вольный наем, акт продажи рабочей силы, не осложненный личной зависимостью работника от работодателя.

Однако в записях имеются и элементы феодального найма. Прежде всего, заметно неравноправие договаривающихся сторон. Те записи, в которых условия гарантируются неустойкой, всегда говорят только о неустойке со стороны работника. Определенным моментом, который стеснял свободу нанимающегося, его право ухода до окончания срока работы, являлась выдача задатков. Получая плату (или часть ее) вперед, нанимающийся уже не мог чувствовать себя свободно. Привлекая к себе работника путем выдачи ему вперед известной суммы, работодатель тем самым более надежно обеспечивал себя рабочими руками. Но в Гледенском монастыре задатки практиковались далеко не всегда. Из 22 наемных записей лишь в 7 говорится о задатках. В действительности выдача задатков практиковалась еще реже.

Отмечая черты феодального найма в наемных записях XVII в., некоторые исследователи указывают на обязательство нанимающихся «слушати» своих работодателей. Анализ имеющихся в нашем распоряжении наемных записей показывает, что обязательство «слушати» старцев, работать «без ослушания», делать то, «что старец повелит», встречается лишь в тех записях, которые заключаются на определенный срок. Так как заранее трудно предвидеть, какие работы потребуется выполнить в течение этого срока, монастырская администрация включает обязательство выполнять то, что требуется в данный момент.

При рассмотрении экономического и юридического положения наемных монастырских работников нельзя ограничиться анализом наемных записей. Во-первых, число записей невелико. Во-вторых, в монастырском фонде имеются и другие типы документов (особенно ценны среди них приходо-расходные книги монастырских казначеев), которые не только дополняют данные записей, но и в некоторых случаях вносят серьезные поправки. Кроме того, в ряде случаев представляется возможность проверить, как выполнялись условия записей в жизни, ибо действительность часто не соответствовала юридическим нормам.

Прежде всего, приходо-расходные книги монастырских казначеев дают большой дополнительный материал по вопросу об оплате труда наемных работников и о сроках найма.

Приходо-расходные книги монастырских казначеев различают две основных категории наемных сельскохозяйственных работников: летних и зимних. Летние и зимние работники работали в монастыре по срочному найму: летние работники нани-

мались обычно с «Велика дни Христова (Пасхи) до Филипова заговейна» (т. е. с марта — апреля до 14 ноября — на 7 месяцев), зимние — «от Филипова заговейна до Христова дни», т. е. на 5 месяцев. Срочными работниками были монастырские пастухи и коровницы. Последние поряжались, как мы выяснили, на длительный срок: полгода или год. Нужно отметить, что максимальный срок найма в Гледенском монастыре не превышал одного года, причем по годовому найму работали лишь коровницы. Срок найма остальных работников составлял несколько месяцев (в большинстве случаев 5—7). Были наемные работники и на более короткие сроки. Это в основном работники, занятые заготовкой сена (косцы, гребцы и др.); срок их найма колебался от одного до нескольких дней.

Исходя из данных записей, трудно выяснить преобладание той или иной формы заработной платы наемных рабочих, тем более, что сохранилось небольшое число записей, к тому же они более или менее однотипны. Как видно из документов, наемные работники получали за свой труд денежную плату.

Приходо-расходные книги монастырских казначеев дают возможность выяснить величину реальной заработной платы наемных работников изучаемого периода.

При изучении этих книг обращает на себя внимание резкая разница в оплате труда за летний и зимний наймы. Если летние наемные работники в большинстве случаев получали 1,5—2 руб. за сезон, то обычная заработная плата зимних работников составляла 3—7 алт., т. е. была примерно в 10 раз ниже заработной платы летних наймитов. Оплата труда зимних наемных работников была настолько ничтожной, что прокормиться на нее было нельзя. Это дает возможность предположить [38], что зимний наем был не чем иным, как стремлением удержать работника в монастыре, чтобы потом использовать его на летней работе. Зимние работники выполняли текущую работу в монастырском хозяйстве, чистили хлевы и т. д., находясь на монастырском содержании, и в качестве поощрения получали несколько алтын за несколько месяцев работы.

Интересно отметить, что начиная с 60-х годов XVII в. в приходо-расходных книгах монастырских казначеев уже не встречается сведений о зимнем найме. Различные категории зимних наемных работников исчезают. По-видимому, вопрос о дополнительной рабочей силе в монастырском хозяйстве в лице наемных работников к этому времени утратил свою остроту. По дан-

---

[38] К сожалению, не сохранилось ни одной записи зимних наемных работников, которые дали бы возможность выяснить действительное положение зимних наймитов.

ным Н. В. Устюгова, в 60-х годах XVII в. в связи с усилением фискального гнета и ряда других причин усиливается отход крестьян Поморья на заработки[39]. Расширение рынка рабочей силы способствовало тому, что у монастыря отпала необходимость держать у себя зимних работников только затем, чтобы использовать их впоследствии на летних работах.

Заработная плата выдавалась наемным работникам обычно в конце срока работы или по ее выполнении. Так, летние наемные работники получали деньги в ноябре, зимние — в марте — апреле [40].

Выдача наемным людям задатков в монастыре не получила распространения, и в этом отношении приходо-расходные книги вносят существенную поправку в данные наемных записей. Как уже отмечалось, примерно в 1/3 записей (7 из 22) говорится о задатках. Однако данные приходо-расходных книг свидетельствуют о том, что выдача задатков наемным людям не была столь частым явлением. Так, например, в 70-х годах XVII в. в монастыре работало по летнему найму 149 наемных работников, из них 127 человек получили заработную плату в конце срока работы (в ноябре) и 22 человека получили задатки. В отдельные годы (1674/75, 1675/76 и др.) задатки вообще не выдавались. Размеры задатков, как показывают данные приходо-расходных книг, были обычно небольшими. В 1670—1671 гг., например, каждый из 12-летних наемных работников получил задаток в размере 3 алт. 2 д., в то время как заработная плата летних наймитов, как уже отмечалось, колебалась от 1,5 до 2 руб.

Но если сельскохозяйственные наемные работники получали задатки редко, то транспортным наемным рабочим выдача задатков практиковалась постоянно, причем размеры их, как правило, составляли половину заработной платы[41].

Уже указывалось, что наемные работники Гледенского монастыря пользовались правом ухода. Об этом свидетельствует как полное отсутствие в наемных записях каких-либо моментов, задерживающих работника после окончания срока найма, так и указания приходо-расходных книг монастырских казначеев на уход наемных работников по окончании срока найма. «Того же дни,— записывает денежный казначей,— дал работникам шестерым человеком детенышам, которые вышли из монастыря по дочету, по две гривны на человека, итого 1 руб. 6 алт. 4 д.» [42]. Правда, таких прямых указаний на уход наймитов в приходо-расходных книгах немного, ибо в них фиксировалась лишь сумма, выданная тому или иному работнику, и сопровождать много-

[39] Н. В. Устюгов. Указ. соч., стр. 190—191.
[40] Ф. Гледен. м-ря, д. 1211, л. 29; д. 1246.
[41] Там же, д. 1036, л. 9; дд. 990, 1078, 1247 и др
[42] Там же, д. 1246, л. 20.

численные записи подобного типа указание на то, что данный человек вышел из монастыря, не было никакой необходимости.

Особенно показателен тот факт, что монастырские наемные работники могли уйти из монастыря и до окончания срока найма, причем за преждевременный уход не несли никакой ответственности. Монастырская администрация признавала за ними полное право досрочного ухода, причем не только не взыскивала никакой неустойки, но оплачивала ту часть работ, которую наемные люди успели выполнить, живя в монастыре. Судя по наемным записям, исключение в этом отношении составляют лишь транспортные работники, с которых за досрочный уход взыскивалась неустойка.

В приходо-расходных книгах есть чрезвычайно интересные записи об оплате труда наемных работников, которые «до сроку не жили». «Дал овешнику Ивашке Иванову сыну,— записывает денежный казначей в 1638/39 г.,— что наимовался овец пасти, до сроку не дожил, а дал по розчету , итово ему найму дал алтын денег». «Дал Горе найму,— продолжает казначей,— что наимовал острова стеретчи,— наем дал по разчету, потому что до сроку не жил, 3 алт.». В книге денежного казначея за 1640/41 г. читаем: «Августа в 30 день дал детенышу летнему наем по розчету Дементию, что наимовал с Велика дни до Филипова заговейна, а ряжено найму 60 алт. с полугривною, не дожил он 11 недель, дал розчету 40 алт. 4 д.» В этой же книге встречаем следующую запись: «Генваря в 14 день наняты были зимние трудники Ерафимко Федоров, Петрунька Андроников Вязаницын с Филипова заговейна до Велика дни, не стали жить, дал найму по розчету обеим 2 алт. 4 д.» [43]

Право ухода сохранилось за наемными рабочими и в более поздний период — в 50—70-е годы XVII в. Так, купчина-казначей в приходо-расходной книге за 1656/57 г. сопровождает запись об оплате труда зимних детенышей указанием: «которые дожили до сроку» [44]. Эта же мысль подчеркивается и в «сказке» властей и братии монастыря 1671 г. об отсутствии в монастыре слуг, служебников, домовых конюхов и «данных» крестьян. «А которые в том Троецком монастыре,— пишут старцы,— приходят по вкладным и из найму живут бельцы в монастырских службах и в работе для кормления на время, и те все люди великого государя тяглые черные, посацкие и волостные, и писаны они в посаде и в волостях в тяглых книгах. И пожив в монастыре сколько кто похочет времени по вкладной, или кто из найму, и выходят из монастыря вон в посад и в волости, хто откуды пришел. А в которое время они, бельцы, и в монастыре

[43] Ф. Гледен. м-ря, д. 403, л. 27; д. 26; д. 515, л. 36, 50.
[44] Там же, д. 912, л. 12.

живут,— продолжают старцы,— и они государеву подать в посад и в волости хто где написан, платят же безпереводно повсягодно. И нам, игумену з братьею, имянных их списков дать не на кого, потому что все люди государевы податные»[45]. Монастырские власти довольно точно отразили действительность. Как уже отмечалось при анализе социального состава наемных монастырских работников, большинство их оказалось тяглыми посадскими и уездными жителями, ведущими свое хозяйство. Для них работа в монастыре была временным занятием, которое давало им дополнительный заработок. По окончании срока найма посадские и уездные люди уходили из монастыря «вон», на прежние места жительства. Монастырь уже потому не мог закрепостить своих наемных работников, что они, работая в монастыре по найму, продолжали быть членами тяглых миров, под защитой которых и находились. Уже отмечалось, что из 659 наемных работников, работавших в монастыре в период с 20-х по 70-е годы, 458 человек оказались посадскими и уездными жителями Устюжского уезда, т. е. к началу переписи 70-х годов они продолжали принадлежать к определенной социальной группе (крестьяне, посадские люди, половники и т. д.).

Из 659 человек, работавших по найму в Троицком Гледенском монастыре в рассматриваемый период, только в отношении двух человек можно сделать предположение, что в результате работы в монастыре они превратились в зависимых от него людей. В 70-х годах в монастыре косил по найму сено Андрей Лукьянов Корякин. По писцовой книге он числится черносошным крестьянином Кичменгской волости, причем указывается, что двор его «пуст». Одновременно он записан в той же писцовой книге бобылем, имеющим в Морозовице свой двор и платящим бобыльский оброк.[46]. Второй наемный работник, Михаил Никитин, также косивший в монастыре сено в 70-х годах, в писцовой и переписной книгах записан как черносошный крестьянин Ягрышской волости, причем двор его также «пуст». Как и Андрей Корякин, он оказался в составе населения монастырской слободы как вкладчик, т. е. зависимый от монастыря человек[47]. Однако вероятнее предположить, что не работа в монастыре превратила этих людей в феодально зависимых (они работали по краткосрочному найму на сенокосе в течение одного сезона), а напротив, превратившись в зависимых людей (первый — путем поступления в бобыльство, второй — став монастырским вкладчиком), выполняли по найму некоторые работы.

Даже по отношению к наемным работникам, работавшим

---

[45] Ф. Гледен. м-ря, д. 1134, л. 1.

[46] Писц. и переп. кн., № 516, л. 338; № 512, л. 9.

[47] Там же, № 514, л. 499; № 512, л. 12.

длительное время, нет никаких данных, позволяющих говорить о превращении их в конце концов в зависимых от монастыря людей. Вообще нужно отметить, что многие наемные работники работали в монастыре не один год. Так, например, Михаил Башарин работал в монастыре пастухом летом 1650 г.; в 1651/52 г. он работал в монастыре по найму в течение круглого года в качестве летнего казака и зимнего подконюшеника. Андрей Коромыслов был летним казаком в 1651/52 г.; через несколько лет, в 1656/57 г., он опять нанимается на работу в монастырь и работает уже в течение года летним детенышем и зимним казаком.

Из 417 наемных работников, которые работали в монастыре в течение рассматриваемого периода по долгосрочному найму, 128 человек (30,7%) приходили для работы в монастырь в течение двух-трех и более лет.

Специально следует остановиться на группе наемных людей, которые работали в монастыре довольно продолжительное время — 5—7 лет, ибо по отношению к ним прежде всего должны были проявиться закрепостительные тенденции, если таковые имелись. В течение 7 лет работали в монастыре 2 наемных человека: Федор Колодешников и Афанасий Глухой. Ф. Колодешников впервые нанялся для работы в монастырь в 1644 г. и до 1652 г. ежегодно работал в качестве зимнего и летнего наемного работника, лишь два раза он работал сезон: в 1645/46 г. был летним детенышем, в 1646/47 г.— зимним казаком [48]. А. Глухой впервые нанялся в монастырь в 1669/70 г. и работал летним трудником. В качестве летнего наемного работника он работал и в последующие годы: 1670/71, 1673/74 — 1675/76, 1677/78, 1678/79 [49]. Итак, за десять лет (1669—1679) А. Глухой приходил для работы в монастырь семь раз. Несмотря на такое длительное пребывание в монастыре, А. Глухой сохранил свое положение лично свободного человека. Он приходил в монастырь весной, работал по найму летний период, затем уходил (иначе он был бы перечислен в составе зимних работников), весной следующего года опять нанимался и т. д. Причем в течение 3 лет из 10 (1671/72, 1672/73 и 1676/77) он вообще не работал в монастыре. Заработную плату он получал вместе с остальными наемными работниками в конце срока работы в одинаковом с ними размере. Юридическое положение в монастыре Ф. Колодешникова менее ясно. И действительно, он работает в монастыре постоянно в течение 7 лет, круглый год (зиму и лето), однако в составе зависимого от монастыря населения не упоминается, а некоторые данные позволяют считать, что он сохранил свое положение лично свободного наемного человека. Так, он всегда перечисля-

---

[48] Ф. Гледен. м-ря, дд. 552, 602, 628, 692, 711, 731, 751.
[49] Там же, дд. 1065, 1127, 1185, 1211, 1235, 1263, 1291.

ется в составе нанимающихся, в конце срока работы получает заработную плату, причем размеры ее не ниже заработной платы остальных наемных людей. В начале своей работы по найму Ф. Колодешников получил за работу в качестве зимнего детеныша 7 алт., 2 д.; в этом году заработная плата зимних наемных работников колебалась от 2 алт. 4 д. до 8 алт., а в большинстве случаев составляла 7 алт. 2 д. За летнюю работу в этом же году Ф. Колодешников получил 2 рубля, в то время как оплата труда летних работников колебалась от 1 руб. 20 алт. до 2 руб. 6 алт. 4 д.[50] После нескольких лет работы заработная плата Ф. Колодешникова составляла: за зимнюю работу в 1648/49 г.— 5 алт. (зимние работники в этом году получили от 1 алт. 2 д. до 5 алт. 4 д.), за летнюю — 1 руб. 20 алт. (оплата летних наймитов 2 алт. 2 д.— 1 руб. 20 алт.) [51]. В следующем, 1649/50 г. за работу в течение зимы Ф. Колодешников получил 5 алт. (оплата зимнего найма 3—7 алт.); за работу в качестве летнего наемного казака— 1 руб. 21 алт. 3 д. (заработная плата всех летних наемных работников в этом году составила 1 руб. 21 алт. 3 д.) [52]. Таким образом. Ф.Колодешников получал наиболее высокую заработную плату. Если бы он превратился в зависимого от монастыря человека, монастырь не замедлил бы воспользоваться этим и снизить заработную плату, как поступали в подобных случаях другие вотчинники. Кроме Ф. Колодешникова и А. Глухого, в монастыре работали по найму длительное время и получали заработную плату в одинаковом с другими наймитами объеме и другие наемные люди: Павел Шмаров (работал в монастыре в 1654/55, 1656/57 — 1658/59, 1661/62, 1667/68 гг.) [53], Федор Емельянов 1654/55, 1656/57, 1658/59, 1661/62, 1667/68 гг.) [54], Михаил Емельянов (1656/57, 1657/58, 1661/62, 1667/68, 1671/72) [55], Семен Филиппов (1656/57, 1664/65, 1667/68, 1672/73, 1673/74 гг.) [56] и некоторые другие. К сожалению, социальная принадлежность этих лиц неизвестна. Однако, судя по тому, как часто они приходили в монастырь, нанимаясь главным образом на летний период, можно предположить, что это или вольные гулящие люди или разорившиеся производители, пришедшие в монастырь из окрестных уездов (в писцовых и переписных книгах Устюга они не обнаружены). То обстоятельство, что эти люди нанимались на работу в монастырь через определенные промежутки времени,

---

[50] Ф. Гледен. м-ря, д. 602.
[51] Там же, д. 731.
[52] Там же, д. 711.
[53] Там же, д. 795, 893, 887, 912, 939, 1054.
[54] Там же, д. 795, 887, 912, 939, 1054.
[55] Там же, д. 893, 912, 939, 1054, 1148.
[56] Там же, д. 912, 988, 1166, 1185.

получали заработную плату в конце срока работы и в одинаковом с остальными наемными работниками размере, наконец, то, что их нет в составе зависимого от монастыря населения, свидетельствует о том, что даже систематическая работа в монастыре не превращала наемных работников в зависимых людей.

Наряду с вольнонаемным трудом в хозяйстве Троицкого Гледенского монастыря применялся труд работников, форму эксплуатации которых можно определить как феодальный наем. Это люди, находившиеся от монастыря в долговой зависимости по житейским записям до урочного года. К сожалению, сохранилось лишь 2 житейских записи. Это — запись бывшего монастырского половника Афанасия Плугарева и запись Фрола Колисова.

В житейской записи Афанасия Плугарева отмечается, что по окончании срока половья он не смог выплатить по порядной монастырю 4 рубля денег, поэтому он договорился о следующем: «жить мне, Афанасию, у них в Троецком монастыре у игумена Афанасия и у всей братьи за те 4 рубли 4 годы..., а живучи, мне в монастыре пить и исть монастырское, а платье, одежа и обуток и рубахи все и рукавицы носить в те срочные годы свое... (слово неясно), а работа мне в монастыре робыть черная всякая, куды они, игумен з братьею, нарядят и пошлют. И живучи в монастыре слушать, из монастыря до сроку не збежить, жить. А буде я, Афанасий, до сроку из монастыря сойду, не дожив году или месяца, и на мне, Афанасье, взять по сей записи и на сыне моем Артемье деньги 4 рубли все сполна. А как отживу срочные годы, и мне игумену и всей братьи та запись выдать безденежно...» [57].

Содержание другой житейской записи до урочного года состоит в следующем: Фрол Колисов дает на себя запись в том, что жить ему в монастыре «за рубль год», «не выходя из монастыря» [58]. В случае невыполнения этого условия полагается неустойка в размере 2 руб. Запись очень краткая. В ней нет многих пунктов, характерных для житейских записей, однако по существу она не отличается от других житейских записей. Обращает на себя внимание крайне короткий срок (один год).

Оплата труда работающих по житейским записям, как видно из текста последних, ниже заработной платы наемных монастырских работников. За год работы они получали 1 рубль, в то время как оплата труда наемных монастырских работников колебалась, как мы выяснили, от 1,5 до 2 рублей: монастырь использовал временную зависимость работающих по житейским записям и снижал им заработную плату. Кроме приведенных

[57] Ф. Гледен. м-ря, д. 1159, л. 1.
[58] Там же, д. 86, л. 1.

записей не сохранилось каких-либо сведений об эксплуатации труда людей, живущих по житейским записям до урочного года, поэтому выяснить, в каких отраслях монастырского хозяйства и в каком объеме применялся их труд, не представляется возможным.

По найму работали также и феодально зависимые от монастыря люди: половники, монастырские бобыли и вкладчики. Половники нанимались обычно на краткосрочные работы, так как свободного времени, особенно летом, у них почти не оставалось: косили сено, пряли шерсть, варили квас, обрабатывали кожи и т. д. Работали по найму и монастырские бобыли, выполнявшие монастырское изделье, но так как в приходо-расходных книгах обычно не указывалось социальное положение работающего по найму, выяснить, какие работы выполняли монастырские бобыли, как оплачивался их труд, и самое число бобылей, не удается. Известно лишь, что в 70-х годах по найму работало 3 бобыля: Андрей Корякин и Лука Зырянин косили сено, бобыль Федор Багра шил для монастыря различную одежду [59].

Некоторые вкладчики, получив вкладную и перейдя жить в монастырь, выполняли в монастырском хозяйстве отдельные виды работ по найму. Как и наемные работники, за свою работу вкладчики получали заработную плату в конце срока работы. О том, как часто использовался труд вкладчиков, трудно сказать что-либо определенное. Установить тот факт, что среди наемных работников находились и монастырские вкладчики, помогли писцовая и переписная книги Устюга. В перечне населения Морозовицы, в которой жили монастырские вкладчики и бобыли, нами обнаружено 8 вкладчиков, перечисленных в приходо-расходных книгах в числе остальных наемных работников [60].

Приведенные сведения дают возможность предположить, что роль феодально зависимого населения монастыря в общей системе эксплуатации наемного труда была незначительной. Подтверждением этого может служить и тот факт, что самое число монастырских вкладчиков и бобылей было небольшим. Из 63 бобылей и вкладчиков только 11 человек выполняли различные работы по найму. Из 330 половников, живших в монастыре в конце 70-х годов, лишь 7 человек обнаружены в составе работающих по найму.

Из рассмотренного материала можно сделать следующие выводы.

---

[59] Писц. и переп. кн., № 512, лл. 8, 9, 11.
[60] Там же, лл. 7—13.

Наемный труд в хозяйстве Троицкого Гледенского монастыря не имел решающего значения, и его удельный вес в общей массе был довольно скромным: он использовался в основном как дополнение к труду феодально зависимого населения монастырской вотчины. В земледелии роль найма была крайне незначительной: систематически наемный труд применялся только при заготовке сена и уходе за скотом.

Однако случаи обращения к наемному труду и рост его применения являлись тем новым, что можно отметить в организации монастырского хозяйства XVII в. Это оказалось возможным в условиях развивавшегося в Поморье процесса имущественного неравенства, переходившего в социальное расслоение.

А. А. Новосельский

РАСПАД ЗЕМЛЕВЛАДЕНИЯ СЛУЖИЛОГО «ГОРОДА» В XVII в. (по десятням)

I

Связь военной повинности, лежавшей на провинциальном дворянстве в XVI—XVII вв., с землевладением вызвала к жизни одно из основных положений землеустроительной политики московского правительства, формулированное в указе второй половины XVI в.: «...детей боярских испомещивать в однех городех, кто откуда служит» [1]. Соответственно этому принципу служилые люди распадались на замкнутые территориальные корпорации, пользовавшиеся некоторыми элементами самоуправления. «Города» в походе создавали конные сотни и выбирали своих голов и знаменщиков, определяли размеры и формы службы и пр.; от имени служилых «городов» подавались правительству коллективные челобитные по важнейшим вопросам, интересовавшим уездное дворянство; они же производили выбор представителей на земские соборы. Таким образом, служилый «город» был зародышем дворянской сословной организации [2].

Однако идея единства и полной замкнутости городового землевладения не получила категорического выражения в законодательстве и не была полностью осуществлена на практике. Совпадение землевладения с местом службы нарушалось целым рядом изъятий, допускавшихся самим правительством, постепенным проникновением столичных чинов в среду городового дворянства и наоборот, городовых дворян и детей боярских в среду столичных служилых людей; а также массовыми пере-

---

[1] В. Н. Седашев. Очерки и материалы по истории землевладения Московской Руси в XVII в. М., 1912, стр. 108.

[2] А. А. Новосельский. Правящие группы в служилом городе XVII в.— «Ученые записки Института истории РАНИОН», т. V, М., 1928, стр. 315—335.

бросками служилых людей в связи с чрезвычайными событиями в жизни государства.

Основной причиной разрушения городовой организации было развитие товарно-денежных отношений. Менялся самый характер служилого землевладения. Поместье быстро теряло свойственные ему специфические черты условного землевладения и сближалось с вотчиной. Земля становилась предметом купли и продажи, хотя и замаскированных слегка; происходила перетасовка феодального землевладения между различными категориями дворянства. Со второй половины XVII в. в том же направлении действовала замена поместного войска войсками нового строя — солдатскими, рейтарскими. В XVII в. мы застаем уже довольно пеструю картину размещения городового землевладения как результат длительного процесса разрушения его единства [3].

Впрочем, и в XVII в. были целые территории, где служилые корпорации полностью, или почти полностью, были испомещены только по месту своей службы. Эти остатки порядка, некогда господствовавшего на всей территории государства, в XVII в. сохранились в южной части страны, находившейся в ведении Разряда. При непрерывно протекавшей колонизации Юга городовые служилые общества из приборных служилых людей создавались здесь часто актом единовременного испомещения, что позволяло полностью осуществлять указанный выше принцип землеустроения служилых людей.

Однако наблюдения, изложенные в статье, редко касаются южных уездов; предметом нашего изучения являются уезды центральных областей, где были испомещены служилые люди по отечеству. В старых городах (Владимир, Суздаль, Дмитров и др.) землевладение в XVII в. достигло уже такой степени разбросанности, что функционирование городового механизма в значительной мере было парализовано. «Окладчики и весь город» не были уже в состоянии во многих случаях давать точных показаний о количестве и качестве владений своих «горожан» и поэтому не могли устанавливать размеров следуемой с них «службы»: на смотрах и разборах окладчики обычно говорили, что служилые люди владеют поместьями «в разных дальных городех», сколько за ними поместий и вотчин, «не ведают и не упомнят». Служилые люди, получив землю в отдаленных от своего родного города уездах и осев в них, не могли уже своевременно являться на разборы и смотры, даже на раздачи жалованья, порывали связь со своим родным городом и переписывались в тот город, в уезде которого владели землей.

---

[3] Общий обзор развития служилого землевладения см. в «Очерках истории СССР. Период феодализма. XVII в.», М., 1955, стр. 139—156.

Группы служилых людей, оторвавшиеся от своих городов территориально, начинали иногда служить отдельно, имели своих особых окладчиков, переставали фактически принимать участие в избрании представителей на земские соборы, происходившем по городам. Словом, разбросанность городового землевладения делала фиктивной всю городовую организацию и приводила ее к разрушению.

Подобное состояние городовой организации в XVII в. наблюдалось во многих городах. В качестве одного из самых ярких примеров фиктивности городовой организации может служить Белоозеро. Служилая корпорация этого города — «белоозерцы» — была создана в 1612—1613 гг. из групп казаков подмосковного ополчения и других категорий служилых людей, испомещенных на дворцовых и черных землях Белоозерского уезда. Вскоре различные группы белоозерцев получили дополнительные земельные дачи в других уездах: Вологодском, Клинском, Звенигородском, Каширском, Оболенском, Перемышльском, Медынском, Шацком, Алатырском. Каждая из этих групп белоозерцев служила отдельно, имела своих особых окладчиков; организация выборов от белозерцев на земские соборы обычно не удавалась. Указ 1678 г. уничтожил номинальную связь этих групп между собой: «белоозерцы разных городов помещики (были) написаны с городами, в которых они испомещены» [4].

II

Основным источником для суждения о территориальном размещении городового землевладения являются разборные десятни и аналогичные им разборные книги. Разборные десятни, кроме цифр денежных и поместных окладов, распределения служилых людей по «чинам» и статьям, кроме указания на боевую годность и вооружение служилого человека, содержат еще сведения о землевладении, его количестве и местонахождении. Нет другого документа, который давал бы более полное и отчетливое представление о служилой корпорации, основах и характере ее строя, городовом самоуправлении в специально отведенной ему сфере военной службы. Десятни позднее середины XVII в. встречаются редко, что служит свидетельством умирания самой организации. Сменившие их разборные книги второй половины того же столетия отражают наглядно процесс разложения служилого «города».

Среди материалов Разрядного приказа находится до 25 десятен и разборных книг, содержащих в себе сведения о территориальном распределении землевладения городовых служилых

[4] Кн. Новгород. ст., № 33, лл. 2, 72—73; Кн. Влад. ст., № 13, лл. 6 об., 409 и след.

людей. В большинстве своем эти десятни относятся к 1622 г., когда «по государеву указу был разбор по городам всей земли» [5].

Наиболее полны и надежны сведения десятен о том, где владели землей служилые люди, что дает возможность составить совершенно отчетливое представление о степени сосредоточения и разбросанности городового землевладения. Цифры земельных площадей менее надежны. В ряде случаев окладчики не знали размеров земельных дач своих горожан. Так, по Твери (десятня 1622 г.) из 204 земельных участков не учтено 69, т. е. 33,8%. По Волоку-Ламскому десятня того же года не учитывает размеров 9 участков из 47, т. е. 19% [6]. Некоторые десятни не различают поместного и вотчинного землевладения, указывая лишь их общий итог [7]. Для ясности подчеркиваем, что десятни говорят о землевладении служилых людей, лишь принадлежащих к данной городовой организации, а не о землевладении служилых людей других городов, московских чинов, монастырей, а также дворцовых землях.

Показаниям десятен нет никакого основания доверять менее, чем цифрам писцовых книг. Записи десятен производились разборщиками при участии окладчиков и под контролем «всего города». Следовательно, публичность их составления была, во всяком случае, не меньшей, чем при составлении писцовых книг. Велика была и заинтересованность служилых людей в правильности показаний горожан при составлении десятен. «Весь город» был авторитетной инстанцией для писцов, производивших описание или дозор уезда. При отсутствии документальных доказательств, права на владение землей удостоверялись «всем городом». Так, например, в писцовой книге по Белеву 1628—1629 гг. встречаем указание, что поместья записаны за служилыми людьми, при отсутствии крепостей, «по сыску дворян и детей боярских всего города» [8]. При отсутствии писцовых и дозорных книг десятни служили иногда документом, удостоверявшим размер и местонахождение землевладения служилых людей. В 1627 г. новгородец Степан Казаринов сын Веревкин доказывал правильность своего челобитья ссылкой на разборную десятню Деревской пятины, 1622 г. [9] В другом

---

[5] АМГ, т. III, № 458.

[6] В. Н. Сторожев. Тверское дворянство XVII в., вып. I—IV. Тверь, 1891—1895 (состав дворянства по десятням), десятни № 194, 196 и 266.

[7] Стлб. Владим. ст., № 10 (Солова, 1622 г.), № 16 (Одоев, 1622 г.); десятня по Боровску, № 177.

[8] Писц. и переп. кн., № 15528, л. 216.

[9] «Материалы для истории делопроизводства Поместного приказа по Вологодскому уезду в XVII в.», собр. В. Н. Сторожевым, вып. 1, СПб. 1906, стр. 184 (далее — «Вологодские акты»).

случае того же года Поместный приказ наводил справку в Разряде о поместьях Петра Кириллова сына Брянчанинова и Матвея Иванова сына Беседного на Вологде по десятне 1622 г., причем сравнение с писцовой книгой 1620 г. показало почти точное совпадение цифр [10].

Позднейшие разборные книги ссылаются в своих показаниях на переписные книги. Сопоставление цифр разборной книги по Галичу 1679 г. с переписной 1678 г. свидетельствует о полном их совпадении [11]. В разборных книгах 1679 г. и других ближайших лет постоянно встречаются ссылки на переписные книги 186 (1678) г., иногда же вносятся поправки и дополнения, если количество дворов изменилось по сравнению с переписными книгами [12].

III

Приведем данные десятен по городам Одоеву (1622 г.), Мещере (1622 г.), Пошехонью (1617 г.), Болхову (1622 г.) и Боровску (1622 г.) в качестве иллюстрации почти полного сосредоточения землевладения служилых людей в их уездах (См. табл. 1) [13].

По Одоеву наблюдается полное сосредоточение землевладения городовых служилых людей в своем основном уезде. В других городах, приведенных в таблице, почти все служилые люди размещены в своих уездах. Боровск может быть отнесен к числу центральных; можно думать, что наличие в этом последнем уезде свободных земель дало возможность наделить боровичей землей здесь же в своем уезде.

Сохранившиеся десятни по другим городам не дают примеров подобного же сосредоточения городового землевладения в центре. Напротив, они свидетельствуют о большой чересполосице землевладения большинства старых служилых «городов».

---

[10] «Вологодские акты», стр. 63—69.

[11] Кн. Моск. ст., № 106, лл. 12, 244, 249; Писц. и переп. кн., № 7252, лл. 41, 587, 609, 683, 1007.

[12] Кн. Владим. ст., № 16, лл. 166—170, 199, 202 и др.

[13] Стлб. Владим. ст., № 16 (Одоев); Дела десятен, кн. № 266 (Пошехонье); кн. № 144 (Болхов), кн. № 177 (Боровск); кн. Владим. ст., № 12 (Мещера).

Основные правила, принятые при подведении итогов по десятням, следующие: 1) землевладение служилых людей в отставке, вместо которых служат их сыновья, считается за сыновьями; 2) служилые люди, имеющие землю, но, по показанию окладчиков и «всего города», ею не владеющие, считаются безземельными; 3) «мертвые души», пропавшие без вести и не служащие с «городом» по многу лет, хотя и названные в десятнях, в счет не идут; 4) площадь земли исчислена в четях и в одном поле, без различения поместной и вотчинной.

Таблица 1

Землевладение по десятням 1617—1622 гг.

Города	Земли			Владельцы							Место внегородового владения, число владельцев
	Всего, в четях	В своем уезде		Всего	Только в основном уезде		Только вне основного уезда		Смешанно		
		в четях	в %		число	%	число	%	число	%	
Одоев	9 475	9 475	100	204	204	100	—	—	—	—	
Пошехонье	7 730 *	7 623	98,6	84	82	97,6	1	1,2	1	1,2	Белозерский уезд, 2 (2,3%)
Мещера	25 003	23 655	94,6	340	330	97	8	2,4	2	0,6	Муромский уезд, 4 Шацкий уезд, 4 Рязанский уезд, 2
Болхов	16 033	15 289	95,2	225	215	95,5	6	2,7	4	1,8	Орловский уезд, 4, и по одному человеку в 5 других соседних уездах
Боровск	9 803 **	9 408	95	66	62	94	3	4,5	1	1,5	В Вологодском уезде — 2, в Малоярославецком, Галицком, Рязанском по одному

* Вероятно, сведения десятни по Пошехонью неполны. В изучаемой десятне по Пошехонью 1617 г. учтено всего 99 лиц. Между тем по смете военных сил 1631 г., по Пошехонью значится 150 человек («Временник ОИДР», кн. IV, стр. 18—20); по смете военных сил 1651 г.— 132 человека (Стлб. Белгор. ст., № 329).

** В подсчет не вошли новокрещены-татары — 67 человек, за ними 4793 чети. Следовательно, общий итог городового землевладения — 14 596 четей.

IV

Войны, изменения границ государства, внутренние события, подобные опричнине, еще задолго до XVII в. сопровождались массовой переброской служилых людей из одной местности в другую. При Иване III коренные пертурбации были произведены в составе землевладельческого класса обширной Новгородской области. При Иване IV в отвоеванные у Польши области были передвинуты невляне (в Полоцкий повет) и новгородцы (в Усвят, Озерище и Нещерду) [14].

О перемещениях служилых людей во время опричнины хорошо помнили еще в XVII в. Не только потомки князей удельных, но и все служилые люди были переселены из Белоозера [15]. В 1669 г. романовец Борис Павлов сын Власьев в своей родословной росписи писал, что исстари родители его «служили прежним государям по Пошехонью» и при царе Иване Васильевиче, «как была опришнина», все они были «разведены по разным городам»: одни попали в Романов, другие — в далекую Тулу. Но память о родственных связях не исчезала. По челобитью романовца Бориса Павловича Власьева, около 1669 г. к нему перешло тульское поместье брата его в четвертом колене Андрея Матвеевича Власьева [16]. Вследствие этого в разборной книге по Романову 1679 г. оказалось до 10% служилых людей, имевших земли в далекой Туле [17]. По-видимому, Власьевы восстановили свои владения и на Пошехонье. Другие ветви тех же Власьевых находим в XVII в., в Шацком и Козельском уездах [18]. Есть данные о подобном же передвижении в опричнину служилых людей ярославцев [19]. В XVII в. доопричное землевладение иногда восстанавливалось на исконном месте.

Время иностранной интервенции начала XVII в. сопровождалось еще более крупной перетасовкой служилого землевладения. Огромное количество дворцовых и черных земель было пущено в оборот еще в этот период. Но с конца 1612 г. служилые люди начали получать земли целыми «городами» и большими группами.

Весной 1609 г. воеводы князь Василий Барятинский и Семен Ододуров по призыву царя Василия Шуйского покинули Смо-

---

[14] С. В. Рождественский. Служилое землевладение в Московском государстве XVI в. СПб., 1897, стр. 306—307.

[15] ЦГАДА, Белозер. прик. изба, стлб. № 214, лл. 128—130, 135. См. А. И. Копанев. История землевладения Белозерского края XV—XVI вв., М.— Л., 1951, стр. 165, 169, 181—182 и др.

[16] Г. А. Власьев. Род дворян Власьевых. СПб., 1905, стр. 77—78.

[17] Кн. Новгор. ст., № 40, лл. 2 об., 15, 24, 29, 34, 38, 43.

[18] Г. А. Власьев. Указ. соч., стр. 39, 121—122.

[19] Стлб. Белгор. ст. № 284, л. 11.

ленск и пошли на выручку осажденной Москвы «со всеми смоленскими ратными людьми, и с брянчаны, и с серпьяны, и с дорогобужаны, и с вязьмичи, и с беляны». Летом того же года эти ратные люди соединились с князем Михаилом Васильевичем Скопиным-Шуйским. В 1610 г. служилые люди перечисленных городов принимали участие в неудачном походе под предводительством князя Дмитрия Шуйского. Позднее часть их участвовала в действиях ополчения Прокопия Ляпунова [20]. Голос этих служилых людей, «которые своих поместий и вотчин отбыли от литовского разорения», слышится в приговоре ополчения от 30 июня 1611 г., где мы находим настойчивое повторение одной и той же мысли о необходимости наделения землей служилых людей, разоренных интервентами: «а про тех дворян и детей боярских сыскивать городы и по сыску давать поместья в иных замосковных городах, как им мочно сытым быть; а смольняном, и беляном, и дорогобужанам, и вязьмичем, и можаичем, и всем разоренным городам поместья давать наперед» [21].

Устроение землями этой категории служилых людей было первоочередной задачей нового правительства. Еще в 1611 г. была сделана попытка устроить смольнян землями в Арзамасском уезде из дворцовых сел, но «мужики» тех сел «делить себя не дали»: у смольнян «бои с мужиками были, только мужиков (они) не осилели» [22]. В бытность ополчения в Ярославле, по приговору бояр, часть смольнян и вязьмичей получила земли в Ярополческой дворцовой волости Владимирского уезда. Потом И. М. Заруцкий оттуда «казаком повеле выбити их» [23]. Когда же ополчение достигло Москвы и выяснился благоприятный результат похода, правительство бояр и воевод поспешило немедленно удовлетворить землями дворян и детей боярских. Белозерский и Вологодский уезды сделались главными центрами испомещения. Так, на Белоозере получили земельные дачи, если судить по десятням 1622 г., более половины всех можаичей (44 человека), более 20% волочан (17), около 10% ружан (10) и значительное число смольнян [24].

---

[20] Н. Редков. Смоленск в Смутное время.— «Смоленская старина», вып. 3, ч. 1, Смоленск, 1914, стр. 121—122, 145—146, 155—156. Редков называет кн. Барятинского то Василием, то Яковом.— Вероятно, имеется в виду кн. Василий Барятинский.

[21] «Памятники по истории Смутного времени» под ред. А. И. Яковлева, М., 1909, стр. 65, 67.

[22] П. Г. Любомиров. Очерк истории Нижегородского ополчения. М., 1939, стр. 58.

[23] Там же, стр. 65; Л. Сухотин. Первые месяцы царствования Михаила Федоровича. М., 1915, стр. 33; ПСРЛ, т. XIV, ч. 1, стр. 113, 117.

[24] Дела десятен, кн. № 232 (Руза), кн. № 194 (Волок-Ламский), кн. № 190 (Можайск).

Город «смольняне», бывший предметом особых забот правительства, остался фикцией, так как Смоленск был утрачен на целое полстолетие. Уже в XVI в. Смоленск, по-видимому, отличался большой пестротой своего состава, ибо он был искусственно сформирован из числа «изведенцев» из 45 уездов [25]. После потери Смоленска смольняне получили земли в ряде уездов. По данным 1649 г., известны смольняне-помещики следующих уездов: Вологодского (160 человек) Белозерского (109), Рыбинского (26), Кинешемского (25), Пошехонского (13), Касимовского (12), Ярославского (8), Галицкого (7), Переяслав-Залесского (4), Мосальского (3), Владимирского (2), Суздальского, Луховского, Ростовского, Рязанского, Кашинского (по одному). Кроме того, документ 1649 г. не указывает местонахождения земель 141 человека [26].

Вязьмичи в количестве 163 человек, по данным 1649 г., владели землями в 15 уездах: Вяземском (52), Рязанском (34), Вологодском (21), Пошехонском (9), Серпейском (9), Мосальском (8), Владимирском (8), Можайском (3), Касимовском (3), Ярославском (2), Балахонском (5), Суздальском, Дмитровском, Медынском, Устюженском (по одному), беспоместных было двое; т. е. за пределами коренного уезда владело землями 66,8% вязьмичей [27].

По десятне 1634 г., дорогобужане в числе 59 человек имели земли в уездах 8 городов: Владимира (11), Рязани (10), Вологды (9), Касимова (7), Пошехонья (6), Балахны (3), Гороховца (3), Шацка (1), беспоместных было 2 человека [28].

Беляне (161 человек) в те же годы имели земли в Пошехонье (84), Вологде (22), Галиче (44), Белоозере (7), Серпейске (2). Беспоместных было двое [29].

Территориальная разбросанность землевладения перечисленных городов образовалась в 1612—1613 гг. тотчас после освобождения Москвы, и в 1618—1620 гг., вскоре после «королевичева прихода», когда, по условиям Деулинского перемирия, Дорогобуж и Белая отошли к Польше.

---

[25] «Летопись историко-родословного об-ва в Москве», вып. I—II, М., 1913, стр. 76—80 Л. Сухотин. Замечания о десятине 1574 г.— ЖМНП, 1914, новая серия, ч. LIV, декабрь, стр. 240—253.

[26] Стлб. Новгор. ст., № 96, л. 102; Л. Сухотин. Земельные пожалования при царе Владиславе. М., 1911, стр. 56—57; «Сказания о роде князей Трубецких», М., 1891, стр. 58; Писц. и переп. кн., № 550, л. 365 и след.: Стлб. Моск. ст., № 1078, л. 4.

[27] Стлб. Новгор. ст., № 93, лл. 102—103.— Во Владимирском уезде вязьмичи были наделены землями в селах Карачарове и Палехе (Стлб. Севск. стр., № 2, лл. 231—232).

[28] Дела десятен, кн. № 352; Стлб. Новгор. ст., № 96, л. 108.

[29] Стлб. Новгор. ст., № 96, л. 104.

В 1613 г. черниговцы «всем городом» были пожалованы поместьями из дворцовых сел Новгород-Северского и Рыльского уездов. Группа детей боярских «украинных» городов (Иван Щербачов «с товарыщи») получили поместья в Кайской волости Угличского уезда. Новгородцы, в отступление от давней традиции, запрещавшей им владеть землями вне новгородских пятин, были испомещены в черной Колошемской волости на Белоозере[30].

Сведения о чересполосице землевладения, созданной раздачей земель в первые годы после ликвидации интервенции, на основании десятен 10 других городов представлены в табл. 2 (стр. 241—242).

Верея, Руза, Звенигород, Волок-Ламский и Можайск, как и выше перечисленные города Замосковного края, представляют собой примеры служилых «городов» с совершенно разрушенной землевладельческой основой своей организации. Из числа можаичей только 17,4% (15 человек) были целиком испомещены в своем уезде, а 73,3% (63 человека) были совсем не связаны по земле со своим городом и имели поместья в таких далеких уездах, как Белоозеро, Вологда, Галич и др. Наделение землей дворян и детей боярских перечисленных городов произошло в 1612—1613 гг.

Среди каширян мы находим многочисленную группу помещиков Владимирского и Веневского уездов. В Веневском уезде каширяне получили земли еще при Иване IV[31]. Во Владимирский уезд они попали в 1613 г. Еще писцовая книга 1636—1643 гг. сохранила ряд указаний на получение здесь поместных дач каширянами «по отделу» князя Афанасья Щетинина и подьячего Лариона Чернышева в 121—122 (1612—1614) гг. Каширяне заняли здесь несколько волостей, причем некоторые из них целиком: Тумскую (полностью), Таруцкую, Мичевскую, Дубровскую, Вышелевскую, дворцовые села и волости «Ловчего пути»[32]. Одновременно соседнюю Гускую волость получили «на корм» владимирцы и юрьевцы[33]. Но каширяне долгое время не могли прочно освоить полученных ими земель и еще в 70-х годах вывозили из Владимирского уезда крестьян в свои каширские владения[34].

---

[30] Л. Сухотин. Первые месяцы царствования Михаила Федоровича, стр. 127, 136, 200 и др.; К. А. Неволин. Полн. собр. соч., т. IV, СПб., 1857, стр. 202—203.

[31] С. В. Рождественский. Указ. соч., стр. 303, 306 и др.

[32] Дела десятен, кн. № 16; Писц. и переп. кн., № 12604, лл. 1169, 1333, 1360, 1376, 1719, 1735 и др.; Ю. В. Готье. Замосковный край в XVII в., изд. 2. М., 1937, стр. 207.

[33] Л. Сухотин. Четвертчики Смутного времени. М., 1912, стр. 252.

[34] «Тульская старина». Сборник древних актов по истории Тульского края в XVII в., Тула, 1899, стр. 66—69.

Таблица 2

Дворянское землевладение после интервенции *

Города	Площадь землевладения			Владельцы							Место внегородового землевладения и число владельцев
	Всего в четях	В основном уезде		Всего	Только в основном уезде		Только вне основного уезда		Смешанно		
		в четях	в %		число	%	число	%	число	%	
Солова	11 166	9 764	87,4	118	105	90	8	6	5	4	Тульский уезд —3 Лихвинский уезд —3
Алексин	23 845	21 760	91,1	105	91	86,7	2	1,9	12	11,4	Лихвинский уезд —8
Лихвин	8862	7003	79,2	58	44	75,8	4	6,8	10	17,4	Перемышльский уезд — 6 (10,3%) Белевский уезд — 4
Кашира	60 860	49 884	81,9	340	196	57,6	20	5,9	124	36,5	Веневский уезд — 17 (5%) Владимирский уезд — 115 (34%);
Тула	53 644	33 631	62,6	514	327	63,7	103	20	84	16,3	Алексинский уезд — 63 (12,2%); Соловский уезд — 51 (9,9%); Даниловский уезд — 37; Епифанский уезд — 25;
Верея	3674	2130	55,2	21	10	47,6	9	42,9	2	9,5	Веневский уезд — 14 и др. Боровский уезд — 7 (33,3%); Белозерский уезд — 2

Таблица 2 (продолжение)

Города	Площадь землевладения			Владельцы							Место внегородового землевладения и число владельцев
	Всего в четях	В основном уезде		Всего	Только в основном уезде		Только вне основного уезда		Смешанно		
		в четях	в %		число	%	число	%	число	%	
Руза	5995	3978	66,3	47	20	42,5	3	6,4	24	51,1	Белозерский — 10 (21%)
Звенигород	—	—	—	23	5	21,8	9	39,1	9	39,1	Белозерский, Суздальский, Костромской, Переяславский и другие уезды
Волок-Ламский	3234	1630	50,4	29	5	17,2	11	37,9	13	44,9	Белозерский уезд — 17 (58%)
Можайск	—	—	—	86	15	17,4	63	73,3	8	9,3	Белозерский уезд — 44 (51%); Суздальский уезд — 15 (17,4%); Вологодский уезд — 8; Галицкий уезд — 3,

* Дела десятен, кн. № 211 (Солова), кн. № 165 (Алексин), кн. № 173 (Лихвин), кн. № 16 (Кашира), кн. № 115 (Тула), кн. № 202 (Верея), кн. № 232. (Руза), кн. № 242 (Звенигород), кн. № 194 (Волок-Ламский), кн. № 190 (Можайск). Все десятни относятся к 1622 г, за исключением десятни по Можайску, которая относится к 1648—1649 гг.

По десятне 1622 г., из числа тулян 14 человек владели землей в Веневском уезде, 25 человек — в Епифанском уезде. Появление тулян в этих уездах относится еще к 1571/72 г. В Алексинском уезде (по десятне 1622 г.— 63 человека) и в Соловском (по десятне 1622 г.— 51) получены ими земли в 1612/13 г., «при боярах» [35].

Можно предполагать, что внегородовое владение лихвинцев (в Перемышльском и Белевском уездах), алексинцев (в Лихвинском уезде), соловлян (в Тульском и Лихвинском уездах) возникло в те же годы. Ввиду наличия свободных земельных фондов в Алексинском, Боровском и, может быть, Соловском уездах служилые люди получили дополнительные дачи главным образом в своих же уездах [36]. Может быть, этим объясняется, что относительно алексинцев встречаем указания, что они «в прииск нигде не пущены» [37]. То же произошло в Боровском уезде: имевшиеся здесь дворцовые села пошли в раздачу, по-видимому, в 1613 г., что видно из дозорных книг 1622 г. и из отдельных дач поместий в этом году [38].

Военные действия против польских войск в 1618—1619 гг. выбросили служилых людей еще целого ряда городов за пределы их уездов. По Деулинскому договору к Польше отошли Смоленск, Белая, Дорогобуж, Рославль, Чернигов, Стародуб, Новгород-Северский, Почеп, Трубчевск, Серпейск, Невель и др. Кроме того, «конечное разорение» захватило ряд заокских и украинских городов. Мещевск и Козельск были в руках поляков, а Воротынск с 124 (1615/16) г. по 133 (1624/25) г. «от литовского разорения стоял пуст» [39].

Ввиду истощения земельных фондов в Замосковном крае, в раздачу пошли дворцовые земли более южных уездов. В качестве примера этих новых раздач приведем статистические данные по трем городам (Козельску, Воротынску и Медыни) по десятням 1622 г. (см. табл. 3) [40].

---

[35] Дела десятен, кн. № 115; Писц. и переп. кн., № 196, лл. 737, 752, 754—756, 814, 874—875, 1028, 1090 об., 1096, 1098, 1106 об., 1108 об., 1109 об., 1111—1113; С. А. Шумаков. Сотницы, грамоты и записи, вып. VII. М., 1913, стр. 1 и сл.

[36] Л. Сухотин. Первые месяцы царствования Михаила Федоровича, стр. 140.

[37] ЦГАДА, Белозер. прик. изба, стлб. № 145, л. 12.

[38] Писц. и переп. кн., № 12, лл. 174, 217—220; Л. Сухотин. Первые месяцы царствования Михаила Федоровича, стр. 173.— Время появления рязанцев в Ряжском и Мосальском узедах установить не удалось.

[39] С. М. Соловьев. История России, изд. «Общественная польза», кн. 2, т. IX, стлб. 1146, 1167; С. Б. Веселовский. Сошное письмо, т. II. М., 1916, стр. 585.

[40] Дела десятен, кн. № 91 (Воротынск), № 216 (Козельск), № 196 (Медынь).

Таблица 3

Дворянское землевладение в южных уездах по десятням 1622 г.

Города	Площадь землевладения (в четях)			Владельцы							Место внегородового землевладения и число владельцев
	Всего	В основном уезде		Всего	Только в основном уезде		Только вне основного уезда		Смешанно		
		к-во	%		число	%	число	%	число	%	
Воротынск	17 572	12 291	70	60	17	28,3	1	1,7	42	70	Рязанский уезд — 32 (61%); Шацкий уезд — 10 (17%); Перемышльский уезд — 6 (10%); Мещовский уезд — 5 (8%).
Козельск	23 427	16 636	71	119	37	31,1	16	13,4	66	55,5	Рязанский уезд — 67 (56,3%); Лихвинский уезд — 15 (12,6%)
Медынь	10 777	7 197	66,7	61	10	16,4	14	22,9	37	60,7	Калужский уезд — 22 (36%); Белевский уезд — 27 (44,2%);

Часть внегородового землевладения служилых людей этих городов возникла в 1612/13 г., но большая часть — в 1619/20 г., когда была произведена раздача дворцовых волостей в Рязанском и Шацком уездах. В Старорязанском стане действовало в эти годы несколько отдельщиков одновременно: Родион Бузовлев, Василий Монастырев, Юрий Мусин-Пушкин и Петр Новосильцев [41]. Козличи почти сплошь заняли волости Городковскую и Локашскую. В писцовой книге по Рязани 1628/29 г. встречаем, например, такое замечание: «за Федором Юшковым в поместье, что ему дано из государевых дворцовых сел с козличи с городом вместе в Глухой Мещере Локашские волости» [42]. Мещовцев разместили в Стружанской волости, серпян — в Дубровичской и Чарусской [43]. Кроме того, в целом ряде волостей этого стана находим много вязьмичей [44], встречаются дорогобужане, ржевичи и воротынцы. Значительное число мещовцев получило земли (около 30 человек) в станах Понисском, Перевицком и Каменском; в двух последних, кроме того, получили земли серпяне, козличи и воротынцы [45]. Детей боярских тех же разоренных заокских городов в 127 (1618/19) г. отдельщик Ю. Мусин-Пушкин наделил землей в Шацком уезде из дворцовых сел Коверина, Юрина и Колтырина: мещовцев — 29 человек, серпян — 13, воротынцев — 12 [46]. В Касимовском уезде в волостях Рубецкой и Бабинской по отделу Михаила Беклемишева в том же 127 (1618/19) г. получили поместья смольняне (10), дорогобужане (9), вязьмичи (9) и др. [47]

Писцовые книги свидетельствуют о том, что медынцы в то же время получили земельные дачи в Белевском (27 человек) и Калужском (22 человека) уездах. Большая часть фамилий медынцев, помещиков Калужского уезда встречается в десятне 1622 г.: земли им были даны в черной Боршевской волости и в дворцовой Лебоданской [48]. В том же 1621 г. медынцы получили поместья в Белевском уезде в Мокрищевском и Дураковском станах из дворцовых волостей [49]. Впрочем, часть

---

41 Писц. и переп. кн., № 408; Р. Бузовлев — лл. 510 об., 512, 514—517 и др., В. Монастырев — лл. 607, 616, 637 об., 649 об., 659, 684 и др., Ю. Мусин-Пушкин — лл. 127, 140 об. и др., П. Новосильцев — лл. 336, 340, 340 об., 375, 383 и др.

42 Там же, лл. 607, 649 и др.

43 Там же, лл. 221—226, 312—316 об., 512—532.

44 Там же, лл. 340—341, 348 об., 353, 369 об., 372, 378, 386, 389 об., 391 об., 394 об., 395 об., 412—414 и др.

45 Там же, № 13329, лл. 400 об., 594, 769.

46 Там же, № 400, лл. 60—119.

47 Там же, лл. 120—129, 146—156, 129 об.— 133, 134—138.

48 Там же, № 160, л. 279 и сл., 353 об.

49 Там же, № 15528, л. 1 и сл., 207 и сл., 22 об., 24 об., 44—46 об., 51 об., 55, 57, 67 об., 72—73 и др.

их получила дачи здесь в 1613 г., как указывает на это та же писцовая книга [50].

Служилые люди отошедших к Польше городов («отошлые городы») в 1629/30 г. получили земли из дворцовых сел в Брянском уезде: «всем городом» здесь были наделены землей рослазцы и частью стародубцы и почепцы [51].

Черниговцы в 1613 г. «всем городом» были пожалованы землями в Новгород-Северском уезде. Но когда по Деулинскому договору Новгород-Северский отошел к Польше, черниговцы были передвинуты в Путивльский, частью в Кромский, Карачевский и Рыльский уезды. Затем путивльские их дачи были отобраны и «отданы в роздачу» новым приборным служилым людям. Черниговцы поселились в Путивле на посаде, на расстоянии 200 и более верст от своих разоренных карачевских и кромских поместий. В 1647 г., согласно указу, они «написались» в «Новый город» Бобрик. Черниговцы жаловались, что путивльцы-помещики «для своего гулянья», «чтобы им жить по отчинам своим, и по поместьям, и по бортным ухожьем со упокоями», обратились со «встречным челобитьем» к боярину и воеводе князю Юрию Алексеевичу Долгорукову, чтобы черниговцев в Бобрик не отпускать. В результате этого черниговцы были задержаны. Пребывание их в Путивле было выгодно местным жителям, так как они охраняли уезд и были постоянными покупателями хлеба, сена, дров и пр. у путивльцев. «Выезду из города нет»,— жаловались черниговцы; местные служилые люди везде их бьют, грабят, косы и топоры отнимают. Черниговцы просили наделить их поместьями из «лишних» земель «промеж» путивльцев. Из Москвы были присланы дворянин и подьячий для описания земель, оказавшихся «сверх дач» у путивльцев [52].

Дворяне и дети боярские Новгорода-Северского, которые «после отдачи» города «на литовскую сторону» «выбрели пеши» на Русь, получили поместья «против отхожих своих новгородских поместий» в Рыльском уезде по 100 четей и по одному крестьянину [53].

Смоленская война 1632—1633 гг. не сопровождалась сколько-нибудь крупными перемещениями городового дворянства. Из этой поры следует, однако, указать несколько

---

[50] Писц. и переп. кн., № 15528, лл. 253, 242 и др., 267, 395 (Писцовая книга по Белевскому уезду напечатана в «Белевской Вивлиофике» Н. Елагина, т. I—II, М., 1858).

[51] Писц. и переп. кн., № 10231, лл. 171, 175 об., 339 об.— 340, 344, 347 об.

[52] Стлб. Белгор. ст., № 307, лл. 142—172; № 306, лл. 352—354; Дела десятен, кн. № 189, лл. 2—29.

[53] Дела десятен, кн. № 197.

любопытных фактов. Сохраняя организацию отошедших к Польше городов, московское правительство, по-видимому, руководствовалось надеждой при благоприятной перемене обстоятельств рано или поздно вернуть служилых людей этих городов на прежние места жительства. Такого рода попытки делались [54].

После первой трети XVII в. не происходит единовременных крупных перетасовок, подобных указанным, в землевладении городового дворянства.

V

Для провинциального дворянства сосредоточение землевладения по уездам и ограничение доступа в них посторонних лиц (столичных чинов и служилых людей из других городов) было одним из способов удержания за собой фонда уездных земель. Особенно остро почувствовалась потребность в этом во время событий начала XVII в., отражением чего является приговор ополчения 30 июня 1611 г. В те годы права сыновей, вдов и дочерей, остававшихся после убитых и умерших служилых людей, очень часто нарушались. Часты были случаи «вылыганья» поместий (сообщения ложных сведений) при наличии законных наследников: проситель, пользуясь отсутствием сыновей владельца, бывших на службе, малолетством детей, беспомощностью вдов и дочерей, мог «утаить» их, «помертвить», т. е. сказать о них, будто они умерли, ложно назваться родственником последнего владельца и т. п. и получить в свои руки поместье [55].

Находясь в течение многих лет в состоянии неуверенности за свои владения и за их судьбу после смерти, провинциальные служилые люди обнаружили особенно сильное желание закрыть в «города» доступ посторонним элементам, отражением чего и является указная деятельность правительства Михаила Федоровича в этом именно направлении. Само правительство также склонно было поддерживать от разрушения городовую организацию, так как не предвидело других форм военной организации, наметившихся несколько позднее [56]. Уездное дворянство с чувством обиды и ревности наблюдало, как свободные участки «живущей» (населенной) земли расхватывались их же «братьей», служилыми людьми столичных чинов, стоявшими ближе

---

[54] Стлб. Прик. ст., № 17, лл. 368—570; Стлб. Моск. ст., № 13, лл. 246, 507.

[55] «Вологодские акты», стр. 50, 103; Л. Сухотин. Первые месяцы..., стр. 40, 42, 58, 60, 62, 74 и др.; АПА, № 105, 251, 309, 395 и др.

[56] Нет необходимости пересматривать сложное и детальное законодательство, касающееся ограничения обращения земель между различными группами служилых людей, так как точный обзор этого законодательства дан еще К. А. Неволиным (Собр. соч., т. IV, стр. 201—210).

к власти, и более удачливыми или энергичными иногородними дворянами и детьми боярскими. Возникало множество всяких побочных осложнений, в особенности обострялась борьба за крестьян. В коллективной челобитной 1640/41 г. алаторцы писали: как начали «имать» вопреки «государеву уложенью» на Алаторе поместья и вотчины московские люди, «алаторцам малопоместным и беспоместным, и братье, и детем, и племянником нашим поместиться в Алаторском уезде негде. А многие наша братья, верстаны и неверстаны, тебе, великому государю, служат без поместий, а в иных городех нам, алаторцам, поместий не дают. А как почали московские люди на Алаторе поместиться, и с тех мест учали чиниться насильства и продажи, и смертные убойства, и людская и крестьянская вывозка, и беглых людей неотдача, и всякое разоренье». Далее следует перечень лиц, бояр Бориса Ивановича Морозова, князя Алексея Юрьевича Сицкого, кн. Федора Семеновича Куракина и др., и учиненных ими насилий [57].

Это челобитье было, по-видимому, одним из элементов коллективного выступления провинциального дворянства против «сильных» людей в 1641 г. [58].

Однако в среде самого уездного дворянства вследствие нарастающей в нем дифференциации обнаружились и противоположные тенденции. Для высших разрядов уездного дворянства, в особенности для «выбора», тяготевших к столице и имевших прямой выход в чины дворян московских, уездные рамки скоро оказались слишком тесными. Стремление этих разрядов уездных служилых людей выйти за пределы города, проникнуть в среду московских служилых людей разрушало изнутри единство городового землевладения.

В интересах чина выборных дворян и был прежде всего подвергнут ограничению старый принцип наделения детей боярских землей лишь в одном уезде, откуда кто служит. Когда это произошло, нет точных данных. В приговоре по одному частному делу от 26 июля 1634 г. находим ссылку на недошедшее до нас правило такого содержания: «которые дворяне и дети боярские служат с городом, а не по выбору, и тем дворяном и детем боярским поместья в других городех не дается» [59]. Очевидно, для «выбора» делалось исключение. Так как практика выбора из городовых дворян для службы в Москве прекратилась уже

---

[57] Стлб. Дополнит. отд., № 44, лл. 1—54.

[58] См. П. П. Смирнов. Челобитные дворян и детей боярских всех городов в 1-й половине XVII в.— «Чтения ОИДР», 1915, кн. 3; Е. Д. Сташевский. К истории дворянских челобитных.— «Сборник статей, посвященных Л. М. Савелову», М., 1915, стр. 3 и след.

[59] С. А. Шумаков. Сотницы, записи и грамоты, вып. IV. М., 1909, стр. 130—131.

при Михаиле Федоровиче, и каждый городовой дворянин в это время был вместе с тем и «выборным», т. е. названия городовой дворянин и «выборный» отождествлялись, то можно предполагать, что право «выборных» дворян на дополнительное наделение землей вне своих основных уездов возникло раньше царствования Михаила Федоровича, вероятно еще в XVI в., когда формировался этот чин уездных служилых людей [60]. В одном из пунктов Уложения царя Михаила Федоровича о поместьях и вотчинах 15—16 декабря 1636 г. по вопросу о праве детей боярских разных городов двух чинов — дворовых и городовых, служивших рейтарами в полку боярина Михаила Шеина под Смоленском, было решено «в иных городех поместий не давать, опричь тех, которые служат по выбору, а приискивать тем детем боярским вдовьих и девкиных прожиточных и выморочных поместей в своих городех» [61]. Таким образом, Уложение царя Михаила Федоровича подтверждало старое правило о привилегии «выбора» по сравнению с детьми боярскими.

Отсюда ясно, почему разбросанность землевладения из всех чинов городовых служилых людей более всего отличает землевладение «выбора»; эта разбросанность свойственна, впрочем, хотя и в меньшей степени, и детям боярским. Само правительство, не имея возможности удовлетворить землей всех служилых людей, разрешало по отдельным челобитьям детей боярских «прииск» ими свободных земель и в других уездах с правом последующего оформления их за просителем. В зависимости от различных обстоятельств правительство разрешало такой «прииск» детям боярским одних городов и запрещало его по другим городам. Так, дети боярские алексинцы не были «пущены в прииск»; торопчане этим правом пользовались. В 1638 г. торопчанин Афанасий Семичев просил «пустить его в прииск» в Новгородский и Псковский уезды. На челобитной была сделана помета: «пустить, будет торопецкие помещики пускаются». В том же году другой торопчанин Дмитрий Непейцын просил о том же и писал, что торопчане «беспоместные многие пущены в прииск в иные городы», потому что Торопец «город разореной и испоместиться в [нем] негде». На челобитной помечено: «пустить в прииск, в котором городе приищет» [62]. В 1640 г. в выписке о назначении поместья в Алексинском уезде за одной вдовой, выходившей замуж за городового сына боярского тулянина, приводится ряд примеров, из которых видно,

---

[60] А. А. Новосельский. Правящие группы в служилом городе XVII в.— «Ученые записки Института истории РАНИОН», т. V, М., 1928, стр. 316; В. И. Новицкий. Выборное и большое дворянство XVI—XVII вв. Киев, 1915, стр. 178.

[61] «Указная книга Поместного приказа», М., 1889, стр. 119.

[62] Стлб. Белгор. ст., № 89, лл. 209—210, 214 и об., 216.

что тулянам не только «выборным», но и городовым дают поместья в Алексинском уезде [63]. Вследствие этого разбросанность землевладения в той или другой степени была присуща землевладению служилых людей всех чинов.

В качестве иллюстрации приведем данные из десятен 1622 г. о землях различных чинов служилых людей, находящихся вне основного уезда (табл. 4).

Таблица 4

Дворянские земли вне своего города по десятням 1622 г., в %

Города	«Выбор»	Дворовые	Городовые	Новики
Руза	86	49	24	27
Медынь	47	28	26	19
Козельск	37	24	23	21
Болхов	21	5	3	—
Алексин	21	3	6	—
Мещера	16	14	2	—
Боровск	—	5	3	—

Из таблицы видно, что внегородовое землевладение «выбора» далеко превосходит таковое же у других чинов. Таблица 5 иллюстрирует это же на примере лиц из разных чинов, владеющих землей в одном, двух, трех уездах.

Таблица 5

Дворянское землевладение в нескольких уездах, в %

Города	«Выбор»			Дворовые			Городовые		
	в одном	в двух	в трех	в одном	в двух	в трех	в одном	в двух	в трех
Мещера . .	72,7	27,3	—	94,3	5,7	—	100	—	—
Зубцов . .	60	20	20	75	20	5	94	6	—
Солова . .	50	34	16	65	35	—	97	3	—

Процесс разрушения территориальной целостности землевладения служилого «города» в XVII в. ускорялся возраставшей

---

[63] С. А. Шумаков. Сотницы, записи и грамоты, вып. VI. М., 1911, стр. 37—38. В Звенигороде весь «выбор» полностью был наделен землей вне своего уезда (Дела десятен, № 242, 1622 г.).

в царствование Михаила Федоровича свободой распоряжения поместными землями и сближением поместья с вотчиной. Уже тогда право «сдачи» и «мены» далеко вышло за пределы, установленные законом, и прикрывало собой нередко фактическую продажу, а иногда даже случаи настоящей земельной спекуляции [64]. Для иллюстрации процесса сближения поместья с вотчиной особенно показательны домогательства служилых людей о распространении на поместье черт выслуженных вотчин, а именно лишение женщин права распоряжаться прожиточными поместьями, полученными из «родовых поместий», и выводить их «из рода»; есть доказательства, что правительство уступало этим домогательствам [65].

VI

Если отбросить влияние чрезвычайных обстоятельств, приводивших к массовой переброске целых «городов» из одной местности в другую, и взять только постепенный выход землевладения за пределы уезда в результате частных сделок, наследования и отдельных пожалований, получится картина постепенного стирания границ между отдельными городовыми организациями. Для Костромского такими соседними уездами были Галицкий, Кинешемский и др.; для Нижегородского — Саранский, Алатырский, Арзамасский; для Торопецкого — Холмский, Луцкий [66].

Этот процесс постепенного выхода землевладения городовых служилых людей за пределы своего уезда нагляднее всего можно было бы показать путем сопоставления десятен и разборных книг по одним и тем же городам в разные хронологические моменты. Но нам удалось найти подходящие десятни и разборные книги только по двум городам — Туле и Пошехонью, цифровые сведения о землевладении которых и представлены в табл. 6 и 7 [67].

Из таблицы видно, что размеры землевладения за пределами своих уездов за 50 лет возрастают для Тулы вдвое. Землевладение Пошехонья, несмотря на то что оно представляло собой в XVII в. захолустье, также подверглось некоторым изменениям в том же направлении.

То же положение может быть показано иным рядом цифр.

---

[64] «Вологодские акты», вып. 1, стр. 104—105, 137, 181—182, 378—389, 403—415.

[65] Там же, стр. 204—206, 210; С. А. Шумаков. Сотницы, записи и грамоты, вып. III, М., 1904, стр. 48—50, 107; вып. IV, стр. 13, 95.

[66] Кн. Новгор. стр., № 43, 16; Кн. Владим. ст., № 16; Кн. Моск. ст., № 87.

[67] Дела десятен, № 266; Кн. Новгор. ст., № 29; Дела десятен, № 115; Кн. Владим. ст., № 21.

По тем же источникам, разборным десятням и книгам, можно установить, куда передвигалось землевладение. Так, в 1622 г. только в Тульском уезде из всех тулян владели землей

Таблица 6

Дворянское землевладение за пределами своего уезда, в %

Из всего числа владельцев имеют земли	Тула		Пошехонье	
	1622 г.	1678 г.	1617 г.	1676 г.
Только в основном уезде	63,7	25,1	97,8	89
Только вне основного уезда	20	43,8	1,1	2
Смешанно	16,3	31,1	1,1	9

401 человек (67,8%), в 1678 г.— 245 (40,4%). В 1622 г. наибольшее число тулян владело землей дополнительно в Алексинском уезде (63 человека, 10,6%), в Соловском уезде (51 человек, 8,6%), в Дедиловском (37 человек, 6,2%), в Епифанском

Таблица 7

Дворянское землевладение за пределами своего уезда, в %

Из общего числа владельцев имеют земли	Тула		Пошехонье	
	1622 г.	1678 г.	1617 г.	1676 г.
В 1 уезде	82,8	63,6	98,9	91,2
В 2 уездах	12,2	28,6	1,1	8
В 3 уездах	4,7	6,5	—	0,8
В 4 уездах	0,3	1,1	—	—
В 5 уездах	—	0,2	—	—

(25 человек, 4,2%). В 1678 г. наибольшее число тулян за пределами Тульского уезда оказывается уже в Соловском уезде (140 человек, 23,1%), в Епифанском (107 человек, 17,6%), Дедиловском (51 человек, 8,4%), Веневском (38 человек, 6,2%) и в Алексинском (25 человек, 4,1%).

* * *

Итак, изучение разборных десятен с точки зрения содержащихся в них сведений о землевладении, подкрепляемых данными других источников, раскрывает ряд важных черт из исто-

рии городового землевладения. Документы XVII в. показывают нам служилый «город» в состоянии постепенного разрушения. Служилый «город» как основа территориального построения вооруженных сил Русского государства под ударами с разных сторон приходит в упадок. В этом направлении действовали чрезвычайные события в жизни страны, приводившие к крупным переброскам служилых людей; противоречивые тенденции внутри самого «города», разрушавшие единство «города» изнутри; постепенное снятие с поместья оков условного и ограниченного землевладения, сопровождавшееся усилением земельной мобилизации в связи с развитием товарно-денежных отношений; наконец, переход к новому военному строю полков солдатских, рейтарских и драгунских делал ненужной искусственную поддержку городовой организации путем законодательных мер.

Служилый «город» был важным элементом в государственном строе централизованного Русского государства. По мере изменения экономики и структуры русского общества XVII в. одновременно с изменением основных учреждений сословно-представительной монархии (Земский собор, Боярская дума, армия) и переходом к абсолютизму отмирала и такая специфическая феодальная организация как служилый «город». В новых условиях служилый «город» не мог сделаться основой сословной организации дворянства.

Е. В. Чистякова

ВОЛНЕНИЯ СЛУЖИЛЫХ ЛЮДЕЙ В ЮЖНЫХ ГОРОДАХ РОССИИ В СЕРЕДИНЕ XVII В.

Московское восстание 1648 г., получило широкий отклик на периферии. Его влияние раньше всего сказалось на южных городах, расположенных в районе Белгородской сторожевой черты. Известия о волнениях в столице падали на подготовленную почву и являлись лишь поводом для выступления различных разрядов служилых людей, посадских людей или крестьян.

Восстания в южных городах были различны по движущим силам и по характеру выдвигаемых требований. Первые отклики на Московское восстание в Козлове, Воронеже, Челнавском, Сокольском и Талецком острогах уже освещены в исторической литературе [1]. Волнения в Ельце, Ливнах и Гремячем до сих пор не были предметом специального изучения.

* * *

Елец был основан в конце XVI в. на песчаном сыпучем косогоре, вымываемом рекой Быстрой Сосной. Внутри города, обнесенного высокими острожными стенами с проезжими и глухими башнями, помещались, как обычно, съезжая изба и воеводский двор, церкви, таможня, житница, арсенал, тюрьма [2]. У острога располагались слободы служилых людей, ремесленников (Черная новооброчная, слободка дворников боярина Ивана Никитича Романова). На посаде в Ельце числилось 102 тяглых двора с населением 177 человек м. п. В городе было много людей, зависимых от частных владельцев: 26 дворов монастырских бобылей (44 человека м. п. и 4 вдовы), 32 двора церковных бобылей (39 человек м. п. и вдова), в слободке

[1] «Очерки истории СССР. XVII в.», М., 1955, стр. 240—244; Е. В. Чистякова. Воронеж в середине XVII в. и восстание 1648 г. Воронеж, 1953; стр. 39—57.

[2] Стлб. Белгор. ст., № 275, лл. 433—434.

боярина И. Н. Романова в 9 дворах 17 человек, на дворах служилых людей 32 зависимых человека [3]. Таким образом, по сравнению с другими крепостями юга, Елец имел большую прослойку посадского населения и зависимых людей.

Служилые люди были приписаны к городу, но жили в слободах и уезде. В состав служилых людей Ельца входили служилые люди по отечеству и по прибору. К первым относились полковые дети боярские (892 человека) и поместные есаулы и казаки (25 человек). Несколько меньше было служилых людей по прибору — стрельцов (200), беломестных казаков (70), полковых казаков (355), пушкарей (24), затинщиков (13), воротников (8) [4]. Поэтому город следует понимать не только в прямом смысле,— как укрепленный центр, но и условно — как «форму организации служилого уездного дворянства» [5]. Служилые люди несли службу не только в Ельце, но и на сторожах, отстоявших от города по Ливенской, Воронежской и другим дорогам на расстоянии от 3 до 30 верст [6]. Елец уже не являлся окраинным городом, из его гарнизона постоянно посылали людей на временную службу или «вечное житье» в другие, более южные крепости. По данным 1647 г., в Царев-Алексеев (Новый Оскол) было послано 199 служилых людей, в Коротояк — 50, в Россошь — 85, в Карпов — 26 и т. д. [7] Поскольку служилые люди в основном жили в уезде и главным их занятием было земледелие, непрерывные переводы по службе с одного места на другое отрицательно сказывались на состоянии их хозяйств.

В четырех станах Елецкого уезда за помещиками числилось 948 дворов крестьян (2259 человек м. п. и 9 вдов), 522 двора бобылей (741 человек м. п. и 9 вдов), всего 1470 дворов с населением 3 тыс. человек м. п. В вотчинах проживало в 171 дворе (130 дворов крестьян и 41 двор бобылей) 322 человека м. п. и 5 вдов. Кроме того, на землях духовных феодалов было 66 дворов крестьянских (115 человек) и 11 дворов бобылей [8]. Таким образом, Елецкий уезд, защищенный оборонительными сооружениями Белгородской черты, был к середине XVII в. достаточно освоен землевладельцами.

Обеспечение служилых людей крестьянами очень ярко рисует отрывок книги сбора четвερикового хлеба по Елецкому

---

[3] Писц. и переп. кн., № 135, Переписная кн. 1646 г. по Ельцу, л. 59 об.

[4] Стлб. Белгор. ст., № 275, лл. 113—114.

[5] А. А. Новосельский. Правящие группы в служилом городе в XVII в.— «Ученые записки Института истории РАНИОН», т. V, М., 1928, стр. 315.

[6] Стлб. Белгор. ст., № 275, л. 99.

[7] Там же, л. 113.

[8] Писц. и переп. кн., № 135; Переписная кн. 1646 г. по Ельцу, л. 313 (278) и л. 366 (281).

уезду за 1650 г.[9] В Елецком стане за 415 помещиками было записано 190 крестьян. Среди помещиков были дети боярские (384), их родственники (21), поместные казаки (3)[10] и 7 вдов. Самые состоятельные из них имели до 10 крестьян. Более половины помещиков в стане не имели крестьян. Та же картина наблюдалась и в Засосенском стане.

Таким образом, в Елецком уезде многие помещики обрабатывали землю силами своей семьи.

Градация в обеспечении новиков — детей боярских, служивших от 2 до 5 лет, колебалась от 200 четей земли и 7 руб. жалованья до 50 четей и 3 руб. 50 коп., неслужилые новики верстались поместьями от 150 четей земли и 6 руб. денежного жалованья до 40 четей и 2 руб. 50 коп.

Правительство стремилось провести хотя бы юридически черту между служилыми людьми по отечеству и крестьянами, строго предписывая «неслужилых отцов детей, и холопей, и мужиков не верстати»[11]. Эта фраза дает косвенное указание на то, что такие случаи имели место, следовательно, в состав детей боярских на юге, в частности в Ельце, очевидно попадали крестьяне и даже холопы.

В уезде имелась и другая группа феодалов. Плодородные земли юга привлекали московских и выборных дворян и бояр. Они стали увеличивать свои владения в Елецком и смежных уездах. Например, слободы, выселки и деревни боярина И. Н. Романова имелись в Калужском, Лебедянском, Ряжском, Мещовском и Елецком уездах.

Таким образом, класс феодалов был представлен в Елецком уезде своими крайними группами: крупными боярами-вотчинниками и массой мелких детей боярских, юридически имевших право владеть крепостными, но фактически обрабатывавших землю силами своей семьи.

Е. Д. Сташевский нарисовал яркую картину борьбы различных групп феодалов за землю и рабочие руки в Елецком уезде в XVII в. Грозой мелких помещиков был боярин И. Н. Романов. Он расширял свои владения не путем освоения пустых земель, а путем разбойничьих захватов чужих владений и насильственного вывоза крестьян. В челобитной елецких помещиков 1628 г. говорится, что от владений боярина Романова «ни проитить, ни проехать ни в которой город, ни посадцким людем с товары не мочно проехать по дорогам, и из деревни в деревню,

---

[9] Разр. вязки, № 9523. К сожалению, текст поврежден, дело обрывается на 34 листе. Полный список людей, внесших хлеб, содержится по Елецкому стану и частично по Засосенскому.

[10] Видимо, казаки, наделенные землей в уезде на поместном праве.

[11] Дела десятен, 1649 г., кн. 88, лл. 2—2 об., 5.

ни в город для нужи отнюдь проехать не мочно»[12]. Очень важным пунктом челобитной является указание на разорение мелких помещиков: «...и те дети боярские пошли жить в ево боярскую вотчину, а иные, наша братья, от их же разоренья и насильства пошли розно».

В этом отношении представляет интерес высказывание ливенского городового казака А. Яковлева в 1625 г.: «...государь их не жалует, велит из-за них крестьян вывозить. И их есть в заговоре с 500 человек. И кто из-за них крестьян вывозит, и они у тех вотчины выжгут, а крестьян высекут. И найдут себе и нового государя»[13]. Об этих словах дали свидетельские показания крестьяне А. Яковлева.

Мелкие помещики, таким образом, обвиняли крупных феодалов в вывозе у них крестьян. Характерно, что борьба внутри класса феодалов очень тяжело отражалась на крестьянах. Беглый крестьянин Иван Бередников, постригшийся в монахи под именем Иова, обвинял своего помещика Тимофея Желябужского в том, что он пытал своих крестьян до смерти на особо устроенном кресте с петлями[14]. Зная настроения крестьян, предпочитавших иногда жить в многолюдных вотчинах Романова, вместо того, чтобы одному работать на помещика, А. Яковлев «с товарищи» и грозили «крестьян высечь».

Управлением Ельца, как обычно в служилых городах, ведали воеводы, в помощь которым избиралась комиссия окладчиков, руководивших «всем распорядком службы своего города»[15]. Но права воевод были ограничены в отношении крупных вотчинников. Так, люди боярина И. Н. Романова не подлежали юрисдикции воеводы. И несмотря на то, что они «разорили многие села и деревни без остатку, села и деревни жгут и хлеб в гумнах стоячей зажигают, и по полем хлеб приезжаючи, насильством жнут, и лошади и коровы по полем и по деревням отнимают насильством же», воеводы бездействовали и даже не сообщали об этом в Москву[16].

Рядовые служилые люди Ельца и уезда, как и других южных городов, подвергались феодальным методам эксплуатации со стороны государства и его представителей на местах (воевод, приказных людей). В XVII в. налоговая система восста-

---

[12] Е. Д. Сташевский. К истории колонизации юга (Великий боярин И. Н. Романов и его слободы в Елецком уезде).— «Древности. Труды Археографической комиссии Московского археологического общества», под ред. И. Н. Бороздина, т. III, М., 1913, стлб. 245.

[13] Стлб. Владим. ст., № 62, лл. 261—263.

[14] «Описание документов и бумаг архива Министерства юстиции», т. 14, стр. 212; Стлб. Прик. ст., № 170, лл. 540—542.

[15] А. А. Новосельский. Указ. соч., стр. 322.

[16] Е. Д. Сташевский. Указ. соч., стлб. 245.

навливалась и в известной мере складывалась вновь после потрясений первых двух десятилетий. Тем более что относится к южной окраине, где разорение и перемещение населения в связи с событиями начала столетия были особенно велики.

Наиболее тяжелыми в середине XVII в. были сборы стрелецких денег («с живущей четверти» по 28 алт.) и ямских денег (по 32 алт. 4 д.) [17].

В связи с тем, что служилые люди обеспечивались за службу землей, с них постоянно взимали натуральные поставки мукой, крупами, солодом, мясом и пр. Все жители города и уезда, включая дворян, служилых людей по прибору и бобылей, вносили четвериковый хлеб «для осадного времени» в казенные житницы по $^1/_2$ четверика ржи и $^1/_2$ четверика овса с каждого двора — «дыма» [18]. Хлеб и крупы хранили на случай осады, для отправки донским казакам («в донской отпуск») и т. д. С населения Елецкого уезда эпизодически собирали деньги: струговые деньги (для постройки судов), на покупку мешков для отправки продуктов на Дон. и пр.; величина их определялась в каждом конкретном случае.

Помимо натуральных и денежных сборов, служилые люди, горожане и крестьяне постоянно использовались на различных работах: ежегодно для починки башен и стен они заготовляли и привозили в город по 8 бревен и 8 тесин с одной чети пашни, население уезда систематически созывалось в город «для острожной поделки и для почистки рва» и других дел.

Весь этот комплекс натуральных и денежных сборов и повинностей еще более усугублялся злоупотреблениями воевод, приказных людей, окладчиков, сборщиков, голов и целовальников.

Разверсткой податей и назначением по службе в городе занимались обычно окладчики, являвшиеся ближайшими агентами воеводы. В середине 40-х годов в Ельце наиболее близкой к воеводам Ивану Федоровичу Леонтьеву, кн. Григорию Даниловичу Долгорукому, Алексею Васильевичу Хрущову, сменявшим друг друга, была группа людей, включавшая детей боярских Дмитрия Снетина, Ивана Перцова, В. Козлова, Михаила Сухинина, поместного казака С. Долгова, подьячего приказной избы С. Мартынова и двух представителей духовенства, «вдовых попов» Трофима Борисоглебского и Алексея Богоявленского [19]. Во главе этой группы был помещик из дворовых детей боярских, названный первым в разборной десятне Ельца Д. Снетин. Он владел одним из самых больших поместий в 190

[17] Стлб. Белгор. ст., № 229, л. 14.
[18] Разр. вязки, № 9523, л. 2.
[19] Дела десятен, кн. 88. Разборная десятня Ельца за 1649 г.

четей земли (оклад 300 четей), получал 14 руб. жалованья и имел 8 крестьян [20].

Производя разверстку податей, указанные лица совсем не включали себя в списки, произвольно увеличивая сборы с основной массы служилых людей. Во время сборов стрелецких и ямских денег сумма была произвольно увеличена с 28 алт. до 40 алт. и с 32 алт. 4 д. до 1 руб. 50 коп. с «живущей чети»; по 1 алт. собирали «в ящик», т. е. отдельно, в свою пользу. При сборах хлеба сборщики применяли увеличенную меру (кадушку «в два верха») и излишек муки ссыпали отдельно «для своей бездельной корысти» [21]. Лес, привезенный служилыми людьми и крестьянами для ремонта стен, употреблялся не по назначению: из него Д. Снетин и другие окладчики отстроили себе роскошные хоромы.

На фоне незаконных действий группы Д. Снетина процветали злоупотребления елецких воевод. Они получали «почести» — подношения деньгами, хлебом, баранами, ветчиной и т. д. Эти добавочные сборы выколачивались с населения «нещадным правежом».

Для работы во дворах воевод сгоняли детей боярских, дворников и крестьян. Их заставляли молоть муку, печь хлебы, сушить сухари, варить пиво, чистить конюшни, вывозить навоз.

Сведения о повинностях населения и злоупотреблениях местных властей дает челобитная ельчан в Москву, отправленная в 1647 г. с большим трудом: челобитчиков нагоняли по дороге стрелецкие десятники, били и связанными привозили в тюрьму. В заключение в челобитной говорится: «И от тово Дмитрея Снетина с товарыщи и съезжей избы от дьячка и от попов чинитца им разорение пуще воинских людей... От их разорения крестьяне их розошлись в новые городы, а иные по боярским вотчинам. А Елецкой де уезд от них запустел» [22].

Борьбу против местных властей и их агентов из среды наиболее состоятельных детей боярских и духовенства возглавили служилые люди по отечеству, рядовые дети боярские. Хотя дети боярские стремились лишь оградить себя от более сильных феодалов, их требования в вопросах упорядочения налогов, ликвидации чрезвычайных сборов, протестов против злоупотреблений воевод и приказных людей были близки и другим слоям населения.

На основании полученной челобитной в Москве был назначен розыск по делу Д. Снетина. Его вел дворянин из Рязани Степан Семенович Вердеревский [23]. В результате этого 27 мая

[20] Дела «десятен, кн. 88. Разборная десятня Ельца за 1640 г., л. 8.
[21] Стлб. Белгор. ст., № 229, л. 13.
[22] Там же, л. 22.
[23] Там же, л. 127.

1647 г. Д. Снетина «с товарыщи» после содержания в елецкой тюрьме и отправки в Белоколодезь было приказано выслать в новый Царев-Алексеев город. Лишь подьячего С. Мартынова взял для денежных отчетов в свой полк Василий Васильевич Бутурлин [24].

Есть основание полагать, что указ о высылке Д. Снетина и других лиц действовал временно или совсем не был выполнен. Во всяком случае, разборная десятня 1649 г. по Ельцу при воеводе Львове называет в составе окладчиков следующих лиц: Д. Д. Снетина, Г. К. Перцова, У. Е. Чурсина, И. И. Перцова и других. Все они давали поручительства при составлении списка служилых людей, определении их земельных окладов и количества крестьян [25].

Волнения в Ельце не прекратились. Главою всех «заводных дел» стал сын боярский Василий Насонов, которого еще в 1640 г. товарищи Д. Снетина К. Аносов и Ф. Олябьев перехватили как челобитчика по дороге в Москву и, избив, держали некоторое время в тюрьме [26]. После ареста Д. Снетина Василий Насонов стал собирать вокруг себя недовольных и группами человек по 20 ходить «на Ельце по улицам, и по базару, и по уезду» [27]. Характерно, что служилые люди решили установить контакт «с городовыми людьми», т. е., очевидно, с посадскими. Казачий голова И. Буженинов и подьячий Федоров доносили воеводе, что в башне над Новосильскими воротами острога систематически собираются многие люди «для скопа и заговора». На основании этих сообщений трудно определить, о чем действительно велись разговоры в башне. Обвиненные В. Насонов, В. Пашков, казаки С. Мочалов, С. Сапрыков, И. Логвинов говорили, что ходили туда читать составленную ими челобитную, уверяли в своей лояльности, даже целовали крест, чтобы «царю ни в чем не изменить» [28].

Однако по приказу воеводы кн. Г. Д. Долгорукого В. Насонов с товарищами были схвачены, без суда и следствия посажены в «чепи и в железа». В челобитной они писали, что «со всякой нужи и тесноты помирают голодом».

Летом 1648 г. в Елец пришла весть о Московском восстании 2—12 июня. Есть основание полагать, что первые сведения об этом привез в Елец воронежский казак Герасим Кривушин, бывший свидетелем восстания в Москве. В отписке воронежского воеводы Василия Тимофеевича Грязного об этом говорится следующее: «Да тот де полковой казак Гераська ехал

---

[24] Стлб. Прик. ст., № 561, л. 484.
[25] Дела десятен, 1649 г., кн. 88, лл. 7, 8, 21, 41 и др.
[26] Стлб. Белгор. ст., № 229, л. 19.
[27] Там же, л. 197.
[28] Там же, л. 19.

с Москвы на Елец, учал говорить такие де дурные слова, и на Ельце воевода Олексей Хрущов тово полкового казака Гераська за те ево дурные слова бил батоги и держал в тюрьме четыре дни»[29]. Выйдя из елецкой тюрьмы, Кривушин и в Воронеже продолжал произносить свои «крамольные речи»: «Учинилась де на Москве смута большая, бояр де и всяких многих людей побили до смерти и дворы разграбили»[30].

Естественно, что такие сообщения очевидца московских событий не могли не обострить и без того накаленную атмосферу в Ельце и Воронеже. Елецкому воеводе А. В. Хрущову удалось предотвратить открытое выступление — наказав нескольких недовольных плетьми и палками, он бросил их в тюрьму.

Новая волна недовольства поднялась в Ельце в связи с выборами представителей города для участия в Земском соборе 1648—1649 гг. 13 августа 1648 г. в город была прислана царская грамота с предписанием читать ее в торговые дни перед всеми людьми о выборах двух человек от «всяких чинов людей» и одного от посада для земских дел к князю Никите Ивановичу Одоевскому. Как обычно, в грамоте сообщалось, что выбирать следует людей «добрых и смышленых, кому твои государевы и земские дела за обычай»[31].

Воевода А. Хрущов и стрелецкий голова И. Буженинов немедленно провели формально выборы делегатов от Ельца — детей боярских Д. Е. Шилова и Г. С. Перцова. Последний являлся окладчиком из семьи, близкой к ненавистному горожанам Д. Снетину. От посадских людей был выбран С. Федоров.

Самоуправство воеводы и головы вызвало возмущение в городе. 16 августа Михаил Андреев, Василий Насонов, Емельян Карлов предъявили составленную от лица служилых людей города «заводную запись», к которой и предложили приложить руку избранному на собор Д. Шилову. Через 5 дней М. Андреев и В. Насонов были брошены в тюрьму, а в Москву воевода послал подробные донесения[32].

Служилые люди в свою очередь отправили челобитную от детей боярских и поместных казаков, в которой изобличались преступления воеводы, стрелецкого головы и подьячего съезжей избы С. Мартынова. Вероятно, злоупотребления этих лиц ничем не отличались от подобных явлений в других городах. Воевода, писали ельчане, «налоги и разорения чинит великие, без вины кнутом бьет и в тюрьму сажает и без твоего государева указу и без сыска пытает». Он устраивал

---

[29] Стлб. Белгор. ст., № 167, л. 42.
[30] Е. В. Чистякова. Воронеж в середине XVII в. и восстание 1648 г., стр. 44.
[31] Стлб. Белгор. ст., № 275, л. 136.
[32] Там же, л. 141 об.

непрерывные смотры, за опоздание на них, «хотя сажени не доступит», бил батогами до полусмерти, за взятки давал льготы по службе, в противном случае вне очереди отправлял «на вести и на сторо́жи». Служилых людей, приехавших в город с сеном, дровами и углем, денщики насильно загоняли на воеводский двор чистить конюшни или косить сено [33]. Злоупотребления воеводы выразились в том, что он без всяких оснований «вешал за ноги» перед съезжей избой стрельца Добычина, бобыля Калугина, пытал, «спицы за ногти забивал». Н. Молютину и др., отбирал у служилых людей их слуг, т. е. лишал их необходимых рабочих рук. Голова И. Буженинов действовал, судя по челобитной, как крупный феодал по отношению к мелким: он вывозил «насилу» бобылей и, очевидно, записывал их за собой или воеводой, присваивал их имущество. Группу задонских казаков голова держал на цепи с целью «вымучить» у них кабальные записи в денежных долгах [34].

Челобитчики выставляли умеренные требования: сменить городское начальство, разобрать вопрос о «заводной записи», выпустить из тюрьмы Андреева и Насонова.

Важным пунктом челобитной был протест ельчан против подложных выборов представителей на Земский собор. Горожане возражали против выдвижения сторонников Д. Снетина, «отводных людей» детей боярских Д. Шилова и Г. Перцова. Так как горожане не хотели согласиться с избранием этих лиц, воевода, по словам служилых людей, «к тому выбору уездных попов заставил руки прикладывать сильно, а не по нашему веленью» [35].

Таким образом, челобитная, составленная в среде мелких помещиков — детей боярских, больше всего отражала требования именно этой части служилых людей: они жаловались на злоупотребления более сильных феодалов, сманивавших у них крестьян и работников, хотели избрать своих представителей на Земский собор, требовали справедливого суда и прекращения злоупотреблений воеводы, головы и их приближенных окладчиков. Эта программа выставлялась от лица «всего города».

Челобитная была переслана в Москву в сентябре 1648 г., когда там уже собрался Земский собор для составления Уложения. Руководили составлением челобитной и пересылкой ее в Москву дети боярские С. Г. Семенов и Е. М. Карлов. По выражению воеводы, Семенов был «ведомой вор и заводчик, церковный тать и многим душам губитель». В грамоте воеводы указывается, что они якобы сговорились «на Москве воровски

[33] Стлб. Белгор. ст., № 275, л. 153.
[34] Там же, л. 154.
[35] Там же, л. 152.

с такими же ворами и татями», детьми боярскими из Ельца [36]. Это замечание воеводы не лишено интереса. По-видимому, он намекает на то, что часть недовольных детей боярских из Ельца летом 1648 г. находилась в Москве среди челобитчиков из других городов, некоторые из них, очевидно, в связи с московскими событиями, попали в тюрьмы — «в приводе бывали».

Лишь 13 октября в Елец пришло предписание — выпустить из тюрьмы Андреева и Насонова и переслать в Москву «заводную запись».

Что же представляла собой «заводная запись» ельчан, и каковы обстоятельства ее появления? [37]

Еще в период борьбы горожан с окладчиками (Д. Снетиным и др.) в 1646 г. был составлен детьми боярскими М. Андреевым и В. Насоновым документ, который воевода назвал «заводной записью», а сами авторы называли «приговорной» или «излюбленной» записью [38]. Характерно, что для составления записи им пришлось уехать от бдительных глаз воеводы в другой город — Оскол, где они и писали ее «заочно» [39]. Во время волнений 1648 г. вновь возник вопрос об этой записи, где были сформулированы требования служилых людей города Ельца и уезда.

«Заводная челобитная» начинается перечислением свыше 400 имен и фамилий детей боярских и поместных казаков Ельца, от лица которых составлен документ. С л. 176 следует текст записи. В ней говорится следующее: 28 ноября 1646 г. упомянутые 403 человека «во всех место товарищев своих всево города и всего Елецкого уезду, поговоря мы промеж собя полюбовно», выбрали 27 человек из своей среды «для государева и для городовова всякого дела». Фамилии 27 детей боярских (С. В. Родионов «с товарищи») перечислены на л. 140 и л. 176. Анализ списка показывает, что в него были включены городовые дети боярские, возглавлявшие волнения в городе (Андреев, Насонов, Карлов, Семенов), а также представители обеспеченных детей боярских (Телегин, Морев, Родионов и др.).

Выборные были уполномочены ведать «городом», посылать челобитчиков в Москву, руководить военной службой ельчан и т. д., т. е. имели функции комиссии окладчиков [40].

Перед нами проект местного дворянского управления, построенного на более широкой основе. Руководящую роль в служилом городе играл так называемый «выбор», верхушка горо-

---

[36] Стлб. Белгор. ст., № 275, л. 159.

[37] Содержание записи коротко изложено в статье автора «Приговорные записи XVII в.» — «Вопросы истории», 1956, № 3, стр. 136—137.

[38] Стлб. Белгор. ст., № 275, лл. 167—178.

[39] Там же, л. 161.

[40] А. А. Новосельский. Указ. соч., стр. 322.

дового дворянства [41]. Недовольные деятельностью «выбора», служилые люди Ельца создают свою организацию, где руководящая роль переходит к городовым детям боярским, которые, действуя через своих выборных, пытаются оттеснить «выбор», занять его место в распоряжении корпоративными делами городового дворянства.

Неприкосновенность выборных обеспечивалась тем, что с нарушителей записи разрешалось «взять... за свое бесчестье на человеке по 100 рублев денег» [42]. Особым пунктом был уговор противостоять воеводе и начальным людям: «А будет кто станет из нашей братьи (служилых людей — *Е. Ч.*) на тех выборных детей боярских или на свою братью воеводам станет сорничать и всяким начальным людям, и нам тово сыскать промеж себя». С виновного полагалось брать штраф в размере 100 руб.

Сословные требования служилых людей предъявлялись правительству и до 1648 г. Например, реформы суда дворяне добивались путем подачи общих челобитных (1637, 1641, 1645 и 1648 гг.) [43]. Особенно подробно обосновывалась децентрализация суда в челобитной 1641 г. Провинциальные мелкие дворяне просили не только отменить судебные сроки, но и иначе организовать суд: «И вели, государь, выбирать в городех из дворян и из земских людей, и вели, государь, нас, холопей твоих, судить в городех по своему государеву указу, по своей государевой уложенной судебной книге» [44].

Новым в елецкой записи было то, что в ней был поставлен вопрос об избрании местного органа управления. В отношении избранных лиц служилые люди давали следующие обязательства: «во всем нам их слушать и ни в чем не подавать», «во всем их не выдать и подмогу им ко всякому делу нам давать» [45].

Однако обстановка в стране осенью 1648 г. несколько изменилась, наиболее острые вспышки недовольства, имевшие место летом в Москве и на периферии, были подавлены. В Кремле заседал Земский собор, вырабатывавший Уложение.

В этих условиях правительство не только не удовлетворило требование ельчан, но даже не сменило воеводу. Ответом на это были новые волнения в Ельце. В декабре 1648 г. воевода жаловался на неповиновение сына боярского Павла Пилюгина, говорившего воеводе «невежливые слова». А вслед за ним и

---

[41] Там же, стр. 317—330.

[42] Стлб. Белгор. ст., № 275, л. 178.

[43] П. П. Смирнов. Челобитные дворян и детей боярских всех городов в первой половине XVII в.— «Чтения ОИДР», 1915, кн. 3, стр. 8, 13.

[44] Е. Д. Сташевский. К истории дворянских челобитных — «Сборник статей, посвященных Л. М. Савелову», М., 1915, стр. 18.

[45] Стлб. Белгор. ст., № 275, л. 178.

другие служилые люди, по словам А. Хрущова, «смотря на его Павликово, воровство многие бегают и меня, холопа твоего, не слушают»[46].

В июне 1649 г. в Ельце кто-то ночью поджег торговые ряды. Пожар начался с лавок и потребов, в которых лежал порох. Из-за сильного ветра сгорели все лавки, 93 двора посадских людей, таможня, кабак и другие помещения.

Так как волнения в Ельце происходили в основном в среде детей боярских, то сыск о «заводной записи» не дает возможности точно определить позицию приборных людей (стрельцов, пушкарей, затинщиков, казаков). Можно думать, что если приборные люди и сочувственно относились к записи и обвинениям против воеводы и головы, то все же активной роли в движении они не играли. В документах нет указаний и на участие в волнениях посадских людей.

То обстоятельство, что движение в Ельце развертывалось в среде служилых людей, наложило отпечаток на ход движения и умеренность требований ельчан. Елецкие волнения — типичное проявление недовольства служилых людей местной администрацией и комиссией окладчиков.

Хотя «заводная запись» не была одобрена в Москве, судя по некоторым данным, в Ельце на 1649 г. была выбрана компромиссная комиссия окладчиков. В нее вошли как бывшие окладчики (Д. Снетин, Г. и И. Перцовы), так и те, кого выдвигали в местное управление дети боярские (из списка В. Насонова и М. Андреева),— С. В. Родионов, Р. С. Григорьев и П. Р. Шелимов[47]. Правительство, желая задобрить детей боярских, прислало в марте 1649 г. денежную казну для раздачи служилым людям Ельца и Ливен в размере 19481 руб., по 7 руб. человеку, всем поровну. В сопроводительном документе говорится следующее: «А которые держатца воровства (выражают недовольство — *Е. Ч.*), и пропивают на кабаках, и зернью играют и табак держат, и тем государева жалованья давать не велено»[48].

Волнения в Ельце прекратились.

* * *

К событиям в Ельце примыкает движение осенью 1648 г. в другом южном городке — Ливнах, небольшой крепости, основанной в 1586 г. (одновременно с Воронежом) на левом высоком берегу среднего течения реки Быстрой Сосны[49].

---

[46] Стлб. Белгор. ст., № 275, лл. 214—216.

[47] Дела десятен, кн. 88, 1649, л. 7.

[48] Там же, 1649, лл. 1—2.

[49] Г. Пясецкий. Исторические очерки г. Ливен и его уезда.— «Труды Орловской ученой архивной комиссии», вып. 3—5, Орел, 1893, стр. 43.

Вокруг Ливен были расположены 13 сторо́жей, т. е. наблюдательных пунктов. Судя по дозорной книге 1615 г., город состоял из Малого острожка, в котором помещались 4 церкви, разрядная изба, рынок с лавками и полками, 8 кузниц, кабак, а также склад оружия, и Большого острога. В Большом остроге было расположено 4 слободы: Стрелецкая, Пушкарская, Ямская и Казачья (состоявшая в свою очередь из 5 улиц-слободок). Несколько на отлете на десятинной земле помещалась Беломестная слобода. У реки теснилась слобода нищих.

В 1646 г. переписная книга по Ливнам насчитывает в уезде 17 сел и 42 деревни. Из-за трудностей заселения и постоянной опасности крымских набегов в Ливнах в 1615—1620 гг. было обработано из 49 846 четей пашни всего 714 четей с четвертью, остальные лежали под перелогом, диким полем и дубравой [50]. Дети боярские не имели часто крестьян и бобылей и по своему положению скорее напоминали однодворцев-крестьян, обрабатывавших землю силами семьи. Так же как и в Елецком уезде, на двух помещиков здесь приходилось в среднем по одному крестьянину или бобылю [51]. О трудностях борьбы за рабочие руки в условиях южной окраины говорят следующие данные из материалов Троице-Сергиева монастыря. Этот крупный феодал имел в 1646 г. 34 крестьянских двора, из них часть опустела из-за бегства крестьян (5), часть — в период борьбы с Польшей (17), 8 дворов было отписано в казачью службу [52].

В середине XVII в. к городу было приписано 1236 служилых людей. Из них детей боярских было 902 человека, полковых и беломестных конных казаков — 219 (181 человек из них было отослано в Карпов и Царев-Алексеев), кроме того, здесь жили конные черкасы — 58, пешие стрельцы — 85 (28 человек из них взято в другие города) [53].

Преобладание служилых людей наложило отпечаток и на экономическую жизнь города: из 37 лавок в 1615 г. 4 имели пушкари, 6 — казаки, 2 — затинщики, 7 — стрельцы, 3 — ямщики, т. е. подавляющее большинство торговых мест принадлежало служилым людям по прибору. В Ливнах, как и в Ельце, сравнительно много занимались кузнечным делом: имелось 8 кузниц. Здесь же варили селитру [54].

Как и в Ельце, в управлении Ливнами действовала небольшая группа детей боярских — 17 человек (Алексей Ефанов «с товарищи»), которые, будучи окладчиками, распоряжались собираемым в казенные житницы хлебом, городским бюджетом,

---

[50] Там же, стр. 76.
[51] Там же, стр. 112.
[52] Там же, стр. 56.
[53] Стлб. Белгор. ст., № 275, лл. 112—112-а.
[54] Г. Пясецкий. Указ. соч., стр. 48, 110—111.

помогали воеводам в разборе судебных дел. Судя по датам назначения упомянутых в документе воевод Федора Михайловича Бояшева (1642 г.), Дмитрия Федоровича Колтовского (1645 г.), Федора Абросимовича Лодыженского (1647—1648 гг.) [55], эта группа действовала в Ливнах на протяжении 40-х годов и успела натворить немало бед.

Не повторяя всех жалоб служилых людей на воевод и окладчиков, ограничимся указанием на то, что обстановка в Ливнах была сходна с положением в Ельце и в других южных городах.

Волнения в Ливнах начались в сентябре 1648 г. 3 сентября сын боярский П. Руднев поссорился с воеводой Ф. А. Лодыженским у него на дворе и заявил ему: «нынеча величество ваше вершилося» (имея в виду, что повсюду пошатнулась власть воевод). Этой фразы было достаточно, чтобы воевода приказал схватить Руднева и вести на допрос в съезжую избу. По дороге Руднев обращался к жителям города, крича: «Суда де, ливенцы, не подайте!» [56] (т. е. не покиньте). Воевода тут же повел допрос о «заводе» — восстании, но Руднев продолжал его ругать и ни в каких злостных умыслах не признавался. Все же он был брошен в тюрьму. Тогда в знак протеста против действий воеводы в съезжую избу «с большим невежеством», по выражению Лодыженского, явилась группа детей боярских во главе с О. Зубцовым. В донесении воеводы в Москву действия Зубцова «с товарищи» были названы «воровским заводом». Ф. А. Лодыженский высказывал опасения, как бы «от их озорничества какова дурна не учинилось».

Сыск о «бесчестьи» ливенского воеводы было поручено вести князю Дмитрию Петровичу Львову и дьяку Анисиму Трофимову. Сыщикам предписывалось наказать виновных кнутом и отдать их на поруки. Несмотря на эти меры, волнения в Ливнах и близлежащих острожках не прекращались, они выражались в неповиновении по службе, отказах явиться на вызов воеводы.

12 января 1649 г., во время выборов кабацкого и таможенного головы и целовальников, дети боярские не пожелали принять навязанного им кандидата и выбрали «из обычных людей». При этом служилые люди бурно высказывали недовольство и не хотели никого слушать. Выборы они называли незаконными. Для сыска в Ливны был прислан из Ельца дворянин Г. Гуляницкий. Однако дети боярские, а в гарнизоне их насчитывалось 900 человек, не приняли сыщика, отказались дать ему «обыски»

---

[55] А. Барсуков. Списки городовых воевод и других лиц воеводского управления Московского государства XVII ст. СПб., 1902, стр. 127.
[56] Стлб. Белгор. ст., № 275, л. 36.

(т. е. показания) и, таким образом, «государева указа не послушали, учинились сильны»[57].

Расследование дела, очень запутанного, показало, что в городе имело место злоупотребление в сборе соляной пошлины. Во время переговоров с воеводой о различных городских делах шла речь «о соли, что не по государеву указу соль на них правил, а слушал ушников»[58].

Таким образом, взаимоотношения служилых людей с воеводами и окладчиками, общее брожение в стране и Московское восстание подталкивали служилых людей к выступлениям и предъявлению определенных требований, хотя почвой для возникавших конфликтов являлись специфические условия южной окраины.

Волнение в Ливнах происходило в основном в среде детей боярских, требовавших участия в управлении городом своих выборных людей, а не группы «ушников», угождавшей воеводам. Характерно, что дети боярские выступали, не привлекая другие разряды служилых людей. В обыскных речах приборные служилые люди ответили, что они о «невежестве» детей боярских «не ведают», а черкасы указали, что «городовые всякие люди с нами ничево не советуют»[59]. Мелкие дворяне действовали не привлекая других групп населения города и уезда.

* * *

Несколько позже начались волнения служилых людей в городке Гремячем Веневского уезда. С 1649 г. воеводой здесь был Д. А. Раевский. Он больше заботился о собственном обогащении, чем об управлении городом; горожане на своих подводах отвезли 700 четей его ржи в Зарайск на продажу. В городе он держал винокурню. Башни городской стены были использованы им как хлевы для скота.

Среди многих воевод в городах южной окраины Раевский выделялся взяточничеством, беззаконием и самодурством. Он систематически собирал со служилых людей лошадей, овец, свиней, дрова, сено. Взятки он брал деньгами (до 35 руб.), хлебом (40 четей), гречихой (30 телег), даже лисьим мехом[60]. С приезжавших в город торговцев он брал в свою пользу пошлину-головщину, на которую не имел права. Но наибольший гнев служилых людей вызывал судебный произвол воеводы. Он держал в тюрьме нагих людей (до 54 человек), сняв с них даже нательные кресты.

[57] Стлб. Белгор. ст., № 275, лл. 326—328.
[58] Там же, л. 346.
[59] Там же, лл. 330, 338, 340.
[60] Стлб. Прик. ст., № 276, лл. 588—589.

Бесцеремонное поведение Д. А. Раевского вызвало большое волнение в городе. 4 мая 1651 г. рядовые стрельцы, беломестные и новоприборные казаки, пушкари, затинщики и другие служилые люди по прибору составили приговорную запись. Характерно, что составление записи взяли в свои руки десятники и пятидесятники, что несомненно сказалось на ее характере.

Гремяченская запись направлена не только против упомянутого воеводы Раевского, «но и на иных воевод, и на голов, и на сотников, которые у нас будут по государеву указу на Гремячем» [61]. Если представители власти, говорилось в записи, начнут чинить насилия, брать несправедливые налоги, телесно наказывать, бросать в тюрьму без царского указа, то пострадавшего надо выручать всем городом, «нам его не подать, стать нам за него всем». Следующий пункт записи касался предполагаемых изменников общему делу, т. е. пособников воевод и начальных людей. «А которые из нас, наша братья, с воеводы, или з головами или с стники, стакався с ними заодно, учнут нас напрасна не по вине упрадовать или какими наносными словами напрасно облыгать, или не учнут с нами в мирское челобитье писатца, и нам на тех людей бити челом государю» [62].

Таким образом, осуждалось не только пособничество некоторых служилых людей воеводам и их доносы, но и уклонение от общего дела.

Из приведенной цитаты выясняется, что составители приговорной записи — служилые люди Гремячего,— противопоставляли местных администраторов (воевод, начальных людей) царской власти и считали, что можно жаловаться царю на тех «предателей» из своей среды, которые будут близки к воеводам. Составители записи подчеркивают свою преданность престолу и пишут, что если некоторые из них «станут воровать или какоенибудь дурно чинить», то будут выданы местным властям.

Эта мысль выражена и в другом пункте записи, где говорится о суде: «А которая наша братья учнут по ворах покрывати, и в своих обыскных речах виноватого оправят, а правого обвинят, и на тех людех государева [титул] пеня. А пеня, что государь укажет» [63].

Большой интерес представляет решение по данному делу, вынесенное в Разряде в Москве.

Воеводе Д. Раевскому приказано было возвратить взятое имущество служилым людям, а затем наказать его батогами. Несмотря на верноподданнический характер записи, лица,

---

[61] Стлб. Прик. ст., № 276, лл. 588—589.
[62] Там же, л. 571.
[63] Там же.

причастные к ее составлению, были наказаны более жестоко, чем воевода. 13 января 1651 г. казаки Е. Азовцов, Д. Тепляков, И. Милованов, стрелец Т. Старченков, А. Пажетной, составившие «воровством меж себя поручную запись», «на козле биты кнутом нещадно» [64].

Эта кара свидетельствует о том, что правительство Алексея Михайловича отнюдь не склонно было считать приговорные записи, несмотря на их легальный характер, чем-то безобидным. Наоборот, в донесениях воевод эти записи квалифицировались как «воровские» и «заводные», а Разряд предписывал нещадно наказывать их составителей.

Несмотря на жестокое телесное наказание нескольких авторов записи, гремяченцы считали успешной борьбу с воеводой. Поэтому упомянутый стрелец Т. Старченков подал следующему гремяченскому воеводе Юрию Федоровичу Секирину новую челобитную от лица служилых людей по прибору (стрельцов, казаков, пушкарей, затинщиков и воротников). В ней снова повторялась жалоба на то, что воевода, приказные люди, голова и сотники стрелецкие обременяют служилых людей работой на своих дворах, заставляя их косить сено, сечь дрова, курить вино, растить солод, возить воду и вообще «всякого изделья делать в неволю» [65]. Поскольку на юге в середине XVII в. ощущался недостаток в крепостных крестьянах, крупные феодалы и представители начальных людей пытались использовать в своем хозяйстве рядовых приборных людей. В условиях южной окраины последние, таким образом, оказывались близкими к положению крестьян. Поэтому в движении гремяченских приборных людей, сопротивлявшихся феодальной эксплуатации со стороны местных начальных и приказных людей, содержался элемент антифеодальной борьбы.

В ответ на челобитье гремяченцев из Разряда прислали «грамоту с прочётом»: воеводе приказано было сделать списки с грамоты, один оставить в приказной избе, другой дать Т. Старченкову на руки. Этим правительство показало справедливость требований гремяченцев.

* * *

Подведем некоторые итоги.

Движущими силами городских волнений в Ельце, Ливнах и Гремячем были служилые люди по отечеству (дети боярские) и по прибору, не только жившие в городе, но и приписанные к городу. Это придавало волнениям специфический характер

---

[64] Стлб. Прик. ст., № 276, л. 590.
[65] Стлб. Белгор. ст., № 338/III, л. 918.

движения мелких землевладельцев. Самыми обеспеченными помещиками считались дети боярские, владевшие 8—10 крестьянами, но таких были единицы. Основная масса не имела крестьян и обрабатывала землю силами своей семьи.

Первые десятилетия существования городов и уездов Белгородской черты совпали с ликвидацией последствий интервенции и формированием налоговой системы в государстве. На юге в сошное письмо были положены как дворы крестьян, так и служилых людей. В пользу государства с них взимали натуральные и денежные сборы и привлекали к работам по строительству и ремонту укреплений. Все это проводилось одновременно с непрерывной и тяжелой военной службой.

Управлением городами ведали воеводы, приказные люди и комиссии окладчиков из числа наиболее обеспеченных детей боярских. Эта группа более крупных землевладельцев, управлявшая городом, поощряла злоупотребления и вымогательства воевод.

В условиях южной окраины при недостатке зависимого населения более крупные феодалы и начальные люди (воеводы, головы, окладчики) стремились различными способами использовать труд свободных служилых людей. Отсюда — непрерывные конфликты и челобитья в Москву от массы рядовых служилых людей.

Эти столкновения особенно обострились в связи с известиями из Москвы летом 1648 г. Эхо Московского восстания несколько лет звучало в городах и уездах юга России. Выступления в Ельце, Ливнах и Гремячем были проявлением недовольства различных групп служилых людей, требовавших снижения налогов, организации своего местного управления, прекращения финансовых и судебных злоупотреблений воевод и приказных людей.

В Гремячем и Ельце эти требования были выражены в челобитных служилых людей и частично в приговорных записях.

Протест приборных людей против феодальной эксплуатации содержал в себе элементы антифеодальной направленности.

Выступления служилых людей напугали правительство, которое вынуждено было пойти на уступки и урегулировать основной вопрос, волновавший массу дворян — бессрочно прикрепить крестьян к их владельцам.

П. А. Колесников

ВОССТАНИЯ В ТОТЬМЕ И ТОТЕМСКОМ УЕЗДЕ В XVII В.

Для исследования проблемы первоначального накопления, особенно экспроприации непосредственных производителей, для исследования в целом генезиса капитализма чрезвычайно важное значение имеет изучение классовой борьбы. Большую ценность представляют материалы о ее развитии в поморских городах и уездах в XVII в.— в крае тяглого посада и черносошного крестьянства. Русское Поморье являлось одним из районов, где процессы имущественного и социального расслоения весьма заметны. Эти явления протекали в условиях обострения классовых и внутриклассовых противоречий.

О классовой борьбе в таких крупных городах Восточного Поморья, как Устюг Великий и Соль Вычегодская и их уездах хорошо известно [1]. Менее изучены движения на соседнем Тотемском посаде, также являвшемся крупным пунктом на торговом пути из Центра в Сибирь и Архангельск. П. П. Смирнов в своем фундаментальном труде о посадских людях впервые осветил восстание в Тотьме 1646—1648 гг. [2] Имеющиеся в Центральном государственном архиве древних актов материалы позволяют воссоздать значительно полнее картину классовой борьбы не только на Тотемском посаде, но и в уезде на протяжении всего XVII в.

Город Тотьма возник и вырос у солеваренных промыслов, в которые вкладывали свои капиталы такие крупные торго-

---

[1] К. В. Базилевич. Мятеж в Великом Устюге.— «Ученые записки Института истории РАНИОН», т. V, М., 1928, стр. 271—296; «Городские восстания в Московском государстве XVII в.», сб. документов, сост. К. В. Базилевич, М.—Л., 1936; А. Ц. Мерзон, Ю. А. Тихонов. Рынок Устюга Великого в период складывания всероссийского рынка. М., 1960, стр. 324—374, 494—502, 603—617.

[2] П. П. Смирнов. Посадские люди и их классовая борьба до середины XVII в., т. II, М.—Л., 1948, стр. 62—66.

вые люди, как гости Бахтеяр Булгаков, Усовы-Грудцыны, Федотовы-Гусельниковы. Население не только посада, но и окружающих волостей было преимущественно занято обслуживанием варниц и речного транспорта на Сухоно-Двинском водном пути. К концу XVII в. посадские люди теряют промыслы и угодья, которые переходят в руки крупных торгово-промышленных людей и монастырей. Удельный вес посадской бедноты в 1688 г. составлял 95,2% к общему числу мужского населения. Разорение народных масс Поморья, в том числе и в Тотьме, вызывалось также налоговой политикой феодального государства. В целом социально-экономические отношения на посаде характеризовались резким все усиливавшимся к концу века имущественным неравенством и начавшимся классовым расслоением. Многие посадские люди пополняли число тех, чьим единственным источником существования становилась работа по найму. Так, в 1688 г. из 257 дворовладельцев Тотьмы работой по найму было занято 74,3%, в том числе в солеварении — 39,3%, на обслуживании водного транспорта — 16,4% [3].

Социально-экономические процессы на Тотемском посаде и в уезде развивались в обстановке ожесточенной классовой борьбы, в первую очередь против усиления фискального гнета.

Данная работа посвящена главным образом антифеодальным выступлениям посадского и волостных миров, во время которых часто наблюдались их совместные действия, при ведущей роли посадских работных людей. Если до выхода в свет работы П. П. Смирнова Тотьма совершенно не упоминалась в числе тех мест Русского государства XVII в., где были антифеодальные восстания, если указанный автор упоминает об одном восстании, то сейчас можно говорить о Тотьме, как о городе, где на протяжении столетия было не менее трех волнений. Эти выступления в 1639, 1646—1648 и в 1700 гг. можно определенно характеризовать как восстания.

Эти волнения были направлены против фискальной политики государства и против представителей зарождавшейся буржуазии. В первой половине XVII в. борьба идет против приписанных в гостиную сотню посадских людей, вся вторая половина века заполнена борьбой против иногородних торгово-промышленных людей — Грудцыных, Булгаковых, Палицына и др. Неоднократно дело доходило не только до судебных тяжб, но и до избиения и даже убийства посадскими тяглецами представителей торгово-промышленной верхушки. Внутри тяглых общин с неменьшей остротой шла борьба вокруг раскладки

---

[3] П. А. Колесников. Социально-экономические отношения на Тотемском посаде в XVII в.— «История СССР», 1958, № 2, стр. 131—143.

тягла, распределения различных государственных и земских служб и по другим вопросам [4].

В ходе этих общесословных антифеодальных выступлений единство тяглых миров рушилось, внутри них одновременно разгоралась борьба между низами и «лучшими» людьми, между посадской и уездной общинами.

* * *

Классовая борьба в Тотьме, как это было в Поморье и во всей стране, принимала различные формы, но тенденция к открытым выступлениям все более четко проявляется с середины XVII в.

Посадские люди и крестьяне уезда прибегали в первую очередь к легальным формам борьбы — к подаче челобитных с просьбами об уменьшении податей и тяжести различных служб, с жалобами на произвол воевод и приказной администрации. Иногда им удавалось добиться смещения наиболее лихоимствующего воеводы, особенно в тех случаях, когда посадский мир доказывал, что воеводские злоупотребления приводили к массовым побегам населения и поэтому нарушали интересы казны [5].

Следующей и наиболее распространенной формой борьбы было бегство посадских людей и крестьян, оставление тягла. Так, в период с 1619 по 1625 г. ушло с посада 23% общего числа дворовладельцев, в период с 1625 по 1664 г.— 51%. Особенно массовым было бегство после описания посада и уезда в 1676—1679 гг. и после введения с 1679 г. подворного обложения. Количество мужского посадского населения менее чем за 9 лет после 1679 г. уменьшилось на 43,5%. В уезде запустели целые волости. В целом по уезду в период между 1679 и 1688 гг. количество всего мужского населения уменьшилось на 3124 чел., или на 36%, а количество пустующих дворов и дворовых мест увеличилось более чем на 600 единиц [6].

Но борьба тотьмичей не ограничивалась этим. Она принимала форму и открытых восстаний.

Первое восстание было в 1639 г. В этом году был повышен оклад стрелецких денег с 90 до 168 руб. с сохи, а недоимка лишь по этому налогу уже составляла 733 руб. 29 алт. Из Москвы пришло распоряжение немедленно взыскать не только очередные платежи, но и всю задолженность. Посланные по волостям

[4] Об этом сохранились сотни дел в ряде фондов ЦГАДА, особенно интересны дела в фонде ПДСЛ: 1639 г., д. 45; 1650 г., д. 30; 1652 г., д. 18; 1654 г., д. 12; 1660 г., д. 147; 1667 г., д. 293; 1681 г., д. 130; 1684 г., д. 198; 1685 г., д. 146; 1687 г., д. 231; 1694 г., д. 71 и др.

[5] ПДСЛ, 1667 г., д. 293, лл. 19—30.

[6] Писц. и переп. кн., № 482, л. 1038 и сл.; № 891, л. 919 и сл.

пристава натолкнулись на открытое сопротивление. В Березовой слободке несколько ранее был убит крестьянином Давыдом Сердюковым пристав Дружина Кусков, присланный для сбора платежей, а теперь начали угрожать приставам и в других волостях. Крестьянин Кулуйской волости Юрий Семенов Зыков при этом самого царя «непригожими словами... бранил... матерно...» [7]. Начались волнения и на посаде, где в первую очередь гнев тяглых людей обрушился на солевара и корыстолюбивого таможенного голову Никиту Мясникова, который был убит. А когда воевода Алексей Большов затребовал посадских людей и крестьян на правеж за неуплату налогов, то началось всеобщее выступление посадских и уездных тяглецов.

О событиях летом и осенью 1639 г. можно судить по отпискам в Москву воеводы А. Большова и сменившего его воеводы Ивана Малыгина [8]. Их особенно тревожило повсеместное дружное выступление тяглых миров. Крестьяне не являлись на правеж, отовсюду изгоняли рассыльщиков и приставов. В растерянности воевода запрашивал Устюжскую четь, что ему делать, так как везде «непослушанье стало великое». Правительство предписало воеводе взять из каждой волости по три-четыре заложника, доправить недоимку, а за ослушанье бить батогами и посадить в тюрьму. Но и вторично пристава из волостей были изгнаны. Упорно отказывались внести платежи и посадские люди. Еще раз и с еще большей тревогой сообщил об этом воевода и вновь получил указание применить силу. Снова были посланы подьячие, пристава и рассыльщики, которым удалось привести на съезжий двор несколько представителей от волостей. Но при прямой поддержке посадских людей большинство представителей разбежалось, а затем во главе с крестьянином Стрелицкой волости Федором Агафоновым они вернулись на съезжий двор, избили охрану, освободили остальных, кто находился на правеже. В этот же день бывшие в городе волостные и многие посадские люди во главе с всеуездным земским старостой Естифеем Самойловым явились с «шумом» на воеводский двор. Здесь они заявили, что платить стрелецкие деньги не будут, и начали всячески ругать воеводу Большова. Было составлено челобитье царю с просьбой сместить воеводу, и отправлены посыльщики в Москву. В течение полугода воевода был бессилен что-либо сделать. На все его требования и угрозы посадские люди отвечали, что они от своих посыльщиков получают из Москвы письма, в которых сообщается о скором приезде нового воеводы, а потому от платежей считают нужным воздержаться.

---

[7] ПДСЛ, 1638 г., д. 10, лл. 260—261, 387—395.

[8] ПДСЛ, 1643 г., д. 79, л. 4; 1639 г., д. 45, лл. 48—90, 338—390, 535—546.

В своих отписках воевода Большов сообщал, что жизни его угрожает опасность. Он объяснял свое спасение только тем, что, когда ворвались «бунтовщики», в это время у него были взятые в гостиную сотню посадские люди Харламовы, да приезжий сын боярский Карп Фролов и другие.

Правительство, недовольное действиями воеводы Большова, сменило его. У посадских людей и крестьян создалось впечатление, что это сделано по их челобитью. Наступило временное затишье. Но вскоре приехал новый воевода Иван Малыгин, который с суровым пристрастием начал следствие. В Москве посыльщиков забрали в приказ и начали допрос, а в Тотьму пошло предписание — деньги «править нещадно», за ослушание бить батогами и сажать в тюрьму, а «зачинщика бунта» Федора Агафонова «бить батоги нещадно перед съезжею избою».

* * *

Новый воевода И. Малыгин не только начал собирать старые недоимки, но записал в оклад жилыми все дворы, которые ранее числились пустующими. Это сразу повысило сумму платежей с уезда на 415 руб. 31 алт. $2^1/_2$ д. По посаду положение еще более осложнилось в связи с тем, что было предписано взимать полностью и за те годы, когда в связи с запустением оклад был уменьшен на $^3/_8$ сошки. В сентябре 1645 г. тотемский воевода Логин Аничков получил список с книг И. Малыгина и предписание не только собирать все налоги по этим книгам, но и взыскать как недоимку несобранные деньги за 12 лет (4072 руб. 15 алт.), а также стрелецкие деньги по 830 руб. 16 алт. 1 д. в год. Кроме этого, были еще основания общего характера для обострения борьбы, особенно в конце 1647 г. С 7 февраля 1646 г. была введена повышенная пошлина на соль, и правительство в расчете на большие доходы от нее отменило сбор стрелецких денег. Но надежды не оправдались, и эту пошлину правительство вынуждено было отменить с 10 декабря 1647 г., причем это мероприятие сопровождалось восстановлением стрелецких денег с взысканием их за 1646 и 1647 гг. Было дано распоряжение собрать в 1648 г. стрелецкие деньги в тройном размере. Это явилось одной из ближайших причин посадских восстаний 1648—1650 гг. [9], в том числе и в Тотьме.

Конечно, немалое значение в развитии восстания народных масс в Тотьме и Тотемском уезде в 1646—1648 гг. имели и специфические местные особенности социальной жизни. Именно этот период был временем процветания посадских солеваров Харламовых, Брагиных, Выдриных и др. Захват солеваренных

[9] «Очерки истории СССР. Период феодализма. XVII в.», М., 1955, стр. 425—426.

промыслов и земельных угодий на посаде и в уезде, торговля и ростовщичество и сопутствующее им разорение отдельных членов посадской общины вызвали ненависть к этим богатеям как на посаде, так и в уезде. К этому времени уже значительно изменилось и социальное лицо посадского населения. Если в 1625 г. было только 16 бобыльских дворов, то в 1646 г. их уже насчитывалось 137 да 10 дворов нищих; с другой стороны, из числа посадских людей было взято в гостиную сотню 8 человек. В конце 40-х годов отмечается оживленное движение работных людей через Тотьму для обслуживания речного и гужевого транспорта и солеваренных, кузнечных и других промыслов. Так, в 1648/49 г. в таможенных книгах Тотьмы было зарегистрировано за год различных категорий работных людей только на обслуживании транспорта более 11 тыс. человек. Иногда в летнее время в Тотьме скапливалось до 500—700 чел. одних только судовых ярыжных из разных городов и уездов страны. Они были всегда готовы поддержать выступления тотьмичей.

П. П. Смирнов, кратко излагая ход восстания в Тотьме в 1646—1648 гг., пользовался рукописями С. Б. Веселовского, приготовленными к печати для II тома «Актов писцового дела». Найденные новые материалы дают возможность более подробно осветить ход восстания [10].

В конце 1645 г. воевода Л. Аничков разослал рассыльщиков и приставов по волостям для сбора налогов по книгам И. Малыгина. Сотни людей вызывались на правеж. Началось бегство с посада и из деревень. Оставшиеся должны были платить и за тех, кто бежал. Первым в 1646 г. поднялся на борьбу посад, а «смотря на посадских людей, и волостные люди стали чинить непослушанье...»

Но особенно дружно выступили крестьяне Вожбальской волости. В мае 1646 г. они «от рассыльщиков отбились и править денег на себе не дали». Крестьяне устроили по дорогам «засеки и сторожи» и к себе никого не стали пропускать. По примеру вожбальцев и в других волостях стали расправляться с приставами и устанавливать сторожевые посты на дорогах. В ряде мест стычки с представителями воеводы заканчивались не только избиением рассыльщиков, но и убийством. Проводивший в это время перепись князь Иван Вяземский сообщал, что в мае 1646 г. был убит земский целовальник Старой Тотьмы Гаврило Лосевской. И. Вяземский жаловался, что вести перепись в уезде стало невозможно, потому что «начали быть разбои и убивства смертные многие». Он называет восставших «воровскими

[10] Дополнительно к указанным П. П. Смирновым делам из фонда ПДСЛ для данной статьи использованы следующие дела из этого же фонда: 1645 г., д. 17; 1646 г., д. 15, 118, 131; 1647 г., д. 27; 1648 г., д. 14; 1650 г., д. 30; 1654 г., д. 12 и др.

людьми», т. е. применяет в данном случае ту терминологию, которая употреблялась феодалами по отношению к своим классовым противникам.

Ночью 9 июня 1646 г. во время пожара сгорело 10 варниц с амбарами и складами соли. Работа на варницах приостановилась. Не менее сотни варничных работных людей, оставшихся без заработка, пополнили ряды тех, кто готов был на более решительные действия в начавшейся борьбе. Обстановка усложнилась еще и тем, что падеж скота в самом Тотемском уезде совпал с неурожаем в Галицко-Костромских пригородах. Хлеба не стало, цены поднялись, положение городской бедноты еще более ухудшилось.

В конце 1646 г. в Тотьму и Устюг был послан из Москвы с особыми полномочиями Лев Микулин. Он имел задание любыми средствами собрать всю недоимку. Его поведение сыграло немалую роль в развитии событий. Л. Микулин сразу же поссорился с новым тотемским воеводой Алексеем Головиным. Отношения правительственного агента с местным воеводой настолько обострились, что дело дошло до взаимных официальных обвинений. Микулин собирал недоимки за прошлые годы, а Головин нес полную ответственность за сбор текущих налогов и за сбор недоимки, которая образовалась с 1646 г. Оба «правили» беспощадно, неделями держали людей в тюрьме с ежедневным истязанием батогами. Бегство усилилось. Остановилась нормальная жизнь, упала торговля. Так, сбор с торговых операций посадских людей в 1647—1651 гг. снизился в сравнении с предыдущими и последующими годами от 15 до 35%. Недоимка превысила 10 тыс. руб.

Микулин с небывалой жестокостью выколачивал недоимку. Заметив, что рассыльщики «норовят людям... и на правеже бьют лехко», он 12 декабря 1646 г. лично избил одного из рассыльщиков за «поноровку» при экзекуции. Это было толчком к началу восстания в городе. Посадские люди Семен Симакин, Иван Маланьин, Яков Желвачев, Родион Момотов, Иван Юдин, Михаил Кусков и др., всего около 100 человек ворвались на съезжий двор, освободили всех, кто был посажен в тюрьму и стоял на правеже, и двинулись ко двору, где жил Микулин. В нескольких своих отписках Микулин жаловался, что посадские люди не только отказались внести недоимку, но и его самого «лаели и хотели убить». Никакие угрозы и ссылки на царские грамоты не помогали. Все социальные группы населения посада и уезда выступили единодушно. От Микулина отобрали даже подьячего, которого он взял для ведения делопроизводства.

В это же самое время не прекращалась борьба и внутри посада. Много дел сохранилось о борьбе посадской бедноты со скупщиками хлеба Каплиными и Плюгиными, с зажиточным по-

садским человеком Абросимом Клушинцом. В Царевской волости шла борьба малоимущих крестьян с засильем братьев Шиховых, разбогатевших и захвативших в свои руки земли обедневших тяглецов [11].

События в Тотьме вызвали тревогу в Устюжской чети, в чьем ведении находился этот город с уездом. В начале мая 1647 г. об этом было доложено лично царю, после чего последовало указание «всех зачинщиков посадить в тюрьму, чтоб им впредь так воровать было неповадно».

Однако воевода был бессилен это сделать. Не помогли и присланные из Устюга стрельцы, которых тотьмичи прогнали из города. В ноябре 1647 г. Л. Микулин, бывший в это время в Устюге, послал в Тотьму еще 10 стрельцов, а 6 декабря и сам возвратился сюда. Он сразу же отправил стрельцов за посадскими людьми, но последние «во дворех заперлися и к съезжему двору на правеж не пошли». В период с 8 по 12 декабря происходили бурные сходы посадских и волостных людей, на которых был составлен в письменной форме отказ от уплаты незаконно взимаемых налогов и недоимок. В 7 часов вечера 12 декабря 1647 г. посадские люди окружили дом Микулина, выбили поленьями окна. В течение 10 дней Микулин фактически был в осаде. Ему все время угрожали убийством. Микулин жаловался, что с 20 стрельцами ему «осилить посадских людей невозможно».

Такое же упорное сопротивление как Л. Микулину, так и воеводе А. Головину оказали и крестьяне всех волостей. Многие бежали в соседние уезды. В Уфтюжской волости осталось 9 дворовладельцев, а в волости Дмитриев Новолок — только 6. Но когда пристава и стрельцы были направлены в Важский уезд за беглецами, крестьяне Ромашевского стана этого уезда Иван Сверчков, Дементий Михайлов и Василий Иванов Максимов подняли своих односельчан на защиту скрывавшихся у них тотемских крестьян. В Илезской волости Важского уезда дело дошло до стычки крестьян с приставами, во время которой некоторые из последних были убиты [12].

Источники не позволяют проследить более детально ход восстания, продолжавшегося два с лишним года. Но документы хорошо отражают единство как посадских людей, так и крестьян в этой борьбе против фискального гнета феодального государства.

* * *

Волнения крестьян Тотемского уезда усилились накануне и в период Крестьянской войны под предводительством С. Т. Разина, а также в последние годы XVII в.

---

[11] ПДСЛ, 1645 г., д. 17; 1646 г., д. 118; 1648 г., д. 30; 1650 г., д. 30; 1651 г., д. 59; 1654 г., д. 12 и др.

[12] ПДСЛ. 1647 г., д. 27, лл. 4—16, 21—24.

С 1667 г. правительство стало получать тревожные сообщения вологодских, тотемских и великоустюжских воевод об усилении «разбойных» действий со стороны местных и пришлых людей.

Из Тотьмы сообщали о местном крестьянине Иване Меркурьеве, который объявил, что он «царева роду» [13]. В 1669 г. правительство послало в Восточное Поморье для «обереганья от татей и разбойников» 300 стрельцов под командованием Афанасия Левшина.

Тотемский воевода Максим Григорьевич Ртищев был особенно тревожно настроен. Еще до него в 1667 г. начался «бунт» семи волостей (Царевской, Тиксненской, Стрелицкой, Мольской, Толшемской, Вожбальской и Кулуйской). Представители этих волостей с Тотьмы от правежа сбежали, а на их защиту поднялись все крестьяне. Посланные туда пристава были изгнаны. Когда воевода Орлов хотел послать специальное донесение об этом, то земский староста Евстафий Шихов не дал воеводе посыльщика и совместно с представителями восставших волостей и с посадскими людьми пришел во двор к воеводе и начал его ругать. В течение нескольких дней воеводский двор заполнялся посадскими людьми и волостными крестьянами, требовавшими чтобы воевода «съехал» с Тотьмы. В 1669—1670 гг. волнения крестьян все еще продолжались.

Отзвуки Соловецкого восстания 1668—1674 гг. хотя и скупо, но прослеживаются и в Тотемском уезде. Здесь распространялись «воровские письма», а поп Кирилл, взятый с такими письмами, был отправлен в Москву [14].

Воевода М. Г. Ртищев, присланный после смещения Орлова, был энергичным и деятельным человеком, возможно, ранее других поморских воевод понявшим всю опасность для феодалов положения в Поморье во время Крестьянской войны, бушевавшей в стране. Он настороженно следил за событиями, просил правительство послать карательный отряд из московских стрельцов для очистки Поморья от проникших повстанцев и местных «разбойных людей». В Тотьме воевода вел своеобразную политику, сочетавшую решительные и жестокие репрессии с некоторыми попытками предотвратить дальнейший захват земельных угодий и промыслов у обедневших слоев населения.

Именно Ртищев организовал скорый суд и предал казни одного из наиболее крупных предводителей отрядов, действовавших в Поморье, сторонника С. Т. Разина, Илью Иванова Пономарева. Документами, передающими обстоятельства смерти И. И. Пономарева, являются опубликованный «Список с отпис-

---

[13] Об этом большой материал в фонде ПДСЛ, 1667 г., д. 75, 157; 1669 г., д. 162, 342 и др.

[14] ПДСЛ, 1671 г., д. 178, лл. 1—6; д. 246, лл. 1—2.

ки» Ртищева, несколько грамот из Москвы в Тотьму и переписка между воеводами Тотьмы, Соли Камской, Хлынова, Яренска, Галича [15].

Известно, что после поражения С. Т. Разина под Симбирском восстание не прекратилось, наоборот, оно перекинулось в Заволжье. Отряд под руководством И. И. Пономарева и мари Мирона Федорова Мумарина, выступив осенью 1670 г. из Козьмодемьянска, двинулся вверх по Ветлуге, поднимая на борьбу крестьян и посадскую бедноту. В селе Никольском, вотчине боярина Б. М. Хитрово, крестьяне убили десятского и примкнули к отряду И. И. Пономарева. Отсюда по окрестным селам и деревням были посланы «прелестные» письма. Вскоре отряд насчитывал уже 400 человек в боевых порядках восставших того времени — в десятках и сотнях. Атаманом был избран И. И. Пономарев, старшиной — М. Ф. Мумарин, а есаулами — Дмитрий Семенов Куварка и Андрей Федотов Власовых. Было сделано 5 красных знамен.

С Ветлуги отряд пошел на Унжу. Здесь он насчитывал уже 400 конных и 300 человек «по саням». После неудачного боя с регулярными войсками стольника Василия Нарбекова в верховьях реки Шанги Богородского стана часть отряда во главе с М. Ф. Мумариным двинулась на городок Судай, а сам И. И. Пономарев в сопровождении 10 человек пошел через Леденгское усолье (ныне Бабушкино) к Тотьме. Как показал он на допросе, группа шла сюда, чтобы выяснить наличие ратных людей и оружия. Бесспорно, что он надеялся на поддержку со стороны работных людей тотемских солеваренных промыслов и речного транспорта. Но Ртищеву удалось перехватить и казнить И. И. Пономарева и его спутников до того, как тотемская беднота разобралась в событиях.

Сам воевода сообщал об этом так. 10 декабря 1670 г. он получил известие от галицкого воеводы Семена Нестерова, что отряд И. И. Пономарева идет к Тотьме. Ртищев сразу же собрал всех своих людей, привлек зажиточную часть посада и организовал по дорогам засады и сторожевые посты. Духовенство, солевары, зажиточные посадские люди, представители правительственной администрации убеждали поморское население, что восставшие — это просто воры и разбойники, это де та враждебная сила, с которой в 1609—1615 гг. боролись северные города и волости. И это в какой-то степени сыграло свою роль. Всем, кто вступил в сторожевые отряды, выдавалось по 10 коп. в день. Это были большие по тому времени деньги, особенно если

---

[15] «Крестьянская война под предводительством Степана Разина», сб. документов, т. II, ч. 1, М., 1957, стр. 365—366, 371—372, 399—400, 404—405, 407—410, 446, 464, 475—478.

учесть, что варничные работные люди и молотобойцы за свой тяжелый труд получали в день всего только по 1—3 коп.

11 декабря Ртищев узнал, что через Леденгское усолье проехали к Тотьме незнакомые люди. Воевода с сотней вооруженных людей организовал засаду. В 5 верстах от Тотьмы И. И. Пономарев и его спутники были схвачены и доставлены в съезжую избу для пыток и допроса. Первым был подвергнут допросу И. И. Пономарев. Он держал себя твердо и уверенно. Сообщив, что родом он из города Кадома и ранее был крепостным дворовым человеком князя Юрия Петровича Буйносова-Ростовского, И. И. Пономарев затем с гордостью заявил, что сейчас он «казачей атаман» «войску и прибору... атамана и старшины казачья Стеньки Разина».

После пыток и допроса, которые продолжались до утра, все 6 человек на другой день, 12 декабря 1670 г., были повешены на берегу р. Сухоны. Ртищев не доверял даже своим людям и боялся прибытия отряда М. Ф. Мумарина, поэтому торопился с казнью. В числе казненных, кроме И. И. Пономарева, были козьмодемьянец Д. С. Куварка, казанского присуду слободы Кукарки — житель А. Ф. Власовых, дворовый человек князя Буйносова-Ростовского из села Никольского Галичского уезда Дмитрий Дмитриев, крепостной крестьянин князя М. В. Львова из деревни Чошихи Ветлужской волости Куприян Кузьмин Соловьев, крестьянин Вожбальской волости Тотемского уезда Петр Ларионов Петухов.

Тело И. И. Пономарева по просьбе галицкого воеводы 22 декабря 1670 г. было отправлено в Галич «для узнаванья», чтобы «всем людем было ведомо, что он, вор Илюшка, изыман и казнен» и чтобы «в народе впредь смятения не было».

Отряд И. И. Пономарева продолжал борьбу. Вятский, яренский, соликамский воеводы сообщали, что Пономарев жив, что якобы только 2 января 1671 г. он был пойман и казнен в Устюге Великом. Эти отписки воевод дали основание для ошибочного утверждения и в некоторых современных работах, что якобы в начале 1671 г. Пономарев действовал в районе Вятки, Соли Камской, Устюжского и Сольвычегодского уездов [16]. В действительности же в этих районах действовал после смерти И. И. Пономарева его отряд во главе с М. Ф. Мумариным. Именно Мумарин был схвачен в Устюге Великом и отправлен в Москву.

Тотемские крестьяне и посадская беднота не успели разобраться в подлинных целях борьбы отряда И. И. Пономарева. Но отдельные крестьяне, как казненный П. Л. Петухов, входили в состав отрядов С. Т. Разина.

---

[16] «Очерки истории СССР. Период феодализма. XVII в.», стр. 309; «Крестьянская война под предводительством Степана Разина», т. II, ч. I, стр. 468—471, 523.

* * *

В 1700 г. началось новое, третье за XVII в., волнение в Тотьме, которое совпало с серьезными волнениями не только в Тотемском уезде, но и в Устьянских волостях. В этом году для сбора недоимок и очередных платежей был прислан подьячий Степан Турчанинов. Собрав посадских людей и представителей волостей, он прочел указ от имени Петра I о том, что если они учинят непослушанье, то за это «будут биты кнутом безо всякой пощады и сосланы будут в Азов на вечное житье, и дворы их и животы взяты будут на государя». Но собравшиеся заявили, что и «преж сего были многие указы», а им платить нечем [17]. Попытка Турчанинова брать людей на правеж провалилась из-за довольно организованного сопротивления. Когда же он поехал в Устьянские волости, то его и сопровождавших лиц чуть не убили [18].

Источники не позволяют детально проследить дальнейший ход событий. Судя по выписке в доклад царю, правительство расценивало его как довольно серьезное выступление народных масс. Было назначено и велось большое дознание. Многие из участников восстания были подвергнуты наказанию кнутом на месте, а некоторые вызваны в Москву для допроса и наказания.

---

[17] Прик. дела новой разборки, д. 986, лл. 1—22.
[18] ПДСЛ, 1700 г., д. 45, лл. 1—11.

Н. В. Устюгов

ВОЛНЕНИЯ КРЕСТЬЯН СИМОНОВА МОНАСТЫРЯ В СЕЛЕ ИЛЬИНСКОМ ЧЕРЕМОЖСКОЙ ВОЛОСТИ ЯРОСЛАВСКОГО УЕЗДА в 1682—1683 гг.

В истории Русского государства XVII век — век обострения классовых противоречий, век напряженной классовой борьбы. Две крупных крестьянских войны — в начале века под предводительством И. И. Болотникова и в 70-х годах под предводительством С. Т. Разина, Соловецкое восстание 1668—1676 гг., городские восстания середины века — вот наиболее острые и яркие проявления классовой борьбы в XVII столетии. Но этими выступлениями отнюдь не исчерпываются данные о классовой борьбе в XVII в. Эта борьба шла неуклонно и повсеместно. Порою она достигала такой остроты, что сведения об отдельных выступлениях доходили до Москвы, и правительство должно было принимать меры для ликвидации движения. Гораздо чаще вспышки классовой борьбы крестьянства подавлялись на месте или силами самого феодала и его непосредственного окружения или силами местного воеводы.

В конце века после разгрома Крестьянской войны под предводительством С. Т. Разина и Соловецкого восстания 1668—1676 гг. феодалы укрепили свое положение, почувствовали свою силу, что не могло не сказаться на усилении феодальной эксплуатации. Московский Симонов монастырь, имевший крупную вотчину в Ярославском уезде, в Череможской волости — село Ильинское с деревнями, где монастырю принадлежало 600 крестьянских дворов, тоже решил увеличить в это время размер крестьянских повинностей.

Монастырские власти вели в селе Ильинском барщинное хозяйство, монастырь имел здесь пашню и сенокос. Кроме того, крестьяне должны были поставлять столовые и конюшенные запасы, куда входило: масло коровье и конопляное, свиное мясо, грибы, рыжики, сукна, овчины, холст, хомуты, гужи, возжи, дуги, сани. Были и натуральные поставки хлеба. Кроме того,

крестьяне должны были ежегодно давать в монастырь 9 человек годовых работников и 24 человека косарей.

В 1682 г. монастырские власти приняли решение ликвидировать в Ильинской вотчине собственное монастырское хозяйство и сбор разного рода запасов и заменить все это денежным оброком. Официально такое решение мотивировалось просьбами крестьян, которые жаловались, что у них «пашнею и сенными покосы скудно», и просили им отдать монастырскую пашню и сенокосы за денежный оброк [1].

По-видимому, дело было не только или не столько в крестьянской просьбе. Ведение земледельческого хозяйства на нечерноземных почвах Ярославского и других уездов, лежавших к северу и северо-востоку от Москвы, приносило небольшой доход, и вотчинникам и помещикам этих уездов было выгоднее взимать денежный оброк, что они и делали [2]. Не хотел отставать от этих феодалов и Симонов монастырь. Тем более, что крестьяне его Ярославской вотчины были люди «промышленные» и могли обеспечить бесперебойное поступление оброка если не за счет своего земледельческого хозяйства, то за счет своих неземледельческих заработков.

В селе Ильинском с деревнями числилось, как уже было сказано, 600 крестьянских дворов и 60 вытей тягла — по 10 дворов на выть. При переводе натуральных повинностей в денежную форму годовой оброк был определен в 1200 руб., т. е по 20 руб. с выти. Монастырские власти при этом не захотели отказаться от поставки крестьянами села Ильинского рабочей силы (9 человек годовых работников и 24 косарей) и понизили годовую сумму оброка до 1100 руб. Этот оброк монастырские власти считали «малым» и полагали, что крестьяне данной вотчины могли бы платить оброк и более высокий — по 1500 руб. в год [3].

Сопоставление размера этого оброка с аналогичными данными по другим дворянским и монастырским вотчинам показывает, что оброк, назначенный властями Симонова монастыря, никак нельзя считать малым. Симонов монастырь решил собирать со своих крестьян денежный оброк по 20 руб. с выти. Стольник А. И. Безобразов в 70-х годах XVII в. собирал оброк с крестьян своих вотчинных и поместных земель в Вологодском уезде по 8 руб. с выти [4]. Солотчинский монастырь в 90-х годах XVII в. взимал со своих вотчин денежный оброк по 10 руб. с

[1] ПДСЛ, 1682 г., д. 118, л. 12.

[2] А. А. Новосельский. Вотчинник и его хозяйство в XVII в. М.— Л., 1929, стр. 160—161; «Хозяйство крупного феодала-крепостника XVII в. Хозяйство боярина Б. И. Морозова», ч. II. М.— Л., 1936, № 7, стр. 135—136; № 9, стр. 138; № 15, стр. 144—145; «Очерки истории СССР. XVII в.» М., 1955, стр. 165—171.

[3] ПДСЛ, 1682 г., д. 118, лл. 3, 12—13.

[4] А. А. Новосельский. Указ. соч., стр. 160—161.

выти[5]. В нижегородских вотчинах Б. И. Морозова — селах Лыскове и Мурашкине в середине XVII в. был назначен оброк по 15 руб. с выти в приписных к ним деревнях и селах, и по 20 руб. с выти в самих торгово-промышленных селах — Лыскове и Мурашкине. По челобитью лысковских и мурашкинских крестьян, оброк был снижен до 15 руб. с выти. Нередко Б. И. Морозов по просьбам крестьян снижал этот оброк на одну треть, т. е. до 10 руб.[6]

Таким образом, «малый» оброк, наложенный властями Симонова монастыря на крестьян их Ярославской вотчины, оказался в два и полтора раза выше обычного крестьянского денежного оброка.

Не посчитали его «малым» и сами крестьяне села Ильинского. В июле 1682 г. они прислали в Москву 6 человек челобитчиков — Герасима Иванова и Еремея Филиппова с товарищами — жаловаться правительству на тяжесть оброка и просить о понижении повинностей.

Обстановка для подачи челобитной была благоприятной. Стрелецкое восстание 15 мая 1682 г. сделало стрельцов и их предводителя князя Ивана Андреевича Хованского хозяевами в столице. Среди стрельцов были крестьяне Ильинской вотчины Симонова монастыря, взятые во время русско-польской войны 1654—1667 гг. в даточные, а затем поверстанные в стрельцы. Через этих стрельцов монастырские крестьяне нашли доступ к кн. И. А. Хованскому и вручили ему челобитную.

Стрелецкое восстание 1682 г. не было антифеодальным движением. Оно не имело прочной и глубокой связи с интересами трудящихся классов населения. Но направленное против правящих кругов и приведшее к смене лиц, стоящих у власти, оно показало известную слабость правительства и вызвало в стране отклики, имевшие характер антифеодальных выступлений. Таковы были движение крестьян в некоторых южных уездах, волнение крестьян и работных людей на соляных промыслах Савво-Сторожевского монастыря, выступления служилых людей в южных городах и на Дону[7].

В этой же связи следует рассматривать и выступление крестьян Симонова монастыря, имевшее несомненно антифеодальный характер и в то же время опиравшееся на стрелецкое движение, пользовавшееся поддержкой стрельцов.

Крестьяне, как сказано, подали челобитную кн. И. А. Хованскому. Ее текста в деле не сохранилось. О содержании

---

[5] А. П. Доброклонский. Солотчинский монастырь, его слуги и крестьяне в XVII в.— «Чтения ОИДР», 1888, кн. 1, стр. 70—71.

[6] «Хозяйство крупного феодала-крепостника XVII в.», ч. II, № 7, стр. 135—136; № 9, стр. 138; № 15, стр. 144—145; № 19, стр. 147—149.

[7] «Очерки истории СССР. XVII в.», стр. 334—336.

претензий крестьян к монастырю можно судить по расспросным речам одного из челобитчиков — Василия Кудрявца, допрошенного в Посольском приказе 31 июля 1682 г., и по челобитной архимандрита Симонова монастыря, поданной в Посольский приказ того же числа.

Василий Кудрявец показал, что он и его товарищи приехали в Москву три недели назад жаловаться на «налоги» и «обиды» со стороны монастыря. Эти обиды перечислены в их заручной челобитной, которую они тотчас по приезде подали царям, «а принял де у них тое челобитную боярин князь Иван Андреевич Хованской. А с верху де та челобитная с указом по се число (т. е. по 31 июля 1682 г., когда происходил допрос.— *Н. У.*) не схаживала» [8].

В челобитной архимандрита Симонова монастыря Гавриила с братьею, поданной в Посольский приказ тоже 31 июля 1682 г., содержатся некоторые данные, позволяющие судить о том, на что жаловались крестьяне. Так как монастырская челобитная подана только спустя два с половиной месяца после стрелецкого восстания, т. е. в то время, когда кн. И. А. Хованский и стрельцы были еще в силе, то тон челобитной очень осторожный. Монастырские власти, правда, просят «смирить» крестьян за их «непослушание», но весь текст челобитной проникнут стремлением оправдаться, доказать, что никаких оснований для протеста у крестьян не было.

Из этих оправданий монастырских властей можно установить причины недовольства крестьян. Как уже упоминалось, архимандрит с братьею утверждали, что денежный оброк был установлен по челобитью крестьян, которые выпросили у монастыря пашню и сенокосы, обрабатываемые ранее на монастырь. Из «челобитной-оправдания» видно, что крестьяне «взволновались» прежде всего из-за денежного оброка, который наложен на них насильно — «за правежем», и от этого крестьянам «чинитца... разорение».

Крестьяне жаловались, кроме того, на дополнительные повинности, денежные и натуральные, которые монастырь взимал с них в 1680/81 и 1681/82 гг. Это была поставка вина и присылка 20 плотников, причем для вина следовало дать еще и подводы в Москву [9].

Крестьяне не выдержали. 28 июня 1682 г. монастырский приказчик села Ильинского известил архимандрита с братьею, что крестьяне «взволновались и отправили в Москву 6 человек челобитчиков с жалобой на обиды и притеснения со стороны монастырских властей. После отъезда челобитчиков крестьяне

---

[8] ПДСЛ, 1682 г., д. 118, л. 4.

[9] Там же, лл. 2—3.

перестали повиноваться приказчику и хотели его убить. Напуганный приказчик с трудом скрылся от крестьян и заперся на монастырском дворе. Ему удалось тайком послать одного из монастырских конюхов в Москву с известием о волнении крестьян.

Монастырские власти не склонны были рассматривать это волнение как случайный эпизод. Они вспомнили, что эти же крестьяне «старые ябедники и составщики», и что «на прежних властей от них ложное составное челобитье бывало ж». Иными словами, монастырские власти подчеркнули, что крестьяне Ильинской вотчины не раз сопротивлялись их распоряжениям, что классовая борьба крестьянства была постоянным явлением.

Сведения о начавшемся волнении поступили в монастырь 28 июня 1682 г. Крестьянская челобитная была подана около 10 июля, монастырь обратился за защитой своих интересов только 31 июля, спустя три недели после челобитной. Эта челобитная была подана в Посольский приказ, как будто не имеющий никакого отношения ни к стрельцам, ни к вотчинам Симонова монастыря, ни к Ярославскому уезду.

Следует вспомнить тревожную обстановку лета 1682 г. Восстание 15 мая 1682 г. передало власть в столице в руки стрельцов и их предводителя кн. И. А. Хованского. Почти сразу же после переворота выдвинулась царевна София Алексеевна как претендентка на регентство при малолетних царях. 29 мая 1682 г. она и была назначена регентшей.

Сначала царевна София и кн. И. А. Хованский действовали согласованно. Первая половина июня может считаться временем наибольшего могущества кн. И. А. Хованского. Царевна София и кн. И. А. Хованский удовлетворяли все претензии стрельцов и пользовались их поддержкой. Но уже со второй половины июня царевна София начинает постепенно отстранять кн. И. А. Хованского от решения важнейших дел. Это ей не трудно было сделать, так как она опиралась на более умных и дельных сотрудников — боярина князя Василия Васильевича Голицына и думного дьяка Федора Леонтьевича Шакловитого. Назревал разрыв с кн. И. А. Хованским. Последний сам несколько ускорил дело. По требованию старообрядцев, поддержанному кн. И. А. Хованским, было устроено 5 июля прение о вере между представителями господствующей церкви и старообрядцами. Во время этого диспута царевна София услышала немало нелестных слов по своему адресу, в частности и от приверженцев кн. И. А. Хованского. Царевна пригрозила тем, что цари уедут из Москвы и обратятся за содействием ко всему народу. Расправившись с расколоучителями, царевна София вместе с царями покинула в 10-х числах июля Москву, отправившись на богомолье в подмосковные монастыри. Для управления государством на время отсутствия царей была назначена

специальная комиссия из бояр во главе с кн. И. А. Хованским. Кн. И. А. Хованский был как бы облечен особым доверием. На самом же деле кн. В. В. Голицын, отправившийся вместе с царями, оставил в Москве своего человека — думного дьяка Емельяна Игнатьевича Украинцова, который наблюдал за деятельностью кн. И. А. Хованского и обо всем сообщал кн. В. В. Голицыну [10].

Большую часть июля государственное управление было сосредоточено у кн. И. А. Хованского. Все недовольные возлагали надежды на кн. И. А. Хованского, рассчитывая добиться от него удовлетворения своих просьб. По свидетельству Е. И. Украинцова, «все государство обратилось вверх с челобитьями... По вся дни с утра и после обеда за челобитными сидим, и несть нам восклонения» [11]. Кн. И. А. Хованский давал делам обычный ход, составлялись выписки, писались доклады и т. д.

В это время и была подана челобитная крестьянами Симонова монастыря и пошла по обычному приказному пути. Между тем стрельцы, родственники и покровители своих ярославских земляков, «ходили,— по словам монастырских властей,— за них, крестьян, в челобитье» и время от времени являлись в монастырь и «всячески уграживали копьями и ссылкою» [12]. Иными словами, стрельцы давали понять монастырским властям, что раз они взялись за дело, то крестьяне обязательно выиграют его.

Монастырские власти терпели это около месяца и не предпринимали никаких шагов до тех пор, пока двор не вернулся в Москву. 29 июля цари вернулись в столицу [13]. 31 июля архимандрит Симонова монастыря подал в Посольский приказ свою первую челобитную с жалобой на крестьян села Ильинского. Из вышесказанного ясно, что монастырь не мог получить защиты своих интересов от кн. И. А. Хованского, начальника Стрелецкого приказа и руководителя стрельцов, поэтому он обратился в Посольский приказ, начальник которого кн. В. В. Голицын обладал фактической властью и мог поддержать монастырские претензии даже против кн. И. А. Хованского.

Челобитная властей Симонова монастыря выдержана в очень робких тонах. Архимандрит больше объясняет свое поведение, чем просит покарать виновных. Правда, просьба «смирить» крестьян есть в челобитной. Но он не настаивает на всех своих хозяйственных требованиях к крестьянам. Он уступает в главном пункте — сумме денежного оброка, какая была назначена

---

[10] С. К. Богоявленский. Хованщина.— «Исторические записки», кн. 10, М., 1941, стр. 194—200, 205—213.

[11] Там же, стр. 213.

[12] ПДСЛ, 1682 г., д. 118, л. 13.

[13] С. К. Богоявленский. Указ. соч., стр. 212.

монастырскими властями, и согласен, чтобы монастырская вотчина была обложена оброком «против... государских волостей» [14].

Вся челобитная производит впечатление пробы, разведки, попытки получить ответ на вопрос, можно ли в данной обстановке добиться защиты монастырских интересов.

В Посольском приказе монастырская челобитная была принята достаточно благосклонно, и делу был дан дальнейший ход. Помета думного дьяка Е. И. Украинцова гласила: «сыскать тех крестьян и против сего челобитья роспросить и записать» [15].

По-видимому, одного из крестьян еще до этого распоряжения разыскал стряпчий Симонова монастыря Никита Караулов. По его указанию был взят крестьянин Василий Кудрявец и в тот же день, когда была подана челобитная, т. е. 31 июля, был допрошен. Содержание его показаний сообщено выше. Василий Кудрявец был отдан после допроса стряпчему Н. Караулову с обязательством доставить его по первому требованию.

На этом течение дела приостановилось до 15 ноября 1682 г.

Между 31 июля и 15 ноября 1682 г. произошли весьма важные политические события. 17 сентября были казнены князья И. А. и А. И. Хованские. Намечалось новое выступление стрельцов, но из страха перед дворянским ополчением стрельцы пошли с повинной к царевне Софии в Троице-Сергиев монастырь. 8 октября стрельцы принесли повинную. 6 ноября царский двор вернулся в Москву из Троице-Сергиева монастыря [16].

Нормальная деятельность правительства восстановилась, и 15 ноября 1682 г. архимандрит Симонова монастыря Гавриил подал в Посольский приказ новую челобитную.

Тон этой челобитной уже резко отличается от тона челобитной, поданной 31 июля 1682 г. Монастырь жалуется на крестьян, которые не оценили его благодеяний, выразившихся в переводе их на денежный оброк, воспользовались стрелецким восстанием и, опираясь на стрельцов, предъявили монастырю неосновательные претензии. Упоминают монастырские власти и кн. И. А. Хованского, который принял у крестьян их челобитную. Начав неповиновение еще летом 1682 г., крестьяне продолжают его и теперь, не слушают монастырского приказчика, «во всем чинятца сильны», забросили монастырскую пашню и сенокос, чем причинили монастырю убытку более 500 руб. Крестьянское волнение отразилось и на состоянии монастырских продовольственных запасов: хлеб перестал поступать, и «от того в монастыре хлебными запасы и всякими обиходы стало скудно, и

---

[14] ПДСЛ, 1682 г., д. 118, лл. 2—3.

[15] Там же, л. 2 об.

[16] С. М. Соловьев. История России с древнейших времен, изд. «Общественная польза», кн. II, стлб. 923—929; С. К. Богоявленский. Указ. соч., стр. 218—220; «Очерки истории СССР. XVII в.», стр. 333—334.

братье питатца стало нечем». Положение настолько обострилось, что монастырь «не смел», т. е. боялся, посылать из Москвы в непокорную вотчину служек для сбора оброка.

В заключение своей челобитной монастырские власти просили правительство «смирить» непослушных крестьян, для чего послать соответствующую грамоту ярославскому воеводе [17].

Челобитная архимандрита Гавриила была доложена царям и правительнице царевне Софии и встретила полную поддержку. Было принято решение послать из Москвы нарочного — одного из подьячих — с грамотой к ярославскому воеводе. Подьячий должен был взять у воеводы служилых людей и заплечного мастера, отправиться в монастырскую вотчину и «учинить крестьяном их — вором и завотчиком — ...наказанье — бить на козле и в проводку по селу кнутом нещадно». Кроме того, подьячий был обязан «всем их монастырским крестьяном сказать, чтоб они были приказным их людем послушны и доходы монастырские платили и работу работали по нынешнему окладу». Проведение в жизнь этого решения было поручено начальнику Посольского приказа кн. В. В. Голицыну [18].

Таким образом, монастырские власти добились полного удовлетворения своей просьбы. Введенное ими повышение оброка было признано правительством. Крестьяне, выступившие с протестом, должны были понести суровое наказание. Необходимость беспрекословного подчинения крестьян монастырю получала повторное подтверждение, которое крестьяне должны были услышать от представителя верховной власти, специально присланного из Москвы.

Но крестьяне села Ильинского внесли свои поправки в это решение.

Подьячий Афанасий Порецкий отправился в Ярославль в начале декабря 1682 г. В соответствии с данным ему наказом, он взял у ярославского воеводы Ивана Александровича Аничкова 10 ярославских стрельцов и заплечного мастера, захватил с собой несколько монастырских слуг и конюхов и с этим отрядом направился в село Ильинское.

Московское правительство в борьбе с разного рода антифеодальными выступлениями стремилось прежде всего внести разложение в среду своих противников, найти опору в их наиболее состоятельной части. Так поступил и подьячий А. Порецкий. Обратившись к земским старостам села Ильинского Якиму Пичуге и Поснику Юрьеву, А. Порецкий велел им собрать «лучших» и «середних» людей села Ильинского на монастырский двор, для того чтобы объявить им царский указ о наказании

[17] ПДСЛ, 1682 г., д. 118, лл. 12—13.
[18] Там же, л. 12 об.

виновников волнения и отдать распоряжение о беспрекословном подчинении крестьян монастырским властям.

Земские старосты, как жаловался впоследствии подьячий, «лутчих людей утаили и прислали вместо лутчих крестьян молотчих и самых последних людей». Наиболее состоятельная и, следовательно, наиболее надежная, с точки зрения правительства, часть крестьянства не присутствовала на этом сходе. Не явились на него и Герасим Иванов и Еремей Филиппов, которых монастырские власти считали главными виновниками начавшегося волнения.

Крестьяне, собравшиеся на монастырский двор, встретили А. Порецкого враждебно. Они не захотели слушать ни царского указа, ни наказной памяти, привезенных подьячим. Они всячески бранили А. Порецкого и приехавших с ним стрельцов, называли их «накупными», т. е. взявшими взятку у монастырских властей, гонялись с поленьями за подьячим, стрельцами, монастырскими слугами и конюхами, били их, разорвали наказную память и грозили убить подьячего и стрельцов до смерти. Крестьяне отказались платить монастырский оброк. «А сказали,— как сообщал А. Порецкий,— нам де ни по нынешнему, ни по старому прежних архимандритов окладом в монастырь не платить, а платить так, как вы, великие государи, им укажете» [19].

Это было открытое сопротивление, и не только монастырю, но и верховной власти, поскольку крестьяне выступили против подьячего, присланного по царскому указу. Правда, крестьяне соглашались платить оброк, который будет назначен верховной властью. Тем не менее они встретили поленьями представителя этой власти, заподозрив его в сделке с монастырем.

Скупые указания отписки А. Порецкого позволяют сделать вывод, что наиболее активной в этом антифеодальном выступлении была беднейшая часть крестьянства, на которую ложилась основная тяжесть монастырских оброков.

Подьячий А. Порецкий и воевода И. А. Аничков растерялись и просили указаний из Москвы, как им поступить. Первоначальное решение по отписке А. Порецкого содержится в помете дьяка Посольского приказа Василия Бобинина на обороте отписки. В день ее получения, 3 января 1683 г., В. Бобинин записал решение начальника приказа: «По указу великих государей, боярин князь Василей Васильевич Голицын, сей отписки слушав, приказал в Ярославль к воеводе и к дьяку послать великих государей грамоту, велеть послать в то село с тем подьячим 50 человек ярославских стрельцов и велеть непослушным

---

[19] ЦДСЛ, 1682 г., д. 118, лл. 23—25. Отписка подьячего А. Порецкого из Ярославля, полученная в Посольском приказе 3 января 1683 г.

крестьяном и которые подьячего и служилых людей били и наказ передрали, и кричали, и невежливые слова говорили, учинить наказанье—бить на козле и в проводку кнутом нещадно. А пущих в том деле воров и заводчиков, переимав и перековав, отвесть в Ярославль и посадить в тюрьму до указу». О том, как будет выполнено это распоряжение, следовало сообщить в Москву [20].

Посольский приказ, таким образом, решил увеличить воинский отряд — вместо 10 послать 50 стрельцов и после наказания руководителей движения заковать их в кандалы и посадить в тюрьму до царского указа. Привести в исполнение это решение поручалось ярославскому воеводе и присланному из Москвы подьячему.

В деле не сохранилось сведений, кто и по каким причинам изменил это решение. Либо сам кн. В. В. Голицын передумал, либо ему было дано указание царевной Софией Алексеевной, но только наказание возмутившихся крестьян было поручено не ярославскому воеводе и подьячему А. Порецкому, а стрелецкому капитану Иову Родичеву, который в сопровождении 5 московских стрельцов должен был отправиться в Ярославль, использовать местные вооруженные силы и подавить крестьянское движение [21].

16 января 1683 г. И. Родичев выехал из Москвы, а в конце января он уже завершил экзекуцию [22].

Капитан И. Родичев, явившись в село Ильинское во главе вооруженного отряда, сумел захватить одного из руководителей движения, крестьянина Еремея Филиппова и его товарищей, которые участвовали в составлении и подаче челобитной. И. Родичев, по его собственному свидетельству, этим людям на сходе села Ильинского «перед мирскими людьми учинил наказанье — на козле и в проводку биты кнутом нещадно» [23].

Иначе сложилась судьба другого руководителя движения, крестьянина Герасима Иванова, имя которого стоит первым при перечислении крестьян-челобитчиков. По-видимому, он был главным инициатором движения. Еще в декабре 1682 г., когда был отправлен в Ярославль подьячий А. Порецкий, некоторые из крестьян села Ильинского, заслышав о его приезде, бежали из монастырской вотчины. На это жаловался архимандрит Симонова монастыря в своей челобитной, поданной в Посольский приказ 19 декабря 1682 г. [24]

---

[20] ПДСЛ, 1682 г., д. 118, л. 23 об.

[21] Там же, лл. 27—36.

[22] Его доезжая память не имеет точной даты, она датирована — «191-го генваря в... день» (там же, л. 37).

[23] ПДСЛ, 1682 г., д. 118, л. 37.

[24] Там же, лл. 19—20.

И. Родичев, приехав в село Ильинское, не обнаружил там Герасима Иванова и его товарищей, т. е. его ближайшего окружения. Они «ушли из той вотчины безвестно». Стрелецкому капитану оставалось только констатировать этот факт и занести в свою доезжую память. Указания разыскивать беглецов у него не было.

Что же касается платежа крестьянами монастырского оброка, то И. Родичев «монастырские оброки архимандриту Гаврилу з братьею против их крестьянского челобитья по новому окладу велел платить» [25]. Располагая вооруженной силой, И. Родичев мог добиться от крестьян обещания платить вновь установленный оброк. Насколько реально было это обещание, трудно сказать. Для Посольского приказа, посылавшего И. Родичева, дело о волнении крестьян Ярославской вотчины Симонова монастыря кончалось с получением известия о подавлении движения. На доезжей памяти И. Родичева, содержащей отчет о выполнении данного ему поручения, думный дьяк Посольского приказа Е. И. Украинцов сделал краткую помету: «взять к отпуску» и тем самым показал, что дело окончено, и ничего более по нему не требуется предпринимать [26].

* * *

Волнение крестьян села Ильинского Череможской волости Ярославского уезда в 1682—1683 гг. представляет собой одну из вспышек классовой борьбы крестьянства.

Причиной крестьянского выступления явилось усиление феодальных повинностей, проведенное монастырскими властями незадолго до выступления.

Непосредственным поводом, ускорившим выступление крестьян, явилось стрелецкое восстание 15 мая 1682 г. Имея родственников среди московских стрельцов, монастырские крестьяне рассчитывали на их помощь и поддержку. Они и получили эту помощь, но не успели ею до конца воспользоваться.

Падение кн. И. А. Хованского и активная поддержка правительства дворянством дали возможность Симонову монастырю добиться вмешательства верховной власти в свои взаимоотношения с крестьянами Ярославской вотчины и подавить волнение.

Наиболее активной частью крестьянства, выступившей против усиления эксплуатации, были его беднейшие слои. Некоторые из руководителей движения сумели избежать наказания, воспользовавшись самой распространенной формой крестьянского протеста — побегом.

---

[25] Там же, л. 37.
[26] Там же, л. 37 об

Н. В. Устюгов и *Н. С. Чаев* *

РУССКАЯ ЦЕРКОВЬ В XVII В.

Церковь — крупнейший из феодальных институтов. Она освящала господство класса феодалов, воспитывала в трудящихся массах сознание незыблемости существующего строя, необходимости подчинения установленным властям от царя до помещика и всякого должностного лица, поставленного верховной властью.

Церковь имела разветвленную организацию, охватывающую всю территорию страны. После учреждения патриаршества в 1589 г. русскую церковь возглавлял «патриарх Московский и всея Руси». В его подчинении находились митрополиты, назначавшиеся в наиболее крупные города, архиепископы, епископы и черное (монашество) и белое (городские и сельские священники и дьяконы) духовенство.

Количество епархий в XVII в. неоднократно менялось, одни упразднялись, другие создавались вновь. В целом в течение всего XVII в. количество епархий увеличивалось, причем главным образом за счет более крупных по своему значению епархий — митрополий [1].

Черное духовенство комплектовалось из различных общественных классов. Очень часто крестьяне и посадские люди в конце жизни постригались в монахи. Попадали в монастыри и представители приказной администрации — дьяки и подьячие. Один из крупнейших деятелей русской культуры XVII в. иеромонах Сильвестр Медведев был сыном курского подьячего и сам начал свою деятельность подьячим. Из подьяческой же среды вышли справщик (т. е. редактор) Печатного двора иеромонах Карион Истомин и идеолог начального периода Соловецкого восстания 1668—1676 гг. старец Геронтий. Нередко в монахи

---

* Н. С. Чаевым написан раздел, посвященный «делу Никона». Остальной текст и общая компоновка статьи принадлежат Н. В. Устюгову.

[1] АИ, т. V, № 75, стр. 110—111; СГГД, ч. IV, № 128, стр. 391—395.

шли и бояре и дворяне. Идеолог «нестяжателей» старец Вассиан был по своему происхождению боярином и мирское его имя — князь Василий Иванович Патрикеев. Со временем некоторые из монахов посвящались в епископы и получали назначение на ту или иную епископскую кафедру. Известный келарь Троице-Сергиева монастыря Авраамий Палицын происходил из дворянской семьи Палицыных, патриарх Иосиф — из тамбовских дворян Дьяковых, патриарх Иоаким — из дворянской семьи Савеловых и т. д. Изредка в среду высшего духовенства попадали и люди крестьянского происхождения. Патриарх Никон, например, происходил из крестьян Нижегородского уезда.

Белое духовенство — городские и сельские священники, дьяконы и дьячки — пополнялось главным образом из своей среды: дети священников и дьяконов тоже становились священниками и дьяконами. Отец протопопа Аввакума был священником «в нижегородцких пределах», по пути отца пошел и Аввакум [2]. Но нередки были случаи, когда посадские и крестьянские миры избирали духовенство из своей среды.

Служба в церкви рассматривалась как одна из мирских выборных служб. Чтобы быть избранным, нужно было быть грамотным и пользоваться известным уважением среди местного населения. Протопоп Успенского собора в Устюге Великом Владимир Никитин был избран на этот пост в середине XVII в. из подьячих Устюжской съезжей избы. По своему происхождению он посадский человек. Крестьянин Великорецкого стана Хлыновского уезда Тимофей Гаврилов Мышкин летом 1666 г. работал в качестве судового ярыжного на судне, на котором мирской выборный целовальник этого стана отправлял стрелецкий хлеб с Вятки в Москву, а в декабре 1667 г. он был уже священником в Хлыновском Успенском монастыре [3].

Священник соборной церкви у Соли Камской Наум Зиновьев Беклемышев (Беклемишев) вышел из посадской среды. Один из его братьев, Иван Зиновьев, числился по переписным книгам 1678—1679 гг. посадским бобылем, другой брат, Андрей Зиновьев, работал трубным мастером в казенном Зырянском соляном промысле Соликамского уезда. Племянник его Иван, сын Ивана Зиновьева Беклемышева, «стал в стрельцы» у Соли Камской [4]. Таким образом, из посадской среды комплектовались не только служилые люди по прибору, но и духовенство.

Неоднородное по своему происхождению, русское духовенство XVII в. было неоднородно и по своему положению. Высшее духовенство и монастыри принадлежали к классу феодалов и

---

[2] РИБ, т. XXXIX, стр. 8.

[3] ПДСЛ, 1666 г., д. 99, лл. 122, 135.

[4] Писц. и переп. кн., № 442, лл. 2, 65—65 об.; Н. В. Устюгов. Солеваренная промышленность Соли Камской в XVII в. М., 1957, стр. 216.

пользовались всеми преимуществами и привилегиями этого класса. Приходское, или белое, духовенство по своему положению было близко к трудящимся классам населения (нередко сами священники пахали землю), но, разумеется, с ними не сливалось, поскольку оно кормилось от доходов со своей «паствы», т. е. за счет эксплуатации трудящихся.

Приходское духовенство находилось в зависимости от епархиальных архиереев не только в сфере чисто церковных вопросов, оно было обязано платить им ежегодную дань, так называемую «десятину», десятую часть своих доходов, и несло расходы, сопровождающие ее сбор. Впрочем, размеры десятины иногда определялись усмотрением епархиального архиерея [5].

Во что реально выливалась такая десятина с отдельной епархии, дает представление книга сбора церковной дани, десятины, и пошлин с монастырей и церквей города Устюга Великого и Устюжского уезда за 1625 г., когда Устюг Великий входил в состав Ростовской митрополии, а также приходо-расходная книга устюжского архиерейского дома за 1682—1683 гг., когда в этом городе была уже самостоятельная епархия. Духовенство платило дань — десятину, «объезд» — специальный сбор на транспортные расходы ее сборщиков, пошлины и «кормы» десятильнику и его людям. В сумме все эти сборы составляли на отдельную церковь в 20-х годах XVII в. от 3 руб. 18 алт. 4 д. до 3 алт. 2 д. в год. Такие резкие колебания зависели от доходности отдельных приходов. В среднем на церковь приходилось около полтины в год. Некоторые храмы вместо всех этих сборов платили общий оброк, размеры которого дают столь же резкие колебания от 3 руб. до 3 алт. 2 д. Всего с Устюжского уезда в это время ежегодно поступало в казну ростовского митрополита по 71 руб. 20 алт. 5 д. [6].

К 80-м годам дань с церквей Устюжского уезда выросла более чем вдвое. В это время духовенство уезда платило своему архиепископу ежегодно по 183 руб. 2 алт. 2 д. [7].

Но этим не ограничивались доходы устюжского архиепископа. Как и другие епархиальные архиереи, он ведал судом по духовным делам, свидетельствовал духовные завещания, взимал штрафы за нарушение целомудрия, получал особые сборы со священников при назначении на службу или при переходе из одного прихода в другой. Все эти пошлины и сборы составляли значительную сумму. В 80-х годах XVII в. она равнялась 170 руб. 6 алт. 4 д. в год [8]. Эти пошлины давали почти столько же дохода архиепископу, сколько и церковная десятина.

---

[5] ААЭ, т. III, № 123, стр. 170—175; № 164, стр. 231—233.
[6] РИБ, т. XIV, № XXIX, стр. 888—914.
[7] Там же, № LVII, стлб. 1011—1012.
[8] Там же, № LX, стлб. 1071—1094.

Архиепископ, таким образом, являлся крупным феодалом, получающим значительные доходы со своей епархии в порядке внеэкономического принуждения. Духовенство зависело от своего епископа и выполняло его распоряжения по идеологическому воздействию на массы, воспитывало своих прихожан в духе покорности существующим властям и следило за исправным исполнением ими церковных обрядов.

Вместе с тем каждая епископская кафедра, патриарх и монастыри имели обширные земельные владения, населенные крепостными крестьянами, которые несли феодальные повинности. Церковь, таким образом, была крупнейшей не только идеологической, но и хозяйственной организацией.

Рост церковного землевладения сокращал общегосударственный земельный фонд, из которого служилые люди получали поместья в качестве жалованья за службу. Вот почему верховная власть еще в XVI в. делала попытки лишить духовных феодалов их земельных богатств или во всяком случае ограничить их дальнейший рост. Только к концу XVI в. в результате разгрома боярской оппозиции царская власть настолько укрепилась, что можно было принять серьезные меры к ограничению роста церковного землевладения: в 1580—1584 гг. русским монастырям было запрещено приобретение земель.

В трудные годы польско-шведской интервенции вопрос о росте церковного землевладения и борьбе с ним почти не занимал те правящие группы, которые, сменяя друг друга, находились в то время у власти. При общей хозяйственной разрухе в стране было не до этого.

После ликвидации интервенции, когда первоочередной задачей и всего населения Русского государства и правительства было восстановление разоренного хозяйства и пополнение опустошенной государственной казны, неизбежно должен был встать вопрос и об отношении к церковному землевладению, его росту и к тем повинностям, которые следовало платить в казну с церковных земель. 16 июня 1617 г., по царскому указу и боярскому приговору, велено было собрать и представить в казну все тарханные грамоты, данные монастырям и торговым людям, а их владельцы должны были отбывать повинности и платить таможенные пошлины по уставным грамотам [9]. Но, по-видимому, в это время тарханщиков не удалось лишить их жалованных грамот. В 1619 г. был образован Сыскной приказ, который занялся пересмотром жалованных грамот и подтверждением их от имени царя Михаила. Насколько позволяют судить приведенные в известность грамоты, выданные этим приказом, пра-

[9] С. Б. Веселовский. К вопросу о пересмотре и подтверждении жалованных грамот в 1620—1630 гг. в Сыскных приказах.— «Чтения ОИДР», 1907, кн. 3, стр. 1—2.

вительство, не затрагивая земельных угодий, пожалованных прежними государями, значительно ограничивало податной иммунитет. Если по прежним жалованным грамотам население привилегированной вотчины освобождалось от всех государственных повинностей, то по новым грамотам не взимались только «данные» и оброчные деньги, удельный вес которых в прямом обложении XVII в. был ничтожен. Важнейшие же из прямых налогов XVII в.— ямские и стрелецкие деньги, или «стрелецкий хлеб», население этих вотчин было обязано платить. Равным образом не освобождалось оно и от острожного и городового дела, т. е. от возведения укреплений. А некоторые монастыри, расположенные в черносошных уездах, например, в Устюжском и Сольвычегодском, вообще лишались всяких податных льгот [10].

Правительство XVII в., не отказываясь в принципе от соборных постановлений конца XVI в., запрещавших рост церковного, в частности монастырского землевладения, тем не менее допускало частичные отступления от этих решений, особенно когда во главе русской церкви встал отец царя патриарх Филарет (1619—1633), сосредоточивший в своих руках не только духовную, но и светскую власть. В 1628 г. по царскому указу было разрешено свободное распоряжение выслуженными вотчинами, в том числе и отдача их в монастырь «на помин души» [11]. Продолжался рост церковных имуществ и по царским пожалованиям, особенно патриархам. В первой половине XVII в. наиболее значительные земельные угодья получили патриархи Филарет и отчасти Иосиф [12].

В 1648—1649 гг. правительство под давлением дворянства, поддержанного посадским населением, категорически запретило духовенству и церковным учреждениям приобретать новые земли и внесло это решение в Соборное Уложение 1649 г. Нарушение этого запрещения влекло за собой конфискацию купленной или подаренной вотчины [13].

По Уложению церковь не только потеряла легальную возможность увеличивать свои земельные владения, но и лишилась подавляющего большинства своих городских владений — торгово-ремесленных слобод и дворов на посадах. По требованию посадских людей, поддержанных дворянством, была принята XIX глава Соборного Уложения, где содержалось решение о конфискации всех частновладельческих слобод и дворов на посадах и запрещалось иметь такие слободы и на будущее время:

---

[10] Там же, стр. 10—13, 25—30; ЦГАДА, Грам. Колл. экономии по Соли Камской, № 11235/103, лл. 1—2.

[11] Соборное Уложение 1649 г., гл. XVII, ст. 42.

[12] М. И. Горчаков. О земельных владениях всероссийских митрополитов, патриархов и св. Синода (988—1738 гг.). СПб., 1871, стр. 329—330; Приложения, стр. 32—37.

[13] Соборное Уложение, гл. XVII, ст. 42.

«А впредь, опричь государевых слобод, ничьим слободам на Москве и в городех не быти» [14]. Проведение в жизнь этого решения в 1649—1652 гг. показало, что наибольшее количество слобод и городских дворов было конфисковано именно у церкви. По неполным данным, основанным на переписных книгах 1646 г. и строельных книгах Приказа сыскных дел 1649—1652 гг., в церковном владении было не менее 4566 городских и слободских дворов. В 1649—1652 гг. было конфисковано не менее 3620 дворов, т. е. около 80% всех городских владений крупных духовных вотчинников. Кроме того, у приходских церквей было взято в посады не менее 405 дворов. Около 60% всех частновладельческих дворов, приписанных в это время к посадам, пришлось именно на долю церковных владений. Это было почти полной ликвидацией городских владений церкви [15].

Несмотря на эти категорические решения и конфискации, Соборное Уложение не остановило роста церковного землевладения. Продолжались и царские пожалования земельных угодий и приобретение их через покупки, вклады и заклады, особенно в северных уездах, где монастыри путем ростовщических операций захватывали земли, находившиеся в пользовании черносошного крестьянства. Наиболее значительные царские пожалования приходятся на время патриаршества Никона (1652—1658). Патриарху и вновь построенным им монастырям Воскресенскому, Иверскому и Крестному было пожаловано много населенных земель и рыболовных угодий в разных уездах [16].

Таким образом, в течение всего XVII в., несмотря на противодействие светских феодалов и принципиальную позицию правительства не увеличивать церковных вотчин, продолжался рост церковного землевладения. Об этом можно судить по количеству тяглых дворов, каким владела церковь в течение XVII в. По данным, относящимся к 60-м годам XVII в. и основанным, очевидно, на переписных книгах 1646 г., в патриарших домовых вотчинах было 6432 двора [17], в вотчинах всех монастырей — 87 907 дворов [18]. К 70-м годам количество дворов в церковных вотчинах значительно возросло. В городах и уездах, находившихся в ведении Поместного приказа, числилось по переписным книгам 1678 г. за патриархом 7128 дворов, за епархиальными архиереями — 11 661 двор, за монастырями и церквами — 97 672 двора, всего в церковных владениях — 116 461 двор [19]. По

[14] Соборное Уложение, гл. XIX, ст. 1, 8, 9.

[15] П. П. Смирнов. Посадские люди и их классовая борьба до середины XVII в., т. II. М.— Л., 1948, стр. 593—607.

[16] М. И. Горчаков. Указ. соч., стр. 330—337.

[17] Там же, Приложения, стр. 88, 92—93.

[18] «Записки Отделения русской и славянской археологии Русского археологического общества», т. II, СПб., 1861, стр. 401—422.

[19] А. А. Новосельский. Роспись крестьянских дворов, находив-

данным патриаршего Дворцового приказа, относящимся к началу XVIII в., в патриарших домовых вотчинах и в приписных к патриаршему дому монастырях значилось по переписным книгам 1678 г. 8914 крестьянских и бобыльских дворов, да после переписных книг до 1701 г. в патриаршие вотчины прибыло 412 дворов, всего к концу XVII в. в патриарших владениях насчитывалось 9326 дворов [20]. Эти цифры разновременны и недостаточно полны, но тем не менее они дают отчетливое представление о крупных размерах церковных владений и об их неуклонном росте в течение всего XVII в.

Благодаря этим значительным земельным владениям церковь сохраняла положение крупнейшей феодальной организации, они позволили ей удержать некоторые из своих феодальных привилегий, в то время как другие крупные феодалы их уже лишились. Важнейшей из таких привилегий было право иметь своих служилых людей. Этим правом пользовались патриарх, митрополиты и архиепископы. Они имели своих дворян и детей боярских, получавших поместья из патриарших, митрополичьих и архиепископских домовых земель. Наибольшее количество таких служилых людей имел патриарх. Со времени патриарха Филарета поместная система в патриарших вотчинах приобрела те же формы, что и на государственных землях. В зависимости от своего служебного положения патриаршие дворяне и дети боярские получали поместное и денежное жалованье. В течение почти всего XVII в. патриаршие служилые люди делились по окладам своего поместного жалованья на пять статей. По первой полагалось 300 четвертей, по второй — 250, по третьей — 200, по четвертой — 150 и по пятой — 100. В конце XVII в. при патриархе Адриане число статей было доведено до девяти — прибавлено четыре более высоких оклада в 350, 400, 450 и 500 четвертей. К концу XVII в. количество патриарших дворян и детей боярских достигло 209 человек [21]. Эти люди обслуживали патриарший двор и выполняли всевозможные поручения. В конце XVII в. их стали привлекать и к государственной службе [22].

Патриарх имел собственные приказы, через которые управлял своими многочисленными вотчинами и чинил суд и расправу над их населением. Всего было четыре патриарших приказа — Дворец, ведавший общим управлением патриаршими вотчинами, Разряд, ведший учет патриарших служилых людей, назначавший их на службу и определявший им поместное

шихся во владении высшего духовенства, монастырей и думных людей, по переписным книгам 1678 г.— «Исторический архив», т. IV, М.— Л., 1949, стр. 91—122.

[20] М. И. Горчаков. Указ. соч., Приложения, стр. 158.

[21] Там же, стр. 403—404; Приложения, стр. 100—110, 185.
стр. 100—110, 185.

[22] Там же, стр. 409—410; Приложения, стр. 116.

и денежное жалованье, Казенный, ведавший финансами, и Судный [23].

Митрополиты, архиепископы, епископы и монастыри и население их вотчин в первой половине XVII в. находились в отношении суда и управления в ведении царского Приказа большого дворца [24]. Это тоже было феодальной привилегией церкви, пережитком периода феодальной раздробленности, когда привилегированный вотчинник освобождался от подсудности княжеским судьям и подлежал суду самого князя или его «боярина введенного», дворецкого. Эту роль «боярина введенного» и играл в XVII в. Приказ большого дворца. Духовные вотчинники освобождались от подсудности общегосударственным учреждениям и подлежали суду самого царя, который осуществлял его через этот приказ.

Таким образом, церковь была как бы государством в государстве. Огромные земельные богатства церкви и ее привилегированное положение вызывали постоянный протест со стороны дворянства, которое совершенно основательно видело в обширных церковных вотчинах тот резерв, из которого можно пополнить государственый земельный фонд и пустить земли в поместную раздачу. Административные и судебные привилегии церкви противоречили той централизации государственного управления, которая неуклонно проводилась в течение всего XVII в. Это и определило в известной мере политику правительства по отношению к церкви. Рано или поздно должен был встать вопрос о ликвидации церковных привилегий и конфискации церковных имуществ.

Во время Земского собора 1648—1649 гг., созванного по требованию посадских людей и дворянства, активно выступивших против правительства в июне 1648 г., дворяне, поддержанные гостями, торговыми людьми гостиной и суконной сотен и посадскими людьми, подали 9 ноября 1648 г. царю челобитную о конфискации всех церковных вотчин, приобретенных после 1580 г., и о раздаче их в поместья. Отказать прямо в этой просьбе правительство не решилось, опасаясь нового выступления дворянства. Было отдано распоряжение о составлении списка новоприобретенных церковных земель. Работа эта затянулась и не была выполнена к концу января 1649 г., когда Земский собор завершил свою деятельность, и выборные разъехались по домам. Челобитчикам пришлось удовлетвориться конфискацией только городских владений церковных феодалов. На более значительную секуляризацию церковных вотчин правительство не пошло.

---

[23] С. К. Богоявленский. Приказные судьи XVII в., М.— Л., 1946, стр. 100—113.

[24] Соборное Уложение, гл. XIII, ст. 1.

Церковные иерархи и особенно богатые монастыри постоянно ссужали правительство крупными денежными суммами безвозвратно и без процентов. Потерять эту возможность правительство не хотело. Вполне возможно, что представление сведений о монастырских вотчинах сознательно затягивалось, так как их не собирались конфисковать [25].

Но если вопрос о церковных землях не был радикально решен Земским собором 1648—1649 гг., то привилегии церкви в области управления и суда подверглись значительному ограничению. По Соборному Уложению сохранил свои привилегии только патриарх. Управление его вотчинами и после Уложения было сосредоточено в патриарших приказах. Не потерял он и судебных прав. Все служилые люди патриарха и население его домовых вотчин должны были судиться только у патриарха и поставленных им властей. Высшей апелляционной инстанцией по отношению к патриаршему суду являлся суд самого царя и Боярской думы. Патриаршие люди подлежали светскому суду только в том случае, если они судились в каком-либо приказе с посторонними людьми, и их ответчики в том приказе возбуждали против них встречные иски [26].

Высшее духовенство и монастыри потеряли в 1649 г. свои административные и судебные привилегии. По Соборному Уложению все церковные и монастырские земли были изъяты из ведения Приказа большого дворца и подчинены вновь созданному Монастырскому приказу. В этом же приказе были сосредоточены и все судебные дела по гражданским искам к духовенству и населению церковных и монастырских вотчин. Свои иски к посторонним лицам духовенство, монастыри и их люди должны были предъявлять в соответствующих приказах по подсудности ответчиков и в случае встречных исков отвечать в этих приказах. Более того, по мелким искам, не превышающим 20 руб., население церковных вотчин должно было судиться у городовых воевод по месту своего жительства [27]. За церковью сохранился только суд по духовным делам и утверждение духовных завещаний.

Во главе Монастырского приказа были поставлены царские окольничие и дьяки. Если в первое время существования Монастырского приказа вместе с окольничим кн. И. А. Хилковым в состав судейской коллегии приказа входили представители духовного ведомства — чудовский архимандрит Ферапонт, старец Ново-Спасского монастыря Пафнутий Еропкин и сретенский

---

[25] П. П. Смирнов. Посадские люди и их классовая борьба до середины XVII в., т. II, стр. 230—233.

[26] Соборное Уложение, гл. XII, ст. 1—3.

[27] Там же, гл. XIII, ст. 1—3.

протопоп Петр, то с 1655 г. в судейской коллегии приказа уже не было представителей духовенства [28].

Это было прямое вмешательство светской власти в хозяйственные дела церкви, отказ от старых иммунитетных грамот, распространение централизации в области государственного управления на ту сферу хозяйственной жизни, которая до середины XVII в. от этого в известной степени ускользала.

Политика русского правительства в отношении церкви в XVII в. нашла совершенно отчетливое выражение в Соборном Уложении. Выражая волю правящего класса — дворянства, правительство значительно ограничило те привилегии церкви, которые затрагивали интересы дворянства.

Церковь не без борьбы приняла эти постановления Соборного Уложения. Патриарх Никон в период своей ссоры с царем Алексеем Михайловичем с большой резкостью выступал против Уложения, называя его «беззаконной книгой», созданной собором, который был созван «боязни ради и междоусобия от всех черных людей, а не истинныя правды ради». Особенно резко Никон нападал именно на те статьи Уложения, которые говорят о светском суде для духовенства, конфискации патриарших и монастырских слобод в городах и о запрещении роста церковного недвижимого имущества [29].

Правительство, конечно, не прислушивалось к голосу опального патриарха, но Никон был не одинок. Большинство русских иерархов занимало ту же позицию в вопросе о светском суде над духовенством. Это очень ярко сказалось на церковном соборе 1667 г., который, ссылаясь на правила апостолов и отцов церкви, вынес решение о недопустимости светского суда над духовенством. Это соборное решение было утверждено царем 17 июля 1667 г. Для духовенства восстанавливался суд патриарха, причем в духовных судах, назначаемых патриархом для суда над духовенством, не должно было быть светских судей. Собор пошел даже еще дальше, освободив духовенство от светского суда не только по гражданским, но и по уголовным делам [30].

Соборное определение 1667 г. касалось лишь суда над духовенством. Патриаршие и митрополичьи дворяне и дети боярские и население церковных вотчин должны были судиться с посторонними людьми в приказах по подсудности ответчиков. Но и

---

[28] С. К. Богоявленский. Указ. соч., стр. 85—87.

[29] Мнение патриарха Никона об Уложении и проч.— «Записки Отделения русской и славянской археологии Русского археологического общества», т. II, СПб., 1861, стр. 426—427, 440—456.

[30] ПСЗ, т. I, № 421, стр. 672—678; № 442, стр. 768—770; М. И. Горчаков. Монастырский приказ (1649—1725). Опыт историко-юридического исследования. СПб., 1868, стр. 94—97.

здесь духовенству удалось добиться некоторого упрощения судебной процедуры. По челобитной патриарха Иоасафа в 1672 г. был издан царский указ, по которому все такие дела были сосредоточены в Поместном приказе [31].

Освобождение духовенства от светского суда почти полностью лишило Монастырский приказ его судебной компетенции. В нем осталось только управление монастырскими и архиерейскими вотчинами. Духовенство стремилось к упразднению Монастырского приказа и добилось успеха: 19 декабря 1677 г. по челобитной патриарха Иоакима правительство царя Федора упразднило Монастырский приказ и вновь подчинило монастырские и архиерейские вотчины ведению Приказа большого дворца [32].

* * *

Прекращение или во всяком случае ограничение роста церковных имуществ, почти полная конфискация городских владений церкви и создание Монастырского приказа — все это одна сторона политики русского правительства по отношению к церкви в XVII в.— подчинение ее общегосударственной системе централизации. Эта централизация всего внутреннего строя Русского государства должна была охватить также и религиозную жизнь русского общества, регламентировать ее и направлять в соответствии с интересами этого государства. Централизация и упорядочение русского богословия и культа обусловливались не только внутренними потребностями, но и шли в унисон с планами внешней политики правительства. Восстановление государства после интервенции в начале XVII в. сопровождалось оживлением заглохших было политических мечтаний о византийском наследии.

Еще с конца XVI в., особенно после учреждения патриаршества, греческие ученые монахи, рассчитывавшие на восстановление обширного «христианского царства» византийских императоров, внушали московскому правительству мысль о борьбе с Турцией.

Не будучи склонным идти на авантюры, ведя осторожную внешнюю политику, русское правительство тем не менее в 20—40-х годах XVII в. усиленно поощряло деятельность православного греческого духовенства как своих политических сторонников в Турции и в подвластных ей Сербии, Валахии, Молдавии и др., а также в Крымском ханстве. Осведомление русского

[31] ПСЗ, т. I, № 505, стр. 834—835; М. И. Горчаков. Монастырский приказ, стр. 74.

[32] ПСЗ, т. II, № 699, стр. 109; М. И. Горчаков. Монастырский приказ, стр. 99—101; С. К. Богоявленский. Указ. соч., стр. 87.

правительства о политическом состоянии и дипломатических планах Оттоманской Порты, с одной стороны, пропаганда на местах идеи о восстановлении «христианского царства» с помощью Руси, с другой,— вот в чем выражалась «служба» греческого духовенства русскому правительству в эти годы. Те же идеи, но в сочетании с оправданием греческого «православия», распространялись в Русском государстве южнорусскими учеными, переводчиками и книжными справщиками[33].

В такой сложной внутри- и внешне-политической обстановке русское правительство предприняло серьезные меры, направленные к унификации московской богословской системы и церковно-обрядовой практики. Этот важный шаг диктовался прежде всего потребностями укрепляющегося централизованного государства. Необходимо было внести единообразие в церковную жизнь и укрепить таким образом положение государственной церкви. Это единообразие следовало внести не только в церковно-обрядовую практику, но и в богослужебные книги, в которые вследствие описок и самовольных изменений, внесенных переписчиками, вкралось немало искажений.

Предстояло решить, каким путем провести эту унификацию. Один путь был завещан еще предшествующим столетием; на него, в частности, встала русская церковь в период Стоглавого собора, закрепив и внеся некоторое единообразие в многочисленные постановления, обряды и культы, бытовавшие на Руси. Это был серьезный шаг вперед на пути централизации государственной церкви, решительная мера в борьбе с «еретическими» течениями (учениями Артемия, Матвея Башкина, Феодосия Косого). Постановления Стоглавого собора подтверждали правильность русских церковных обрядов, поскольку Москва, по учению идеологов русской церкви, являлась истинной хранительницей православия, «третьим Римом», так как два первых Рима — Рим и Константинополь — потеряли свое значение мировых религиозных центров: первый вследствие уклонения от истинного православия, второй в силу утраты Византией своей политической независимости и подчинения «безбожным» туркам, а также в силу своих связей с Римской церковью, «латинством».

Решения Стоглава стали как бы мерилом «правоверия» для многих поколений русских богословов, живших во второй половине XVI — первой половине XVII вв.

Следовательно, один путь исправления богослужебных книг и упорядочения церковно-обрядовой практики — сравнение бо-

---

[33] Обширный материал по этим вопросам см. в работе Н. Ф. Каптерева «Характер отношений России к православному востоку в XVI—XVII вв.», Сергиев Посад, 1914.

гослужебных книг XVII в. с древними славянскими рукописными книгами, не искаженными последующей перепиской, и внесение в новые книги необходимых поправок. В отношении обрядов в этом случае нужно было неуклонно проводить в жизнь решения Стоглавого собора. Другой путь — исправление русских книг по греческим подлинникам и внесение в русскую церковно-обрядовую практику исправлений на основе практики греческой церкви. Оба направления имели своих сторонников и защитников. Во время патриаршества Иосифа (1640—1652) справщики Печатного двора, т. е. редактора печатаемых богослужебных книг, пришли к мысли, что книги следует исправлять по греческим подлинникам. Эту работу должны выполнить люди, не только хорошо знающие греческий и славянский языки, но и образованные, так как только им доступны все тонкости языков греческого и славянского. На такой точке зрения стоял и патриарх Иосиф. Эти взгляды разделяло и правительство. Людей, подходящих для такого дела, можно было найти на Украине, где среди питомцев Киевской Могилянской коллегии были люди, хорошо знающие славянский и греческий языки.

В 1649 г. по приглашению русского правительства приехали в Москву киевские ученые монахи Епифаний Славинецкий и Арсений Сатановский, а в следующем году Дамаскин Птицкий, и приступили к работе по исправлению книг [34].

Руководство русской церковью в это время склонялось к мысли, что и церковно-обрядовая практика на Руси должна соответствовать практике греческой церкви [35].

Другая точка зрения, противоположная этому, так сказать «грекофильскому» направлению, высказывалась некоторыми членами так называемого кружка «ревнителей благочестия», образовавшегося в Москве в конце 40-х годов XVII в. под руководством царского духовника, настоятеля кремлевского Благовещенского собора протопопа Стефана Вонифатьева. В состав кружка входили и светские и духовные лица, московские и провинциальные. Из московских членов наиболее видными, кроме самого Стефана Вонифатьева, были окольничий Федор Михайлович Ртищев, архимандрит Ново-Спасского монастыря Никон, впоследствии митрополит Новгородский и затем патриарх, протопоп Казанского собора Иван Неронов, переведенный в Москву из Нижнего Новгорода, и дьякон кремлевского Благовещенского собора Федор Иванов. Из провинциальных «ревнителей» выделялись протопопы: Юрьевца Поволжского — Аввакум, костромской — Даниил, романовский — Лазарь, муромский — Логгин и

[34] Н. Ф. Каптерев. Патриарх Никон и его противники в деле исправления церковных обрядов. Время патриаршества Иосифа, изд. 2 Сергиев Посад, 1913, стр. 45—50.

[35] Там же, стр. 29—42.

др. Особенно сильна была группа провинциальных «ревнителей», к которым из московских примыкали Иван Неронов, дьякон Федор и в первое время новоспасский архимандрит Никон. Эта группа признавала необходимым произвести исправление богослужебных книг и обрядов, но по старым русским рукописям и по решениям Стоглавого собора. Напротив, Стефан Вонифатьев и Ф. М. Ртищев защищали путь исправления русских книг и обрядов по греческим книгам и практике греческой церкви.

Главной задачей, которую поставили себе «ревнители благочестия», было устранение непорядков в церковной жизни. В этом вопросе не было разногласий между членами кружка. Прежде всего «ревнители» стремились бороться с религиозной индифферентностью населения, предпочитавшего игры и развлечения посещению храмов. Вместе с тем кружок ревнителей обратил внимание и на деятельность самого духовенства и на беспорядок, царивший при богослужении. Ревнители повели решительную борьбу с «многогласием» за установление «единогласия» [36]. Когда стремление к «единогласию» не встретило поддержки со стороны патриарха Иосифа и церковного собора, созванного им 11 февраля 1649 г.[37], ревнители стали вводить «единогласие» явочным порядком, что вызвало охлаждение в отношениях между Стефаном Вонифатьевым и патриархом Иосифом.

Ревнители придавали большое значение церковной проповеди и стремились сделать ее постоянной частью богослужения. Сами они пользовались славой красноречивых проповедников. Проповеди Ивана Неронова в Казанском соборе привлекали многочисленных слушателей. Нередко среди них бывал и царь Алексей.

Царь поддерживал мероприятия ревнителей и прислушивался к их голосу, но во взглядах на предстоящее исправление богослужебных книг и обрядов расходился с большинством ревнителей и считал необходимым произвести эти исправления по греческим образцам. Только этим путем можно было сломить

---

[36] Русское духовенство XVII в. тяготилось продолжительностью церковных служб, но в то же время не решалось сокращать их, боясь нарушить богослужебный устав. Выход из этого положения был найден в так называемом многогласии. Чтение и пение в церковном богослужении идет в определенной последовательности: читает священник, диакон, дьячок, поет хор. При «многогласии» такая последовательность нарушалась. Все делалось одновременно: священник читал свое, дьячок свое, хор пел свое. В церкви стоял невообразимый шум, и ничего нельзя было понять, но этим путем достигалось сокращение продолжительности богослужения. «Ревнители благочестия» считали «многогласие» совершенно недопустимым и требовали введения «единогласия», т. е. такого порядка отправления церковных служб, чтобы один чтец не мешал другому и чтобы чтение и пение не допускались в одно и то же время.

[37] «Деяния Московского церковного собора 1649 г.» — «Чтения ОИДР», 1894, кн. 4, стр. 29—52.

децентрализаторские стремления церковного руководства, убежденного в «чистоте» и безусловной правильности русских церковных обрядов и текста богослужебных книг, всецело подчинить церковь самодержавному государству, использовать при этом опыт византийской церкви, находившейся в свое время в полном подчинении у императорской власти.

Провести в жизнь предстоящую реформу и осуществить церковное единство, требуемое правительством царя Алексея, выпало на долю одного из крупных государственных деятелей середины XVII в. В 1652 г. царь Алексей «з бояры и со всем освященным собором» возвел на патриаршество новгородского митрополита Никона.

Безвестный священник из крестьян Нижегородского уезда, затем монах Соловецкого монастыря, далее игумен Кожеозерского монастыря в Поморье, Никон в 1646 г. приехал в Москву и встретился с царем Алексеем. После этого началось его возвышение; назначенный в том же году архимандритом столичного Ново-Спасского монастыря, он в 1648 г. был уже митрополитом в Новгороде, где, между прочим, оказал правительству содействие в подавлении восстания 1650 г.

В бытность архимандритом Ново-Спасского монастыря Никон примыкал к провинциальным членам кружка ревнителей и отрицательно относился к грекам и киевлянам. Он нередко говаривал тогда, что «гречяне де и Малые Росии (т. е. киевляне-украинцы) потеряли веру, и крепости и добрых нравов нет у них» и что «благочестие» сохранилось лишь у русских [38]. Эти же «ревнители благочестия», воспитанные на идеологии сильной воинствующей церкви, привили Никону преувеличенно высокое представление о власти «священства», если не превышающей, то, во всяком случае, равной власти царя. Позднее, под влиянием царя Алексея, Ф. М. Ртищева и Стефана Вонифатьева, представлявших грекофильствующее направление, Никон изменил свое представление о путях надвигавшейся реформы, но мысль о высоком назначении патриарха осталась у него навсегда. Тогда у царя Алексея Михайловича сложилось мнение, что только такой человек, как Никон, обладавший железной волей, верящий в свое высокое назначение, ставший преданным сторонником преобразования церковной жизни по греческому образцу, сможет успешно осуществить намечавшуюся реформу.

Царь и его приближенные, убежденные в готовности Никона провести в жизнь намечаемые мероприятия, решили передать ему патриаршество, как только оно будет освобождено преста-

---

[38] «Записки о жизни протопопа Ивана Неронова с 1653 по 1659 г.» — «Материалы для истории раскола», под ред. проф. Н. И. Субботина, т. I, М., 1875, стр. 150.

релым Иосифом, не сочувствовавшим их церковно-политическим замыслам[39]. Этот момент вскоре представился, умер Иосиф, и 25 июля 1652 г. произошло возведение Никона на патриаршество с особой торжественностью, не имевшей примера в прошлом. Сам царь в окружении боярства и всего высшего духовенства коленопреклонно умолял Никона принять патриаршество и обещал слушать его во всем, что он будет «возвещать» им «о догматах божиих и о правилах»[40].

Быстрое возвышение Никона на первый взгляд кажется весьма неожиданным. Но царь Алексей, несмотря на то, что он сам разделял представления Ивана Грозного о царской власти и готов был считать себя «самодержцем» всего «православного Востока», стремился усилить авторитет нового патриарха ввиду чрезвычайной важности предстоявших церковных нововведений. Только при этом условии можно было рассчитывать на успех реформы, резко нарушавшей давно сложившиеся представления о «святости и нерушимости» московского «благочестия». Русское правительство стремилось сделать реформу делом исключительно церкви, прикрыть ее авторитетом не просто патриарха — «потаковника» светской власти, но патриарха — «великого государя», занимающего самостоятельное положение в государстве. Торжественное «моление» и клятва царя и боярства в послушании должны были поразить воображение народных масс величием нового патриарха и «божественностью» его будущих действий.

Сотрудничество московского царя и патриарха в форме «премудрой двоицы» преподносилось как образец для подражания всем православным народам.

Немалую роль в возвышении Никона сыграли и личные отношения его с царем. Умный, энергичный и властный, Никон сумел расположить к себе царя Алексея, хотя отношения между ними не были ни равными, ни, как показало будущее, прочными. «Собинный» друг царя, став патриархом, проявил слишком большое властолюбие, самолюбие, нетерпимость и жестокость. Но это обнаружилось не сразу.

Первые шаги Никона по реформе церкви совпали с окончательным решением царя и Боярской думы о присоединении Украины. 14 марта 1653 г., вскоре после того, как было принято это решение, Никон нанес первый удар по «древнему благочестию», разослав по церквам «память» о поклонах и троеперстии («не подобает во церкви метания творити на колену, но в пояс

[39] Н. Ф. Каптерев. Патриарх Никон и царь Алексей Михайлович, т. I. Сергиев Посад, 1909, стр. 106—114.

[40] «Письмо патриарха Никона к Царетрадскому патриарху Дионисию».— «Записки Отделения русской и славянской археологии Русского археологического общества», т. II, стр. 511—513.

бы вам творити поклоны, еще же и трема персты бы есте крестились», вместо двух) [41].

Сопротивление своим реформам патриарх Никон прежде всего встретил со стороны своих бывших соратников, членов кружка «ревнителей благочестия». Свое первое впечатление от распоряжения Никона протопоп Аввакум формулировал следующим образом: «Мы же задумалися, сошедшеся между собою; видим, яко зима хощет быти; сердце озябло и ноги задрожали». Аввакум вместе с протопопом Даниилом сейчас же начали действовать: «... написав из книг выписки о сложении перст и о поклонех, и подали государю; много писано было». Но успеха не добились. По собственному свидетельству Аввакума, царь «не вем, где скрыл их; мнитмися, Никону отдал» [42]. Популярные проповедники-ревнители посеяли недоверие и враждебность к реформам в широких кругах русского населения, прежде всего в столице.

Суровый и властный патриарх ответил на протест ревнителей репрессиями против своих прежних друзей и соратников. Противники реформ Аввакум, Иван Неронов, дьякон Федор и другие были отправлены в ссылку или заключены под надзор в монастыри.

Весной 1654 г. патриарх Никон созвал в Москве церковный собор, на котором предъявил русской церкви обвинение в том, что она отступила от древних чинов и обрядов, что в богослужебных книгах и церковно-обрядовой практике много новшеств, не находящих оправдания в древних книгах и в практике греческой церкви. Патриарх потребовал устранения этих новшеств и одобрения тем мерам, которые он предпринял год тому назад. Такая постановка вопроса была по существу неверной. Дело было не в том, что русская церковь отступила от древней церковной практики, а в том, что в греческой церкви под влиянием разных причин произошли изменения в церковных обрядах, и для достижения единства церковно-обрядовой практики во всей православной церкви, русской и греческой, нужно было внести исправления в русские церковные обряды. Вот почему члены собора 1654 г., одобряя предпринятую реформу, внесли оговорку, что исправления нужно произвести, «якоже греческия и наши старыя книги и уставы повелевают», т. е. привести существующие церковные обряды в полное соответствие с древней практикой как греческой, так и русской церкви [43].

После собора 1654 г. Никон отправил обширное письмо

---

[41] «Житие протопопа Аввакума, им самим написанное».— РИБ, т. XXXIX, стлб. 15.

[42] Там же.

[43] Н. Ф. Каптерев. Патриарх Никон и царь Алексей Михайлович, т. I, стр. 136—150.

константинопольскому патриарху Паисию с просьбой дать ответ по спорным церковно-обрядовым вопросам. Еще до получения ответа от Паисия в Москву в 1655 г. прибыл для сбора милостыни антиохийский патриарх Макарий. Никон воспользовался его присутствием, чтобы получить необходимые сведения об обрядовой практике греческой церкви. Макарий, заинтересованный в расположении Никона, так как это сулило ему обильную милостыню в Москве, охотно шел навстречу всем желаниям московского патриарха. Макарий осудил русскую церковно-обрядовую практику, в частности двоеперстие при крестном знамении, признав троеперстие единственно православной формой перстосложения. Предложил он исправления и других обрядов. Никон охотно его слушал и изменял русские обряды. В 1655 г. был созван новый собор, на котором Макарий и присутствовавшие на соборе некоторые греческие епископы прокляли всех сторонников двоеперстия. Поддержал Макарий и борьбу Никона с иконами нового письма, имевшими отступления от старой византийской иконописной традиции. Патриарх Никон заявил себя на соборе 1655 г. решительным сторонником греческих книг и обрядов.

Ответ константинопольского патриарха Паисия, поступивший уже после собора 1655 г., был дан в очень осторожной форме. Общий смысл его сводился к следующему: обряды не имеют существенного значения, нужно бороться только с извращениями в области вероучения. Обряды же можно не исправлять. Никон не внял этому осторожному совету и, пользуясь присутствием в Москве патриарха Макария, созвал в 1656 г. новый собор, на котором все защитники старых русских обрядов были отлучены от церкви [44].

В течение 1653—1656 гг. на Печатном дворе под руководством Епифания Славинецкого шла оживленная работа по выпуску исправленных или вновь переведенных богослужебных и других церковных книг.

Церковная реформа, проводившаяся по инициативе московского правительства, имела целью не только внести единообразие в богословскую систему и обрядовую практику, по существу, она знаменовала новый этап подчинения церкви светской власти. Церковь произвела реформу обрядов в соответствии с политическими интересами правительства.

Деятельность Никона не ограничивалась церковной реформой. Став патриархом, он приобрел огромную власть и значение также и в делах государственных. Как патриарх Филарет, он носил титул «великого государя». Он безраздельно царил в пат-

---

[44] Н. Ф. Каптерев. Патриарх Никон и царь Алексей Михайлович, т. I, стр. 151—202.

риаршей области и в других епархиях церкви. В его руки перешло назначение митрополитов, епископов и архимандритов, бывшее до него исключительно делом царя. Во время частых военных походов царя Никон, находясь в Москве, самостоятельно решал гражданские и военные дела. В приговорах по этим делам появляется даже формула: «...святейший патриарх указал и бояре приговорили». Боярская дума в отсутствие царя находилась фактически в подчинении у патриарха. Наконец, Никон значительно расширил пределы патриаршей области за счет ближайших епархий.

Самовластная политика московского патриарха вызвала скрытое недовольство царя Алексея Михайловича и его окружения и в конце концов привела к падению Никона. Сильно скомпрометировало патриарха и неудачное направление вдохновлявшейся им внешней политики.

В мае 1654 г. началась война с Польшей из-за Украины, присягнувшей на подданство московскому царю. Однако планы русского правительства не ограничивались Украиной. В случае успеха открывалась возможность движения на юг, к Черному морю, и на Крым. Войне с Речью Посполитой придавался характер и религиозной борьбы православия с католичеством.

Война в начале протекала весьма успешно. В течение 1654—1655 гг. русские войска взяли Смоленск, Вильну, Ковно и Гродно. Гетман Богдан Хмельницкий и воевода Василий Васильевич Бутурлин вошли в Галицию и взяли Люблин. Казалось, Речь Посполитая была совершенно разгромлена.

В 1654—1656 гг. влияние Никона на царя Алексея достигло своего апогея. Об этом свидетельствует обширная переписка, которую царь вел с патриархом, находясь в походе.

В результате военных успехов Русского государства, а также вступления в войну Швеции, захватившей Варшаву и Краков, Польша уже к осени 1655 г. начала искать мира с русским правительством. В октябре 1655 г. прибыли в Москву в качестве посредников представители Священной Римской империи послы Аллегрети и Лорбах. Вмешательство империи в русско-польские отношения объясняется ее опасением, что на развалинах союзной с ней католической Польши произойдет усиление враждебной протестантской Швеции. Послы должны были не только содействовать началу мирных переговоров Польши и Русского государства, но и втянуть царское правительство в войну со Швецией. Швеция действительно пыталась захватить в Литве земли, уже занятые русскими войсками, а также старалась склонить на свою сторону Богдана Хмельницкого и других видных деятелей Украины. В предварительных переговорах с приставами и на приеме у царя Аллегрети выдвинул идею союза христианских государей (православных и католиков) для борьбы

с Турцией и Крымом [45]. Идея такого объединения с обессиленной и, казалось, неопасной уже Речью Посполитой увлекла Никона. Объединение христианских государей, казалось Никону, могло раскрыть новые пути к проведению активной восточной политики. Кроме Никона, был и еще один сторонник такой политики — Афанасий Лаврентьевич Ордин-Нащокин, который, склоняясь к миру и объединению с Речью Посполитой, полагал, что молдаване и волохи, не разъединяемые больше враждебной Польшей, могут скорее отложиться от Турции и объединиться в единое христианское государство под покровительством московского царя. Такие мысли А. Л. Ордин-Нащекин неоднократно развивал впоследствии перед царем Алексеем [46]. Отсюда и несомненное его сочувствие Никону как единомышленнику.

Никону удалось увлечь и царя, только что вернувшегося из победоносного похода, мыслью о союзе с Польшей, подкрепленной возможностью получения Алексеем Михайловичем польской короны. Вопрос об этом был одним из пунктов в начатых в 1656 г. в Вильне кн. Никитой Ивановичем Одоевским переговорах о мире [47]. Окрыленный в тот момент военными и политическими успехами в Речи Посполитой, Алексей Михайлович решился на войну со Швецией.

В мае 1656 г. русское правительство объявило о разрыве «вечного докончанья» со Швецией. В течение лета русские войска взяли ряд городов в Ливонии, осенью же потерпели сильное поражение под Ригой. Тогда же выяснилось, что Речь Посполитая после прекращения военных действий несколько оправилась и не очень была склонна согласиться на требования русской мирной делегации в Вильне. Кроме того, стало известно, что польские дипломаты и императорские послы замышляли отторгнуть Украину от Русского государства и вновь присоединить ее к речи Посполитой. Внутреннее положение на Украине в 1656, а особенно в последующих 1657 и 1658 гг., также оставалось чрезвычайно сложным. Неудача под Ригой, происки Швеции и Польши на Украине, наконец, тяжелое внутреннее состояние Русского государства, заставили царя Алексея отказаться от завоевания Ливонии и выходов к Балтийскому морю. В феврале 1657 г. царь и Боярская дума решили искать мира со Швецией, но только к концу 1658 г. было заключено Валиесарское перемирие.

---

[45] «Памятники дипломатических сношений с Римской империей», т. III, СПб., 1854, № XVII, стр. 386.

[46] В. С. Иконников. Ближний боярин А. Л. Ордин-Нащокин.— «Русская старина», 1883, октябрь, стр. 44—45.

[47] С. М. Соловьев. История России, изд. «Общественная польза», кн. 3, стлб. 32—38.

В такой обстановке в течение 1657 и 1658 гг. подготовлялось падение патриарха Никона. В правительственных кругах, в среде большинства русского боярства война со Швецией 1656—1658 гг. не встречала одобрения. Основная линия внешней политики и при Михаиле и при Алексее направлялась против Польши за воссоединение Украины и Белоруссии с Русским государством. Сторонников балтийской ориентации во внешней политике русского правительства в это время было весьма немного. Наиболее яркий ее представитель А. Л. Ордин-Нащокин не пользовался авторитетом у большинства московских политических деятелей [48].

Возлагая ответственность за неудачную войну со Швецией исключительно на Никона, члены правительства и рядовое боярство по существу сводили счеты с властным временщиком, высокомерно и грубо обращавшимся с ними в предшествующее время, когда царь «положил свою душу и всю Русию на патриархову душу» [49]. Обвинения в неудачной внешней политике были только предлогом, используя который московское боярство пыталось подорвать престиж Никона. На Никона возводились обвинения в стремлении превысить царскую власть, в нарушении законов и в корыстолюбии, в том, что он отнимал вотчины и принимал беглых холопов и крестьян, облагал тяжкими сборами духовенство и жестоко расправлялся с ослушниками. «Всякому еси страшен,— говорил Никону Неронов, один из главных его противников,— зверь ли [ты] лютый, лев или медведь, или волк» [50].

Властный и нетерпимый характер временщика в конце концов вызвал недовольство и царя. Началось постепенное охлаждение Алексея Михайловича к своему «собинному другу». Царь стал избегать патриарха, все чаще в случае необходимости обращаясь к нему через других лиц. Никона все реже приглашали во дворец и все более отдаляли от участия в делах. В связи с начавшейся опалой усилилась и деятельность Монастырского приказа; некоторые распоряжения патриарха были отменены, а несколько вотчин у него отобрано.

Холодность царя и оттеснение от государственной власти раздражали Никона, но и он, подобно Алексею Михайловичу, предпочитал замкнуться в себе, предоставляя свободу действий своим врагам. По мере того как из рук Никона выскальзывала власть, у него росло равнодушие и к церковным реформам, которые он с такой нетерпимостью проводил в 1653—1656 гг.

[48] Там же, стлб. 62—63, 173, 389—390.

[49] «Письмо Ивана Неронова к Стефану Вонифатьеву от 2 мая 1654 г.» — «Материалы для истории раскола», т. I, стр. 48.

[50] «Записка о жизни протопопа Ивана Неронова».— «Материалы для истории раскола», т. I, стр. 148.

В 1657 и 1658 гг. продолжался лишь выпуск исправленных книг с Печатного двора. Равнодушие проявилось и в ответе Неронову, что старые и новые книги «обои де добры — все де равно, по коим хощешь, по тем и служишь» [51].

Напряженные отношения царя и патриарха завершились в июле 1658 г. открытым разрывом. Поводом послужило оскорбление окольничим Богданом Матвеевичем Хитрово патриаршего человека во время церемонии въезда в Москву кахетинского царя Теймураза. Это происшествие было последней каплей, переполнившей чашу терпения патриарха, и на этот раз не приглашенного на торжества.

Никон потребовал от царя немедленного наказания Б. М. Хитрово, но получил из дворца лишь записку царя с обещанием «сыскать дело», а также увидеться по этому поводу с патриархом. Однако в ближайшее время не только не состоялось обещанного свидания, но царь даже прекратил посещение патриарших церковных служб. Наконец, 10 июля в Успенский собор явился кн. Юрий Иванович Ромодановский и объявил Никону о «гневе» царя на патриарха за присвоение им титула «великого государя». «Называюся аз великим государем не сам собою,— отвечал Никон на запоздалое разъяснение принципиальной стороны взаимоотношений церковной и светской власти,— сице восхоте и повеле называтися и писатися его царское величество. И сие свидетельство имеем мы грамоты, писаны царского величества рукою» [52]. По окончании обедни Никон обратился к народу с речью, закончив ее словами: «от сего де времени не буду вам патриарх» [53], после чего сложил символ своего сана — посох митрополита Петра. Из собора он ушел на подворье Воскресенского монастыря (на Ильинке), а затем уехал из Москвы в Воскресенский монастырь. Сбитые с толку неожиданным уходом патриарха, царь и бояре пытались выяснить причины удаления патриарха. Кн. А. Н. Трубецкому, посланному в Воскресенский монастырь, Никон подтвердил свой отказ от патриаршества, выразил желание благословить своего преемника, которого царь и церковный собор выберут на его место, и поручал временное управление русской церковью крутицкому митрополиту. Никон просил царя простить его и посылал прощение и благословение царю, царскому семейству, «боярам и думным людем и всем православным христианом» [54].

---

[51] «Записка о жизни протопопа Ивана Неронова».— «Материалы для истории раскола», т. I, стр. 157.

[52] «Письмо патриарха Никона к Цареградскому патриарху Дионисию».— «Записки Отделения русской и славянской археологии Русского археологического общества», т. II, стр. 515.

[53] «Дело о патриархе Никоне», СПб., 1897, стр. 21.

[54] Там же, стр. 16—18.

Казалось, все кончится благополучно и в интересах правительства, желавшего и подготовлявшего уход Никона, который сам, по своей воле, отказывался от патриаршества и благословлял на избрание нового патриарха. В Воскресенском монастыре бывший патриарх всецело погрузился в заботы о монастырском хозяйстве и не вмешивался в церковные дела. Однако вскоре бывший патриарх заговорил совсем иным языком. Началось так называемое «дело Никона», которое тянулось около 8 лет, прежде чем правительству удалось добиться нужных для себя результатов.

Как возвышение Никона, так и его падение следует рассматривать в связи с внешнеполитическими обстоятельствами этого времени.

За время своего патриаршества, особенно в 1652—1656 гг., принимая непосредственное неограниченное участие в деятельности правительства, Никон приобрел широкие связи и на Украине и на Востоке. Он был не только московским патриархом, но и патриархом как бы со «вселенским» значением, как того, впрочем, в свое время и желало правительство царя Алексея. Поэтому смещение Никона необходимо было мотивировать перед международным (в пределах «православного» Востока) мнением. Свое «вселенское» значение прекрасно учитывал и Никон; он нарочито подчеркивал его в «Послании царю» в 1659 г., уже далеко не столь «смиренном», как объяснение с кн. А. Н. Трубецким.

«Послание» 1659 г. было вызвано тем, что царь распорядился произвести просмотр переписки и вещей Никона, остававшихся у него в Москве. Тогда же был ограничен допуск к Никону посторонних лиц. Распоряжения правительства относились к первым числам июля, когда до Москвы дошли сведения о Конотопской битве (27 июня), в которой русские войска потерпели поражение от татар и гетмана Ивана Выговского, изменившего Русскому государству и перешедшего на сторону Польши. Русскому правительству хорошо были известны связи Никона с И. Выговским и с высшим украинским духовенством, его поддерживавшим. Сношения украинского духовенства с Никоном особенно усилились с началом царской опалы и уходом с патриаршества, когда Никон довольно неожиданно заявил себя сторонником «независимости» Киевской митрополии от Московской патриархии. Русское правительство не могло, конечно, забыть и демонстративного благословения Никоном И. Выговского летом 1658 г., когда уже ходили слухи об его антирусских замыслах. Сам Никон не скрывал возможности повлиять на Выговского и говорил, что когда он, Никон, был на Москве, то «его (Выговского) никакие неправды не было». И далее, как бы намекая на свою прежнюю популярность среди украинцев,

Никон продолжал: «а как я был, и я о них великому государю бивал челом и во всем заступал («заступником» его называл и Богдан Хмельницкий)... и ныне отпишу хотя две строчки к Выговскому, и он будет по-прежнему ему, великому государю, служить... и меня он послушает» [55]. В свой приезд в Москву в 1659 г. после Конотопского поражения Никон, узнав, что о мире с Речью Посполитой ничего не слышно, публично заявил, что «святая кровь христианская из-за пустяков проливается»; этим он как бы возлагал ответственность за войну на царя и правительство. Царь предписал тогда Никону немедленно оставить Москву [56]. Отношения Никона к Выговскому и особенно его отрицательный взгляд на войну с Речью Посполитой заставили московское правительство предпринять обследование переписки бывшего патриарха, как прошлой, так и текущей (над ней был установлен контроль) и ограничить общение Никона с посторонними лицами.

«Послание» 1659 г., написанное с большой горячностью и злобной раздраженностью, вместе с критикой правительственных распоряжений, впервые после ухода Никона раскрывает его взгляды на самого себя, сложившиеся, несомненно, в результате исключительного положения, созданного для него московским правительством. «Дивлюся о сем,— писал Никон царю Алексею,— како вскоре в таковое дерзновение пришел еси, иже иногда страшился еси на простых церковных причетников суд наносити... ныне же всего мира иногда бывша аки пастыря восхотех грехи и таинства видети». Вспоминая всю ту пользу, какую он принес государству и в частности царю во время своего патриаршества, Никон в своем послании убеждает Алексея Михайловича в неосновательности его гнева на патриарха, вынужденного из-за этого гнева покинуть свою кафедру [57].

В феврале 1660 г. царь созвал собор русских епископов для решения вопроса об избрании нового патриарха и о суде над Никоном, самовольно оставившим патриаршество. Вскоре после открытия соборных заседаний царь послал к Никону стольника Матвея Степановича Пушкина, чтобы выяснить отношение Никона к избранию нового патриарха. В беседе с Пушкиным Никон дал своеобразное толкование своего ухода с патриаршей кафедры, надолго связав этим толкованием правительство и покорный ему «освященный собор». Оказывается, он оставил лишь московский патриарший престол, но от патриаршества как от сана не отрекался. Он не возражал против

---

[55] Н. А. Гиббенет. Историческое исследование дела патриарха Никона, ч. II. СПб., 1884, Приложения, стр. 491.

[56] С. М. Соловьев. История России, кн. 3, стлб. 219—220.

[57] «Дело о патриархе Никоне», стр. 6—12.

избрания нового московского, местного, патриарха, но лишь с его, Никона, благословения. Никон сам должен поставить нового патриарха. Совершив это поставление, он уйдет в монастырь[58].

Итак, перед правительством возникла перспектива получить двух патриархов, из которых один, считавший себя в недавнем прошлом «пастырем всего мира», несомненно, собирался руководить другим.

Собор не посчитался с претензиями Никона и принял решение лишить его патриаршей кафедры и архиерейства и избрать нового патриарха[59]. Однако это соборное решение опорочил крупный богословский авторитет Епифаний Славинецкий, который не нашел канонического оправдания соборному решению в части, касающейся лишения Никона архиерейства[60]. Собор продолжал свои заседания до 14 августа, когда было принято решение об избрании преемника Никону, а вопрос о лишении его архиерейства остался открытым[61]. Таким образом, притязания Никона оставались в силе и мешали приступить к выборам нового патриарха.

Дальнейшие взаимоотношения правительства и Никона до 1664 г. носят двойственный характер. В Никоне происходит внутренняя борьба. То он просит царя «перемениться» к нему и простить его, посылает Алексею и его семье благословение и выпрашивает у него разные милости, то делает ряд выпадов против него, особенно резких, когда затрагивались хозяйственные интересы Никона[62].

К 1662—1663 гг. относятся и рассуждения Никона о взаимных отношениях «царства и священства», светской и церковной власти. В обширном сочинении под названием «Возражение или разорение смиренного Никона, божиею милостию патриарха, противо вопросов боярина Симеона Стрешнева, еже написа газскому митрополиту Паисию Лигаридиусу и на ответы Паисеовы» Никон следующим образом характеризует взаимоотношения духовной и светской власти: «Господь бог всесильный, егда небо и землю сотворил, тогда два светила — солнце и месяц на нем [небе] ходяще, на земли светити повеле: солнце нам показа власть архиерейскую, месяц же показа власть царскую, ибо солнце,— поясняет Никон,— вящи светит во дни, яко архиерей душам, меньшее же светило в нощи, еже есть телу».

---

[58] Там же, стр. 18—20.

[59] Там же, стр. 62—63; Н. Ф. Каптерев. Патриарх Никон и царь Алексей Михайлович, т. II. Сергиев Посад, 1912, стр. 262.

[60] «Дело о патриархе Никоне», стр. 88—94.

[61] Там же, стр. 94—111.

[62] «Записки Отделения русской и славянской археологии Русского археологического общества», т. II, стр. 423—498, 550.

Поэтому «священство всюду пречестнейшее есть царства». «Власть священства толико гражданския лучши есть, елико земли небо, паче же много вящше...». Подкрепляя библейскими примерами правильность своих рассуждений, Никон отрицал утверждения своих противников, что царь ему «вручи... досматривать всяких судеб церковных», потому что «не от царей начальство священства приемлется, но от священства на царство помазуются.., яко священство царства преболе есть» [63].

Из теоретических (по существу католических, папистских) рассуждений Никона о преимуществах «священства» над «царством» видно, что он уклонился от византийского идеала «премудрой двоицы», построенного на равном значении власти царя и патриарха в «священном царстве». Русское правительство, разумеется, не могло принять такой трактовки взаимоотношений духовной и светской власти, какую давал Никон, и после этого не могло быть и речи о его возвращении на патриаршество.

После неудачи с церковным собором в 1660 г. правительство пыталось добиться у Никона письменного согласия и благословения на избрание нового патриарха. Никон, однако, настаивал на личном «рукоположении» патриарха. Тогда, чтобы покончить, наконец, с делом Никона, решено было созвать собор с участием восточных патриархов, что советовал и появившийся в Москве бывший газский митрополит Паисий Лигарид, ловкий и беззастенчивый авантюрист, новый авторитет при московском правительстве по церковным вопросам [64]. Такое решение признавал единственно возможным и приемлемым и сам Никон — «пастырь всего мира», получивший посвящение от «вселенских» патриархов. Однако пригласить в Москву восточных патриархов в ближайшее время правительству не удалось. Среди высшего греческого духовенства было немало сторонников Никона, пытавшихся примирить его с царем (например, иерусалимский патриарх Нектарий и константинопольский Дионисий); отсюда колебания части греческого духовенства, притом наиболее авторитетного, в оказании содействия московскому правительству. Кроме того, восточные патриархи в это время весьма опасались турецкого правительства, усилившего надзор за их сношениями с Москвой. Для участия в деле Никона удалось уговорить лишь двух патриархов — антиохийского Макария и александрийского

---

[63] Н. Ф. Каптерев. Патриарх Никон и царь Алексей Михайлович, т. II, стр. 181—185 и далее; Макарий. История русской церкви, т. XII, стр. 418. Пересказ Н. Ф. Каптерева заимствован из рукописи Московской духовной академии № 218, пересказ Макария — из рукописи Воскресенского Ново-Иерусалимского монастыря.

[64] Его характеристику см. Н. Ф. Каптерев. Характер отношений России к православному Востоку в XVI и XVII столетиях. Сергиев Посад, 1914, стр. 182 и след.

Паисия. Оба патриарха могли прибыть в Москву лишь в ноябре 1666 г.

В феврале 1665 г. Никон в грамоте константинопольскому патриарху Дионисию мрачными красками описывал положение народа и церкви в Русском государстве, «злобство, вражду и лжу» по отношению к нему и т. п. [65] Грамота эта, перехваченная по дороге, сильно раздражила царя и правительство, заботившихся о том, чтобы критика Никона и подробности его дела не получили огласки, особенно вне государства, и не повредили бы международному престижу московского царя.

Убедившись, очевидно, что он обречен, Никон начинает сдаваться. Он уже не претендует на руководящую роль, если будет избран новый патриарх, и обещает, «что он ни в какие патриарши дела вступатца не учнет» [66] и на соборах, если его призовут «духовные ради пользы», будет «заседати под настоящим патриархом» [67]. Но было уже поздно.

В ноябре 1666 г. наконец приехали восточные патриархи. После ознакомления их с собранными материалами начались судебные заседания собора с участием царя и обвиняемого Никона. Первоначально Никон не хотел являться на суд прибывших в Москву патриархов, так как имел поставление от константинопольского патриарха; кроме того, уже тогда ему было известно, что оба прибывших патриарха — безместные, т. е. уже потерявшие свои кафедры, и поэтому как бы не настоящие. В ночь на 1 декабря 1666 г. Никон все же явился в Москву и под строгим караулом был помещен в Кремле. Дело Никона разбиралось в течение трех заседаний. В качестве главного обвинителя выступил сам царь. На первый пункт обвинения о самовольном оставлении патриаршества Никон заявил, что он ушел от царского гнева, так как, гневаясь на него, царь перестал посещать церковные службы. Но от патриаршества как сана он не отказывался: «то де на меня затеяли»,— прибавил Никон. Вторым обвинением против Никона была его грамота к константинопольскому патриарху Дионисию в 1665 г., в которой, по мнению судей, возносились хула на русскую церковь и «бесчестие» на государя. Здесь против некоторых обвинений Никон молчал, некоторых же не отрицал, но старался доказать свою правоту. В особенное возбуждение впадал Никон, когда речь заходила о Паисии Лигариде, ввергавшем, по его мнению, церковь в ереси. Те же обвинения он возводил и на судивших его патриархов — бывших своих учителей и вдохновителей по церковной реформе. Становясь по существу на точку зрения своих

---

[65] «Записки Отделения русской и славянской археологии Русского археологического общества», т. II, стр. 510—530.

[66] «Дело о патриархе Никоне», стр. 145.

[67] Там же, стр. 218.

противников — старообрядцев, Никон отказался признать обвинения, предъявленные ему на основании греческих церковных правил, так как «греческие правила не прямые, печатали их еретики». Приговор в окончательной форме был объявлен 12 декабря 1666 г. Никон был признан виновным в оставлении кафедры, в оскорблении церкви, царя, собора и «всех православных христиан», в оскорблении восточных патриархов и в самовольном, без собора, свержении (в 1654 г.) коломенского епископа Павла. Тогда же был совершен и обряд низложения Никона, после чего павший патриарх под охраной стрелецкого отряда был отвезен в Ферапонтов монастырь. На этом кончилась карьера Никона: бывший «великий государь» и «пастырь всего мира» простым монахом отправлялся в далекую ссылку. Патриархом собор избрал архимандрита Троице-Сергиева монастыря Иоасафа [68].

Но на этом не окончилась борьба самодержавной власти за подчинение церкви в складывающемся абсолютистском государстве. Победа царя Алексея Михайловича над патриархом Никоном не означала полного подчинения русской патриархии власти московских государей.

После осуждения Никона собор, при участии восточных патриархов, в январе 1667 г. занялся рассмотрением возбужденного низложенным патриархом теоретического вопроса о преимуществе священства перед царством. Эти католические по существу взгляды Никона на взаимоотношения высшей духовной иерархии со светской властью не были одинокими в среде высшего русского духовенства. Глубоко ненавидя Никона за его высокомерие и жестокость и всемерно содействуя его падению, «князья церкви» тем не менее склонялись к признанию положения, что «священство выше царства». Вопрос этот горячо дебатировался в январе 1667 г., уже после окончания дела Никона. Его выдвинули крутицкий митрополит Павел и рязанский архиепископ Иларион при поддержке большинства епископов. Ссылаясь на Иоанна Златоуста и других «отцов церкви», оба они и некоторые другие архиереи заявляли, что «степень священства выше степени царского» [69]. Напротив, восточные патриархи доказывали, что «те никонствуют и папствуют, кто покушается уничтожить царство и поднять на высоту священство» [70]. В конце концов по предложению патриархов был избран средний путь: «царь имеет преимущество в делах гражданских, а патриарх —

---

[68] «Дело о патриархе Никоне», стр. 438—453; Н. Ф. Каптерев. Патриарх Никон и царь Алексей Михайлович, т. II, стр. 323—352; Н. А. Гиббенет. Указ. соч., ч. II, стр. 1042—1092.

[69] Н. Ф. Каптерев. Патриарх Никон и царь Алексей Михайлович, т. II, стр. 229.

[70] Там же, стр. 248.

в церковных, дабы таким образом сохранилась целою и непоколебимою вовек стройность церковного учреждения» [71]. Таким образом, собором был признан византийский идеал «премудрой двоицы». Решения собора 1667 г. в этой части так и остались не скрепленными подписями присутствовавших и поэтому не вошли в состав официальных соборных деяний, но споры о соотношении властей показывают, насколько сильны были в среде русского духовенства те взгляды, которые защищал Никон.

* * *

Осудив Никона и высказав свое мнение о взаимоотношениях духовной и светской власти, собор 1666—1667 гг. должен был решить и судьбу церковной реформы Никона и ее противников.

Падение Никона и возвращение из ссылки некоторых «ревнителей» подавало было надежду на восстановление старой веры. Однако попытки Аввакума и других добиться отмены распоряжений Никона натолкнулись на решительное сопротивление со стороны царя и большинства епископата, поддерживавшего реформы. Для вождей старообрядчества становилось все более ясным, что проводимые реформы были делом не только Никона, но и самого царя, который «его [Никона] не узна пронырства вражия, все его законоположения любовне держит, а отеческого своего благочестия ненавидит и держащих благочестие гонит, и томит всякими озлобленьми и мучит» [72].

Собор 1666—1667 гг. признал правильность исправления церковных книг и обрядов, осудил старые русские обряды и отлучил от церкви всех тех, кто упорствовал в их защите. Коснулся собор и главной опоры вождей старообрядчества — Стоглава, признав неправильными некоторые его постановления, в частности о двуперстии. Решения собора способствовали окончательному оформлению раскола. Рядом с церковью господствующей явилась церковь старообрядческая, враждебная не только официально признанной церкви, но и тесно связанному с ней государству, изменившему, по учению руководителей раскола, старине и введшему вместо нее на Руси новую «незнаемую веру», пропитанную «люторской, кальвинской и папежскою» ересями.

После Собора 1667 г. обострилась борьба с расколом. Свою идеологическую правоту господствующая церковь стала доказывать с помощью царской власти, обрушившей суровые кары на всех противников официальной церкви. Особенно усилились

---

[71] Там же, стр. 244.

[72] Диакон Федор. О богоотметнике Никоне достоверное свидетельство.— «Материалы для истории раскола», т. VI, М. 1881, стр. 302.

преследования старообрядцев при патриархе Иоакиме (1674—1690).

Первые годы пребывания Иоакима на патриаршем престоле совпали со знаменитым Соловецким восстанием, начатым раскольниками. Незадолго до смерти царя Алексея Михайловича, во время его болезни, патриарх, по язвительному замечанию Семена Денисова, «не толико пекийся о царстем здравии, елико о Соловецкия обители взятии» [73], побуждал правительство к принятию энергичных мер к подавлению восстания и суровой расправе с его участниками. Жестокие казни, которым были подвергнуты повстанцы после взятия Соловецкого монастыря, в известной мере были продиктованы патриархом Иоакимом. Позднее были казнены и другие вожди раскола: в 1682 г. были сожжены в Пустозерске протопоп Аввакум, дьякон Федор, Лазарь, Епифаний. При Иоакиме продолжалось исправление, перевод с греческого языка и печатание богослужебных книг. Патриарх внимательно следил за печатной продукцией — он ввел нечто вроде предварительной цензуры: перед выпуском в свет из типографии книга читалась Иоакиму и его приближенным [74]. Сам Иоаким был автором ряда противораскольничьих произведений («Увет Духовный» и др.).

Репрессии против раскола были только одной стороной борьбы церкви со своими идейными противниками. Одной из центральных задач в борьбе с расколом был его идейный разгром. Идеалогическая борьба церкви имела более широкую основу. До XVII в. церковь безраздельно господствовала в области идеологии, мировоззрения, образования. В XVII в. в русском обществе, главным образом в дворянских и посадских кругах, растет интерес к светским знаниям, к свободе мысли. Церковь вступает в борьбу со стремлением к светскому образованию и противопоставляет ему необходимость изучать книги «Священного писания» и богословскую литературу, так как только этим путем можно достичь истинного просвещения, очищения своей души от грехов и душевного спасения — главной цели земной жизни человека [75]. Борьба против светского знания объединяла господствующую церковь с ее противниками — старообрядцами. Расходясь между собою в вопросах, касающихся исправления богослужебных книг и церковно-обрядовой практики, обе церкви — господствующая и старообрядческая — согласно выступали против светского образования. Крупнейший из идеологов раскола

---

[73] П. С. Смирнов. Иоаким патриарх московский. М., 1881, стр. 60.

[74] А. А. Прозоровский. Сильвестр Медведев.— «Чтения ОИДР», 1896, кн. 3, отд. IV, стр. 165.

[75] В. О. Ключевский. Западное влияние и церковный раскол в России XVII в.— «Очерки и речи», Второй сборник статей, Пг., 1919, стр. 408—409.

протопоп Аввакум в своей «Беседе о внешней мудрости» с исключительной резкостью обрушивается на всех тех, кто интересуется астрономией и философией. «Альманашники и звездочетцы и вси зодейщики,— по его словам,— познали бога внешнею хитростию, и не яко бога почтоша и прославиша, но осуетишася своими умышленьми, уподоблятися богу своею мудростью начитающе». Это совершенно бесполезное занятие: «Платон и Пифагор, Аристотель и Диоген, Иппократ и Галин — вси сии мудри быша и во ад угодиша». В противовес этому истинные христиане, «научены быша смирению и кротости и любви нелицемерной, с верою непорочною и постом и со смиренною мудростию, живуще в трезвости, достигают не мудрости внешния — поразумевати и луннаго течения,— но на самое небо восходят смирением ко престолу царя славы и со ангелы сподобляются славити бога» [76].

Борьба против стремления к светским знаниям объединяла представителей обоих религиозных течений.

Не меньше было затрачено церковью усилий на борьбу с западным влиянием, на борьбу с некоторым сближением русского богословия с католичеством. Особенно обострилась эта борьба при патриархе Иоакиме. Сам патриарх был непримиримым врагом всего «латинского». В своем завещании он высказывал пожелание, чтобы не вводили «новых латинских иностранных обычаев, в платии премен по-иноземски», чтобы уничтожили в церквах итальянскую иконопись и т. д. [77] Патриарх враждебно относился ко всем иноземцам [78].

Резкие столкновения были у патриарха Иоакима и с Симеоном Полоцким, белорусским ученым, приглашенным царем Алексеем на службу в Москву. Основной причиной ненависти патриарха к Симеону являлось враждебное отношение Иоакима к западноевропейской культуре, которую пропагандировал Симеон. Последний руководил школой при Заиконоспасском монастыре, где обучались латинскому языку и богословским наукам молодые подьячие Приказа тайных дел, среди которых был Сильвестр Медведев и др. Не решаясь открыто выступить против Симеона, любимца царя Федора Алексеевича, а после смерти Симеона (1680 г.) против его преемника в Заиконоспасском училище Сильвестра Медведева, любимца В. В. Голицына, Софьи и Федора Леонтьевича Шакловитого, патриарх ограничивается на первых порах идеологической борьбой с «латинниками».

---

[76] РИБ, т. XXXIX, стлб. 287—290.

[77] «Материалы для истории рода дворян Савеловых», т. II, Острогожск, 1896, стр. 44.

[78] И. А. Шляпкин. Св. Дмитрий Ростовский и его время. СПб., 1891, стр. 143.

Богословские споры, вызвавшие с обеих сторон ряд пространных трактатов, долгое время не приводили ни к каким результатам. Только после падения Софьи в 1689 г. Иоаким и другие церковники, опираясь на поддержку партии Нарышкиных, расправились со своим противником. Медведев был схвачен по обвинению в участии в заговоре Ф. Л. Шакловитого на жизнь Петра I и казнен (в 1691 г.). Почти одновременно, в конце 1689 г., патриарх добивается постановления о высылке из Москвы ряда иностранцев-иезуитов [79]. В этом же году был казнен мистик К. Кульман.

Квирин Кульман приехал в Москву в апреле 1689 г. с намерением проповедовать в Русском государстве свое учение. Уроженец г. Бреславля, сын купца, по вероисповеданию лютеранина, К. Кульман увлекся мистическим учением Христофора Котера, Христины Понятовской, Николая Драбича и Стефана Мелиша, за несколько лет до этого казненных в Саксонии, Венгрии и Пресбурге. Эти учителя пророчествовали, что будут многочисленные и кровопролитные войны между христианскими и мусульманскими государствами, а после того «будет едино стадо и един пастырь», создастся новая религия, которая не будет совпадать ни с одним из существующих христианских вероучений — католичеством, греко-русским православием, лютеранством и кальвинизмом. Это вероучение будет называться езуелитским.

Когда К. Кульман принял учение названных мистиков, он начал толковать книги своих учителей, сам стал предсказывать будущее и писать и распространять книги, содержащие изложение этого учения.

В Москве К. Кульман нашел верного приверженца своих взглядов в лице московского торгового иноземца Кондратия Нордермана [80].

После трех допросов и пытки К. Кульман и К. Нордерман продолжали утверждать, что ничего противного ни вере, ни интересам Русского государства в их учении нет. Они говорили после пытки: «...те книги, о которых писано в прежних роспросех, и письма писаны о самой правде, и будет так, как в них написано, непременно, и в той своей вере и во учении умереть готовы. А за то де, что их пытают и жгут, тем людем будет великое от бога наказание; а терпят они в той своей вере по видению ангельскому» [81].

---

[79] СГГД, ч. IV, № 203, стр. 617—619.

[80] «Памятники к истории протестантства в России», собрал Дм. Цветаев.— «Чтения ОИДР», 1883, кн. 3, стр. 107, 122—124, 127—128, 142—143, 145—147.

[81] «Памятники к истории протестантства в России», стр. 144.

30 сентября 1689 г. был произнесен приговор — К. Кульман и К. Нордерман были приговорены к смертной казни через сожжение. 3 октября приговор был приведен в исполнение — К. Кульмана и К. Нордермана как еретиков сожгли в срубе на Болотной площади в Москве [82].

Воинствующая охрана православия, последовательно проводимая патриархом Иоакимом, была основной причиной преследования, возбужденного против К. Кульмана и К. Нордермана, и их казни.

Так руководство русской церкви пыталось предотвратить влияние «латинства» на умы русских людей.

Проводя последовательно политику укрепления православия внутри страны, патриарх Иоаким уделял большое внимание христианизации поволжских и сибирских народностей. В этом его всецело поддерживало правительство, так как в Среднем Поволжье, Прикамье и Сибири во второй половине XVII в. почти не прекращались волнения, вызванные усилением феодально-крепостнического гнета. Увеличение епископских кафедр в Сибири явилось одним из решительных шагов к насаждению православия на далеких окраинах страны. В соборном постановлении (ноябрь 1681 г.) прямо указывалось: «А то архиерейское вновь прибавление потребно и нужно для того, что Сибирская страна пространна и в ней множество народа, Христа не знающего... и в тех дальних местех христянская вера не разширяется» [83]. Русское правительство стремилось прежде всего христианизировать феодальную верхушку местных народностей, привлекая ее путем обещания различных льгот. По указу 1681 г. было велено у некрещеных «низовых городов у мурз и у татар» поместья и вотчины с православным крестьянским населением отписывать в казну, оставляя их лишь у тех, кто изъявит желание перейти в православие. Мордве за переход в православие обещано было, что «им во всяких податях дано будет льготы на шесть лет»; в противном же случае грозила отдача их в поместья и в вотчины некрещенным мурзам [84]. Ясачные люди должны получить льготу по уплате ясака тоже на шесть лет, если они «похотят креститца» [85]. Постановлениями 1681 г. и их старательным исполнением местными администраторами было положено начало последовательной неукоснительной христианизации поволжских и сибирских народностей. Хотя попытки насильственного крещения поволжских народностей можно

---

[82] «Приговор по делу Квирина Кульмана и Кондратия Нордермана».— «Чтения ОИДР», 1909, кн. 3, стр. 22—24.
[83] АИ, т. V, № 75, стр. 109—111; СГГД, ч. IV, № 128, стр. 391—395.
[84] ПСЗ, т. II, № 867, стр. 312—313.
[85] ДАИ, т. VIII, № 89/I

отметить и для более раннего времени, но тогда они не носили такого последовательного и систематического характера.

Чтобы бороться и с раскольниками и со сторонниками сближения Руси с Западом и проводить при этом христианизацию народностей на окраинах страны, русская церковь должна была опираться на крепкий аппарат исполнителей, подчиненных только ей. Необходимость добиться возможно большей независимости от государства диктовалась также и тем, что во главе правительства при царе Федоре и во время регентства Софьи стояли лица, не склонные отстаивать консервативно-охранительную программу патриарха. Все это объясняет характер деятельности Иоакима по укреплению церкви. Патриарх отказывается от проведения дальнейших крупных изменений в области богослужения и обрядов, но тем не менее он неоднократно подтверждал свою верность реформам Никона, продолжал исправление старых богослужебных книг и печатание новых, т. е. дело, начатое его предшественниками [86].

Иоаким стремился укрепить власть патриарха не только на основных территориях Русского государства. Он усилил контроль за религиозной жизнью на окраинах. Этой цели служило уже упомянутое увеличение епископских кафедр в Сибири. Особое внимание было обращено на церковь Левобережной Украины. В 1683 г. в Киеве по инициативе гетмана Ивана Самойловича состоялся церковный собор, выдвинувший кандидатом на пост киевского митрополита друга гетмана епископа Гедеона, князя Четвертинского. В Москву было послано торжественное посольство с просьбой принять Киевскую митрополию под власть московского патриарха, однако при этом выставлялись серьезные условия, сводившие эту власть на нет: митрополит киевский должен был именоваться экзархом Константинопольского патриарха, а Киевская митрополия считаться первой среди русских. Московский патриарх не мог вмешиваться во внутренние дела митрополии, в частности изымать из ведомства митрополии отдельные епархии и монастыри, за Киево-Печерским монастырем по-прежнему оставалось право печатания богослужебных книг и т. д. [87].

Иоаким отверг первое условие, но принял все остальные, и 7 ноября 1685 г. в Успенском соборе Гедеон был посвящен в митрополиты. Однако уступки патриарха оказались только ловким маневром. Уже вскоре Иоаким подчинил себе Черниговскую епархию, ранее подчинявшуюся киевскому митрополиту. Крупнейшие монастыри этой митрополии — Киево-Печерский (в 1688 г.), Межигорский, Полоцкий, Богоявлен-

---

[86] АИ, т. V, № 75, стр. 108—118.

[87] П. С. Смирнов. Указ. соч., стр. 177—178.

ский один за другим переходили в непосредственную зависимость от московского патриарха. Киевская митрополия постепенно теряла свою автономию, включаясь в общую систему церковной централизации.

* * *

Церковь в течение всего XVII в. сохраняла свои позиции крупнейшей феодальной организации. Политика светской власти по отношению к церкви определялась стремлением ликвидировать феодальные привилегии церкви, подчинить ее общей системе государственной централизации. Но достичь полного успеха на этом пути правительству не удалось. Церковь потеряла некоторые свои земельные владения, главным образом в городах, был несколько замедлен рост ее земельных владений вообще, но в XVII в. не удалось провести секуляризации церковных имуществ. К концу века земельные владения церкви даже несколько возросли.

Не большего успеха добилось правительство и в своем стремлении всецело подчинить церковь светской власти, в частности в области суда. Приняв в этом отношении решительные меры во время Земского собора 1648—1649 гг., создав Монастырский приказ — специальное учреждение, ведавшее делами церкви, правительство в дальнейшем, нуждаясь в идеологической поддержке церкви, влиявшей на эксплуатируемые массы в нужном для феодального государства духе, должно было уступить напору церковников — ликвидировать Монастырский приказ и восстановить старую практику церковных судов и управления монастырскими и церковными вотчинами в Приказе большого дворца.

Сохранила церковь в XVII в. и свое господство в области идеологии, в частности в области просвещения. Правда, стремление к светскому образованию, к свободе мысли, к светскому мировоззрению в XVII в. охватывало достаточно широкие круги дворянства и посадских людей, но полной победы светского образования над церковным в XVII в. еще не было. Консервативно-охранительное направление в области идеологии, особенно ярко сказавшееся во время патриаршества Иоакима, мешало этим росткам светского знания.

Полное подчинение церкви дворянскому государству и решительное ослабление позиций церкви в области идеологии возможно было только при условии ликвидации патриаршества на Руси. Это удалось осуществить лишь в начале XVIII в.

А. Н. Копылов

ТАМОЖЕННАЯ ПОЛИТИКА В СИБИРИ В XVII в.

До последнего времени таможенная политика русского правительства в Сибири в XVII в. не подверглась специальному исследованию. Лишь К. В. Базилевич в своих источниковедческих статьях о таможенных книгах отметил некоторые особенности таможенного дела в Сибири: сбор десятой пошлины, длительная задержка отмены проезжих пошлин, большое расхождение таможенных оценок товаров с рыночными ценами [1]. Он пытался охарактеризовать и порядок сбора пошлин с приезжавших в Сибирь купцов, но сделал это не совсем удачно.

Между тем неизученность таможенного дела в Сибири крайне затрудняет решение ряда важных вопросов, касающихся сибирского и общерусского рынка в XVII в. Поэтому совершенно справедливо замечание Ю. А. Тихонова, что таможенная политика в Сибири должна стать темой особого изучения [2].

Первым шагом в этом направлении является недавно опубликованная статья В. А. Александрова и Е. В. Чистяковой [3]. Авторы статьи дали в целом правильную оценку таможенной реформе конца XVII в. в общей цепи мероприятий русского феодального правительства по управлению Сибирью.

Однако в указанной статье имеется ряд спорных положений. В частности, вызывает серьезные возражения один из основных тезисов авторов о том, что изменения в организации таможен-

[1] К. В. Базилевич. Таможенные книги как источник экономической истории России.— «Проблемы источниковедения», вып. 1, М.— Л., 1933, стр. 110—129; его же. К вопросу об изучении таможенных книг XVII в.— «Проблемы источниковедения», сб. 2, М.— Л., 1936, стр. 71—89.

[2] Ю. А. Тихонов. Таможенная политика Русского государства с середины XVI в. до 60-х годов XVII в.— «Исторические записки», кн. 53. стр. 261.

[3] В. А. Александров и Е. В. Чистякова. К вопросу о таможенной политике в Сибири в период складывания всероссийского рынка (вторая половина XVII в.) — «Вопросы истории», 1959, № 2, стр. 132—143.

ных сборов, введенные в Русском государстве в середине XVII в., по ряду вопросов распространялись на Сибирь, и что таможенное дело в Сибири во второй половине XVII в. базировалось на общерусских таможенных актах: уставных грамотах 1653—1654 гг. и Новоторговом уставе 1667 г.

В действительности дело обстояло иначе. Организация таможенного дела в Сибири в первой половине XVII в. проходила на базе общерусского опыта с некоторыми отклонениями от него. Однако, когда в европейской части государства в середине XVII в. была проведена таможенная реформа (ликвидация проезжих пошлин и унификация торговых), она не затронула Сибирь; там продолжала существовать в прежнем виде вплоть до 1687 г., таможенная система, сложившаяся в первой половине XVII в. О некоторых спорных, ошибочных или требующих уточнения положениях статьи В. А. Александрова и Е. В. Чистяковой, большей частью касающихся таможенной реформы конца XVII в., будет сказано ниже, в соответствующих разделах предлагаемой статьи.

Настоящая статья имеет целью нарисовать общую картину состояния таможенного дела и таможенной политики русского правительства в Сибири в XVII в. Статья базируется главным образом на архивных материалах, хранящихся в фонде Сибирского приказа Центрального государственного архива древних актов СССР, так как изданные документы не позволяют представить таможенную политику и практику в Сибири. При этом внимание было сосредоточено в первую очередь на таких комплексах документов, как таможенные книги важнейших торговых центров Сибири XVII в., наказы таможенным головам, переписка представителей таможенной и воеводской администрации Тобольска, Енисейска, Томска, Якутска и других сибирских городов с Приказом Казанского дворца и с Сибирским приказом [4].

* * *

В наказах первым сибирским воеводам, наряду с инструкциями о «приведении под государеву руку новых землиц», сборе с них ясака, постройке острогов и заведении «государевой пашни» очень скоро появляются указания о содействии развитию сибирской торговли. Наказ тарскому воеводе князю Федору Борисовичу Елецкому от 10 февраля 1595 г. предлагал привлекать для торговли в Сибирь бухарцев и ногайцев и «береженье к ним держати... чтобы их впредь приучити» [5]. Та же мысль, но

---

[4] Управлением Сибири ведали: в XVI в.— Посольский приказ, с начала XVII в.— Приказ Казанского дворца, с 1637 г.— выделившийся из последнего Сибирский приказ.

[5] Г. Ф. Миллер. История Сибири, т. I. М.— Л., 1937, Приложение, № 17, стр. 365.

еще настойчивее проводится в специальной грамоте тюменскому воеводе князю Григорию Долгорукому от 31 августа 1596 г. о торговле в Тюмени бухарцев и ногайцев. В грамоте особенно подчеркивается беспошлинный характер их торговли: «А мы их пожаловали, велели им приходить во все сибирские городы повольно и торговать беспошлинно»[6].

По мере освоения новой территории и налаживания торговых связей с европейской частью государства и с южными соседями — казахскими и среднеазиатскими ханствами — правительство стало регламентировать сибирскую торговлю, видя в таможенных сборах важный источник поступлений в государственную казну пушнины и денежных средств. 20 сентября 1597 г. пелымский воевода князь Петр Михайлович Шаховской получил из Посольского приказа грамоту, предписывавшую брать «на государя с торговых людей десятинную пошлину с сибирских товаров, ото всякого зверя от девяти десятое — с соболей и с куниц, и с лисиц, и с бобров, и с песцов, и с белок, и с горностаев, и со всякие мягкие рухляди», а также десятую часть с привозных «русских товаров». В отписке Шаховской сообщал, что с торговых людей, с которых «десятинные пошлины мягкие рухляди на Таре и в Тоболе воеводы не имали», он взял «десятую» в Пелыме, но так как грамота прибыла в Пелым поздно, то многие торговые люди проехали, не заплатив пошлины[7]. Содержание указанной отписки позволяет предположить, что граммоты, аналогичны упоминаемой Шаховским, были посланы в 1597 г. также и в другие сибирские города и положили там начало сбору таможенных пошлин. Первоначально, как видим, это была «десятая» с привозных «руских товаров» и с «сибирского товару» — мягкой рухляди. В наказы сибирским воеводам с этого времени начинает включаться пункт об организации сбора таможенных пошлин[8].

В начале XVII в. в Сибири появляются первые таможни. В 1600 г. были построены таможенная изба и гостиный двор в Верхотурье — первом русском городе «За Каменем»[9]. В 1600 — 1603 гг. таможни появились в Тобольске, Тюмени, Таре, Сургуте, Березове, Мангазее[10].

---

[6] Г. Ф. Миллер. История Сибири, т. II. М.— Л., 1941, Приложение, № 4, стр. 150.

[7] РИБ, т. II, СПб., 1875, № 63, стр. 142—144. В издании РИБ отписка Шаховского ошибочно датирована: «1598, после 28 сентября». Как следует из текста, она послана после 28 сентября 1597 г., но не позднее 31 августа 1598 г.

[8] Г. Ф. Миллер. Указ. соч., т. I, Приложение, № 45.

[9] Там же, Приложение, № 38.

[10] ДАИ, т. II, № 30; И. Э. Фишер. Сибирская история с самого начала открытия Сибири до завоевания сей земли российским оружием. СПб., 1774, стр. 202; П. Н. Буцинский. Заселение Сибири и быт пер-

Воеводам предписывалось, построив таможни, «выбирать» «к таможенному делу» таможенных голов, придавать им штат выборных целовальников из местных «жилецких людей» (для осмотра товаров и сбора пошлин), подьячих (для ведения документальной части), служилых людей (для «управы на сильных людей и для розсылок»). Таможенные головы первоначально назначались из служилых людей, но вскоре их заменили более опытные в торговых делах выборные посадские люди. В их обязанности входил сбор таможенных пошлин и выполнение отдельных хозяйственных поручений воевод (главным образом по закупке на казенные нужды различных товаров). В европейской части государства таможенные головы часто заведовали и кружечными дворами. В Сибири только в конце века по указу от 22 ноября 1698 г. управление кружечными дворами, ранее находившееся в ведении воевод, также было передано таможенным головам [11].

С устройством таможен расширился состав таможеных сборов. Кроме «сибирского платежу» десятой пошлины, предписывалось брать в таможнях проезжие и торговые пошлины «против русских поморских городов» [12].

Устройство первых таможен явилось организационным оформлением таможенной системы Сибири.

В европейской части Русского государства воеводы не должны были вмешиваться и обычно не вмешивались в деятельность таможенных голов. Иначе обстояло дело в Сибири, где воеводы обладали широкими полномочиями по управлению всеми сторонами хозяйственной и политической жизни края, иногда вплоть до дипломатических сношений с соседними государствами. Деятельность сибирских таможенных голов до начала 20-х годов XVII в. проходила под непосредственным руководством местных воевод.

В начале XVII в. для удобства управления дальней «государевой вотчиной» некоторые функции общесибирского управления были переданы тобольским разрядным воеводам [13]. Известный сибирский администратор тобольский воевода (1623—1625 гг.) боярин кн. Юрий Яншеевич Сулешев провел ряд мероприятий, направленных на увеличение приходной части бюджета Сибири. На его «Уложение», фиксировавшее основные принципы управления Сибирью, опиралось все последующее, в том числе и таможенное, законодательство по Сибири XVII в.

вых ее насельников. Харьков, 1889; его же. К истории Сибири: Сургут, Нарым и Кецк до 1645 г. Харьков, 1893, стр. 5—12; Архив ЛОИИ, Тюменская приказная изба, оп. 2, кн. 1.

[11] ПСЗ, т. III, № 1655, стр. 517—522.

[12] Г. Ф. Миллер. Указ. соч., т. I, Приложение, № 38.

[13] С. В. Бахрушин. Научные труды, т. III, ч. 1, М., 1954, стр. 252—296.

В области таможенного дела усилия Сулешева были направлены главным образом на пресечение беспошлинной торговли и на придание некоторой самостоятельности таможенным головам [14]. По его настоянию близ Березова, на пути выхода торговых людей из Сибири в европейскую часть государства, была учреждена специальная Собская застава для проверки товаров и имущества, провозимых в Сибирь и обратно [15]. Таможенных голов в Тобольск и Верхотурье стали присылать из Казани «и из ыных понизовых городов», а в города Тобольского разряда — «лутчих» тобольских посадских людей, снабженных наказами, в которых излагались принципы и порядок взимания таможенных пошлин, их состав и размеры.

После смены Сулешева правило назначения таможенных голов из других городов стало нарушаться, а воеводы начали вмешиваться в таможенные дела больше, чем им было положено по воеводским наказам. В 1635 г. Приказ Казанского дворца констатировал, что «вступалися и владели у тех таможенных голов... воеводы, и тем чинили нашей казне многую убыль», а таможенные головы из местных посадских людей «из середних статей, а иные и из молотчих... о том им выговаривать и к нам на них писать не смеют» [16].

В Приказе было решено посылать с 1635 г. в главные центры сибирской торговли — Тобольск, Енисейск, Верхотурье, Мангазею, Томск, Сургут — таможенными головами торговых людей из поморских городов. В Тобольск были посланы головы из Вятки, в Енисейск — из Соли Вычегодской и из Соли Камской, в Томск — из Устюга Великого и т. д. [17] Наказы новым таможенным головам были выданы непосредственно из Приказа Казанского дворца. Наказы гласили, что осмотр товаров, сбор пошлин и конфискация незаконно провозимых товаров, находятся в «одноличном» ведении голов. Если же воевода «в таможенное дело учнет вступатца и тем чинити таможенному делу какую поруху и государеве казне убыль», то голова должен ему «выговаривать..., и о том ево нераденье и понаровке писати... ко государю... к Москве» [18].

Проведенное мероприятие, казалось, давало основание московским властям рассчитывать, что сибирские головы станут теперь более энергично сопротивляться злоупотреблениям местных воевод и увеличат сбор таможенных пошлин в казну. Но

---

[14] С. В. Бахрушин. Научные труды, т. III, ч. 1, М., 1954, стр. 265—273.

[15] Впервые застава на устье р. Соби была учреждена в конце XVI в., но тогда она просуществовала лишь несколько лет и была закрыта (см. там же, стр. 82).

[16] Стлб. СП, № 153, лл. 499—522.

[17] Там же, лл. 479—498, стр. 404—409; № 251, лл. 512—523.

[18] Там же, лл. 391—403.

действительность показала, что эти надежды имели под собой мало оснований.

В 1645 г. торговые и промышленные люди подали в Сибирский приказ коллективное челобитье, в котором писали, что сибирские воеводы «учинили для своего воровского умыслу и бездельные корысти заставы многие... мимо таможенных голов» и сверх таможенных пошлин с их товаров берут себе «насильством» по 3—4 руб. с сотни и более. Во избежание недоборов таможенных пошлин и чтобы им «вконец не погибнуть и промыслов своих не отбыть», челобитчики просили выдачу проезжих грамот и сбор печатных пошлин изъять из ведения воевод. 22 декабря 1645 г. по докладу боярина князя Никиты Ивановича Одоевского царь указал «проездом» торговых и промышленных людей «во всех сибирских городех, опричь Тобольска», ведать таможенным головам [19].

Изъятие «проезда» торговых и промышленных людей в Сибири из ведения воевод усилило относительную самостоятельность таможенных голов и, безусловно, способствовало сокращению помех в развитии сибирской торговли [20]. Но за сибирскими воеводами по-прежнему оставалось право надзора за исправностью несения службы таможенными головами, которые обязаны были ежемесячно или «как удобнее по делу» относить воеводе в съезжую избу таможенные книги, мягкую рухлядь и деньги и давать финансовый отчет. Воеводы, обладавшие большой военно-административной и финансовой властью, продолжали притеснять торговых людей.

* * *

С первых шагов организации таможенной службы в Сибири правительство стремилось ввести сибирскую торговлю в строгие рамки регламентации.

С целью борьбы с уклонением от уплаты пошлины и уменьшением поступления ясака уже в 1597 г. в первых грамотах о сборе десятой пошлины Посольский приказ предписывал воеводам не отпускать торговых людей в ясачные зимовья до окончания сбора ясака, а тем, кого отпустят «после ясаку торговати», велеть являться в сибирских городах «и объявляти свои товары,

---

[19] Стлб. СП, № 251, лл. 227—243. Уставные грамоты, зафиксировавшие новый порядок «проезда» в Сибири, были разосланы во все сибирские города в январе-феврале 1646 г. (Стлб. СП, № 251, лл. 99—266; ДАИ, т. III, № 9; АИ, т. IV, № 8).

[20] Воеводам Кетского и Нарымского острогов по уставной грамоте вообще было запрещено останавливать проезжих торговых и промышленных людей, так как в этих острогах не было таможен, а взимание проезжих пошлин за Кетский и Нарымский остроги было поручено сургутскому таможенному голове (ДАИ, т. III, № 9).

чтоб они с товаров... десятинные пошлины не провозили, платили» [21]. С постройкой первых таможенных изб торговля с ясачными людьми стала разрешаться только на гостиных дворах после сбора ясака, а «в юртах и по речкам» запрещалась под угрозой конфискации имущества и строгого наказания (смертной казни). Это положение подтвердила и сибирская таможенная уставная грамота 1646 г. [22] Но его нелегко было провести в жизнь, так как русские издавна торговали с местным населением [23].

Угроза смертной казнью [24] на практике оставалась на бумаге, но «пенную рухлядь» за торговлю до окончания сбора ясака брали довольно часто. В этом отношении типична запись енисейской «соболиной десятинной» книги от 7 ноября 1626 г., в которой говорится, что по сыску воеводы Андрея Ошанина у промышленных людей Карпа Дементьева и Ивана Шаламова «на государя пенных взято 7 соболей, что оне купили преж государева ясаку на Кете у остяков у Тепетейка с товарыщи» [25].

Особенно сложно обстояло дело с запрещением торговать в ясачных волостях вообще. Воеводам и таможенным головам время от времени напоминали из Москвы о необходимости проводить его в жизнь. В 1651 г. якутский воевода Дмитрий Андреевич Францбеков доносил в Сибирский приказ, что он взял у торговых и промышленных людей «на государя» по «извету» промышленного человека Юрия Селиверстова «иноземского промыслу» 522 соболя, потому «что по твоему государеву указу ясачных иноземцев оторговливать торговым и промышленным людям не велено» [26]. Однако на практике запретить торговлю в ясачных волостях было чрезвычайно трудно. Ежегодно из Мангазеи, Енисейска, Якутска и других городов шли на соболиные промыслы сотни русских торговых и промышленных людей и их «покручеников». Многие из них везли с собой крупные партии «русских товаров» и хлебных запасов, а возвращались с боль-

---

[21] РИБ, т. II, № 63, стр. 144.

[22] Сибирская таможенная уставная грамота 1646 г. предписывала воеводам и таможенным головам широко оповещать через бирючей (глашатаев) торговых, промышленных, служилых и «всяких» людей Сибири «чтоб они меж городов с ясачными людьми ни на какие товары не торговали, и мяхкие рухледи у них не покупали; а торговали б в городех после ясачного збору на гостиных дворех по-прежнему, чтоб в том таможенная пошлина не терялась» (Стлб. СП, № 251, лл. 241—242; ДАИ, т. III, № 9; АИ, т. IV, № 8).

[23] РИБ, т. II, № 77, стр. 165—168.

[24] Там же, стр. 168—169.

[25] СП, оп. 5, д. 12, л. 2—2 об.

[26] Стлб. СП, № 422, лл. 224—226. Термин «иноземцы» употреблялся в XVII в. в Сибири по отношению ко всем нерусским народностям. В данном случае речь идет о местном ясачном населении, у которого торговые и промышленные люди приобретали соболей.

шим количеством пушного зверя, добытого частью промыслом, частью путем перекупки у таких же промышленников или у местных ясачных людей. И трудно, порою невозможно, было разобраться, каким путем приобретен тот или иной мех, да и не всегда это старались в таможне выяснить, так как и с перекупной и с промышленной пушнины в одинаковой мере на явке в таможне владелец должен был уплатить десятую пошлину.

Служилые люди — сборщики ясака также привозили и являли для уплаты десятой пошлины пушнину, купленную или добытую иными путями у ясачных людей. Воеводы и таможенные головы подходили к этим фактам не везде одинаково; да и Сибирский приказ давал местным властям иногда сбивчивые, разноречивые указания о том, как поступать в таких случаях [27].

На практике запрещение сборщикам ясака торговать с ясачными людьми соблюдалось в Сибири не всегда и не везде. Доходы казны от ясака и сибирской торговли росли по мере расширения освоенной территории Сибири и развития там торговли, а также в силу сокращения возможностей беспошлинного вывоза из Сибири мехов в результате создания цепи таможен во всех основных центрах Сибири и специальных застав близ Верхотурья и Березова на путях выхода в европейскую часть государства. Все это привело к ослаблению в середине века запретительной политики правительства в торговле в ясачных областях и к указанным колебаниям при ее проведении. В таможенных книгах 40—70-х годов Пелыма, Сургута и Березова довольно часто встречаются записи о взятии десятой пошлины у торговых и промышленных людей с мягкой рухляди, которую они покупали, «едучи по дороге у ясашных людей». В это время о запрещении торговать в ясачных волостях вспоминали обычно лишь тогда, когда в том или ином районе остро вставал вопрос о недоимках ясака. Положение изменилось с середины 80-х годов, когда правительство перешло к резкой запретительной политике в области сибирской пушной торговли.

Заботясь о регулярном сборе ясака и о том, чтобы ясачных людей «не ожесточити и не отбити от государя», правительство с самого начала организации таможенной службы в Сибири освободило ясачных людей от уплаты таможенных пошлин. В наказе 1601 г. мангазейским воеводам предписывалось «с мангазейской и с енисейской самояди и с иных тутошных с мангазейских и с енисейских людей до государева... указу с товаров с их пошлины не имать» [28]. Этой установки сибирская администрация придерживалась на протяжении всего

---

[27] Стлб. СП, № 112, л. 580; № 259, лл. 686—689; № 307, лл. 294—301.
[28] Г. Ф. Миллер. Указ. соч., т. I, Приложение, № 45.

XVII в. Беспошлинный характер торговли ясачных людей подтверждается записями таможенных книг Пелыма, Сургута, Томска и других сибирских городов. Для пелымских книг типична запись о «невзятии» десятой пошлины «за продавцов» с перекупной пушнины у торговых людей на том основании, что она куплена у ясачных людей, а с последних «пошлин имать не повелось»[29]. Аналогичная картина с уплатой пошерстной, роговой и других пошлин наблюдается в Томске, Сургуте и других городах. Правда, кое-где, как, например, в Енисейске, у торговых людей обязательно брали вторую десятую пошлину за продавцов с «глухой» (без явки продавца на запись) мягкой рухляди, купленной «розницею у всяких людей». Это было продиктовано стремлением не допустить беспошлинной торговли «всяких русских людей». Но и в этом случае в таможенных книгах нет записей о взимании пошлины с ясачных людей.

Более того, в Сибири продолжительное время не брали никаких таможенных пошлин со служилых людей из местного нерусского населения на основании их «иноземского» происхождения[30].

Выше уже отмечалось, что русское правительство в конце XVI в., заботясь о привлечении в Сибирь бухарских и ногайских купцов, первоначально разрешало им беспошлинную торговлю. Несколько позднее пошлины с них стали брать, но на протяжении всего XVII в. бухарские и ногайские купцы пользовались льготными условиями торговли по сравнению с русскими. С их привозных товаров брали главную пошлину не «десятую», как у русских торговых людей, а «двадцатую». По таможенным статьям 1693 г., когда первостепенное значение в Сибири стала приобретать русско-китайская торговля через Восточную Сибирь, с товаров бухарских купцов при первом приезде стали брать «двадцатую», а при последующих «десятую», как и у русских[31].

Торговлю наиболее ценными видами сибирских мехов правительство стремилось монополизировать в своих руках[32]. Наказы сибирским таможенным головам 30—40-х годов уже обязательно имели пункт: «А самые добрые соболи и лисицы черные и чернобурые и бурые и бобры черные у ково объявятца у служивых и у торговых и у промышленных людей, или у их покручеников на промыслу будут, и то все имати на государя», ценить «тамошнею ценою» и выдавать за них из казны деньги[33].

---

[29] Кн. СП, № 552, л. 167 и др.

[30] Стлб. СП, № 53, лл. 125—128.

[31] Кн. СП, № 1031, лл. 34—49 об.

[32] Кн. СП, № 1, лл. 56 об.—61; № 1031, лл. 27—28; № 355, ч. 1, лл. 253—254; № 53, л. 793.

[33] Стлб. СП, № 153, лл. 33—34; № 89, лл. 538, 561.

В 1697 г. в связи с упадком пушных промыслов частным лицам в Сибири было вообще запрещено покупать соболей [34].

В годы наибольшего поступления мехов из Сибири (40—70-е годы) в Сибирском приказе часто скапливалось большое количество пушнины, не находившей достаточного сбыта, и правительство временами приостанавливало покупку в казну тех или иных видов мягкой рухляди [35].

С целью ограждения казны от недоборов пошлин и ясака из-за злоупотреблений должностных лиц в Сибири запрещалась торговля воеводам, дьякам, подьячим «с приписью» и приказным людям, управлявшим отдельными частями воеводств, а также таможенным головам (и их родственникам) в городах, где они исполняли службу. Торговать в Сибири, «наживать» пушнину и вывозить ее «на Русь» первоначально запрещалось и всем служилым людям. Мотивировалось это тем, что они находятся в Сибири «на государеве службе, а не для своего торгового промыслу» [36]. Однако очень скоро торговля служилых людей в Сибири стала регламентироваться правилом: «...своими пожитками им в Сибири торговать и наши таможенные пошлины платить, как в котором городе таможенные пошлины платити им указано» [37].

В Сибири служилые люди торговали в более или менее крупных размерах всегда, широко используя с этой целью служебные поездки в ясачные волости и в Москву. При этом они пользовались среди местных русских жителей наибольшими льготами в уплате пошлин. При системе дифференцированного обложения служилые люди платили пошлины по самым низким ставкам, а при торговле в своем уезде зачастую получали еще дополнительные льготы. Так, например, сургутские служилые люди, по грамоте от 23 февраля 1601 г., были освобождены от уплаты пошлин с торговли до одного рубля [38]. В Верхотурье местные служилые люди в 40-х годах XVII в. освобождались от уплаты пошлин с двух первых, полученных от продажи какого-либо товара, рублей, так как с них «с первой продажи з дву рублев по государеву указу пошлин имать не велено» [39]. В Мангазее в начале 80-х годов у служилых людей — сборщиков ясака при явке с мягкой рухлядью десятую пошлину брали также за вычетом из общей оценки двух рублей [40]. В Енисейске

---

[34] Кн. СП, № 1265, лл. 2—5; Стлб. СП, № 1330, л. 100; АИ, т. V, № 260.

[35] Стлб. СП, № 307, лл. 232—236.

[36] См., например, Г. Ф. Миллер. Указ. соч., т. I, Приложение № 17, стр. 366.

[37] Стлб. СП, № 251, л. 233.

[38] Кн. СП, № 1, лл. 112—113; Н. Н. Оглоблин. Обозрение столбцов и книг Сибирского приказа, т. 3. М., 1900, стр. 213.

[39] Кн. СП, № 232, л. 1 об.

[40] Кн. СП, № 623, л. 486.

в середине века служилым людям разрешалась беспошлинная мелочная торговля на сумму до одного рубля [41].

В Сибири, как правило, не облагались таможенными пошлинами небольшие торговые сделки духовенства «на казенный церковный (монастырский) обиход», торговля «божьей», т. е. пожертвованной в церковь или монастырь, пушниной, приобретение «на церковный обиход» свечей, ладана, холстов, бумаги, икон, посуды и т. д.

Мероприятия правительства в области регулирования сибирской торговли, диктуемые интересами государственного фиска, были направлены здесь главным образом на сохранение высоких доходов казны от ясака, на борьбу с утечкой таможенных пошлин, на защиту монополии казны торговать лучшими видами сибирской пушнины. При этом некоторым категориям сибирского населения предоставлялись льготы в уплате таможенных пошлин. Льготы для служилых людей, церквей и монастырей имели под собой социальную основу. Льготы ясачных людей были обусловлены, с одной стороны, необходимостью поддерживать их платежеспособность, с другой,— стремлением удержать их «от шатости и измены».

* * *

Русское государство в период присоединения к нему Сибири имело унаследованную от эпохи феодальной раздробленности сложную таможенную систему с массой внутренних таможенных перегородок. Проезжие пошлины, неравенство иногородних и местных жителей в отношении таможенных сборов, географический разнобой во взимании одних и тех же пошлин становились тормозом на пути дальнейшего экономического развития. Рост товарно-денежных отношений, внутренней и внешней торговли, начавшийся процесс консолидации отдельных областных рынков в единый всероссийский привели в середине XVII в. к серьезным изменениям в таможенной политике — к ликвидации системы проезжих пошлин и унификации таможенных сборов путем введения единой рублевой пошлины. Эти изменения были провозглашены Уставной таможенной грамотой 1653 г. и закреплены Новоторговым уставом 1667 г.

Таможенная система Сибири, естественно, не могла не отразить состояния и эволюции таможенного дела в Русском государстве. С другой стороны, организация таможенной службы в Сибири проходила в условиях, отличных от существовавших в то время в европейской части государства. Здесь не было исторически сложившихся местных традиций таможенного обложения, ибо товарное хозяйство и торговля складывались вместе с

[41] Стлб. СП, № 426, л. 362.

русской колонизацией, а царское правительство смотрело на новую «вотчину», как на источник увеличения доходов. Все это наложило своеобразный отпечаток на таможенную систему Сибири. Таможенная система, сложившаяся в первые десятилетия XVII в. в Западной Сибири, по мере продвижения русской колонизации на восток распространялась на новые территории. При этом в Тобольском разряде таможенные пошлины предписывалось брать «против тобольского», в Томском — «против томского», а на территориях, расположенных восточнее Енисейска — «против енисейского».

Как отмечалось выше, таможенные пошлины начали взиматься в Сибири с конца XVI в., а в первом десятилетии XVII в. таможенная система Сибири организационно оформилась. В Тюмене, например, в самом начале XVII в. было уже 9 видов таможенных сборов — десятая, рублевая, роговая, пошерстная, весчая, померная, явчая, печатная и полозовая пошлины [42]. В городах и острогах образованного в 1629 г. Томского разряда брали в начале 30-х годов следующие таможенные пошлины: десятую, записную, рублевую, перекупную, роговую, пошерстную, постоялую (избную), амбарную (полавочную), пóлковую, померную, весчую, печатную, указной оброк, проезжие и отъезжие с товаров и людей [43]. Не трудно заметить, что Сибири было свойственно то же многообразие таможенных сборов, которое отмечают исследователи таможенной системы Русского государства XVI—XVII вв. В середине 80-х годов XVII в., накануне проведения таможенной реформы в Сибири, здесь было около трех десятков различных таможенных пошлин. Среди них следует выделить две основных группы пошлин — торговые и проезжие. Кроме того, существовали пошлины, связанные обслуживанием торговли и проезда.

Группу торговых пошлин в Сибири составляли: десятая, двадцатая, рублевая, записная, перекупная, записная головщина, пошерстная, роговая, полковая. В группу пошлин, связанных с обслуживанием, входили: весчая, подъемная, померная, постоялая (избная), амбарная (полавочная), банная, сенная. Проезжие пошлины были трех видов: а) поголовные сборы с людей за приезд, отъезд, проезд (указной оброк, поголовный сбор, явчая головщина, отъезжая головщина, проезжая головщина); б) сборы за провоз товаров (отъезжая с товаров, проезжая с товаров, печатная); в) сборы с владельцев транспортных средств за приезд, отъезд, проезд (полозовая, вьючная, посаженная).

Первой по времени введения и главной по значимости была десятая пошлина, единая на территории всей Сибири и своим

---

[42] Архив ЛОИИ, Тюменская приказная изба, оп. 2, кн. 1.
[43] Стлб. СП, № 153, лл. 631—650.

размером превышавшая все другие сборы, вместе взятые. Инициаторы введения десятой пошлины мыслили ее как особый десятипроцентный сбор: а) за промысел сибирской пушнины и б) за право торговли в Сибири привозными «русскими товарами». Позднее, по мере экономического развития Сибири, десятая стала распространяться на товары местного происхождения, в первую очередь на промысловые (соль, хмель, рыба), и привозные из других уездов (скот).

Для правильного понимания особенностей взимания таможенных пошлин в Сибири мы должны помнить о сложной природе десятой пошлины, соединявшей в себе промысловые, торговые и проезжие сборы. В глазах современников она была единой пошлиной с «торгового», «соболиного», «соляного», «рыбного» и др. «промыслов» русских людей в Сибири. Владелец «товарных денег» [44] имел право купить в отвоз любой товар, не платя за него снова десятую пошлину ни при продаже в Сибири, ни при вывозе «к Русе». В данном случае действовало общее правило русской таможенной системы: покупка на «товарные деньги» не подлежала обложению таможенной пошлиной. Однако пошлины, уплаченные в европейской части государства, не засчитывались в Сибири, и все привозные товары и деньги подлежали здесь обязательной оплате десятой и другими местными пошлинами.

Это свидетельствует о том, что царское правительство с самого начала организации таможенной службы в Сибири установило в фискальных целях внутригосударственный таможенный барьер.

Брали десятую пошлину натурой (с пушнины и с иностранных товаров — китайских, бухарских) или деньгами (с денег, привозных «русских» и местных товаров). При этом фактический сбор ее обычно превышал 10%, так как таможенная оценка товаров в Сибири, как правило, была выше продажной цены [45], а пушнину в казну отбирали лучших сортов, хотя формально существовало указание брать «от девяти десятой зверь... от лутчего лутчей, от середнего середней».

Как выше отмечалось, с привозных товаров у бухарских купцов брали не «десятую», а «двадцатую» — пятипроцентный сбор. Фактически «двадцатая» являлась разновидностью десятой пошлины, так как выполняла те же самые функции при сборе пошлин с иностранных купцов, что и «десятая» при сборе пошлин с русских купцов.

---

[44] «Товарные деньги» — деньги, полученные от продажи привозных товаров или сибирской пушнины, за которые уплачена десятая пошлина.

[45] К. В. Базилевич. К вопросу об изучении таможенных книг XVII в., стр. 83—89.

За продажу сибирских товаров, не облагавшихся в данном уезде «десятой», брали рублевую пошлину. Платил рублевую пошлину обычно только продавец. Но иногда ее брали и у продавца и у покупателя. В Туринске, например, при продаже дворовых строений брали рублевую у продавцов по 10 д. с рубля, да у покупателей по 4 д. с рубля [46].

Продавцы пушнины и привозных товаров (китайских, бухарских, «русских»), оплаченных десятой или двадцатой пошлиной, должны были платить еще записную пошлину. При этом с сибирских товаров (кроме пушнины), «очищенных» десятой пошлиной, записную пошлину не брали, а записная пошлина с продавцов привозных товаров взималась не везде и постепенно исчезла вообще; зато сбор записной пошлины с продажи пушнины, подлежавшей записи в особых книгах «соболиной продажи», был одним из самых устойчивых [47]. Необходимо заметить, что названия пошлин «записная» и «рублевая» далеко не всегда различались, так как ставки для их сбора в одном и том же городе в большинстве случаев были одинаковыми [48].

Покупатели привозных «русских товаров» на предмет перепродажи их в розницу платили перекупную пошлину; взималась она, как правило, в конце года с общего оборота торговца [49].

Записную головщину брали с покупателей «ясыря» [50]. При этом с продавцов «ясыря» брали десятую (с русских подданных) или двадцатую пошлину (с бухарских купцов).

Поперстную пошлину платили покупатели лошадей, а роговую — покупатели крупного рогатого скота. Продавцы этих же лошадей и рогатого скота платили рублевую или десятую пошлину (в зависимости от местных таможенных правил). Поперстная и роговая пошлины взимались также при обмене рогатого скота и лошадей без придачи. В случае обмена с придачей, с

---

[46] Кн. СП, № 876.

[47] Такое положение следует объяснять тем, что по мере развития местного сибирского хозяйства и вовлечения в сферу обложения десятой пошлиной все более широкого круга местных товаров, десятая с товаров приобретала характер чисто торговой пошлины (за право торговли); в то же время десятая, взимавшаяся с пушнины «за промысел», в значительной мере сохраняла значение промысловой пошлины, а поэтому за право продажи пушнины и взималась дополнительная торговая пошлина — записная.

[48] Так, например, в Енисейске и рублевая и записная пошлины назывались записной, хотя сбор записной пошлины с продажи пушнины регистрировался в особых книгах «соболиной продажи».

[49] Сумму общего оборота определяли представители таможенной администрации, очевидно, по соглашению с самим торговцем. Это создавало большие возможности для вымогательств.

[50] «Ясырь» — невольники, которые привозились в Сибирь на продажу среднеазиатскими купцами, и лица, захваченные в плен сибирскими служилыми и «охочими» людьми во время походов в «немирные неясачные землицы».

разницы цен брали рублевую или десятую пошлину (в зависимости от правил взимания пошлин в данном уезде). Аналогично рублевую или десятую пошлину брали с придачи при обмене дворовыми строениями. Обмен же дворовых строений без придачи обычно никакими пошлинами не облагался.

С мелких торговцев «харчем» брали по́лковое — ежедневный сбор.

Перейдем к пошлинам, связанным с обслуживанием.

Весчую брали с владельцев «весчих» товаров (хмель, соль, воск, хлеб, железо и др.) за взвешивание на казенных весах при продаже или при отъезде из данного пункта [51]. За валовое взвешивание других («невесчих») товаров при отъезде («за прикидку на контаре») брали подъемную пошлину. Померную брали за обязательное измерение при продаже хлебных припасов (рожь, овес, ячмень и др.) казенной мерой. Продажа развесных и рассыпных товаров «не в казенную меру» и «не в государев вес», т. е. без взвешивания на казенных весах и без измерения казенной мерой, запрещалась во избежание беспошлинной торговли.

Постоялую (избную) платили торговые люди за постой на гостином дворе, амбарную (полавочную) — за хранение товаров и торговлю ими в казенных лавках. При этом постоялая и амбарная пошлины обычно взимались и в том случае, если торговый человек не останавливался на гостином дворе и не складывал товары в «государевых амбарах», а торговал в «наемных лавках».

Банную пошлину брали со всех проезжающих в Березове, а с 1647 г. стали брать и в Сургуте, но здесь только с гулящих и промышленных людей. Формально она как будто относится к пошлинам, связанным с обслуживанием. Например, в Березове с каждого проезжего брали по 2 д., очевидно, за пользование казенной баней. Но сбор банной в Сургуте «в дрова, и в веники, и в поленья» с гулящих и промышленных людей по 8 алт. 2 д. с человека, да с них же за Нарымский и Кетский остроги, где проезжие люди не останавливались, по 4 алт. 2 д. за каждый острог, говорит о том, что фактически здесь банная пошлина выступала как проезжая. Такой же характер имела и сенная пошлина с торговых людей в Верхотурье, где с каждого проезжего торгового человека брали по 40 д. за корм лошадей казенным сеном, хотя торговые люди, как правило, этим сеном не пользовались.

Довольно большую группу составляли проезжие пошлины. С людей на явке в таможне брали за приезд — явочную («головщина», «поголовное»), за проезд транзитом — проезжую, за отъ-

[51] В начале XVII в. весчую брали и с продавцов и с покупателей. К 40-м годам с покупателей ее уже не брали. Лишь в Якутске сбор весчей пошлины с покупателей сохранился вплоть до 80-х годов, но и здесь брали его в это время у продавцов с отметкой «за покупателей».

езд — отъезжую; кроме того, торговые, промышленные и гулящие люди платили в одном из сибирских городов указной оброк — ежегодный поголовный сбор. С денег и с товаров по таможенной оценке с цены брали проезжую и отъезжую пошлины, а с мягкой рухляди — только отъезжую с соболей [52]. Кроме того, при выдаче проезжей грамоты у владельца товаров, пушнины, денег брали с общей оценки печатную пошлину [53]. Владельцы судов (дощаников, каюков, лодок) при приезде, отъезде или при проезде платили посаженную пошлину, а ехавшие на лошадях — полозовую (с саней), или вьючную (с верховых лошадей). В Мангазее существовал так называемый поголовный сбор. Его полное название «оброк и поголовные деньги и отъезжие пошлины вместо прежних мирских зборов». Брали поголовный сбор с торговых и промышленных людей, а также с их работных людей при отъезде в другой город или «к Русе». Как видно, под названием «поголовный сбор» в Мангазее было объединено несколько видов проезжих пошлин.

По составу пошлин таможенная система Сибири имела большое сходство с таможенной системой европейской части государства, так как строилась, в основном, «применяясь» к образцам «русских и поморских городов». Вместе с тем имелось и существенное отличие, вытекавшее из колониального положения этой дальней «государевой вотчины».

Казна получала большое количество сибирской пушнины путем обложения местного нерусского населения ясаком. Но еще больше пушнины вывозили из Сибири торговые люди. Известно, что многие представители крупного купеческого капитала (гости Гаврила Романов Никитин, братья Филатьевы, Надея Андреев Светешников и др.) в результате неэквивалентного обмена наживали на сибирской пушной торговле большие состояния. Феодальное правительство, стремясь часть доходов от сибирской торговли перекачать в казну, ввело здесь особую десятую пошлину, отсутствовавшую в европейской части государства. Доходы от десятой — главной сибирской пошлины — составляли львиную долю всех таможенных сборов в Сибири вместе взятых. Десятая пошлина была значительно тяжелее основной торговой пошлины европейской части Русского государства — рублевой, которая в XVI — первой половине XVII в. находилась в основном на уровне 4—5 д. с рубля и никогда не поднималась выше пяти процентов (10 д. с рубля) [54].

---

[52] В первой половине XVII в. отъезжую с мягкой рухляди брали только с соболей, а позднее стали брать и с некоторых других видов пушнины (например, с песцов).

[53] До 1647 г. проезжие грамоты выдавали и брали печатную пошлину в приказной избе, а позже, по Уставной грамоте 1646 г.,— в таможне.

[54] См. Ю. А. Тихонов. Указ. соч., стр. 264—265, таблицы 1 и 2.

Вводя в своих фискальных интересах десятую пошлину, правительство поставило таможенный барьер между европейской частью Русского государства и Сибирью и этим обеспечило на определенный период времени высокие доходы казны. С другой стороны, освобождая на некоторое время предметы местного производства, сельского хозяйства и ремесла, от обложения десятой пошлиной, оно способствовало развитию местного хозяйства, облегчало сибирским товаропроизводителям конкурентную борьбу на сибирском рынке с торговыми людьми «русских» и поморских городов. Наконец, введение единого сбора десятой пошлины на территории всей Сибири в некоторой мере являлось отражением новой тенденции в таможенной политике XVII в. и объективно было шагом вперед по пути унификации таможенной системы.

* * *

Прежде чем анализировать состав пошлин в отдельных сибирских городах и эволюцию таможенной системы Сибири в XVII в., необходимо разобраться в общей организации там сбора таможенных пошлин. При изложении данного вопроса нельзя пройти мимо ошибочного утверждения К. В. Базилевича, что «торговые люди, приезжавшие с товарами с «Руси», обычно полностью уплачивали десятинную пошлину в одном из ближайших сибирских городов, чаще всего в Верхотурье или в Тобольске», а далее платили лишь десятую с разницы оценок таможен [55]. На самом деле десятину с «русских товаров» в Верхотурье и Тобольске брали далеко не всегда; ее брали в том городе, где владелец товаров останавливался торговать.

Сбор пошлин в Сибири до таможенной реформы конца XVII в. выглядел следующим образом. Владелец товаров, ехавший в Сибирь для торговли и промыслов, являл свои товары в первом сибирском городе (Верхотурье или на Собской заставе близ Березова) для осмотра и оценки. Если он ехал проездом далее, а это было чаще всего, то получал проезжую грамоту, уплатив за грамоту печатную пошлину (с оценки товаров) и проезжие пошлины (с количества людей, с оценки товаров, со средств передвижения). В случае остановки здесь для торговли, владелец товаров платил явчую и десятую пошлины, а также постоялую (избную), амбарную (полавочную), весчую, померную и некоторые другие сборы за торговлю и обслуживание. В главных центрах обмена привозных товаров на сибирскую пушнину (Енисейск, Илимск, Якутск и другие) большинство пошлин

---

[55] К. В. Базилевич. К вопросу об изучении таможенных книг XVII в., стр. 76.

(в том числе десятую, постоялую, амбарную, весчую) брали при отъезде «исторговавшегося» с пушниной «к Русе». Выше отмечалось, что с привозных «русских» товаров брали десятую по оценке деньгами. Но если продавец привозных товаров на вырученные деньги покупал пушнину, то у него «десятую за деньги с русских товаров» обычно брали пушниной.

При отъезде в другой город владелец товаров, оставшихся от продажи или купленных для вывоза, платил печатную и отъезжие пошлины (с людей, товаров, транспорта), а в следующем городе — явчую, десятую (если она не была уплачена в предыдущем городе) или десятую «с приценки» по местной таможенной оценке.

Владельцы промысловой, или покупной, неявленной пушнины в таможне при явке платили явчую, а с пушнины — «десятую за промысел». При продаже этой пушнины они платили еще записную пошлину, а при отъезде с ней — печатную (с оценки пушнины) и отъезжие пошлины (с людей, пушнины, средств передвижения). При транзитном проезде владельцы пушнины платили только проезжую пошлину с людей и со средств передвижения.

С «нетоварных» денег, явленных на покупку пушнины, товаров и продовольствия с целью отвоза на промыслы, в другой сибирский город или в европейскую часть государства, в том числе с денег, «выбранных из долгов», брали десятую пошлину [56].

Таблица 1 (стр. 348) дает картину сбора таможенных пошлин в Енисейске — одном из крупнейших центров сибирской торговли XVII в.

Какие же изменения в составе и сборе отдельных видов пошлин произошли в Енисейске от 1635 г. до сибирской таможенной реформы 80-х годов XVII в.?

Состав пошлин за указанный период претерпел лишь небольшие изменения в сторону их количественного увеличения. Ни одна из пошлин, взимавшихся в 1635 г., не исчезла позднее. К 1645 г. появились сборы явчей головщины, проезжей головщины, проезжей за товары и посаженной пошлины. Явчая головщина взималась по 1 алт. с каждого приезжего человека, проезжая головщина по гривне с владельцев пушнины, ехавших транзитом по якутским, илимским, мангазейским и красноярским проезжим грамотам, проезжая за товары — по 4 д. с рубля цены у владельцев транзитных товаров и денег, посаженная — по гривне с сажени длины судна у владельцев судов при отъезде или при проезде через Енисейск.

---

[56] С долговых денег десятую пошлину не брали, если достоверно устанавливалось, что они получены за «заемные» товары, оплаченные десятой пошлиной.

Таблица 1*

Виды и ставки таможенных пошлин в Енисейске

Пошлины	Ставки для сбора пошлин (в деньгах)	
	1635 г.	1645—1687 гг.
Десятая (с рубля)	20	20
Рублевая (с рубля)	2 (6)**	2 (6) **
Записная (с рубля)	2 (6)**	2 (6) **
Перекупная (с рубля)	6	6
Пошерстная (с лошади)	6	6
Роговая (с головы рогат. скота)	12	12
Пòлковая (за день)	2	Нет сведений
Весчая (с пуда)	3	
Подъемная (с 30 пудов—воза)	6	Нет сведений
Померная (с 4-пудовой четверти)	4	Нет сведений
Постоялая, избная (за год)	200	200
Амбарная, полавочная (за неделю)	8	8
Указной оброк (с человека)	50	50
Явчая головщина, поголовная (с человека)	—	6
Отъезжая головщина (с человека)	4	4
Проезжая головщина (с человека)	—	20
Отъезжая с товаров (с рубля)	4	4
Отъезжая с пушнины, с соболей (с 40 шкурок)	4	4
» с песцов (с рубля)	—	4
Проезжая с товаров (с рубля)	—	4
Печатная (с рубля)	1	1
Посаженная (с сажени судна)	—	20

* Составлена по данным таможенных наказов, таможенных книг и переписки.— Кн. СП, №№ 187, 198, 233, 316, 349, 383, 384, 402, 416, 429, 446, 457, 468, 483, 494, 505, 508, 921, 951; Стлб. СП, №№ 153, 254, 930.

** В скобках указан размер пошлины, уплачиваемой посадскими и иногородними людьми, без скобок — служилыми людьми и крестьянами.

Появление новых для Енисейска пошлин было связано в первую очередь с освоением новых территорий восточнее Енисейска и с интенсификацией экономической жизни края. Так, появление проезжей головщины связано непосредственно с образованием в 1639—1640 гг. нового Якутского воеводства. До образования Якутского воеводства Енисейск для владельцев пушнины, добытой восточнее, не являлся транзитным пунктом, так как вся Восточная Сибирь находилась в непосредственном ведении енисейских воевод. Поэтому до начала 40-х годов деся-

тую и другие пошлины эти владельцы пушнины платили в Енисейске и здесь получали проезжие грамоты для выезда на Русь. Безусловно, появление новых пошлин находилось также в прямой связи с поисками путей увеличения доходов казны.

В сборе отдельных видов пошлин постепенно происходили качественные изменения. Десятая распространилась на некоторые виды товаров, с которых в 1635 г. ее не взимали. К 1645 г. десятую пошлину стали брать с рыбы, хмеля, соли, пригонного рогатого скота[57], а к 1666 г.— с речных судов. Соответственно сокращался круг товаров, за продажу которых брали рублевую пошлину, так как по мере перехода местных товаров в число облагаемых десятой пошлиной, с них прекращали сбор рублевой. Местное население теряло льготы в уплате отдельных видов пошлин. Так, енисейские «государевы пашенные крестьяне», платившие при продаже пушнины в 30—40-е годы наравне с енисейскими служилыми людьми уменьшенную записную пошлину 2 д. с рубля, к 1657 г. стали платить ее наравне с посадскими и иногородними людьми по 6 д. с рубля.

На более широкий круг пушных товаров распространился сбор отъезжей пошлины. Если первоначально ее брали по 4 д. с 40 соболей, а с остальной пушнины не брали, то к 1656 г. стали брать еще с песцов, но не с количества шкурок (как с соболей), а по оценке 4 д. с рубля (как с товаров).

Политика изыскания новых статей обложения и повышения ставок таможенных пошлин путем лишения льгот отдельных категорий местного населения и распространения десятой пошлины на новые виды товаров диктовалась интересами государственного фиска, а базировалась на достижениях экономического развития края.

Печатную пошлину за проезжую грамоту (по 1 д. с рубля общей цены товаров, пушнины, денег) до 1647 г. брали независимо от суммы товаров. По сибирской Уставной таможенной грамоте 1646 г. для бестоварных людей и людей, везших товаров менее чем на 20 р. был установлен минимум печатной пошлины — за проезжую грамоту одна гривна с человека[58]. Весчую в 1635 г.

---

[57] С «домокормленого» рогатого скота и лошадей у енисейских жителей по-прежнему брали рублевую пошлину, а не десятую.

[58] Неправильно поняв назначение минимума печатной пошлины, установленного грамотой 1646 г., В. Н. Шерстобоев ошибочно считает, что в Сибири XVII в. существовало правило беспошлинного провоза товаров, денег и хлеба на сумму до 20 р. с уплатой лишь одной гривны печатной пошлины (В. Н. Шерстобоев. Илимская пашня. т. I. Пашня Илимского воеводства XVII и начала XVIII века. Иркутск, 1949, стр. 107). Законодательство и таможенная практика сибирской торговли свидетельствуют о другом. Всякая партия продовольствия и товаров, предназначенная на вывоз, будь то «про свой обиход» или на продажу, независимо от размеров подлежала обязательной регистрации в таможне и оплате

в Енисейске брали и у продавца (1 д. с пуда) и у покупателя (2 д. с пуда). К 1645 г. ее брали уже только у продавца по 1 д. с пуда. Остальные пошлины по составу и содержанию изменений не претерпели.

Изменения, происшедшие в сборе таможенных пошлин в Енисейске на протяжении полувека, были невелики, а состав и размеры ставок пошлин, стабилизировавшись в 30—40-е годы XVII в., оставались в таком виде до середины 80-х годов.

Аналогичная картина наблюдалась и в других сибирских городах (см. табл. 2). Для сравнения избраны западносибирские города Тюмень, Верхотурье и Сургут. Они к 40-м годам XVII в. имели давно сложившуюся устойчивую систему таможенных пошлин. Незначительные изменения, которые здесь проходили во второй половине века, были, как и в Енисейске, направлены к изысканию новых статей обложения таможенными пошлинами, к повышению ставок пошлин путем обложения новых видов товаров десятой пошлиной и к некоторой унификации отдельных сборов.

В Тюмени от середины 40-х до середины 80-х годов XVII в. в сборе пошлин произошли следующие изменения. Появились два новых вида сбора — отъезжая головщина в начале 50-х годов и с 1651 г. рублевая с тюменских посадских и крестьян за продажу крупного рогатого скота, лошадей и дворовых строений (до 1651 г. с них брали десятую пошлину) [59]. Рублевую пошлину у тюменских служилых людей до 1651 г. брали за все виды сибирских товаров (кроме пушных). Позднее рублевую пошлину у них стали брать только за продажу скота, лошадей и дворовых строений, а за остальные товары — десятую.

торговыми и проезжими пошлинами. Только после этого владелец товаров получал проезжую грамоту с уплатой за нее печатной пошлины.

Основываясь на своем ошибочном толковании таможенных порядков в Сибири, В. Н. Шерстобоев сделал предположение о вероятном вывозе из Илимска хлеба в Енисейск. Однако хлебные грузопотоки в Сибири в XVII в. шли в прямо противоположном направлении — с запада на восток, с ответвлениями на север, северо-восток и юго-восток. Исключение во второй половине XVII в. составляли лишь некоторые районы Западной Сибири, прилегавшие к Уралу. Что же касается Енисейска, то он в XVII в., будучи центром второго в Сибири (после Верхотурско-Тобольского) по величине и значению земледельческого района, был главной базой снабжения хлебом всей Восточной Сибири (см. А. Н. Копылов. Енисейский земледельческий район в середине XVII в. и его значение для снабжения Восточной Сибири хлебом.— «Труды Московского государственного историко-архивного института», т. 10, М., 1957 стр. 115—134; В. И. Шунков. Очерки по истории земледелия Сибири (XVII век). М., 1956, стр. 303—357).

[59] В данном случае имел место частичный обратный процесс, противоположный общей линии таможенной политики правительства в Сибири.

Таблица 2*

Виды и ставки таможенных пошлин в городах Сибири в 40—50-е годы XVII в.

Пошлины	Ставка для сбора пошлин (в деньгах)			
	Верхотурье	Тюмень	Сургут	Енисейск
Десятая	20	20	20	20
Двадцатая	—	10	—	—
Рублевая	10	6 (10)	10	2 (6)
Перекупная	—	—	6	6
Записная	—	—	6	2 (6)
Пошерстная	6 (12)	6	6 (12)	6
Роговая	6	12	6 (12)	12
Полковая	Нет сведений			Нет сведений
Весчая	1	1	1	1
Подъемная	—	—	—	Нет сведений
Померная (с кади в Верхотурье, с четверти в Тюмени)	6 (12)	1	—	Нет сведений
Постоялая (избная)	—	—	—	200
Амбарная (полавочная)	18	14	12	8
Банная	—	—	50	—
Указной оброк	50 (100)	—	50	50
Явчая головщина (поголовное)	3 (4)	4 (8)	4 (8)	6
Отъезжая головщина	—	4 (8)	—	4
Проезжая головщина	—	—	—	20
Отъезжая с товаров	4	—	—	4
Отъезжая с пушнины	—	—	—	4
Проезжая с товаров	—	—	—	4
Печатная	1	1	1	1
Полозовая	8	8	—	—
Вьючная	—	8	—	—
Посаженная	10 (20)	10 (20)	20	20

* Таблица составлена по данным таможенных книг: по Верхотурью и Сургуту за 1647—1648 гг. (Кн. СП, №№ 227, 232), по Енисейску за 1645—1646 гг. (Кн. СП, №№ 198, 323), по Тюмени за 1649—1651 гг. (Кн. СП, №№ 266, 287).

В Верхотурье прибавились сенная и вьючная пошлины (между 1648—1673 гг.); амбарную пошлину с 1682 г. стали брать не с количества амбаров, а с количества людей, складывавших в них свои товары. Порядок обложения участников

торговли десятой и рублевой пошлинами в Верхотурье был отличен от всех других сибирских городов. Здесь десятую пошлину брали со всех видов товаров, но только у иногородних участников торговли, а местные жители за те же товары платили рублевую пошлину по 10 денег с рубля (за исключением муки и зерна, за которые они платили весчую или померную пошлину). Полное освобождение верхотурцев от уплаты десятой пошлины следует объяснить близостью Верхотурья к городам европейской части государства.

В Сургуте в 1647 г. появилась новая пошлина, банная, «в дрова и в веники и в каменье» с каждого проезжающего промышленного и гулящего человека, а между 1675—1687 гг.— проезжая головщина с людей, ехавших транзитом через Сургут с пушниной. Указной поголовный оброк в первой половине века здесь брали только с гулящих людей, а позднее стали взимать и с промышленных людей.

Местное население сибирских городов при уплате пошлин пользовалось в той или иной мере льготами. Так, енисейские жители пользовались льготами при уплате записной и рублевой пошлины, сургутские — роговой пошерстной и рублевой, тюменские — рублевой, верхотурские — десятой и пошерстной.

При этом наибольшими льготами среди местного русского населения пользовались служилые люди, затем «государевы пашенные крестьяне» и меньше других посадские люди.

Различия в таможенных сборах между отдельными сибирскими городами проходили в основном по линии количества пошлин, размеров ставок для их взимания, степени льгот местных жителей по сравнению с иногородними (см. табл. 2). В составе пошлин в каждом городе обязательно присутствовала главная сибирская пошлина — десятая, а также весчая, явчая и печатная пошлины. В рассматриваемых четырех городах кроме того были везде рублевая, пошерстная, роговая, амбарная и посаженная пошлины.

Остальные вошедшие в таблицу пошлины по различным причинам взимались в одних городах и не взимались — в других. Сбор двадцатой пошлины таможенные книги отмечают в Тюмени и не отмечают в Верхотурье, Сургуте и Енисейске, так как среднеазиатские купцы для торговли в Сибири приезжали только в Тобольск, Тюмень, Тару, Томск, на Ямышевскую ярмарку и иногда в Красноярск. Наличие перекупной и записной пошлин в Енисейске и Сургуте, постоялой и отъезжей с соболей в Енисейске и отсутствие их в Верхотурье и Тюмени связано с тем, что Енисейск в отличие от указанных городов в это время был одним из главных центров скупки-перепродажи привозных товаров и обмена их на сибирскую пушнину; в первые де-

сятилетия XVII в. такую роль играл также и Сургут. По аналогичной причине не было сбора указного оброка в Тюмени, где не скапливалось, как в Енисейске или Якутске, большого количества промышленных и гулящих людей. Отсутствие по́лковой и померной пошлин в Сургуте [60] следует отнести на счет слабого развития в середине века и позднее местного производства и торговли. Естественно, что отъезжая головщина взималась в Енисейске, где торговые люди жили обычно длительное время, и в Тюмени, откуда вывозилось значительное количество хлеба и других продуктов местного производства. В Верхотурье же и Сургуте торговые люди, как правило, долго не находились, а ехали проездом, поэтому и платили только явчую. Появление в Енисейске проезжей головщины (а позднее и в Сургуте), надо полагать, было вызвано стремлением компенсировать ту утечку сбора десятой и других таможенных пошлин, которая произошла в Енисейске в результате выделения из Енисейского уезда на востоке новых воеводств — Якутского и Илимского. Трудно установить, почему отъезжая пошлина с товаров (Верхотурье, Енисейск) и проезжая с товаров (Енисейск) отсутствовали в Сургуте и Тюмени. Возможно, что это находилось в какой-либо связи с тем, что через Верхотурье проходила почти вся масса ввозимых «русских товаров», а Енисейск являлся важным пунктом их обмена, в то время как на сургутский и тюменский рынки эти товары поступали в небольшом количестве. Наличие полозовой пошлины в Верхотурье и Тюмени и вьючной в Тюмени было обусловлено бо́льшим, чем в других районах, развитием здесь сухопутных перевозок товаров. В Восточной Сибири, где основными и зачастую единственными путями сообщения в XVII в. были реки, этих пошлин не было.

Значительный разнобой наблюдался в размерах ставок пошлин. Исключение в этом отношении составляли десятая, весчая и печатная пошлины. Рублевую пошлину в Верхотурье и Сургуте платили по 10 д., в Тюмени — местные служилые люди по 6 д., а крестьяне и посадские по 10 д., в Енисейске — местные служилые и крестьяне по 2 д., а посадские и иногородние по 6 д.

Пошерстную пошлину брали у всех покупателей в Тюмени и Енисейске по 6 д., а в Верхотурье и в Сургуте — у местных жителей по 6 д., а у иногородних по 12 д. Аналогичной была картина взимания роговой пошлины.

Записную пошлину в Сургуте брали у всех по 6 д., а в Енисейске — у местных служилых людей и крестьян по 2 д. и у всех прочих продавцов — по 6 д.

[60] В Тюмени по́лковая, по всей вероятности, была в составе «мелких сборов», но прямых указаний на ее сбор не обнаружено.

Померную пошлину в Тюмени платили по 1 д. за четверть любого хлеба, в Верхотурье же за пшеницу платили по 12 д., а за остальные зерновые — по 6 д. с кади.

Амбарного в Тюмени брали за неделю 14 д., в Сургуте — 12 д. и в Енисейске — 8 д. с одного владельца товаров, а в Верхотурье — 18 д. с амбара (а не с владельца товаров).

Указной оброк в Сургуте брали только с гулящих людей по 50 д., в Енисейске — со всех гулящих, промышленных и торговых людей по 50 д., а в Верхотурье — 50 д. с гулящих и по 100 д. с промышленных людей. Явчую головщину в Енисейске брали со всех людей по 6 д., а в Верхотурье, Тюмени и Сургуте дифференцированно: с гулящих и работных людей (проводников, кашеваров, судовых работников) в Верхотурье — по 3 д., в Тюмени и Сургуте — по 4 д., а с торговых, промышленных, служилых людей в Верхотурье — по 4 д., в Тюмени и Сургуте — по 8 д. В Тюмени аналогичным образом взималась и отъезжая головщина.

Посаженная пошлина в Сургуте и Енисейске взималась по гривне с сажени длины любого судна, а в Тюмени и Верхотурье — по 10 д. с сажени открытых судов (плотов и лодок) и по гривне с сажени крытых судов.

Из изложенного видно, что разнобой ставок пошлин шел по четырем линиям: 1) географическое разграничение (сбор рублевой, амбарной, роговой, пошерстной, померной, указного оброка, явчей пошлин), 2) разделение на местных и иногородних (сбор роговой и пошерстной пошлин в Сургуте, записной и рублевой в Енисейске, десятой и рублевой в Верхотурье, явчей и отъезжей головщины в Верхотурье, Тюмени, Сургуте), 3) социальное размежевание (сбор рублевой пошлины в Тюмени, рублевой и записной в Енисейске, явчей и отъезжей головщины в Верхотурье, Тюмени, Сургуте), 4) различие по видам товаров (сбор померной пошлины в Верхотурье).

Дифференцированное обложение следует отнести прежде всего к особенностям хозяйственного развития и уровня экономической жизни слабо связанных друг с другом частей этой огромной территории. Разнобой ставок взимания многих пошлин — явление, типичное для периода феодальной раздробленности. В Сибири XVII в. оно нашло себе место главным образом в виду слабости внутриэкономических связей, а также произвола местных властей, заслуги которых оценивались по размерам «приисканной государеве казне» прибыли.

По мере развития в Сибири сельского хозяйства и ремесла, втягивания их в товарно-денежные отношения, по мере усиления торговых связей с европейской частью государства происходили постепенные изменения и в сборе таможенных пошлин. Основные направления этих изменений (увеличение круга то-

Виды и ставки таможенных пош

Пошлины	Ставки для сбора пошлин (в деньгах							
	Верхотурье	Туринск	Тюмень	Тобольск	Тара	Пелым	Березов	Мангазея	Сургут
Десятая	20	20	20	20	20	20	20	20	20
Двадцатая	—	—	10	—	10				
Рублевая	10	6(14)	6(10)	10	6(16)	10	10		10
Записная	—	—	—	—					6
Записная головщина	—	—	50	—					
Перекупная	—	—	—	—					6
Пошерстная *2	6(12)	6(8)	6	6	6	6	12		6(12)
Роговая *2	6	6(8)	12	6	6	6			6(12)
Весчая *3	1	—	1	1					
Подъемная	—	—	—	—					
Померная *4	6(12)	4(6)	1	8	св. нет	2			
Постоялая (избная)	—	—	—	—		св. нет			
Амбарная (полавочная) *5	18	14	14	12	6(12)	св. нет	12		12
Банная	—	—	—				2		
	—	—	—						50
Сенная	40	—	—						
Указной оброк	50	—	—				50		50
	100	—	—						100
	—	—	—						
Поголовный сбор	—	—	—					74	
Явчая головщина (поголовное) *6	3	4	4	4		4	12		4
	4	10	8	4		10	20		8
Отъезжая головщина *7	—	4	4	4					
	—	10	8	4					
Проезжая головщина	—	—	—						12
Отъезжая с товаров *8	4	—	—	4					
Отъезжая с пушнины	—	—	—						
	—	—	—						
Проезжая с товаров	4	—	—	4			4		
Печатная *9	1	1	1	1	1	1	1	1	1
	—	—						20	
Полозовая	8	12	8	12		12			
Вьючная	8	12	8						
Посаженная *10	10(20)	12	10(20)	20	20				20
								10	
							60	20	
								60	

*1 Составлена по данным таможенных наказов и таможенных книг. АИ, т. V, № 124; Кн. СП, № 623, 761, 771, 781, 797, 810, 814, 816, 832, 833, 843, 876, 910, 1060, Стлб. СП, № 930.

*2 В Туринске 6 д. у местных служилых людей и 8 д. у прочих покупателей. В Сургуте и Верхотурье 6 д. у местных жителей и 12 д. у иногородних.

*3 В Якутске с продавца ,,весчих'' товаров брали 1 д., да с него же за покупателей по 2 д. с пуда.

*4 В Верхотурье 12 д. с кади пшеницы (очевидно 3,5 пуда) и 6 д. с кади прочих зерновых. В Туринске 4 д. с четверти по оптовой продаже и 6 д. с четверти — при розничной. В Тюмени 1 д. с 10- и -20 пудовой четверти зерна и солода (а с муки — весчее). В Тобольске 8 д. с четверти. В Пелыме 2 д. с ,,пайвы'' (какая-то часть четверти); в 1671 г. здесь брали 4 д. с четверти.

*5 Полавочную пошлину в Таре брали в размере 6 д. с ,,задворной'' лавки в мясном ряду и 12 д. — с лавки на гостином дворе.

Таблица № 3 *1

...илин в Сибири в 1684—1687 годах.

...к)				
Томск	Енисейск	Илимск	Якутск	Пояснения
20	20	20	20	У русских подданных десятая часть натурой или деньгами
10				У бухарских купцов с привозных товаров двадцатая часть натурой
2(6)	2(6)	2(6)	6	У продавцов с рубля цены товаров
2(6)	2(6)	6	2(6)	" " "
				У покупателя с головы „ясыря"
6	6	6	6	С рубля цены за перепродажу товаров в розницу
6	6	6	6	У покупателя с одной лошади
12	12	12	12	У покупателя с головы крупного рогатого скота
1	1	1	3	С пуда „весчих" товаров
	св. нет	св. нет		За взвешивание „невесчих" товаров
св. нет	св. нет			У продавцов с разных мер муки и зерна
200	200	200	200	У владельца товаров за год, независимо от срока постоя
8	8	8	8	За неделю торговли товарами (или их хранения)
				С каждого проезжего человека
				С гулящего, промышленного человека
				С торгового человека
	50	50	50	Ежегодный сбор: а) с гулящего человека,
	50	50	50	б) с промышленного человека
	50	50	50	в) с торгового человека
				С работного, промышленного, торгового человека
4	6		6	С проводника, гулящего, работного человека
	6	6	6	С торгового, промышленного, служилого человека
4	4	4	6	С проводника, гулящего, работного человека
	4	4	6	С торгового, промышленного, служилого человека
	20	20		С владельца пушнины
4	4	4	4	С рубля цены за деньги и товары
	4	4	4	С 40 соболей
	4			С рубля цены за песцов
	4	4		С рубля цены за деньги и товары
1	1	1	1	С рубля цены денег, товаров, пушнины (за проезжую грамоту)
				С человека за отпуск на пушной промысел или в другой уезд
				За одну санную подводу
				За вьючную лошадь
	20	20		С сажени длины судна
				С одной лодки
				С одного каюка
				С одного дощаника

*6 В Березове в размер ставки явчей пошлины входила и отъезжая головщина. Их брали вместе и называли „явчая и отъезжая головщина".

*7 В Тобольске отъезжую головщину с торгового человека брали только в том случае, если он ехал без товаров. В Томске ее брали только с работных людей.

*8 В Томске отъезжую с денег не брали, а брали только с товаров.

*9 В Мангазее с человека, отпущенного на соболий промысел, брали гривну, а с везущего к „Русе" или в другие уезды Сибири товары (пушнину, рыбу и т. д.) — гривну и по 1 д. с рубля общей оценки товаров.

*10 В Тюмени и Верхотурье брали 10 д. с сажени открытых судов (лодка, плот) и 20 д. — с крытых (каюк, дощаник). В Березове и Мангазее брали не с сажени, а с вида судна (в Березове — 60 д. с каюка, в Мангазее — 10 д. с лодки, 20 д. с каюка и 60 д. с дощаника).

варов, охваченных десятой пошлиной за счет рублевой, уменьшение льгот по таможенным пошлинам для местных жителей и др.) мы наблюдали на примере Енисейска. Сводная таблица, составленная по материалам таможенных книг Сибири за 1684—1687 гг., дает картину взимания таможенных пошлин в Сибири накануне таможенной реформы 80—90-х годов (см. табл. 3 [61]). Десятую пошлину в это время брали во всех сибирских городах с пушнины, привозных в Сибирь денег и товаров («русских», китайских, бухарских и пр.) и с «нетоварных» денег, явленных на покупку пушнины и на приобретение для вывоза любых товаров (местных и привозных) [62]. Кроме того, десятую пошлину к этому времени стали брать в Сибири с целого ряда местных товаров, произведенных в данном уезде или в других сибирских уездах. Десятой стали облагать: в Туринске — соль, рыбу, хмель, кожи; в Тюмени — соль, хмель, лошадей, хлебные припасы, «ясырь»; в Тобольске — рыбу, лошадей, крупный рогатый скот [63], хлебные припасы, суда; в Таре — соль, рыбу, «ясырь»; в Пелыме — рыбу; в Березове — хлебные припасы; в Мангазее — все виды товаров [64]; в Сургуте — рыбу; в Томске — соль, рыбу; в Енисейске — соль, рыбу, хмель, лошадей, крупный рогатый скот [65], хлебные припасы [66], суда; в Илимске — хлебные припасы [67], в Якутске — хлебные припасы [68].

Рублевую пошлину теперь брали: в Верхотурье — с соли, рыбы, хмеля, масла, рогатого скота, судов и других товаров [69]; в Туринске — с лошадей, крупного рогатого скота и дворовых строений [70]; в Тюмени — с крупного рогатого скота и дворовых строений [71]; в Тобольске и Таре — с лошадей и крупного

---

[61] В таблице нет данных по Иркутску и Нерчинску, так как их таможенные книги за указанные годы не сохранились, а значение Иркутска и Нерчинска как важных торговых центров Сибири выросло несколько позднее в связи с развитием русско-китайской торговли.

[62] В Верхотурье десятую пошлину брали со всех видов товаров, но только у иногородних жителей, а у верхотурцев со всех видов товаров брали рублевую.

[63] За исключением «домокормленного» скота и лошадей у тобольских жителей.

[64] За исключением пушнины и рыбы, в Мангазее было все привозное «с Руси» или из других уездов (главным образом из Енисейска).

[65] За исключением «домокормленного» скота и лошадей у енисейских жителей.

[66] За исключением хлеба «своей пахоты» у енисейских жителей.

[67] За исключением хлеба «своей пахоты» у илимских жителей.

[68] За исключением хлеба «своей пахоты» у якутских жителей.

[69] За любой товар 10 д. с рубля у продавца — местного жителя.

[70] За лошадей и рогатый скот 6 д. с рубля; за дворовые строения 10 д. с рубля у продавца и 4 д. с рубля у покупателя.

[71] 6 д. с рубля у тюменских служилых людей и ямских охотников, 10 д. с рубля у местных крестьян и посадских людей.

рогатого скота [72]; в Пелыме и Березове — с лошадей [73]; в Сургуте — с лошадей и крупного рогатого скота [74]; в Томске — с пушнины, лошадей, крупного рогатого скота, кож, мыла [75]; в Енисейске — с лошадей, крупного рогатого скота, дворовых строений [76]; в Илимске — с крупного рогатого скота и хлебных припасов [77], в Якутии — с «русских товаров», хлебных припасов, судов, хмеля, крупного рогатого скота, лошадей [78]. Приведенные данные показывают, что круг товаров, охваченных десятой пошлиной, к 80-м годам XVII в. значительно расширился за счет товаров местного производства, с которых ранее брали рублевую пошлину. Сюда вошли соль, рыба, хмель, крупный рогатый скот, лошади, хлебные припасы, речные суда. Важно, что в числе облагаемых десятой пошлиной, наряду с продуктами добывающих промыслов (соль, рыба, хмель [79], мы находим продукты земледелия (хлеб), скотоводство (лошади, крупный рогатый скот) и ремесла (речные суда). Особенно знаменательно обложение десятой пошлиной хлеба. При этом в основных центрах сибирского земледелия подлежал обложению десятой уже хлеб внутриуездного производства. Так, в Енисейске и Илимске десятую стали брать у работных гулящих людей с хлеба, заработанного у местных жителей, а в Тюмени и Тобольске — у всех продавцов, в том числе и у местных жителей с хлеба «своей пахоты».

В большинстве городов значительно сократился круг товаров, облагаемых рублевой пошлиной. Теперь ее брали только с двух-трех видов сибирских товаров: лошадей, крупного рога-

[72] В Тобольске 10 д. с рубля у тобольских жителей за продажу «домокормленного» скота и лошадей. В Таре за лошадей 6 д. с рубля, а за крупный рогатый скот 16 д. за одну скотину, вместе с роговой пошлиной, называемой здесь пошерстной.

[73] В Пелыме 10 д. с рубля у всех продавцов. В Березове 10 д. с рубля у продавца, да 10 д. у покупателя, если он купил лошадь на продажу.

[74] 10 д. с рубля у сургутских служилых людей.

[75] За крупный рогатый скот 2 д. с рубля у томских жителей; за кожу и мыло 2 д. с рубля у томских служилых людей и 6 д. у прочих продавцов; за одну лошадь (а не с рубля) гривна у всех продавцов.

[76] 2 д. с рубля у енисейских крестьян и служилых людей и 6 д. у всех прочих местных продавцов.

[77] 2 д. с рубля у илимских «государевых» крестьян и 6 д. у прочих продавцов.

[78] За лошадей 6 д. с рубля у всех категорий продавцов, а за остальные товары 2 д. с рубля у якутских служилых людей и «государевых» крестьян и 6 д. у посадских и иногородних.

[79] Имеется в виду сбор дикорастущего хмеля. Разведение хмеля в качестве огородной технической культуры в XVII в. в Сибири не имело места.

[80] В Илимске и Якутске рублевую пошлину брали еще за продажу хлебных припасов «своей пахоты» (у местных жителей), в Якутске за продажу судов, хмеля. В других городах у продавцов хлеба «своей пахоты» брали не рублевую, а померную или весчую пошлину.

того скота, дворовых строений [80]. Причем рублевую за продажу скота и лошадей в большинстве уездов брали только у местных жителей (с «домокормленного» скота), а у продавцов привозного скота брали десятую.

Таким образом, рублевая пошлина в Сибири имела тенденцию к полной замене десятой [81]. Условия для этого создавались экономическим развитием Сибири, а побудительной причиной были фискальные интересы правительства. С точки зрения развития таможенной системы это было продвижением вперед по пути унификации таможенных пошлин.

Записную пошлину с пушнины таможенные книги 1684–1687 гг. зарегистрировали в Сургуте, Томске, Енисейске, Илимске и Якутске [82].

В сборе других пошлин принципиальных изменений со времени складывания таможенной системы Сибири не произошло. В целом таможенная система продолжала действовать по-прежнему. Не претерпели изменений и проезжие пошлины. При этом во взимании проезжих пошлин наблюдалось большое разнообразие.

* * *

Некоторые сдвиги в сторону унификации таможенных сборов к середине 80-х годов (охват большинства товаров единой десятой пошлиной, постепенное стирание дифференцированного обложения пошлинами местных и иногородних жителей и др.) подготовляли почву для таможенной реформы в Сибири.

Встает вопрос, в чем кроются причины длительной задержки распространения положений Уставной грамоты 1653 г. и Новоторгового устава на Сибирь?

Слабое развитие местного производства предметов потребления при малой плотности населения на огромной территории было причиной довольно медленного развития внутрисибирской торговли, способствовало сохранению внутренних таможенных перегородок. Отсталость сибирской экономики давала возможность торговым людям «русских» городов, и особенно членам привилегированных корпораций, вести успешно крупную

---

[81] В этом плане особое положение занимало Верхотурье, являвшееся воротами «с Руси» и находившееся под бо́льшим, чем остальная Сибирь, влиянием русской таможенной системы. Для местных жителей роль десятой выполняла рублевая пошлина; ее ставка в Верхотурье была выше, чем во многих других городах Сибири (10 д. с рубля), и была единой для всех товаров (как десятая для иногородних); а называли ее здесь часто не рублевой, а десятой.

[82] В Сургуте и Илимске у всех по 6 д. с рубля, а в Томске, Енисейске и Якутске у местных служилых людей по 2 д. и у прочих продавцов по 6 д.

неэквивалентную торговлю в Сибири. Большие расходы на доставку «русских» товаров в Сибирь и уплату многочисленных проезжих и других таможенных пошлин с лихвой окупались выручкой от приобретенных взамен в Сибири мехов соболя и других зверей. Не случайно многие из торговых людей нажили себе целые состояния на сибирской торговле. Поэтому торговые люди, ездившие в Сибирь, до поры до времени не поднимали вопроса об отмене проезжих пошлин. Правительство же, заинтересованное в консервации таможенной системы, сложившейся в Сибири в первой половине XVII в., также не проявляло в этом отношении инициативы, так как в связи с распространением нового таможенного законодательства на Сибирь встал бы вопрос не только об отмене проезжих пошлин, но и о судьбе десятой пошлины, отказаться от которой означало для казны лишиться крупной статьи дохода в форме денег и мехов.

К началу 80-х годов положение сильно изменилось. Известных успехов достигло сибирское земледелие [83], росли и усиливались посады сибирских городов, уменьшался спрос на привозные «русские» товары. В то же время хищнические методы эксплуатации пушных богатств привели к резкому сокращению добычи соболя и другого ценного пушного зверя [84].

Истощение соболиных промыслов привело к уменьшению поступлений пушнины в государственную казну в виде ясака и таможенных сборов. С целью ликвидации недобора ясака правительство в 1684 г. запретило торговым и промышленным людям «промышлять соболя» в ясачных угодьях, что было для них равносильно запрещению соболиного промысла вообще. В 1685 г. енисейский воевода и таможенный голова доносили, что отпусков на соболиные промыслы не было, так как по грамоте 7192 (1683/84) г. было запрещено отпускать торговых и промышленных людей на соболиные промыслы в ясачные угодья [85]. Если до 1684 г. торговые люди и многочисленные группы промышленников, несмотря на запрещение «оторговливать» ясачных людей до окончания сбора ясака, ежегодно наводняли сибирскую тайгу, частично сами промышляя соболей и других пушных зверей, частично скупая их у местного ясачного населения, то теперь они могли приобретать пушнину лишь на гостиных дворах у ясачных людей после полной уплаты последними ясака. По указу 7 декабря 1696 г. торговым людям в Сибири вообще было запрещено с 1 августа 1697 г. «покупать и вывозить к Русе и

---

[83] В 1685 г. с поморских городов была окончательно снята повинность доставлять в Сибирь «сошные запасы» (АИ, т. V, № 120; С. Б. Веселовский. Сошное письмо, т. I. М., 1915, стр. 133).

[84] К. В. Базилевич указывал на затяжной характер кризиса сибирской торговли в 80-х годах XVII в. (К. В. Базилевич. К вопросу об изучении таможенных книг XVII в., стр. 86).

[85] Стлб. СП, № 963, ч. II, лл. 247, 409.

в Китай соболи и соболиные рухляди — пупков и мехов и подскоров и хвостов собольих и лисиц черных» [86].

Естественно, что в таких условиях сибирская торговля для русских купцов стала мало выгодна. Даже такие крупные торговцы, как Г. Р. Никитин, стали жаловаться на невозможность выгодно сбывать сибирскую пушнину [87]. С другой стороны, в это время стало приобретать все большее значение новое направление сибирской торговли — китайское.

Русско-китайская торговля, осуществлявшаяся в первой половине XVII в. из пределов Западной Сибири и главным образом через посредничество среднеазиатских купцов, во второй половине века стала перемещаться из Западной Сибири в Восточную и в ней стало быстро возрастать участие русского купечества. Это было обусловлено проникновением русских людей в Забайкалье и Приамурье и установлением непосредственных торговых связей с Китаем через Селенгинск и особенно через Нерчинск [88]. Ко времени заключения в 1689 г. Нерчинского договора у Русского государства наладились с Китаем уже довольно оживленные торговые связи, а после договора, установившего свободный доступ торговых людей двух соседних государств, торговля с Китаем все больше стала приобретать в Сибири первостепенное значение.

Торговое лицо Сибири изменяется. Центр тяжести крупной сибирской торговли, проходивший до 70-х годов по линии обмена русских товаров на сибирские меха, стал теперь быстро перемещаться на обмен «русских товаров» и сибирских мехов на китайские товары. Меняются направления потоков товаров. Если ранее через Енисейск меха шли в направлении на запад «к Русе», а «с Руси» везли на восток «русские товары», то теперь, особенно с конца 80-х годов, меха стали направляться главным образом на восток, и не только из сибирских городов, но даже из Москвы, из Сибирского приказа (ранее поступившие туда из Сибири в виде ясака и таможенных сборов), а на запад торговые люди повезли китайские товары.

Обороты енисейской и других внутренних таможен падают и быстро растут обороты иркутской и нерчинской таможен, первая из которых была открыта в 1682 г. [89], вторая — в 1684 г. [90] Енисейский воевода Кирилл Аристархович Яковлев еще в 1673 г. доносил в Сибирский приказ, что на енисейском рынке и в провозе «к Русе» катастрофически сокращается количество

---

[86] Кн. СП, № 1265, лл. 2—5; Стлб. СП, № 1330, л. 100; АИ, т. V, № 260.
[87] С. В. Бахрушин. Научные труды, т. III, ч. 1, стр. 232.
[88] О. Н. Вилков. Китайские товары на тобольском рынке в XVII в.,— «История СССР», 1958, № 1, стр. 105—124.
[89] Стлб. СП, № 963, ч. II, л. 257.
[90] Там же, № 355, ч. II, лл. 396—399; № 913, ч. 1, лл. 140—141.

соболей, а объявляется большое количество соболиных хвостов, отнятых от соболей, которые «отходят... в Китайское государство на мену на всякие товары». По подсчетам енисейской таможни, в 1672 г. из Восточной Сибири было вывезено в Китай более 13 тыс. соболиных шкурок [91].

При дальних поездках в Иркутск и Нерчинск «для китайских торгов» торговых людей больше стали стеснять внутренние сибирские таможенные перегородки, давно ликвидированные в европейской части государства. В такой обстановке правительство, видя сокращение оборотов внутрисибирской торговли и снижение к ней интереса со стороны торговых людей европейской части страны, решило пойти навстречу их требованиям об отмене в Сибири стеснительной системы проезжих пошлин.

* * *

В 1685—1686 гг. торговые люди, ездившие для торговли в Сибирь, подали два коллективных челобитья. В первом, поданном в декабре 1685 г. [92], торговые люди писали, что по дороге в Сибирь воеводы берут у них насильством «повозовщину» в Кайгородке по 1—1,5 руб., у Соли Камской по 30—50 коп. с воза, да таможенные подьячие берут по гривне и больше с воза. Когда же они приезжают в Сибирь, то их товары ценят таможенные головы высокими ценами, «применяясь к старым прошлогодним большим ценам лет за 30 и за 40, по чему на медные деньги были, перед настоящею тамошнею ценою всякой товар свыше втрое и вчетверо, а иные товары вдесетеро и больши» [93]. Воеводы задерживают их и с этой высокой оценки вымогают себе «посотчины», (взятки) в Туринске и Тюмени по 0,5—1 руб., в Сургуте и Кетске по 1 р., в Березове 3—4 руб. Далее челобитчики жаловались на большие задержки на заставах Собской, Ижемской и на новой заставе «в Носцах» близ Тобольска. В заключение они просили: 1) оценивать их товары в Сибири по Новоторговому уставу «настоящею тамошнею продажною ценой»; 2) запретить брать с них в Кайгородке и в Соли Камской «повозовщину», а в Сибири «посотчину»; 3) ликвидировать Ижемскую заставу и вновь созданную заставу «в Носцах»; 4) перевести Собскую заставу с пустого места на жилое; 5) проезжие пошлины за Туринск, Тюмень, Самаровский ям, Сургут, Нарым, Кетск брать с них в тобольской таможне, «чтоб им в тех городах от воевод и от голов задержанья и убытков напрасных не было» [94].

---

[91] Стлб. СП, № 831, лл. 43—46.
[92] Там же, № 930, лл. 24—35.
[93] Там же, л. 29.
[94] Там же, лл. 33—34.

Требования торговых людей были частично удовлетворены. В Кайгородок и Соль Камскую были посланы грамоты о запрещении брать с торговых людей «повозовщину», а в сибирские города в июне 1686 г. были посланы грамоты о запрещении воеводам брать с торговых людей «посотчину» и об оценке товаров «тамошнею сибирскою настоящею прямою ценою, как в котором городе те их русские товары купят и продают на деньги, а не по примерным ценам» [95]. Но в этом решении не нашла никакого отражения просьба торговых людей о взимании с них проезжих пошлин за другие города в Тобольске и о ликвидации лишних застав.

В ноябре 1686 г. торговые люди подали второе коллективное челобитье. На этот раз челобитчики просили не брать с них в Сибири несколько раз в одном году указного оброка, а засчитывать один во всех городах, а также снять с них вновь учиненную в Верхотурье сенную пошлину, и снова настаивали на том, чтобы проезжие пошлины в Сибири брать в одном городе — Верхотурье или Тобольске [96].

При подготовке доклада царям по челобитью торговых людей 1686 г. в Сибирском приказе обратили внимание на статьи Уставной грамоты и Новоторгового устава и в докладе отметили, что по этим документам в Русском государстве введена единая рублевая пошлина, и отменены проезжие и другие мелкие сборы.

13 декабря 1686 г. состоялся приговор о взимании с торговых людей в Сибири одного годового оброка и об отмене проезжих и различных мелких сборов. «А десятую пошлину соболями и деньгами имать по-прежнему, а иные мелкие зборы явчее и поголовщину и поанбарщину и тепловое и приворотное и полозовое и с судов посаженное и отъезжие и печатное и веничное и дровяное отставить. И быть по Уставной грамоте» [97]. На основании этого приговора 14 марта 1687 г. в сибирские города были посланы грамоты об отмене проезжих пошлин [98].

Когда же на запрос Сибирского приказа из Приказа большой казны были получены 25 марта 1687 г. полные списки с Уставной грамоты 25 октября 1653 г., с Уставной грамоты 30 апреля 1654 г., с Новоторгового устава 1667 г. и с более поздних добавочных постановлений по таможенному делу, то с них были сняты копии «за дьячьей приписью» и 14—15 апреля 1687 г. разосланы в сибирские города [99]. В сопроводительных

---

[95] Там же, лл. 35, 51—52.

[96] Там же, л. 62.

[97] Там же, лл. 60, 83—84

[98] Там же, лл. 87—97, АИ; т. V, № 150.

[99] Стлб. СП, № 930, лл. 109, 110, 125—127. Один из таких копийных списков (сборников) сохранился в фонде Сибирского приказа по 5 описи

к ним грамотах было написано, что грамоту, которая была послана 14 марта 1687 г., «указали отставить для того, что в той грамоте написано не против торговых уставных статей. А ныне... велено... в таможне збирать с приезжих с торговых и с промышленных людей всякие... пошлины против новоторговых уставных статей» [100].

Наличие этих двух грамот, первая из которых отменила сбор проезжих пошлин, оставив десятую, а вторая отменила первую, породило путаницу в сборе таможенных пошлин. Торговые люди при явке в сибирских таможнях требовали, чтобы у них взимали пошлины против «русских городов» и засчитывали пошлины, уплаченные «на Руси». Таможенные головы, сбитые с толку противоречивыми указаниями Сибирского приказа, брали в одних городах за «русские товары» и мягкую рухлядь десятую, в других — 10 д., и в одном и том же городе с одного торгового человека так, а с другого иначе. Например, енисейский воевода кн. Яков Иванович Вяземский понял вторую грамоту Сибирского приказа как полностью отменяющую десятую пошлину. Когда вновь присланный в апреле 1688 г. таможенный голова Матвей Попов стал брать у торговых людей с «русских товаров» и с пушнины десятую, то воевода по челобитью торговых людей, утверждавших, что теперь по грамоте 1687 г. берут как в «русских городах», так и в Тобольске, Верхотурье и всех других сибирских городах не десятую, а единую рублевую пошлину, послал таможенному голове 28 августа 1688 г. память, в которой указывал не брать с соболей и с товаров у торговых людей по гривне, «и велел им в том дать сроку до вашего великих государей указу з доброю порукою» [101].

Отмена проезжих пошлин, совпавшая с запрещением завышать таможенные оценки товаров, и разноречивость указаний Сибирского приказа о порядке сбора пошлин в Сибири повели к резкому сокращению суммы сбора таможенных пошлин.

(бывшей 18) за № 289. Сборник этот был получен в одном из сибирских городов 24 мая 1688 г., скорее всего в Иркутске, Нерчинске или Якутске, судя по дате получения, так как известно, что аналогичный сборник в Илимске был получен 9 апреля 1688 г. (Стлб. СП, № 930, л. 123). В. А. Александров и Е. В. Чистякова сделали ошибочный вывод, что это — сборник таможенного законодательства для Сибири, постепенно составлявшийся с 1653 г. в Сибирском приказе. При этом сообщая, что ими обнаружен сборник под названием «Книга царских указов и указных статей о сборе таможенных пошлин» (В. А. Александров и Е. В. Чистякова. Указ. соч., стр. 136), они на самом деле приводят не название документа, которое у него имеется («Список с указов великих государей прошлых лет о зборе таможенных пошлин»), а неудачный заголовок, сделанный архивистом несколько лет назад. Заголовок сборника свидетельствует о том, что он был составлен не постепенно, а единовременно.

[100] Стлб. СП, № 930, л. 112; АИ, т. V, № 153, стр. 264.

[101] Стлб. СП, № 930, лл. 174—179.

В Тобольской таможне в 1686/87 г. только с 17 мая по 31 августа было недобрано по новоторговым статьям по сравнению с 1685/86 г. 1367 руб. 9 алт. В процентном отношении к сбору предыдущего года это составило 36,4% [102]. В Енисейске в 1684/85 г. было собрано таможенных пошлин 2325 руб. 16 алт., в 1685/86 г.— 2363 руб. 10 алт. 4,5 д., в 1686/87 г.— уже 1496 руб. 11 алт. 2 д., а в 1687/88 г.— только 763 руб. 9 алт. 5,5 д. [103] Таможенный голова Матвей Попов и таможенные целовальники объяснили недобор тем, что они брали с торговых людей только рублевую пошлину, как было велено местным воеводой, и не взимали десятой, что привело к понижению сбора. На общей сумме таможенной пошлины отразилось и то, что голова и целовальники в 1687—1688 гг. оценивали товары не по повышенным ценам, как практиковалось раньше, а «настоящею енисейскою ценою» [104].

Правительство было обеспокоено резким уменьшением таможенных сборов в Сибири. В сентябре 1689 г. в Сибирском приказе были составлены и посланы в сибирские города дополнительные статьи к новоторговым статьям, посланным в апреле 1687 г. [105] В сопроводительных грамотах предписывалось собирать пошлины по этим «пополненным новоторговым указным статьям», а не по статьям, присланным в 1687 г. «для того, что в тех новоторговых уставных статьях о сибирских пошлинах имянно не написано, да и для того, великим государям ведомо учинилось, что в сибирских городах по тем новоторговым уставным статьям в сибирских городех таможенной пошлины збор умалился» [106].

---

[102] Там же, лл. 128—131. Пошлины по новоторговым статьям в Тобольске начали взимать с 17 мая 1687 г.

[103] Стлб. СП, № 930, лл. 32—134; № 1035, ч. 1, лл. 2—5.

[104] Там же.

[105] Кн. СП, № 1031, лл. 12 об.— 16 об.; кн. СП, № 1037, лл. 59—66; СП, оп. 4, д. 198, лл. 2—6.

[106] Стлб. СП, № 1035, ч. 1, лл. 2—3; Кн. СП, № 1031, л. 12 об.; СП, оп. 4, д. 198, л. 1. В. А. Александров и Е. В. Чистякова в своей статье пишут, что в результате челобитья торговых людей 13 декабря 1686 г. в Сибирском приказе были составлены для Сибири «Новоторговые указные статьи» 1687 г. (указ. соч., стр. 139). В действительности таких статей для Сибири не существовало. Был лишь приговор от 13 декабря 1686 г. о распространении на Сибирь положений Уставных грамот 1653—1654 гг. и Новоторгового устава 1667 г. в части отмены проезжих пошлин. Об этом в сибирские города были посланы грамоты и копии с указанных документов и с некоторых более поздних постановлений по таможенному делу, могущих служить в сибирских таможнях справочным материалом при решении спорных таможенных вопросов. Дополнительные же таможенные статьи, составленные для Сибири в 1689 г., были дополнением к Новоторговому уставу, а не к несуществовавшим статьям 1687 г. Не случайно составление статей 1689 г. мотивировалось тем, что в Новоторговом уставе не отражена специфика сибирской торговли, «имянно не написана».

По дополнительным статьям 1689 г. сибирским таможенным головам предписывалось: 1) строго следить, чтобы воеводы и дьяки ни сами, ни через подставных лиц не торговали; 2) с промышленной мягкой рухляди брать натурой «за промысел» одну десятую пошлину, да за продажу пушнины, оставшейся после уплаты десятой пошлины «за промысел»,— вторую десятую — «перекупную»; 3) с «нетоварных» денег, явленных на покупку мягкой рухляди, также брать десятую пошлину; 4) с продавцов своих хлебных запасов брать 10 д. с рубля, а со скупщиков, «которые хлебом торгуют»,— десятую, по гривне с рубля; 5) с промышленных людей, пришедших «с Ру́си» в Сибирь, брать годовой оброк в одном из городов по полтине, а с гулящих людей — по полуполтине; 6) у служилых людей — сборщиков ясака отбирать всю явленную и неявленную мягкую рухлядь, «для того что им по указу великих государей велено ясак збирать на великих государей с радением, а самим товаров с собою в ясашные волости не возить и не торговать и ничем не корыстоватца» [107].

В «пополненных» статьях 1689 г. новым было введение второй десятой пошлины («перекупной») с продавцов промысловой пушнины, введение единого для всей Сибири принципа сбора таможенных пошлин с продавцов хлеба, единого размера указного оброка и возобновление забытого запрещения торговать в ясачных волостях ясачным сборщикам. Однако вторая десятая («перекупная») пошлина с продавцов промысловой пушнины, провозглашенная таможенными статьями 1689 г., практически не была введена. Так, в Енисейске после получения «пополненных» статей 1689 г. десятую пошлину за торговлю пушниной стали собирать по-прежнему, как было до грамот 1687 г. У владельцев промысловой явленной на продажу пушнины брали одну десятую пошлину «за промысел» и записную пошлину в размере 1 алт. (или 2 д. у енисейских служилых людей) с рубля за продажу. Десятую пошлину брали также с явки денег на покупку пушнины. Двойную же десятую пошлину брали, как и до 1687 г., лишь у продавцов неявленной перекупной пушнины (одну десятую за продавцов, «за промысел», и вторую — за себя, за деньги, на которые куплена эта пушнина) [108].

---

[107] Кн. СП, № 1031, л. 16; СП, оп. 4, д. 198, л. 5 об.

[108] Кн. СП, № 982, лл. 1—111; № 1003, лл. 375—426; СП, оп. 5, д. 322, лл. 1—32. В. А. Александров и Е. В. Чистякова не правы, когда утверждают, что статьями 1689 г. правительство «впервые официально возложило уплату десятой пошлины с продажи мехов «мелкими статьями» на покупателей, если они не объявят в таможне продавцов» (указ. соч., стр. 140). У владельцев пушнины, купленной у «носящих людей» без явки в таможне, десятую пошлину «за продавцов» взимали еще в первой половине XVII в.

Более того, таможенные статьи 1689 г. кое-где вообще не выполнялись в наиболее важной части их «пополнений» — сборе десятой пошлины с участников пушной торговли.

25 октября 1692 г. из Сибирского приказа были посланы грамоты во все сибирские города: «Велено справитца, сколько по новым пополненным статьям со 198-го по нынешней 201 год в зборе таможенных пошлин перед прежним, прибыль или убыль. да о том писать» [109]. Выяснилось, что на местах не везде пошлины собирают согласно статьям 1689 г. Например, в Таре в 1689—1692 гг. у торговых людей с купленной в розницу по волостям пушнины не брали десятую пошлину, а засчитывали им рублевую пошлину, уплаченную с денег в Тобольске, Ярославле, поморских городах. По подсчетам Сибирского приказа, в Таре было недобрано двойной десятой пошлины с 881 сорока 32 соболей 2817 руб. 23 алт. 2 д. (1408 руб. 28 алт. 2 д. «за промысел» и столько же «за перекуп») [110].

Начальник Сибирского приказа кн. Иван Борисович Репнин приказал о недоборе тарских таможенных голов «учинить» сыск, а в приказе составить новые подробные торговые статьи для Сибири с охватом внутренней и внешней торговли. Такие статьи в июне 1693 г. были составлены, а в сентябре разосланы в сибирские города.

Новоторговые статьи для Сибири 1693 г. (всего 26) подробно регламентировали внутреннюю и внешнюю торговлю [111]. Они впервые кодифицировали всю внешнюю торговлю Русского государства, проходившую через Сибирь. Это явилось прямым результатом установления регулярных торговых связей с Китаем и свидетельствовало о росте их значения.

Статьи 1693 г. снова подтверждали отмену проезжих пошлин в Сибири. Выше отмеченное распространение десятой пошлины накануне таможенной реформы на большинство товаров местного происхождения было зафиксировано теперь законом для всей Сибири. Статья 5 гласила: «С рыбы и с лошадей и скота и со всяких мелких сибирских товаров со всяких чинов людей с продавцов имать пошлина по гривне с рубля...» [112].

Провозглашенный в 1689 г. сбор второй десятой пошлины с мягкой рухляди («перекупной») был теперь введен фактически и распространен также на моржовую кость и на китайские

---

[109] Кн. СП, № 1031, л. 1.

[110] Там же, лл. 1—2 об.

[111] Там же, лл. 17—49; СП, оп. 4, д. 143, лл. 1—23. В опубликованном в ПСЗ наказе мангазейским таможенным головам от 30 августа 1693 г. значится не 26, а 31 статья. Кроме общих 26 статей, здесь имеется еще 5 статей местного характера, относящихся исключительно к деятельности мангазейских таможенных голов (ПСЗ, т. III, № 1474, стр. 160—167).

[112] Кн. СП, № 1031, л. 36 об.

товары. Взимался он не с продавцов, как предполагалось по статьям 1689 г., а с покупателей, сверх уплаты десятой с явки денег. Впервые был установлен повторный сбор перекупной десятой пошлины при перепродаже пушнины. Брали его с покупателя независимо от уплаты продавцом за пушнину всех причитавшихся пошлин. При этом продавец пушнины платил записную пошлину по 6 д. с рубля. У продавцов (владельцев) привозных китайских товаров брали десятую пошлину при приезде в пограничном городе, а при продаже этих товаров брали у покупателей перекупную десятую пошлину. При вывозе товаров в Китай, по проезжим грамотам, владелец сибирских товаров, оплаченных «с покупки и с промыслу» десятой и другими пошлинами, должен был уплатить записную пошлину по 6 д. с рубля, а владелец товаров «покупки русских городов» — рублевую по 10 д. с рубля. С товаров бухарцев при первом приезде в Сибирь стали брать двадцатую, а при последующих приездах — десятую пошлины. До 1687 г. неявленные товары в Сибири подлежали конфискации, в 1687—1693 гг. с них брали полную рублевую пошлину, а по статьям 1693 г. снова стали отбирать «на государя».

Таким образом, нетрудно убедиться, что распространение, по статьям 1693 г., десятой пошлины почти на все товары, обращавшиеся на сибирском рынке, сбор с основных сибирских товаров (пушнина, моржовые клыки) и с китайских товаров двойной десятой пошлины и введение дополнительной перекупной десятой пошлины с перепродажи пушнины сильно увеличивали тяжесть таможенного обложения по сравнению со всеми предыдущими периодами. До начала проведения таможенной реформы в Сибири торговый человек платил десятую — главную пошлину — один раз, либо с продажи привозных товаров, либо с покупки пушнины. В случае приобретения неявленной пушнины он платил вторую десятую пошлину за продавцов («за промысел»). Теперь же (по статьям 1693 г.) торговый человек должен был уплачивать одну десятую пошлину с продажи привозных товаров или с явки денег, вторую — за покупку пушнины, а в случае приобретения неявленной пушнины — третью, за продавцов («за промысел»). В. А. Александров и Е. В. Чистякова правы в оценке таможенных статей 1693 г., когда говорят, что «фактически казна, заметив упадок ясачных доходов Сибири, постаралась восполнить его за счет купеческого капитала» [113]. Однако изменения, внесенные в сбор таможенных пошлин статьями 1693 г., названные авторы представляют лишь как простое расширение сферы действия деся-

---

[113] В. А. Александров и Е. В. Чистякова. Указ. соч., стр. 141.

той пошлины путем распространения ее на заграничные товары, причем обращается особое внимание на наиболее «доходные» статьи обложения «торговли мехами и товарами с Китаем», и совсем не замечают появления двойной и тройной десятой пошлины [114].

Статьи 1693 г. вызвали сильное недовольство в Сибири как приезжих торговых людей, так и широких слоев местного населения. Так, томскому воеводе были поданы два коллективных челобитья: первое от приезжих торговых людей и второе от лица всего населения Томского уезда — с просьбой не брать с них пошлины по статьям 1693 г. Эти просьбы рассматривались в Сибирском приказе и 30 марта 1695 г. были отклонены [115].

Преследуя фискальные цели, руководители Сибирского приказа зашли так далеко, что торговые люди начали буквально бойкотировать сибирскую торговлю; правительственные мероприятия не только не повели к увеличению доходов казны, а наоборот, суммы таможенных сборов в Сибири еще больше понизились.

Для расследования причин падения доходов казны от сибирской торговли и ясака правительство в конце XVII в. организовало грандиозный сыск, создав специальную комиссию с большими полномочиями под руководством думного дьяка Даниила Леонтьевича Полянского и дьяка Даниила Андреевича Берестова, с центром пребывания комиссии в г. Енисейске [116].

Расследование выявило широкие масштабы коррупции сибирской администрации и убедило правительство в чрезмерной тяжести таможенного обложения в Сибири. Через 5 лет после введения статей 1693 г. правительство вынуждено было их отменить, заменив новыми таможенными статьями 1698 г. Отмену статей 1693 г. правительство мотивировало, во-первых, тем, что установленные ими пошлины были «тягостны» для торговых людей, так как «со всякого рубля сходило пошлин по 10 алт.»; во-вторых, несмотря на это, «в казне пошлинных сборов по всем сибирским городам было мало», потому что «теми пошлинами корыстовались и крали низовых городов воеводы, и головы таможенные с ними делились». Поэтому «государь указал... написать новые статьи, которые б торговым приезжим и тамошним жителям были сносны, а те прежние статьи и указы отставлены, для того что тягости ради в пошлинах по тем

---

114 Там же.

115 Кн. СП, № 1031, лл. 66—72 об.

116 Н. Н. Оглоблин. Обозрение столбцов и книг Сибирского приказа, ч. I. М., 1895, стр. 180.

статьям, торговые люди ему, государю, об отставке били челом и за тем в Сибирь для торгов ехать отказали»[117].

По новым статьям 1698 г. была отменена «перекупная» десятая пошлина. Этим снималось одно из главных препятствий на пути развития внутрисибирской торговли. Десятая пошлина с купцов, ехавших в Сибирь и в Китай, стала взиматься в двух «порубежных» городах — Верхотурье и Нерчинске[118]. С лиц, ехавших из европейской части Русского государства в Сибирь и в Китай, десятую брали в Верхотурье, а с ехавших из Сибири в Китай и из Китая в Русское государство — в Нерчинске.

Доплата десятой пошлины в других сибирских городах «с приценки товаров» отменялась. Для торговых людей эта уступка правительства, наряду с отменой перекупной десятой пошлины, была весьма существенной, так как разница цен (и таможенных оценок) в «порубежных» и отдаленных городах Сибири была значительной. К тому же уменьшались возможности для злоупотреблений таможенных голов при оценке товаров. С денег, которые везли торговые люди, брали на явке в Верхотурье по 10 д. с рубля и по 10 д. с рубля при покупке товаров и пушнины в Сибири. С продавцов пушнины стали брать десятую «за промысел» один раз там, где эта пушнина была явлена на продажу.

Неверно, что по статьям 1698 г. «с товаров, приобретенных в Сибири и вывезенных в Центральную Россию или в Китай, размер пошлины устанавливался в 5%, но с товаров, привезенных в Сибирь и отправленных в Китай,— 10%»[119]. Статьи 1698 г. ввели в Сибири единый десятипроцентный сбор со всех товаров, как ввозимых, так и вывозимых. Сбор этот взыскивался с товаров (в том числе и с пушнины) единовременно при ввозе, вывозе или продаже и в два приема с денег, явленных на приобретение пушнины (10 денег с рубля при явке денег и 10 денег при явке товаров, на них приобретенных).

Торговые люди получили право покупать пушнину (кроме запрещенных соболей) по дороге и в ясачных волостях, но при этом они должны были дополнительно к пошлине с явленных денег уплатить десятую за продавцов пушнины, так как считалось, что, покупая неявленную в таможне пушнину, покупатель тем самым перенимает на себя десятую пошлину за промысел ее. Записная пошлина, ранее взимавшаяся при продаже пушнины, была отменена. Сборщикам ясака вновь разрешалось

---

[117] ПСЗ, т. III, № 1654, стр. 491—516.

[118] А не в трех — Верхотурье, Ирбите и Нерчинске, как пишут В. А. Александров и Е. В. Чистякова (указ. соч., стр. 142).

[119] В. А. Александров и Е. В. Чистякова. Указ. соч., стр. 142.

брать с собой для обмена на мягкую рухлядь в дальних городах товаров на 30 руб., в ближних — на 10 руб., а при возвращении из ясачных волостей с них брали десятую пошлину.

Введение статей 1698 г. значительно облегчило торговые связи европейской части государства с Сибирью. Хотя таможенный порубежный барьер в виде десятой пошлины, отделявший европейскую часть государства от Сибири, был сохранен, и рублевая пошлина, уплаченная в «русских городах», не засчитывалась в платеж в сибирскую десятую пошлину, но унификация таможенной системы Сибири и значительное понижение таможенных пошлин свидетельствовали о том, что успехи экономического развития Сибири и усиление ее торговых связей с европейской частью государства заставили в конце XVII в. царское правительство пойти на реформу таможенной системы в Сибири, на ликвидацию в период сложения всероссийского рынка целого ряда рогаток, стоявших на пути развития экономических связей Сибири.

* * *

Подведем краткие итоги изложенному.

В годы появления первых русских поселений в Сибири в конце XVI в. правительство, заинтересованное в прочном удержании новой территории в составе Русского государства, содействовало налаживанию торговых связей Сибири с европейской частью государства и с соседними казахскими и среднеазиатскими ханствами вплоть до предоставления купцам последних привилегий на беспошлинную торговлю.

По мере хозяйственного освоения нового края правительство стало регламентировать сибирскую торговлю. Мероприятия правительства были направлены главным образом на сохранение высоких доходов казны от сбора ясака, на борьбу с утечкой таможенных пошлин, на охрану монопольного положения казны в распоряжении лучшими сортами сибирской пушнины.

Приступая к организации таможенных сборов в Сибири, правительство исходило из интересов государственного фиска и опиралось на таможенную практику Русского государства.

Сложная система таможенных сборов с многочисленными проезжими и торговыми пошлинами, с дифференцированным обложением участников торговых сделок, с различием по географическим районам была в основных чертах заимствована из практики городов европейской части государства. Но в отличие от «русских городов» в Сибири с первых шагов организации таможенного дела был дополнительно введен единый десятипроцентный сбор за право торговли привозными «русскими товарами» и за промысел сибирской мягкой рухляди.

Введя единый для всей Сибири сбор десятой пошлины, правительство обеспечило, с одной стороны, высокие доходы государственной казны от сибирской торговли и промыслов, с другой,— освобождая от обложения десятой пошлиной многие товары местного происхождения, покровительствовало развитию местного хозяйства.

В силу экономической и политической отсталости до вхождения в состав Русского государства и положения колониальной окраины в нем, Сибирь отставала от европейской части государства в развитии производительных сил и экономических связей между отдельными ее областями; а правительство, боясь потерять высокие доходы от сибирской торговли, не хотело включать Сибирь в единую таможенную систему Русского государства. Поэтому принципы нового таможенного законодательства Русского государства, введенного по Уставной грамоте 1653 г. и продолженного Новоторговым уставом 1667 г., были распространены на Сибирь с запозданием на 30 с лишним лет.

Ликвидация стеснительных проезжих и унификация других таможенных пошлин были проведены здесь лишь в конце XVII в., когда Сибирь, благодаря русской колонизации, в первую очередь крестьянской, достигла известных успехов в хозяйственном развитии отдельных областей, в усилении экономических связей между ними, во втягивании их в слагавшийся всероссийский рынок.

Естественный ход экономического развития Сибири, как составной части Русского государства, поставил вопрос о включении ее в единую таможенную систему, а фискальные интересы государства требовали сохранения внутреннего высокого таможенного барьера. В результате реформа по унификации таможенной системы Сибири проводилась с большими колебаниями с 1687 по 1698 г. и закончилась компромиссным решением. Таможенная система Сибири была унифицирована и кодифицирована, но барьер между Сибирью и европейской частью государства в виде сбора десятой пошлины был сохранен.

Е. С. Овчинникова

СЮЖЕТ КНИГИ ЭСФИРИ В ПРОИЗВЕДЕНИИ РУССКОЙ ЖИВОПИСИ XVII в.

Вторая половина XVII в. отмечена крупными достижениями в различных областях русской культуры. В изобразительном искусстве XVII в., особенно в середине его, ярко проявилась борьба двух основных направлений — прогрессивного, стремившегося выйти за пределы узкого церковного миропонимания, направления, для которого овладение рисунком, пропорциями, светотенью и пространством означало прежде всего овладение новыми средствами познания окружающей действительности, и отживающего реакционного направления, боровшегося против новшеств и главным образом против всяких устремлений к светским формам живописи.

Наметившиеся прогрессивные сдвиги сигнализировали о наступившем переломе, связанном с возникновением нового художественного мировоззрения и нового понимания места и роли искусства в жизни. В связи с этим в XVII столетии в русской живописи начинается разделение ее на новые самостоятельные виды: на портретную живопись, исторические картины, батальные, пейзажи и жанр. Эта дифференциация живописи складывалась постепенно на протяжении всего столетия.

Реалистические, жизненные искания в живописи, выступавшие все явственнее, становятся движущей силой дальнейшего развития русского изобразительного искусства. Перед художниками встает новая задача создания произведений светского назначения, для удовлетворения новых растущих эстетических запросов различных слоев населения.

Значительно раньше, чем в станковой живописи, процесс обмирщения начинается в декоративно-прикладном искусстве. В росписях на предметах народного быта и утвари, не подлежавших контролю церковных постановлений, свободнее и настойчивее пробивают себе дорогу реалистические тенденции.

Для нас особенно важны редкие дошедшие образцы ранних русских «исторических» композиций светского назначения в прикладном искусстве и станковой живописи, в которых наряду с прогрессивными чертами еще удерживаются элементы иконописного характера, связывающие их с отживающим традиционным искусством. В этих произведениях переходной поры с наибольшей силой и глубиной ощущаются живые отголоски тех сдвигов и новшеств, которые происходили в искусстве того времени. Новые формы светской живописи рождались в острой борьбе с теологическими основами церковно-феодального мировоззрения, в борьбе, свидетельствовавшей о кризисе религиозно-символической традиции в искусстве и о появлении в нем нового, более прогрессивного и жизненного направления.

Рамки церковно-феодального искусства с его узкой догматической тематикой становятся слишком тесными для живописи светской, интересовавшейся окружающей жизнью и прежде всего личностью человека, его переживаниями и судьбой.

Новое осмысление старой церковной тематики шло по пути реалистических исканий, пробивавших путь дальнейшему развитию русской светской исторической живописи.

* * *

В Государственном Историческом музее, в отделе древнерусской живописи, хранится картина с изображением четырех библейских сцен, расположенных горизонтально, с сопроводительным текстом к ним, писанная на тонкой сосновой доске, без выемки, и являющаяся не чем иным, как росписью на внутренней стороне крышки от сундука [1]. Скрытая под почерневшим слоем олифы, она долгое время оставалась незамеченной. В 1953 г. реставратор музея Г. А. Фролов, очистив изображение от олифы и частичной записи, обнаружил хорошую сохранность композиций, красочного слоя и имеющихся под изображениями надписей. В процессе расчистки оборотной, т. е. наружной, стороны крышки сундука обнаружились остатки орнаментальной росписи в виде разбросанных в разных местах белых и красных лепестков цветов с зелеными листьями, не дающих, однако, представленья о декоративном убранстве сундука в целом, но показывающих, что крышка и, по-видимому, все остальные стенки сундука были богато расписаны узорами растительного орнамента.

[1] ГИМ 58271/164, И VIII 5626, дерево, яичная темпера без левкаса и паволоки, Р. 53,9×130,8. На обороте две поперечные, слегка врезанные, возможно, поздние шпонки. Доска состоит из двух тонких сфугованных тесин, верхняя шириною 25,5 см, нижняя — 30,8 см. Посредине доски во всю ширину проходит сквозная трещина. Во втором клейме на месте изображения палат доска выщерблена.

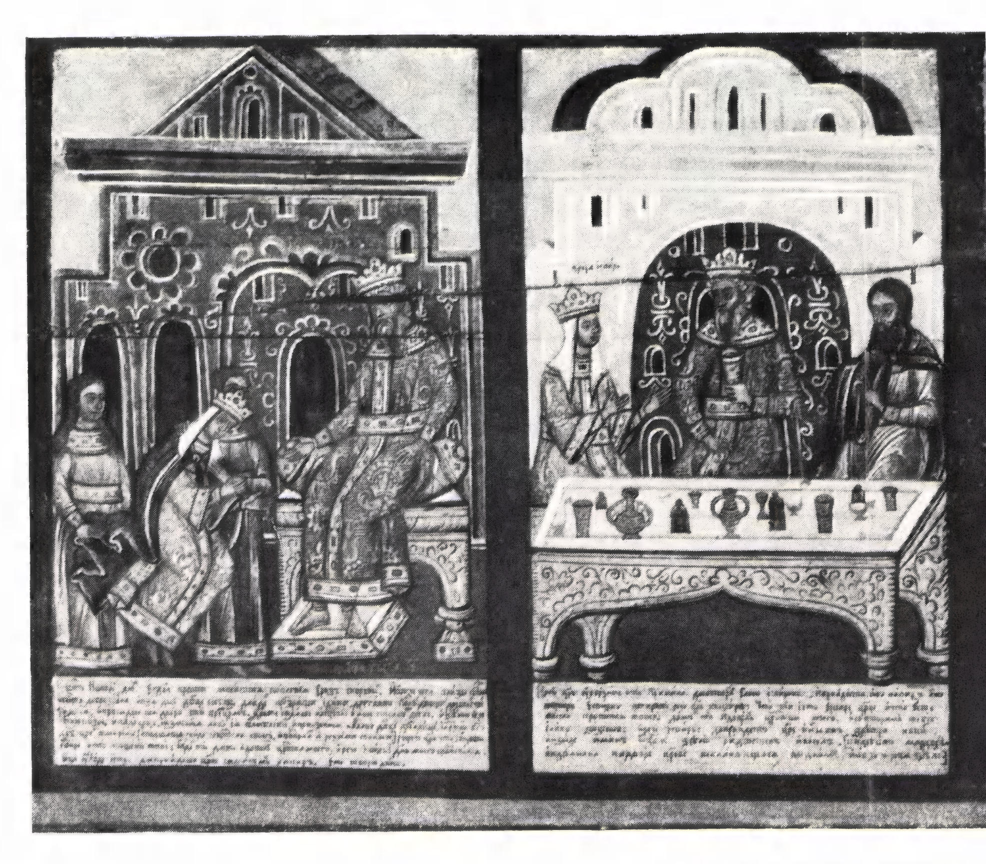
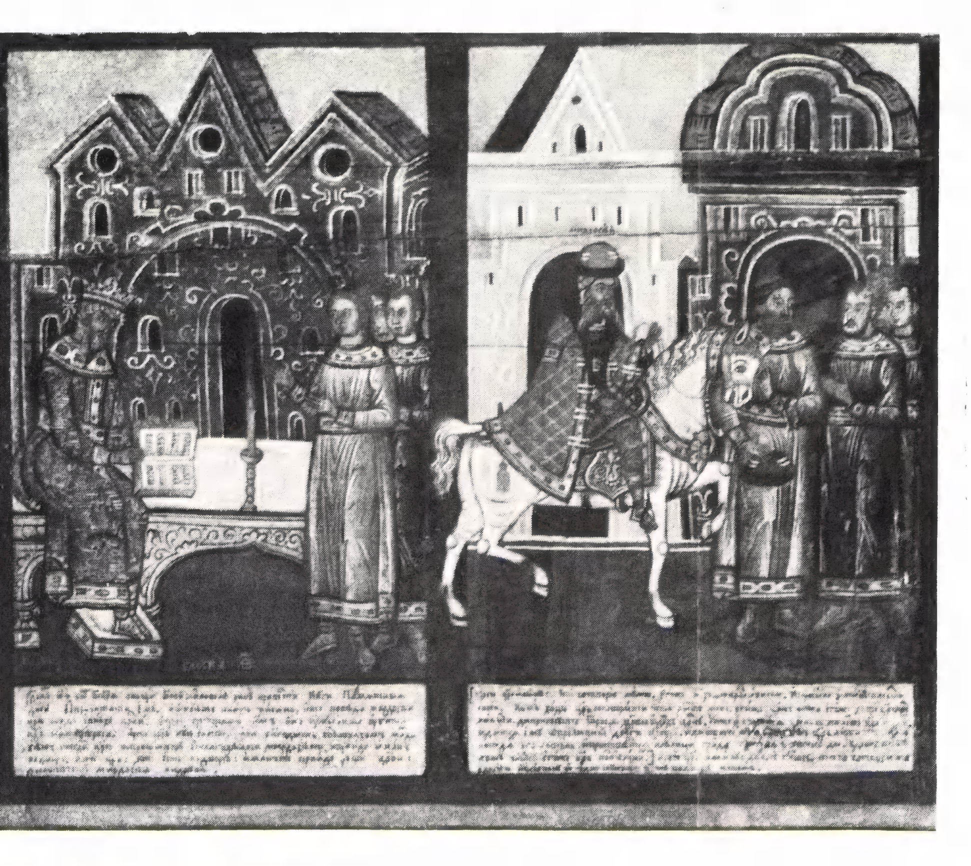

Рис. 1. Картина «История

Государственный ис

Эсфири» после реставрации,
сторический музей.

Убедительным подтверждением того, что эта картина действительно написана на внутренней стороне крышки сундука, служат следы железных «жиковин», скобок, обвязей и гвоздей, сохранившиеся на противоположной стороне рассматриваемой нами росписи.

Эта доска поступила в Исторический музей в сентябре 1926 г. из Государственного музейного фонда, под № ГМФ 1049/164. Никаких сведений о прежней принадлежности и назначении сундука не сохранилось. В передаточном списке содержание росписи, никем не расшифрованное, значилось как четыре библейских сцены работы конца XVII в. После реставрации стало очевидно, что на крышке изображены сцены библейского сюжета о царице Эсфири, царе Артаксерксе и злом Амане. Под каждым клеймом на светло-сером фоне помещен объяснительный текст, писанный старопечатным мелким шрифтом, черной краской от руки[2]. Клейма, расположенные подряд на одном уровне, тесно связанные между собой композиционно, разделяются только узкими вертикальными черными полосами и, кроме того, каждое клеймо обрамлено такой же черной рамкой. Сцены состоят из многофигурных композиций переднего плана, проектирующихся на фоне палатного письма, в архитектурных формах и декоре которого отражены мотивы московского каменного зодчества XVI—XVII столетий.

Представленный сюжет рисует героический образ царицы Эсфири, жены персидского царя Артаксеркса, которая спасла от уничтожения иудейский народ, находившийся под властью персов. Виновником преследования иудеев был честолюбивый и жестокий царедворец Аман. Эсфирь, решив добиться от царя спасения своего народа, приглашает к себе на пир Артаксеркса и Амана. Во время пира она разоблачает перед царем жестокий замысел Амана, которого разгневанный царь велит повесить. Мардохея же, дядю Эсфири, за оказанную однажды услугу царю, спасшую ему жизнь, Артаксеркс награждает царской милостью.

Под сценами в росписи нет названий. Но на первом и третьем клеймах, на зеленом поземе, даны обозначения 5-й и 6-й глав Книги Эсфири.

Первая сцена изображает справа сидящего на троне Артаксеркса, перед которым преклоняет колени Эсфирь, поддерживаемая сопровождающей ее девицей. Царь — в темно-красном кафтане с оплечьем, расписанным орнаментальным желтым узором в виде крупных геральдических корон, окруженных стилизованными листьями и цветами, расположенными на

---

[2] Текст и серый фон были, по-видимому, слегка подновлены при реставрации памятника в XIX в., т. е. еще до поступления его в Исторический музей.

фоне параллельной штриховки. Широкий воротник или оплечье, отделка спереди по распашке, пояс и подол одежды царя шиты золотом и драгоценными камнями. На голове корона. Лицо с длинной седой бородой и такими же волосами. В левой руке он держит жезл, правую руку протягивает навстречу царице. Эсфирь изображена в царской короне на голове, надетой поверх белого платка, в одежде из аксамита, ярко-розового цвета, расписанного желтыми узорами и богато отделанного золотой каймой. За спиной царицы — длинный зеленый плащ, поддерживаемый другой девицей. Одежды служанок и слуг (в других клеймах) — такие же, как на древних миниатюрах или иконах. Это длинные розовые или светло-зеленые платья, с оплечьями, поясом и подолом, шитыми золотом с цветными камнями; различаются они только тем, что у служанок везде изображены длинные, распущенные по плечам волосы, у слуг же волосы коротко пострижены. В глубине фона даны зеленые палаты со скатной кровлей и тремя черными полуциркульными входными проемами с двухлопастной аркой, богато декорированными узорной росписью белилами. Над головой Эсфири — плохо сохранившаяся надпись.

Остальные три сцены построены по одному и тому же принципу, действующие лица изображаются в тех же самых присущих им костюмах, на фоне разных архитектурных декораций и с меняющимися мизансценами.

Второе клеймо представляет сцену пира у Эсфири, особенно часто встречающуюся в произведениях западных художников, охотно изображавших момент разоблачения перед царем преступного замысла Амана. Художник данной росписи своеобразно решает эту задачу. Он дает только одну сцену пира и помещает ее между первым и третьим клеймами. После первого клейма должен был следовать первый пир, о котором говорится в тексте. Но в раскрытии смыслового содержания сцены пира нам кажется, что художник выбирает самый главный момент — разоблачение Амана, привлекавшее, по-видимому, внимание художника своим исключительным драматизмом и выразительностью. Эта композиция состоит из трех фигур, изображенных в момент пира, сидящими за большим прямоугольным столом с яствами. Прямо посредине сидит Артаксеркс. Лицо его обращено в сторону сидящей (слева от зрителя) Эсфири, которую царь внимательно выслушивает, держа в левой руке стопу с вином. Эсфирь, по-видимому, уже раскрыла перед царем коварный замысел Амана, что подтверждается обликом самого Амана, сидящего справа: у него мрачное лицо, поникшая голова. Жестом левой руки он как бы защищается от надвигающегося на него гнева царя. Так убедительно в выражениях лиц, в позах, движениях и жестах рук сумел художник лако-

нично и просто раскрыть драматизм сцены и передать переживания действующих персонажей.

На розовой стене здания, над головой царицы и царя сохранились надписи с их именами, исполненные черной краской скорописью XVII в.

Интересно рассмотреть убранство стола в этой сцене пира. Длинный прямоугольный стол с подзором, имеющим килевидный вырез и украшенный черневым растительным узором, стоит на переднем плане, он изображен архаизирующим приемом обратной перспективы. Особенно детально выписаны расставленные на столе красные корчики, чарки и стопы, фигурные кувшины для вина, два больших и два маленьких зеленых стеклянных штофа причудливой формы.

На третьем клейме изображается слева сидящий на троне Артаксеркс, читающий при зажженной свече лежащую перед ним на столе раскрытую «книгу памятных дней». На листах книги написан в восемь строк текст, плохо сохранившийся. Удалось, однако, разобрать четко написанные слова (наверху правой страницы) — «о дву евнухах». Художник правдиво изобразил не только книгу, но и то место текста Библии, в котором рассказывается о заговоре евнухов против царя. Этот текст напоминает царю о заслуге Мардохея, однажды спасшего жизнь Артаксерксу. Справа сцена замыкается группой стоящих у стола слуг. Фон дан в виде зеленого, с трехчастной скатной кровлей, обильно декорированного здания.

Четвертое клеймо — «Триумф Мардохея»». Слева, верхом на белом коне, убранном с царственной роскошью, едет Мардохей. На нем богатый, накинутый на плечи, темно-красный верхний кафтан с меховым воротником, отделанный золотой каймой. На голове круглая шапка, опушенная мехом. У него длинные седые волосы и такая же расчесанная надвое борода [3]. Справа от него, в глубине, стоит униженный Аман, держащий в руках снятую с головы шапку, и рядом с ним группа царедворцев. Сцена дана на фоне двух зданий розового и зеленого цвета, образующих как бы улицу, по которой проезжает Мардохей, демонстрирующий перед народом оказанную ему почесть. Над Мардохеем и Аманом сохранились писанные скорописью XVII в. их имена. Этой сценой заканчивается роспись.

Колорит росписи поражает своей жизнерадостностью, яркой красочной гаммой, богатством орнаментальных мотивов в архитектуре и расписных узорах на тканях и обстановке. Особой звонкости красок художник достигает постоянным противопоставлением двух цветов — красного и зеленого,

---

[3] Изображение раздвоенной бороды у Мардохея встречается в миниатюрах Лицевого сборника (Остерман № 1). (Отдел рукописей Библиотеки Академии наук, Ленинград, лл. 392, 392 об., 405 и сл.).

чередующихся в одеждах слуг и в расцветке палат. Богатство расцветки проявляется также в обилии оттенков красного цвета начиная от нежно-розового и кончая темно-красным. Излюбленным художественным приемом становятся также обильные белильные пробелы, которые искусно используются для передачи пластической моделировки фигур, и также исполнение белилами орнамента в декоративном убранстве зданий. Яркая красочная гамма и любовь к узорочью сближают эту роспись с произведениями народного искусства. Здесь поражает также сосуществование элементов стиля XVI в., тянущих как бы назад, и прогрессивных черт стиля XVII в., зовущих вперед.

К архаизирующим приемам стиля следует отнести несколько условные формы одежды изображенных, знакомые по миниатюрам и иконописи XVI в., и раздельный прием изображения зданий и фигур, при котором сцены, происходившие внутри здания, изображаются перед зданием. Черты сходства с миниатюрами XVI в. ощущаются также в форме расписанных столов и скамеек. В качестве примера укажем аналогичные столы на миниатюрах рукописи Жития Зосимы и Савватия XVI в. и на миниатюрах рукописи Казанской истории XVII в. [4] и близкое по форме изображение стола с килевидным расписным подзором в композиции с евангелистом Лукой, в стенописи 1698 г. на западной стене Смоленского собора Новодевичьего монастыря [5].

Бросается также в глаза нарочитая условность и театральность мизансцен. Фигуры первого плана, объединяющиеся в одну группу, даны в одном масштабе и плоскости, за исключением фигуры царя, значение которого наивно подчеркивается увеличенным размером.

Все фигуры трактованы плоскостно, но росписью складок художник все же пытается моделировать объем. Пространство ощущается только благодаря плановому размещению реквизита, оно ограничивается и замыкается архитектурой, отличающейся разнообразием декоративных мотивов. Художник пытается правдиво передавать позы, движения и жесты фигур, но в лицах еще преобладает спокойное выражение, свидетельствующее об ограниченных художественных средствах и сохраняющихся еще элементах условности стиля.

---

[4] ГИМ. Отдел рукописей. Рукопись Жития Зосимы и Савватия (№ Вахр. 71), лл. 64 об.— 65 об. и др.; Библиотека им. В. И. Ленина. Отдел рукописей. Рукопись «Казанской истории», № 30 (98) (из Книгохранилища Троице-Сергиева монастыря), л. 22 и сл. Миниатюры этой рукописи, исполненные кистью, черной краской, со штриховкой по контуру, по своим стилистическим особенностям близки к росписи на крышке сундука.

[5] Здесь имеется в виду написание апостолом Лукой образа богоматери с изображением стола с килевидным подзором, расписанным орнаментом.

Единство композиционного замысла всех четырех сцен подчеркивается построением архитектурного фона, данного на одном уровне и в одном масштабе, а также ритмичным чередованием надписей под изображениями. Все вместе взятое стоит в полном противоречии с приемами изображения в XVII в. так называемых «нутровых палат», т. е. интерьеров, с размещенными в них фигурами и целыми сценами, которые должны были быть несомненно знакомы автору нашей росписи, так как ряд особенностей композиции и высокоразвитое чувство иллюстративности художника выдает безусловную принадлежность памятника ко второй половине XVII в. Руководящим моментом в датировке этой росписи является то, что все указанные архаизирующие черты оказываются уже несколько переработанными в духе XVII в. Именно об этом времени свидетельствуют орнаментальные мотивы тканей царской одежды с узором в виде геральдических корон с параллельной штриховкой, напоминающей драгоценные золотные итальянские аксамиты, широко распространенные в царском обиходе второй половины столетия. Этот прием трактовки аксамитных тканей в русской живописи, появляющийся впервые в произведениях Симона Ушакова, становится затем излюбленным в работах живописцев Оружейной палаты [6].

Еще более ярко прогрессивные черты стиля сказываются в одежде едущего верхом Мардохея и в конском уборе, очень близких к конному портрету царя Михаила Федоровича, относящемуся к 70-м годам XVII в. [7] Важным моментом для уточнения датировки оказываются детали конского убора, исполненные с мельчайшими реалистическими подробностями. В изображении седла с высокой передней лукой художник не забыл о нарядных крыльях седла с узором в виде стилизованного плода граната, напоминающего червчатый бархат XVII в., расшитый пряденым золотом и серебром [8]. В духе светских приемов живописи художник изобразил бороду Мардохея.

Убедительным признаком для датировки являются также изображенные во втором клейме, в сцене пира, на столе фигурные штофы зеленого стекла. Известно, что Духанинский стекольный завод Койета, существовавший в XVII в., уже в 60—70-х годах изготовлял в большом количестве стеклянную посуду, не только обслуживавшую царский обиход, но и продававшуюся на рынке в Москве и в провинции. В собрании Исто-

[6] Е. С. Овчинникова. Портрет в русском искусстве XVII в. М., 1955, стр. 81 и табл. VIII—XI; сб. «Государственная Оружейная палата Московского кремля», М., 1954, стр. 363, рис. 35.

[7] Е. С. Овчинникова. Указ. соч., стр. 77—78, табл. VI.

[8] «Выставка древнерусского искусства в Москве», М., 1913, стр. 80—81, № 43, 44 и др. Изображение орнаментированных «крыльев» и чепраков близко к изображению на нашей росписи.

рического музея хранится одна «скляница» зеленого стекла неизвестного назначения, напоминающая по своей форме песочные часы, очень похожая на изображения фигурных штофов в убранстве стола у царицы Эсфири. Раскопки, произведенные в свое время на месте Койетовского стекольного завода, обнаружили фрагменты фигурного стекла, близко напоминающие «скляницу» Исторического музея, которая, по мнению Н. А. Баклановой, могла быть сделана в XVII в. на Духанинском заводе Койетов[9]. Изображение фигурного стеклянного штофа на столе в нашей росписи говорит о том, что действительная жизнь со своими бытовыми мелочами, к которым присматривался художник, начинала завоевывать постепенно прочное место в произведениях живописи. Появление стеклянных штофов на картине отражало и новые формы быта и коренные сдвиги, происшедшие в живописи, решительно обращавшейся к жизни.

Изображение фигурного штофа на описываемой картине служит в свою очередь объяснением того, что «скляница» Исторического музея является действительно фигурным штофом, в XVII в. предназначавшимся для вина.

* * *

Роспись на крышке сундука является картиной на историческую тему. Хотя она пока не отделилась еще от предмета утилитарного назначения и не стала еще самостоятельным станковым произведением, но уже начала играть роль светской картины. Ею любовались не постоянно и открыто, повесив на стену, а только изредка, может быть украдкой, открывая сундук. В представлении замкнутого феодального уклада жизни подобная картина еще не имела права на самостоятельное существование. В любви к украшению орнаментом и изображениями на внутренних крышках сундуков, ларей, укладок, подголовок и т. п. сказалась прочная народная традиция, удержавшаяся в крестьянском искусстве на протяжении XVIII и XIX вв.

* * *

История Эсфири имела острый драматический сюжет и несомненные литературные достоинства, ее действующие лица полны глубоких человеческих чувств, что послужило источни-

[9] Н. А. Бакланова. Стеклянные заводы в Московском государстве XVII в.— «Очерки по истории торговли и промышленности в России в XVII и в начале XVIII столетия» («Труды Государственного Исторического музея», вып. 4). М., 1928, стр. 124, 129—130. Воспроизведение фигурного штофа Исторического музея см. «Очерки истории СССР. Период феодализма, XVII в.», М., 1955, стр. 104.

ком вдохновения для художников XVII столетия. Эта тема становится особенно излюбленной в XVII в. в Западной Европе. Ряд картин и офортов на данную тему были созданы Рембрандтом, достигшим предельной выразительности в раскрытии смыслового содержания библейской истории и психологической характеристики образов [10].

В русском изобразительном искусстве иллюстрации к Книге Эсфири появляются впервые во второй половине XVI столетия в миниатюрах Лицевого сборника, хранящегося в Ленинграде в Отделе рукописей Библиотеки Академии наук СССР [11]. На листах 388—416 содержатся 9 глав и начало 10-й главы из Книги Эсфири. Текст этот богато иллюстрирован 51 миниатюрой, большинство которых состоит из нескольких сцен. Такого количества иллюстраций на эту тему не приходилось встречать в других памятниках русского или западного искусства. О художественных достоинствах миниатюр Летописного свода можно было бы сказать очень много. Здесь уместно поставить вопрос только о том, где мог находиться этот Летописный сборник с миниатюрами во второй половине XVII в.? Есть все основания предполагать, что именно этот сборник при Алексее Михайловиче хранился во дворце [12]. Не знакомству ли с указанными миниатюрами из Летописного сборника XVI в. обязаны мы пробуждению интереса к сюжету Книги Эсфири у царя Алексея Михайловича в 70-х годах XVII в. и его указанию, данному в 1672 году: «учинить комедию, а на комедии

[10] Особенно часто в западном искусстве изображался эпизод пира у Эсфири и «Триумф Мардохея». Одним из лучших произведений Рембрандта является картина «Ассур, Аман и Эсфирь» (в собр. Гос. музея изобразительных искусств им. А. С. Пушкина в Москве), созданная в 1660 г., а также картина «Падение Амана (?)» (Гос. Эрмитаж, Ленинград), 1665 г., и офорт «Триумф Мардохея», 1640 г. Обычна эта тема и в западном прикладном искусстве. В качестве примера укажем резной шкаф голландской работы XVI—XVII вв. с изображением на его створках сцен из истории Эсфири, находящийся сейчас в Летнем дворце Петра в Ленинграде. В ГИМ имеется серебряная кружка западной работы конца XVII — начала XVIII в. с резными сценами в клеймах, изображавшими историю Эсфири (4203). Большой популярностью в России пользовались гравюры Библии Пискатора (1674 г. и др.) со сценами из Книги Эсфири.

[11] Лицевой сборник (Остерман № 1), лл. 388 об.— 416, № 17.17.9. О нем см. А. Е. Пресняков. Московская историческая энциклопедия XVI-го века, I—VII. СПб., 1900, стр. 6. За сообщение сведений о миниатюрах приношу благодарность сотрудникам Отдела рукописей Библиотеки Академии наук СССР.

[12] А. Е. Пресняков. Указ. соч., стр. 53, сноска 29. «Дальнейшая судьба этого лицевого тома объясняется припиской, из которой видно, что он был в руках Петра Великого и передан им в «Летний дом», откуда поступил в библиотеку Академии наук; затем том этот был у Остермана и возвращен Академии вместе с двумя томами «Древнего летописца» следственной комиссией после падения его».

действовать из библии книгу Эсфирь...» [13], а также выбору для дворцовых росписей темы Эсфири в 1674 году [14].

Никаких сведений о том, что представляла собой стенная и плафонная роспись в дворцовых комнатах на тему Эсфири и что представляло собой оформление первой театральной постановки, не сохранилось. Единственным дошедшим до нас памятником XVII в. является роспись на описываемой крышке от сундука, приобретающей значение весьма ценного исторического источника.

Если можно предположить, что тема истории Эсфири, появившаяся в XVII в., могла быть подсказана миниатюрами Лицевого сборника XVI в., то художественная форма, осмысление и раскрытие содержания этой библейской истории должно было быть создано в XVII в. по-новому. Об этих новых чертах, появляющихся в XVII в., мы можем судить по композиции росписи на крышке сундука. Одним из серьезных новшеств в этой росписи является то, что художник не растерялся во множестве эпизодов, а, правильно решая иллюстративную задачу росписи, сумел выделить из них всего четыре наиболее важных момента, в раскрытии которых он лаконично и просто передал основные этапы развития сюжета, сумел конкретизировать бытовую обстановку, перенеся действие в современную ему действительность, и точно определить условия и место действия в каждой сцене.

У миниатюриста XVI в. во множестве детальных сцен дана богато иллюстрированная поэма, лишенная, однако, драматизма. Значительно более прогрессивным, по сравнению с мастерами Летописного свода XVI в., рисуется неизвестный автор росписи также в изображении людей и их лиц. Если в миниатюрах Летописного сборника XVI в. отсутствует еще умение изображать различные выражения лиц, и настроения людей передаются

---

[13] Н. С. Тихонравов. Первое пятидесятилетие русского театра. М., 1873, стр. 6. До сих пор в литературе не встречалось указаний на связь миниатюр Летописного сборника с пробуждением интереса к сюжету первой русской комедии об Эсфири.

[14] В 1674 г., в новых деревянных хоромах царя Алексея Михайловича на потолке, на польских широких полотнах, были написаны двадцать картин на тему Книги Эсфири. Поля картин были украшены цветами. Исполнителями этих картин были лучшие живописцы Оружейной палаты И. Безмин, И. Салтанов и Д. Ермолаев (А. И. Успенский. Царские иконописцы и живописцы XVII в. Словарь.— «Записки Московского археологического института», т. II, М., 1910, стр. 24; И. Е. Забелин. Домашний быт русских царей в XVI и XVII столетиях, ч. I. М., 1895, стр. 181). Тот же сюжет об Эсфири, только на девяти картинах, был изображен в хоромах царицы Наталии Кирилловны в Коломенском загородном дворце (И. Б. Забелин. Указ. соч., стр. 191, 463, 515). В Измайловском дворце имелось живописное изображение на полотне — «Притча библейная царя Артаксеркса» (там же, стр. 515).

Рис. 2. «Триумф Мардохея».
Миниатюра Лицевого сборника XVI в.
Библиотека Академии наук СССР (Ленинград).

Рис. 3. Пир у Эсфири.
Миниатюра Лицевого сборника XVI в.
Библиотека Академии наук СССР (Ленинград).

только жестами [15], то в росписи на крышке сундука художник, напротив, стремится уже к индивидуальной характеристике отдельных персонажей. Любопытно, что в трактовке лица Эсфири в разных сценах художник пытается приблизиться к передаче разных оттенков женского настроения и дать различную характеристику образов Артаксеркса (в первом и во втором клеймах) и Амана (во второй и четвертой сценах). Но, конечно, на данном этапе это решается художником пока ограниченно. Примечательно и то, что художник XVII в. переносит действие в современную ему обстановку, в которой доминирующую роль начинает играть человек со своим внутренним миром. В этот переходный период он еще пока пользуется старой библейской темой, но светское назначение расписанного предмета позволяет ему свободнее осмыслить сюжет. И. Е. Забелин даже считает, что в этом библейском сюжете было много понятного для современников и в отношении положения разных лиц при дворе, и в окружающей обстановке, и в стремлениях отдельных людей. Особенный интерес к этому сюжету проявляла царица Наталия Кирилловна [16]. Так, художник XVII в. приспосабливает старую библейскую тематику к злободневным вопросам современной ему придворной обстановки. Он правдиво характеризует царский быт XVI—XVII вв. с существовавшей в нем феодальной иерархией. Девицы-служанки в первой сцене, как в миниатюрах XVI в., изображены простоволосыми, с распущенными по плечам волосами. Царица же всегда в короне, надетой поверх белого платка. Эти социальные различия свидетельствуют о реалистических устремлениях автора росписи. Столь же детален художник в социальной характеристике изображенных мужских фигур. Царь всегда в короне. Придворные, которых художник трактует как бояр и дворян, всегда изображаются без головных уборов. В четвертой сцене одетый в царские одежды Мардохей изображен в княжеской шапке с круглым верхом и меховым околышем. Аман, стоящий здесь же рядом, в знак почтения изображен без шапки. Таким образом, перенесенный в современную обстановку библейский сюжет давал широкий простор для внедрения в живопись светских жизненных мотивов, заимствованных из окружающей автора действительности.

Итак, доминирующими в нашей росписи оказываются прогрессивные черты художественного стиля второй половины XVII в., с их реалистическими устремлениями, рядом с которыми

---

[15] А. В. Арциховский. Древнерусские миниатюры как исторический источник, изд. МГУ. М., 1944, стр. 132.

[16] И. Е. Забелин. Домашний быт русских цариц в XVI и XVII столетиях, т. 2, изд. 2. М., 1872, стр. 482. Автор высказывает даже предположение о сравнении роли царицы Эсфири с положением при дворе Алексея Михайловича царицы Наталии Кирилловны.

еще удерживаются переработанные архаизирующие черты стиля XVI в.

Уточнению хронологических рамок создания нашей росписи служит еще один существенный факт, а именно то, что тексты под композициями заимствованы из Библии 1663 г., изданной в Москве на Печатном дворе. Мы не находим в этих текстах следов стихотворных силлабических надписей к гравюрам Библии Пискатора, составленных в 1679 г. чтецом и книгохранителем Печатного двора Мардарием Хонниковым в сотрудничестве с Симеоном Полоцким [17]. После своего появления эти стихотворные надписи начинают пользоваться большой популярностью среди иконописцев XVII в. Поскольку стихи М. Хонникова и С. Полоцкого не приведены в росписи на крышке сундука, совершенно очевидно, что эта роспись создана до 1679 г.

* * *

Несомненно, создание цикла картин о царице Эсфири в 1674 г. в декоративном убранстве новых деревянных хором царя было не чем иным как отголоском живого увлечения при дворе Алексея Михайловича не только этой старой темой, знакомой по миниатюрам XVI в., но, главное, откликом на первое театральное представление комедии «Артаксерксово действо», или «Как Артаксеркс велел повесить Амана по царицыну челобитью и по Мардохеину научению» разыгрывавшейся в Москве и в селе Преображенском в 1672—1676 гг. [18] В новых условиях XVII в. живописцы Оружейной палаты под свежими впечатлениями от театральной комедии должны были дать новое понимание старой библейской теме. Картины в царских хоромах и

---

[17] Эти стихотворные надписи изданы А. И. Успенским («Царские иконописцы и живописцы XVII века», т. I, М., 1913, стр. 21, стихи 215—218), а также в указанной ниже книге «Артаксерксово действо...», стр. 37—39.

[18] И. Е. Забелин. Домашний быт русских цариц в XVI и XVII ст., т. 2, стр. 489; С. К. Богоявленский. Московский театр при царях Алексее и Петре.— «Чтения ОИДР», 1914, кн. 2, разд. I, стр. IV—VIII. Первое представление этой комедии состоялось 17 октября 1672 г. В 1954 г. А. Мазоном опубликованы русский и немецкий тексты комедии «Артаксерксово действо» по списку XVII в., обнаруженному им в Лионской библиотеке (La comédie d'Artaxerxes (Арта ӂерӂово действо), présentée en 1672 an tzar Alexis par Gregorii le pasteur. Texte allemand et texte russe publiés par Andre Mason, membre de l'institut, professeur honoraire au Collège de France, et Frédéric Cocron, docteur de l'université de Vienne et de l'université de Paris. Institut d'études slaves de l'université de Paris. Paris, 1954.). Обнаруженный в Вологодском собрании второй аналогичный список XVII в. той же комедии, только на русском языке, поступил в 1954 г. в Отдел рукописей Библиотеки им. В. И. Ленина и опубликован И. М. Кудрявцевым («»Артаксерксово действо» — первая пьеса русского театра XVII в.», подготовка текста, статья и комментарии И. М. Кудрявцева, М.— Л., 1957).

картины в хоромах царицы Наталии Кирилловны в Коломенском дворце, изображавшие историю Эсфири, не сохранились. Но мы, наверное, не ошибемся, высказав здесь предположение, не могла ли роспись на крышке сундука быть создана под непосредственным впечатлением или по образцу не дошедших до нас четырех композиций из цикла картин, написанных в 1674 г. в царских хоромах или в Коломенском дворце?

Черты отличия росписи сундука от художественного стиля миниатюр Летописного сборника дают основание предположить, что в основу росписи сундука могли быть положены какие-то иные, более близкие к ним прототипы XVII в. По-видимому, картины, украшавшие царские комнаты в Кремле и в Коломенском дворце, и могли послужить образцом для нашей росписи. Новое занимательное содержание дворцовых картин, написанных лучшими живописцами Оружейной палаты И. Безминым, И. Салтановым и Д. Ермолаевым в 1674 г., могло широко разойтись в художественной среде современников в виде рисунков и прорисей, передававшихся из рук в руки. Их мотивы могли иметь самое разнообразное применение и использование, в частности для декоративных росписей предметов быта и утвари.

Картины на тему истории Эсфири создавались в 1674 г., одновременно с разыгрывавшейся в Москве театральной постановкой. Известно, что один из художников Оружейной палаты, Петр Энгелес, писал перспективным письмом декорации к «Артаксерксову действу», а несколько позже, в 1679/1680 гг. был привлечен к участию в росписи Коломенского дворца[19]. Не только Энгелес, но и другие живописцы и мастера разных специальностей из Оружейной палаты могли быть привлечены для участия в подготовительных работах к постановке комедии[20]. И не только через Энгелеса, но и непосредственно они могли быть знакомы с писавшимися Энгелесом декорациями и могли быть осведомлены о постановке разыгрывавшейся в Москве комедии. С указанными новшествами могли быть знакомы также и живописцы Безмин, Салтанов и Ермолаев, писавшие в 1674 г. картины в комнаты Алексею Михайловичу.

Если наша догадка о возможной близости дворцовых росписей 1674 г. к постановке комедии об Эсфири верна, то есть основание высказать и второе предположение о том, что по нашей росписи на крышке от сундука, являющейся, по-видимому,

---

[19] И. Е. Забелин. Домашний быт русских царей в XVI и XVII ст. ч. 1, стр. 182.

[20] В документах XVII в. упоминается о работе над приготовлением аксессуаров к комедии, проводившейся на Посольском дворе на Покровке; работу выполняли 14 плотников и 5 живописцев (С. К. Богоявленский. Указ. соч., стр. XII); «Артаксерксово действо» — первая пьеса русского театра XVII в.», стр. 14—15, 17 и др.

каким-то отголоском дворцовых композиций, можно составить себе некоторое, может быть отдаленное, представление о том, какими могли быть первые театральные постановки комедии «Артаксерксово действо». Не случайно, по-видимому, в росписи сундука бросается в глаза отмечавшаяся уже выше своеобразная театральность композиций со сменяющимися мизансценами, с неизменными приемами использования архитектуры в качестве декорационного задника и общая нарядность и торжественность художественного решения.

Предположение о связи росписи сундука с убранством дворца [21] важно еще тем, что оно позволяет определить точнее хронологические рамки исполнения росписи периодом между 1674 (датой работ во дворце) и 1679 годом — временем появления стихов к гравюрам с историей Эсфири М. Хонникова.

Для суждения о постановке комедии об Эсфири мы располагаем весьма скудными сведениями. Известно только, что для комедии был куплен стол дубовый за 20 копеек [22], предназначавшийся, надо полагать, для оформления сцены пира у Эсфири. Столы в обиходе царя Алексея Михайловича обычно делались с подзорами и расписывались орнаментом [23]. Подобный стол изображен во втором клейме нашей росписи. На белое платье Эсфири к Артаксерксовой комедии было куплено «два рубка», т. е. два куска «фролю белого з золотными полосками» [24]. Подобный костюм Эсфири, только не белый, но розовый с желтыми полосками «под аксамит», мы видим на композициях росписи сундука. Никаких сведений о прочем реквизите и одеждах остальных действующих лиц не имеется.

Известно, что для постановки других комедий в том же театре в огромном количестве шились для мужских ролей однорядки, кафтаны и ферези, а для девиц-служанок делались крашенинные сарафаны с оплечьями [25]. Вряд ли постановка комедии об Эсфири составляла исключение в этом отношении. На нашей росписи мы видим подобные же мужские кафтаны и ферези и платья с оплечьями на девицах и слугах.

Обмирщение и сближение с жизнью всех видов искусства происходило в XVII в. одновременно. Приведенные примеры из расходных записей позволяют предположить, что оформление

---

[21] Ни в композиции, ни в составе сцен нашей росписи нет ничего общего с гравюрами Библии Пискатора в изданиях 1614, 1653 и 1674 гг., известных у нас в конце XVII в.

[22] И. Е. Забелин. Домашний быт русских цариц в XVI и XVII ст., т. 2, стр. 487.

[23] И. Е. Забелин. Домашний быт русских царей в XVI и XVII ст., ч. 1, стр. 156.

[24] С. К. Богоявленский. Указ. соч., стр. XIII, 52.

[25] Там же, стр. 71—73. Речь идет о постановке комедий «О Давиде и Голиафе» и «О Бахусе и Венусе».

первых театральных постановок комедии было, несомненно, перенесено в обстановку быта, современного зрителям. Русскому тексту комедии соответствовал и современный XVII в. реквизит, современные сарафаны, киндячные кафтаны и ферези действующих лиц. Нечто подобное мы видим и в росписи на крышке сундука.

* * *

В условиях замкнутого феодального быта XVII в. со строгим благочестиво-назидательным характером обстановки комнат [26] созерцание подобной светской картины, помещенной на внутренней крышке сундука, напоминавшей о суетности такой затеи, как театральное представление комедии, было несомненно новым явлением. Характерно, что в четырех избранных сценах нашей росписи акцент делается прежде всего на нравоучительной стороне сюжета — идее женской добродетели и повиновения мужу. Содержание этих сцен и их мораль более всего соответствовали обстановке и быту женщин. Не случайно, по-видимому, в комнатах Наталии Кирилловны в Коломенском имелось 9 сцен из истории Эсфири. По-видимому, и этот сундук с росписью был принадлежностью обстановки женских комнат.

Судя по размерам описанной нами расписной крышки (53,9 × 130,8), сундук или ларь, для которого она предназначалась, должен был быть неширокими, удлиненной формы, рассчитанным, возможно, для хранения каких-то дорогих нарядов, сделанных из ценных негнущихся тканей, или приданого.

Среди богатого и разнообразного собрания расписных сундуков и укладок XVII в. в Историческом музее нам не удалось найти сундук, подобный нашему, с росписью на крышке, которая могла бы сравниться по роскоши отделки, по сложности темы и по мастерству исполнения с изображением истории Эсфири.

Внутренняя поверхность крышки, без закраин, конечно, специально предназначалась для росписи. С. К. Просвиркина сообщила нам, что на подобных крышках без закраин чаще всего встречаются в XVII—XVIII вв. орнаментальные и сюжетные росписи [27]. Имеются основания предполагать, что наш сундук скорее всего мог быть принадлежностью дворцового обихода или обихода крупной феодальной знати. Роскошная же роспись его могла быть создана только по какому-то специальному заказу.

---

[26] И. Е. Забелин. Домашний быт русских царей в XVI и XVII ст., ч. 1, стр. 210.

[27] Например, сундук, хранящийся в Историческом музее, 1710 года, с изображением птицы Сирина (№ 16829/Д — IV—308), с надписью и датой.

Исполнителями этого редкого сундука с богатой и сложной росписью, вероятнее всего, были не кто иные, как искусные мастера и лучшие живописцы Оружейной палаты. В документах Оружейной палаты постоянно встречаются указания на выполнение живописцами росписи шкафов, ларцов, сундуков и других предметов. Среди исполнителей упоминаются имена художников Ивана Безмина, Ивана Салтанова, Карпа Золотарева, Дорофея Ермолаева и других [28].

* * *

Под четырьмя сценами на крышке сундука помещены тексты, исполненные черной краской старопечатным шрифтом, на сером фоне. Из сравнения этих надписей с текстами Книги Эсфири в Библии 1663 г., изданной на Московском Печатном дворе, и с изданием Острожской Библии 1581 г. стало несомненно, что надписи на крышке сундука почти дословно передают изложение этого события по Библии 1663 г., правда под сценами на крышке оно дается с некоторыми сокращениями, усиливающими выразительность содержания [29].

Что же представляет собой текст надписей под сценами из истории Эсфири? Это, несомненно, пояснительные надписи к сценам, которыми любили в конце XVII в. снабжать живописные изображения на стенах, в станковой живописи, в миниатюрах, в росписи на подголовках, на изделиях усольских эмалей и др.

Особенностью текстов, помещенных на данной крышке, является то, что содержание отсутствующих в изображении сцен (не вошедших в состав четырех изображений росписи) взято в тексте в прямые скобки. Подобных скобок нет в текстах Библий 1581 и 1663 гг. Кроме библейского текста Книги Эсфири, в эти годы уже была известна в Москве на русском языке комедия «Артаксерксово действо». Однако текст в нашей росписи не раз-

---

[28] А. И. Успенский. Царские иконописцы и живописцы XVII в. Словарь, т. II, стр. 24, 86, 91, 259 и др. В 1678 г. Карп Золотарев «пишет аспидом сундук большой липовый в царские хоромы» (стр. 91).

[29] При сопоставлении нашего текста с текстом Острожской Библии 1581 г. и Московской Библии 1663 г. обнаружены мелкие различия в названных текстах, дающие основание утверждать, что неизвестный автор росписи сундука и составитель текста пользовался только Московским изданием Библии 1663 г. В качестве примера укажем: в надписи на сундуке и в Библии 1663 г. «...и восприят ю...», а в Острожской библии «...и восприят ее»; в росписи и в Библии 1663 г. «...иже сотвори Есфирь...», а в Острожской Библии написано: «еже сотвори Есфирь...» И еще — в первых двух «...древо лакот пятьдесят...», а в Острожской «древо лакот Н̃...» Это служит убедительным доказательством того, что в надписях на крышке сундука использован русский текст Книги Эсфири из Библии 1663 года.

делен на роли для действующих лиц и не рифмован, из чего ясно, что он не связан с текстом комедии. Фразы, выделенные скобками, содержат более пространные пояснения действий изображенных лиц. В качестве примера приведем здесь некоторые фразы, взятые в скобки, в первой сцене: (об Артаксерксе)... «[и подщався сниде со престола своего и восприят ю рукама своима]». Содержание этой фразы как бы поясняет нам дальнейшее поведение царя, вставшего с престола и протянувшего руки к царице. Изображения этого действия нет в росписи. Хотя взятая в скобки фраза и разъясняет поведение царя, вряд ли в ней следует искать черты какого-то отдаленного сходства со встречающимися в пьесах руководящими указаниями актерам на сцене. Однако на аналогичное предположение напрашивается и другая фраза, взятая в скобки, во второй сцене: [«видя же Мардохея июдеянина на дворе цареве не кланяющася пред ним и возъярися зело»]. Этот текст рассказывает зрителю о том, что случилось с Аманом до изображения, данного в росписи третьего клейма.

В тексте к третьей сцене скобки отсутствуют.

В четвертой сцене, представляющей «Триумф Мардохея» [30], в скобки взят огромный абзац, как бы поясняющий содержание предшествующего действия, не показанного в росписи на крышке, текст, в котором говорится о беседе Артаксеркса с Аманом по поводу вознаграждения того, кого царь решил прославить.

Итак, характер всех приведенных текстов, как бы восполняющих содержание отсутствующих изображений, и наличие в росписи только избранных сцен лишний раз доказывает, что образцом для росписи на крышке послужил какой-то более полный цикл картин из Книги Эсфири, имевший сопроводительные надписи из Библии [31].

Таким образцом могли быть только двадцать картин, написанных в хоромах Алексея Михайловича в 1674 г. и повторенных, по-видимому, в девяти картинах в хоромах Наталии Кирилловны в Коломенском дворце. Это только лишний раз подтверждает правильность нашего предположения, что автором росписи на крышке сундука мог быть один из живописцев

---

[30] На этом заканчивается V действие и 5 сцен комедии «Артаксерксово действо» по русскому тексту, опубликованному Мазоном (A. Mazon. Op. cit., p. 217). «Триумф Мардохея отсутствовал в его списке комедии. В вологодском списке, опубликованном И. М. Кудрявцевым, сцена триумфа Мардохея имеется (см. Указ. изд., стр. 258). «...Зде выходит Мардохей во славе на коне сидяща и водим Аманом».

[31] В 1684—1685 гг. при украшении стенным письмом хором царицы и царевен под изображенными сценами были «подписаны подписи», выбранные из Библии (А. Е. Викторов. Описание записных книг и бумаг старинных дворцовых приказов 1613—1725 гг., вып. 2, М., 1883, стр. 452).

Оружейной палаты, возможно даже, один из участников работ в новых деревянных хоромах Алексея Михайловича в Кремле в 1674 г.

* * *

Светская русская живопись как самостоятельное направление искусства XVII в. складывается постепенно. Новые явления в искусстве зарождаются и развиваются еще в недрах церковной живописи, в виде встречающихся на иконах бытовых мотивов. В создании первых светских композиций в декоративной и станковой живописи самым трудным вопросом был вопрос о выборе сюжета для картины, в портретной живописи — появление первых светских станковых портретов, написанных еще на иконных досках, иконописной же техникой.

При выборе сюжетов для картин в XVII в., особенно для картин на исторические темы, по-видимому, брали за образец более древние изображения на эти же темы. Проф. А. В. Арциховский доказал, что часто миниатюры XVI в. создавались по образцам более древних изображений [32]. Известно, что первые светские картины XVII в., предназначавшиеся для украшения царских комнат, создавались также по образцам более древних миниатюр. Живописцам Оружейной палаты постоянно давались царские указы о написании картин по образцам древних иллюстрированных рукописей. Сюжеты росписей для комнат царевен и царицы Наталии Кирилловны черпались преимущественно из гравированной Библии Пискатора.

Этому не противоречит и роспись на крышке сундука, по-видимому, созданная по образцу картин, украшавших дворец Алексея Михайловича, а в решении художественных задач сохранившая еще живые отголоски стиля миниатюр Летописного сборника XVI века.

Следовательно, круг сюжетов первых русских светских произведений был первоначально еще очень узким, ограниченным все теми же темами из библейской истории, но перед авторами их ставились уже новые требования создания светских картин. Авторами этих первых живописных произведений (кроме иностранцев), были преимущественно живописцы Оружейной палаты, вышедшие из крестьянской и посадской среды, впитавшие в себя народные устремления к реализму. В этих светских картинах, предназначавшихся для украшения быта или в росписях на предметах быта и утвари, не подлежавших контролю церковных постановлений, настойчивее пробивают себе дорогу прогрессивные жизненные устремления, прокладывавшие пути развитию русской реалистической живописи XVIII—XIX вв.

---

[32] А. В. Арциховский. Указ. соч., стр. 44.

Одним из редких образцов подобного светского произведения XVII в. переходного стиля является композиция истории Эсфири на крышке от сундука, хранящейся в Государственном историческом музее.

Появление в русском изобразительном искусстве XVI—XVII вв. сюжетов на темы библейской истории не было случайным. Этот факт совпал со стремлением обновить языковую традицию библейских книг путем их перевода и приближения к живой народной речи [33]. Содержание Библии, связанное с использованием ее при богослужении церковью, должно было стать более доступным пониманию широких слоев русских людей. Попытки обмирщения языка церковных книг на Руси и постепенного освобождения его от господства церковнославянской языковой традиции вполне определяются уже к концу XV столетия [34]. Первым реальным шагом в этом направлении было издание в 1517—1519 гг. в Праге доктором Франциском Скориной серии библейских книг на русском языке. Хотя в переводе Библии Скорины господствующим продолжал оставаться церковнославянский язык, но все же до известной степени этот перевод уже поддался воздействию живой народной и литературной речи (белорусской) [35]. Это и обеспечило доступность и популярность Библии Скорины среди русских читателей [36].

В условиях церковно-феодального мировоззрения XVI—XVII вв. перевод Библии и других церковных книг на живой русский язык несомненно преследовал цель пропаганды религиозных идей среди широких народных масс, для которых понимание церковнославянского языка было трудным. Этот перевод, однако, имел и прогрессивное значение. Он способствовал изживанию в русской литературе церковнославянской традиции и делал эти книги доступными современному читателю. Одним из таких новых явлений в XVII в. оказался перевод на живой руский язык и издание в 1663 году на Московском Печатном дворе Библии с фронтисписом и заставками.

Если использование библейской тематики в русском изобразительном искусстве до XVII столетия было явлением редким и впервые широкое отражение нашло в миниатюрах рассмотренного выше Летописного сборника, то во второй половине XVII в. библейская тематика в русском изобразительном искусстве занимает уже значительное место. Вспомним циклы двор-

---

[33] А. В. Флоровский. Чешская библия в истории русской культуры и письменности.— «Sborník Filologický», XII, IV, Прага, 1946, стр. 225.

[34] Там же, стр. 155.

[35] Там же, стр. 169.

[36] ««Артаксерксово действо» — первая пьеса русского театра XVII века», стр. 35—36.

цовых росписей при царе Алексее Михайловиче, монументальные росписи ярославских и других церквей второй половины XVII в., а также ведущую роль библейской тематики в комедиях первого русского театра и в других литературных жанрах. Не последнюю роль в популяризации библейской тематики в России сыграли гравированные издания голландской Библии Пискатора (1614, 1652, 1674 и других годов).

Ярким примером широкого использования библейских сюжетов в первых произведениях русской живописи XVII века и является рассмотренная выше роспись на крышке сундука на тему истории Эсфири.

Но эта роспись не одинока среди дошедших до нас произведений XVII в. светского характера. Большой интерес представляет также картина «Суд Соломона» — редкий образец произведения русской станковой живописи второй половины XVII столетия [37]. Эта картина образует следующую ступень в развитии русской светской живописи, и ее особенность заключалась в том, что она стала самостоятельным, «станковым» произведением.

Переходный характер таких первых «картин» сказывается в том, что они, подобно иконам, писались еще на досках, иконописной техникой, но заключались в деревянные рамы и предназначались для украшения быта.

Текст надписи к картине История Эсфири

I

Эсфирь, гл 5

«И бысть по трех днех єгда преста молитися, совлечеся с риз скорбных. И облечеся в ризы светлы и бысть доброзрачна. И взя две девице с собою, да идет предзрящи едина, другая же последующи, да облегчает ризы ея, и, прошедше вся двери, ста пред царем. Царь же седяше на престоле, бяше страшен зело и зелною яростию воззре. И паде царица и изменися лице ея с ослаблением и приклонися на главу девице пред идущей. И измени Бог дух царев в смирение [и подщався сниде со

[37] Картина «Суд Соломона» хранится в ГИМ, № 16256 Щ; 3803, Р.: 73,6×85,8. Происходит из собрания П. И. Щукина, в ГИМ поступила в 1911—1912 гг. В особенностях стиля данной картины мы находим черты, характерные для первых произведений русской светской живописи XVII в., в которых традиционные иконописные приемы уживаются с творчески переработанными мотивами разнообразных западных источников, в частности гравюр с одноименного произведения Рубенса из Библии Пискатора 1614 г. (л. 42), и объединяются с элементами, заимствованными из окружающей действительности. Это произведение заслуживает специального исследования.

престола своего и восприят ю* рукама своима]. И рече царь: «Что хощеши, Есвире, и что прошение твое? Будет ти даже и до полуцарства моего». И рече Есвирь: «День моего празнования, аще убо годе есть, да приидеши царю с Аманом на пир, еже творю днесь».

II

И рече царь: «Уборзите ити по Амана, да сотворим слово Есвирино». И приидоста оба на пир, иже сотвори Есвирь. На пиру же рече царь к Есвире: «Что ти есть, Есвире царице, и что есть мысль прошения твоего, дам ти и до полъцарьства моего, и сотворим тебе, елико хощеши». И рече Есвирь: «Да приидет царь и Аман заутра на пир». И изыде Аман от царя зело радостен и весел [видев же Мардохея июдеянина на дворе цареве некланяющася пред ним и возьярися зело].

III

Эсфирь, гл. 6

Господь же отъя сон от царя в нощи оной и повеле рабу принести книги памятныя дней. И прочитати ему, и обрете в них писано, иже поведа Мардохей царю о дву евнухах царских. Егда срегущим им, иже умыслиша убити царя Артаксеркса. И рече царь: «Кую славу или благодать сотворихом Мардохею?» Внегда царю вопрошающу о благодеянии Мардохееве, и прииде Аман на двор и рече царь: «Кто есть на дворе?» Аман же прииде рещи цареви, да повесит Мардохея на древе.

IV

[И рече царь Аману: «Что сотворю мужю, егоже аз хощю прославити». И помысли Аман в мысли своей, кому хощет царь сотворити честь, разве мене. Рече же царю: «Мужа егоже хощет царь прославити, да принесут отроцы царевы одежду царску, еюже облачитися, и конь, на нем же царь ездит, и дастся ему от преславных друг царевых. И да облечет мужа, егоже царь любит. И да посадят его на конь и проповестся на улицах града глаголя, такое да будет всякому человеку, егоже царь возвеличит»]. И рече царь Аману: «Добре глаголеши, тако сотвори Мардохею иудеянину, угодно служащему во дворе нашем».

---

* *В Острожской Библии* «ея».

З. Е. Калишевич

ХУДОЖЕСТВЕННАЯ МАСТЕРСКАЯ ПОСОЛЬСКОГО ПРИКАЗА В XVII В. И РОЛЬ ЗОЛОТОПИСЦЕВ В ЕЕ СОЗДАНИИ И ДЕЯТЕЛЬНОСТИ

В XVII в. в связи с дальнейшим общественно-экономическим развитием в Русском государстве наблюдается общий культурный подъем, выразившийся, в частности, в оживлении художественной жизни страны, в развитии художественного вкуса и пробуждении эстетических потребностей у отдельных слоев русского общества: боярства, дворянства, духовенства и верхушки посадского населения. Повысился интерес этих слоев населения к художественным произведениям и изделиям самого различного порядка, будь то роскошная книга, искусно написанная картина, гравюра, красивая посуда, мебель, ткань и т. п. Феодалы стали обзаводиться дорогими произведениями искусства и предметами роскоши, верхушка посадского населения довольствовалась более доступными по цене изделиями.

Стремление украсить свой быт изящными дорогими вещами и произведениями искусства ярче всего сказалось у членов царского дома и в придворных кругах, поскольку в их распоряжении находились материальные средства и соответствующие учреждения, призванные удовлетворять их культурные запросы.

Рост потребностей царской семьи и окружавших ее феодалов в художественных изделиях способствовал некоторому оживлению отдельных видов ремесел и искусств, особенно декоративно-прикладного искусства. В связи с этим усилилась деятельность Оружейной палаты, Золотого и Серебряного приказов, Мастерской палаты, Печатного двора, являвшихся в совокупности средоточием русского искусства, художественными центрами страны. Это вызвало необходимость привлечения к созданию художественных ценностей все новых и новых сил.

Как правило, были мастера, вышедшие из народа или приказных людей. Так, в середине XVII в. к производству художе-

ственных изделий были привлечены и служащие Посольского приказа — золотописцы, искусство которых послужило основой для создания при приказе своеобразной художественной мастерской, в силу чего Посольский приказ сделался вторым, после Оружейной палаты, художественным центром страны. Несколько слов о золотописцах и их службе в Посольском приказе.

Вопрос о деятельности золотописцев и вкладе их в русскую культуру недостаточно освещен в исторической и искусствоведческой литературе [1], а между тем он вполне заслуживает серьезного внимания.

Золотописцы как художники-орнаменталисты сыграли определенную роль в развитии декоративно-прикладного искусства. Изучение деятельности этой категории художников расширяет также имеющиеся представления о художественных интересах определенных слоев русского общества XVII в.

Термин золотописцы говорит сам за себя — так называли людей, писавших золотом. Профессия золотописца в этом ее понятии появилась задолго до XVII в. В исторической литературе имеются некоторые сведения о ее происхождении. Так, А. П. Новицкий считал, что эта профессия произошла от «искусства налагать золото на краски тонкими чертами — «твентами», которым занимались сначала иконописцы [2]. В. А. Щавинский предполагал, что греческое влияние времени расцвета византийского искусства принесло с собой любовь к золочению во всех отраслях искусства, в связи с чем и появились такие специальности, как сусальники, золотари, золотописцы [3]. Еще в XVI в. среди мастеров Оружейного приказа имелись и золотописцы [4].

Все эти сведения говорят о том, что специальность золотописца была раньше тесно связана с иконописью и, возможно, представляла собой одно из мелких подразделений труда иконописца (аналогично тому, как последние делились на личников, доличников и т. д.). Эта связь видна и у золотописцев XVII в., которые знали не только технику золотописания, но и

---

[1] Отдельные упоминания о золотописцах имеются в следующей литературе: А. И. Успенский. Царские иконописцы и живописцы XVII в., т. 1—4. М., 1914; Д. А. Ровинский. Словарь русских граверов, т. 1, СПб., 1895; его же. Обозрение иконописи в России до конца XVII в. СПб., 1903; В. К. Трутовский. Боярин и оружничий Б. М. Хитрово и Московская Оружейная палата.— «Старые годы», 1909, № 7—9; А. П. Новицкий. Парсунное письмо в Московской Руси.— «Старые годы», 1909, № 7—9; В. А. Щавинский. Очерки по истории техники живописи и технологии красок древней Руси. М.—Л., 1935. Более подробные сведения о золотописцах см. С. А. Белокуров. О Посольском приказе.— «Чтения ОИДР», М., 1906, а также «История Москвы», т. I, М., 1952.

[2] А. П. Новицкий. Указ. соч., стр. 393.

[3] В. А. Щавинский. Указ. соч., стр. 13.

[4] В. К. Трутовский. Указ. соч., стр. 350.

прекрасно владели мастерством художника, тем более, что некоторые из них в прошлом были иконописцами и живописцами.

В XVII в. золотописцами называли служащих Посольского приказа, украшавших золотом дипломатические грамоты.

В связи с укреплением международного положения Русского государства и расширением дипломатических связей более сложным стал и дипломатический ритуал, что, в частности, выразилось и в соответствующем художественном оформлении дипломатических грамот. Хотя этот обычай существовал и раньше и не являлся особенностью только России, но в XVII в. ему придавалось особое значение. Подьячий Посольского приказа Г. К. Котошихин в своих записках «О России в царствование Алексея Михайловича» писал о значении художественного оформления дипломатических грамот: «...тою ...бумагою и травами золотыми которому потентату больши чести воздают, а иному меньши» [5].

Если ранее работу по росписи грамот выполняли, по всей вероятности, иконописцы, живописцы или книгописцы, то в XVII в. в связи с увеличением подобного рода работ золотописное дело было сосредоточено при Посольском приказе и поручено определенной категории служащих — золотописцам.

Первое упоминание о золотописцах Посольского приказа относится к 1613 г. В 1632 г. в делах приказа записано: «в 7121 году взят в Посольской приказ золотописец Миня Быков» [6]. С этого времени в Посольском приказе появляется штатная должность золотописца, которая сохраняется почти до конца первой четверти XVIII в.

Первоначально штат золотописцев не превышал двух человек, но со второй половины XVII в. он увеличился почти вдвое. Это связано не только с усилением дипломатических связей, но и с тем значением, которое приобрели золотописцы как художники.

В первой половине XVII в. золотописцами числились Мина Быков, Василий и Богдан Перьфирьевы (братья), Дмитрий Исаев, Павел Иванович и Филипп Павлович Шапкины (отец и сын).

В 1645 г. в Посольском приказе появился Григорий Антонович Благушин, будущий знаменитый мастер золотописного дела: «... в нынешнем во 154 году взяты в Посольской приказ молодые подьячие Елисейко Григорьев, Гриша Благушин, Пименко Иванов» [7], причем двое последних были взяты для «листового пись-

---

[5] Г. К. Котошихин. О России в царствование Алексея Михайловича, изд. 4. СПб., 1906, стр. 39.

[6] ЦГАДА, Дела о Посольском приказе 1632—1635 гг., д. 15, лл. 33—34 (так как все архивные материалы взяты из фондов ЦГАДА, то в дальнейшем название архива опускается).

[7] Дела о Посольском приказе 1645—1648 гг., д. 5, лл. 70, 76, 94.

Вашего величества
добрый брат

Рис. 4. Грамота Петра I императору Карлу VI, 1712 г.

Центральный государственный архив древних актов.

ма». Прослужив некоторое время подьячим, Г. А. Благушин стал золотописцем.

В период с 1676 по 1689 г. в приказе работали наиболее известные и искусные золотописцы: Г. А. Благушин (умер в 1687 г.), Матвей Андреев, Федор Лопов, Иван Лопов, Карп Иванович Золотарев, Федор Юрьев (с 1687 г.), Дмитрий Квачевский (периодически). Точную дату службы К. И. Золотарева в приказе трудно определить, так как по окладным книгам он числится с 1683 г., а судя по челобитной от 10 марта 1690 г., в которой он писал, что «работал в Посольском приказе иконное живописное письмо и золотописные и иные разные дела беспрестанно 23 года» [8], он должен был поступить в приказ в 1667 г. К. И. Золотарев работал до 1697 г., умер в 1698 г. В первой четверти XVIII в. основными мастерами золотописного дела были Д. Квачевский, И. Лопов, Иван Петрович Рефусицкий, Василий Парфеньев и Григорий Иванов. Последний раз золотописцы упоминаются в Посольском приказе в 1718 г.

В первой половине XVII в. работа золотописцев Посольского приказа заключалась главным образом в украшении дипломатических и изредка жалованных грамот.

В художественном оформлении дипломатических грамот имелись различия. Так, по словам Г. К. Котошихина, в грамотах к турецкому султану, составляемых на «большой александрийской бумаге», «травы пишутца сверху до половины листа. и по краям большие до низу, и внизу травы ж, и вверху середи трав в трех кругах царская и турского салтана титлы пишутца золотом все; а дело пишетца с половины листа». Так же пышно оформлялись грамоты и к императору Священной Римской империи. К английскому, датскому, шведскому и польскому королям, а также к немецким курфюрстам грамоты оформлялись более скромно [9].

Менее значительные по характеру дипломатические грамоты расписывались не так красочно: «...свидетельствованные, и опасные, и проезжие грамоты по государствам пишут на александрийской бумаге, кайма без фигур» [10]. Степень художественного оформления грамот обычно указывалась золотописцам, но творческая инициатива оставалась в их руках.

Основными элементами украшения грамот являлись так называемые каймы и фигуры, написанные золотом. Кайма — широкая или узкая рамка, ограничивающая текст со всех сторон. Фигуры — заставки растительного орнамента вверху листа и на полях грамоты. В начале текста золотом писались слова «божией поспешествующей милостью». Первая буква слова «божией»

[8] Дела о Посольском приказе, 1690 г., д. 5, л. 1.
[9] Г. К. Котошихин. Указ. соч., стр. 37.
[10] Древлехранилище, Титулярник 1672 г., л. 244.

делалась больших размеров и причудливого рисунка, украшалась цветами и травами, а само слово писалось под титлом. Царский титул («государево имянование») и изречения из духовных книг на грамотах к духовным лицам также писались золотом (правда, не золотописцами, а писцами).

Наиболее распространенным мотивом растительного орнамента при росписи грамот являлось сочетание крупного резного, завивающегося листа с крупным фантастическим цветком, характерное для старопечатного стиля. Верхняя заставка в грамотах обычно представляла собой свободно вьющиеся крупные резные листья, иногда перемещающиеся с цветами, с царской короной над ними в середине заставки. Заставка не ограничивалась рамкой. На полях грамоты чаще всего изображался длинный стебель с находящимися на нем причудливыми цветами («полевые цветки»). Легкая штриховка рисунка делала его схожим с гравюрой. Композиция орнамента грамот принадлежала или самим золотописцам или заимствовалась ими с образцов, специально для этого изготовленных. Часть таких образцов была выполнена Г. А. Благушиным. 8 октября 1673 г. Г. А. Благушин писал в челобитной к царю: «...и будучи я, холоп твой, в Посольском приказе, учинил тебе, великому государю, многие обрасцовые листы, как писать в окрестные государства» [11].

Материалом для грамот служили пергамен или александрийская бумага 3 размеров: 50 × 70 см, 40 × 60 см и еще меньше. Вместо золота и серебра золотописцам давали для работы монеты — золотые червонцы и серебряные ефимки. Монеты разбивали на специальной наковальне в тонкие листы — сусальное золото и серебро, которое потом растирали в порошок и смешивали с клеем [12]. Работали пером или тонкой кисточкой.

Сохранившиеся в ЦГАДА так называемые «несостоявшиеся» дипломатические грамоты, украшенные орнаментом, дают возможность по достоинству оценить тонкую искусную работу золотописцев.

Если в первой половине XVII в. искусство золотописцев еще не успело привлечь к себе внимание, так как в оправлявшейся от разорения стране лишь начинался культурный подъем, то уже со времени появления в Посольском приказе Г. А. Благушина (1645 г.) круг деятельности золотописцев стал меняться.

Здесь надо отдать должное таланту Г. А. Благушина, чье мастерство было неизмеримо выше, чем у прежних золотописцев. Благушину стали поручать выполнение отдельных работ по художественному оформлению книг и жалованных грамот.

---

[11] Дела о Посольском приказе, 1672—1673 гг., д. 18, л. 37.

[12] П. К. Симони. К истории обихода книгописца, переплетчика и иконного писца при книжном и иконном строении.— «Памятники древней письменности и искусства», вып. 161, СПб., 1906, стр. 15, 44.

Так, в его отчете за 1646 г. о расходе золота впервые встречаются указания об этой работе: «дано на книгу царского поставления 100 листов золота, которым писали большие каймы и многие строки». 5 марта 1647 г. была расписана жалованная вотчинная грамота дьяку Назарию Чистому. В мае 1647 г. в греческий синодик «писали заставки и строки»[13]. К вышедшей в 1647 г. книге «Учение и хитрость ратного строя пехотных людей» Благушин писал «фряской обрасцовой лист, а в листу полное государево имянование, по полям травы фряские, вверху листа того орел двоеглавой»[14]. По этому рисунку была выполнена гравюра для титульного листа книги. 13 ноября 1649 г. Благушин вместе с иконописцем Григорием Абрамовым расписывал золотом для царя два экземпляра книги «Служба и житие Саввы чудотворца»[15]. В 1662 г. Благушин украшал орнаментом грамоты к вселенским патриархам, за что получил 100 руб.; в Серебряном приказе он расписывал золотом две книги «Символ», принадлежащие царице Марии Ильиничне[16]. В 1666 г. он украшал жалованную грамоту гетману Ивану Брюховецкому[17], а в 1667 г. «знаменил государеву новую печать»[18].

Эти работы показали Г. А. Благушина большим художником, были высоко оценены и дали мысль о возможности привлечения золотописцев к различным художественным работам, особенно над книгой. Поэтому с 60-х годов XVII в. началось более широкое использование мастерства золотописцев для различных культурных нужд. Так зародилась художественная мастерская при Посольском приказе, существовавшая до конца XVII в. Организованная вначале лишь для золотописного дела, эта мастерская к концу столетия приобрела такую же разносторонность, как и Оружейная палата.

Вполне понятно, что подобная мастерская не могла ограничиться штатом одних только золотописцев, хотя бы и расширенным. Потребовалось приглашение целого ряда мастеров самых различных специальностей, начиная от живописца, книгописца и чертежника и кончая кузнецом, столяром и плотником, так как золотописцы выполняли только определенную часть работы — составление орнамента, все остальное приходилось делать другим. Нужные для работы мастера (столяры, плотники, токари, живописцы и иконописцы) затребовались из Оружейной палаты или из дворцовых приказов. Иногда через Оружейную

---

[13] Дела о Посольском приказе, 1646 г., д. 5, лл. 6—9.

[14] Д. А. Ровинский. Словарь русских граверов, т. I, стр. 182—183.

[15] А. И. Успенский. Указ. соч., т. 2, стр. 1.

[16] Стлб. Оруж. палаты, № 8211, л. 1.

[17] Стлб. Оруж. палаты, № 9966.

[18] ПДСЛ, 1672 г., д. 123, л. 6.

палату к работам, проводившимся в Посольском приказе, вызывали городовых иконописцев, главным образом, костромских и ярославских. Часть специалистов (писцы, переплетчики, сусальники) нанималась со стороны. Наемным мастерам платили по договору, а во время работы они получали поденный корм.

Мастерская находилась под общим наблюдением начальника Посольского приказа. Через него передавались царские указы, он назначал ответственное за работу лицо и следил за ее выполнением. Художественные руководители были из числа золотописцев. Так, в начале деятельности мастерской таким руководителем был Г. А. Благушин, а с 1683—1685 гг. до конца XVII в.— К. И. Золотарев. Они делали «образцы» — чертежи, рисунки будущей работы, иногда составляли сметы, руководили всей работой и вместе с тем сами выполняли какую-либо часть ее наравне со всеми. Они отвечали за качество выполняемого заказа. Для «понукания» и правительственного контроля за расходованием средств на наем мастеров обычно назначались подьячие.

В Посольском приказе на Большом посольском дворе в Китай-городе была выделена специальная палата, где живописцы, золотари (золотильщики), резного и столярного дела мастера делали «государей верховые дела и церковные иконостасы» [19]. Иногда работа велась на Малороссийском дворе.

Работала художественная мастерская исключительно над выполнением царских заказов, хотя некоторые изделия ее и предназначались монастырям или крупным сановникам как царское пожалование.

Деятельность художественной мастерской можно разделить на два периода, которые связаны с именами Г. А. Благушина и К. И. Золотарева.

Эти лица давали направление работе мастерской. Благушин был крупным мастером золотописного дела, поэтому при нем мастерская имела уклон в сторону художественного оформления книг. Были работы и другого рода: окраска и позолота карет, барабанов, роспись знамен, но такие работы являлись исключением [20]. С приходом в приказ живописца Золотарева стали наравне с работой по украшению книг изготовлять мебель, иконостасы, киоты и т. д. Работа по украшению книг велась основной группой золотописцев: Г. А. Благушиным, М. Андреевым, Ф. Лоповым, Д. Квачевским и Ф. Юрьевым.

Одной из крупнейших работ золотописцев художественной мастерской Посольского приказа, позволяющей судить о степени искусства этих мастеров, было составление и оформление в

---

[19] ПДСЛ, 1687 г., д. 167, л. 11.
[20] ПДСЛ, 1674—1676 гг., д. 441, лл. 1—44.

1672 г. Большой государственной книги — «Книги о описании великих князей и великих государей царей российских, откуду корень их государьской произыде, и которые великие князи и великие государи цари с великими ж государи окрестными христианскими и мусульманскими были в ссылках», или так называемого Титулярника [21]. Под 1672 г. в делах приказа записано: «по указу великого государя [полный титул] Алексея Михайловича сделана в Посольском приказе Большая государственная книга, а в той книге писано Российского великого царствия и всех окрестных государств христианских и мусульманских государственные гербы в клеймах и около государских персон клейма ж золотом и серебром и разными краски» [22].

В книге представлены 75 портретов русских князей и царей (от Рюрика до Алексея Михайловича) и иностранных государей, московских и вселенских патриархов, рисунки русских и иностранных государственных гербов и печатей, русских городских и областных гербов, выполненные золотом, серебром и красками на александрийской бумаге большого размера, а также даны некоторые исторические сведения о происхождении Русского государства, о монархах и духовных лицах, изображенных в книге, и указания об оформлении дипломатических грамот. Портреты сделаны акварелью одним из лучших иконописцев того времени Иваном Максимовым, учеником Симона Ушакова, и Дмитрием Львовым. Часть портретов (до Ивана IV) дана еще в иконописной манере, остальные же трактуются более реалистично, ближе к «живству».

Портреты и гербы окаймлены искусным красочным орнаментом из крупных стилизованных цветов и трав или так называемыми «клеймами». Особенно богат по колориту и изящен по рисунку орнамент к портретам царей Ивана Грозного, Михаила Федоровича, Алексея Михайловича, французского и английского королей, принца Оранского, патриарха Филарета, а также к московскому и турецкому гербам и печати Русского государства. «А писали те гербы и клейма золотописцы Григорей Благушин, Федор Лопов и Матвей Андреев февраля с 19 числа мая по 21. Да им же придан был для письма боярина князя Никиты Ивановича Одоевского человек Митька Квачевской» [23]. В дорогом переплете, с золотым обрезом и серебряными вызолоченными наугольниками Большая государственная книга была и остается одним из редких произведений книжного искусства [24].

---

[21] ПДСЛ, 1672 г., д. 123, л. 62.
[22] Там же, л. 1.
[23] Там же, лл. 1—2, 64.
[24] Большая государственная книга 1672 г. (иначе Титулярник) хранится в ЦГАДА, ф. Государственное Древлехранилище хартий и рукописей.

Предназначалась книга для царевича Федора Алексеевича, но была оставлена в Посольском приказе для руководства при составлении дипломатических грамот. Для царя и царевича в 1672—1673 гг. были сделаны еще две таких же книги, но более скромно расписанные с добавлением портретов сыновей Алексея Михайловича и польских королей начиная со Стефана Батория. «И в те две книги государскии персоны писали иконописцы Иван Максимов, Дмитрей Львов, Макар Потапов, Федька Юрьев, а написано всех персон во две книги 150 персон, в 4 месяца; да в те ж книги писали золотописцы Григорей Благушин, Федор Попов, Матвей Андреев около государских персон и гербов писали клейма золотом, и серебром, и красками с чернью и с розными цветы, а написано в обе книги клеем и гербов 254» [25]. Г. Благушин и И. Максимов «за их работу и за мастерство» были пожалованы отрезами камки [26].

К этому времени, особенно после работы над Большой государственной книгой, Г. А. Благушина стали ценить как мастера очень высоко. В челобитной о прибавке жалованья в 1673 г. он писал, что работает в приказе 27 лет «таким своим художеством, которого письма не умели писать прежние золотописцы Миня Быков с товарыщи». Просьба его была удовлетворена [27].

В том же 1672 г. в художественной мастерской Посольского приказа была составлена «Книга об избрании на превысочайший престол царский и венчание царским венцом великого государя царя и великого князя Михаила Федоровича всея Великия России и возведении на патриарший престол... светейшего патриарха Филарета Никитича московского и всея Руси в лицах» [28]. Эта книга [29] посредством красочных миниатюр (21 миниатюра) последовательно рассказывала о всей процедуре венчания царя и патриарха, встрече царя с отцом, причем во многих случаях в миниатюрах изображались массовые народные сцены. Книга написана на 57 листах александрийской бумаги крупного формата. Текст с заглавием книги, написанным золотом, обрамлен красочным орнаментом из трав и цветов, скомпонованным в единое декоративное целое. Первая страница текста украшена тонко выполненной рамкой из цветов, написанных серебром и золотом с чернью. Заглавная строка выписана вязью золотом. Текст каждого раздела книги начинается золо-

---

[25] ДАИ, т. VI, № 43, § 15. Обе эти книги сохранились: одна находится в Государственной публичной библиотеке имени М. Е. Салтыкова-Щедрина (Собрание Эрмитажной библиотеки), другая в Государственном Эрмитаже.

[26] ДАИ, т. VI, № 43, § 15.

[27] Дела о Посольском приказе, 1672—1673 гг., д. 18, л. 37.

[28] ПДСЛ, 1672—1673 гг., д. 123, лл. 106—110.

[29] Книга хранится в Государственной Оружейной палате.

Рис. 5. Начальный лист Титулярника 1672 г.

Центральный государственный архив древних актов.

Рис. 6. Портрет царя Алексея Михайловича в Титулярнике 1672 г.

Рис. 7. Печать Русского государства в Титулярнике 1672 г.

Рис. 8. Герб шведского короля в Титулярнике 1672 г.

тым инициалом, украшенным тонкими завитками трав и цветов. Остальные страницы книги окаймлены тонкими золотыми каемками с маленькими изящными завитками по углам.

Миниатюры выполнены пером и раскрашены. К миниатюрам подклеены на шелковой подкладке надписи, заключенные в красочные картуши и поясняющие содержание миниатюр [30].

Главными художниками, писавшими миниатюры, были Иван Максимов, писавший «личное», Сергей Рожков — «до-личное», Ананий Евдокимов и Федор Юрьев, писавшие травы. Золотом и серебром расписывали Г. А. Благушин с товарищами [31].

С 1672—1674 гг. в Посольском приказе было переведено с греческого и латинского языков и художественно оформлено несколько книг. Так, была составлена книга «Мусы или седмь свободных учений в лицах» в двух экземплярах. Книга написана на александрийской бумаге в полдесть и обтянута червчатым атласом [32].

В июне 1672 г. была создана книга «Хрисмологион» или «Даниила пророка откровение на сон Навуходоносору и о четырех монархиах». Написана книга «на середней александрийской бумаге, книжным письмом, в десть, в лицах, лица на пергамине; переплетена по обрезу в золоте, доски оволочены сафьяном червчатым турским, застежки серебряные» [33]. Портреты в книге писал иконописец И. Максимов.

В августе 1672 г. составлялась книга «О сивиллах», в лицах, где портреты сивилл написаны были маслом на полотне живописцем Богданом (Иваном) Салтановым, а текст каждой главы начинался небольшой заставкой растительного орнамента и «большими начальственными словами», украшенными золотом [34].

В 1674/75 г. были написаны и красочно оформлены еще две книги. Одна из них — «Василиологион» (сочинение о подвигах монархов римских, персидских, ассирийских и других). Книга «писана на александрийской большой бумаге, в десть, книжным письмом, в лицах, лица писаны на полотне из масла, подложены

---

[30] Н. Е. Мнева. Изографы Оружейной палаты и их искусство украшения книги.— В кн.: «Государственная Оружейная палата Московского Кремля», М., 1954, стр. 225.

[31] В. К. Трутовский. Указ. соч., стр. 226; В. А. Щавинский. Указ. соч., стр. 49.

[32] ДАИ, т. VI, № 43, § 25, стр. 199. Один экземпляр хранится в Государственном историческом музее в Москве (Собрание Синодальной библиотеки).

[33] Там же. Книга хранится в Государственной публичной библиотеке имени М. Е. Салтыкова-Щедрина (Собрание Эрмитажной библиотеки).

[34] ДАИ, т. VI, № 43, §§ 9, 25. Хранится в ГБЛ, Отдел рукописей ф. 256, № 237.

тафтою, перед персоны вклеены тафты ж; переплетена по обрезу в золоте, оболочена бархатом червчатым, застежки и наугольники и средники серебряные золочены, резные»[35]. В книге «Василиологион» 26 портретов царей были написаны живописцем Б. Салтановым[36], а клейма и заставицы — золотописцем Г. Благушиным[37]. Позднее были сделаны еще два экземпляра этой книги, но без портретов царей, с красочно оформленным титульным листом[38]. По всей вероятности, орнаментирование этих книг производилось также золотописцами Посольского приказа.

Другая книга, созданная в это же время,— «Родословная великих князей и государей царей российских, которые родословились со окрестными великими государи», составлена Лаврентием Хуреличем, «цесаря Римского гербарем» (герольдмейстером). Книга заключена в роскошный переплет из червчатого бархата с серебряными вызолоченными застежками и наугольниками, а также с изображением орла в «средниках»[39]. В переводе и составлении вышеназванных книг принимали участие переводчик Посольского приказа Николай Спафарий и подьячий Петр Долгово.

И. М. Кудрявцев вполне убедительно доказывает, что в период с 1672 по 1674 г. в Посольском приказе для царя и его семьи была изготовлена рукопись пьесы «Артаксерксово действо». Рукопись переплели в красный сафьян, с золотым тиснением и золотым обрезом[40].

Со второй половины 70-х до середины 80-х годов в Посольском приказе было составлено несколько духовных книг (евангелий), предназначавшихся для царского двора.

В августе 1677 г. в Посольском приказе начали писать евангелие на александрийской бумаге средних размеров «добрым уставным письмом в лицах»[41]. К работе над евангелием было привлечено до 20 иконописцев и живописцев (И. Максимов, С. Рожков, Павел Никитин, Федор Евтифеев, Федор Юрьев и другие), а также были вызваны 7 костромских мастеров во главе с Гурием Никитиным и 6 ярославских (Семен Колмогор,

---

[35] ДАИ, т. VI, № 43, § 25.

[36] Там же, § 23.

[37] ПДСЛ, 1674—1676 гг., д. 434, л. 15.

[38] Один из экземпляров этой книги хранится в ЦГАДА, Древлехранилище, отд. V, рубр. II, д. 44, 1674.

[39] ДАИ, т. VI, № 43, § 25. Книга хранится в ГБЛ, Отдел рукописей (Музейное собрание).

[40] ««Артаксерксово действо» — первая пьеса русского театра XVII в.», подготовка текста, статья и комментарии И. М. Кудрявцева, М.—Л., 1957.

[41] Посольский приказ, новая опись 1678 г., д. 25. О расходовании денежной казны на письмо евангелий, л. 42.

Василий Ананьин и другие). Работа золотописцев заключалась в общем оформлении книги. Г. А. Благушин писал «линейки золотом, серебром и чернью, прописные слова и божьи прописные строки». М. Андреев и Ф. Лопов «писали каймы» вокруг евангелистов и «прообразов», М. Андреев писал заставки. Вся работа над евангелием обошлась в 200 руб. 30 марта 1678 г. евангелие было поднесено царю [42]. Золотописцы, подьячие, живописцы были награждены за работу сукнами и шелками [43].

Евангелие 1677—1678 гг.— одна из наиболее роскошных книг, составленных в Посольском приказе. В нем 1200 миниатюр, выполненных пером и раскрашенных акварелью и золотом. Богатство миниатюр евангелия дополняется роскошью орнаментальных рамок, заставок и концовок. Текст первых страниц всех 4 евангелий обрамлен широкими красочными рамками из растительного орнамента. Тексты отдельных страниц обведены узкими каймами из чередующихся друг с другом золотых (серебряных) палочек и серебряных (золотых) шариков. Орнамент рамок заставок и концовок состоит из цветочных гирлянд, гроздьев ягод, отдельных крупных цветов. К евангелию был сделан дорогой оклад из золота с эмалью и драгоценными камнями [44].

С 23 апреля по 11 августа 1678 г. в приказе составлялось еще одно евангелие на александрийской бумаге среднего размера малым уставом, в котором «заставицы с фигуры, и строки прописные и фряжские слова, и около евангелистов и прообразованных клейма и каймы золотом и серебром с чернью и цветами, и около письма линейки» писали золотописцы Федор Лопов, Матвей Андреев [45]. Г. Благушин написал лишь в двух тетрадях «золотые линейки». В помощь нанят был за 1,5 руб. на двое суток золотописец Д. Квачевский.

Золотописцы выполняли работу и по раскраске печатных евангелий. В мае 1683 г. по указу царей Ивана Алексеевича и Петра Алексеевича велено было в печатном напрестольном евангелии написать вновь золотом евангелистов, «а письмо, и главы, и зачала, и заставицы, и каймы, и клейма прикрыть золотом же и краски... около всех листов сделать линейки золотые и прикрыть чернью» [46]. Эту работу выполняли золотописцы М. Андреев, Ф. Лопов и Ф. Юрьев и 10 иконописцев во главе с Дмитрием Терентьевым.

---

[42] Там же.

[43] Стлб. Оруж. палаты, № 17300, л. 1.

[44] Н. Е. Мнева. Указ. соч. стр. 226—238. Это евангелие в настоящее время хранится в Оружейной палате.

[45] Посольский приказ, новая опись, 1678 г., д. 25, лл. 69—82.

[46] Там же, 1683 г., д. 15. Дело о строении золотописцами Ф. Юрьевым и Ф. Лоповым евангелия для царского двора, л. 15.

Этими же золотописцами в декабре 1683 г., в мае — сентябре 1684 г. было расписано еще два печатных евангелия [47]. Одно из них предназначалось для Воскресенского Ново-Иерусалимского монастыря и было заключено в роскошный переплет, усыпанный драгоценными камнями (алмазами, изумрудами, яхонтами).

В 80—90-е годы в художественной мастерской было создано еще несколько книг исторического, естественно-познавательного и технического содержания.

В 1682 г. золотописцами была оформлена книга «Александрия» [48].

В 1686 г. переводчиками Иваном Тяшкогорским и Леонтием Гроссом была переведена «Книга огнестрельного художества», а в 1689 — «Книга о триугольномерии и землемерии». В обеих книгах золотописцы (Ф. Лопов, М. Андреев, Ф. Юрьев, И. Лопов, Д. Квачевский) «с личных чертежей вновь чертежи писали» [49].

В 1691 г. К. И. Золотарев «с товарищи» украшал золотыми каемками текст и чертежи «Книги о мельничном строении» [50].

В 1692 г. в Посольском приказе были составлены 3 книги животных: 1) скотов и зверей, 2) птиц, 3) рыб и гадов. «А писали те животные с фряской книги и красками цветили государственного Посольского приказу золотописцы Матвей Андреев с товарыщи» [51]. В 1696 г. Д. Квачевскому и И. Лопову велено было написать «в лицах» книгу «Афонская гора» [52].

Наряду с украшением книг золотописцам поручалась работа и по оформлению жалованных грамот. Так, в 1685 г. М. Андреев оформил лист для жалованной грамоты гетману Ивану Самойловичу [53], а в 1688 г. он же расписал пергаменный лист «золотом, серебром, красками со всеми гербами» для жалованной грамоты Войска Запорожского генеральному обозному Василию Бурковскому [54].

Работа по украшению жалованных грамот ценилась высоко, были случаи, когда стоимость расписанного для жалованной грамоты листа доходила до 35 руб.

Помимо украшения книг и жалованных грамот, художественная мастерская занималась переплетом книг, особенно иностранных. Так, в 1677 г. переплеталась в Посольском при-

---

[47] Прик. дела новой разборки, д. 651, лл. 1—32.
[48] ПДСЛ, 1682 г., д. 826, л. 4.
[49] Прик. дела новой разборки, д. 801, лл. 1—4.
[50] ПДСЛ, 1688—1694 гг., д. 128, л. 663.
[51] Там же, 1691 г., д. 261, л. 93.
[52] Там же, 1697 г., д. 837, лл. 1—2.
[53] Прик. дела новой разборки, д. 653, л. 68.
[54] ПДСЛ, 1691 г., д. 36, л. 6.

казе «Библия в лицах»[55], в 1681 г.— книги о «приеме иммеретинского царя Арчила и приезде детей его к Москве» и о «приезде и отпуске с Москвы иммеретинского царя Арчила двух присланных им архимандритов»[56] и многие другие.

На основании сохранившихся работ золотописцев (Титулярника 1672 г., Книги об избрании на престол Михаила Федоровича 1672—1673 гг., евангелия 1677—1678 гг., одного из списков книги «Василиологион» 1674 г. и других) можно отметить их излюбленный прием в украшении книг орнаментом, составленным из ряда клейм. Каждое клеймо представляет собой самостоятельный законченный рисунок, помещенный в плоскости квадратной, прямоугольной или иной формы. Из подобных клейм составлялась рамка вокруг портрета, миниатюры или текста. Иногда на полях давались полевые украшения, представляющие собой рисунки клейм, но без ограничивающей их плоскости. В начале глав текста помещались заставки, в конце — концовки. Текст начинался красочным инициалом и зачастую обводился золотой или серебряной каемкой.

Стиль орнамента — старопечатный, с характерными для него крупными стилизованными цветами, травами и плодами, но по колориту более красочный и жизнерадостный. Наиболее устойчивыми и часто повторяющимися мотивами орнамента являлись: крупный цветок на тонком длинном стебле, идущем как бы от корня с ответвлениями бутонов или более мелких цветов; букет в вазе; грозди ягод, перевитые лентами; крупный лист с загибающимися внутрь с одной стороны резными краями, заполненный мелкими ягодами. Позднее под влиянием барокко в траво-цветочный орнамент вводились изящно выгнутые полукруглые арочки, сквозь которые пробивались цветы и травы. Сама орнаментальная рамка превращалась в подобие портика с колоннами[57] или представляла собой сплошной бордюр из трав и цветов, стебли которых сплетались в характерный для барокко узор, напоминающий тонкую резьбу по дереву[58]. Иногда клейма разделялись друг от друга изящными плетеными решетками.

Употребляя одни и те же мотивы орнамента в ряде клейм, золотописцы никогда не повторяли полностью рисунка одного клейма в другом, за исключением тех случаев, когда это требовалось по художественному замыслу. Самые незначительные изменения в форме лепестков цветка, в изгибе стебля и трав, дополнение цветка ветками с бутонами, или смена красок

---

[55] Прик. дела новой разборки, д. 252, л. 1.
[56] Там же, д. 976, л. 129.
[57] Н. Е. Мнева. Указ. соч., стр. 232, рис. 7.
[58] Там же, стр. 243, рис. 16.

уже значительно преображали рисунок, и он воспринимался по-новому. Так, в Титулярнике 1672 г. цветок тюльпана, повторяясь в других клеймах, поворачивался своей верхушкой к стеблю или дополнялся шариками; получалось неправильное изображение цветка, но новое [59].

Золотописцы хорошо чувствовали краски. Даже при беглом взгляде на их работу невольно поражает тонкий вкус в подборе красок, уменье создать теплый колорит, избежать пестроты, а также необычайная чистота тона. Краски обычно употреблялись акварельные. В сравнении с книгописцами, украшавшими орнаментом рукописные книги, золотописцы употребляли более сложные гаммы красок с наличием даже полутонов.

Любимыми красочными гаммами были: сиренево-розовая в сочетании с нежной светлой зеленью и алым цветом; палево-желто-алая в сочетании с сочной зеленью; желто-светло-синяя с оранжевыми и зелеными цветами. Эти цвета дополнялись золотом и серебром, которые служили им фоном или употреблялись наравне с красками для росписи цветов и трав, а также черною, которой отделывались плетеные решетки, серединки вызолоченных или высеребренных цветов.

Характер орнамента и вся совокупность стилистических особенностей его указывает на то, что золотописцы руководствовались в работе, наряду с иностранными образцами, живой природой и окружавшей их русской действительностью. Так, в орнаменте можно наблюдать случаи довольно реалистического изображения трав и цветов. Среди цветов имеются васильки [60], розетка махрового шиповника [61], гвоздика [62], одуванчики [63], цветы мака в профиль [64], среди трав — хлебные колосья [65], среди плодов — яблоки, груши [66], причем окрашиваются они также в свои природные цвета. Изгибы трав и стеблей даются естественно. Легкая штриховка, свойственная гравюрной манере создавая светотень, придает рисунку объемность.

Мотивы орнамента, безусловно, заимствовались золотописцами и из окружавшей их действительности. В народной жизни орнамент занимал большое место. Наружные и внутренние стены зданий, мебель, посуда, металлические изделия покрывались искусным орнаментом, создавались узорные ткани, вышивки и кружева. Поэтому не случайно, что в узорах каменной резьбы, тканей, медной, серебряной и с эмалью посуды, вышив-

---

[59] Древлехранилище, Титулярник 1672 г., л. 18.
[60] Там же, лл. 40, 69, 118.
[61] Там же, лл. 138, 187; Н. Е. Мнева. Указ. соч., стр. 243, рис. 16.
[62] Древлехранилище, Титулярник 1672 г., л. 181.
[63] Там же, лл. 84, 86.
[64] Там же, л. 188.
[65] Там же, л 138.
[66] Там же, л. 217.

ках можно видеть элементы орнамента, употреблявшиеся золотописцами при украшении книг. Так, в Государственном историческом музее, в зале XVII в., на изделиях сольвычегодских эмальеров, на поливных изразцах для облицовки зданий, на полотенце, шитом руками русских мастериц того времени и принадлежавшем царевне Татьяне Михайловне, на серебряной посуде можно видеть элементы украшений, так знакомые по орнаментам золотописцев: цветы типа гвоздики, тюльпана, лютика и махрового шиповника с бутонами, с длинным стеблем, срезанным почти у корня. В росписи стен церкви Иоанна Предтечи в Толчкове (Ярославль) фигурируют такие же витые решетки, которые употребляли золотописцы для разделения клейм [67]. Деревянные резные иконостасы XVII в. украшались резными завивающимися листьями, которые характерны были и для орнамента книг [68]. Роспись на сундуках XVII в. изобилует цветами типа лютика, а также фантастическими цветами, которые можно встретить и в орнаменте книг [69].

Совершенно очевидно и то, что золотописцы не чуждались и иностранных образцов орнамента. Гравюрная манера отделки орнамента, отдельные элементы (резной завивающийся лист, некоторые виды фантастических цветов), построение орнаментальной рамки в виде портика и т. д. свидетельствуют об этом. Подобными образцами служили иностранные гравюры, иностранные печатные книги, которых достаточно было в Посольском приказе. Весьма возможно, что золотописцы знакомы были и с Библией Пискатора. Эта библия являлась настольной книгой русских иконописцев. Она имелась у живописцев Б. Салтанова, Ивана Безмина, Симона Ушакова. Поскольку золотописцы были связаны по роду службы с Оружейной палатой, то вполне вероятно, что они пользовались этой книгой.

На основании работ золотописцев можно наблюдать дальнейшее развитие старопечатного стиля в смысле придания ему большей красочности, пышности и жизнерадостности, а также постепенный переход к стилю московского барокко.

С середины 80-х годов XVII в. в художественной мастерской Посольского приказа стали выполняться работы такого характера, как «строение» роскошных кроватей для царского дома, устройство иконостасов и киотов в различные церкви, всякие мелкие поделки из дерева, роспись и золочение их. В этой работе незаменимым руководителем был живописец Оружейной

---

[67] Н. Н. Соболев. Русский орнамент. Камень, дерево, керамика, железо, стенопись, набойка. М., 1948, табл. 129.

[68] Н. П. Сырейщиков и Д. К. Тренев. Орнаменты на памятниках древнерусского искусства, вып. 2. М., 1910, табл. 6.

[69] Там же, вып. 1. М., 1904, табл. 6, № 23; вып. 3, табл. 13, № 94.

палаты, принятый в Посольский приказ золотописцем, К. И. Золотарев. Сохранившиеся до настоящего времени образцы его работ говорят о большом и ярком таланте этого человека, о высокой культуре и мастерстве русских ремесленников, работавших под его руководством.

К. И. Золотарев был учеником знаменитого живописца Б. Салтанова. В 1676 г. Салтанов так характеризовал Золотарева: «...тот де ученик его Карп Иванов тому живописному мастерству научен и всякие живописные дела пишет и знаменит собою... а против живописца Дорофея Ермолаева мастерством своим гораздо стоит и выше»[70].

К. И. Золотарев 6 лет работал в Оружейной палате, в 1681 г. был послан в Киев и другие украинские города «для ради описания церковных чертежей». Умел писать на стекле, был хорошим иконописцем. Участвовал в отделке иконостаса Покровской церкви в Измайлове. Золотарев использовал в Посольском приказе эту разносторонность своего художественного образования. Он меньше всего занимался золотописным делом, эта кропотливая работа мало увлекала его, ему свойственен был широкий размах, поэтому мы и видим его за выполнением больших и сложных художественных работ по дереву. Благодаря присутствию в приказе Золотарева, художественная мастерская шире развернула свою деятельность.

Под руководством К. И. Золотарева художественная мастерская выполнила ряд работ по изготовлению художественной мебели для царского двора.

В 1687 г. в феврале велено было сделать для царевны Екатерины Алексеевны «кровать столярного дела с резью, и резь и столярство все вызолотить, и местами позолоты выписать краски, а внутри кровати убить камкою лауданом с серебряным галуном»[71]. Постройка кровати обошлась в 168 руб. Позднее (в сентябре) для Екатерины Алексеевны была изготовлена еще одна кровать, в изголовье которой был вырезан орел[72].

В феврале 1687 г. приказано было сделать в Посольском приказе кровать столярного дела «самым добрым мастерством, чтобы перед прежними кроватями всем была стройнее и обрасцом отличнее. И столярство все покрыть резью, и местами позолоту выписать краски. А каким образом кровать делать, и тому образец учинить, и у кроватного строения быть государственного Посольского приказа золотописцу Карпу Золотареву»[73]. Сделана была кровать в том же году и обошлась

---

[70] Е. М. Тальман. Ремесленное ученичество в Москве в XVII в.— «Исторические записки», № 27, стр. 91.
[71] ПДСЛ, 1687 г., д. 171, лл. 10—18.
[72] Там же, 1687 г., д. 167, лл. 1—10.
[73] Дела о Посольском приказе, 1687 г., д. 1, лл. 1—3.

в 198 руб. 20 алт. и 73 золотых червонца. 8 октября 1687 г. цари пожаловали ею ближнего боярина князя Василия Васильевича Голицына.

Были изготовлены роскошные кровати для царевны Натальи Алексеевны (1688 г.), а ранее для царевичей Федора и Ивана Алексеевичей. В 1689 г. для царевны Феодосии Алексеевны были сделаны кресла. В 1686 г. сам Золотарев расписывал Троицкую проезжую башню в Кремле и золотил на ней фигуру орла [74]. В 1687 г. был сделан резной киот к образу богородицы греческого письма, которым новгородский митрополит Никон благословлял Алексея Михайловича и Марию Ильиничну с детьми.

К. И. Золотарев сам написал в киоте образ Троицы, Иоанна Богослова и Иоанна Предтечи и вызолотил киот. Киот был поставлен в Спасской церкви, находящейся в сенях у царевен Анны Михайловны и Татьяны Михайловны [75].

Крупнейшие работы мастерской связаны с устройством иконостасов в церквах Новодевичьего и Донского монастырей и в церкви Иоасафа царевича индийского, в Измайлове.

В 1685 г. в ноябре в церкви Успения богородицы в трапезной Новодевичьего монастыря велено было сделать иконостас по образцу, «каков назнаменил золотописец Карп Золотарев». Он же был поставлен во главе этого дела. На постройку иконостаса выделялось 370 руб. [76] Иконостас этот описал И. М. Снегирев [77], но до настоящего времени он не сохранился. Примерно, в 1686—1687 гг. началась постройка деревянного резного иконостаса в надвратной Преображенской церкви Новодевичьего монастыря. Вызолотил иконостас золотописец К. И. Золотарев в 1687 г. [78] Иконостас сохранился до наших дней.

12 декабря 1687 г. цари указали золотописцу К. И. Золотареву сделать в церковь Иоасафа царевича индийского иконостас «весь резной, против образца, каков ему, Карпу, дан из государственного Посольского приказа, который он же, Карп, знаменил самым добрым мастерством» [79]. Иконостас нужно было вызолотить. Иконы писали Михаил Милютин, Василий Пузыревский и Федор Юрьев. За работу над иконостасом Золотарев был награжден 20 руб. [80]

---

[74] ПДСЛ, 1686 г., д. 81, л. 1.

[75] ПДСЛ, 1687, г., д. 229, лл. 1—4.

[76] Гор. кн. по Новгороду Великому, № 111, л. 19; ПДСЛ, 1686 г., д. 119, л. 12.

[77] И. М. Снегирев. Новодевичий монастырь в Москве. М., 1857, стр. 61—62

[78] ПДСЛ, 1687 г., д. 163, лл. 1—4; ЦГАДА, Монастырские дела, 1687 г., д. 214, лл. 1—3.

[79] ПДСЛ, 1689, г., д. 216, лл. 1—2.

[80] Гор. кн. по Новгороду Великому, № 122, л. 18.

В 1780 г. во время грозы молния опалила иконостас и попортила его. Церковь была закрыта.

К. И. Золотарев принимал участие в устройстве иконостаса в новом большом соборе Донского монастыря. От 26 ноября 1692 г. сохранилась подробная запись Золотарева: «подрядился я у архимандрита Донского монастыря Антония с братьею сделать иконостас в новосозданную церковь. В местный пояс — царские двери, резные, сквозные и с сенью резной сквозной, и с фромугой... А киотов будет в местном поясе от царских дверей по обе стороны по три, да возле них сделать северные и южные двери с резными фромуги. Возле северных и южных дверей, возле углов, сделать по столбу, в тонбах сделать клеймы или фрукты резные. Кзымь сделать с флемованными дорожники, по гладкому месту сделать цироты резные. Над местным поясом сделать праздничный пояс... А праздничные иконы, северные и южные двери писать мне, Карпу, которые пристойно, каким письмом поволит архимандрит, а местные иконы не писать. И сделать тот иконостас... самым добрым мастерством. И тое резь и дорожники вызолотить самым добрым золотом красным, а гладкие места вычернить. И сделать все то против образца, который будет дан за рукой архимандрита» [81]. Подряд стоил 450 руб. Иконостас состоял из 6 ярусов, но Золотарев сделал только два нижних, остальные доделывали мастера Оружейной палаты. Эта работа еще раз свидетельствует о большом таланте Золотарева как художника.

Несмотря на разнообразие в деятельности художественной мастерской при Посольском приказе, основой ее было искусство орнаментирования, выросшее на золотописном деле и достигшее во второй половине XVII в. высокой степени развития.

Работы художественной мастерской по украшению книг свидетельствуют о творческом росте золотописцев, о превращении их из обычных служащих приказа в искусных и тонких художников, обладавших вкусом и знаниями настоящих живописцев. Высокая техника исполнения и тонкое художественное чутье в этих работах, безусловно, способствовали внедрению и развитию художественного вкуса в той среде, в которую попадали работы золотописцев. Золотописцы внесли также свой вклад в русскую культуру, заключающийся в дальнейшем развитии старопечатного стиля орнамента, которому они сумели придать больше пышности и красочности.

---

[81] А. И. Успенский. Указ. соч., т. 4, стр. 26—27. Фромуга (фрамуга) — резной карниз у двери; тонба — поверхность столба; кзымь — деревянная плоскость иконостаса; флемованные дорожники — продольные линии на плоскости иконостаса, данные в двух плоскостях — или углубленные, или выпуклые; цироты — узоры, сделанные резцом на деревянной поверхности.

Произведения искусства золотописцев не потеряли своей свежести и красоты вплоть до настоящего времени. Дошедшие до нас рукописные орнаментированные золотописцами книги являются бесценными памятниками русского книжного художества.

В начале XVIII в. замирает деятельность художественной мастерской и дальнейшее развитие золотописного искусства. Петровская эпоха, полная войн, социально-экономических и культурных преобразований, привела к изменениям художественных вкусов господствующего класса.

С 90-х годов XVII в. в связи с большими военными расходами были сокращены штаты Посольского приказа. Штат золотописцев был установлен в 3 человека. Принимать новых служащих разрешалось только на «убылое место» [82]. Этот указ не выполнялся, но иметь большее число золотописцев уже не было надобности. Художественных работ по украшению книг (а тем более по созданию художественной мебели) Посольский приказ уже не производил. С 1702 г. золотописцев стали посылать в армию, в походы, для выполнения их работы на месте, а с 1706 г. по указу Петра I велено было отдать изготовление орнаментированных листов для дипломатических грамот на подряд. С упразднением Посольского приказа и организацией Коллегии иностранных дел золотописное дело как часть приказной службы было ликвидировано, а вместе с ним была ликвидирована и основная база существования художественной мастерской.

---

[82] Дела о Посольском приказе, 1688 г., д. 12, л. 3.

СПИСОК СОКРАЩЕНИЙ

ААЭ — Акты, собранные в библиотеках и архивах Российской империи Археографическою Экспедициею Академии наук.

АИ — Акты Исторические, собранные и изданные Археографическою комиссиею.

АМГ — Акты Московского государства, изданные Академиею наук.

Архив ЛОИИ — Архив Ленинградского отделения Института истории Академии наук СССР.

Вотчин. записки кн. Черкасских — ЦГАДА. Вотчинные записки кн. Черкасских.

Временник ОИДР — Временник общества истории и древностей российских при Московском университете.

ГБЛ, Отдел рукописей — Государственная библиотека СССР им. В. И. Ленина, Отдел рукописей.

ГИМ — Государственный исторический музей.

Гор. кн. по (назв. города) — ЦГАДА. Городовые книги по (назв. города)

ГПБ, Отдел рукописей — Государственная публичная библиотека им. М. Е. Салтыкова-Щедрина, Отдел рукописей.

ДАИ — Дополнения к актам историческим, собранные и изданные Археографическою комиссиею.

Дела десятен — ЦГАДА. Фонд Разряда. Дела десятен.

Древлехранилище — ЦГАДА. Древлехранилище.

ЖМНП — Журнал министерства Народного Просвещения.

Кн. Денежн. стола — ЦГАДА. Книги Денежного стола Разрядного приказа.

Кн. Помест. приказа — ЦГАДА. Книги Поместного приказа.

Кн. СП — ЦГАДА. Книги Сибирского приказа.

Кн. (название) ст. — ЦГАДА. Фонд Разряда. Книги (назв. стола).

Отказ. кн. — ЦГАДА. Фонд Поместного приказа. Отказные книги.

ПДСЛ — ЦГАДА. Приказные дела старых лет.

Писц. и переп. кн. — ЦГАДА. Писцовые и переписные книги.

Прик. дела новой разборки — ЦГАДА. Приказные дела новой разборки.

ПСЗ — Полное собрание законов Российской империи.

ПСРЛ — Полное собрание русских летописей.

Разр. вязки — ЦГАДА. Фонд Разряда. Разрядные вязки.

Разр. кн.— ЦГАДА. Фонд Разряда. Разрядные книги.

РИБ — Русская Историческая библиотека.

СГГД — Собрание государственных грамот и договоров, хранящихся в Государственной коллегии иностранных дел.

Стлб. Владим. ст.— ЦГАДА. Фонд Разряда. Столбцы Владимирского стола.

Стлб. Дополнит. отд.— ЦГАДА. Фонд Разряда. Столбцы Дополнительного отдела.

Стлб. Оруж. Палаты — ЦГАДА. Столбцы Оружейной Палаты.

Стлб. Поместн. прик.— ЦГАДА. Столбцы Поместного приказа.

Стлб. Прик. ст.— ЦГАДА. Фонд Разряда. Столбцы Приказного стола.

Стлб. СП — ЦГАДА. Столбцы Сибирского приказа.

ТК — Таможенные книги Московского государства XVII века.

Труды ГИМ — Труды Государственного исторического музея

Ученые записки ЛГУ — Ученые записки Ленинградского государственного университета им. А. А. Жданова.

Ф. Шереметевых.— ЦГИАЛ. Фонд Шереметевых.

Чтения ОИДР — Чтения в Обществе истории и древностей российских при Московском университете.

ЦГАДА — Центральный Государственный архив древних актов.

ЦГИАЛ — Центральный Государственный исторический архив в Ленинграде.

УКАЗАТЕЛЬ ИМЕН [1]

[1] В указателе приняты следующие сокращения: крестьянин — кр-н, посадский человек — пос. ч-к, работный человек — раб. ч-к, служилый человек — сл. ч-к, торговый человек — торг. ч-к.

УКАЗАТЕЛЬ ГЕОГРАФИЧЕСКИХ И ЭТНИЧЕСКИХ НАЗВАНИЙ [1]

[1] В указателе приняты следующие сокращения: волость — вол., город — г., губерния — губ., деревня — дер., монастырь — м-рь, область — обл., озеро — оз., река — р., село — с., сельцо — с-цо, уезд — у.

СОДЕРЖАНИЕ

Русское государство в XVII веке

Новые явления в социально-экономической, политической и культурной жизни

Утверждено к печати Институтом Истории Академии наук СССР

Редактор издательства *А. И. Юхт.* Технический редактор *И. А. Макогонова*

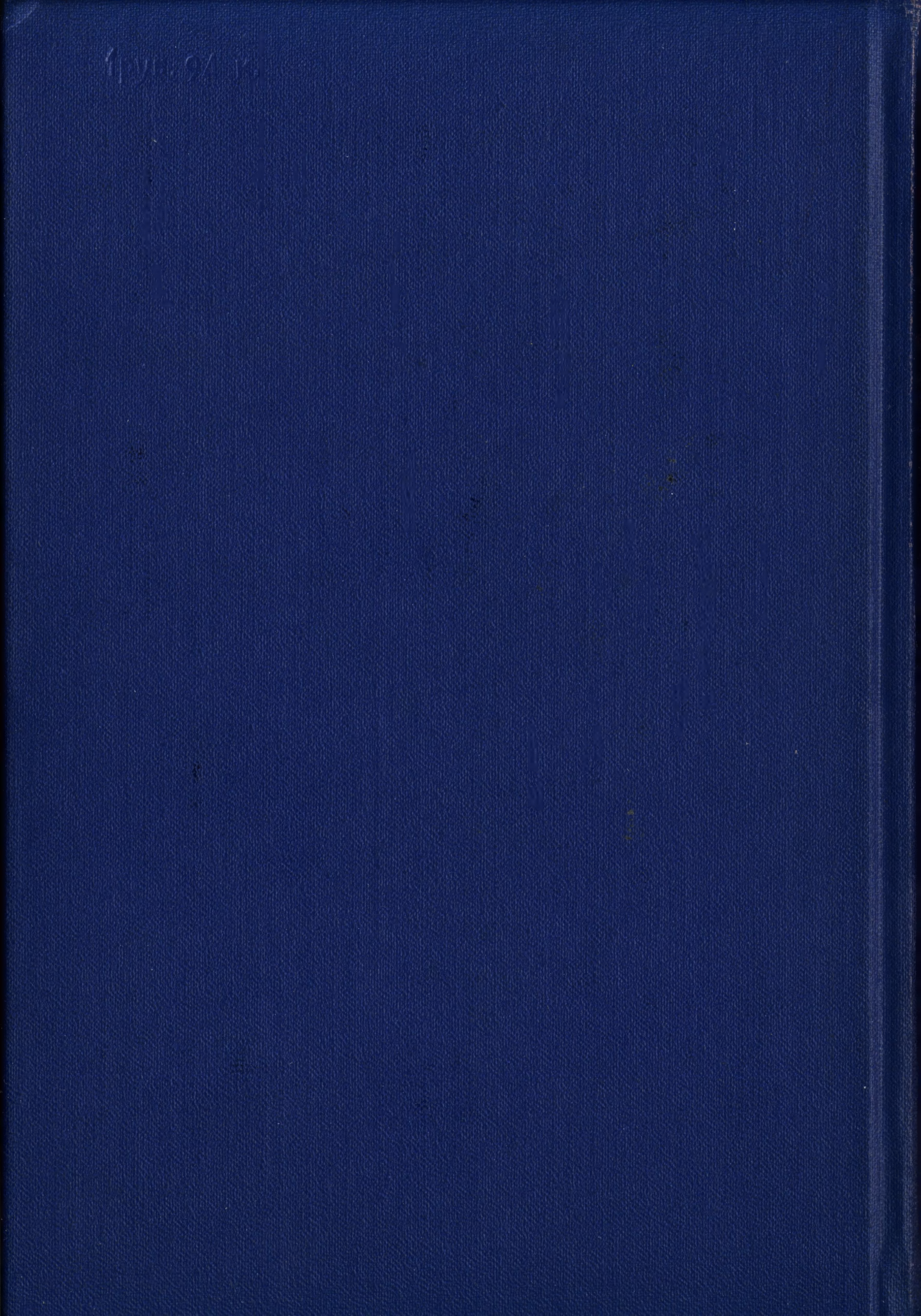
РИСО АН СССР 8-80 В. Сдано в набор 22/IV 1961 г. Подписано к печати 24 VI 1961 г. Формат 60×92¹/₁₆. Печ. л. 27,5+5 вкл. Уч.-издат. л. 28,1(27,6+0,5 вкл.). Тираж 1500 экз. Т-07070 Изд. № 4904. Тип. зак. № 1805 *Цена 1 р. 94 коп.*

Издательство Академии наук СССР. Москва Б-62, Подсосенский пер., д. 21
2-я типография Издательства АН СССР. Москва, Г-99, Шубинский пер., 10

Опечатки

Стр.	Строка	Напечатано	Должно быть
295	2 св.	XVIII в.	XVII в.
440	6 св.	заседания	заселения

Русское государство XVII века.

РУССКОЕ ГОСУДАРСТВО в XVII веке